МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2023 **№ 86**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Антонова Е.К., Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. К оценке имущественного неравенства крестьянства Западной Сибири в начале XX в.: микроанализ данных сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств Томской губернии 1901 г. 5
Валитов А.А., Сорокин А.Н. Развитие профессионального образования в г. Тобольске (1940–1980 гг.) 13
Васильев Д.В., Васильев С.Д. Русские в Красноводске. Туркменская степь между Россией и Ираном 21
Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Исламский фактор в реализации национальной политики в первые годы советской власти (по материалам Западной Сибири) 28
Дуплякин М.Н. Деятельность Томского учительского союза в сфере реформирования народного образования в период Февральской революции 36
Макурин А.И., Нечипорук Д.М. Иркутск начала XX в. в травелоге американского инженера Линдона Уоллеса Бейтса-мл. 42
Мишин И.О. Высшая иерархия Русской православной церкви в 1905–1906 гг.: интересы епископских партий 49
Немцев М.Ю. Пространственные и исторические факторы (не)формирования образа Бийска 58
Солодова Г.С. Центральная Азия как сфера российских интересов 69
Харусь О.А. Профессиональные союзы сибирской интеллигенции: сценарии и практики участия в политических процессах 1905 года 76
Цубикова Л.С. Организация совхозов в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири 84
Шевцов В.В., Чупин М.Ю. «Сибирские вопросы» и «Вопросы колонизации»: два взгляда на проблемы переселенческого дела в Российской империи начала XX в. 92

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андронова Л.А., Ван Чаолинь, Савкович Е.В. Позиция Республики Корея по созданию Индо-Тихоокеанского региона в 2008–2022 гг. 101
Срек К.Н. Образовательные практики по преодолению нацизма в современной Германии (2005–2021 гг.) 111

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ковзик Г.О. Архивные материалы редакции журнала «Коммунист» периода перестройки: источниковедческие дискурсы и социальные аспекты изучения партийной идеологии 118
Кудряшев В.Н. Могли ли евреи стать русскими: «еврейский вопрос» в контексте идеи русского национального государства в трудах И.С. Аксакова 129
Кульбашный В.В. Понятие «идея нации» и значение сравнительно-исторического метода в его определении (на примере Франции и России в 1870–1914 гг.) 135
Трубникова Н.В., Мананникова А.Г. Исторические темпоральности в диалоге Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека 141
Шаров К.С. Схема развития Ур-религии и ее искажений в историографии Исаака Ньютона 150
Шевелев Д.Н., Мельник А.Г. Становление российского федерализма в 1990-е годы как историографическая проблема 161
Шерстова Л.И. «Земля и люди» в контексте евразийской концепции (на примере сибирских материалов XVII – начала XX в.) 170

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Antonova E.K., Borodkin L.I., Vladimirov V.N. Towards an assessment of the property inequality of the peasantry of Western Siberia at the beginning of the 20th century: microanalysis of data from the agricultural census of peasant farms in the Tomsk province in 1901 5
Valitov A.A., Sorokin A.N. Development of vocational education in Tobolsk (1940–1980) 13
Vasiliev D.V., Vasiliev S.D. Russians in Krasnovodsk. The Turkmen Steppe between Russia and Iran 21
Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. The Islamic factor in the implementation of national policy in the first years of soviet power (based on Western Siberia) 28
Duplyakin M.N. Activities of the Tomsk Teachers' Union in the field of reforming public education in the period of the February revolution 36
Makurin A.I., Nechiporuk D.M. Irkutsk in the early 20th century in the travelogue of the American engineer Lindon Wallace Bates jr. 42
Mishin I.O. The higher hierarchy of the Russian Orthodox church in 1905–1906: the interests of the episcopal parties 49
Nemtsev M.Yu. Geographical and Historical Factors for (non)development of the image of Biysk 58
Solodova G.S. Central Asia as a field of Russian interests 60
Kharus O.A. Professional unions of the Siberian intelligentsia: scenarios and practices of participation in the processes of 1905 76
Tsubikova L.S. Organization of state farms at the end of 1920s – the first half of the 1930s in Eastern Siberia 84
Shevtsov V.V., Chupin M.U. “Siberian Questions” and “Questions of Colonization”: two views on issues of resettlement enterprise in Russian Empire in the begging of the XX century 92

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Andronova L.A., Wang Chaolin, Savkovich E.V. The position of the Republic of Korea on the creation of the Indo-Pacific region in 2008–2022 101
Srek K.N. Educational practices about overcoming Nazism in modern Germany (2005–2021) 111

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Kovzik G.O. Archival materials of the journal “Communist” period of «perestroika»: the source research discourses and social aspects of studying the party ideology 118
Kudriashev V.N. Could Jews become Russians: “the Jewish question” in the context of the idea of the Russian national state in the works of I.S. Aksakov 129
Kulbashnyy V.V. The concept of the “idea of a nation” and the meaning of the comparative and historical method in its definition (on the example of France and Russia in 1870–1914) 135
Trubnikova N.V., Manannikova A.G. Historical temporalities in the dialog between Carl Schmitt and Reinhart Kozelleck 141
Sharov K.S. The outline of Ur-religion development and its corruptions in Isaac Newton’s historiography 150
Shevelev D.N., Melnik A.G. Formation of the Russian federalism in the 1990s as a historiographical question 161
Sherstova L.I. “The Land and the People” in the context of Eurasianism concept (with an example on the materials of XVII – beginning of XX centuries) 170

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Садыкова Л.Р. Греческая диаспора: этапы формирования в России и история появления в Республике Башкортостан 177
Тадышева Н.О. Традиционная картина мира тюрков Саяно-Алтая: ритуальные символы и коды обрядовой трапезы 186

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Девяшин М.М., Пластеева Н.А., Белявская О.С., Романов А.А. Млекопитающие в быту населения средневекового городища Уфа-II 196

РЕЦЕНЗИИ

Милевский О.А. Армия и военные в судьбах русской революции. Рец. на кн.: Гребенкин И.Н., Романика А.С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М.: АИРО–XXI, 2021. 288 с. 205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Федосов Е.А. Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов» 209

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Sadykova L.R. The Greek Diaspora: the stages of formation in Russia and the history of it is appearance in the Republic of Bashkortostan 177
Tadysheva N.O. The traditional world picture of the Turks of the Sayan-Altai: ritual symbols and codes of ceremonial meal 186

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Devyashin M.M., Plasteeva N.A., Belyavskaya O.S., Romanov A.A. The role of mammals in the everyday life of the medieval population of the settlement Ufa-II 196

BOOK REVIEW

Milevskiy O.A. The Army and militaries in fate of Russian revolution. Review on the book: Grebenkin I.N., Romanika A.S. Revolutionary Russia and the military question: from Sevastopol to Tsushima. M.: AIRO–XXI, 2021. 288 p. 205

ACADEMIC LIFE

Fedosov E.A. Scientific conference «The Slavic World: Responding to New Challenges» 209

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 94(47)(571.1):930.8
doi: 10.17223/19988613/86/1

К оценке имущественного неравенства крестьянства Западной Сибири в начале XX в.: микроанализ данных сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств Томской губернии 1901 г.

Евгения Константиновна Антонова[1], Леонид Иосифович Бородкин[2], Владимир Николаевич Владимиров[3]

[1] Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия, antonovatomsk@gmail.com
[2] Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, lborodkin@mail.ru
[3] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, vnapple@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема оценки имущественного неравенства крестьянства Западной Сибири в начале XX в. Использованы материалы сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств Томской губернии 1901 г. (Ояшинская волость). При анализе неравенства акцент делается на применении стандартизованных показателей экономического неравенства: децильного коэффициента и индекса Джини. Для сравнения привлечены агрегированные материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Парабельской волости Томской губернии. Проведенный анализ выявил сравнительно невысокий уровень экономического неравенства крестьянства Томской губернии в начале XX в.
Ключевые слова: крестьянство, Сибирь, имущественное неравенство, децильный коэффициент, индекс Джини

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 21-18-00509: «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)».

Для цитирования: Антонова Е.К., Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. К оценке имущественного неравенства крестьянства Западной Сибири в начале XX в.: микроанализ данных сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств Томской губернии 1901 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 5–12. doi: 10.17223/19988613/86/1

Original article

Towards an assessment of the property inequality of the peasantry of Western Siberia at the beginning of the 20th century: microanalysis of data from the agricultural census of peasant farms in the Tomsk province in 1901

Evgenia K. Antonova[1], Leonid I. Borodkin[2], Vladimir N. Vladimirov[3]

[1] Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation, antonovatomsk@gmail.com
[2] M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia Russian Federation, lborodkin@mail.ru
[3] Altai State University, Barnaul, Russia Russian Federation, vnapple@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to assess the property inequality of peasants in Western Siberia at the turn of the 19th and 20th centuries. The regional dimension is extremely important for such a large country as the Russian Empire, given its pronounced regional specificity and the composition of the population, in which the peasantry accounted for up to 80%.

The main source of the study is the materials of the Tomsk provincial agricultural census of 1901 of the peasant economy of the Tomsk province. To conduct a microanalysis of data on property inequality among peasant households, the Oyashinsky volost was selected, in which we identified two settlements for each with agricultural and non-agricultural specializations. For quantitative assessments of economic inequality, we selected the following indicators from the source data: family size; the number of horses; the number of cows; the number of productive livestock; total crop size. For each of these indicators, the arithmetic mean, the coefficient of variation, the decimal coefficient and the Gini index

© Е.К. Антонова, Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, 2023

were calculated for each of the four localities. We also measured inequality per peasant family member rather than per household. The results in both cases turned out to be very close. The results obtained were compared with each other, as well as with the results of processing data from the nearby Parabelsky volost of the Tomsk district according to the same methodology according to the agricultural census of 1916.
The comparisons show that the four settlements selected for detailed measurements of inequality across a number of property indicators can be considered as sufficiently representative of the study area. Microanalysis of data from agricultural censuses of the Tomsk province at the beginning of the twentieth century, characterizing the stratification of peasant households at the level of individual rural settlements or volosts, revealed a relatively low level of economic inequality among the peasantry of the Tomsk province. Further studies of property inequality of the Siberian peasantry at the beginning of the twentieth century. Further studies of the property inequality of the Siberian peasantry at the beginning of the twentieth century can provide a more substantiated and differentiated assessment of the processes of its stratification and social mobility.
Keywords: peasantry, Siberia, property inequality, decile coefficient, Gini index

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00509: “The evolution of income and property inequality among the population of Russia: from the Great Reforms to the ‘Great Breaking Point’ in the regional dimension (statistical and geoinformation analysis)”.

For citation: Antonova, E.K., Borodkin, L.I., Vladimirov, V.N. (2023) Towards an assessment of the property inequality of the peasantry of Western Siberia at the beginning of the 20th century: microanalysis of data from the agricultural census of peasant farms in the Tomsk province in 1901. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 5–12. doi: 10.17223/19988613/86/1

Введение

Проблема расслоения крестьянства дореволюционной России привлекала внимание многих исследователей и публицистов с конца XIX в. Актуальность этой темы объясняет интерес к ней и сегодня, когда она вписана в широкий контекст исследований экономического неравенства, дифференциации доходов населения страны. Однако дореволюционный период представляется более сложным для оценок степени экономического неравенства, прежде всего в силу отсутствия подоходного налога в налоговой системе Российской империи. В этих условиях можно не удивляться большому разбросу таких оценок в современной историографии [1].

Если говорить об оценках неравенства доходов населения России в целом, то в работах современных российских и зарубежных исследователей мы находим выводы как о сравнительно невысоком [2, 3], так и о весьма значительном уровне неравенства [4–6]. В такой большой стране, как Российская империя, с ее выраженной региональной спецификой, разнообразием социально-экономических и природных условий интегральная оценка экономического неравенства населения страны должна дополняться оценками, полученными на уровне регионов, губерний, уездов и даже на микроуровне (на основе данных по конкретным населенным пунктам).

Учитывая, что на рубеже XIX–XX вв. крестьянство составляло около 80% населения России, оценки неравенства в этой среде представляют особый интерес. Подчеркивая важность изучения процессов расслоения крестьянства, Т. Шанин отмечал значение представлений «о социально-экономической дифференциации крестьянства, т.е. о масштабах имущественного расслоения российских крестьян и вытекающей отсюда его экономической стратификации» [7. С. 92]. Весьма приблизительно такие представления формировались дореволюционными экономистами и публицистами, а также советскими историками-аграрниками на основе типологических группировок и расчетов имущественных показателей и доходов крестьянских хозяйств, приходившихся на те или иные группы (например, группы бедных, середняцких и зажиточных дворов), при этом критерии выделения этих групп могли существенно различаться.

В последние десятилетия акцент делается на использовании стандартизованных показателей экономического неравенства: децильного коэффициента и индекса Джини, вычисление которых требует представления данных о доходах или имуществе в виде десяти групп, упорядоченных по возрастанию дохода, при этом каждая группа включает 10% элементов изучаемой совокупности. Децильный коэффициент показывает, во сколько раз доход (или оценка имущества) верхней группы превышает аналогичный показатель нижней группы. Именно этот коэффициент использовался авторами упомянутых выше работ для оценки неравенства доходов населения Российской империи; его значения варьировали от 6 до 21, что связано с различиями в обосновании авторами состава верхней и нижней групп. Что касается индекса Джини, то его значение вычисляется с учетом распределения совокупного дохода по всем 10 группам, минимальное значение (ноль) достигается при равномерном распределении дохода по всем 10 группам, а максимальное (единица) соответствует ситуации, когда весь доход концентрируется в верхней группе [8].

В исследованиях имущественного неравенства крестьянства пореформенной России индекс Джини был впервые использован известным американским историком-русистом Д. Филдом в 1980-х гг. Он обработал материалы подворных переписей, проведенных Полтавским губернским земством в 1880-х гг., 1900 и 1910 гг. на волостном, уездном и губернском уровнях. Анализировались данные о пашне, посевной площади и тягловом скоте по 15 уездам и 40 волостям [9].

Один из результатов исследования Д. Филда касается важного методического вопроса – о сопоставимости оценок имущественного неравенства крестьянства,

полученных при использовании данных разного уровня, от волости до губернии. В нашем исследовании мы идем дальше, привлекая данные по ряду деревень Томской губернии и сравнивая оценки неравенства, полученные в ходе этого микроанализа, с оценками волостного уровня. Характерно, что Д. Филд, как и большинство исследователей неравенства, расслоения крестьянства, опирается на данные об обеспеченности крестьянских дворов землей и тягловой силой. Это относится и к Т. Шанину, уделявшему много внимания расслоению крестьянства поздней Российской империи и ранней Советской России. В своей книге «Неудобный класс» он отмечал, что при проведении переписей 1917, 1919 и 1920 гг. «главными индикаторами материального положения крестьянских дворов были площади посевных земель и количество лошадей на одну семью» [7. С. 99]. Именно эти индикаторы мы используем в данной работе.

Обратимся к отечественной историографии проблемы экономического неравенства крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX в., являвшейся одной из ключевых в исследованиях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири. Проявлением этого, по мнению исследователей, выступало прежде всего расслоение крестьянства, которое проявлялось в дифференциации, поляризации и деформации крестьянского социума. Основной методикой изучения этого явления было выявление разноуровневых экономических групп внутри крестьянской общности и соотношения этих групп по численности, а также сравнение полученных показателей с аналогичными показателями крестьянства Европейской России [10].

Отдельного внимания заслуживают исследования Л.М. Горюшкина и П.Ф. Никулина. Первый из них, помимо создания комплексных группировок крестьянских дворов с учетом большого количества признаков и рассмотрения цельной картины расслоения крестьянства по естественно-историческим зонам Сибири, впервые применил ЭВМ для изучения массовых статистических источников по аграрной истории Сибири, возглавляя группу исследователей, обработавших анкеты сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии [11]. В результаты были созданы группировки крестьянских хозяйств по различным производственным признакам крестьянских дворов для 11 волостей, которые сравнимы между собой, что создает возможности для вычисления используемых сегодня показателей неравенства – децильного коэффициента и индекса Джини.

П.Ф. Никулин, опираясь на исследования по аграрной истории Европейской России в рамках направления «Количественные методы в исторических исследованиях», во главе с И.Д. Ковальченко, сосредоточился на изучении внутреннего строя крестьянского хозяйства, отмечая дифференциацию на основе показателей товарности хозяйства. Безусловной заслугой и серьезным вкладом П.Ф. Никулина в аграрную историю Сибири является введение в научный оборот материалов региональной сельскохозяйственной переписи 1901 г., что позволяет работать с исходными первичными подворными данными [12].

Источники

Материалы сельскохозяйственных переписей являются ценными источниками по истории развития сельского хозяйства Сибири начала XX в. как в экономическом, так и в социальном измерении. Прежде всего речь идет о материалах Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Будучи массовыми историческими источниками, материалы указанных переписей с конца 1960-х гг. стали изучаться с применением методов обработки на ЭВМ [11, 13].

Менее известна в историографии Томская губернская сельскохозяйственная перепись 1901 г. Она не имела столь крупных масштабов, как две упомянутые выше переписи, однако представляет несомненный интерес для региональных исследований. Материалы переписи стали основой для изучения состояния и внутреннего строя крестьянского хозяйства в Сибири начала XX в. и наиболее полно представлены в работах П.Ф. Никулина и Е.К. Антоновой [14–16].

Проведение переписи 1901 г. было вызвано серьезными природными и экономическими причинами. Большая часть Сибири в период 1900–1901 гг. подверглась сильной засухе и неурожаю. В Западной Сибири, особенно в Томской губернии, неурожай и голод повторялись третий год подряд, что немало беспокоило государственные органы различного уровня [17. С. 4]. Исходя из этого, было решено провести перепись, опираясь на опыт русской земской статистики, изучавшей на локальном уровне численность крестьянских дворов, их имущественное состояние, доходность и др. [18. С. 107–108]. Решение о проведении переписи было принято Управляющим Министерством внутренних дел сенатором П.Н. Дурново [19. Л. 15]. Общее руководство и контроль над ней в Томской губернии были в ведении губернского правления, во главе которого стоял вице-губернатор Д.Н. Дельвиг [20. С. 92]. Непосредственно на местах перепись проводилась Земским отделом Томского губернского статистического комитета в первой половине августа 1901 г. [19. Л. 10–14]. Основной ее целью указывалось определение масштаба влияния засухи 1901 г. на сельское хозяйство Томской губернии. Перепись затронула 2 123 селения в семи уездах Томской губернии: Бийском, Томском, Барнаульском, Мариинском, Кузнецком, Каинском и Змеиногорском. Задачи переписи сводились к сбору статистической информации о хлебах и травах в хозяйствах старожилов, инородцев, переселенцев, определению общего социально-экономического состояния крестьянских хозяйств, а также принятию дальнейших мер по предупреждению последствий ожидаемых бедствий в Томской губернии [21]. Основной единицей учета стал крестьянский двор [22]. Именной список глав крестьянских домохозяйств с указанием имени и фамилии стал информационной основой ведомости. Порядок перечисления домохозяев не зависел от имущественного состояния крестьянских хозяйств.

Данные сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств Томской губернии 1901 г. хранятся в Государственном архиве Томской области, в фонде № 3, оп. 44 «Томское губернское правление». Данные

переходной зоны Томского уезда Томской губернии представлены в делах 1115–1354.

Результаты сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств Томской губернии 1901 г. не публиковались. В настоящее время сводные данные сельскохозяйственной переписи крестьянских хозяйств Томской губернии 1901 г. опубликованы только в Обзоре Томской губернии за 1901 г. в качестве приложения к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Обзор дал точные сведения о естественных и производительных силах Томской губернии, экономической деятельности ее населения, податях и повинностях, общественном благоустройстве, народном здравоохранении и просвещении [23. С. 15–31]. Подворная программа переписи была оформлена в виде табличного формуляра с перечислением разделов и показателей: имя и фамилия домохозяина; число душ; количество годных работников; имущество; размеры посева; запасы хлеба; количество сена; недоимки по казенным податям, губернскому земскому сбору и мирским повинностям [14].

Объект исследования

Томская губерния включала в себя пять природных зон: степную, лесостепную, таежную, горно-таежную и переходную, куда входили семь административных уездов и 22 естественно-исторических района. Главный признак зонального деления – различия в растительности, рельефе местности, влажности, почве и температуре.

Для оценки степени неравенства (или, в традиционной терминологии, расслоения) крестьянства следует учесть специализацию (земледельческую и неземледельческую) крестьянских хозяйств, охваченных Переписью 1901 г. С этой целью мы обратились к данным Переписи по Ояшинской волости переходной зоны, выбранной в качестве наиболее типической с точки зрения географического положения [24. С. 1, 160, 195, 184–185, 191]. Этот выбор определялся прежде всего тем, что Ояшинская волость охватывала села от Оби до Томи, тяготела к Томску и Мариинским золотым приискам, по ней прошла Томская ветка Западно-Сибирской железной дороги Транссибирской магистрали. Географически Ояшинская волость Томского уезда находилась в центре Томской губернии (рис. 1).

Для проведения микроанализа данных об имущественном неравенстве крестьянских хозяйств Ояшинской волости по данным Томской губернской переписи 1901 г**.** мы выделили по два поселения для земледельческой и неземледельческой специализаций, исходя из исследований, проводившихся известным томским историком П.Ф. Никулиным в рамках его докторской диссертации, защищенной в 2009 г. [25].

Рис. 1. Ояшинская волость на карте Томской губернии.
Источник: Карта Томской губернии // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. СПб., 1901. Т. 33а, кн. 66. С. 486–487

В качестве типичных земледельческих поселений Ояшинской волости были выбраны деревни Балтинская (98 дворов) и Ново-Порос (85 дворов), находящиеся на расстоянии 22 км друг от друга, а в качестве неземледельческих – деревня Ташара (85 дворов) и село Дубровина (121 двор), расположенные в 10 км друг от друга. Характеризуя торгово-экономическую деятельность крестьянских хозяйств выбранных поселений Ояшинской волости, отметим достаточную удаленность от основных возможных рынков сбыта их продукции. Так, указанные населенные пункты находились на расстоянии 66–100 км от Новониколаевска и 144–193 км от Томска [26–29]. В настоящее время рассматриваемая нами территория находится в составе Новосибирской области.

Методика исследования

Для формулировки хозяйственных и экономических характеристик населенных пунктов Ояшинской волости, а также для количественных оценок экономического неравенства, нами были выбраны из исходных данных следующие показатели:

1. Размер семьи.
2. Количество лошадей.
3. Количество коров.
4. Количество продуктивного скота.
5. Общий размер посева.

По каждому из этих показателей для каждого населенного пункта рассчитывались среднее арифметическое и коэффициент вариации. Далее совокупность хозяйств каждой деревни была поделена на 10%-ные интервалы для расчета децильных коэффициентов как по общему количеству, так и в пересчете на одного члена семьи. Поскольку децильные коэффициенты удалось подсчитать не во всех случаях (это касается главным образом размеров посева, где не имеющая посевов доля домохозяйств превышает 10%), по всем показателям рассчитывался индекс Джини. Именно этот индекс, дающий более полное измерение неравенства, положен в основу наших количественных оценок. Такие же расчеты были проведены для всей совокупности хозяйств по всем четырем населенным пунктам, а также отдельно для населенных пунктов, ориентированных на занятия земледелием и неземледельческими промыслами. Полученные результаты сравнивались между собой, а также с результатами обработки по той же методике данных близлежащей Парабельской волости Томского уезда по сельскохозяйственной переписи 1916 г., которые были взяты из работы новосибирских исследователей под руководством Л.М. Горюшкина [11].

Измерение степени имущественного неравенства крестьянских дворов: результаты микроанализа

Перейдем к результатам анализа имеющихся у нас данных по четырем поселениям Ояшинской волости Томского уезда. Начнем с дескриптивной статистики анализируемых совокупностей дворов.

Как следует из табл. 1, средние значения показателей хозяйств земледельческого и неземледельческого типов заметно различаются. Все рассматриваемые нами подворные показатели земледельческих деревень заметно превышают соответствующие показатели деревень неземледельческого типа: по размерам посева – в 3,7 раза, по обеспеченности лошадьми – в 1,6 раза, по числу коров – в 1,4 раза, по продуктивному скоту – почти в 1,4 раза. Различия средних значений двух этих групп деревень являются статистически значимыми по критерию Стьюдента для всех показателей. Сопоставление данных показателей выявляет, кроме того, сбалансированную структуру хозяйствования в группе деревень земледельческой ориентации. Действительно, в деревнях этой специализации обеспеченность указанными ресурсами (площадь посевов, тягловый и продуктивный скот) была выше, чем среднем по Сибири [7. С. 103].

Таблица 1

Сводные показатели по двум парам деревень по материалам сельскохозяйственной переписи 1901 г., Томская губерния, Ояшинская волость

Показатели	Специализация хозяйства	
	Неземледельческие: деревня Ташара и село Дубровина (206 дворов)	Земледельческие: деревни Балтинская и Ново-Порос (183 двора)
Посев		
Среднее значение, дес.	1,54	5,77
Коэффициент вариации, %	156,0	79,8
Децильный коэффициент	–	24
Индекс Джини	**0,70**	**0,43**
Лошади		
Среднее значение, голов	3,7	5,9
Коэффициент вариации, %	78,7	85,8
Децильный коэффициент	7,0	12,0
Индекс Джини	**0,41**	**0,43**
Коровы		
Среднее значение, голов	3,7	5,2
Коэффициент вариации, %	111,5	72,4
Децильный коэффициент	7,4	12,7
Индекс Джини	**0,50**	**0,48**
Продуктивный скот		
Среднее значение, голов	4,3	5,9
Коэффициент вариации, %	108,1	95,1
Децильный коэффициент	–	13,7
Индекс Джини	**0,48**	**0,47**

Примечание. Таблица составлена авторами на основе данных [26–29].

Отметим высокую степень неоднородности крестьянских дворов обеих групп по всем учтенным показателям. Значения коэффициентов вариации V в табл. 1 находятся в интервале от 72,4 до 156%, что характерно для совокупностей с большим разбросом значений. При этом неоднородность в целом заметно выше в группе деревень земледельческого профиля.

Теперь обратимся к коэффициентам неравенства: децильному коэффициенту (D) и индексу Джини (G). Они также принимают достаточно высокие значения: по количеству голов лошадей и коров значения D равны 7,0 и 12,0, а по количеству голов коров 7,4 и 12,7 для группы неземледельческих и земледельческих деревень соответственно. Вычисление значений D для измерения неравенства по размерам посева и количеству голов продуктивного скота в данном случае не проводилось ввиду нулевых значений для нижней 10%-ной группы. Значения индекса G для двух групп деревень различаются меньше, в диапазоне 0,41–0,50 (за исключением значения G = 0,70 для показателя размеров посева дворов неземледельческой группы, в которой больше трети дворов были безземельными; отметим, что и коэффициент вариации V = 156% является в этом случае самым высоким). В обеих группах менее высока степень расслоения по тягловой силе.

Перейдем к табл. 2, которая содержит сводные показатели по всем рассматриваемым поселениям Ояшинской волости. На этом материале мы можем сравнить значения децильного коэффициента для трех показателей (количество голов лошадей, коров и продуктивного скота), которые составили 10,0, 10,0, 10,5 соответственно. Это средние по величине уровни неравенства.

Таблица 2

Сводные показатели по четырем деревням по материалам сельскохозяйственной переписи 1901 г., Томская губерния, Ояшинская волость

Все четыре поселения (389 дворов)	
Посев	
Среднее значение, дес.	3,53
Коэффициент вариации, %	118,5
Децильный коэффициент	–
Индекс Джини	**0,60**
Лошади	
Среднее значение, голов	4,7
Коэффициент вариации, %	88,9
Децильный коэффициент	10
Индекс Джини	**0,44**
Коровы	
Среднее значение, голов	4,4
Коэффициент вариации, %	106,2
Децильный коэффициент	10,0
Индекс Джини	**0,50**
Продуктивный скот	
Среднее значение, голов	5,0
Коэффициент вариации, %	102,6
Децильный коэффициент	10,5
Индекс Джини	**0,49**

Примечание. Таблица составлена авторами на основе данных [26–29].

Здесь можно задаться вопросом: в какой мере результаты нашего микроанализа неравенства крестьянских дворов могут рассматриваться в качестве представительных для Ояшинской волости в целом? К сожалению, таких данных в нашем распоряжении нет. В этой связи мы обратились к поиску материалов по другим волостям Томского уезда, близким к Ояшинской волости.

Возвращаясь к табл. 1, отметим, что невысокие показатели обеспеченности дворов неземледельческой группы не следует трактовать как свидетельство их бедности. Иллюстрацией к этому тезису может служить, например, хозяйственный профиль поселений Парабельской волости (территориально близкой к Ояшинской волости), который характеризовался на рубеже XIX–XX вв. сочетанием занятий жителей земледелием и скотоводством с извозом и торговлей, кустарным, ореховым и отхожим промыслами. В среднем на крестьянский двор к 1916 г. приходилось 5,86 лошадей и 5,00 коров, при этом *около половины* крестьянских хозяйств в 1916 г. считались беспосевными. Объяснялось это тем, что значительная часть крестьянских хозяйств, «имея лошадей, не занималась сельским хозяйством, а предпочитала извоз» [30. С. 275].

Сравним данные табл. 2 с данными табл. 3, содержащей сводные показатели по всем дворам Парабельской волости (544 двора), полученные по материалам сельскохозяйственной переписи 1916 г. Низкое среднее значение посева в хозяйствах этой волости можно объяснить отмеченными выше факторами. Средние значения обеспеченности лошадьми и коровами по данным табл. 2 и 3 достаточно близки: 4,7 и 4,4 для четырех деревень Ояшинской волости и 5,9 и 5,0 для Парабельской. При этом измерения неравенства дают более низкие значения для Парабельской волости: D = 3,7 для лошадей и D = 10,0 для коров; G = 0,33 для лошадей и G = 0,37 для коров.

Таблица 3

Сводные показатели по Парабельской волости по материалам сельскохозяйственной переписи 1916 г., Томская губерния (544 двора)

Посев	
Среднее значение, дес.	0,70
Коэффициент вариации, %	140,8
Децильный коэффициент	–
Индекс Джини	**0,67**
Лошади	
Среднее значение, голов	5,9
Коэффициент вариации, %	58,6
Децильный коэффициент	3,7
Индекс Джини	**0,33**
Коровы	
Среднее значение, голов	5,0
Коэффициент вариации, %	66,7
Децильный коэффициент	10,0
Индекс Джини	**0,37**

Примечание. Таблица составлена авторами на основе данных [11].

Проведенное сравнение показывают, что четыре населенных пункта, отобранных для детальных измерений неравенства по ряду имущественных показателей, можно рассматривать как достаточно представительные для изучаемой территории.

Мы провели также измерения неравенства в расчете не на двор, а на члена крестьянской семьи. Результаты в обоих случаях оказались весьма близкими.

Заключение

Проведенный микроанализ данных сельскохозяйственных переписей Томской губернии начала XX в., характеризующих расслоение крестьянских дворов на уровне отдельных сельских поселений или волостей, выявил сравнительно невысокий уровень экономического неравенства крестьянства Томской губернии. Подобных детальных измерений на материалах начала XX в. пока проведено немного. Так, в исследовании неравенства крестьянства Полтавской губернии конца XIX – начала XX в., осуществленном Д. Филдом по материалам земских подворных переписей, получены значения индекса Джини для нескольких десятков волостей. Измерение неравенства по величине посевных площадей дало значения индекса Джини в интервале 0,35 до 0,75, а по тягловому скоту – от 0,36 до 0,67 [9]. Наши вычисления дают значения индекса Джини от 0,33 до 0,70, но почти во всех случаях они не превышают 0,50. Эти измерения не вполне согласуются с мнением о том, что уровень сельского неравенства в Сибири к 1917 г. был высоким [7. С. 101].

Дальнейшие исследования имущественного неравенства сибирского крестьянства начала XX в. могут дать более обоснованную и дифференцированную оценку процессов его расслоения и социальной мобильности.

Список источников

1. Бородкин Л.И. Неравенство доходов в России в XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ историографических оценок // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. С. 19–24.
2. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX века. М. : Весь Мир, 2012. 848 с.
3. Lindert P., Nafziger S. Russian Inequality on the Eve of Revolution // Journal of Economic History. 2014. Vol. 74, is. 3. P. 767–798.
4. Ханин Г.И. Дифференциация доходов в дореволюционной России // Вопросы статистики. 2010. № 3. С. 75–79.
5. Ханин Г.И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. № 2. С. 64–72.
6. Островский А.В. О степени социального расслоения в дореволюционной России // Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии : межвуз. науч. конф. : сб. докладов. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. С. 138–145.
7. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / пер. с англ. А.В. Соловьева. М. : Дело, 2019. 408 с.
8. Гарскова И.М. Динамика неравенства в оплате труда в отраслях советской промышленности в годы нэпа: сравнительный анализ // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 38–50.
9. Филд Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях : сб. науч. ст. / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М. : Наука, 1989. С. 47–59.
10. Владимиров В.Н., Пожарская К.А. Анализ проблем экономического неравенства в крестьянской среде Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. по материалам советской историографии // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. № 16 (11). С. 1891–1905.
11. Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золототрубов В.С. и др. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии : (из опыта обработки на ЭВМ) / под науч. рук. и ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1969. 306 с.
12. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. 384 с.
13. Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах массовых источников) : сб. ст. Барнаул : Азбука, 2002. С. 22–61.
14. Никулин П.Ф. Материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 77–80.
15. Антонова Е.К. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства переходной от лесостепи к тайге природной зоны Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 23–28.
16. Антонова Е.К. Томская губернская сельскохозяйственная перепись 1901 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2021. 210 с.
17. Сборник сведений по состоящему под августейшим покровительством Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны попечительству о домах трудолюбия и работных домах : [Вып. 1–13]. СПб., 1904. Вып. 9: Отчет по оказанию трудовой помощи пострадавшим от неурожая в Сибири. 1902 г. [5], XXIII, 599 с.
18. Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. М. : Финансы и статистика, 1990. 294 с.
19. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 47. Д. 4.
20. Томск в кармане : справочная книжка и адрес-календарь г. Томска / сост. Н.А. Гурьев. Томск : Гурьев и Миллер, 1902. Год 1. 118 с.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 517.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1878–4270.
23. Обзор Томской губернии за 1901 год : приложение к Всеподданнейшему отчету томского губернатора. Томск, 1902. 54, [1] с.
24. Нагнибеда В.Я. Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года : материалы с.-х. переписи 1916 г., собр. и разраб. под рук. и ред. В.Я. Нагнибеда / ЦСК. Сиб. краевой стат. отд. Томск, 1927. [4], II, 215 с.
25. Никулин П.Ф. Внутренний экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2009. 492 с.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1294.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1308.
28. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1314.
29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1331.
30. Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии) : ист.-стат. очерк / сост. А. Ф. Плотников. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. [2], II, 366, 17 с.

References

1. Borodkin, L.I. (2019) Neravenstvo dokhodov v Rossii v XIX – nachale XX vv.: sravnitel'nyy analiz istoriograficheskikh otsenok [Income inequality in Russia in the 19th – early 20th centuries: A comparative analysis of historiographic assessments]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Historical Challenges and Economic Development of Russia]. Ekaterinburg: Al'faPrint. pp. 19–24.
2. Mironov, B.N. (2012) *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii, XVIII – nachalo XX veka* [The welfare of the population and revolutions in imperial Russia, 18th – early 20th centuries]. Moscow: Ves' Mir.
3. Lindert, P. & Nafziger, S. (2014) Russian Inequality on the Eve of Revolution. *Journal of Economic History*. 74(3). pp. 767–798.
4. Khanin, G.I. (2010a) Differentsiatsiya dokhodov v dorevolyutsionnoy Rossii [Income differentiation in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy statistiki*. 3. pp. 75–79.

5. Khanin, G.I. (2010b) Kakova byla sotsial'naya differentsiatsiya v dorevolyutsionnoy Rossii? [What was the social differentiation in pre-revolutionary Russia?]. *Idei i idealy*. 2. pp. 64–72.
6. Ostrovskiy, A.V. (2013) O stepeni sotsial'nogo rassloeniya v dorevolyutsionnoy Rossii [On the degree of social stratification in pre-revolutionary Russia]. *Russkaya revolyutsiya 1917 g.: problemy istorii i istoriografii* [The Russian Revolution of 1917: Problems of history and historiography]. Proc. of the Conference. St. Petersburg: SPbGETU "LETI," pp. 138–145.
7. Shanin, T. (2019) *Neudobnyy klass: politicheskaya sotsiologiya krest'yanstva v razvivayushchemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925* [Inconvenient class: Political sociology of the peasantry in a developing society: Russia, 1910–1925]. Translated from English by A.V. Soloviev. Moscow: Delo.
8. Garskova, I.M. (2022) Dinamika neravenstva v oplate truda v otraslyakh sovetskoy promyshlennosti v gody nepa: sravnitel'nyy analiz [Dynamics of inequality in wages in sectors of Soviet industry during the NEP years: A comparative analysis]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1(74). pp. 38–50.
9. Field, D. (1989) Ob izmerenii rassloeniya krest'yan v poreformennoy rossiyskoy derevne [On measuring the stratification of peasants in the post-reform Russian village]. In: Kovalchenko, I.D. (ed.) *Matematicheskie metody i EVM v istoriko-tipologicheskikh issledovaniyakh* [Mathematical methods and computers in historical and typological studies]. Moscow: Nauka. pp. 47–59.
10. Vladimirov, V.N. & Pozharskaya, K.A. (2023) Analiz problem ekonomicheskogo neravenstva v krest'yanskoy srede Zapadnoy Sibiri rubezha XIX–XX vv. po materialam sovetskoy istoriografii [The analysis of the problems of economic inequality among peasants of Western Siberia at the turn of the 20th century. Based on materials of Soviet historiography]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 16(11). pp. 1891–1905.
11. Baufal, A.M., Goryushkin, L.M., Zolototrubov, V.S. et al. (1969) *Materialy perepisi 1916 goda po Tomskoy gubernii: (iz opyta obrabotki na EVM)* [Materials of the 1916 census in the Tomsk province: (computer processing)]. Novosibirsk: [s.n.].
12. Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic structure of the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the 20th century]. Tomsk: TML-Press.
13. Razgon, V.N., Koldakov, D.V. & Pozharskaya, K.A. (2002) Demograficheskoe i khozyaystvennoe razvitie zapadnykh volostey Altayskoy gubernii v nachale XX v. (analiz bazy dannykh krest'yanskikh khozyaystv po sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1917 g.) [Demographic and economic development of the western volosts of the Altai province in the early 20th century (an analysis of the database of peasant farms from the 1917 agricultural census)]. In: Razgon, V.N. et al. *Demograficheskoe i khozyaystvennoe razvitie altayskoy derevni vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na materialakh massovykh istochnikov)* [The demographic and economic development of the Altai village in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on mass sources)]. Barnaul: Azbuka. pp. 22–61.
14. Nikulin, P.F. (2008) Materialy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1901 g. kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. [Materials of the agricultural census of 1901 as a source for studying the peasant economy of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 307. pp. 77–80.
15. Antonova, E.K. (2016) The socio-economic structure of peasant economy in transition from the forest steppe to the boreal forest natural area of Tomsk Province at the turn of the 19th and 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 23–28. (In Russian).
16. Antonova, E.K. (2021) *Tomskaya gubernskaya sel'skokhozyaystvennaya perepis' 1901 g. kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskogo khozyaystva Tomskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv.* [The Tomsk provincial agricultural census of 1901 as a source for studying the peasant economy of Tomsk province at the turn of the 20th century]. History Cand. Diss. Tomsk.
17. Russia. (1902) *Sbornik svedeniy po sostoyashchemu pod avgusteyshim pokrovitel'stvom Eya Velichestva Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny popechitel'stvu o domakh trudolyubiya i rabotnykh domakh* [Collection of information on the guardianship of houses of industriousness and workhouses under the august patronage of Her Majesty the Empress Alexandra Feodorovna]. Vol. 9. St. Petersburg: [s.n.].
18. Ploshko, B.G. & Eliseeva, I.I. (1990) *Istoriya statistiki* [History of Statistics]. Moscow: Finansy i statistika.
19. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 47. File 4.
20. Guriev, N.A. (1902) *Tomsk v karmane : spravochnaya knizhka i adres-kalendar' g. Tomska* [Tomsk in your pocket: The reference book and address-calendar of Tomsk]. Tomsk: Gur'ev i Miller.
21. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 517.
22. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 1878–4270.
23. Russia. (1902) *Obzor Tomskoy gubernii za 1901 god: prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu tomskogo gubernatora* [Review of Tomsk province for 1901: Appendix to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: [s.n.].
24. Nagnibeda, V.Ya. (1927) *Altaysko-Tomskaya chast' Sibiri po dannym sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 goda: materialy s.-kh. perepisi 1916 g.* [The Altai-Tomsk part of Siberia according to the agricultural census of 1916: Materials of agricultural census of 1916]. Tomsk: Siberian Statistics Department.
25. Nikulin, P.F. (2009) *Vnutrenniy ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX veka* [Internal economic structure of the peasant economy of Western Siberia in the early 20th century]. History Dr. Diss. Tomsk.
26. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 1294.
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 1308.
28. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 1314.
29. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 1331.
30. Plotnikov, A.F. (1901) *Narymskiy kray (5 stan Tomskogo uezda, Tomskoy gubernii)* [Narym region (The 5th camp of Tomsk district, Tomsk province)]. St. Petersburg: Tip. V. F. Kirshbauma.

***Сведения об авторах*:**

Антонова Евгения Константиновна – кандидат исторических наук, директор информационно-консультационного центра Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

Бородкин Леонид Иосифович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой исторической информатики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: lborodkin@mail.ru

Владимиров Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vnapple@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Antonova Evgeniya K. – Candidate of Historical Sciences, Director of the Information and Consulting Center of Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

Borodkin Leonid I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Historical Informatics of M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lborodkin@mail.ru

Vladimirov Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences. Professor of the Department of National History of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vnapple@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 30.10.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/86/2

Развитие профессионального образования в г. Тобольске (1940–1980 гг.)

Александр Александрович Валитов[1], Александр Николаевич Сорокин[2]

[1, 2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[1] Тобольская комплексная научная станция, Тобольск, Россия
[1] val11@bk.ru
[2] a.n.sorokin@utmn.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов исследуется система профессиональных учебных заведений в городской среде Тобольска в советский период, с 1940 по 1980 г. Создание сети профессионального образования на территории города рассматривается в тесной связи с нуждами водной и рыбной промышленности региона.
Ключевые слова: учебные заведения, профессиональное образование, Тобольск, училища, промышленность

Благодарности: Ключевые этапы развития образования в г. Тобольске были изучены в рамках выполнения гранта РФФИ, проект № 19-29-07568; анализ личного фактора и оценка влияния развития образования на социально-экономическую деятельность г. Тобольска выполнены в рамках гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири», направление фундаментальных и поисковых научных исследований: 6.1.5 «История Российской империи и СССР», тема: «Население Западной Сибири и сопредельных территорий под воздействием политических и социально-экономических трансформаций конца XIX – первой половины XX в.».

Для цитирования: Валитов А.А., Сорокин А.Н. Развитие профессионального образования в г. Тобольске (1940–1980 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 13–20. doi: 10.17223/19988613/86/2

Original article

Development of vocational education in Tobolsk (1940–1980)

Alexander A. Valitov[1], Alexander N. Sorokin[2]

[1, 2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[1] Tobolsk Complex Scientific Station, Tobolsk, Russia
[1] val11@bk.ru
[2] a.n.sorokin@utmn.ru

Abstract. The article analyzes the system of vocational education in Tobolsk in the period from 1940-1980. The purpose of the study is to trace the formation and change in the system of vocational education in Tobolsk during the period under study. The study is based on the materials of the State Institution of the Tyumen Region, the State Archives in Tobolsk. The development of the system of vocational education in the Tyumen region and in particular in Tobolsk in the period from 1940–1980 was determined by economic tasks that needed to be addressed purposefully, by training personnel for various sectors of the national economy. In particular, the state and prospects for the development of water transport in the Tyumen region were in direct proportion to availability of adequately qualified workers. Their training was carried out by educational institutions of vocational education in Tobolsk. The history of vocational education in Tobolsk in 1940-1980 shows that the process of construction of separate educational institutions largely depended on the leader, on his organizational and pedagogical abilities. The educational institutions established in Tobolsk were able to satisfy the needs of a number of important sectors of the national economy of Western Siberia, especially in the water and marine industries, as well as in fisheries. The historical experience of Tobolsk vocational education institutions shows that the harmonious development of graduates was facilitated not only by a properly structured educational process, but also by active involvement in social and sports life. In the educational activities of vocational educational institutions of the city, considerable attention was paid to practice, contacts were established with all enterprises of the city and Western Siberia. Graduates of Tobolsk vocational schools and technical schools were in demand in the labor market of the region. During the period under study, the Tobolsk vocational education system went through a number of important stages related to the improvement of the material and technical base, the formation of teaching staff and orientation to the personnel needs of the regional industry.
Keywords: educational institutions; vocational education, Tobolsk, schools, industry

© А.А. Валитов, А.Н. Сорокин, 2023

Acknowledgments: The key stages in the development of education in the Tobolsk city were studied within the framework of the RFBR grant, project No. 19–29–07568; analysis of the personal factor and assessment of the educational impact on the socio-economic activity of the Tobolsk city were carried out within the framework of the grant of the Russian Federation Government, project No. 075-15-2021-611 "Human in the changing space of the Urals and Siberia", directions of fundamental and exploratory scientific research: 6.1.5 "History of the Russian Empire and the USSR" Topic: "The population of Western Siberia and adjacent territories under the influence of political and socio-economic transformations of the late XIX – first half of the XX century".

For citation: Valitov, A.A., Sorokin, A.N. (2023) Development of vocational education in Tobolsk (1940–1980). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 13–20. doi: 10.17223/19988613/86/2

Введение

В период с 1940 по 1980 г. экономическое развитие регионов определялось наличием кадров для различных отраслей народного хозяйства. Состояние и перспективы развития водного транспорта Тюменской области в исследуемый временной промежуток находились в прямой зависимости от его обеспеченности работниками надлежащей квалификации. Их подготовку осуществляли учебные заведения профессионального образования Тобольска, Тюмени, Омска. Главная цель статьи – рассмотрение становления и развития профессионального образования в Тобольске для нужд водного транспорта. Для этого были использованы в комплексе историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

К середине XX в. в Тобольске сложилась дифференцированная система государственных образовательных учреждений начального, среднего специального и высшего технического профессионального образования, призванная обеспечивать квалифицированными специалистами основные участки и отрасли местного транспортного комплекса.

Фундаментальной базой для обучения рабочих массовых профессий были учебные заведения государственной системы Трудовых резервов, основанные еще в 1940 г [1]. В этом же году были открыты ремесленные училища Тобольска, призванные готовить работников плавательского состава пассажирского и транспортного флота Нижне-Иртышского речного пароходства и рыбной промышленности Обь-Иртышского промыслового бассейна. Общественные приемные комиссии отбирали для обучения физически здоровых и крепких юношей и девушек возрастом 15 лет и старше с неполным средним образованием [2. С. 94].

Становление ремесленных училищ проходило накануне и в период Великой Отечественной войны и сопровождалось огромными трудностями. Несмотря на дефицит материальных и финансовых средств, учащиеся обеспечивались форменным обмундированием, бесплатным питанием, учебниками и канцелярскими принадлежностями, иногородние воспитанники проживали в общежитиях.

По-разному сложились жизненные судьбы учащихся и выпускников тех суровых лет. Многие из них после окончания учебы были призваны в армию и флот, участвовали в боях с немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами. Многие из тех, кто оставался в тылу, несли фронтовые вахты на судах Иртышского речного пароходства и промыслового флота.

Становлению училища, готовившего речников, серьезно препятствовала, помимо объективных причин, частая смена руководителей. Изменения к лучшему наметились в 1944 г., когда за дело взялся очередной выдвиженец партийных властей М.И. Карасиков. Наделенный здравым рассудком и жизненным опытом, вчерашний офицер-фронтовик, инвалид войны, взял на себя ответственность быть директором. После окончания войны Карасиков объединил два родственных учебных заведения и возглавил коллектив укрупненного Тобольского ремесленного училища № 3; а в 1951 г. к нему присоединили ремесленное училище № 4. В итоге сложился многопрофильный учебный комплекс, рассчитанный на подготовку квалифицированных рабочих основных специальностей для предприятий Обь-Иртышского речного пароходства [3. С. 189].

Став директором училища, М.И. Карасиков руководил им на протяжении трех десятилетий интенсивной, творческой, результативной деятельности. Феномен его служебного долголетия заключался в умении своевременно и вдумчиво реагировать на возникающие запросы жизни, эффективно применять полезные традиции и педагогические новшества. Директор уделял серьезное внимание подбору, выдвижению, расстановке и воспитанию мастеров производственного обучения, преподавателей и воспитателей из числа выпускников училища, специалистов производства, профессиональных педагогов, имеющих призвание к работе с подростками [4. С. 204].

Используя благоприятные возможности заочного и вечернего обучения, мастера и преподаватели повышали квалификацию, приобретали необходимые психолого-педагогические и специальные знания. В результате тщательного отбора сложился дружный, стабильный коллектив единомышленников, способный творчески совершенствовать учебно-воспитательный процесс. Вместе с М.И. Карасиковым в училище подолгу трудились носители добрых традиций А.В. Гребенщиков, Н.В. Грязнов, А.В. Кириллова, Е.И. Киселев, П.С. Кондрахин, А.В. Шестаков и другие наставники молодежи.

Переход от войны к миру обусловил существенную перестройку начального профессионального образования, проведенную с учетом накопленного позитивного и негативного опыта. Коллектив собственными силами создал и обустроил хозяйственным способом учебно-

производственный и культурно-бытовой комплексы: специализированные кабинеты и лаборатории, оснащенные наглядными пособиями и техническими средствами обучения; библиотеку и читальный зал с большим фондом учебной, технической, общественно-политической и художественной литературы, а также производственные мастерские по обработке дерева и металла; благоустроенное общежитие, столовую, здравпункт, спортивно-оздоровительный лагерь.

Принудительный набор молодежи уступил место добровольному поступлению в училище юношей, имеющих начальное и неполное среднее образование, физически годных к предстоящей службе на транспорте. Преимуществом при зачислении пользовались так называемые «подранки войны», чьи родители погибли от рук фашистов.

В ходе производственного обучения под руководством мастеров учащиеся овладевали практическими навыками строительства, монтажа, ремонта, эксплуатации судов и судовых механизмов, подъемно-транспортного оборудования, организации перевозок пассажиров и грузов. Судоремонтный завод, судостроительная верфь, технический участок водных путей, база приемотранспортного флота, речной порт и другие базовые предприятия Тобольска обеспечивали практикантов рабочими местами по их будущим специальностям. Во время плавательной практики учащиеся замещали штатные должности рулевых, машинистов, шкиперов, матросов на судах пассажирского и грузового флота, вырабатывая морально-волевые качества, свойственные профессиональным речникам: выносливость, самообладание, мужество, находчивость, исполнительность, коллективизм. Практиканты, занятые в мастерских училища, выполняли заказы города и области по изготовлению инструментов, хозяйственного инвентаря, столярных изделий. Им начислялась треть их заработной платы.

Новый этап развития училища начался в 1963 г. и был связан с его преобразованием в среднее Тобольское профессионально-техническое училище № 3. Его выпускники получали наряду с профессиональным общее среднее образование. По инициативе и при участии Карасикова была выработана и реализована долгосрочная целевая комплексная программа подготовки квалифицированных работников водного транспорта Западной Сибири.

По мере обретения профессиональной зрелости выпускники училища становились квалифицированными рабочими и мастерами, специалистами и командирами производства, преумножая экономический и духовный потенциал родного края. В летописи открытия и освоения природных ресурсов Тюменского Севера запечатлены имена талантливых капитанов судов Ф. Быкова, Н. Лунина, М. Пряхина, А. Рябикова, К. Третьякова, К. Шестакова и многих других бывших ремесленников.

В 1974 г. Карасиков передал училище своему преемнику, выпускнику Новосибирского института инженеров водного транспорта В.Е. Охотникову, продолжив службу в должности инспектора областного управления профтехобразования. Кадровый потенциал училища значительно возрос, когда в 1978 г. к нему присоединили городское профессионально-техническое училище № 5. К этому времени речники Иртыша и Оби уступили ведущую роль в транспортном обеспечении Севера железнодорожникам, уменьшив объемы перевозок, сократили численность персонала. Коллектив обновленного училища под руководством Ю.М. Малова невольно ограничил сферу деятельности, осуществил переход к обучению специалистов, востребованных на предприятиях Тобольска [5. С. 329–330].

Полезные традиции старейшего училища речников успешно заимствовал коллектив профессионально-технического училища № 23, открытого в пос. Сумкино на базе судоремонтного завода. Его директором с 1971 по 1989 г. был педагог высшей квалификации Н.М. Девятков. К моменту назначения ему исполнилось 24 года, и это был самый молодой руководитель учебного заведения системы профтехобразования Российской Федерации. Несмотря на молодость, Девятков обладал таким жизненным опытом, который обеспечивал его успешное продвижение по службе.

Инициативный, энергичный, честолюбивый руководитель сумел объединить вокруг себя коллектив единомышленников, способный осуществлять качественную подготовку работников плавательского состава. В качестве преподавателей специальных дисциплин работали инженеры, судоводители, судомеханики, электромеханики, направленные из коллектива судоремонтного завода. Отличными воспитателями учащихся проявили себя бывшие капитаны судов: Заслуженный учитель профтехобразования РСФСР Н.Ф. Аксенов, П.К. Батов, В.В. Кугаевский, инженер-электромеханик П.И. Просвиркин. Производственную практику учащихся возглавляли мастера, владеющие секретами профессионального дела: А.В. Антоненко, А.И. Булатов, В.Ф. Лутков.

На основе конкурсного отбора контингент учащихся ежегодно пополняли в первую очередь юноши и девушки, чьи родители трудились на транспорте. Коллектив участвовал в оснащении учебно-производственного корпуса и обустройстве общежития, введенных в строй благодаря финансово-материальной помощи судоремонтного завода. Нормальные условия жизни и быта учащихся способствовали их закреплению в училище, активному участию в учебной и общественной деятельности. За период директорства Н.М. Девяткова училище выпустило более трех тысяч квалифицированных мотористов-рулевых, штурманов-помощников механика I–III групп судов, помощников механиков по электрооборудованию, судокорпусников-ремонтников, сварщиков ручной сварки, радистов, коков, которые закреплялись на предприятиях Иртышского речного, а позднее – Обь-Иртышского пароходства. После ухода Девяткова его начинания продолжили достойные преемники Б.Д. Лютов и А.М. Полухин [3. С. 269].

Тобольск сыграл пионерную роль в подготовке дипломированных специалистов промыслового и транспортного флота для предприятий рыбного хозяйства Западной Сибири. Развернутая в 30-е гг. прошлого столетия техническая реконструкция рыбного хозяйства страны сопровождалась мерами его обеспечения

необходимыми квалифицированными кадрами. Эту задачу решал, в частности, открытый осенью 1930 г. на базе ранее существующей рыбацкой школы Тобольский рыбопромышленный техникум. Его основателем и директором стал П.И. Трофимов, который ранее возглавлял рыбацкую школу [6. Л. 16].

С учетом потребностей производства техникум готовил судоводителей и машинистов промысловых и транспортных судов, специалистов по добыче и обработке рыбы, ихтиологов-рыбоводов, бухгалтеров промышленного учета, которые пополняли в первую очередь рыбозаводы, консервные комбинаты, моторно-рыболовные станции и базы промыслового флота Обь-Иртышского бассейна. Юношей и девушек обучали и воспитывали, приобщали к будущей профессии высокообразованные, эрудированные, опытные наставники: М.П. Копотилов, В.А. Корпачев, В.М. Новицкий, К.П. Самко, С.М. Тарба. Все они, а также директор техникума П.И. Трофимов, в период большого террора были признаны врагами народа, подвергнуты физической расправе и спустя два десятилетия реабилитированы.

Выпускники техникума решали практические вопросы по улучшению организации добычи рыбы и совершенствованию технологии приготовления рыбных продуктов.

В начале Великой Отечественной войны техникум перевели в г. Ханты-Мансийск, где он продолжил свою деятельность, находясь в крайне тяжелых условиях. Резко сократился контингент учащихся, ощущались нехватка преподавателей, учебных и жилых помещений, перебои с питанием. Учащиеся совмещали занятия и труд на Самаровском консервном комбинате.

За годы войны техникум выпустил 145 специалистов, а после ее окончания возвратился в Тобольск, где его ожидали новые серьезные испытания. Коллектив обживал учебный корпус, расположенный в бывшем дворце наместника на Троицком мысу. В зимние холода старинное каменное здание так сильно промерзало, что на его внутренних стенах выступал куржак. Учащиеся и преподаватели занимались, кутаясь кто во что горазд, отогревали дыханием руки. Моментально замерзали чернила, поэтому лекции записывали карандашами. Запредельную учебную нагрузку выполняли немногие, особо ценимые преподаватели специальных предметов. В частности, выпускница Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева Е.М. Блохина была вынуждена читать лекции и вести практикумы по техническим дисциплинам на трех основных курсах, работая по 70 часов в неделю [7. С. 154].

Наставников и ровесников вспоминал выпускник послевоенных лет Александр Михайленко: «В техникум я поступил в 1948 г. после окончания Березовской школы. Впервые увиденный Тобольск поразил меня своей необычной красотой, величием тобольской горы с ее белокаменным Кремлем. В техникуме мне довелось проучиться четыре года. Директором в то время был В.С. Белоконь, он вел предмет «Паровые машины». Помню почти поименно учащихся нашего механического отделения. Особенно хорошо нашего классного руководителя П.Н. Лазутяцкого, профессионального художника, преподавателя технического черчения. Высокий, стройный, не по годам подвижный, с длинной темной бородой и тростью в руках. Н.Н. Головлев преподавал детали машин. Бывший моряк всегда ходил в черном кителе. Мы любили его за доброту к нам и некоторые послабления. Годы учебы были трудными, месячная стипендия на первом курсе составляла 90 рублей. Жили в основном на картошке, хлебе, маргарине. Несмотря на трудности, жизнь казалась веселой и счастливой. Учились, читали, играли в футбол, ходили в театр, танцевали. Капитаном футбольной команды “Пищевик” был Валя Кошкаров, староста нашей группы, круглый отличник, окончил техникум с красным дипломом.

Производственную практику проходили в Тобольских механических мастерских, на Самаровском консервном комбинате, а преддипломную практику – на комбинате поселка Оранжерейный Астраханской области в дельте реки Волги» [7. С. 155].

Непререкаемый авторитет снискали в коллективе ученые мужи столичного ранга, которых привел в Тобольск злой рок. Взыскательный, но справедливый Ю.О. Ридель, доцент физики, блестяще излагал слушателям ее теоретические основы, прививал им методы научного познания мира, осуждал верхоглядство. Человеком драматической судьбы являлся выходец из Ленинграда, инженер и экономист Ф.К. Дормидонтов. В годы войны и после ее окончания Дормидонтов отбывал ссылку в Тюмени, работал на судостроительном заводе, а затем был переведен в Тобольск, преподавал в техникуме различные дисциплины. Его уважали за глубокие знания и либеральное отношение к учащимся. После возвращения в Ленинград Федор Константинович написал учебник «Экономика рыбной промышленности СССР», был референтом журнала «Судостроение» [8. С. 394].

Во второй половине XX в. Советский Союз осуществил техническую и технологическую модернизацию рыбного хозяйства, освоил промысел рыбы и морского зверя на просторах Мирового океана, занял ведущие позиции на международном рынке рыбных продуктов. Новизна и масштабность преобразований рыбного хозяйства побуждали тоболяков к тому, чтобы увеличить численность, улучшить качество подготовки специалистов, компенсировать издержки, вызванные закрытием Якутского рыбопромышленного техникума.

Инициатором полезных начинаний выступил новый директор техникума Б.А. Яковлев, обладавший богатым жизненным и профессиональным опытом [6. Л. 72–73]. Сослуживцам и учащимся импонировали человеческие качества руководителя: образованность, дальновидность, проницательность, справедливость, принципиальность, порядочность, уважительное отношение к людям.

Достоинства Б.А. Яковлева дополняли деловые качества его заместителя по учебной работе В.К. Погореловой. За много лет своей деятельности в техникуме она глубоко изучила специфику учебно-воспитательного процесса, руководила разработкой и внедрением эффективных учебных планов и программ, умело направляла и координировала совместные действия

педагогического и ученического коллективов, заботилась о поддержании доброжелательной атмосферы взаимного сотрудничества. Люди ценили Валентину Ксенофонтовну за доброту, искренность и чуткость.

Возглавляя техникум на протяжении 16 лет (1956–1972), Б.А. Яковлев сумел решить ключевые проблемы его развития. В результате целенаправленных усилий администрации, партийной и профсоюзной организаций сложился и окреп устойчивый и сплоченный педагогический коллектив, который объединил специалистов с высшим техническим и гуманитарным образованием.

Последовательно решалась задача обеспечения преподавателей и сотрудников благоустроенными квартирами. Иногородних учащихся разместили в новом общежитии на 280 мест. Учебный корпус был переведен с печного на центральное водяное отопление, обеспечен нормальный тепловой режим. Для проведения практических занятий оборудованы и оснащены учебно-производственные мастерские, опытные лаборатории. В период летней путины на Иртыше бригада учащихся вела промысел рыбы на «песке» Серюковском.

Новый этап развития наступил в 1985 г., когда техникуму передали учебно-производственный и культурно-бытовой комплекс закрытого мореходного училища. За 65 лет (1940–1985) техникум выпустил более 16 тыс. судоводителей, механиков, гидротехников и других специалистов. Семья выпускников соединила прочными узами специалистов и руководителей производственных коллективов, деятелей науки, работников культуры и профессионального образования.

В годы войны наряду с учебными заведениями системы Трудовых резервов были открыты ведомственные училища и школы, призванные готовить квалифицированных рабочих массовых профессий для ведущих отраслей народного хозяйства. В 1944 г. родилась первая в Сибири мореходная школа юнг в Ханты-Мансийске – центре рыбного хозяйства Обь-Иртышья, тогда же по распоряжению Совета Народных Комиссаров СССР была открыта Тобольская школа юнг, призванная готовить абитуриентов для поступления в Омское речное училище Наркомата речного флота РСФСР. В школу принимали преимущественно подростков, чьи родители погибли на фронте либо стали инвалидами войны, а также детей речников, воспитанников детских домов [9. Л. 12].

Поскольку в большинстве своем подростки имели начальное образование, они осваивали курс неполной средней школы, необходимый для поступления в речное училище. Структура школы включала пятый, шестой и седьмой классы, учебные планы и программы соответствовали нормативам семилетней общеобразовательной школы.

Педагогический коллектив во главе с директором, опытным педагогом А.Ф. Панкиной преодолел многие трудности, стремясь создать нормальные условия для жизни, учения, досуга и быта своих питомцев. Не имея собственного учебного корпуса, школа арендовала неприспособленное сырое и холодное здание по улице Пушкина, 16. Из 80 учащихся 60 иногородних учеников размещались в интернате, а остальные проживали в семьях. Все они обеспечивались форменной одеждой, трехразовым горячим питанием, бесплатными бытовыми услугами, учебниками и канцелярскими принадлежностями. Мебель и школьный инвентарь предоставил детский дом № 100, топливом снабжал коллектив пристани, учебно-наглядные пособия и литературу заимствовали в городских школах.

Обучением воспитанников занимались опытные преподаватели: И.В. Герасимова, И.А. Попова (математика), З.А. Быкова, Е.И. Ишимцева (русский язык и литература), И.Ш. Коландер (немецкий язык), Ю.С. Белкина (химия, география, ботаника). Из числа выпускников школы продолжили образование и закончили со временем средние специальные и высшие учебные заведения такие известные руководители и специалисты предприятий, как А.К. Новопашин, П.П. Пузин, Г.П. Пуртов, Я.Д. Южаков и другие тоболяки [10. Л. 17].

Летом 1952 г. местная школа юнг в результате ее объединения с Ханты-Мансийской школой, переведенной в Тобольск, была реорганизована в Тобольскую мореходную школу юнг. Учебный корпус, жилые и бытовые помещения нового учебного заведения разместились на территории Тобольского кремля [11. Л. 10]. Здесь обучались будущие водители и мотористы малых промысловых и транспортных судов для предприятий рыбопромышленного объединения Обьрыба. Курсанты получали серьезную теоретическую подготовку и производственную практику. По учебному плану, рассчитанному на 2 года и 4 месяца учебно-производственного процесса, учащиеся получали теоретические знания в объеме 1 215 часов, занимались на производственной практике 556 часов и проходили плавательскую практику в течение 35 рабочих недель. Ведущими дисциплинами теоретического цикла являлись техническая механика, сопротивление материалов, детали машин, основы теории и устройства корабля, организация и технология судоремонта, уставы службы на судах рыбной промышленности и другие специальные предметы. Прочные, систематические, глубокие знания учащимся преподавали многоопытные специалисты с высшим и средним техническим образованием: И.А. Бобылев, Г.П. Григораш, А.П. Соболев, П.В. Шарапов, И.П. Шестаков [12. Л. 16].

Во время производственной практики на базовых предприятиях Обьрыбы юнги осваивали специальности по ремонту флота судовых механизмов и оборудования. Плавательская практика проводилась на судах Управления транспортного флота, позднее – базы приемотранспортного флота, рыбокомбинатах и рыбозаводах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов.

В 1959 г. школа юнг была преобразована в мореходную школу, где обучались штурманы малого плавания, призванные пополнять судовые экипажи действующей в Салехарде базы морского лова [13. С. 2]. О том, в каких условиях протекала плавательская практика курсантов мореходной школы, вспоминал ветеран флота А.М. Макаров: «В мае 1960 г. я прибыл в Салехард, где размещалась база морского лова. Начальник базы Н.А. Войт, высококвалифицирован-

ный экономист с богатым производственным опытом, подробно расспросил меня о службе в авиации и работе на оборонном заводе, направил для прохождения практики на траулер “Орел”. Экипажу под командой Н.А. Алемасова предстояло определить запасы промысловой рыбы в низовьях Оби, в Обской и Тазовской губах, Енисейском и Гыданском заливах, совершить рейс на остров Диксон. Меня назначили тралмейстером, поручив одновременно осваивать условия плавания в речных и морских водах. Работа была очень тяжелая. Все время работали в резиновой одежде, в сырости, фуфаек не снимали, холодно. Двигаясь вслед за льдами на север, всей командой занимались в дневное время траловым ловом рыбы, в ночное время применяли дрифтерные сети. Весь улов тщательно измеряли, о результатах информировали базу, а выловленную рыбу передавали промысловым судам. В Салехард возвратились, когда наступила настоящая зима. Начальник базы оценил мою практику на “отлично” и пригласил после окончания школы на работу штатным тралмейстером. За время плавания и многочисленных встреч с рыбаками я убедился в том, какие отчаянные люди трудились на морском промысле. Это были вчерашние заключенные и вербованные мужички из тех, кого называли “перекати-поле”. На лове рыбы, во время которого соблюдался “сухой закон”, они трудились, как одержимые, а на берегу бесшабашно транжирили заработанные деньги в питейных заведениях, выступали в качестве возмутителей общественного спокойствия. “Дикая дивизия Войта” – так называли местные жители буйную во хмелю флотскую братву...» [8. С. 238–239].

В 1962 г. мореходная школа, осуществив первый и единственный выпуск специалистов, уступила место мореходному училищу Министерства рыбного хозяйства СССР. Это было первое в сибирском регионе среднее профессиональное учебное заведение подобного профиля, предназначенное для подготовки специалистов рыбопромышленного флота. Основателем и начальником училища стал Заслуженный работник рыбной промышленности СССР А.А. Пермитин [4. С. 370–371]. Приобретенные знания, богатый жизненный опыт, навыки работы с людьми Пермитин всецело посвятил делу воспитания специалистов рыбного хозяйства. С 1951 г. он трудился директором учебно-курсового комбината, школы усовершенствования командных кадров плавательного состава флота объединения «Обьрыба»; в 1959 г. возглавил мореходную школу, спустя три года – мореходное училище, – инициативный, опытный, деятельный руководитель.

При содействии Министерства и управления рыбной промышленности Обь-Иртышского бассейна были изысканы финансовые средства и материальные ресурсы для строительства современного учебного комплекса. Признанный лучшим в Тюменской области, комплекс включал учебно-лабораторный корпус, производственные мастерские, зрительный и спортивный залы, библиотеку, общежитие, столовую, здравпункт. После безвременной кончины А.А. Пермитина его благие начинания продолжили достойные преемники А.А. Вакулин и Н.Ф. Дубенский.

На основе конкурсного отбора в училище принимались юноши – выходцы из многих регионов Российской Федерации, имеющие среднее образование, годные по состоянию здоровья для службы на морских рыболовных транспортных судах. Курсанты училища содержались на полном гособеспечении, имели возможности для всестороннего развития личности и овладения избранной специальностью. Учебная программа предусматривала изучение специальных дисциплин, предметов гуманитарного цикла, основ военно-морского дела, хорошие знание английского языка. Плавательская практика курсантов проходила на промысловых судах, занятых добычей и обработкой рыбы в Мировом океане, военноморская стажировка – на кораблях Балтийского и Северного флотов.

Непререкаемый авторитет снискал в коллективе преподаватель специальных дисциплин А.В. Одинцов. В прошлом кадровый офицер ВМФ, в 1958 г. он был уволен в запас и возвратился в Тобольск. Со времени открытия мореходного училища Одинцов четверть века преподавал в нем ведущие дисциплины: «Общую лоцию», «Устройство судов», «Правила судоходства на реках и морях». Курсанты ценили своего наставника за глубокие профессиональные знания, методическое мастерство, справедливую требовательность [5. С. 146].

Значительных успехов коллектив добился в развитии технического и художественного творчества. Курсанты принимали активное участие в благоустройстве города, оказывали весомую помощь сельским труженикам в уборке урожая [13]. Мореходы славились высокими спортивными достижениями, в чем немалая заслуга талантливого организатора физической культуры и спорта Ю.Н. Токаревских. Он вспоминал: «В 1961 г. после длительного перерыва я возвратился в родной Тобольск и по рекомендации председателя городского комитета по физической культуре и спорту В.М. Родина был принят в мореходную школу в качестве физического руководителя. Все пришлось начинать с нуля. Помню, набирали в секции: на коньках умеешь кататься – хоккеист, делаешь два шага с мячом – баскетболист, пальцы рюмочкой – волейболист. В качестве тренеров пригласили наиболее опытных наставников. Волейболистов тренировали Н. Абрамов и Г. Матаев, боксеров – В. Езиков и Ю. Новицкий, баскетболистов – В. Шестаков, штангистов – Ю. Малов, В. Попов и А. Хабибулин, лыжников – М. Больных и В. Кротов, теннисистов – Г. Кошуков, хоккеистов – Ю. Токаревских» [15].

В результате массового вовлечения курсантов в спортивную жизнь каждый из них ко времени окончания училища имел всесоюзный разряд по тому или иному виду спорта. Не имели равных по мастерству среди родственных коллективов области и Министерства рыбного хозяйства РСФСР команды футболистов и хоккеистов [4].

В 1985 г. мореходное училище было расформировано из-за отдаленности от основных промысловых бассейнов страны. За время своей деятельности училище выпустило более 8 тысяч работников плавательного состава: судоводителей морского и речного флота, технологов по добыче рыбы, механиков судовых машин

и холодильных установок. Выпускники трудились на промыслах и предприятиях Сибири, Дальнего Востока, Калининградской и Мурманской областей [12. Л. 2].

Начало высшему техническому образованию в Тобольске положил учебно-консультационный пункт Новосибирского института инженеров водного транспорта, открытый в 1959 г. на базе местной пристани. Студенты заочного отделения осваивали в Тобольске гуманитарные и общетехнические дисциплины, а затем продолжали изучение специальных дисциплин, подготовку и защиту дипломных работ в Новосибирске.

Становление и развитие тобольского подразделения института неразрывно связано с именем и делами талантливого педагога и руководителя В.В. Охотниковой. В 1974 г. она окончила Тобольский государственный педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. Служила заведующей учебной частью Ханты-Мансийского профтехучилища № 10, инспектором учебного отдела Тюменского областного управления профтехобразования, а с 1977 г. руководила учебно-консультационным пунктом новосибирского вуза. За 22 года непрерывной и продуктивной административной и педагогической деятельности Валентина Васильевна обеспечила динамичное развитие высшего технического образования в Тобольске [2. С. 95].

Всего за период существования учебно-консультационного пункта и филиала Новосибирского института, затем – академии водного транспорта, дипломы о высшем техническом образовании получили свыше двух тысяч тоболяков. В их числе заслуженные капитаны и механики судов В.А. Бондарев, Ю.П. Воронцов, М.И. Ефремов, О.Ю. Львов, А.И. Палипенков, А.Ш. Рябиков, Г.Д. Тунгусов, А.П. Худорожков, руководитель диспетчерской службы базы флота, затем – судостроительно-эксплуатационного предприятия Сибирского управления рыбной промышленности А.М. Макаров, генеральный директор ОАО «Тобольский МРЭС» В.И. Попов, ведущий экономист по труду Тобольской ТЭЦ Т.Н. Плахотнюк и многие другие.

Заключение

За несколько десятилетий в Тобольске сложилась, окрепла, доказала свою эффективность дифференцированная система начального, среднего специального и высшего профессионального образования, которая обеспечила подготовку квалифицированных рабочих и специалистов водного транспорта для предприятий Сибири, Дальнего Востока и северо-запада России. Выпускники учебных заведений Тобольска возглавляли крупные трудовые коллективы, судовые экипажи, занимались научно-техническим творчеством, обучали и воспитывали молодую смену работников водного транспорта.

Список источников

1. О государственных трудовых резервах СССР : указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.10.1940 года // Сталинец. 1940. 6 окт. № 41 (199). С. 1.
2. Слинкин С.В. История возникновения и предпосылки развития системы общего профессионального образования в Тюменской области // Успехи современного естествознания. 2004. № 8. С. 94–96.
3. Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 373 с.
4. Тобольский биографический словарь. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2004. 576 с.
5. Прибыльский Ю.П., Аксарин В.В. На стремнине жизни. Прошлое и настоящее водников Обь-Иртышья. Тюмень : Вектор Бук, 2010. 332 с.
6. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске) Ф. Р-936: Тобольский рыбопромышленный техникум Министерства рыбной промышленности. Оп. 1. Д. 38.
7. Народное образование Тюменского края XVIII–XX вв. : аннотир. библиогр. указ. лит. / Тобол. гос. пед. ин-т им. Д.И. Менделеева; сост. Н.И. Загороднюк, Т.В. Каменская, Г.К. Скачкова, Г.Г. Улыбина. Тобольск, 1997. 170 с.
8. В творческом поиске. Образовательные учреждения Тобольска : документальные очерки / Тобол. гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева, Музей народного образования Тюменской области; глав. ред. С.В. Слинкин. Тюмень : Вектор Бук, 2006. 455 с.
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1006: Тобольское мореходное училище рыбной промышленности. Оп. 1. Д. 1.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 3.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 4.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1006. Оп. 1. Д. 6.
13. Хакимов Т. Встретятся выпускники Тобольской мореходки // Тюменская правда сегодня. 2002. 19 июня.
14. Прибыльский Ю.П. Полвека на путине : материалы и документы о жизни и деятельности П.Н. Загваздина. Тобольск, 2002. 120 с.
15. Иванов И. Три периода жизни Юрия Токаревских // Тобольская правда. 1994. 4 фев.

References

1. *Stalinets*. (1940) O gosudarstvennykh trudovykh rezervakh SSSR: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 02.10.1940 goda [On the state labor reserves of the USSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated October 2, 1940]. 6th October. p. 1.
2. Slinkin, S.V. (2004) Istoriya vozniknoveniya i predposylki razvitiya sistemy obshchego professional'nogo obrazovaniya v Tyumenskoy oblasti [History of the emergence and prerequisites for the development of the system of general vocational education in Tyumen region]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 8. pp. 94–96.
3. Kopylov, D. & Pribylskiy Yu. (2007) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Tyumen: Vektor Buk.
4. Pribylsky, Yu.P. (ed.) *Tobol'skiy biograficheskiy slovar'* [The Tobolsk Biographical Dictionary]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy.
5. Pribylskiy, Yu.P. & Aksarin, V.V. (2010) *Na stremnine zhizni. Proshloe i nastoyashchee vodnikov Ob'-Irtysh'ya* [On the rapids of life. Past and present of water workers of the Ob-Irtysh region]. Tyumen: Vektor Buk.
6. The State Institution of Tyumen Region. The State Archives in Tobolsk (GBUTO GA in Tobolsk). *Tobol'skiy rybopromyshlennyy tekhnikum Ministerstva rybnoy promyshlennosti* [Tobolsk Fishery College of the Ministry of Fishing Industry]. Fund R-936. List 1. File 38.
7. Zagorodnyuk, N.I., Kamenskaya, T.V., Skachkova, G.K. & Ulybina, G.G. (1997) *Narodnoe obrazovanie Tyumenskogo kraya XVIII–XX vv.: annotir. bibliogr. ukaz. lit.* [Public Education of Tyumen Region in the 18th–20th Centuries: An Annotated Bibliography]. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute.
8. Slinkin, S.V. (2006) *V tvorcheskom poiske. Obrazovatel'nye uchrezhdeniya Tobol'ska: dokumental'nye ocherki* [In creative search. Educational institutions of Tobolsk: Documentary essays]. Tyumen: Vektor Buk.

9. The State Institution of Tyumen Region. The State Archives in Tobolsk (GBUTO GA in Tobolsk). Fund R-1006: Tobol'skoe morekhodnoe uchilishche rybnoy promyshlennosti. List 1. File 1.
10. The State Institution of Tyumen Region. The State Archives in Tobolsk (GBUTO GA in Tobolsk). Fund R-1006. List 1. File 3.
11. The State Institution of Tyumen Region. The State Archives in Tobolsk (GBUTO GA in Tobolsk). Fund R-1006. List 1. File 4.
12. The State Institution of Tyumen Region. The State Archives in Tobolsk (GBUTO GA in Tobolsk). Fund R-1006. List 1. File 6.
13. Khakimov, T. (2002) Vstretyatsya vypuskniki Tobol'skoy morekhodki [Graduates of the Tobolsk Seafarer will meet]. *Tyumenskaya pravda segodnya*. 19th June.
14. Pribylskiy, Yu.P. (2002) *Polveka na putine: materialy i dokumenty o zhizni i deyatel'nosti P.N. Zagvazdina* [Half a century on the fishing season: Materials and documents about the life and work of P.N. Zagvazdin]. Tobolsk: [s.n.].
15. Ivanov, I. (1994) Tri perioda zhizni Yuriya Tokarevskikh [Three periods of Yuri Tokarevskikh's life]. *Tobol'skaya pravda*. 4th February.

***Сведения об авторах*:**
Валитов Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Школы исследований окружающей среды и общества («Антропошколы») Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции (Тобольск, Россия). E-mail: val11@bk.ru
Сорокин Александр Николаевич – кандидат исторических наук, директор Школы исследований окружающей среды и общества («Антропошколы») Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: a.n.sorokin@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Valitov Aleksandr A. – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, School of Environmental and Social Studies ("Anthroposhkola"), University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Senior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Statio, (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: val11@bk.ru
Sorokin Alexander N. – Candidate of Historical Sciences, Director, School of Environmental and Social Studies ("Anthroposhkola"), University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.n.sorokin@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 28.10.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(47):327(55:47+57)(091)"18"
doi: 10.17223/19988613/86/3

Русские в Красноводске. Туркменская степь между Россией и Ираном

Дмитрий Валентинович Васильев[1], Сергей Дмитриевич Васильев[2]

[1, 2] Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
[1] dvvasiliev@mail.ru
[2] visaramis@mail.ru

Аннотация. После Крымской войны 1853–1855 гг. Военным министерством Российской империи было принято решение о проведении подготовительных работ по организации базы на восточном побережье Каспийского моря. Появление русских на восточном побережье Каспийского моря, учитывая непосредственную близость к Хорасану, могло подтолкнуть Иран к сотрудничеству с Англией, обладавшей на тот момент экономическим господством в стране. Путем проб и ошибок российской администрации удалось создать в Туркменской степи систему, которая оказалась в определенной степени привлекательной для местного населения.
Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Иран, международные отношения, административная политика, туркмены

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур им. Льва Толстого.

Для цитирования: Васильев Д.В., Васильев С.Д. Русские в Красноводске. Туркменская степь между Россией и Ираном // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 21–27. doi: 10.17223/19988613/86/3

Original article

Russians in Krasnovodsk. The Turkmen Steppe between Russia and Iran

Dmitry V. Vasiliev[1], Sergey D. Vasiliev[2]

[1, 2] Moscow City Pedagogical University Moscow, Russian Federation
[1] dvvasiliev@mail.ru
[2] visaramis@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the Russian-Iranian policy on the Turkmen tribes in the 1870s. The main purpose of the article is to figure out the views of the Russian and Iranian governments on the attribution of control over Turkmen. The implementation of this goal is being carried out by the analysis of none-studied sources which reveal not only specific actions, but the ideas that guided both states in the formation of their border policy in the Trans-Caspian region. The main sources of this work from the State Historical Museum in Moscow are not published. Namely, it is a note compiled by colonel V. Markozov as a former commander of the Krasnovodsk military detachment and a review of military operations in the Trans-Caspian region written by colonel L. Sobolev. The first document contains information on the military and administration actions of its author in the Turkmen steppe, the second supplements it with information of a diplomatic nature. The article claims that penetration of the Russian Empire into the Trans-Caspian region was motivated by trade and protection of interests of Russian citizens (Kazakhs by origin) from Turkmen's hijacking and intrigues of Khiva Khanate on the one hand and subversive activities of British agents in Iran on the other. The landing of the Russian squad in Krasnovodsk was greeted with hostility by Shah who considered all Turkmen his subjects. However, the absence of diplomatic agreements on this issue allowed Russia to establish trading and military posts in Krasnovodsk. While recognizing the status quo Tehran decided to use Russian troops in collective actions aimed to bring restless Turkmen into obedience. Nevertheless, understanding that these joint military operations will only increase an actual tension between the two states the Russian government could not agree to this. To maintain good neighborly relations with Iran Russia insisted on recognizing the Atrek River as the border between the Turkmen possessions of the states and demanded from its troops to respect the inviolability of this borderline. At the same time, Russian troops launched a military campaign against Khiva in order to pacify this Central Asian state. This military operation and an everyday interaction with Turkmen persuaded the Russian government in the need to organize an administration system in the region which should not interfere into life of the local population. No sudden changes in everyday life of the locals should have promoted the growth of benevolent attitude of Turkmen to the foreigners. The rules regulating the rights and obligations of the local population and providing the protection of the local religious traditions were issued in 1874.
Keywords: Russian Empire, Central Asia, Iran, international relations, administration policy, Turkmen

© Д.В. Васильев, С.Д. Васильев, 2023

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00162), implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

For citation: Vasiliev, D.V., Vasiliev, S.D. (2023) Russians in Krasnovodsk. The Turkmen Steppe between Russia and Iran. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 21–27. doi: 10.17223/19988613/86/3

Известно, что первая серьезная попытка проникновения России в Туркменскую степь относится к началу XVIII столетия. Однако неудача экспедиции А. Бековича-Черкасского почти на столетие отсрочила появление российских агентов на восточном берегу Каспийского моря [1. С. 41–50]. Лишь активизация политики империи в Центрально-Азиатском регионе в середине XIX в. вновь поставила на повестку дня вопрос об утверждении влияния России в Закаспии. К этому времени в Петербурге и Тифлисе постепенно оформляется идея о необходимости занятия форпоста в Восточном Прикаспии и создании там российской фактории.

Высадку русских войск на восточном побережье Каспийского моря и основание там стоянки для русской эскадры можно было осуществить только с одобрения Персии [2. С. 30, 50]. Именно эти соображения российского Министерства иностранных дел в течение почти 10 лет сдерживали амбиции военных. Все попытки военного ведомства ускорить высадку войск в Красноводске и основать там оперативную базу успеха не имели.

К концу 1860-х гг. положение значительно изменилось. Россия утвердилась в Туркестане и фактически взяла Бухару под свой контроль. Однако ядро русских войск утрачивало свою силу в виду отдаленности от центральных районов империи. Удобным средством связи мог стать лишь путь через Хиву и Туркменскую степь. Разгром Хивы обрел актуальность. Возник план направления войск сразу со стороны Туркестанского генерал-губернаторства и Каспийского моря.

В условиях враждебной английской политики инициатива была полностью передана Военному министерству. Министерство иностранных дел должно было играть роль вспомогательной силы, оправдывая действия войск, прикрывая их ссылками на «торговые интересы».

Нельзя не упомянуть и об антирусской деятельности английской разведки среди туркменского населения. Еще в 1830–1832 гг. в степи тайно побывал британский резидент А. Борнс, который, как видно из его книги [3], старался перетянуть на свою сторону отдельных туркменских старшин. Есть свидетельства о том, что некий английский агент по имени Мухаммед-бек в начале 1850-х гг. путем уговоров и подкупов подстрекал туркмен против российского крейсерства [2. С. 571–587]. В 1859 г. подрывную работу среди туркмен, направленную против России, вел английский консул в Иране Ч.Ф. Макензи. Антироссийскую пропаганду среди туркмен английские агенты продолжали и в последующие годы.

Как бы то ни было, русские войска были высажены у Красноводска в конце октября 1869 г., и на первых порах прикаспийские туркмены (йомуды, гокланы и др.) оказались достаточно дружелюбными и даже оказывали своего рода содействие. Однако вскоре туркменская родовая знать почувствовала сокращение своего влияния и утрату такой выгодной статьи доходов, как аламанство[1]. Важно отметить также и тот факт, что войсковое командование часто не считалось с местными условиями и традициями, пренебрегая необходимыми мерами предосторожности, что, в свою очередь, привело к восстанию туркменских племен под руководством местных авторитетов: Сафихана, Пурмухаммада, Нурберды-хана и др. [4. С. 133]. Эта коалиция осуществила ряд нападений на русские войска. В свою очередь, наступательные действия последних под руководством полковника В.И. Маркозова в 1872 и 1873 гг. [2. С. 114–129] и репрессии против туркмен лишь усилили решимость местного населения к сопротивлению.

Трудно оспорить тезис о том, что «…главнейшей целью занятия нами Красноводска было установление чрез этот пункт прямого торгового пути с Кавказа и Восточной России в Среднюю Азию. Для достижения же этой цели непременным условием представлялось открытие… ближайших сношений с кочующими в окрестностях туркменами, привлечение их к торговым сделкам с нами, наглядное, так сказать, внушение им, как много теряют, или даже рискуют, удаляясь от такового…» [5. Л. 12]. Первые начальники Красноводского отряда по-разному интерпретировали свою миссию. Если Н.Г. Столетов стремился наладить добрососедские отношения с туркменами любыми доступными способами, то его преемник В. Маркозов изначально был в их отношении чрезвычайно жестким. И история ответила ему взаимностью.

Есть смысл остановиться на истории первых лет присутствия России на восточном берегу Каспийского моря в контексте российско-иранских отношений.

Почти одновременно с высадкой российского десанта в Красноводске утром 29 октября 1869 г. министр иностранных дел Персии пригласил к себе первого драгомана Императорской Миссии в Тегеране и выразил ему свою обеспокоенность тем фактом, что высадка планировалась в местности, которую шах всегда считал частью персидской территории. В тот же день российский посланник на встрече с Мирзой Саид-Ханом заявил, что «…императорское правительство не имеет никаких сведений, что красноводский берег когда-либо принадлежал Персии, что нет ни фактов, ни трактатов, которые бы подтвердили такое притязание, и что домогательства, не основанные ни на каких данных и ни на каких доказательствах, не могут никогда дать права на владение. Что же касается страны, обитаемой туркменами… то границы ее не определены; сами жители никогда не признавали и не признают никакого владычества; как Персия, так и Россия, принимая во внимание это обстоятельство, считали и счи-

тают туркменские дела вопросом, требующим разрешения». Предстоящее же предприятие… не нарушая ни чьих прав, оставляет этот вопрос в том же положении, в каком он находился до сих пор» [6. Л. 21 об.–23].

Узнав же о свершившемся занятии Красноводска, шах потребовал от российского посланника официального признания прав Персии над кочующими по Атреку и Горгану йомудами и отказа России от возведения на реках укрепления. Ответом на это стала телеграмма, отправленная из МИД в Императорскую Миссию в Тегеране 7 декабря 1869 г.: «Можете письменно ответить шаху, что до Атрека признаем владычество Персии и, следовательно, не имеем в виду никаких укреплений в этой местности» [6. Л. 23 об.].

Но как бы персидские власти ни были обеспокоены принадлежностью заатрекских туркмен, Тегеран сам не был в состоянии обеспечить безопасность в этом районе. В 1872 г. генеральный консул в Астрабаде по представлению В. Маркозова возбудил вопрос о необходимости размещения по Атреку персидской пограничной стражи. За это дело взялся российский временный поверенный, который «…объяснил первому министру, что Персия, домогаясь признания своего господства на территории между Гюргенем и Атреком, тем самым приняла на себя известную ответственность, и что одна из первых ее обязанностей в этом смысле заключается в том, чтобы отнюдь не допускать того, чтобы территория между этими реками служила местом убежища разбойников. Первый министр шаха согласился со справедливостью этих замечаний, но на предложенные меры обуздания населения он чистосердечно заметил, что… эти кочевники страшны для персиян, тогда как эти последние не имеют против них никаких средств» [6. Л. 109 об.–110].

Совершенная в конце 1872 г. рекогносцировка Красноводского отряда в крепость Кари-Кала, лежавшую на правой стороне от Атрека, вызвала с иранской стороны очередной всплеск беспокойства, который был погашен заверением поверенного в делах о том, что вторжение российских войск носит временный характер и не имеет целью возведение там военного укрепления [6. Л. 110 об.–112 об.].

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве хранится «Оправдательная записка» полковника Василия Ивановича Маркозова [7. Л. 1–238 об.], командовавшего с 1872 по 1873 г. Красноводским отрядом. Этот документ, представляющий собой текст выступления В.И. Маркозова перед армейскими офицерами во время одного из занятий по тактике, можно датировать второй половиной 1874 г., когда он некоторое время после возвращения из отставки, вызванной неудачей Красноводского отряда в Хивинском походе 1873 г., состоял при кавказском военном начальстве до назначения в 1875 г. командиром 128-го пехотного полка [8. С. 109]. Свое описание цепи событий, приведшей к трагедии отряда, полковник Маркозов начал с изложения собственного видения причин своего назначения в тогдашний центр российского присутствия на восточном берегу Каспийского моря – Красноводск – на смену начальника военного отряда полковника Н.Г. Столетова.

Следующий фрагмент записки весьма симптоматичен. Он свидетельствует как о слабом знакомстве российских властей с условиями региона, так и об отсутствии в нем четко сформулированной миссии имперских войск. С другой стороны, автор подчеркивает главный резон российского присутствия – развитие торговых связей России с народами региона: «Смена предшественника моего, насколько я могу судить, была результатом того неопределенного положения, в котором находился отряд с первого же дня высадки его на восточный берег Каспийского моря, а это обстоятельство, в свою очередь, было последствием того, что не только полковник Столетов, но даже и те, которые его туда отправили, не выяснили себе хорошенько, для чего именно посылается отряд. Отправление его опять-таки, сколько мне известно, мотивировалось главным образом желанием установить, или по крайней мере способствовать установлению, торговых сношений со Средней Азией» [7. Л. 4 об.].

Следом В. Маркозов кратко описывает первые мероприятия по организации российской администрации в Туркменской степи. Вместе с отрядом Столетова в Красноводск прибыли два агента Министерства финансов, которых снабдили «подробной инструкцией и большим количеством шнуровых книг для ведения надлежащей отчетности по взиманию пошлин». С плохо скрываемым сарказмом автор записки описывает эту инструкцию как курьезный документ, мало учитывавший местные условия: «Читая этот документ можно подумать, что в Министерстве финансов впредь на всякий случай подготовлена нормальная (стандартная. – *Д.В., С.В.*) инструкция, которая затем, по мере надобности, выдается агентам со вписанием лишь собственного имени той страны, которую предположено занять, будет ли это Румыния, Трансильвания, Галиция или Закаспийский край» [7. Л. 4 об.].

Кроме профессиональных фискальных функций на финансовых агентов возлагались обязанности мировых судей во всей округе с подчинением их Астраханской палате уголовного и гражданского суда, куда с апелляциями могли обращаться недовольные русские и туркмены. Маркозов негодовал: «Можно себе представить, насколько туркмену понятны эти формы, и в состоянии ли он обжаловать постановление судьи, когда только один из тысячи у них слыхал о существовании Астрахани и когда, конечно, ни одному из них не известно, что за учреждение палата уголовного и гражданского суда» [7. Л. 4 об.]. Заметим, что такое преобразование вводилось среди туркмен в то время, как уже несколько лет (с 1868 г.) более или менее регламентированные народные суды функционировали севернее и восточнее региона – у подданных России казахов и оседлых жителей Мавераннахра.

Неустроенности новой административной системе добавляло то обстоятельство, что сам Красноводский отряд подчинялся кавказскому начальству Военного министерства, а наделенные весьма широкими гражданскими полномочиями агенты – Министерству финансов. Такое двоевластие не могло стать основой для стабильного развития региона: «…в Красноводске неминуемо должны были быть вечные неприятности

между военной властью, с одной стороны, и, так сказать, гражданской, с другой, так как приказания, получаемые этими властями, исходя из различных источников, редко бывали предварительно согласованы, а это затрудняло дело и при Столетове и при мне. Вообще, как кажется, одной этой инструкции достаточно для того, чтобы прийти к заключению, что о Закаспийском крае до позднейшего времени имелись лишь самые туманные понятия» [7. Л. 7 об.].

Приступая к изложению собственной позиции в отношении туркмен и взаимодействия с ними, В. Маркозов, вполне естественно, остановился на описании административного опыта своего предшественника: «…если Столетов и был виноват относительно их, то только в том, что непомерно их баловал и ласкал. Целая сотня различных плутов приезжала и жила у него в гостях помесячно, объедая отряд и не принося последнему решительно никакой пользы, а затем, получив щедрые подарки, разъезжалась, заменяемая другими. Я понимаю, что и этим путем можно было добиться установления желаемых связей с туземцами и вообще приучить их к себе, но для этого, по моему мнению, требовались целые столетия» [7. Л. 7 об.].

Сам же новый начальник Красноводского отряда исповедовал несколько иные принципы: «…я возымел желание поставить дело так, чтобы они (туркмены. – *Д.В., С.В.*) ценили наши ласки, а потому, когда один раз какой-то гоклан, получив в подарок 4 головы сахара, 4 фунта чая, серебряные часы и сукно на халат, ворвался ко мне в кибитку и потребовал, чтобы ему дали еще 16 голов сахара и обменяли подаренные часы на золотые, я приказал дать ему пятьдесят горячих плетей в присутствии всех остальных гостей» [7. Л. 23–23 об.].

Понятно, что, желая быть удачливее своего предшественника, Маркозов попытался «приласкательную» тактику Столетова, которая не показала высокой эффективности, сменить на жесткую и требовательную.

Постоянно нуждаясь в поддержке местного населения – в первую очередь в поставке верблюдов для отряда – полковник Маркозов заметил, что на туркмен не действуют ни «маслагаты» (уговоры), ни подарки. Тогда он перешел к крутым мерам: «…я признал необходимым ускорить конец бесплодных переговоров и послал окружить аул и заарестовать стариков. На другой же день прислали 180 верблюдов. Этого было мало. Мне нужно было по крайней мере 500. Я объявил им, что если через 6 дней не приведут еще 320, то повезу вьюки на них и ихних женах и ради пущей острастки их же самих заставил вязать меньшие вьюки в два и три пуда. Через неделю мы выступили» [7. Л. 27].

Как видим, новый подход Маркозова приносил свои плоды. Но насколько его методы были надежными и можно ли было рассчитывать на них в будущем? Ответ на этот вопрос дало само время.

А пока, осенью 1872 г., команда Маркозова отправилась в рекогносцировочный поход, где полковник продолжил практиковать полюбившиеся ему приемы взаимодействия с местным населением. «В Топьестане удалось нам захватить шедший из Хивы на Атрек караван в 300 с небольшим верблюдов, которых повели мы с собою, для того чтобы, воспользовавшись ими, сходить еще и в Чекишляр, если силы и обстоятельства позволят нам это сделать» [7. Л. 38].

Надо признать, сам Маркозов понимал, что такие его действия далеко не вызывали симпатию у туркмен. Иллюстрацией тому служит приказ № 127, изданный начальником Красноводского отряда накануне выступления 26 сентября 1872 г. из Топьестана: «В случае моей болезни или других каких-либо обстоятельств, могущих лишить меня возможности распоряжаться лично управлением вверенного мне отряда во время настоящего похода, впредь до особого распоряжения высшего начальства в командование оным вступить полковнику Клугену» [7. Л. 60–61]. У закаспийского начальника были все основания опасаться за собственную жизнь: «Я часто оставлял целые семейства туземцев среди степи на произвол судьбы, отбирал у них последнего верблюда и вообще сделал туркменам столько зла, что, будь они сколько-нибудь порядочнее, наверное, воткнули бы мне нож в горло, и к тому у них была полнейшая возможность, так как среди нашего лагеря постоянно шныряли они свободно» [7. Л. 62 об.].

Столь жесткое отношение начальника Красноводского отряда к коренному населению региона вскоре сыграло с ним злую шутку. Накануне выступления вверенного ему подразделения в Хивинский поход 1873 г. подчиненные Маркозова остались без перевозочных средств. Получить верблюдов от Мангышлакского отряда полковника Н.П. Ломакина в силу некоторых причин не удалось. Окрестные туркмены под любыми предлогами отказывались выполнить поручение российского начальства и откочевывали на безопасное для себя расстояние. Ничего не оставалось другого, как двинуться на и за Атрек (т.е. на персидскую территорию) и силой отбить у местных туркмен необходимое количество животных [7. Л. 149]. Опуская детали и то обстоятельство, что переход через государственную границу не приветствовался высшим начальством, заметим, что во время этой «воровской» экспедиции подчиненным Маркозова удалось захватить 2 600 верблюдов и пару сотен получить от окрестных Красноводску туркмен на добровольной основе [7. Л. 167 об.]. Так или иначе, экспедиция за Атрек задержала отправку Красноводского отряда в Хиву, что стало главной причиной его неудачи.

Весьма интересны относящиеся к 1874 г. размышления В. Маркозова о судьбе туркмен, оказавшихся в пределах Персидского государства. Они заслуживают внимания в том числе и потому, что в 1860–1870-е гг. среднеазиатская политика Российской империи если и формулировалась в Петербурге, то реализовывалась военачальниками в степях и оазисах казахских жузов, Мавераннахра и Закаспия. И часто именно от воли последних зависели не только пределы российской власти в регионе, но и сами пределы владений империи. Завершает свою «Оправдательную записку» В. Маркозов рассуждением о том, что для России самым удобным было передвинуть границу с Персией за Атрек, в место проживания оседлых туркмен, «…из которого, не двигаясь, легко будет повелевать в южной половине Закаспийского края» [7. Л. 235].

Развивая эту мысль, далее он оценивает возможности иранской стороны по контролю над подвластными ей туркменами: «Что касается Персии, то ее, казалось бы, можно вразумить, что власть ее на туркмен была и всегда останется только воображаемой». А уже в следующей фразе сквозят как противопоставление цивилизационной миссии России в Средней Азии, которую империя усматривала в постепенном превращении туркмен в своих полноценных подданных, так и перспектива возможной войны между двумя государствами: «Суниты туркмены не сольются с шиитами персами. На случай войны с Россией не по Атреку придется ей устраивать свою первую оборонительную линию, так как река эта, сама по себе будучи весьма незначительна и везде проходима вброд, не представляет никаких удобств для обороны. Ее первую оборонительную с этой стороны линию, конечно, составит продолжение того же самого Эльбрусского хребта, за которым не живут туркмены так точно, как к северу от него не живут персы… Таким образом горы, а не река должны составлять границу Персии и как с точки зрения этнографической, так и географической и военной».

Предлагая таким образом передвинуть российско-персидскую границу на юг, Маркозов обосновывал право и обязанность империи установить собственный контроль над всеми туркменскими племенами: «Народ, который в пределах нашего государства проводит две трети года и иначе делать не может, который, в случае послабления за ним надзора, не даст пройти ни одному каравану из Внутренней Азии к морскому берегу, который не может отказаться добровольно от привычки дедов наполнять свои кибитки невольниками, для которых с покорением Хивы стало только одним рынком меньше, не может быть нами оставлен без внимания тем более, конечно, что обуздать его не в силах Персия».

Обосновывая далее минимальные затраты на обустройство новой границы, В.И. Маркозов возвращается к перспективе военного конфликта с южным соседом. «В случае войны с Персией, форсировав горные проходы, наши войска смело могут наступать в любую сторону; они везде найдут воду, а средства страны дозволят значительно уменьшить их обиды». Главной причиной военных действий против Персии бывший начальник Красноводского отряда называл ее невозможность контролировать своих подданных туркмен и «…гарантировать пределы соседнего государства от бесчинств, творимых ее подданными».

Понимая при этом невозможность решения затрекского вопроса в ближайшем будущем, Маркозов ставил в повестку дня вопрос об усмирении текинского племени: «Расправа с ним представляется делом совершенно домашним (внутренним. – *Д.В., С.В.*) и безотлагательным». А далее он ставит внутриполитические задачи в отношении туркмен, которые и будут решены правительством в самое ближайшее время. «В такой же мере требуют… решения… вопросы о праве собственности туркмен – островитян и береговых. Нужно неизбежно определить отношения их к нам, дать им суд и установить над ними власть. Не менее того необходимо определить права русских в том крае, чтобы дать в нем жизнь промышленности и поддержать ее» [7. Л. 235–238 об.].

Заметим, что в отношении Ирана российскому дипломатическому ведомству удалось сдержать аппетиты среднеазиатского генералитета. Складывается впечатление, что Петербург достаточно высоко дорожил добрососедскими отношениями с Тегераном, а потому, имея реальную возможность аннексировать заатрекские земли, российские военные не решились двинуться на юг, избрав теке и Мерв в качестве ближайшей военной цели, и сосредоточились на наведении внутреннего порядка среди туркмен.

Выше подчеркивалось, что судьба туркмен находилась в центре российско-иранских отношений XIX в. Считаем целесообразным еще раз обратиться к этому вопросу. После неудачи Хивинской экспедиции полковника В.И. Маркозова начальником вновь образованного Закаспийского отдела стал генерал-майор Н.П. Ломакин, прежде возглавлявший Мангышлакский отряд. Его первый заметный шаг в новой должности был отмечен грандиозным скандалом. Вступая в должность, он обратился к туркменам с воззванием, которое вызвало горячий протест со стороны персидского правительства, ибо доставленный из Астрабада в Тегеран экземпляр этого воззвания содержал упоминание о Ломакине как о назначенном российским императором начальнике абсолютно над всеми туркменами (в том числе кочующими за Атреком и Горганом). Претендуя на господство над южно-туркменскими племенами, Иран не мог не заметить столь откровенный демарш [6. Л. 138–146]. Не вдаваясь в подробности этого дела, заметим, что российскому посланнику в Тегеране в очередной раз «…поручено было заявить министру иностранных дел Персии уверения от имени его величества о твердом соблюдении нами заключенного с персидским правительством условия относительно атрекской границы и об искреннем желании императорского правительства поддерживать на этой границе взаимные отношения доброго соседства» [6. Л. 146].

Как бы то ни было, но именно из Тегерана в адрес великого князя Михаила Николаевича, якобы основываясь на предварительной договоренности с последним, вскоре прозвучало предложение о совместных военных действиях против туркменского племени теке. «Обещаясь довести об этом до сведения великого князя главнокомандующего Кавказской армией, наш посланник заметил персидскому министру иностранных дел, что великий князь, сколько ему было известно, говорил о йомудском племени и вообще о туркменах, зависимых до некоторой степени от Персии, а не о текинцах. “Домогательства же персидского правительства, – пишет… (посланник. – *Д.В., С.В.*), – содействовать нам можно объяснить надеждой упрочить, благодаря нашим успехам, свое влияние между текинцами, а также желанием заявить нам свои претензии на племя теке, которое никогда не покорялось персам и было всегда угрозой для ее хорасанской границы. Кроме этого, Мирза Гусейн-хан добивается, если не ошибаюсь, заручиться согласием на участие персидского правительства во всех делах и столкновениях наших с туркменами”» [6. Л. 170–171].

На это военный министр Д.А. Милютин ответил: «…я с своей стороны полагал бы полезным в настоящее время отклонить всякое предположение о движении наших войск в земли текинцев как для того, чтобы держаться в точности того образа действий, который установлен в последнем совещании по этому предмету, если на это последует высочайшее утверждение, так и для того, чтобы не дать повода персианам вмешаться в наши дела в Закаспийском крае. По моему мнению, согласование наших действий с персидскими можно допустить разве исключительно только для разрешения каких-нибудь пограничных дел, т.е. собственно линии Атрека, но отнюдь не в наших пределах» [6. Л. 171–171 об.].

Этот инцидент получил окончательное разрешение в высочайше утвержденном отношении МИД к российскому посланнику в Тегеране. «Независимо от неоднократно доказанной несостоятельности персидских военных сил в борьбе с кочевниками, нельзя не предвидеть, что всякое соглашение по вопросам, касающимся туркмен, поведет только к усложнениям и даст повод персидскому правительству к заявлению разных неуместных претензий. По этим соображениям Министерство иностранных дел поручает Вашему превосходительству в случае новых заявлений со стороны персидского министра положительно отклонять все подобные предложения. В настоящее время Вам разрешается объявить персидскому правительству, что с нашей стороны не предположено отправлять какой-либо военной экспедиции против туркмен. На случай же нападения туркменских шаек на наши караваны или съемочные партии у нас всегда находятся в готовности малочисленные отряды, но так как движение оных в одном или другом направлении зависит совершенно от местных обстоятельств, которых предвидеть невозможно, то и соглашение о совместных действиях с севера и юга в пределах туркменской степи невозможно осуществить на деле» [6. Л. 172–173].

Однако в этом случае инцидент исчерпан не был. С начала 1876 г. отмечались неоднократные дерзкие набеги текинцев на северные районы Персии, которые вызвали действия Тегерана по привлечению их в персидское подданство. «Вследствие сообщения главнокомандующего Кавказской армией о происках Персии в Ахал-Текинском оазисе, Министерство иностранных дел предписало поверенному в делах в Тегеране “заявить министру иностранных дел, что стремление шахского правительства подчинить своему влиянию ахал-текинцев поставит нас в необходимость противодействовать ему всеми мерами, так как ахал-текинцы, кочуя на правом берегу Атрека, входят в район деятельности и наблюдения нашего Закаспийского военного отдела”» [6. Л. 241 об.].

Примечательно, что уже в 1876 г. Н.П. Ломакин призывал правительство одобрить движение российских войск в Ахал-Теке и подчинить его Закаспийскому отделу. «По мнению генерал-майора Ломакина, возбужденный вопрос о подданстве ахал-текинцев персидскому шаху есть дело происков английских агентов и денег. Для предотвращения этих происков необходимо движение в Ахал-Текинский оазис. Но при этом нужно иметь в виду и следующее обстоятельство: вопрос о Мерве есть вопрос времени, а от Каспийского моря ближайшая кратчайшая и удобнейшая дорога к Мерву и Афганистану идет через Ахал-Текинский оазис, поэтому нам никак не следует упускать теперь из рук этот оазис, который почти уже был в наших руках, и допускать, чтобы тут стала нам на пути Персия с враждебным нам английским влиянием» [6. Л. 242–242 об.].

Приведенный фрагмент свидетельствует не только о намерении российских военных завершить продвижение в Туркменскую степь покорением всех местных племен до Атрека, но и о постоянном учете опасности усиления британского влияния в регионе, чего в России не могли допустить ни в коем случае.

Основание Красноводска и укрепление за Россией восточного берега Каспийского моря регламентировались во Временном Положении о военном управлении в Закаспийском крае 1874 г. Границы Закаспийского края проходили по заливу Мертвый Култук на севере, по р. Атрек на юге и от Каспийского моря до западных границ Хивы. Северные, западные и южные границы были отмечены довольно определенно, чего нельзя сказать о восточных и юго-восточных границах. Управление осуществлялось приставом, а местное – по волостям и аулам. Учреждался суд биев, запрещались жестокие наказания, местное население облагалось кибиточной податью, вносило земский сбор и исполняло натуральные повинности: исправляли дороги и мосты в местах кочевания, выдавали для проезда должностных лиц лошадей и вьючный транспорт за плату [2. С. 142–151]. Всякие сборы и повинности, не утвержденные правительством, строго запрещались. Местное население сохраняло свои обычаи, быт, религию, охраняемые правительством. Туркменам предоставлялось право обращаться за помощью к врачам, распределенным по штатам отдела, которые обязаны были лечить их бесплатно, и, кроме того, туркмены могли пользоваться казенными больницами и лазаретами [4. С. 132].

Положение 1874 г. имело большое значение уже потому, что впервые вводило среди туркмен административный порядок с регламентацией прав и обязанностей местного населения, охраной религии и твердой фиксацией повинностей населения. Обнародование этого документа повлекло за собой привлечение симпатий со стороны не только местного населения, но и соседних районов северного Ирана. Все это вполне соответствовало намерениям российского правительства сделать новую власть понятной и доступной для туркмен по обе стороны Атрека.

Примечание

[1] Разбой, в основном проявлявшийся в грабеже караванов, проходивших по дорогам Закаспия, а также близлежащих населенных пунктов Персии.

Список источников

1. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
2. Присоединение Туркмении к России : (сб. архивных документов) / под ред. А. Ильясова. Ашхабад : Изд-во Акад. наук Туркмен. ССР, 1960. 823 с.
3. Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества / изд. П.В. Голубкова. Ч. 1–3. М. : Унив. тип., 1848–1849.
4. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент : Фан, 1969. 456 с.
5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 307. Ед. хр. 11.
6. ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 24.
7. ОПИ ГИМ. Ф. 307. Ед. хр. 13.
8. Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М. : Центрполиграф, 2009. Т. 2: Л–Я. 830 с.

References

1. Vasiliev, D.V. (2014) *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Russia and the Kazakh steppe: Administrative policy and the status of the outskirts. The 18th – first half of the 19th century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
2. Ilyasov, A. (ed.) (1960) *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii: (sb. arkhivnykh dokumentov*) [Accession of Turkmenistan to Russia: (a collection of archival documents)]. Ashkhabad: Turkmen SSR AS.
3. Bournes, A. (1848–1849) *Puteshestvie v Bukharu: rasskaz o plavanii po Indu ot morya do Lagora s podarkami velikobritanskogo korolya i otchet o puteshe-stvii iz Indii v Kabul, Tatariyu i Persiyu, predprinyatom po predpisaniyu vysshego pravitel'stva Indii v 1831, 1832 i 1833 godakh leytenantom Ost-Indskoy kompaneyskoy sluzhby, Aleksandrom Bornsom, chlenom Korolevskogo obshchestva* [Journey to Bukhara: A story about the voyage along the Indus from the sea to Lagore with gifts from the British king and a report on the journey from India to Kabul, Tartary and Persia, undertaken by order of the highest government of India in 1831, 1832 and 1833, by Lieutenant of the East India Company Service, Alexander Bournes, Fellow of the Royal Society]. Moscow: Univ. tip.
4. Khidoyatov, G.A. (1969) *Iz istorii anglo-russkikh otnosheniy v Sredney Azii v kontse XIX v. (60–70-kh gg.)* [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia in the late 19th century (1860–70s)]. Tashkent: Fan.
5. The Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). Fund 307. File 11.
6. The Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). Fund 307. File 24.
7. The Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). Fund 307. File 13.
8. Volkov, S.V. (2009) *Generalitet Rossiyskoy imperii: entsiklopedicheskiy slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II* [Generals of the Russian Empire: An encyclopedic dictionary of generals and admirals from Peter I to Nicholas II]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.

***Сведения об авторах*:**
Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: dvvasiliev@mail.ru
Васильев Сергей Дмитриевич – аспирант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: visaramis@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Vasiliev Dmitry V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National History of the Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Vasiliev Sergey D. – Postgraduate Student of the Department of National History of the Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: visaramis@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2019; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 01.09.2019; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/86/4

Исламский фактор в реализации национальной политики в первые годы советской власти (по материалам Западной Сибири)

Петр Константинович Дашковский[1], Елена Александровна Шершнева[2]

[1, 2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] D2703@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается значение религиозного фактора в развитии национальной политики в стране в первые годы советской власти. На основе архивных материалов сделан вывод о том, что национальная политика советского правительства, испытывая потребность в поддержке со стороны национальных образований, вместе с тем стремилась к искоренению религиозной культуры народов России. Особенно остро данный вопрос стоял в отношении народов, исповедующих ислам, поскольку религиозный фактор являлся преобладающим при их национально-культурном самоопределении.
Ключевые слова: национальная политика, мусульмане, Западная Сибирь, Алтай, мусульманские общины

Благодарности: Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Для цитирования: Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Исламский фактор в реализации национальной политики в первые годы советской власти (по материалам Западной Сибири) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 28–35. doi: 10.17223/19988613/86/4

Original article

The islamic factor in the implementation of national policy in the first years of soviet power (based on Western Siberia)

Petr K. Dashkovskiy[1], Elena A. Shershneva[2]

[1, 2] Altay State University, Barnaul, Russian Federation
[1] dashkovskiy@fpn.asu.ru
[2] D2703@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to explore the situation of the Muslim peoples of Western Siberia in the context of the national policy of the Soviet state. In connection with this goal, the following tasks were supposed to be solved: to examine the attitude of political forces in the country to national minorities in the first years of Soviet power; to analyze the measures taken by the Soviet government in relation to the Muslim peoples.

The methodological basis of the article consists of the principles of historicism, objectivity and determinism, which imply a comprehensive critical analysis of the historical processes that determine the legal status of national communities of the Muslim faith in the first years of soviet power in Western Siberia.

The source base of the study was the normative legal acts adopted in the first years of Soviet power, as well as archival materials reflecting the measures taken by the state to control the national communities of the Muslim faith in Western Siberia. In addition, the documents demonstrating the international aspect of the implementation of the national policy of the Soviet state were analyzed.

In the course of the study, the authors came to the following conclusions: with the change of the political regime in Russia, the national question remains relevant for all forces involved in the political struggle. This issue was particularly acute for the peoples professing Islam, as the national factor was inextricably linked with the religious worldview. The Soviet government in the early years of the Soviet regime saw support among the Muslim peoples that could help to strengthen their power.

The management system provided for the creation of special bodies which were responsible for the implementation of national policy in the regions. In particular, the article deals with the activities of the Altai provincial Department of nationalities of the Tomsk province in the first years of Soviet power. However, with the strengthening of the role of Soviet power in Russian society and the announcement of a policy aimed at eradicating the religious worldview, it is the Muslim

© П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева, 2023

peoples that begin to experience serious oppression from the state. However, until the mid-1920s, the Soviet Government had to take into account the fact that national and religious factors were inseparable among the Turkic-speaking peoples of the country. The Soviet government even joined in the process of returning Turkish prisoners of war who had been captured by the Russian army during the First world war to demonstrate loyalty to the Muslim peoples of the country.
Keywords: national politics, Muslims, Western Siberia, Altai, Muslim communities

Acknowledgements: The work was prepared within the framework of the implementation of the RNF grant on the topic "Religion and power: the historical experience of state regulation of the activities of religious communities in Western Siberia and adjacent regions of Kazakhstan in the XIX-XX centuries" (project No. 19-18-00023).

For citation: Dashkovskiy, P.K., Shershneva, E.A. (2023) The Islamic factor in the implementation of national policy in the first years of soviet power (based on Western Siberia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 28–35. doi: 10.17223/19988613/86/4

В Российской империи как многонациональном государстве всегда очень остро стояла проблема регулирования межнациональных отношений. Национальный вопрос остался актуальным и при смене политического режима, который произошел в 1917 г., после прихода к власти партии большевиков. Особое внимание новое руководство страны уделяло вопросам национально-культурного и религиозного положения мусульманских народов. Несмотря на то, что уже в 1918 г. советское правительство провозгласило свою независимость от религиозного мировоззрения, отношение к исламу оставалось неоднозначным. Это было связано с тем, что ислам был не только религиозным мировоззрением, но и образом жизни значительной части населения страны. Гибкость политики большевиков по отношению к исламу была связана, с одной стороны, с необходимостью социальной опоры только создаваемого государства, а с другой – с осознанием особой роли ислама в жизни мусульманских народов страны [1. С. 331].

Активная позиция многих народов по отношению к самоопределению потребовала от большевиков решительных мер, и уже в 1917 г. создается Народный комиссариат по делам национальностей [2. С. 187]. В декабре 1917 г. было опубликовано обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Согласно данному документу мусульмане России могли организовывать свою жизнь с учетом национальной и культурной специфики [3. С. 220].

В рамках организации жизни мусульманских народов страны в 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей был создан Центральный мусульманский комиссариат, который возглавил мулла Нур Вахитов. Главной задачей данного органа было приобщение мусульманского населения к политической жизни страны. В циркулярах и информационных письмах, направляемых в Центральный мусульманский комиссариат, давались рекомендации по ведению антирелигиозной пропаганды в мусульманской среде. При этом уделялось внимание именно роли самого ислама в тюркоязычной мире. За выполнение антирелигиозной работы должны были отвечать национальные бюро на местах, а именно губернские и уездные мусульманские комиссариаты [4. С. 43–44]. При содействии мусульманских комиссариатов шло комплектование мусульманских социалистических отрядов, батальонов и полков. Кроме того, готовились и выпускались пропагандистские материалы для мусульман на национальных языках. В 1917 г. в Омске прошел окружной мусульманский военный съезд, в рамках которого было решено сформировать мусульманские роты в омском и томском гарнизонах. В ноябре 1917 г. в Томске открылся I Сибирский мусульманский военный съезд [2. С. 191–192]. Однако уже летом 1918 г. деятельность мусульманских комиссариатов была прервана. Мусульманские военные части были объединены с русскими и переданы в подчинение командования Красной Армии [5. С. 115].

Важность привлечения мусульманского компонента в политическую борьбу видело не только советское руководство. В частности, в 1918 г. создается Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания как первое антибольшевистское правительство. При Комитете был создан Отдел национальностей, который возглавил член Всероссийского Учредительного Собрания от мусульман Фатих Насырович Тухватуллин. Задачи отдела – формирование армии по национальному признаку, распространение власти Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания среди народов России, а также регулирование межнациональных отношений и разработка законопроектов по национальному вопросу [6. С. 43].

Для Временного сибирского правительства, созданного в противовес большевистскому, национальный вопрос также становится одним из ключевых. Решение проблемы межнациональных отношений являлось важным вопросом политики А.В. Колчака. Главной его задачей было сохранение «единой и неделимой» России. В данном вопросе А.В. Колчаком был проявлен консерватизм. Восстановление могущества государства являлось первостепенным для правительства А.В. Колчака. В связи с этим решение любых вопросов, в том числе и национального, исключало возможность демократического подхода. Отношение к данному вопросу определялось исключительно прагматизмом со стороны Сибирского правительства [7. С. 20]. Однако отдельным национальностям Сибири национально-культурная автономия была предоставлена. В рамках автономии закреплялось право на создание учебных заведений всех уровней с преподаванием на родном языке, создание местных судов с подчинением их государственному. Кроме того, такие автономии получали право использования местных языков в органах местного самоуправления при условии, если не менее 50% населения говорит на традиционном для данной этнической группы языке [8. С. 135–136]. Ярким примером авто-

номии, полученной от правительства А.В. Колчака, но одновременно с этим по-прежнему испытывающей на себе гнет со стороны правящих кругов, стала Алаш Орда с центром в Семипалатинске. Созданное образование особое внимание уделяло развитию национальных хозяйств и промышленности. Им были установлены связи с банками. Однако, как показали исторические события, Алаш Орда оставалась подконтрольной А.В. Колчаку и обязана была обеспечивать всем необходимым вооруженные силы Омского правительства. А.В. Колчак в отношении казахов-мусульман представал в роли диктатора, со всеми последствиями, известными еще с царских времен [7. С. 20–21].

Создавая национальные военные образования, правительство А.В. Колчака особое внимание уделяло идеологической стороне вопроса. В идеологической работе среди национальных частей акцент делался на добровольческом духе, фанатической религиозности и опасности иноземного вторжения, которое должно было последовать за приходом к власти большевиков. Военная агитация обращала внимание национальных частей также на то, что большевики будут стремиться к культурному растворению национальных элементов. Следует отметить, что подобного рода формирования не отличались политической сознательностью, что, конечно же, понимал и А.В. Колчак. Поэтому он скептически относился к данным частям. Однако это не мешало активно вовлекать их в политическую борьбу [9. С. 43–45]. Кроме того, в августе 1919 г. было принято решение о создании отрядов Зеленого знамени. В омских мечетях муллы стали призывать к священной войне против большевиков. Такие отряды Зеленого знамени начинают формироваться по территории всей Сибири [2. С. 304].

Следует отметить, что, несмотря на все попытки вовлечения мусульманского населения в политическую борьбу, основная масса мусульман считала, что революция может лишь погубить начавшиеся преобразования общественной жизни. Любые же политические потрясения будут только мешать самоопределению мусульманских народов. Однако позиция мусульман была не едина. Всероссийский мусульманский военный совет изначально выступил с поддержкой Октябрьского переворота 1917 г., так как видел в этом возможность формирования воинских частей по национальному признаку. Тем не менее начавшаяся уже в 1918 г. борьба большевиков с мусульманскими советами (меджлисами и шурой) усилила недовольство со стороны мусульман новым политическим режимом. К тому же большевиками было принято решение о наложении контрибуции на имущество мусульман, что не придавало популярности советскому правительству в Сибири в глазах мусульманского населения [2. С. 189, 194–196].

Несмотря на ведение политической борьбы за установление советской власти, правительство большевиков особое внимание начинает уделять вопросам организации жизни инородческого населения в регионах страны, в то числе и в Западной Сибири. Уже в конце 1917 г. Уездным исполнительным комитетом было направленно постановление Инородному волостному исполнительному комитету создать исполкомы на местах и выбрать делегатов на съезд по решению вопросов об улучшении жизни инородцев, который состоится в г. Бийске [10].

По мере укрепления позиций советской власти особое внимание начинает уделяться именно национальной составляющей в жизни мусульманского населения страны. На основании постановления ВЦИК о реорганизации Народного комиссариата по делам национальностей № 109 от 22 мая 1920 г., опубликованного в «Известиях ВЦИК», и постановления коллегии Народного комиссариата от 30 мая 1920 г. циркулярно предписывалось Центральный мусульманский комиссариат преобразовать в Татарский отдел Народного комиссариата. Руководство отделом возлагалось на представительство Автономной Татарской Социалистической Советской Республики, которое состояло из представителей и членов Татарского отдела Народного комиссариата и являлось представительством АТССР. Отдельное внимание уделялось решению вопросов экономического и культурного развития татар, оставшихся за пределами АТССР, путем внесения соответствующих проектов в центральные органы власти. Ввиду этого губернские и уездные мусульманские съезды, не входившие в состав АТССР, территориально сохраняли свое существование с переименованием в татарские отделы местных органов Народного комиссариата национальностей. В зависимости от национального состава они могли, согласно циркуляру, называться татаро-башкирскими, татаро-киргизскими. При этом существующие подотделы татарских отделов предписывалось сохранить до получения новых директив. Контроль за проведенной работой по организации отделов был возложен на заведующего отделом народного комиссариата национальностей и члена коллегии народного комиссариата национальностей М.Х. Султан-Галиева [11. Л. 19].

Важно подчеркнуть, что решение мусульманского вопроса для советского правительства приобретало значимый статус и в связи с воплощением в жизнь концепции мировой революции. Именно национально-освободительное движение на мусульманском Востоке, по мнению большевиков, должно было способствовать продолжению мировой революции [12. С. 33].

Несмотря на то, что советское руководство стремилось к формированию антирелигиозного мировоззрения и на первый план старалось выдвинуть проблему национального самосознания для мусульманских народов, религиозный фактор продолжал играть наиболее важную роль в самоопределении. В 1920-е гг. мусульманское духовенство по-прежнему оставалось реальной политической силой, которая отстаивала права своих прихожан и регулировало их жизнь. Мнение мулл для многих мусульман было решающим, поэтому к нему прислушивались даже на выборах депутатов в местные советы [13. С. 215]. Такое отношение к духовенству не изменилось даже с учетом того, что советским правительством Духовному управлению давалось право на существование только при условии невмешательства в политические вопросы [2. С. 196].

Значимую роль религиозных лидеров в жизни мусульманского населения подтверждает ваисовское движение. По мнению властей, ваисовцы представляли собой религиозно-националистическую секту-движение, ставившую перед собой цель объединения тюрок-мусульман под религиозными лозунгами для борьбы за права восточных народов. Лидер данного движения Газизян Ваисов пользовался уважением в Средней Азии. Советское правительство уделяло особое внимание международной деятельности Ваисова и оказывало ему содействие с целью получения поддержки военных и религиозных кругов Афганистана, Турции, Персии и других восточных стран. Однако, укрепив свои позиции, советские власти отказались от сотрудничества с Газизяном Ваисовым, который в 1926 г. был репрессирован [14. С. 43–44].

Советское правительство в 1920-е гг. волновала проблема контактов российских мусульман со своими единоверцами-эмигрантами, которые проявляли большой интерес к событиям, происходившим на Родине. Созданная в эмиграции и действующая в г. Берлине организация «Ашарихуль–Исламия» стремилась воздействовать на мусульман, проживающих в России, через авторитетных религиозно-национальных лидеров, в том числе муфтия Центрального духовного управления мусульман Р. Фахретдина [15]. Проблема влияния духовенства на мусульманское население страны была отмечена и в отчете Народного комиссариата по делам национальностей за 1924 г., где Центральное духовное управление мусульман рассматривалось как союз мусульманской буржуазии и духовенства. В связи с этим подчеркивалось, что данный орган оказывал только негативное влияние на мусульманское население страны [16. С. 5].

С целью организации наиболее успешной работы среди населения всем уполномоченным национальных отделов и губернскому исполкому Алтайской губернии был разослан циркуляр, которым предписывалось не позднее 1 апреля 1921 г. в Алтайский губернский отдел по делам национальностей предоставить: 1) статистические сведения о количестве всех национальностей, населяющих данную местность, краткий этнографический очерк до Октябрьской революции с указанием видов занятий населения, культурного и экономического уровня каждого народа; 2) краткий исторический обзор хода революции среди каждой нации, указав на деятелей-революционеров и особенно отметив героев, погибших на славном посту; 3) перечислить результаты партийных и советских органов среди национальных групп по каждой национальности; 4) конкретно указать, какое участие во всей работе принимали местные отделы по делам национальностей и их подотделы и секции; 5) описать краткую историю организации отдела с изложением тех положений, которые диктуются практической работой [11. Л. 14].

С начала 20-х гг. XX в. по всей стране начала проводиться работа по сбору сведений о жизни народов России. В 1921 г. в г. Омске прошло совещание так называемых туземцев, т.е. традиционных народов Сибири, на котором представителем томского подотдела национальных меньшинств был сделан доклад. В этом докладе он обратил внимание, что в Томской губернии проживает туземное население, представленное татарами, остяками, остяк-самоедами, телеутами, тунгусами и др. Доля традиционных этносов в губернии составляет 7% от общего населения губернии. В Новониколаевском уезде, согласно указанному докладу, проживало 1 800 киргизов (казахов). Жили они среди русских селений по отдельным аулам на бывших кабинетных землях. При этом у них не было школ и врачебных пунктов. Кроме того, русский язык взрослое население практически не знало, а дети вообще им не владели. Основным занятием казахского населения было скотоводство. Сибирские татары, проживавшие в Томской губернии, вели оседлый образ жизни, занимались хлебопашеством и скотоводством. Отмечалось также, что были татарские волости по типу русских селений. При этом медицинская помощь в них также отсутствовала. Их дети обучались в школах для «инородцев», т.е. для представителей традиционных этносов Сибири. По уровню жизни 65% татар составляли «бедняки» и 38% «середняки». Бедное население жило на землях, неудобных для хлебопашества. В целом отношение советской власти к коренному населению Сибири было хорошим [11. Л. 104–104 об.].

В мае 1921 г. в Горно-Алтайский уездный земский отдел и губернскому агенту Юдину было направлена бумага, в которой указывалось, что за истекшие полтора года установления советской власти в Алтайской губернии хозяйство местного коренного населения (татар, теленгитов, казахов) оставалось вне забот губернских земельных органов. В связи с этим необходимо обратить более пристальное внимание на «инородческие» хозяйства, т.е. хозяйства традиционных для региона этносов, с целью улучшения уровня жизни населения. Обращалось также внимание и на то, что некоторые меры могут потребовать серьезных финансовых вложений [17. Л. 38].

В докладе по национальному вопросу, прочитанном председателем революционного комитета на областном съезде советов ойратских народов в 1922 г., указывалось на недостатки национальной политики, проводившейся царским правительством. В докладе подчеркивалось, что просвещение среди инородцев в имперский период осуществлялось неверно, поэтому к моменту прихода советской власти большая часть населения Ойратской области оказалась совершено неграмотной. Именно благодаря тому, что Советом Народных Комиссаров 2 ноября 1917 г. было провозглашено самоопределение народов, населяющих Россию, а также отменены все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения, стало возможным развитие народов, проживающих в регионе [18. Л. 1–33]. Отмечалось также, что с установлением советской власти положение многих народов начинает улучшаться, изживают себя и межнациональные конфликты. Однако, на заседании 2-го Кош-Агачского волостного съезда, прошедшего в 1923 г., было отмечено, что в Кош-Агачском аймаке существуют три национальности, между которыми присутствует вражда, которую следует изжить [19].

Главной своей задачей в рамках национальной политики советское правительство ставило вопрос поли-

тизации национальностей. Данный курс был утвержден на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Съезд также обращал внимание на медленное вовлечение национального компонента в политическую систему и осуждал уклонизм в национализм [3. С. 225–226].

Данная проблема была связана с тем, что для мусульманских народов, проживающих в бывшей Российской империи, особое значение имел вопрос даже не столько получения национальной автономии, а точнее, не столько вопрос национального самоопределения, сколько проблема получения свободного решения религиозных вопросов. Национальный вопрос мусульманами России воспринимался в русле религиозной автономии и построения государственности на принципах религиозных свобод. Даже вопрос русификации населения был полностью связан с развитием религиозного (национального) образования [20. С. 48].

С целью усиления политической пропаганды в инородческой среде в 1923 г. был разработан план деятельности Алтайского губернского отдела по делам национальностей, основными пунктами которого были усиление агитационной работы среди алтайцев, киргизов (казахов) и кочевого туземного населения для привлечения их к оседлому образу жизни и создания охотничьих союзов и разъяснение им преимуществ такой жизни с экономической, культурной и санитарной сторон [11. Л. 74].

На XII съезде партии, состоявшемся в 1923 г., были определены стратегические цели национальной политики советского государства. Съезд обсудил межнациональные проблемы, с которыми столкнулось советское правительство, а также вопрос выравнивания культурного, экономического и политического уровня развития народов, проживающих в России [21. С. 117]. Особое внимание было уделено работе среди мусульманского населения страны. Чтобы избежать объединения мусульманских народов по религиозному признаку, Восточным отделом Объединенного государственного политического управления (ВО ОГПУ) были разработаны действия по расколу мусульманского населения страны, опираясь на этнические особенности различных национальных групп. Этим органом было отмечено, что по данному признаку уже разделилось само мусульманское духовенство [22. С. 139].

В 1923 г. на съезде партии было принято решение о ликвидации Народного комиссариата по делам национальностей в связи с тем, что данный орган решил поставленные перед ним задачи по созданию национальных объединений, и далее вопросы, касающиеся управления и положения народов, проживающих на территории РСФСР, должны быть переданы в ведение ВЦИК. Именно с XII съезда РКП(б) особая роль начинает отводиться процессам поднятия культурного уровня народов России и политике коренизации [20. С. 114].

По мнению партийного руководства, при проведении антирелигиозной работы с мусульманским населением особое внимание следовало уделять национальным особенностям и степени влияния религии на национальное самосознание. Кроме того, отмечалось, что важно проводить антирелигиозную пропаганду на родном языке. С целью проведения наиболее успешной работы по антирелигиозной пропаганде и привлечению к политической жизни среди сибирских народностей при Сибирском бюро ЦК РКП(б) был организован отдел национальных меньшинств, объединивший 15 национальных секций [1. С. 332–333].

Отдельное внимание уделялось антирелигиозной работе среди молодежи. Впервые вопрос о работе среди нерусской молодежи открыто обсуждался на I съезде Революционного коммунистического союза молодежи (29 октября – 4 ноября 1918 г.), где предлагалось создать национальные секции по примеру национальных секций РКП(б). В Сибири вопрос о работе среди молодежи национальных меньшинств впервые специально обсуждался на Сибирском совещании 20 мая 1920 г. На нем были обозначены трудности, с которыми предстояло бороться Революционному коммунистическому союзу молодежи. Инородческая молодежь признавалась более отсталой в культурном отношении, указывалось на отсутствие традиционной социальной структуры и фактическое отсутствие пролетариата как социальной группы. Указывалось также на большую роль религии и традиций в жизни инородческого населения, а также подчеркивалось, что незнание русского языка препятствовало распространению коммунистических идей. Подобные суждения относились прежде всего к мусульманской молодежи Сибири представленной преимущественно такими народностями, как татары, киргизы (казахи) и башкиры [23. С. 77].

В рамках проведения антирелигиозной пропаганды организовывались антирелигиозные праздники. Так, 18 июля 1924 г. в г. Барнауле было намечено проведение антирелигиозного «Курбан-Байрама». В одном из пунктов подготовительной работы рекомендовалось изготовить карикатуры, высмеивающие мусульманскую школьную традицию [1. С. 335].

Национальная борьба в 20-е гг. XX в. развернулась также и в рамках вопроса национального самоопределения народов, проживающих в России. Своеобразной политической уловкой в области национально-государственного строительства стала разработка Центральным мусульманским комиссариатом при Народном комиссариате национальностей Положения о Татаро-Башкирской Советской Республике [24]. Однако согласно самой идее «самоопределения нации» не допускались полная экономическая независимость национальных государств и их отделение. При этом самоопределение разрешается только тогда, когда сохранение национальных особенностей не противоречит государственным требованиям и не создает общественных учреждений [25. С. 335, 337]. К тому же в отчете за 1924 г. Народным комиссариатом по делам национальностей отмечалось, что нельзя смешивать вопрос о праве на отделение с вопросом целесообразности отделения народов [16. С. 3].

Национальный вопрос, связанный с положением мусульманских народов в России, имел международный характер. События Первой мировой войны осложнили отношения переселенцев из Турции, сохранивших подданство Османской империи, но проживавших в России, с татарским населением [26. С. 102]. По окончании войны количество турок-мусульман, проживавших на

территории России, увеличилось за счет военнопленных, которые с установлением советской власти получили возможность вернуться на родину. Данный факт подтверждается запросом Иностранного отделения Сибирского революционного комитета г. Новониколаевска в административный отдел губернского исполкома, в котором просили сообщить, чем руководствовались при отправке турецких граждан на родину, так как, кроме бюллетеня НКВД от 3 декабря 1923 г., где помещена инструкция о реэвакуации турецких граждан, никаких циркулярных распоряжений нет [27. Л. 42]. Особенно подчеркивалось, что согласно выписке из бюллетеня НКВД для репатриантов необходимо указывать религиозную принадлежность [27. Л. 51].

12 апреля 1924 г. циркуляром НКВД предписывалось всем губернским и областным административным отделам оповестить турецких военнопленных, проживающих на территории СССР, об условиях проезда на родину. Для этого нужно было сообщить сведения о себе и желающих выехать родственниках в репатриационную комиссию при турецком посольстве в Москве. Следовало указывать адреса, куда они планируют отправиться, а также адреса проживания их в России. Кроме того, необходимо было собрать данные и на умерших с целью оповещения их родственников на родине. Сообщение о вышеизложенном рекомендовалось распространить путем расклейки на видных местах [27. Л. 86]. В 1925 г. в СССР прибыла репатриационная комиссия для посещения ряда районов, где проживают турецкие военнопленные. В первую очередь комиссия планировала посетить Крым, Сибирь и центральные губернии. Среди городов, которые желала посетить комиссия, были названы Тюмень, Петропавловск, Омск, Новониколаевск, Барнаул, Иркутск и Тобольск. При посещении комиссией данных городов турки могли получить необходимые репатриационные документы. В то же время права на репатриацию лишались лица, получившие советское гражданство [28. Л. 19–21]. Были наложены и ограничения на право репатриантов вывоза вещей [28. Л. 28 об.]. Кроме того, под грифом «секретно» в Алтайский губернский отдел Государственного политического управления, в режимно-секретный отдел (ГПУ РСО), от 31 марта 1924 г. была направлена просьба о назначении в комиссию по эвакуации турецких граждан представителя режимно-секретного отдела Государственного политического управления [29. Л. 90].

Особая роль в решении национального вопроса на международном уровне отводилась советским руководством мусульманскому духовенству. В 1923 г. было опубликовано Обращение председателя Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) внутренней России и Сибири к мусульманам, проживающим в разных частях земного шара, в котором говорилось, что советское государство является защитником всех угнетенных народов разных стран, в том числе и Турции. Сообщалось также о помощи со стороны Турции голодающим мусульманам России. Англия как «враг мусульманскому народу» запретила въезд в Египет представителю ЦДУМ для сбора пожертвований голодающим мусульманам России. Помимо этого, со стороны Британской империи осуществлялись всяческие препятствия въезду уполномоченного в Турцию. В 1926 г. в докладной записке в Народный комиссариат иностранных дел сообщалось, что мусульманские приходы Восточного Туркестана (современный Синцзян-Уйгурский автономный район) нуждаются в руководстве со стороны советского правительства и ЦДУМ [30. С. 57–58; 85–86].

Таким образом, первые годы советской власти ознаменовались тесным сотрудничеством правительства с Центральным духовным управлением мусульман. Роль ислама как национальной идеологии в самоопределении мусульманских народов не позволила советскому правительству полностью исключить данный фактор из их жизни. Государство было вынуждено учитывать религиозный фактор при выстраивании международных отношений со странами Востока, и способствовало этому именно ЦДУМ. До середины 20-х гг. XX в. национальный и религиозный факторы среди тюркоязычных народов страны так и остаются неразделимыми.

Список источников

1. Пономаренко М.В. Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX в. (по материалам Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–343.
2. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
3. Этнополитичсекие процессы в центральноазиатских окраинах России в период революции 1917 г. / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. 384 с.
4. Данилов В.Л. К вопросу о взаимоотношениях государства и верующих мусульман в 20–30 гг. XX столетия в Прииртышье // Вестник Омского университета. 2001. № 2. С. 43–46.
5. Хакимова Р.Р. Первые мероприятия советской власти в отношении исламского вероисповедания на территории Южного Урала (1917–1930-е годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 15. С. 113–117.
6. Исхаков С.М. Создание отдела по делам национальностей при Комитете членов Учредительного Собрания и его деятельность // XX век и Россия: общество, реформы, революции : электрон. сб. Самара, 2017. Вып. 5. С. 40–51. URL: http://sbornik.libsmr.ru/ (дата обращения: 15.05.2019).
7. Аманжолова Д.А. Национальная политика правительства Колчака А.В. (1818–1919 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 1994. № 1 (7). С. 20–32.
8. Багаутдинов Р.О. Национальная политика временного сибирского правительства // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 134–136.
9. Максаков В.В. Национальные формирования в войсках адмирала А.В. Колчака // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 41–46.
10. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф. Д-9. Оп. 1. Д. 4.
11. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 15.
12. Родионов А.И., Мунтян В.В. Поиск путей решения национальных проблем в первые годы советской власти (1917–1923 гг.) // Советская этнография. 1990. № 3. С. 31–43.

13. Сокова З.Н. Власть и ислам в 1920-е годы (на примере Тюменского региона) // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 7. С. 211–216.
14. Гусева Ю.Н. Мусульманская «секта» вайсовцев в документах Восточного отдела ОГПУ начала 1920-х годов // XX век и Россия: общество, реформы, революции : электрон. сб. Самара, 2015. Вып. 3. С. 36–46. URL: http://sbornik.lib.smr.ru/ (дата обращения: 19.05.2019).
15. Гусева Ю.Н. Организация «Джамият–Ашарихуль–Исламия» в контексте «мусульманской» политики советского государства (1928) // Эхо веков. 2013. № 3/4. С. 61–66.
16. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац : (вместо отчета). М. : Изд. отдела печати и информации НКН, 1924. 228 с.
17. ГААК. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 24.
18. ГАСПД РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАСПД РА. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1.
20. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб. : Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.
21. Казиев С.Ш. Переселенческий вопрос в национальной политике советского государства в Казахстане в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3 (26). С. 116–124.
22. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. «Разделяй и властвуй»: неудачная попытка власти расколоть мусульманское духовенство в 1920-х гг. // Власть. 2013. № 8. С. 138–140.
23. Рыбаков Р.В. Национальные союзы молодежи в условиях распространения коммунистической идеологии в Сибири в начале 1920-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 34 (288): История, вып. 53. С. 76–82.
24. Шарафутдинов Д., Шарафутдинов Ш. Идеологическая борьба в стране по национальному вопросу в 1920-е гг. // Эхо веков. 2010. № 3/4. С. 105–112.
25. Фадеичева М.А. Национальный вопрос в партийных документах РСДРП–РКП(б) 1903–1923 гг. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 331–340.
26. Гусева Ю.Н. Турецкие военнопленные Первой мировой войны в Самарской губернии // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 97–112.
27. ГААК. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 2.
28. ГААК. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 3.
29. ГААК. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 13.
30. Ислам в советском государстве (1917–1936) : сб. документов / сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. М. : Марджани, 2010. Вып. 2. 208 с.

References

1. Ponomarenko, M.V. (2008) Islam v religioznoy politike sovetskoy vlasti v pervoy treti XX v. (po materialam Zapadnoy Sibiri) [Islam in the religious policy of Soviet power in the first third of the 20th century (based on materials from Western Siberia)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 20. pp. 330–343.
2. Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Lysenko, Yu.A. (ed.) (2017) *Etnopolitichsekie protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsii 1917 g.* [Ethnopolitical processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolution of 1917]. Barnaul: Altai State University.
4. Danilov, V.L. (2001) K voprosu o vzaimootnosheniyakh gosudarstva i veruyushchikh musul'man v 20–30 gg. XX stoletiya v Priirtysh'e [On the relations between the state and Muslim believers in the 1920–30s in the Irtysh region]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2. pp. 43–46.
5. Khakimova, R.R. (2008) Pervye meropriyatiya sovetskoy vlasti v otnoshenii islamskogo veroispovedaniya na territorii Yuzhnogo Urala (1917–1930-e gody) [The first measures of the Soviet government in relation to the Islamic faith in the territory of the Southern Urals (1917–1930s)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 15. pp. 113–117.
6. Iskhakov, S.M. (2017) Sozdanie otdela po delam natsional'nostey pri Komitete chlenov Uchreditel'nogo Sobraniya i ego deyatel'nost' [A department for nationalities affairs under the Committee of Members of the Constituent Assembly and its activities]. In: Malkova, N.M. (ed.) *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* [20th century and Russia: Society, reforms, revolutions]. Vol. 5. pp. 40–51. [Online] Available from: http://sbornik.libsmr.ru/ (Accessed: 15.05.2019).
7. Amanzholova, D.A. (1994) Natsional'naya politika pravitel'stva Kolchaka A.V. (1818–1919 gody) [National policy of the government of Kolchak A.V. (1818–1919)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(7). pp. 20–32.
8. Bagautdinov, R.O. (2007) Natsional'naya politika vremennogo sibirskogo pravitel'stva [National policy of the provisional Siberian government]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 1. pp. 134–136.
9. Maksakov, V.V. (2010) Natsional'nye formirovaniya v voyskakh admirala A.V. Kolchaka [National formations in the troops of Admiral A.V. Kolchak]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 4(26). pp. 41–46.
10. The State Archive of Social and Legal Documentation of the Altai Republic (GASPD RA). Fund D-9. List 1. File 4.
11. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 15.
12. Rodionov, A.I. & Muntyan, V.V. (1990) Poisk putey resheniya natsional'nykh problem v pervye gody sovetskoy vlasti (1917–1923 gg.) [Searching for ways to solve national problems in the first years of Soviet power (1917–1923)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 31–43.
13. Sokova, Z.N. (2006) Vlast' i islam v 1920-e gody (na primere Tyumenskogo regiona) [Power and Islam in the 1920s (a case study of the Tyumen region)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 7. pp. 211–216.
14. Guseva, Yu.N. (2015) Musul'manskaya “sekta” vaysovtsev v dokumentakh Vostochnogo otdela OGPU nachala 1920-kh godov [The Muslim “sect” of the Weissovites in the documents of the Eastern Department of the OGPU of the early 1920s]. In: Malkova, N.M. (ed.) *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* [20th century and Russia: Society, reforms, revolutions]. Vol. 3. pp. 36–46. [Online] Available from: http://sbornik.lib.smr.ru/ (Accessed: 19.05.2019).
15. Guseva, Yu.N. (2013) Organizatsiya “Dzhamiyat–Asharikhul'–Islamiya” v kontekste “musul'manskoy” politiki sovetskogo gosudarstva (1928) [Organization “Jamiyat-Asharikhul-Islamiya” in the context of the “Muslim” policy of the Soviet state (1928)]. *Ekho vekov*. 3/4. pp. 61–66.
16. USSR. (1924) *Shest' let natsional'noy politiki Sovetskoy vlasti i Narkomnats: (vmesto otcheta)* [Six years of national policy of Soviet power and Narkomnats: (instead of a report)]. Moscow: Department of Press and Information NKN.
17. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-922. List 1. File 24.
18. The State Archive of Social and Legal Documentation of the Altai Republic. Fund R-33. List 1. File 3.
19. The State Archive of Social and Legal Documentation of the Altai Republic. Fund R-19. List 1. File 1.
20. Karpov, Yu.Yu. (2017) *Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX v.: evolyutsiya problem i resheniy* [National policy of the Soviet state in the North Caucasus periphery in the 1920–30s: The evolution of problems and solutions]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
21. Kaziev, S.Sh. (2014) Pereselencheskiy vopros v natsional'noy politike sovetskogo gosudarstva v Kazakhstane v 1920-e gody [The resettlement issue in the national policy of the Soviet state in Kazakhstan in the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 3(26). pp. 116–124.

22. Senyutkina, O.N. & Guseva, Yu.N. (2013) “Razdelyay i vlastvuy”: neudachnaya popytka vlasti raskolot' musul'manskoe dukhovenstvo v 1920-kh gg. [“Divide and conquer”: The authorities’ failed attempt to split the Muslim clergy in the 1920s]. *Vlast'*. 8. pp. 138–140.
23. Rybakov, R.V. (2012) Natsional'nye soyuzy molodezhi v usloviyakh rasprostraneniya kommunisticheskoy ideologii v Sibiri v nachale 1920-kh godov [National youth unions in the context of the spread of communist ideology in Siberia in the early 1920s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 34(288). 53. pp. 76–82.
24. Sharafutdinov, D. & Sharafutdinov, Sh. (2010) Ideologicheskaya bor'ba v strane po natsional'nomu voprosu v 1920-e gg. [Ideological struggle in the country on the national issue in the 1920s]. *Ekho vekov*. 3/4. pp. 105–112.
25. Fadeicheva, M.A. (2012) Natsional'nyy vopros v partiynykh dokumentakh RSDRP–RKP(b) 1903–1923 gg. [The national question in party documents of the RSDLP–RCP(b) 1903–1923]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 12. pp. 331–340.
26. Guseva, Yu.N. (2016) Turetskie voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Samarskoy gubernii [Turkish prisoners of war of the First World War in the Samara province]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2(48). pp. 97–112.
27. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 2.
28. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 3.
29. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-531. List 1. File 13.
30. Arapov, D.Yu. (ed.) (2010) *Islam v sovetskom gosudarstve (1917–1936)* [Islam in the Soviet state (1917–1936)]. Vol. 2. Moscow: Mardzhani.

***Сведения об авторах*:**
Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
Шершнева Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: D2703@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Dashkovskiy Petr K. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru
Shershneva Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: D2703@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2019; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 20.09.2019; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/19988613/86/5

Деятельность Томского учительского союза в сфере реформирования народного образования в период Февральской революции

Максим Николаевич Дуплякин

Томский государственный университет, Томск, Россия, makcmaks4@gmail.com

Аннотация. Раскрывается общественная активность томского учительства в первые месяцы революции 1917 г. Проводится анализ изменений в структуре и функционировании системы образования в данный период, связанных с реформаторскими усилиями как органов власти, так и общественных организаций. Анализируются особенности организации работы учителей, выдвигаемые ими требования. Определены основные направления деятельности учительских союзов, показана степень их влияния на общественно-политическую жизнь Томской губернии.
Ключевые слова: реформа школы, учительство, революция 1917 г., Томский учительский союз

Для цитирования: Дуплякин М.Н. Деятельность Томского учительского союза в сфере реформирования народного образования в период Февральской революции // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 36–41. doi: 10.17223/19988613/86/5

Original article

Activities of the Tomsk Teachers' Union in the field of reforming public education in the period of the February revolution

Maxim N. Duplyakin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, E-mail: makcmaks4@gmail.com

Abstract. In the modern world the education system is constantly being modernized, thus the study and rethinking of the history of the school in different eras are becoming increasingly relevant in order to determine the future path of development of the modern education system. Each region of Russia has unique historical, social, cultural and ethnic features that must be taken into account. To reach this goal, it is necessary to study the positive experience of the past, principles and values that have already proven their effectiveness.

The purpose of this article is to review the activities of public teachers' organizations in Tomsk in the field of reforming public education.

The sources are the materials of the local periodicals "Banner of the Revolution", "Siberian Life", "School and Life in Siberia", as well as materials of meetings of the Tomsk provincial government.

Education, like other areas of public life in the post-revolutionary period, needed a radical reform. The educational system of Russia came to 1917 with many unresolved problems, which were exacerbated by the war and the economic difficulties associated with it. The public education system and its employees constantly experienced the negative consequences of the socio-economic crisis and political instability in the country.

The article analyzes the changes in the structure and functioning of the education system in this period, associated with the reform efforts of both authorities and public organizations, analyzes the requirements put forward by teachers, the features of the organization of their work. The degree of influence of the Teachers' Unions on the socio-political life of the province is shown, the main directions of their activities are determined.

The author concludes that in the Tomsk region in 1917 there was a very low percentage of the literate population, the schools were in poor condition. Teachers' public organizations, together with the government, were going to solve these problems. At the meetings of the Teachers' Union, the following provisions were adopted: to create of a new democratic school, to organize local self-government in schools, to separate schools from churches, to increase state funding for schools, etc.
Keywords: school reform, teaching, revolution of 1917, Tomsk Teachers' Union

For citation: Duplyakin, M.N. (2023) Activities of the Tomsk teachers' union in the field of reforming public education in the period of the February revolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 36–41. doi: 10.17223/19988613/86/5

© М.Н. Дуплякин, 2023

В современном мире система образования постоянно модернизируется, тем самым изучение и переосмысление истории школы в различные эпохи становятся все более актуальными, чтобы определить дальнейший путь развития современной системы образования. Каждый регион России имеет уникальные исторические, социальные, культурные и этнические особенности, которые следует учитывать. Для этого необходимо изучать положительный опыт прошлого, принципы и ценности, которые уже доказали свою эффективность.

Однако до сих пор история российского образования и попыток его реформирования в локальном измерении в период между мартом и октябрем 1917 г. крайне редко становилась предметом научных исследований. На данный момент сформировался цикл работ, посвященных становлению системы образования в послереволюционный период, в ходе которых был проведен анализ стратегий модернизации российского образования, основных концепций новой школы, взаимоотношений власти и общественности. Среди них – работы А.Н. Позднякова [1], М.В. Богуславского [2], И.В. Фомичева [3], В.Д. Авериной [4] и др. Достаточно подробно исследована история создания и функционирования Всероссийского учительского союза [5], в том числе некоторых его региональных отделений, например в Пермской, Уфимской, Вятской губерниях.

К настоящему времени комплексных исследований в области истории школьного образования в Томском регионе в указанных временных рамках не проводилось. Прошлые исследования затрагивали только отдельные аспекты, связанные с историей образования и функционирования Временного правительства и его органов. Тем не менее остаются неизученными многие важные вопросы, такие как влияние материально-технической базы школ на образовательный процесс, экономическое положение томского учительства, деятельность сибирских отделений Учительского союза и других общественных образовательных организаций. При этом существует значительное количество источников и исследований, которые дают возможность рассмотреть данную тему в контексте развития системы образования в Томске в целом.

Объект исследования составляет история системы образования Томской губернии в период Временного правительства. Предмет исследования – общественные организации работников школьного образования Томска. Целью данной работы является анализ изменений в структуре и функционировании системы образования в период между мартом и октябрем 1917 г., связанных с реформаторскими усилиями как органов власти, так и общественных организаций.

К началу 1917 г. образовательная система России столкнулась с множеством нерешенных проблем, связанных с военными действиями и экономическими трудностями. Работники народного образования постоянно ощущали последствия социально-экономического кризиса и политической нестабильности в стране. Например, сокращение правительственных ассигнований на народную школу привело к нехватке учебно-методических пособий, школьных принадлежностей, необходимых для организации учебного процесса.

Временное правительство признавало, что образованию, как и другим сферам общественной жизни, необходима кардинальная перестройка. Основными задачами правительства в сфере образования являлись повышение образовательного уровня населения, создание равных возможностей для всех и содействие национальному и культурному развитию страны. Были проведены реформы, направленные на улучшение качества обучения и повышение уровня подготовки преподавателей. В течение данного периода создаются новые учебные заведения, например профтехучилища и народные университеты, направленные на обучение людей из всех социальных слоев. Вместе с тем, несмотря на некоторые успехи, большинство нововведений так и не было воплощено на практике в связи с трудной внутренней ситуацией и противостояниями внутри правительства.

С марта по октябрь 1917 г. в сфере образования предпринимаются попытки реформ как сверху – со стороны Министерства народного просвещения, так и снизу – с реформаторскими инициативами учителей и сотрудников высших учебных заведений. Многие из них требовали перестройки системы образования, приближения к реальным требованиям жизни, децентрализации системы управления образованием. Создание Всероссийского учительского союза (ВУС) и Государственного комитета по народному образованию (ГКНО) стало важным этапом в разработке реформы народного образования [1. С. 64].

Образовательная политика в рассматриваемый период формировалась тремя различными силами: Министерством просвещения, ВУС, ГКНО и их местными отделениями. Интересы этих сил нередко вступали в противоречие друг с другом, что во многом объясняет сложность и противоречивость сложившейся ситуации в сфере образования.

Рассмотрим деятельность общественных организаций в период разработки образовательной реформы в рамках Западно-Сибирского учебного округа и Томской губернии. Прежде всего следует обратить внимание на проблемы, возникшие в образовательной системе региона.

Комиссия по народному образованию на заседании Губернского народного собрания 15 мая 1917 г. представила статистику, которая свидетельствовала о том, что Томская губерния значительно отставала в распространении грамотности по сравнению с другими регионами России. В то время как средний процент грамотности в России составлял 22,9%, а в некоторых регионах достигал 40% и даже 75%, процент грамотности жителей Томской губернии был ниже – 17,8% у переселенцев, 10,7% у старожилов и 2,8% у инородцев. За недолгое время пребывания в Сибири процент грамотности среди переселенцев снизился на 5,1% [6]. Эти статистические данные свидетельствуют о том, что образовательная система региона требовала срочных преобразований, чтобы увеличить уровень грамотности и обеспечить доступность образования для всех слоев населения.

Развитие школьной сети в Томской губернии шло очень медленно. До 1916 г. на средства Министерства

народного просвещения было открыто очень малое количество сельских начальных училищ. Например, в 1913 г. не открылось ни одного училища, в 1914 г. было представлено ходатайство на открытие 150 учебных заведений, но было открыто только 50, в 1915 г. поступило множество ходатайств, но не открылось ни одного училища. Около половины всех школ в Томской губернии находилось в ведении духовного ведомства, только 109 из 1 014 сельских школ Министерства народного просвещения являлись двухклассными. Большая часть школ имела только одного преподавателя, что снижало их продуктивность и вело к низкому проценту окончания образовательных учреждений. Народное собрание также обращало внимание на очень низкий процент оканчивающих учебные заведения (**«**в 1916 г. – 11%»), переполненность школ, их неудовлетворительное санитарное состояние и нехватку персонала. По сведениям попечителя округа**,** «из общего числа школ (1 014) одна треть (321) располагались в неудовлетворительных помещениях» [6].

По данной статистике отчетливо видны следующие недостатки сложившейся системы образования: малый процент грамотности населения губернии, недостаточное финансирование образовательных учреждений, нехватка педагогических кадров, малое количество светских школ, отсутствие преемственности между начальной, средней и старшей школой, поскольку их учебные программы часто не были согласованны между собой. Решение проблем Губернское народное собрание видело в привлечении общественности к вопросам народного образования: «…только благодаря диалогу между общественностью и властью можно прийти к решению данной проблемы» [6].

После революции февраля 1917 г. возобновляет работу ВУС, распущенный после событий 1905–1907 гг. Отделения учительского союза открываются по всей территории страны, в том числе и в Томской губернии. Первое заседание Томского учительского союза состоялось 26 марта в здании Королёвского ремесленного училища (ныне Томский коммунально-строительный техникум). На заседании принимаются основные положения устава [7]. 28 марта союз приступает к деятельности: собирается комиссия по вопросам снабжения учебниками сельских школ [7]. 5 апреля происходит объединение Томского учительского союза и Общества взаимопомощи учащих и учивших [8]. Своими главными задачами союз ставил усовершенствование сферы народного образования и организацию его на началах демократизации, децентрализации и свободы, улучшение и защиту правовых, культурных и экономических интересов учителей.

Дальнейшие изменения в сфере образования в Западной Сибири происходят весной–летом 1917 г. С 25 мая по 2 июня в г. Омске проходит краевой съезд Западно-Сибирского учительского союза. На открытии присутствовало более 500 учителей Акмолинской и Семипалатинской областей, Тобольской и Томской губерний. Союз понимал необходимость кардинального изменения всей системы народного образования «…на началах свободы, демократизации и децентрализации» [9. С. 17]. В соответствии с принятым уставом съезд поставил перед собой основные цели и задачи, соответствующие программе ВУСа и его региональных отделений, которые включали в себя:

– борьбу за коренную реорганизацию системы образования, основанную на свободе, демократии и децентрализации, включая всеобщее, бесплатное и обязательное начальное обучение;

– улучшение материального положения школ и их работников, обеспечение образовательных учреждений необходимыми пособиями, одеждой, пищей и т.д.;

– доступность обучения на родном языке во всех школах;

– преемственность на всех этапах обучения;

– введение бесплатного образования на всех уровнях;

– отмену обязательного преподавания религии в школах;

– установление свободы преподавания, отмену цензуры учебников и других учебных изданий;

– уничтожение привилегий и ограничений, связанных с полом, национальностью, вероисповеданием и сословным происхождением в области образования;

– установление свободы частной инициативы в области школьного и внешкольного образования, включая явочный порядок открытия образовательных учреждений любого типа и введение совместного обучения во всех учебных заведениях;

– организацию профессионального и специального образования как продолжения курса общеобразовательных учебных заведений;

– передачу дела народного образования органам местного самоуправления и национальным организациям;

– обязательность органов, заведующих народным образованием, организации учреждений по дошкольному воспитанию и удовлетворения образовательных потребностей взрослого населения [9. С. 17].

В Томской губернии в это время проходит Первый губернский учительский съезд, созванный Томским губернским учительским союзом. Съезд был открыт 21 мая в 14:00 в здании университетской библиотеки. В нем приняли участие более 600 человек: представители учителей уездных союзов, студенчества, партии социалистов-революционеров и социал-демократической партии. Перед съездом стояла задача выработать основы воспитания населения в духе новой политической повестки [10].

В первый день съезда почетными председателями были избраны почетный гражданин г. Томска, один из основателей и крупнейший идеолог сибирского областничества Г.Н. Потанин и общественный деятель в сфере народного просвещения, один из инициаторов создания Томского университета, основатель первой в Томске публичной библиотеки и первого в Сибири книжного магазина П.И. Макушин. Председателем съезда избран эсер приват-доцент университета, представитель Томского Уездного Народного Собрания Г.М. Марков [10].

Во второй день, после доклада представителя Губернского Исполнительного Комитета В.П. Денисова «Об отделении церкви от государства», съезд едино-

гласно принял резолюцию, согласно которой были определены основные задачи новой светской школы: «подготовка гармонически развитых и сознательных граждан», «воспитание нравственных чувств у детей всеми доступными учителю методами» [11]. Предлагалось сократить время, отводившееся на изучение религии, так как это отнимало время от светской учебной программы, изучение религии должно было стать добровольным для всех учащихся, включая детей младшего школьного возраста. Согласно резолюции, все школы, находящиеся в ведении духовенства и содержащиеся на средства государства, должны быть переданы последнему. Все средства, ассигнуемые государством на такие школы, должны быть переданы на нужды светских учебных заведений и распределены соответствующим образом [11].

Третий день заседания, 23 мая, был посвящен докладам А.Е Зенкова «Реорганизация внутреннего строя школы» и Л.Е. Зенкова «Основные принципы реформы управления школой». В результате обсуждения принимаются положения о преемственности между школой и университетом и демократизации новой школы [12].

По окончании съезда был принят ряд резолюций, в которых предлагалось всемерно содействовать делу организации новой единой демократической школы на местах. Также было принято решение передать прослушанные на съезде доклады на Всероссийский учительский съезд и довести их до центральных органов Временного правительства, чтобы принятые съездом положения могли быть введены в общереспубликанский закон об организации новой школы. Предложена идея о создании в губернии сети учреждений внешкольного образования для повышения культурного уровня населения. Исполнительному губернскому комитету рекомендовалось распространить информацию о принятых решениях и соблюдать их в ходе руководства и исполнения. Кроме того, был принят устав союза и выбраны члены правления [13. С. 55–57].

Схожие события произошли и в других российских губерниях. Так, в марте 1917 г. создается Союз учебных заведений г. Перми, объединивший все учебные заведения города [14], Союз учителей Уфимской губернии [15], Союз учителей и деятелей по народному образованию в Вятской губернии [16] и т.д. Положения, выносимые ими на рассмотрение, чаще всего повторяли друг друга. Учителя выступали за упразднение старой системы управления, взамен предлагая самоуправление народным образованием, обсуждались вопросы переустройства средней школы в соответствие с новым государственным строем и требованиями современной педагогической мысли. К осени 1917 г. данные организации вошли в состав ВУСа.

С сентября 1917 г. Томский учительский союз начинает выпуск журнала «Школа и жизнь Сибири» под редакцией В.П. Денисова. Журнал содержал такие разделы, как «Вопросы воспитания и обучения», «Внешкольное образование», «Учительская жизнь», «Педагогическая хроника», «Библиография», «Отклики современной жизни», «Художественно-литературный», «Сибиреведение», а также раздел для ответов на вопросы читателей «Почтовый ящик».

В журнале публиковались программы съездов общественных учительских организаций, законопроекты правительства в данной сфере, освещалась деятельность комиссии по народному образованию по подготовке образовательной реформы. Бóльшую часть журнала занимали статьи, посвященные научно-педагогическим вопросам: организации учебно-воспитательного дела, управлению школой, анализу учебных программ и методик. В связи с неблагоприятной экономической ситуацией журнал существовал за счет пожертвований губернских учительских организаций. Всего в период 1917–1918 гг. было подготовлено четыре выпуска журнала.

В дальнейшем томские общественные объединения принимают активное участие в деятельности ВУСа, который стал к тому времени крупной и влиятельной организацией. В него входило 346 организаций, сформированных в 60 областях и губерниях. Кроме того, свыше 200 организаций поддерживали связь с ВУСом, хотя формально в его состав и не входили.

В период с июня по ноябрь 1917 г. правление Томского учительского союза занималось разработкой реформы местного самоуправления учебными заведениями, организовало ряд общих собраний, на которых разрабатывался материал для Всероссийского съезда учителей 1–10 августа (принято три доклада и избраны делегаты). Томские делегаты участвовали в съездах и конференциях Западно-Сибирских общественных организаций: например, 25–26 августа в Омске состоялась Областная конференция учителей начальных училищ в формате закрытого совещания, на которой присутствовали представители многих учительских организаций Западной Сибири [13. С. 63].

На конференции подробно разбирались вопросы о печатном учительском органе, учительском доме и санатории. Из докладов представителей томской и омской организаций выяснилось, что работа в этом направлении проводится учительством интенсивно, наиболее значительный вклад в развитие данных учреждений и обеспечение их материальных возможностей вносит Томский союз, печатный орган которого – «Школа и жизнь Сибири» –по соглашению с уездными союзами, представленными на краевом съезде, постановлено признать областным до решения этого вопроса делегатским съездом [13. С. 63]. Также отмечались неоднократно происходящие серьезные конфликты между учебно-окружным управлением и органами местного самоуправления, тормозящие деятельность управления школами. В связи с этим конференция признала необходимым учреждение контрольного органа для надзора за деятельностью управления Западно-Сибирского учебного округа, создание которого поручалось правлению Томского губернского учительского союза. Множество конфликтов было замечено и среди учителей, для их разрешения было разработано постановление о создании «Судов чести» в учительских организациях [13. С. 64].

Кроме того, союз осуществлял культурно-просветительскую деятельность в виде образовательных экскурсий и лекций, участвовал в сборе средств для помощи образовательным учреждениям.

Таким образом, система народного образования в период деятельности Временного правительства столкнулась с рядом нерешенных проблем, обусловленных социально-экономическим кризисом и политической нестабильностью в стране. После революции февраля 1917 г. в Томской губернии и других регионах страны происходили существенные изменения в образовательной сфере. В рамках проводимых правительством реформ были сформулированы задачи по улучшению качества образования. Создание Всероссийского учительского союза и Государственного комитета по народному образованию стало важным этапом в разработке реформы народного образования. Отделения учительского союза были открыты на всей территории страны, в том числе и в Томской губернии. К сожалению, несмотря на шаги, предпринятые в этом направлении, множество нововведений не было реализовано из-за сложной внутреннеполитической ситуации и противостояний как внутри правительства, так и между правительством и общественными организациями.

Анализ статистических данных и фактов, приведенных в статье, показал, что образовательная система Томской губернии в начале XX в. испытывала серьезные проблемы и требовала срочных преобразований. В частности, низкий процент грамотности населения, медленное развитие школьной сети, недостаток финансирования и кадров, а также отсутствие преемственности между образовательными учреждениями стали главными причинами данной ситуации. Для решения данных проблем Губернское народное собрание предлагало привлечение общественности к вопросам народного образования. Однако осуществление этих мер требовало комплексного подхода и длительного периода времени, активной государственной поддержки и финансирования.

Развитие революционных событий и демократизация жизни страны привели к существенному подъему общественной активности среди учителей и учащихся, которые стремились принять участие в готовящейся образовательной реформе. Томский учительский союз, созданный в марте 1917 г., ставил своими основными задачами повышение уровня народного образования, защиту правовых, культурных и экономических интересов учителей. На губернском съезде, объединившем силы уездного, городского и губернского учительства, союз поставил перед собой цели и задачи по созданию новой школы, включающие организацию системы народного образования на началах свободы, демократии и децентрализации, улучшение материального положения школ и учителей, установление свободы преподавания и отмену цензуры учебных изданий, уничтожение привилегий и ограничений, в области образования связанных с полом, национальностью, вероисповеданием и сословным происхождением и т.д.

Список источников

1. Поздняков А.Н. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: исторический опыт взаимоотношений в конце XIX – начале XXI в. : дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 227 с.
2. Богуславский М.В. Разработка и реализация вариативных стратегий модернизации системы советского образования (1917–1930 гг.) // Проблемы современного образования. 2015. № 4. С. 52–64.
3. Фомичев И.В. Законотворческая работа государственного комитета по народному образованию // Право и образование. 2009. № 6. С. 116–133.
4. Аверина В.Д. Образовательная политика Временного правительства в 1917 г // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1-1. С. 141–146.
5. Богуславский М.В. Всероссийский учительский союз // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / предс. науч.-ред. совета А.М. Прохоров, глав. ред. В.В. Давыдов. М. : Большая Российская Энциклопедия, 1993. Т. 1. С. 176–177.
6. Состояние начального образования в Томской губернии в 1916 г // Знамя революции. 1917. 13 июня. № 11. С. 3.
7. Учительский союз // Сибирская жизнь. 1917. 28 марта. № 68. С. 4.
8. В томском учительском обществе // Сибирская жизнь. 1917. 11 апр. № 75. С. 5.
9. Резолюции краевого учительского съезда, состоявшегося в г. Омске с 25 мая по 2 июня 1917 года / Западно-Сибирский учительский союз. Омск : Тип. Союза кооперативов З.С. и С.К., 1917. 38 с.
10. Комиссия по подготовке народных масс к Учредительному Собранию при союзе учителей // Знамя революции. 1917. 2 авг. № 60. С. 4.
11. Первый губернский съезд учителей (заседание 21 мая) // Сибирская жизнь. 1917. 24 мая. № 108. С. 3.
12. Губернский учительский съезд (заседание 23 мая) // Сибирская жизнь. 1917. 27 мая. № 111. С. 4.
13. Школа и жизнь Сибири : журнал общественно-педагогический / изд. Томского губернского учительского союза; под ред. В.П. Денисова. Томск, 1917. № 1. С. 50–64.
14. Кальсина А.А. Пермский учительский союз в условиях революции (с февраля по октябрь 1917 г.) // История медицины и образования города Перми – три века служения людям : материалы науч.-практ. конф., Пермь, 30 октября 2019 г. Пермь : Пермский нац. исслед. политехн. ун-т, 2019. С. 373–383.
15. Ергин Ю.В. Уфимский учительский союз: участие в проектах временного правительства в области реформы народного образования (июнь–октябрь 1917 г.) // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 5 (5). С. 79–90.
16. Ошаев А.Г. Деятельность учительских союзов в годы первой революции в Яранском уезде Вятской губернии // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 30 декабря 2019 г. / под ред. Д.А. Семеновой. Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2019. С. 7–12.

References

1. Pozdnyakov, A.N. (2006) *Gosudarstvo i obshchestvo v reformirovanii rossiyskogo shkol'nogo obrazovaniya: istoricheskiy opyt vzaimootnosheniy v kontse XIX – nachale XXI v.* [State and society in reforming Russian school education: historical experience of relationships in the late 19th – early 21st centuries]. History Dr. Diss. Moscow.
2. Boguslavskiy, M.V. (2015) Razrabotka i realizatsiya variativnykh strategiy modernizatsii sistemy sovetskogo obrazovaniya (1917–1930 gg.) [Development and implementation of variable strategies for modernizing the Soviet education system (1917–1930)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 4. pp. 52–64.
3. Fomichev, I.V. (2009) Zakonotvorcheskaya rabota gosudarstvennogo komiteta po narodnomu obrazovaniyu [Legislative work of the State Committee for Public Education]. *Pravo i obrazovanie*. 6. pp. 116–133.

4. Averina, V.D. (2017) Obrazovatel'naya politika Vremennogo pravitel'stva v 1917 g. [Educational policy of the Provisional Government in 1917]. *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya*. 1-1. pp. 141–146.
5. Boguslavskiy, M.V. (1993) Vserossiyskiy uchitel'skiy soyuz [All-Russian Teachers' Union]. In: Davydov, V.V. (ed.) *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya* [Russian Pedagogical Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya. pp. 176–177.
6. *Znamya revolyutsii*. (1917a) Sostoyanie nachal'nogo obrazovaniya v Tomskoy gubernii v 1916 g. [The state of primary education in the Tomsk province in 1916]. 13th June. p. 3.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1917a) Uchitel'skiy soyuz [Teachers' Union]. 28th March. p. 4.
8. *Sibirskaya zhizn'*. (1917b) V tomskom uchitel'skom obshchestve [In the Tomsk Teachers' Society]. 11th April. p. 5.
9. Russia. (2017) *Rezolyutsii kraevogo uchitel'skogo s"ezda, sostoyavshegosya v g. Omske s 25 maya po 2 iyunya 1917 goda*. *Zapadno-Sibirskiy uchitel'skiy soyuz* [Resolutions of the regional teachers' congress, held in Omsk from May 25 to June 2, 1917 / West Siberian Teachers' Union]. Omsk: Tip. Soyuza kooperativov Z.S. i S.K.
10. *Znamya revolyutsii*. (1917b) Komissiya po podgotovke narodnykh mass k Uchreditel'nomu Sobraniyu pri soyuze uchiteley [Commission for the preparation of the masses for the Constituent Assembly of the Union of Teachers]. 2nd August. p. 4.
11. *Sibirskaya zhizn'*. (1917c) Pervyy gubernskiy s"ezd uchiteley (zasedanie 21 maya) [First provincial congress of teachers (meeting on May 21)]. 24th May. p. 3.
12. *Sibirskaya zhizn'*. (1917d) Gubernskiy uchitel'skiy s"ezd (zasedanie 23 maya) [Provincial Teachers' Congress (meeting on May 23)]. 27th May. p. 4.
13. Denisov, V.P. (ed.) (1917) *Shkola i zhizn' Sibiri: zhurnal obshchestvenno-pedagogicheskiy* [School and life of Siberia: social and pedagogical magazine]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk Provincial Teachers' Union. pp. 50–64.
14. Kalsina, A.A. (2019) Permskiy uchitel'skiy soyuz v usloviyakh revolyutsii (s fevralya po oktyabr' 1917 g.) [Perm Teachers' Union during the revolution (from February to October 1917)]. In: *Istoriya meditsiny i obrazovaniya goroda Permi – tri veka sluzheniya lyudyam* [History of Medicine and Education in Perm – Three Centuries of Service to People]. Proc. of the Conference. Perm, October 30, 2019. Perm: Perm National Research Polytechnic University. pp. 373–383.
15. Ergin, Yu.V. (2006) Ufimskiy uchitel'skiy soyuz: uchastie v proektakh vremennogo pravitel'stva v oblasti reformy narodnogo obrazovaniya (iyun'–oktyabr' 1917 g.) [Ufa Teachers' Union: participation in the projects of the provisional government in the field of public education reform (June–October 1917)]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 5(5). pp. 79–90.
16. Oshaev, A.G. (2019) Deyatel'nost' uchitel'skikh soyuzov v gody pervoy revolyutsii v Yaranskom uezde Vyatskoy gubernii [Activities of teachers' unions during the first revolution in Yaransky district of Vyatka province]. In: Semenova, D.A. (ed.) *Sovremennye tendentsii i innovatsii v oblasti gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk* [Modern trends and innovations in the Humanities and social sciences]. Yoshkar-Ola: Mari State University. pp. 7–12.

***Сведения об авторе*:**
Дуплякин Максим Николаевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: makcmaks4@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Duplyakin Maxim N. – Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: makcmaks4@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 26.06.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/86/6

Иркутск начала XX в. в травелоге американского инженера Линдона Уоллеса Бейтса-мл.

Андрей Игоревич Макурин[1], Дмитрий Михайлович Нечипорук[2]

[1] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
[1] Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова, Санкт-Петербург, Россия
[1, 2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[1] aimdif@yandex.ru
[2] nechiporuk79@mail.ru

Аннотация. Осуществлен анализ значения Иркутска и маршрута Иркутск–Верхнеудинск–Кяхта для передвижения иностранных путешественников из Китая в европейскую часть Российской империи. Показано, что на фоне развития пассажирского движения по Великому Сибирскому пути в начале XX в. власти планировали развивать железнодорожное сообщение в сторону монгольской границы. Объясняется, что интерес американского инженера У. Бейтса-мл. к Иркутску и дороге в Пекин через Кяхту был связан с его ви́дением большого коммерческого потенциала данного пути для развития торговли между Россией и Китаем.
Ключевые слова: травелоги, путешествия, Иркутск, Транссиб, Бейтс-мл.

Благодарности: Работа подготовлена в рамках выполнения гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01108) и при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Макурин А.И., Нечипорук Д.М. Иркутск начала XX в. в травелоге американского инженера Линдона Уоллеса Бейтса-мл. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 42–48. doi: 10.17223/19988613/86/6

Original article

Irkutsk in the early 20th century in the travelogue of the American engineer Lindon Wallace Bates jr.

Andrei I. Makurin[1], Dmitrii M. Nechiporuk[2]

[1] Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation
[1] Saint Petersburg Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov, St. Petersburg, Russian Federation
[1, 2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[1] aimdif@yandex.ru
[2] nechiporuk79@mail.ru

Abstract. The paper explores the image of Irkutsk city in the early XX century, which was created by the American engineer and tireless traveler Lyndon Wallace Bates Jr. (1883-1915) in his book “The Russian Road to China” (1910). The aim of the paper is to show Bates’ positive image of the capital of Eastern Siberia in the context of the development of Siberia’s railroads in spite of the unfavorable criminal fame of Irkutsk among foreign travelers.

Irkutsk was an important interchange station for foreign travelers from the 1860s on their way to the European part of Russia from Peking. It is shown that it was the first major city that foreigners saw after stop-over at the border town of Kyakhta and then passing by Verkhneudinsk. From the beginning of the 20th century Irkutsk became one of the busiest stations on the Trans-Siberian Railway, setting aside Kyakhta from the railroad network. As is shown in paper, one of the purposes of Bates' trip was motivated by his desire to see and evaluate the potential of the old road to China through Kyakhta, where the Russian government planned to build a new railroad line Kyakhta-Verkhneudinsk. Bates regarded this project to be a promising step for the future development of Russian-Chinese trade.

In the early 20th century Irkutsk was portrayed in foreign travelogues as a dangerous place for travelers. The image of Irkutsk depicted by Bates is interesting in that he wrote a little about the crimes in the city. It is revealing that in Bates' book Irkutsk was the only city to which a special chapter was devoted. As above said, this was made due to the fact that passengers did a connection in Irkutsk from one train to another.

It is concluded in paper that several story lines can be found in Bates's chapter about Irkutsk. First of all, there are the general impressions of the city. Secondly, Bates depicted social realities and morals of the inhabitants as well as portraits of individuals. He did small excursions into the recent past of Irkutsk based on the stories of local residents. Thirdly,

© А.И. Макурин, Д.М. Нечипорук, 2023

Bates described the main sights of Irkutsk, focusing on the famous Hotel “Metropol”, where he stayed. His critical judgments about “Metropol” are interesting from the point of view of studying the history of tourism in Siberia in the early twentieth century.

Keywords: travelogues, travel, Irkutsk, Trans-Siberian Railway, Bates jr.

Acknowledgements: This work was prepared as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant (project No. 23-28-01108). The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Spaces of Ural and Siberia”.

For citation: Makurin, A.I., Nechiporuk, D.M. (2023) Irkutsk in the early 20th century in the travelogue of the American engineer Lindon Wallace Bates jr.. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 42–48. doi: 10.17223/19988613/86/6

Данная статья посвящена пребыванию в Иркутске в 1908 г. американского инженера, неутомимого путешественника и муниципального политика из штата Нью-Йорк Линдона Уоллеса Бейтса (1883–1915), посетившего Российскую империю в 1908 г. В 1910 г. он издал на английском языке книгу «Российская дорога в Китай», в которой описал свое путешествие на поезде из Санкт-Петербурга в Иркутск и далее – с пересадкой – в Верхнеудинск (см.: [1. С. 240–242]). Там Бейтс пересел на сани и поехал в сторону Монголии, в пограничный город Кяхта, чтобы в конце концов добраться до столицы Китая Пекина [2. P. 1–2]. Евразийский маршрут, который избрал Бейтс, был нетипичным для первого десятилетия XX в. После запуска пассажирских перевозок по Транссибирской железной дороге иностранцы предпочитали путешествие на поезде из одного конца России в другой, чтобы увидеть города и природу самой крупной империи в мире.

В отличие от большинства иностранных путешественников начала XX в., Бейтс поехал по пути, который был востребованным и популярным у иностранцев в 1860–1870-е гг. До 1860-х гг. иностранные путешественники нечасто посещали азиатскую часть России, хотя к этому времени о Сибири было написано несколько интересных работ зарубежными путешественниками, которые ехали в Сибирь с запада на восток (см. обзор работ: [3. P. III–V]). Принудительное открытие Китая для внешней торговли западными странами и Россией открывало для иностранцев возможность транзитного путешествия по Сибири со стороны Поднебесной. Этот маршрут в 1860–1870-е гг. стал популярным среди состоятельных путешественников, ехавших из Пекина в Европу через Россию [4. P. 4]. Для тех англичан и американцев, кто решился на поездку по России с востока, империя начиналась с Сибири, с въезда на территорию пограничного городка Кяхта Забайкальской области. Далее путешественники следовали в сторону Верхнеудинска (с 1934 г. – Улан-Удэ) и затем направлялись в столицу Восточно-Сибирского генерал-губернаторства – Иркутск. Это был первый крупный сибирский город, в который въезжали иностранцы, прибывшие с российско-монгольской границы. Иркутск 1860-х гг. производил на иностранцев очень приятное впечатление как в момент приближения к городу, так и при посещении его центра [5. С. 87; 6. P. 390–392]. Спустя четыре десятилетия Бейтс смотрел на старый маршрут из Иркутска в Китай в контексте новых внешнеполитических реалий. После поражения России в войне с Японией инженер увидел новый шанс для кяхтинского тракта, т.е. возможность возродить оживленный трафик людей и товаров между Китаем и Российской империей: «…древняя караванная дорога Кяхты до сих пор не блокирована. Это кратчайший путь из Европы на Восток. Здесь, через ущелья и ломаные предгорья Гоби, лежит будущее олицетворение великого беспрепятственного сухопутного пути в Северный Китай. Сами китайцы стараются осуществить это. Они уже осваивают Калган. К этому торговому центру поперек его границ может быть проложена российская железная дорога, и ее колонисты оплодотворят необитаемые дебри Монголии. По мере прогресса старые маршруты перерождаются заново» [2. P. 19]. Размышления Бейтса являлись весьма актуальными в контексте намерений Министерства путей сообщения Российской империи проложить в начале XX в. железную дорогу между Верхнеудинском и Кяхтой [7].

Действительно, прокладка железной дороги из европейской части в сторону Урала и далее на восток делала процесс путешествия значительно более комфортабельным. Английский путешественник Генри Лэнсделл в 1878 г. доезжал на поезде до Екатеринбурга, чтобы на границе с Азией пересесть на лошадей [8. P. 24–25]. В последующие два десятилетия прокладка железной дороги значительно продвинулась в сторону Восточной Сибири. Летом 1903 г. началось регулярное международное сообщение между Санкт-Петербургом и Владивостоком. Открытие Транссиба сделало путешествие в Сибирь из европейской части более популярным. Поездки на поезде по России привлекли значительное число иностранных пассажиров, в том числе транзитных. Все это привело к падению значимости маршрута Пекин–Кяхта–Верхнеудинск–Иркутск: на востоке иностранцы после запуска Транссиба предпочитали въезжать из Владивостока. Впрочем, Иркутск сохранил свою значимость как транзитная станция и ключевой город Восточной Сибири. Неудивительно, что в 1904–1914 гг. значительная часть иностранных травелогов была посвящена путешествию именно по железной дороге и впечатлениям от сибирских городов, в которых останавливались проезжающие. Ключевые сибирские города, такие как Барнаул, Бийск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, в начале XX в. неизменно входили в неоднократно переиздаваемый железнодорожный путеводитель Брэдшоу. В нем обычно содержалась исключительно справочная информация о численности города, его достопримечательностях и главных отелях. Однако применительно к Иркутску

составители справочника делали для путешественника оговорку о криминальном облике города и о возможных неприятностях, которые могут ждать туриста: «Полиции в городе мало, а беглых каторжников и преступников, получивших освобождение, много. В Иркутске, да и во всех городах к востоку от него, путешествующий не должен ходить пешком после наступления темноты, в случае если нельзя достать извозчика. Идти посреди дороги – значит навлечь на себя нападение гарротеров, которыми изобилуют сибирские города» [9. P. 360]. Данное замечание не было вызвано желанием специально очернить город; Иркутск действительно на рубеже веков страдал от разбоев и краж при том, что возможности городских властей в борьбе с организованным криминалом были сильно ограничены. Историк дореволюционной преступности в Сибири А.А. Сысоев считает, что к концу XIX в. в Восточной Сибири сложилась целая «идеология убийства, как основного способа сокрытия следов преступления… в преступной среде стали использоваться такие изощренные способы уничтожения улик, как расчленение жертв» [10. С. 156]. Неудивительно, что криминогенная обстановка в Иркутске отражалась в англо-американских травелогах начала XX в. Авторы или специально подчеркивали всю остроту проблемы, как это сделали американские журналисты Р. Райт и Б. Дигби, или отмечали, что проблема преступности города как будто умышлено гиперболизирована в контексте глобальной проблемы криминогенности больших населенных пунктов [11. P. 80–97]. «А Берлин, Лондон и Сан-Франциско разве не имеют у себя своих бандитов, головорезов и громил?» – вопрошал американский миссионер Маркус Лоренцо Тафт, посетивший Иркутск в 1909 г. и смотревший на город глазами путеводителя Брэдшоу. Тафт уверял читателя, что если держаться подальше от опасных кварталов и осматривать достопримечательности в дневное время, то неприятностей в сибирских городах не возникнет [12. P. 101–103].

Путевой очерк Бейтса об Иркутске выделялся на фоне других очерков о городе тем, что американский инженер практически не освещал тему преступности и ссыльных. Его интересовали перспективы маршрута, потенциал населенных пунктов, а не их текущие проблемы. Сама книга в целом была написана в позитивном тоне, Бейтс находил немало параллелей между историей США и Сибири. Русофильство Бейтса можно объяснить в том числе тем фактом, что его отец, тоже инженер, сотрудничал с российским правительством, работая по его заказу над конструированием дноуглубительных машин [13. P. 10]. Также вежливый тон очерков, хотя и с оттенком иронии, связан еще и с тем, что визит в Иркутск подразумевал встречи и общение с местными влиятельными и богатыми людьми.

Из девяти глав книги Бейтса одна посвящена собственно сибирскому городу Иркутску. Для американца столица Восточной Сибири была одной из главных целей поездки. Вторая глава – «Великая сибирская железная дорога» – начинается с диалога между автором и бородатым русским, у которого Бейтс интересуется, за сколько дней поезд доедет до Иркутска. Для него Иркутск был вторым после пересечения Уральских гор значимым ориентиром, позволяющим осмыслить сибирские масштабы. На седьмой день, когда поезд ехал по долине Ангары в направлении Иркутска, Бейтс начал осознавать «значение железной дороги» для преодоления огромных расстояний [2. P. 65]. Иркутск становится для Бейтса не просто крупной узловой станцией, но первым сибирским городом, который открылся для автора в различных деталях, изнутри.

Первые впечатления от Иркутска начинаются с вокзала и поездки с извозчиком до отеля. Автор несколько раз прибегал к описанию городского пространства, сравнивая его с привычными представлениями о городах. Дорога от вокзала пролегала через квартал с бревенчатыми домами, которые смотрелись безжизненно, но затем неожиданно возникала площадь, которая «гудела» от разговоров находившихся на ней людей. Людное пространство привлекло внимание автора вновь во время другой поездки по городу, которая состоялась днем позже. Интерес вызвал базар: американец воочию увидел бурятских казаков, говоривших на ломаном русском и торговавшихся с продавцами. Само место Бейтс уподобил древнеримскому форуму, кроме того, автор курсивом выделил итальянское слово *piazza*, которым обозначено оживленное место, где расположены «кабинки», т.е. торговые лавки, с церковной утварью. Проезжая мимо белокаменного Николо-Иннокентьевского храма, Бейтс заметил, что извозчик снял шляпу, начал креститься, «очень благоговея перед своей церковью» [2. P. 76]. Аллюзии, связанные с Римом, возникли у автора еще раз, когда местный банкир, пригласивший его на прогулку, показывал ему город, катая на санях. Он сравнил это с римской традицией элегантного променада в экипажах по главным улицам города (Corso). И вновь в этих сравнениях с Римом присутствует очевидная ирония [2. P. 94].

Достаточно много внимания Бейтс уделил главному респектабельному отелю Иркутска – «Метрополю». Фешенебельная деревянная гостиница, построенная в стиле модерн, открылась в 1899 г. и пользовалась особой популярностью у приезжающих. В ней останавливались многие знаменитости, в том числе иностранные журналисты, направлявшиеся на маньчжурский театр военных действий в январе 1904 г. [14. С. 175]. Впечатления Бейтса от гостиницы «Метрополь» не оправдывают того представления, которое сложилось о ней в литературе. Внушительные просторы комнат номера, предоставленного постояльцу, сравниваются им с типичной нью-йоркской квартирой, и это сравнение идет не в пользу последней. Вместе с тем на фоне грандиозных масштабов номера он отмечает такие бытовые детали, как следы горячей посуды на полированном столе, отслаивающаяся полировка на мебели, наличие порезов или вмятин на краске, отсутствие колокольчика для вызова портье и грязный соломенный матрац. Все эти детали выдают то, что в гостинице шла бурная жизнь, возможно, связанная с революционным подпольем. С тонкой иронией Бейтс замечает, что «сибирское домашнее хозяйство не предусматривает уборки пыли на тяжелых красных драпировках, окаймляющих двери и окна» [2. P. 79]. Чай в отеле подают, когда громким голосом даешь распоряжение портье, но при

этом подается только горячий самовар с пустым чайником и стаканом. Эта давняя традиция уходила своими истоками в те времена, когда не было железной дороги и все постояльцы возили с собой свои съестные припасы и даже постельное белье. Бейтс также отмечал, что белье на постели застилают только по требованию. Один из предшественников Бейтса, журналист и путешественник-велосипедист Р. Джефферсон, приезжавший в Россию зимой 1897 г., описывал ужасающую бытовую обстановку в омской гостинице «Москва». Отсутствие сносных условий для проживания он объяснял тем, что до появления железных дорог станции находились на расстоянии 25–30 миль и на них ютилось множество проезжих, для которых можно было обеспечить только приют и горячую воду, а всем остальным путники должны были обеспечивать себя сами. Поэтому «мудрый сибирский путешественник брал с собой постель, еду, словом, все, что ему могло понадобиться», чтобы не зависеть от гостеприимства гостиниц [15. P. 46].

Создавая образа Иркутска, Бейтс прибегает к простому, но довольно понятному и действенному приему аналогии со знакомыми для читателя примерами. Так, значимость Иркутска для России определялась через метафору, которую он заимствовал из сибирской народной традиции или из других травелогов. В частности, это касается сравнения Иркутска с Парижем. Такая аналогия встречается у шотландского писателя-путешественника Дж.Ф. Фрейзера, побывавшего в Иркутске в 1901 г. Восьмая глава его книги называется «Иркутск – сибирский Париж». Фрейзер применил эту метафору, чтобы угодить иркутянам, поскольку сам путешественник считал, что лучше сравнивать Иркутск с городами в стиле американского Запада [16. P. 83].

Вслед за шотландцем Бейтс использовал данную метафору об Иркутске как «восточном (или сибирском) Париже» в ироническом контексте, описывая отель: «Разве Иркутск не сибирский Париж? Тогда зачем жаловаться на паразитов?» Подобно Фрейзеру Бейтс также находил общие черты между Иркутском и Америкой, с той лишь разницей, что сравнивал город не с Западным регионом, а с Новой Англией. На улице он замечал скамейки, поставленные перед аптекой, «на которых можно сидеть и смотреть, как проходят люди, как на стульях перед деревенской таверной Новой Англии». В одной из продавщиц он узнал типаж, близкий к тем, «кого мы видели в универмаге Уонамейкера на Манхэттене» [2. P. 84, 87].

Местные городские здания, продемонстрированные Бейтсу, – Оперный театр, музей отдела Географического общества, Казанский собор, который американец назвал «многоглавым собором» – все это были достопримечательности, которыми гордились иркутяне. Возможно, гордость горожан этими сооружениями также становится поводом для иронии: эти учреждения, отмечает Бейтс, «в любом другом городе не могли быть ничем иным, кроме как источником восхищения» [2. P. 94]. По всей видимости, американский гость подразумевал, что иркутские достопримечательности, которыми так гордятся горожане, являются привычными местами для обзора в известных европейских городах. Вместе с тем, если центральная улица – улица Большая – выглядела в глазах Бейтса как вполне городская улица, то одна из маленьких улиц с ее лавками, магазинами, кондитерскими «представляла собой открытую галерею примитивных росписей» [2. P. 88].

Бейтс осмотрел Иркутск за несколько раз, в том числе гуляя пешком. Пешая прогулка до почты утром явилась настоящим испытанием для американца, поскольку для прогулки необходимо было надлежащим образом подготовиться, надев войлочные галоши, «большое меховое пальто», тщательно застегнутое по всей длине, меховую шапку, как у гренадера, и большие перчатки на флисовой основе. Прогулка совершалась группой путешественников по главной улице Иркутска – улице Большой (ныне Карла Маркса). При этом Бейтс отмечает, что пешая прогулка воспринимается извозчиками с неудовольствием [2. P. 86].

Очерк Бейтса отражает самые разнообразные реалии жизни иркутского общества: публика на вокзале, носильщики, портреты пассажиров, приезжие гости и другие иностранцы. Очень колоритно автор рисовал портрет генерала и беседовавшей с ним на вокзале курящей дамы, а также толстого коммерсанта. Отдельный сюжет посвящен найму извозчика [2. P. 74–75].

Одним из первых наблюдений Бейтса по пути следования от вокзала к гостинице стали вывески с именами владельцев лавок, которые, по всей видимости, принадлежали евреям. Иркутск – город, где особым образом проявлялся «еврейский вопрос». Американский инженер давал такую оценку положения евреев в купеческой среде: «Многие здесь – евреи, ибо городские сибиряки более терпимы, чем их европейские собратья» [2. P. 77]. В качестве аргумента, подтверждавшего высказанную оценку, приводилось утверждение о том, что в Иркутске была «очень большая и зажиточная еврейская купеческая община». Бейтс также был осведомлен об избрании во вторую Государственную Думу от Иркутска ссыльного революционера, одного из создателей Иркутского социал-демократического комитета В.Е. Мандельберга. Упоминая его в качестве еще одного подтверждения своего тезиса о влиятельности еврейства в Иркутске, американский инженер указывал, что член II Государственной Думы был медиком. Вообще еврейская община была наиболее представительна среди всех политических ссыльных Иркутской губернии [17. С. 165]. Вместе с тем политические убеждения и революционная деятельность Мандельберга не нашли отражения в очерке Бейтса. Что же касается Мандельберга, то после роспуска II Государственной Думы он вынужден был эмигрировать во Францию. Представительство Иркутска в Думе сократили, что местные жители, со слов Бейтса, связывали с избранием еврея, т.е. «post hoc, а может быть, propter hoc» (лат. – после этого, вследствие этого) [2. P. 77]. Очевидно, что изменение представительства в Думе было связано с принятием Положения о выборах в Думу 3 июня 1907 г. Также довольно точно Бейтс подметил то обстоятельство, что еврейское купечество составляло элиту Забайкалья, в частности Иркутска. На рубеже XIX–XX вв. еврейская прослойка в восточносибирском купечестве постоянно возраста-

ла, а сами представители еврейских купеческих фамилий успешно интегрировались в сибирскую жизнь, пользовались уважением, имели хорошую репутацию. Даже в условиях обострения еврейского вопроса в конце XIX в. губернские власти сделали все возможное, чтобы не допустить напряженности [18. С. 30; 19. С. 92]. В довершение этого сюжета Бейтс, как бы подчеркивая положение евреев в Иркутске, сообщает, что в отеле «Метрополь» их встречает, помимо прочего, хазан, т.е. еврей, ведущий богослужение, которого Бейтс принимает за хозяина гостиницы [2. P. 77–78].

Однообразную картину сибирского города неожиданно дополнило выступление американского дуэта, состоявшего из чернокожего певца Эдгара Джонсона и певицы-танцовщицы Мориско Андраши, которые гастролировали в Иркутске. Их появление состоялось на сцене концертного зала иркутской гостиницы «Гранд-Отель» 1 января 1908 г. [20. С. 204]. Бейтс смотрел, как они танцевали танец в сабо и исполняли для «изумленной публики» славянскую версию американской песни «Река Сувани» (Suwanee River). Оригинальная американская версия песни о реке, протекающей по штатам Джорджия и Флорида, была написана в 1851 г. американским композитором Стивеном Фостером. Краткий разговор с исполнителем позволил выяснить, что Джонсон уехал из Чарльстона и намеревался сделать состояние во Владивостоке. «С каким пафосом он пел песню Сувани», – сочувствовал Бейтс певцу, думавшему о Каролине в «замерзшем Иркутске» [2. P. 84].

Тема ссылки, являвшаяся почти обязательным атрибутом в очерках англо-американских путешественников о Сибири, как уже отмечалось, у Бейтса в главе об Иркутске практически отсутствует. Вместе с тем в одной из многочисленных бесед, которые Бейтс вел с жителями города, возникла тема преступности. От постового, встретившегося на почте, Бейтс узнал о том, что в городе каждый день кого-то убивают [2. P. 89]. Криминогенная обстановка в Иркутске в начале 1900-х гг. была гораздо хуже, чем в европейской России. С 1898 г. Иркутский судебный округ вышел на первое место по преступности, «превысив общероссийские показатели по уголовным делам», а в революционные годы ситуация с преступностью только усугубилась [21. С. 53–55].

Одним из наиболее интересных сюжетов является знакомство Бейтса с местным банкиром, предположительно управлявшим отделением Сибирского торгового банка, который входил в Международный русский синдикат. Синдикат, располагавшийся в Лондоне, где у Бейтса-ст. был открыто свое коммерческое представительство, был создан при участи «Российского горнопромышленного комиссионного общества». С ним, в свою очередь, Бейтс-мл. подписал договор о праве на обследование медно-серебро-свинцовых рудников в Семипалатинской области [22]. Прибыв с рекомендательным письмом от некоего Игнатьева, представлявшего головной офис банка в Санкт-Петербурге, американский инженер смог познакомиться с семьей иркутского банкира. Совместно они совершают поездку по городу на санях, а затем ужинают в его доме. Начиная с первого разговора с банкиром Бейтс выделяет черты, относимые им к характеру русского человека: «...русские, кажется, говорят и слушают одновременно» [2. P. 92]. Банкир предлагает гостю поездку по городу на санях, и, несмотря на возражения Бейтса, что он отвлекает от работы делового человека в середине дня, предприниматель организует ему знакомство с Иркутском. Даже после часа езды по городу банкир, по словам Бейтса, не ощущал «ни мороза, ни потребности вернуться к своим делам». После совместной поездки Бейтс сделал еще один многозначительный обобщающий вывод о характере зажиточных людей в Иркутске, которые «повсюду разбрасывают на своем пути мелкое серебро – слугам друзей, дворникам, нищим на улице». Это наблюдение носит, очевидно, обобщающий характер, и Бейтс пришел к выводу, что среди состоятельных людей «преобладает самая обильная щедрость», которую он сравнивает с щедротами «средневекового князя». Бейтс замечает и оборотную сторону этого явления, когда «заботливый человек в униформе», в данном случае он имел в виду швейцара в банке, помогает надеть пальто и галоши, а затем «выученным движением (a stereotyped motion) мужчина протягивает руку за чаевыми» [2. P. 93].

Ужин в доме банкира оказывается одним из важнейших сюжетов в повествовании американского путешественника. В одном семействе Бейтс наблюдал за различными типажами людей и их судьбами. С одной стороны, это молодая девушка, которую Бейтс характеризует как «типичный продукт французской системы половой сегрегации и замкнутого обучения, которое делает девушек неестественно непривлекательными до замужества», с другой стороны, племянник хозяина дома студент Валериан, который предстает как фанатичный молодой революционер [2. P. 101]. Если в описании обстановки дома состоятельных людей автор, как обычно, прибегает к иронии (прихожая, напоминающая магазин одежды, позолоченный стул эпохи Людовика XVI, кресло, похожее на трон короля Эдуарда), то истории жителей дома вызывают у него искренний интерес и сочувствие.

Иркутск нашел отражение в книге Бейтса как город революционного протеста. Этот мотив он передает через рассказ Валериана о событиях революции 1905 г., не упуская деталей. В частности, это касается истории действий военной экспедиции под руководством генерала А.Н. Меллер-Закомельского, направленного в декабре 1905 г. для наведения «порядка» на Транссибирской железной дороге, где власть фактически находилась в руках революционеров. В книге Бейтса генерал ошибочно назван Мюллером (Müller) [2. P. 109]. В рассказе студента упоминается о действиях железнодорожников, которые тормозили движение составов с военными частями (Меллер шел из Иркутска, а П.К. Ренненкампф – из Маньчжурии), а также о том, как складывалась ситуация в городе. По словам Валериана, Ренненкампф «пообещал умеренные сроки всем, кроме лидеров». Валериан считал, что горожане испугались последствий и восстали против «наших людей». Кого имел в виду Валериан под «нашими людьми», он не упомянул, но очевидно, что это наиболее радикальные силы. В ходе революционных событий в Иркутске

в ноябре 1905 г. волнениями был охвачен Иркутский гарнизон, солдаты которого выступили с политическими требованиями (созыв Учредительного Собрания). Крайне радикальную позицию также занимал комитет РСДРП, взявший курс на вооруженное восстание. Вместе с тем Совет рабочих и служащих Забайкальской железной дороги не поддержал идею восстания. В силу большого влияния реформаторски настроенной общественности Иркутск оказался неперспективным для организаторов вооруженного восстания [23. С. 248].

По словам молодого собеседника Бейтса, многие участники революционного движения были схвачены, многие бежали в Японию или Америку, кого-то расстреляли, а кого-то отправили в Якутск. За этими словами следовал вывод Валериана о том, что революционное движение в Иркутске было подавлено и «наш великий шанс был упущен». На собственный вопрос «Когда еще будет такой шанс?» он отвечал: «Рабочие готовы. Интеллектуалы готовы. Крестьяне в России требуют земли. Возможно, в следующий раз они тоже созреют, и солдаты будут с нами. Во всяком случае в Сибири над Читинской республикой реял красный флаг» [2. P. 109]. В Чите революционные события 1905 г. развивались довольно масштабно, и уже в ноябре военный гарнизон города принял сторону восставших, а Совет солдатских и казачьих депутатов фактически контролировал местную администрацию. Однако карательная экспедиция Ренненкампфа не встретила серьезного сопротивления, и восстание в Чите было быстро подавлено.

В заключение необходимо отметить, что в главе Бейтса об Иркутске просматривается ряд сюжетных линий и мотивов, которые сам автор не выделяет, но они присутствуют в его повествовании. Это общие впечатления от города, социальные реалии и нравы жителей, портреты отдельных людей и небольшие экскурсы в недавнее прошлое на основе рассказов местных жителей. С одной стороны, Бейтс редко прибегает к прямым суждениям относительно экономической, политической или социальной значимости города, с другой – в его наблюдениях прослеживается завуалированное, иногда насмешливо выраженное отношение к этим вопросам. Автор часто допускает явно иронические оценки горожан, городских нравов, и это касается восприятия самими горожанами Иркутска. Второй важнейший прием – использование диалогов с местными жителями, что представляет собой характерную черту всего очерка. Третья особенность авторского стиля – недосказанность оценок, отрывочность сведений о людях, появляющихся на страницах травелога американского инженера.

Список источников

1. Макурин А.И. Транссибирская магистраль в начале XX в. глазами американского инженера Линдона У. Бейтса // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1 (17). С. 240–252.
2. Bates L.W. Russian Road to China. New York : Houghton Mifflin Company, 1910. 446 p.
3. Cottrell C.H. Recollections of Siberia, in the years 1840 and 1841. London : John W. Parker, 1842. 451 p.
4. Gowing L.F. Five Thousand Miles in a Sledge: A Mid-winter Journey Across Siberia. London : Chatto & Windus, 1889. 321 p.
5. Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. СПб. : М.О. Вольф, 1868. 351 с.
6. Knox T.W. Overland through Asia, pictures of Siberian, Chinese, and Tartar life, travels and adventures in Kamchatka, Siberia with full account of the Siberian exiles, their treatment, conditions, and mode of life, a description of the Amoor River. Hartford : American Publishing Company, 1870. 608 p.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 9. Д. 315. Л. 1.
8. Lansdell H. Through Siberia. Boston : Houghton Mifflin and Co., 1882. 446 p.
9. Bradshaw's Through Routes to the Chief Cities and Bathing and Health Resorts of the World. London ; Manchester : H. Blacklock and Co., 1913. 708 p.
10. Сысоев А.А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. № 1. С. 151–160.
11. Wright R.L., Digby G.B. Through Siberia; an Empire in the Making. New York : McBride, Nast & Company, 1913. 260 p.
12. Taft M.L. Strange Siberia along the Trans-Siberian railway: a journey from the Great wall of China to the skyscrapers of Manhattan. New York : Eaton & Mains, 1911. 260 p.
13. Evening Star. 1909. 29 Jan.
14. Гаращенко А. Гостиница «Метрополь» // Проект Байкал. 2011. № 29-30. С. 174–175.
15. Jefferson R.L. Roughing it in Siberia, with some account of the Trans-Siberian railway, and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London : Sampson Low, Marston & Company, 1897. 252 p.
16. Fraser J.F. The Real Siberia, together with an account of a dash through Manchuria. London : Cassell and Company, 1904. 418 p.
17. Иванов А.А., Курас С.Л., Курас Т.Л. Ссыльные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 162–169.
18. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.
19. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.) Барнаул : Азбука, 2013. 174 с.
20. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск : Оттиск, 2003. 848 с.
21. Гуров К.А. Криминал как часть жизни города Иркутска в конце XIX – начал XX вв. // Исторические исследования : материалы IV междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 53–55.
22. РГИА. Ф. 80. Оп. 1. Д. 11.
23. Иркутск в панораме веков : очерки истории города / отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2002. 512 с.

References

1. Makurin, A.I. (2018) Transsibirskaya magistral' v nachale XX v. glazami amerikanskogo inzhenera Lindona U. Beytsa [The Trans-Siberian Railway in the early 20th century as viewed by American engineer Lyndon W. Bates]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 1. pp. 240–252.
2. Bates, L.W. (1910) *Russian Road to China*. New York: Houghton Mifflin Company.
3. Cottrell, C.H. (1942) *Recollections of Siberia, in the years 1840 and 1841*. London: John W. Parker.
4. Gowing, L.F. (1889) *Five Thousand Miles in a Sledge: A Mid-winter Journey Across Siberia*. London: Chatto & Windus.
5. Michie, A. (1868) *Puteshestvie po Amuru i Vostochnoy Sibiri* [A Journey along the Amour river and Eastern Siberia]. Translated from English. St. Petersburg: M.O. Wolf.

6. Knox, T.W. (1870) *Overland through Asia, pictures of Siberian, Chinese, and Tartar life, travels and adventures in Kamchatka, Siberia with full account of the Siberian exiles, their treatment, conditions, and mode of life, a description of the Amoor River*. Hartford: American Publishing Company.
7. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 9. File 315.
8. Lansdell, H. (1882) *Through Siberia*. Boston: Houghton Mifflin and Co.
9. Reynolds-Ball, E.A. (1913) *Bradshaw's Through Routes to the Chief Cities and Bathing and Health Resorts of the World*. London and Manchester: H. Blacklock and Co.
10. Sysoev, A.A. (2022) Umyshlennye ubiystva na territorii Vostochnoy Sibiri dosovetskogo vremeni [Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times]. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologiy*. 1. pp. 151–160.
11. Wright, R.L. & Digby, G.B. (1913) *Through Siberia; an Empire in the Making*. New York: McBride, Nast & Company.
12. Taft, M.L. (1911) *Strange Siberia along the Trans-Siberian railway: a journey from the Great wall of China to the skyscrapers of Manhattan*. New York: Eaton & Mains.
13. *Evening Star*. (1909) 29th January.
14. Garashchenko, A. (2011) Gostinitsa "Metropol" [Metropol Hotel]. *Proekt Baykal.* 29-30. pp. 174–175.
15. Jefferson, R.L. (1897) *Roughing it in Siberia, with some account of the Trans-Siberian railway, and the gold-mining industry of Asiatic Russia*. London: Sampson Low, Marston & Company.
16. Fraser, J.F. (1904) *The Real Siberia, together with an account of a dash through Manchuria*. London: Cassell and Company.
17. Ivanov, A.A., Kuras, S.L. & Kuras, T.L. (2021) Exiled Jews in the political life of Irkutsk province in the late 19th – early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 71. pp. 162–169. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/71/23
18. Kalmina, L.V. (2016) Evreyskoe kupechestvo Zabaykal'ya v kontse XIX – nachale XX v.: elita sosloviya [Jewish merchants of Transbaikalia Region in the late 19th – early 20th centuries: The elite class]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 21–40.
19. Goncharov, Yu.M. (2013) *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Jewish communities of Western Siberia (19th – early 20th century)]. Barnaul: Azbuka.
20. Kolmakov, Yu.P. (ed.) (2003) *Irkutskaya letopis' 1661 – 1940 gg*. [A historical timeline of Irkutsk, 1661–1940]. Irkutsk: Ottepel'.
21. Gurov, K.A. (2016) Kriminal kak chast' zhizni goroda Irkutsk v kontse XIX – nachale XX vekov [Crime as part of the life in Irkutsk in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie issledovaniya* [Historical Studies]. Proc. of the Fourth International Conference. Kazan, May 2016). Kazan: Buk. pp. 53–55.
22. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 80. List 1. File 11.
23. Dameshek, L.M. (ed.) (2002) *Irkutsk v panorame vekov: Ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the Panorama of Centuries: Essays on the History of the City]. Irkutsk: Vostochno-sibirskaya izdatel'skaya kompaniya.

***Сведения об авторах*:**
Макурин Андрей Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); доцент кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технология» Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: aimdif@yandex.ru
Нечипорук Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: nechiporuk79@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Makurin Andrei I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History of Herzen State Pedagogical University (St. Peterburg, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of Saint Petersburg Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov (St. Peterburg, Russian Federation); Senior Researcher at Research Center "Human, Environment & Technology" at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: aimdif@yandex.ru
Nechiporuk Dmitrii M. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nechiporuk79@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 25.09.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(47):[322:281.93]
doi: 10.17223/19988613/86/7

Высшая иерархия Русской православной церкви в 1905–1906 гг.: интересы епископских партий

Иван Олегович Мишин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, i.o.mishin@gmail.com

Аннотация. Выявляются интересы, обусловившие формирование епископских партий внутри Русской православной церкви в 1905–1906 гг. На основании анализа журналов и протоколов заседаний Предсоборного присутствия и прочих источников устанавливается, что некоторые представители «консервативной» части епископата были заинтересованы в сохранении синодально-епископского строя и властных прав архиереев в епархиях. Представители же «либеральной» партии объединялись вокруг идеи широкой соборности.
Ключевые слова: церковная иерархия, церковная реформа, Русская православная церковь, епископские партии, Предсоборное присутствие

Для цитирования: Мишин И.О. Высшая иерархия Русской православной церкви в 1905–1906 гг.: интересы епископских партий // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 49–57. doi: 10.17223/19988613/86/7

Original article

The higher hierarchy of the Russian Orthodox church in 1905–1906: the interests of the episcopal parties

Ivan O. Mishin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, i.o.mishin@gmail.com

Abstract. The article reveals the interests, which led to the formation of episcopal parties in the higher hierarchy of the Russian Orthodox Church in 1905–1906, when the issue about the transformation of the "dominant" Church was most acute. Despite the existence of a number of published studies of Mikhail A. Babkin, Sergey L. Firsov, J. Meyendorff, J. Cunningham etc., the debate continues about the ideological-political positions of the representatives of the episcopate of the Russian Orthodox Church at the beginning of the 20th century. So far, research has tended to focus on this topic rather than on episcopal parties in the Church. Also, the key issue is not solved – what interests determined the formation of these groups, and the struggle for the power over the Church as a consequence. Considering insufficient contribution of prior researches and also scientific importance of the subject, the author of the article has tried to determine the positions of the representatives of the episcopate of the Russian Orthodox Church, reveal the issues and acts of the contradictions, and identify the most active members of the episcopal parties. A variety of sources was utilized in order to answer the general question of the present research, such as official documents: "Journals and minutes of meetings of the highest established pre-Council Presence" and "Reviews of the diocesan bishops on the issue of the Church reform". Also, a number of sources related to non-official documents of Bishops such as diary of Metropolitan Arsenius (Stadnitsky) and private letters were used in the article.

The results of this investigation show that the question of which of the warring factions will gain power after the Synodal System is a consequence of a deeper conflict of interest. The essence of this conflict was connected with various concepts about the church system, which could be established after the future Local Council of the Russian Orthodox Church. Some representatives of the "conservative" party of the episcopate were interested in the preservation of the Synodal system and the current rights of the diocesan authority. In their turn, the representatives of the "liberal" party were united around the idea of wide sobornost in ecclesiastical life, which could be implemented by decentralization of the Church by the districts. However, this may reduce the power of bishops over the dioceses, which "conservatives" cannot allow.

Thus, the interests that were connected with the future church system determined the emergence of interest groups (episcopal parties) in the highest hierarchy of the Russian Orthodox Church in 1905-1906.
Keywords: ecclesiastical hierarchy, ecclesiastical reform, ecclesiastical authority, Russian Orthodox Church, episcopal parties, pre-Council Presence

For citation: Mishin, I.O. (2023) The higher hierarchy of the Russian Orthodox church in 1905–1906: the interests of the episcopal parties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 49–57. doi: 10.17223/19988613/86/7

© И.О. Мишин, 2023

В контексте современных тенденций к укреплению союза Православной церкви и государства в России приобретает важность изучение хода церковной реформы в начале XX в., завершившейся Поместным собором 1917–1918 гг. Во-первых, влияние Поместного собора 1917–1918 гг. на существующую модель церковной жизни чувствуется в полной мере и сегодня. На это обращает внимание Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, подчеркивающий, что «многие решения, принятые Архиерейскими Соборами последних лет, своими корнями уходят в размышления и постановления, сформулированные в ходе Собора 1917–1918 гг.» [1]. Во-вторых, одним из главных направлений церковной реформы являлось изменение церковного строя. Здесь следует подчеркнуть, что церковный строй определяет не только права и полномочия духовных властей, но и характер отношений между Церковью и обществом (по крайней мере церковной общиной), Церковью и государством. В связи с этим особую важность приобретает изучение пути к Собору, *формально* (здесь и далее курсив автора настоящей статьи. – *И.М.*) начавшегося с учреждения Предсоборного присутствия 1906 г. (далее – Присутствие).

В ходе заседаний Присутствия происходили столкновения различных взглядов на будущий церковный строй, в результате чего были выработаны положения, которые легли в основу решений, принятых на Поместном соборе.

Рассматривая историографию проблемы, можно говорить об отсутствии среди историков консенсуса относительно идейно-политических взглядов представителей русского православного епископата в начале XX в. М.А. Бабкин отмечает неоднородность епископата в политических воззрениях после 1905 г., но далее указывает на преобладание в среде высшей иерархии Русской православной церкви двух точек зрения – промонархической и аполитичной [2]. Однако С.Л. Фирсов, рассматривая идейные течения внутри епископата, приверженность архиереев к общественным движениям, напротив, отмечает со стороны высшего духовенства очень малую поддержку крайне правым движениям, а также говорит о меньшинстве, которое составляли епископы, выступающие за либерализацию Церкви [3]. С другой стороны, протоиерей Иоанн Мейендорф, изучив «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (далее – «Отзывы»), выделил три господствующих направления общественной мысли, оказавших влияние на высшее духовенство и тем самым отразившихся в «Отзывах»: либерально-демократическое, народническое и консервативно-реакционное [4].

Подробный анализ «Отзывов» также представлен в монографии английского историка Дж. Каннингема. В его работе детально описана работа Присутствия и отражены точки зрения членов Присутствия (в том числе из числа архиерейского корпуса Русской церкви). Однако в исследовании Каннингема отсутствуют необходимые обобщения касательно внутрицерковной борьбы [5]. Такое же заключение справедливо отнести и к статье И.К. Смолича [6].

Другой американский исследователь, П. Валльер, рассматривая развитие движения за проведение Поместного собора после 1905 г., указывает на борьбу групп интересов друг с другом в попытке решить, кто будет обладать властью в Церкви, если исчезнет синодальный строй [7]. Однако историк не дает ответа на ключевой вопрос – какие именно интересы обусловливали формирование этих групп (партий[1]) и, как следствие, борьбу за власть в Церкви.

Таким образом, автором настоящей статьи предпринята попытка ответить на данный вопрос. Для достижения означенной цели необходимо решить следующие задачи: выявить позиции представителей епископата Русской православной церкви, вопросы и акты, в которых проявились разногласия, а также определить наиболее активных акторов из среды высшей церковной иерархии.

Особый исследовательский интерес вызывает период 1905–1906 гг., когда вопрос о преобразовании «господствующей» Церкви в России стоял наиболее остро. К началу XX в. синодальная система претерпевала серьезный кризис. Статус «господствующей Церкви» превратил высшие церковные институты в часть государственного аппарата и фактически парализовал духовную власть бюрократической работой. Появление Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г., ограничивавшего самодержавие, усугубило ситуацию, поскольку в вопрос о правах императора в церковном управлении была внесена неопределенность. Более того, вследствие издания в 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» Русская православная церковь, оставаясь под опекой светской власти, не могла адекватно реагировать на деятельность инославных и иноверных общин, освобожденных означенным указом от государственного контроля. Реакция высшей церковной иерархии на этот указ показывает, что введение веротерпимости рассматривалось епископатом как возможность для инициирования реформы церковного строя [8].

В настоящем исследовании в том числе будет подробно рассмотрена деятельность I отдела Присутствия, а также частично II отдела и общего собрания Присутствия, которым вменялось рассматривать в той или степени вопросы, связанные с преобразованием высшего церковного управления и в целом церковного строя. Соответственно, для достижения цели настоящего исследования были использованы сведения, полученные из «Отзывов» [8] и «Журналов и протоколов заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия» (далее – «Журналы и протоколы Присутствия») [9].

Помимо этого, автором настоящей статьи задействованы дневники Арсения (Стадницкого) за 1905–1906 гг. Данный источник ценен для настоящего исследования тем, что епископ (с 1917 г. – митрополит) Арсений (Стадницкий) являлся одним из виднейших церковных иерархов своей эпохи, членом Святейшего Синода (с 1906 по 1917 г.) и Государственного совета (с 1907 г.), а в 1910 г. занял почетную Новгородскую кафедру. В его дневниковых записях зафиксирована не только собственная позиция, но и взгляды других архиереев по вопросам церковного управления, а также описана внутренняя жизнь духовной власти.

Как справедливо отмечает И.Ф. Мейендорф, «Отзывы» демонстрируют «почти единодушие русских святителей в расположении к реформам», а также «широкий богословский и идеологический консенсус относительно принципов большей независимости Церкви в ее служении обществу» [4. С. 46]. Анализ мнений, содержащихся в «Отзывах», показывает отсутствие существенных разногласий между «либеральной»[2] и «консервативной» частями архиерейского корпуса[3]. Например, в отзыве Московского митрополита Владимира (Богоявленского), активно поддерживающего монархические силы и осудившего революционные события 1905 г., содержатся критика синодального строя и призыв к его замене «искони присущим церковной жизни началом соборности, состоящим во взаимодействии и живом общении всех членов церковного организма» [8. Ч. 2. С. 384; 10. С. 104].

Однако в дневниковых записях Арсения (Стадницкого) содержится ряд сведений, которые косвенно указывают на наличие внутрицерковных групп интересов. Так, в записи от 4 октября 1905 г. содержатся сведения о делегации от Московской духовной академии во главе с ее ректором, епископом Евдокимом (Мещерским), которая, в частности, сообщила, что некая история, связанная с оставлением в академии профессора Мышцына, «послужила поводом для кристаллизации двух партий: консервативной и либеральной», и что «к первой принадлежит большинство синодальных членов» [11. Л. 3а]. В записи же от 10 августа 1905 г. владыка Арсений сообщает об образовании оппозиции в лице архиепископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого) и архиепископа Херсонского и Одесского Димитрия (Ковальницкого) против реформы духовно-учебных заведений, разрабатываемой под руководством самого Арсения, которого поддерживал митрополит Антоний (Вадковский) [12. Л. 117 об.–118 об.].

Здесь необходимо остановиться на фигурах двух наиболее видных иерархов своего времени – Антонии (Вадковском) и Антонии (Храповицком). Во время описываемых событий Антоний (Вадковский) занимал Петербургскую кафедру и являлся первоприсутствующим членом Святейшего Синода. Он внес существенный вклад в церковную и государственную жизнь в начале XX в. Как справедливо замечает С.Л. Фирсов, с именем Антония (Вадковского) связаны все основные события «церковной революции» 1905 г., когда Русская православная церковь была очень близка к своему преобразованию на началах соборности, а петровская синодальная система – к своей ликвидации, что не могло не отразиться на всем государственном механизме Российской империи [3. С. 9]. Важно подчеркнуть, что это не означает, что митрополит Антоний был противником монархии. Например, о его верноподданнических чувствах высоко отзывался публицист-славянофил А.А. Киреев, которому невозможно вменить антимонархические настроения [13. С. 347]. Либеральность взглядов Петербургского высокопреосвященного, как будет показано далее, проявлялась, скорее, не в политической, а в церковной жизни.

Если Антония (Вадковского) современники считали либералом, то Антония (Храповицкого) – наоборот, консерватором [3. С. 14]. Будучи назначенным в 1902 г. на Волынскую и Житомирскую кафедру, он стремился обратить местное духовенство, по словам самого Антония (Храповицкого), «от буржуазности к народности, от светскости к Православию», а в период революционных событий 1905–1907 гг. поддерживал Союз русского народа и другие монархические организации. Также архиепископ Антоний в 1906–1907 гг. был членом Государственного совета. О его авторитете архипастыря говорит тот факт, что еще в 1905 г. император Николай II желал видеть Петербургским митрополитом именно Антония (Храповицкого), и с тех пор многие современники прочили ему одну из трех митрополичьих кафедр [3. С. 427–428; 14. С. 647–648].

Возвращаясь к фигуре Антония (Вадковского), необходимо заметить, что современники видели в нем главного кандидата на место Всероссийского патриарха [3. С. 9]. Однако были свои сторонники и у Антония (Храповицкого), причем среди епископата Русской православной церкви. Так, Арсений (Стадницкий) сообщает, что за Волынского архиепископа было бы отдано 37 голосов архиереев, если бы произошли выборы предстоятеля Церкви [11. Л. 26 об.].

Одним из сторонников патриаршества Антония (Храповицкого) являлся уже упоминавшийся выше Херсонский архиепископ Димитрий (Ковальницкий), которого также можно отнести к «консервативным» иерархам Русской православной церкви. Так, на посту инспектора Киевской духовной академии он старался ввести жесткую дисциплину в этом учебном заведении, сократил отпуска, вмешивался в организацию студенческой библиотеки, ликвидировал кассу студенческой взаимопомощи, которая являлась нелегальной. Когда в 1905 г. в Одессе разворачивались революционные события, Димитрий (Ковальницкий), занимавший Херсонскую и Одесскую кафедру, поддержал монархическое движение [15]. Также он симпатизировал «церковным консерваторам». В частности, об Антонии (Храповицком) он отзывался, «как о чрезвычайно талантливом и блестящего ума…», и считал, что Волынский архиепископ «будет патриархом» [12. Л. 48 об.].

Следует отметить, что на заключительном перед летним перерывом заседании Присутствия архиепископ Антоний (Храповицкий) выразил «особую благодарность Присутствия I отделу и его председателю арх. Херсонскому Димитрию за великие труды, поднятые этим отделом». При этом ни один архиерей не выступил с аналогичным словом по адресу председателя Присутствия, митрополита Антония [12. Л. 100–100 об.].

Прежде чем перейти к выявлению актов борьбы внутрицерковных партий, развернувшихся в ходе работы Присутствия, следует указать на письмо Антония (Каржавина), бывшего на тот момент епископом Тобольским и Сибирским, к одному из самых активных участников правомонархического движения среди архиереев Русской православной церкви, архиепископу Вологодскому и Тотемскому Никону (Рождественско-

му) от 8 октября 1907 г. В этом письме епископ Антоний высказывает предположение, что «в среде самих епископов на Соборе выступят две партии». К первой партии Тобольский преосвященный причисляет «приверженцев “восстановления” на Святой Руси силы и действенности *древних церковных канонов*, завещанных... Святыми Апостолами Христовыми и… Святыми Отцами и Учителями Церкви, собиравшимися на Соборы Вселенские и на канонические поместные Соборы...». Противоположный «лагерь» Антоний (Каржавин) называет «реформаторами», которые, по его мнению, выступали за преобразование Русской православной церкви по образцу Восточных церквей (Константинопольской, Иерусалимской, Александрийской, Антиохийской) и некоторых западных поместных церквей (Сербской, Румынской, Болгарской) [16. Л. 1 об.]. Важно отметить, что Тобольский епископ в своем письме выступает по отношению к партии «реформаторов» с позиции критики, предлагая не отвергать, а только усовершенствовать синодальную систему, «устранив выясненные историческим опытом ее недостатки…» [16. Л. 2].

Следует обратить внимание на дату написания данного письма. Можно наблюдать, что между завершением работы Присутствия и написанием письма прошло относительно немного времени (меньше года), что в совокупности со столь четким разграничением внутрицерковных групп интересов, которые в самом письме прямо обозначены как партии «в среде самих епископов», позволяет выдвинуть несколько гипотез. Можно предположить, что в ходе работы Присутствия в рядах высшей церковной иерархии действительно «обнажились» определенные противоречия во взглядах на новый церковный строй.

Например, на втором заседании общего собрания Присутствия, прошедшем 11 марта 1906 г., Димитрий (Ковальницкий) заметил, что будущий чрезвычайный Собор должен опираться на современный церковный строй, но председатель Присутствия, митрополит С.-Петербургский Антоний объяснил, что планируемый Собор «не будет опираться ни на какой строй». Также Димитрию (Ковальницкому) ответил и Ярославский архиепископ Иаков (Пятницкий). Он указал на рескрипт императора Николая II, согласно которому все работы Присутствия, равно как и преобразования в строе церковного управления, должны иметь каноническую основу. Следовательно, и грядущий Собор «должен опираться на каноны» [9. Т. 2. С. 301–302].

Херсонский архиепископ парировал эту реплику тем, что «по существующим мнениям, современный церковный строй Русской церкви не соответствует каноническому, нет округов, вместо Собора синодальное и епархиальное управление». Он также добавил, что будущий Собор, составленный при существующем церковном строе, «уже сам рассудит о том, как преобразовать церковное управление на точных канонических основах» [9. Т. 2. С. 302]. В свою очередь, митрополит Антоний не возражал преосвященному Димитрию относительно того, что проект организации Соборного церковного управления будет рассматриваться непосредственно на Соборе, но вместе с тем и не ответил, противоречит ли канонам существующий строй управления Русской церкви.

В дальнейшем Херсонский преосвященный выбрал иную тактику защиты существующего церковного (синодального) строя, неоднократно отстаивая тезис о его каноничности.

В ходе заседания I отдела Присутствия от 19 апреля, на котором рассматривался вопрос о Синоде как органе высшего церковного управления, архиепископ Димитрий предложил признать то, что «синодальное управление не только не противоречит канонам, напротив, имеет основание в древних Соборах, так как по существу Синод то же, что и Собор». Также можно привести и другое высказывание владыки: «…I правилом Никейского Собора предписывается хранить древние обычаи. Древними в этом правиле называются обычаи, которые получили начало в течение 100–150 лет до этого правила[4]. Между тем наше синодальное управление получило начало около 200 лет тому назад, и потому мы вправе называть его древним не только обычаем, но и правилом». Далее архиепископ Димитрий повторяет один из тезисов, изложенных в письме Антония (Каржавина): «Если в хорошем здании допущена недостройка, в течение времени сделаны неудобные пристройки и перестройки, то не значит, что здание нужно разрушить, его следует только реставрировать и приладить к вновь назревшим потребностям, устранивши то, непригодность чего показал опыт» [9. Т. 1. С. 152].

В качестве «реставрационной» меры Херсонский архиепископ предлагал учреждение патриаршества при существующем Синоде. Синод с патриархом представлялся ему «постоянной властью», исполняющей судебную, административную и исполнительную функции. О Поместном Соборе Димитрий (Ковальницкий) высказывался как о «власти законодательной и потому непостоянной…», созываемой по мере надобности принятия тех или иных законов как один раз в два года, так и раз в 15 лет. По его мнению, от такой нечеткой периодичности созывов Собора «*церковная жизнь не пострадает, потому что есть постоянный Синод с патриархом во главе*» [9. Т. 1. С. 153]. В дальнейших прениях сторонники Херсонского преосвященного из числа членов I отдела, опираясь на каноны древней Церкви (в частности, на 106-е правило Карфагенского собора[5]), пытались отстоять тезис о том, что «предполагаемый Синод – тот же Собор», а сам архиепископ Димитрий, отвечая на реплику канониста, профессора Харьковского университета М.А. Осторумова, указавшего на то, что «Собор вверяет постоянное управление Синоду», заметил: «*Но из этого не следует, что Синод есть только исполнительный орган*» [9. Т. 1. С. 319].

На одном из заседаний общего собрания Присутствия в том же, что и Херсонский архиепископ, ключе высказался Антоний (Храповицкий): «Решение обычных текущих дел принадлежит высшей постоянной церковной власти – Синоду, *Собор – не столько власть*, сколько полнота церковного сознания» [9. Т. 2. С. 492].

Таким образом, формально подтверждая, что Собор – это верховный орган церковной власти, архи-

епископ Димитрий (Ковальницкий) пытался умалить его значение в пользу коллегиального (не соборного) института Церкви. Здесь следует привести ремарку профессора Санкт-Петербургской духовной академии, протоиерея А.П. Рождественского: «Если Синод есть сокращенный Собор, то ему будут принадлежать те же права, что и полному повременному Собору». Далее он высказал опасение о том, что в таком случае Синод может постановить, чтобы Соборы собирались более чем через 100 лет, заключив: «И, таким образом, *в нашей Церкви останется то же управление, как и теперь*, с тем различием, что вместо обер-прокурора будет патриарх» [9. Т. 1. С. 320–321].

Данное высказывание, несомненно, было обращено к «церковным консерваторам», которые, как было показано выше, пытались сохранить существующий синодально-епископский строй за тем лишь исключением, что во главе его, как справедливо заметил А.П. Рождественский, должен был стоять патриарх вместо обер-прокурора. Какой же интерес стоял за этими попытками? Некоторые современные историки в своих трудах подчеркивали, что в начале XX в. архиерей Русской церкви в подвластной ему области имел огромную власть над подчиненными ему священно- и церковнослужителями, духовно-учебными заведениями и монастырями. П.Г. Рогозный отмечает, что власть архиерея в своей епархии была сравнима с властью губернатора. Однако власть епископа на местах напрямую зависела от Синода, который, в свою очередь, во второй половине XIX в. был поставлен в почти полное подчинение обер-прокурора. Более того, К.П. Победоносцев, пробывший на этом посту четверть века (1880–1905), полагал, что какие-либо реформы в Церкви могут вести только к усилению и без того значительной власти епархиальных архиереев [17. С. 21; 18. С. 9–10; 19].

Таким образом, сохранение существующего церковного строя означало сохранение существующих прав епархиальных архиереев по контролю над епархиями. Замена же обер-прокурора (представителя светской власти) на патриарха (представителя высшей иерархии Церкви) только укрепила бы архиерейскую власть на местах. Это объясняет, почему «консерваторы» из епископата, с одной стороны, поддерживали текущий синодально-епископский строй, а с другой – выступали за реформу.

Важно обратить внимание, что, несмотря на единогласную поддержку внедрения соборного начала, представители епископских партий по-разному понимали осуществление церковной соборности. В «Отзывах» Антоний (Храповицкий) прямо пишет о том, что «*никто, кроме епископов*, не должен быть допущен на Собор» [8. Ч. 1. С. 166]. Как видно из вышеприведенных высказываний на заседаниях Присутствия, данное мнение всецело разделялось «церковными консерваторами», что подтверждает тезис об их интересе в сохранении текущих прав архиерейской власти в реформированной Церкви.

Однако рядовое духовенство желало освобождения от «деспотичной власти» самих иерархов. Священники отправляли в канцелярию обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева анонимные письма с разоблачениями «распущенной жизни и различных несправедливостей епархиального архиерея» [20. Л. 1]. Антагонизм между клиром и епископатом усиливался имущественным разрывом. Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский писал: «Епископ – магнат, в сравнении с ним священник пролетарий» [18. С. 9–10; 21. С. 50–51; 22. С. 168]. Логично будет предположить, что активной участие клира в соборной жизни угрожало интересам представителей «консервативной» партии. Такие опасения четко продемонстрированы в дискуссии о составе Поместного собора.

На заседании общего собрания от 8 мая 1906 г. профессор-канонист Новороссийского университета А.И. Алмазов обратил внимание на то, что в Церкви принципиально различаются три «состояния» – клир (иерархия), миряне и монашество. Соответственно, по мнению профессора, участниками Собора являются, помимо обязательных его членов – епископов, лишь представители этих «состояний» [9. Т. 2. С. 348]. Однако митрополит Антоний (Вадковский) не склонен был выделять монашество в отдельное «церковное состояние», мотивируя это тем, что монашествующих не придется выделять в особую группу, «если следовать делению членов Церкви на епископов, клириков и мирян». Тогда Херсонский архиепископ Димитрий уточнил позицию А.И. Алмазова: «Мотивом к указанию на монашествующих… послужило то соображение, что при нынешнем настроении общественном, создаваемом подстрекательствами в печати, в обществе может явиться оппозиция Соборным решениям…» [9. Т. 2. С. 350].

Можно предположить, что Димитрий (Ковальницкий) намеревался ослабить позиции клириков, а через них – и «церковных либералов», на предстоящем Соборе. В частности, на заседании I отдела от 12 апреля он указывал на возникновение внутри Русской православной церкви «восстания пресвитерства против епископства, которое прикрывается вызывающим во многих сочувствие выражением: борьба белого духовенства с монашествующим» [9. Т. 1. С. 94]. Своим высказыванием архиепископ Димитрий выражал общую позицию консервативной части иерархов Русской православной церкви, представители которой полагали, что за «восстанием» белого духовенства (очевидно, здесь имеется в виду деятельность «группы 32 священников») стоят определенные групповые интересы [3. С. 332].

В частности, о «партийно-сословном характере» записки «группы 32 священников» прямо заявлял Антоний (Храповицкий). Как поборника идеи о исключительной власти епископов в Церкви его не могло не тревожить стремление «церковных либералов» допустить к непосредственному участию в Поместном соборе делегатов от клириков и мирян, чье общее количество, по мнению Волынского преосвященного, должно было значительно перевешивать число епископов [8. Ч. 1. С. 158; 14. С. 648].

Во избежание такой перспективы Антоний (Храповицкий) так же, как и архиепископ Димитрий и профессор Алмазов, высказался в пользу широкого привлечения монашества к участию на Соборе. Свою позицию

он аргументировал тем, что, в отличие от представителей интеллигенции и богословской науки, монашество отличается большей религиозностью и благочестием, но главное – исполнением древних церковных канонов. Несогласие с данным мнением высказал заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургского университета, протоиерей М.И. Горчаков, его поддержал и митрополит Антоний (Вадковский) [9. Т. 2. С. 349].

Есть все основания полагать, что некоторые представители «либеральной» части епископата оказывали поддержку реформаторскому движению внутри белого духовенства. В частности, в марте 1905 г. тот же Антоний (Вадковский) вместе со своим учеником, епископом Сергием (Страгородским), бывшим на тот момент цензором «Церковного вестника», сыграли определяющую роль в публикации в данном издании записки «группы 32 священников». Записка сразу же стала известной, дав повод к публичному обсуждению церковной реформы [3. С. 322; 23]. В ней открыто манифестировался призыв «восстановить в полноте и неприкосновенности каноническое церковное устройство» [24. С. 8]. В связи с этим необходимо привести мнение С.Л. Фирсова, который считает, что, давая разрешение на публикацию упомянутой записки, митрополит Антоний, скорее всего, имел намерение лишь «прозондировать почву», узнать общественное мнение по вопросу о церковной реформе [3. С. 322; 25. С. 392].

Впрочем, это не опровергает тезиса о поддержке «церковными либералами» реформаторского движения внутри белого духовенства. Если сопоставить мнение митрополита Антония, содержащееся в «Отзывах», с предложениями «группы 32 священников», то обнаружится близость взглядов по ряду вопросов преобразования церковного управления, в частности о составе Поместного собора[6]. Кроме того, еще в феврале 1905 г. появляется записка «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», составленная Антонием (Вадковским). Указав на огосударствление Церкви, он предложил ряд мер, направленных на ослабление контроля светской власти над церковной жизнью. В частности, Петербургский митрополит выступил за распространение на православных священников права быть непременными членами общественно-государственных учреждений, имевших место в приходах [3. С. 152–153].

Таким образом, можно предположить, что, преследуя стремление предоставить Русской церкви бóльшую свободу и автономию во внутренней жизни, представители «либеральной» части ее епископата считали необходимым передать часть прав в церковном управлении белому духовенству. Это, как было отмечено выше, угрожало интересам «консерваторов» и не могло не вызвать противодействия с их стороны.

Аналогичную реакцию вызывали разделение Русской церкви на округа, учреждение окружных и епархиальных соборов. За такую децентрализацию активно выступали некоторые «церковные либералы». Например, по мнению Владимирского епископа Никона (Софийского), введение церковных округов являлось важнейшей реформой, ведь только при ней, как считал владыка, «возможно оживление церковной жизни и возвращение значительно утраченного влияния Церкви на общество» [8. Ч. 1. С. 265–266]. О важности учреждения округов говорил на одном из заседаний Присутствия и профессор Киевской духовной академии А.А. Дмитриевский, видевший в них средство против существования внутрицерковных, епископских групп интересов [9. Т. 2. С. 620]. Однако опасения того, что появление церковных округов (да еще в качестве судебно-административных центров) могло ограничить самовластие епархиального управления, наиболее остро проявило противоречия между отдельными представителями епископских партий.

Изначально означенный вопрос находился в ведении II отдела Присутствия под председательством Никандра (Молчанова), архиепископа Литовского и Виленского. В начале первого заседания данного отдела выдающийся церковный историк, академик Императорской академии наук Е.Е. Голубинский, обращаясь к примеру Древней Церкви, «развил мысль, что каноническим порядком церковного строя должен быть такой, чтобы епископ каждого губернского города стоял во главе епископов уездных городов своей области». Интересно, что председатель II отдела признал «указанный академиком Голубинским церковный строй канонически необходимым» [9. Т. 1. С. 427–428]. На заседании от 18 апреля 1906 г. владыка Никандр подвел итог предшествующим обсуждениям по вопросу о митрополичьих округах, отметив, что «вопрос об учреждении округов *принципиально решен в утвердительном смысле*» [9. Т. 1. С. 469].

Однако архиепископ Димитрий (Ковальницкий) счел, что данное дело, рассмотренное во II отделе, решено «скорее в отрицательном смысле», ссылаясь на протоколы заседаний, где было указано, что «совещание постановило разрешить вопрос условно, в смысле положительном». Помимо этого, Херсонский архиепископ апеллировал к результатам голосования, в результате которого, по его словам, только 4 голоса из 11 были поданы за округа. Несмотря на возражение профессора Киевской духовной академии, профессора Ф.И. Титова о том, что «вопрос об округах в помянутом отделе решен в положительном смысле принципиально всеми, кроме о. Буткевича», преосвященный Димитрий «ввиду неопределенности в решениях II отдела» настоял на обсуждении вопроса об округах [9. Т. 1. С. 121–122].

В дальнейшем, в ходе заседаний Общего Присутствия, Херсонский архиепископ приводил более детальную аргументацию свое решения, но здесь вскрылось серьезное противоречие. Димитрий (Ковальницкий) вновь напомнил, что «только 4 члена более решительно стали за округа», однако, далее он указывает на два голоса за округа на окраинах и пять – «за округа условно, если в каждом уездном городе будет епископ». Важно отметить, что, по мнению преосвященного Димитрия, проголосовавшие за округа условно «отнеслись к округам *отрицательно*» [9. Т. 2. С. 661–662].

Рассматривая инициированные Димитрием (Ковальницким) обсуждения по данному делу в I отделе, можно сделать вывод о том, что целью Херсонского преосвященного была минимизация изменений сложившего церковного строя. При этом в достижении этой

цели он использует взаимоисключающие аргументы. С одной стороны, архиепископ Димитрий заявляет, что «каноны даны не для того, чтобы Церковь на всегдашние времена рабски следовала им во всех подробностях церковного управления». С другой же стороны, он вновь защищает тезис о «каноничности» существующего на тот момент строя, а также указывает на то, что «попытка свободного переустроения Церкви без воли епископа была бы подкопом под самое существо канонического строя Церкви» [9. Т. 1. С. 125–126].

Когда на заседании общего собрания Присутствия от 7 ноября 1906 г. за устройство митрополичьих округов высказались все присутствовавшие архиереи, за исключением самого архиепископа Димитрия[7], Херсонский преосвященный не преминул обрушиться с критикой церковных округов, в которой четко продемонстрировал свои интересы. Димитрий (Ковальницкий) видел в митрополичьих округах, которые должны были объединять несколько епархий, средство для ослабления епископской власти на местах. По-видимому, данное опасение влияло на позицию Херсонского архиепископа по отношению к реставрации соборных начал в управлении Русской православной церкви: «(Члены Присутствия. – *И.М.*) желают, чтобы окружные митрополичьи соборы составлялись раз в году, даже, по канонам, два раза в год. Собор Всероссийский желали бы видеть два года в раз (согласились, впрочем, раз в десять лет). *Но не слишком ли уже много соборов*» [9. Т. 2. С. 663–664].

Добиваясь пересмотра вопроса о введении округов, Димитрий (Ковальницкий) выразил пожелание устроить несколько совместных заседаний I и II Отделов, но, как следует из «Журналов и протоколов Присутствия», «Высокопреосвященный Председатель Присутствия заметил, что здесь соединены все Отделы и все члены свободны высказываться по упомянутому вопросу» [9. Т. 2. С. 665]. Впрочем, Димитрию (Ковальницкому) благодаря проявленной на заседании активности удалось «минимизировать потери»: большинство голосов было высказано против округов в качестве судебно-административных центров [9. Т. 2. С. 670].

Интересно, что вместе с Херсонским преосвященным за «митрополичьи округа только пастырского характера» высказался митрополит Антоний (Вадковский). Против же (т.е. за округа как судебно-административные центры) проголосовал Волынский архиепископ Антоний (Храповицкий), который ранее давал в некоторой степени противоположное мнение. Он видел в округах «окружные церковные бюро, ведающие дела *нравственные, богослужебные и избрание епископов*», т.е. фактически архиепископ Антоний выступал как раз за пастырский характер церковных округов [9. Т. 2. С. 608].

Можно предположить, что два Антония считали несущественным вопрос о характере митрополичьих округов. В пользу этого говорят события, произошедшие на заседании общего собрания Присутствия от 16 ноября 1906 г., в начале которого председатель Присутствия зачитал проект предложений, выработанных на общих собраниях, касательно церковных округов. Среди прочих положений следует обратить внимание на следующее: «Митрополит… заботится о подготовлении вопросов, подлежащих рассмотрению митрополичьих соборов, созывает соборы, председательствует на них и имеет наблюдение за исполнением соборных решений». На это архиепископ Димитрий справедливо заметил: «Если соборы в митрополичьих округах будут собираться исключительно для целей пастырских, то за исполнением каких решений митрополит будет наблюдать?» К озвученному вопросу присоединился и А.И. Алмазов. Петербургский митрополит дал двусмысленный ответ. Так, он подтвердил «нравственно-обязательное значение» постановлений соборов, но к этому сразу добавил, что «если установлен митрополичий округ, то в нем должен быть митрополит, *имеющий некоторую долю и административного значения*» [9. Т. 2. С. 715–716].

Результаты проведенного исследования демонстрируют противоречивую картину, которая сложилась к концу Синодального периода в истории Русской православной церкви. В начале XX в. архиерей Русской церкви в подвластной ему области имел огромную власть над подчиненными священно- и церковнослужителями, духовно-учебными заведениями и монастырями, однако, с другой стороны, он находился под государственным диктатом. При этом власть епископа на местах напрямую зависела от Синода, который, в свою очередь, во второй половине XIX в. был поставлен в почти полное подчинение обер-прокурора. Однако если иерархи желали большей свободы и автономии от государства, то рядовое духовенство – освобождения от «деспотичной власти» самих иерархов.

Кризис Синодальной системы требовал преобразования церковного управления. В этом было заинтересовано подавляющее большинство епископов Русской церкви. С другой стороны, несмотря на этот корпоративный интерес, епископат разделялся во взглядах касательно обновленного церковного строя. Раскол внутри высшей иерархии Русской церкви усугублялся тем, что у двух авторитетнейших архиереев своей эпохи – митрополита Антония (Вадковского) и архиепископа Антония (Храповицкого) – имелись свои сторонники. При этом если Петербургский митрополит считался одним из «церковных либералов» или сочувствующим им, то Волынский преосвященный открыто разделял консервативные взгляды на внутреннюю жизнь Церкви.

«Либеральные» иерархи считали, что свобода и автономия во внутренней жизни Церкви возможна лишь с распространением соборного начала на все стороны церковной жизни. В частности, они активно выступали за разделение Церкви на округа, причем в качестве судебно-административных центров. Этот шаг «церковные либералы» видели основным в деле «оживления церковной жизни и возвращения значительно утраченного влияния Церкви на общество». Однако, с другой стороны, децентрализация Русской церкви приводила к ограничению власти епархиального архиерея. Помимо этого, «либеральные» иерархи выступали за передачу части прав в церковном управлении белому духовенству. Это, безусловно, могло привнести бóльшую свободу во внутреннюю жизнь Церкви, оживить ее как на приходском, так и на более высоких

уровнях, являясь для клира тем самым освобождением от епископского самовластия.

Впрочем, не все архиереи Русской церкви были готовы ограничить собственные права по контролю над епархиями. Анализ рассмотренных в настоящем исследовании актов противоборства представителей различных групп интересов (в частности, архиепископа Димитрия (Ковальницкого) и митрополита Антония (Вадковского), между которыми в течение работы Присутствия происходили наиболее острые противоречия) позволяет с определенной долей уверенности сделать вывод о том, что некоторые представители «консервативной» части русского православного епископата были заинтересованы в сохранении синодально-епископского строя и существующих прав епархиальных архиереев. Защищая свои интересы, они предлагали не отвергать, а только усовершенствовать синодальную систему. Очевидно, что под «устранением выясненных историческим опытом ее недостатков» предполагалась de facto лишь замена обер-прокурора Святейшего синода на Всероссийского патриарха.

Тем не менее следует признать, что конфликт интересов, связанный с будущей моделью церковной жизни, оказал свое влияние на ход истории Русской православной церкви. Так, благодаря поиску компромиссных решений Присутствие выработало ряд положений, которые легли в основу решений, принятых впоследствии на Поместном соборе 1917–1918 гг.

Примечания

[1] Здесь необходимо уточнить, что понятие «партия», как это будет показано далее, употребляется по отношению к группам интересов внутри высшей церковной иерархии в ряде источников, используемых в настоящем исследовании.

[2] См., напр., отзывы: № 35, преосвященного Арсения, епископа Псковского [8. Ч. 1. С. 807–825], № 53, преосвященного Антония, митрополита Петербургского [8. Ч. 2. С. 236–327], № 58, преосвященного Сергия, архиепископа Финляндского [8. Ч. 2. С. 413–442].

[3] По крайней мере тех иерархов, которые в 1905–1906 гг. открыто участвовали в правомонархических (черносотенных) движениях. К участникам таковых из среды высшего духовенства с определенной долей уверенности можно отнести митрополитов Флавиана (Городецкого) и Владимира (Богоявленского), епископов (на момент составления «Отзывов») Антония (Храповицкого), Макария (Парвицкого-Невского), Алексия (Молчанова), Гермогена (Долганова), Иннокентия (Беляева), Питирима (Окнова), Серафима (Чичагова) [10].

[4] Скорее всего, здесь имеется в виду не 1-е (в нем ничего не говорится о церковных обычаях), а 6-е правило Первого Никейского собора («Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентаполе...»), в котором, однако, нет указания на «возраст» обычая, признаваемого древним. Впрочем, как бы то ни было, владыка Димитрий использовал достаточно странный аргумент, учитывая, что к моменту созыва Никейского собора христианство существовало только лишь около трех веков.

[5] Оно же 95-е правило Карфагенского собора («О том, яко не быти общему и всецелому собору, разве по нужде…»), которое, скорее, предписывает созывать окружные соборы для рассмотрения «дел же не общих», нежели учреждать синодальное управление всей поместной церковью. При этом интересно, что позиция «консерваторов» по отношению к окружным (митрополичьим) соборам в Русской церкви, которая будет подробно рассмотрена ниже, противоречила этому правилу.

[6] См. отзыв № 53, преосвященного Антония, митрополита Петербургского [8. Ч. 2. С. 236–327], записки «О неотложности восстановления канонической свободы православной церкви в России» [24. С. 3–8] и «О составе церковного собора» [24. С. 9–23].

[7] За устройство митрополичьих округов высказались все три митрополита (Антоний (Вадковский), Владимир (Богоявленский), Флавиан (Городецкий)), архиепископы Никандр (Молчанов), Иаков (Пятницкий), Сергий (Страгородский) и Антоний (Храповицкий), епископы Арсений (Стадницкий) и Стефан (Архангельский) [9. Т. 2. С. 626].

Список источников

1. Святейший Патриарх Кирилл возглавил последнее в 2017 году заседание Священного Синода Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского Патриархата. 2017. 28 дек. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5090210.html (дата обращения: 24.01.2019).
2. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.) : исследования и материалы. М. : Индрик, 2011. 920 с.
3. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М. : Духовная библиотека, 2002. 639 с.
4. Мейендорф И.Ф. Русский епископат и церковная реформа (1905 г.) // Вестник РХД. 1977. № 3 (122). С. 45–58.
5. Каннингем Дж. С надеждой на собор: русское религиозное пробуждение начала века. Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 354 с.
6. Смолич И.К. Предсоборное присутствие 1906 года // Путь. 1933. № 38. С. 65–75.
7. Valliere P. The Idea of a Council in Russian Orthodoxy in 1905 // Russian Orthodoxy under the Old Regime. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1978. P. 183–201.
8. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе / О-во любителей церковной истории : в 2 ч. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2001.
9. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.) / О-во любителей церковной истории : в 4 т. М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 2014.
10. Черная сотня : историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 640 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 515.
12. ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514.
13. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М. : РОССПЭН, 2010. 470 с.
14. Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 646–652.
15. Димитрий (Ковальницкий Михаил Георгиевич) // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2007. Т. 15. С. 82–83.
16. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 765. К. 7. Ед. хр. 6.
17. Леонов Д.Е. Русская православная церковь в период революции 1905–1907 гг.: по материалам Верхнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 210 с.
18. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб. : Лики России, 2008. 224 с.
19. Скутнев А.В. Православное духовенство на закате империи. Киров : Кировский фил. СПбГУП, 2009. 234 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 109.
21. Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905–1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002. 255 с.
22. Шавельский Г.И. Русская Церковь пред революцией. М. : Артос-Медиа, 2005. 509 с.
23. Цыпин В.А. История Русской Церкви (Синодальный период) : учеб. пособие. Сергиев Посад : МДА, 2004. 214 с.

24. К церковному собору : сб. / Группа петербургских священников. СПб. : тип. М. Меркушева, 1906. [2], X, 220 с.
25. Фирсов С.Л. «Записка 32-х священников» как источник по истории Православной Российской Церкви // Русское прошлое : ист.-докум. альманах. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. Кн. 7. С. 389–400.

References

1. Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate. (2017) *Svyateyshiy Patriarkh Kirill vozglavil poslednee v 2017 godu zasedanie Svyateyshego Sinoda Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [His Holiness Patriarch Kirill chaired the last session of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church in 2017]. [Online] Available from: http://www.patriarchia.ru/db/text/5090210.html (Accessed: 24.01.2019).
2. Babkin, M.A. (2011) *Svyashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.). Issledovaniya i materialy* [Priesthood and Kingdom (Russia, early 20th century – 1918). Research and materials]. Moscow: Indrik.
3. Firsov, S.L. (2002) *Russkaya Tserkov nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [Russian Church on the eve of change (late 1890s − 1918]. Moscow: Kulturny tsentr "Dukhovnaya biblioteka."
4. Meyendorff, I.F. (1977) Russkiy episkopat i tserkovnaya reforma (1905 g.) [The Russian episcopate and the ecclesiastical reform (1905)]. *Vestnik RKhD*. 3(122). pp. 45–58.
5. Cunningham, J. (1990) *S nadezhdoy na sobor: russkoe religioznoe probuzhdenie nachala veka* [A Vanquished Hope: The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906]. Translated from English by G. Sidorenko. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
6. Smolich, I.K. (1933) Predsobornoe prisutstvie 1906 goda [Preconciliar Commission 1906]. *Put'*. 38. pp. 65–75.
7. Valliere P. (1978) The Idea of a Council in Russian Orthodoxy in 1905. In: Nichols, R.L. & Stavrou, Th.G. (eds) *Russian Orthodoxy under the Old Regime*. Minneapolis: University of Minnesota press. pp. 183–201.
8. Soloviev, I. (ed.) (2001) *Otzyvy eparkhialnykh arkhiereev po voprosu o tserkovnoy reforme: v 2 ch.* [Reviews of the diocesan bishops on the Church reform: in 2 vols]. Moscow: Obschestvo lubiteley tserkovnoy istorii: Izdatelstvo Krutitskogo podvorya.
9. Soloviev, I. (ed.) (2014) *Zhurnaly i protokoly zasedaniy vysochayshe uchrezhdennogo Predsobornogo Prisutstviya (1906 g.): v 4 t.* [Journals and minutes of meetings of the highest established pre-Council Presence (1906): in 4 vols]. Moscow: Obschestvo lubiteley tserkovnoy istorii: Izdatelslvo Novospasskogo monastyria.
10. Stepanov, A.D, Ivanov, A.A. & Platonov, O.A. (eds) (2008) *Chernaya sotnya: istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred: A Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
11. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 550. List 1. File 515.
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 550. List 1. File 514.
13. Kireev, A.A. (2010) *Dnevnik. 1905–1910* [Diary. 1905–1910]. Moscow: ROSSPEN.
14. E.P.R. (2001) Anthony (Khrapovitsky Aleksey Pavlovich). In: Kravets, S.L. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Tserkovno-nauchny tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya." pp. 646–652.
15. Lopukhina, E.V. (2007) Dimitry (Kovalnitsky Mikhail Georgievich). In: Kravets, S.L. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 15. Moscow: Tserkovno-nauchny tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya." pp. 82–83.
16. The Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 765. List 7. File 6.
17. Leonov, D.E. (2010) *Russkaya pravoslavnaya tserkov v period revolyutsii 1905–1907 gg.: po materialam Verkhnego Povolzhya* [The Russian Orthodox Church during the revolution of 1905–1907: On the materials of the Upper Volga region]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl: YarSU.
18. Rogoznyy, P.G. (2008) *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda (vysshee dukhovenstvo Rossiyskoy Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoy revolyutsii)* [The Church revolution of 1917 (the highest clergy of the Russian Church at the struggle for power in the dioceses after the February revolution)]. St. Petersburg: Liki Rossii.
19. Skutnev, A.V. (2009) *Pravoslavnoe dukhovenstvo na zakate imperii* [The Orthodox clergy at the fall of the empire]. Kirov: SPbGUP.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1574. List 2. File 109.
21. Golovushkin, D.A. (2002) *Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1905–1925 gg.* [The Renovationist movement in the Russian Orthodox Church in 1905–1925]. History Cand. Diss. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
22. Shavelsky, G.I. (2005) *Russkaya tserkov pred revolyutsiey* [The Russian Church Before the Revolution]. Moscow: Artos-Media.
23. Tsypin, V.A. (2004) *Istoriya Russkoy Tserkvi (Sinodal'nyy period)* [History of the Russian Church (the Synodal time)]. Sergiev Posad: MDA.
24. Gruppa Peterburskikh Sviashchennikov. (1906) *K tserkovnomu soboru* [To the Church Council]. St. Petersburg: M. Merkushev.
25. Firsov, S.L. (1996) "Zapiska 32-x svyaschennikov" kak istochnik po istorii Provoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi ["Note of 32 priests" as a source on the history of the Orthodox Russian Church]. In: Verbitskaya, L.A., Starkov, B.A., Tereschuk, L.V. & Chase, W.J. (eds) *Russkoe proshloe* [The Russian past]. Vol. 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 389–400.

***Сведения об авторе*:**
Мишин Иван Олегович – аспирант Аспирантской школы по историческим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: i.o.mishin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mishin Ivan O. – Postgraduate of the Doctoral School of History of the National Research University Higher School of Economics. E-mail: i.o.mishin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2019; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 28.05.2019; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 908+913.1/913.8
doi: 10.17223/19988613/86/8

Пространственные и исторические факторы (не)формирования образа Бийска

Михаил Юрьевич Немцев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, nemtsev.m@gmail.com

Аннотация. Исследуются история и география г. Бийска (Алтайский край) как возможные источники для формирования «бийского текста». Рассматривается, почему такой текст в Бийске не сформировался и каким он мог бы стать. История города проанализирована в контексте региональной национальной истории. Сделан вывод, что сочетание периферийности и транзитности ограничило возможности формирования устойчивого образа города. Затем рассмотрены стихи Фёдора Брюханова и Вячеслава Попова как альтернативные стратегии создания «бийского текста».
Ключевые слова: история Алтая, алтайская литература, Бийск, Бийский уезд, бийский текст, поэзия Бийска, Вячеслав Попов, Вячеслав Шишков, сибирская литература

Благодарности: Работа написана при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири». Автор благодарит Наталью Непомнящих и Алексея Тимофеева за содействие.

Для цитирования: Немцев М.Ю. Пространственные и исторические факторы (не)формирования образа Бийска // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 58–68. doi: 10.17223/19988613/86/8

Original article

Geographical and Historical Factors for (non)development of the Image of Biysk

Mikhail Yu. Nemtsev

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, nemtsev.m@gmail.com

Abstract. The main topics of the paper are history and geography of Biysk (Altai Krai) as possible sources for the formation of the "Biysk text". It is understood as a set of literature (fiction and non-fiction) means characterizing specificity along with uniqueness (individuality) of the town, thereby endowing it with certain aesthetic value. Existing scholarship shows that “Biysk text” has not emerged so far, although the town has Centuries-long complicated history. The article attempts to explain why Biysk has not yet received such a literary representation. The main source of study is the existing set of fiction and nonfiction works that deal with Biysk’s individualizing traits. The paper begins with an outline of the history of the region and the city as potential sources of material for the "Biysk text".

A periodization of the town history is also proposed. The town used to be consequently a frontier stronghold, a center of regional governance, a commercial hub and a base of intercontinental expansion, as well as an emerging industrial center. The main explanatory argument for that is the following: the lack of representation was predetermined by the fact that Biysk always was localized on the spatial periphery of processes that have been formative for the region and the whole country. Its perpetual dependence on the military and defensive policy of the state led to discontinuity in the development of the city. The town has always been primarily a transit point. Thus, it was always neglected. This spatially predetermined combination of peripherality and transitivity limited possibilities of the "Biysk text". The image of the town was often developed by passers-by, and thereby the image was stereotyped.

In the second part of the article, the author turns to the works of poetry. Poems of such contemporary authors as Fyodor Bryukhanov and Vyacheslav Popov are analyzed as alternative strategies for creation of the "Biysk text”. Bruykhanov intentionally works with images of local history turning them into inalienable parts of national history. He strives to demonstrate the importance of Biysk for the Russian history. Unsurprisingly, he accentuates military history. Vyacheslav Popov works with memories from his childhood in Biysk along with some narratives from social history of the town. He develops an image of Biysk town as a place for contemplation and meditation, thus contributing it “Biysk text” in a new way. It became possible because Popov manages to combine optics of a local and an outsider.
Keywords: Altai history, Altai regional literature, Biysk, Biysk Region, Biysk text, Biysk Poetry, Vyacheslav Popov, Vyacheslav Shishkov, Siberian Literature

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project No 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”. The author thanks Natalya A. Nepomnyashchikh and Alexey Timofeev for their help.

© М.Ю. Немцев, 2023

For citation: Nemtsev, M.Yu. (2023) Geographical and Historical Factors for (non)development of the image of Biysk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 58–68. doi: 10.17223/19988613/86/8

Введение

В статье, посвященной образу Бийска в литературе, Т.А. Богумил констатирует, что «говорить о наличии бийского текста в том структурно-историософском значении, которое проявил в петербургском тексте В.Н. Топоров, не представляется возможным» [1. С. 196]. Иначе говоря, за всю историю Бийска и до настоящего времени фактически не сформировалось особого комплекса художественных образов, репрезентирующих город Бийск как уникальный *топос*. Разумеется, Бийск в данном отношении очень похож на другие сибирские, и не только сибирские, города.

Однако невозможно утверждать, что российская литература вовсе не заметила этот город. Достаточно упомянуть имена известных авторов, которые сделали Бийск местом действия своих произведений (Вяч. Шишков, В. Зазубрин, В. Шукшин, Л. Улицкая). Бийск с его трехсотлетней и довольно своеобразной историей мог бы получить некоторый оформленный «образ», который можно было бы назвать «бийским текстом». В этой статье рассматриваются причины, по которым эта гипотетическая возможность не реализовалась.

Под «*бийским текстом*» будем далее понимать *комплекс художественных средств, которые характеризуют своеобразие и уникальность (индивидуальность) города, наделяя его при этом эстетической ценностью. Такими средствами являются в первую очередь образы.* «Бийский текст», каким бы он ни был, стоит считать локальным вариантом городского текста как особого явления культуры [2]. Культурная функция «бийского текста» – отражать особенности проживания современности в условиях этого конкретного места, Бийска, как среднего сибирского города, обладающего при этом своей индивидуальностью, распознаваемой именно благодаря данному тексту. Это «локальный текст» (термин В. Абашева), в котором «формируется… неповторимое лицо города» [3. С. 154].

В российской культуре известен в первую очередь «петербургский текст». Но в последние годы ставится вопрос об иных, пусть гораздо менее выразительных, городских текстах. Если процесс формирования такого текста удастся выявить, можно говорить об обретении местом (локусом), точнее, его жителями, особого ресурса развития самосознания, самоидентификации.

Важно уточнить, что исследователь «городского текста» всегда имеет дело с чужим опытом. «Городской текст» создается не исследователем как способ описания данного города, но авторами связанных с городом произведений. Только такой текст является в полном смысле слова «городским»: его могут осознанно писать и читать жители этого города, поэтому он непосредственно участвует в формировании их самосознания. Используемый в настоящей статье подход отвергает распространенное чисто семиотическое представление о городе, при котором тот «оказывается невербальным текстом в буквальном смысле слова» [4. С. 1044]. Я обращаюсь к письменным текстам, и в первую очередь к художественным произведениям.

Ресурсами для городского текста являются особенности природной среды и географического положения конкретного города и местная история. В литературе они преобразуются в образ города.

Очерк истории региона и Бийска как возможной основы для «бийского текста»

Бийск, как любой населенный пункт с длительной историей, пережил разные периоды. Его устная и письменная история, социальная память горожан сохранили какой-то материал этих периодов прошлого.

Общий контур истории города Бийска весьма типичен для южносибирских городов. Территория Верхнего Приобья после строительства в 1716 г. Бердского острога ниже по течению Оби входит в состав огромного Кузнецкого уезда. Как и все сибирские города первой половины XVIII в., Бийск возникает как военное укрепление. Рядом с ним благодаря вольной крестьянской колонизации складывается населенный пункт. Бийская крепость (с 1718 г.) постепенно становится важнейшей в системе пограничных укреплений – Колывано-Кузнецкой укрепленной линии – восточной части комплекса Сибирских укрепленных линий [5].

В течение всего XVIII в. развитие этого населенного пункта полностью зависело от особенностей политики Российской империи в Северной Евразии, особенно по отношению к Китайской (Циньской) империи. Постепенно формировалась граница между двумя империями. Присутствие регулярных войск в Верхнем Приобье обеспечивало Российской империи и возможности промышленной колонизации региона с перспективой полного овладения им с дипломатической фиксацией этого владения. Имело место сочетание военной, горно-промышленной и одновременной крестьянской колонизации.

Китае-Джунгарская война 1754 г. и вызванное ею принятие российского подданства частью населения современного Горного Алтая (в СССР это событие называли «добровольным присоединением») привели к формированию обширного пограничного региона между российскими укреплениями и цинской пограничной линией. Эта обширная территория была в 1782 г. выделена в обширную территориальную единицу – Бийский уезд. Город стал важным региональным административным центром. Территория уезда включала в себя зону развития – горнопромышленный комплекс. Это отразилось на учрежденном в 1804 г. гербе города, где изображена гора с шахтой.

Территория южной части Бийского уезда во второй половине XVIII – начале XX в. обладает признаками классического фронтира. Это была территория формирования нового, пограничного общества. Так, для фронтира характерны отсутствие четких границ, вообще «квазиграничность (наличие “естественных по-

граничных рубежей", зонирующих пространство фронтира)» [6. С. 47]. Именно такой «квазиграничностью» обладала в тот период территория Горного Алтая. В горной местности военно-политическое присутствие империи было незначительным. Вскоре после возникновения крепости началось движение вглубь этой территории крестьян-переселенцев из различных районов Российской империи, в том числе и религиозных мигрантов (староверов). Важнейшим фактором истории Бийского уезда в XIX – начале XX в. было постепенное проникновение славянского населения в горные районы Южной Сибири. Пространственные рамки и направления этого движения определялись географией бассейнов важнейших рек региона – Иртыша и Катуни. Такая география предопределила расположение важнейшей транспортной магистралей региона.

Данная территория постепенно оформилась в современный регион Алтай (исторический регион Горный Алтай не совпадает с территорией Республики Алтай) Обе империи именно здесь достигли предела возможностей организованной экспансии и были заинтересованы в сохранении status quo на общей границе. При этом со стороны обеих империй на протяжении XIX – начала XX в. происходила экономическая и культурная экспансия.

«Минимальное вмешательство со стороны русской власти способствовало сохранению джунгарского политического и культурного наследия и усиливало консолидационные процессы, результатом чего и стало появление к началу XX в. нового этноса… алтайкижи» [7. С. 143]. Этот важнейший этнополитический процесс протекал на территории Бийского уезда, а некоторые значимые события происходили непосредственно в Бийске: в частности, судебный процесс над лидерами возникшего в Горном Алтая бурханистского религиозного движения в 1906 г. Алтайская Горная дума, управлявшая Горным Алтаем в дни Революции 1917 г., размещалась в Бийске.

Однако, по-видимому, после выделения Горного Алтая нарративы истории Алтайского края, и в том числе истории Бийска, были отделены от истории Горного Алтая. Так что роль города в политическом оформлении Горного Алтая оказалась фактически исключена из истории самого города. И хотя деятельность Алтайской духовной миссии имела несколько направлений, включая книгоиздание в Бийске, в настоящее время она более всего соотносится с основным регионом ее деятельности по распространению христианства, т.е. горными районами в южной части Бийского уезда с неславянским населением.

В целом для истории всего региона в период между 1754 г. и началом Революции 1917 г. характерны явные бессобытийность, обыденность взаимодействия (что не означает бесконфликтности, особенно между коренным и пришлым населением). Уже к середине XIX в. Бийск лишился статуса значимого военного укрепления и превратился с региональный транспортный, торговый и промышленный центр, сохранив статус административного центра – фактически единственного города в регионе [5, 8]. При этом он сохранил административные функции и роль опорного пункта в континентальной экспансии Российской империи. В течение XIX в. в составе его жителей значительно сократилась доля военного сословия и дворян. Город стал преимущественно мещанским. Возникла среда для появления местной интеллигенции, где постепенно и формировался «бийский текст».

Алтай, как и вообще Сибирь, осмыслялся в XIX в. как глубокая провинция, не обладающая своеобразием, достаточным, чтобы она получила собственное литературное лицо. Как пишет исследовательница алтайской публицистики начала XX в., «позитивного мифа о колонизации Сибири к востоку от условного "фронтира", в отличие от американской версии, в литературе и искусстве конца XIX – начала XX в. не появилось. Отрицательные образы Сибири, "алтайского пограничья" и его обитателей сформировались достаточно рано и закрепились в литературных и публицистических текстах» [9. С. 87]. Это относилось и к бийчанам. Единственной привлекательной стороной Алтая авторы текстов того периода считали не преобразованную каким-либо хозяйственным освоением природу. Но таковой она представала на взгляд приезжего, *туриста*.

Именно в этот период в Бийске появляются туристы. Они устремлены в высокогорье; туристический образ Алтая укрепляет представление о Бийске исключительно как о транзитном пункте. Фронтир изменился. Теперь его «дикость», нецивилизованность, неосвоенность стали привлекательными, а Бийск, последний город на пути в «дикие места», оценивался проезжими почти исключительно по уровню развития в нем городской цивилизации. При этом «пассажи авторов о низком уровне местной культуры сменились рассуждениями о большом значении Бийска как культурно-просветительского центра. В то же время такие… стереотипы, как "сельский внешний вид" или "низкий уровень благоустройства", сохранялись в описаниях города» [10. С. 27]. Указание на «уровень благоустройства» имплицитно подразумевает сравнение, это типично для взгляда приезжих.

Население горных волостей Бийского уезда (современного Горного Алтая) прошло в тот период свой сложный путь этногенеза и политогенеза, приведший в XX в. к формированию в регионе нации, получившей название «ойраты», затем «алтайцы». Во время Революции 1917 г. и Гражданской войны начался быстрый процесс национального самоопределения, который привел к созданию на этой территории отдельной административно-территориальной единицы. После фактического завершения гражданской войны в регионе, в сентябре 1922 г., ее существование было юридически оформлено: в составе РСФСР появилась Ойратская автономная область со столицей в Улале (теперь Горно-Алтайск) [11]. В настоящее время это Республика Алтай.

После завершения Гражданской войны Бийск перестал быть политическим центром, но остался важнейшим транспортным узлом региона. Это предопределено сочетанием исторических и географических факторов: тракт в целом соответствует исторически сложившемуся маршруту пересечения Алтая в меридиональном

направлении, а Бийск возник как военный пункт, контролирующий выход этого маршрута к переправе через Бию [5]. Данная магистраль возникла благодаря активности бийских купцов – так называемых чуйцев (по названию р. Чуя вблизи государственной границы с Монголией). На участке южнее Бийска она известна как Чуйский тракт. Наиболее популярным литературным свидетельством торговой экспансии России в Южный Алтай и далее в Монголию являются очерки Вяч. Шишкова «Чуйские были» (см. ниже). Мифология этой дороги – важная часть региональной идентичности [12]. Тракт не только сыграл ключевую роль в экономическом и политическом развитии региона, но и стал фактором его этносоциальной организации и играет эту роль до настоящего времени [13].

Своеобразным проявлением пограничного характера Бийска стало его появление в разных версиях тайного описания пути в мифическую страну Беловодье: в XIX – начале XX в. он фигурировал в качестве одного из транзитных пунктов [14. С. 136, 140]. Сами поиски Беловодья «вписываются» в эту же общую логику крестьянских миграций из европейской части страны в Южную Сибирь и далее во Внутреннюю Азию.

В советское время Горный Алтай избежал форсированной индустриализации. Но развитие туризма в XIX–XX вв., а также экотуризма в XXI в. продолжает это движение из «России в Алтай», закрепляя роль Бийска как промежуточного пункта на пути. Поэтому его ценность и уделяемое ему внимание второстепенны по отношению к конечному пункту, куда направлен этот путь. Горный Алтай как цель пути замещает для приезжих Бийск, и формирующийся в их сочинениях «алтайский текст» не оставляет места «бийскому тексту».

Этот беглый очерк истории региона указывает на две важнейшие особенности истории города, предопределенные его пространственным положением. Во-первых, Бийск является преимущественно транзитным центром, своеобразными «воротами» пограничной зоны, еще сравнительно недавно бывшей фронтиром. Во-вторых, важнейшим фактором его развития является военная, позже – военно-промышленная политика государства. Зависимость от нее приводит к прерывистости в развитии города**.** Она не позволяет сформироваться сколь-либо устойчивому городскому мифу, который, в свою очередь, лег бы в основу «бийского текста».

К контекстуальной периодизации истории Бийска

В целом в истории города можно выделить четыре периода. Они прямо соотносимы с периодами российской истории.

I. 1709–1846. Военно-административный период. Начинается с появления Бикатунского строга, первого российского военного укрепления на территории города (фактическое местоположение острога до сих пор является предметом дискуссии, тем не менее 1709 год традиционно считается датой основания города). Крепость прошла три модернизации и максимального развития достигла к концу XVIII в. Завершается период к 1846 г., когда признанная утратившей всякое военное значение крепость упразднена.

II. 1846–1940-е. Период медленного «нормального» развития города как торгового и административного уездного центра. Русская революция не внесла в эту динамику принципиальных изменений.

III. 1941–1990-е. Период индустриализации города. В годы Великой отечественной войны в Бийск было эвакуировано несколько крупных предприятий (в их числе важнейшие для всего послевоенного периода завод «Электропечь» и Котельный завод) [15]. Из центра переработки местного сельскохозяйственного сырья город стал превращаться в индустриальный центр. Это критически повлияло на состав населения и развитие системы образования.

IV. 1990-е – настоящее время (20-е годы XXI в.). Постсоветский период истории Бийска, связанный с кризисом национального военно-промышленного комплекса и изменением региональной экономики. Этот период продолжается в настоящее время. Бийск получил особый статус Наукограда, что в какой-то мере повлияло на его образ будущего и самопрезентацию [16], хотя в настоящее время пока еще невозможно идентифицировать влияние данного статуса на «бийский текст».

От ***первого периода*** в городе не осталось практически никакой социальной памяти, никаких заметных исторических объектов не сохранилось (за исключением известного городского памятника «Пушки бийской крепости»). Память о нем была ревитализована историками к концу XX в. История первого периода благодаря усилиям краеведов постепенно становится ресурсом для формирования исторического образа города и влияет на складывающийся «бийский текст» (пример – роман И. Татаренко [17]; см. ниже анализ поэзии Ф. Брюханова). Само появление Бикатунского острога вблизи столь уникального места, как слияние двух важнейших рек региона, является для города мощным мифом происхождения, подпитываемым традиционной сакрализацией подобных мест [1. С. 198]. Это событие, кроме того, ассоциируется с Петром I, который согласно популярной в городе легенде (якобы) дал личное указание о строительстве острога в этом месте. В 2010 г. в городе поставлен конный памятник Петру I (скульптор С.М. Исаков), который наглядно связывает историю города с историей Российской империи. Однако этот памятник указывает на наиболее ранний момент истории города. Вся последовавшая почти полуторавековая история Бийска как военной крепости не получила заметного отражения в «бийском тексте».

Второй этап истории города стер ее военную историю вместе со сменой демографического состава населения, разборкой сооружений крепости и развитием торговых предприятий приезжими купцами. Купечество было сравнительно немногочисленным. Однако именно история купечества является в настоящее время источником материала для формирования исторического образа города. Ее дополняет история миссионерства: Алтайская духовная миссия действовала в Бийском уезде с 1830 г.

В данный период фактически начал формироваться «бийский текст». Однако ключевая роль в этом принадлежит тем, кто проезжал через город на юг, вглубь

Бийского уезда. Их взгляд на Бийск сосредоточен на городе почти исключительно как физическом объекте и откровенно стремится к типизации. В этот период и формируются выделенные Т.А. Богомил топосы: *город – военный острог* (точнее, наследник военного острога), *город грязи* (в этом особенно проявилось типизирующее отношение приезжих), *город-узилище* (т.е. место ссылки). Наконец, *город-медиатор*, что предопределено его положением на краю фронтирной зоны. Во второй половине этого периода история города начинает определяться советской модернизационной политикой, и к топосам «бийского текста» добавляется еще один: *город – антитеза деревне* [1. С. 201–203]. Сибирская деревня в ранней советской литературе предстает оплотом сопротивления модернизации, «отсталости», которые должны быть преодолены. Алтайская деревня – это своеобразная квинтэссенция сибирской деревни (начиная с романов В. Зазубрина). Модернизация приходит вне из Бийска, и при этом сам он, развиваясь, должен преодолеть в себе деревенское начало. Образ города в это время начинает строиться на сочетании функции посредника между индустриальной коллективистской культурой советских городов и недосоветской (иногда скрыто антисоветской) деревней. Пример такого позиционирования Бийска – автобиографический цикл В.М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968). Его персонаж движется не через Бийск в негородскую глушь, но наоборот, – выезжает через Бийск во внешний мир, из замкнутой общинной жизни направляется в новое пространство возможностей [1. С. 201–202].

Третий период также не привел к заметному развитию «бийского текста». В городе не сформировалось субъекта, способного сохранить какую-либо преемственность с предыдущим периодом. Эту роль взяли на себя краеведы – сотрудники активно действовавшего Бийского краеведческого музея, прежде всего Б.Х. Кадиков, позже удостоенный звания Почетного гражданина города. Своими экскурсиями, рассказами он внес значительный вклад в формирование «бийского текста». Но художественных текстов Б.Х. Кадиков практически не оставил [18]. Его влияние ощутимо в репрезентации ранней истории города в локальных текстах [17].

В это период в Бийске появляются постоянно живущие в городе и пишущие на местном материале литераторы, т.е. начинает оформляться своя литературная традиция. В их творчестве заметно активное обращение к краеведческому материалу. Позднесоветское развитие предприятий, относящихся к ВПК, стало важнейшим фактором развития города в этот период. Однако оно было сопряжено с установлением режима секретности, который прямо препятствовал использованию его как семантического ресурса для «бийского текста». Эта ситуация несколько поменялась в постсоветский ***четвертый период***.

Именно пространственное расположение Бийска предопределило периферийную локализацию всех важнейших процессов и региональной, и национальной истории. В пространстве Алтая и Бийского уезда Бийск почти всегда оказывается *на периферии* основных процессов и поэтому не мог стать местом локализации существенных событий, которые потенциально стали бы основой для формирования «бийского текста». К таким процессам относятся:

на региональном уровне:

1) военно-политическая экспансия Российской империи на юг Западной Сибири и далее в Внутреннюю Азию в XVIII–XIX вв.;

2) формирование и функционирование горнопромышленного комплекса, созданного А. Демидовым и далее перешедшего в коронную собственность в XVIII–XIX вв.;

3) народная (крестьянская) колонизация Южной Сибири в XVIII–XIX вв.;

4) развитие трансграничной торговли и экономических связей с Китаем и Монголией, сначала на основе частной инициативы, с середины XIX в. по настоящее время;

5) этногенез и политогенез тюркоязычного населения Верхнего Приобья и Горного Алтая, которые привели к формированию в конце XX в. Республики Алтай;

6) социально-экономическое и политическое развитие южной части юга Томской губернии, в 1917 г. выделенной в Алтайский губернию (теперь – Алтайский край);

на общероссийском уровне:

1) военная и экономическая колонизация Российской империей Сибири и Внутренней Азии;

2) формирование славянского и смешанного населения Южной Сибири;

3) национальная оборона во время войн 1812, 1914–1918, 1941–1945 гг;

4) индустриализация Сибири;

5) развитие советского и постсоветского военно-промышленного комплекса.

Анализируя, каким образом эти процессы затрагивали Бийск, можно заметить существенные в контексте темы данной статьи локальные особенности.

Военная экспансия Российской империи на юг Западной Сибири превратила Бийск в мощный военный форпост. Однако история города лишена значимого «военного» измерения. Отсутствие реальных военных конфликтов с потенциальными противниками (военная угроза 1754 г. так и сталась лишь угрозой) и быстрое перемещение государственной границы значительно южнее сыграли свою роль в том, что Бийская крепость лишь в малой степени реализовала свой потенциал именно пограничного форпоста.

Предприятий алтайского горнопромышленного комплекса в Бийске не было, его отношение к этом комплексу оставалось чисто административным и не сказалось на истории города. В отличие, например, от соседнего Барнаула, где история горнозаводского комплекса XVIII–XIX вв. стала важнейшей частью городского текста. Эта позиция города ясно выражена в раннесоветском историческом романе Анны Караваевой «Золотой клюв», где действие происходит среди крестьян Бийского уезда, и Бийск – это удаленная локализация власти и контроля. «Попы к нам ездиют из Бийска, стро-огущие попы... Прикатит и учнет наблюдать: хто как жил-поживал...» [19. С. 49].

Для народной колонизации Бийск служил транзитным пунктом, о чем можно судить по «Путеводителю» в Беловодье, и поэтому оставался невидимым.

Трансграничная торговля и развитие купечества стали для краеведов и журналистов постсоветского Бийска источником материала для создания образа «славного купеческого прошлого» как важного компонента нового образа города. К сожалению, на основе материала, относящегося к этому сравнительно непродолжительному периоду, до сих пор не создано сколь-либо заметных художественных произведений.

Этнические и социально-экономические процессы вообще не внесли вклад в «бийский текст». Во всех значимых войнах Бийск оставался, естественно, в глубоком тылу, и они не «поставили» в него существенного материала.

Об отсутствии городского центра

Препятствует развитию «бийского текста» урбанистическая незавершенность города. Она проявляется в том, что в Бийске так и не сформировалась центральная площадь. Она могла бы внести важный вклад в образ города, стать основой для его формирования. Роль исторического центра в формировании такого образа состоит в том, что обычно в центре концентрируются наиболее важные, «знаковые» для города, узнаваемые объекты, и они становятся семантической основой для формирования образа города. При отсутствии заметных исторических или природных достопримечательностей именно центры городов свыступают источником характерной образности.

Причиной этого можно считать исторически оформившийся вектор роста города вдоль поймы Бии в юго-западном направлении. Как возникшее благодаря крепости поселение, Бийск сформировался преимущественно в узкой части поймы между рекой и высокой террасой [20]. Она была полностью застроена уже к началу XX в.

Предопределенный морфологией долины Бии юго-западный вектор движения застройки был подхвачен строительством объектов военно-промышленного комплекса в широкой залесенной части приречной террасы в послевоенный период. Он увел от «старого центра» основной объем повседневных активностей горожан. После строительства этого комплекса в 1940–1960-е гг. эта наиболее уникальная городская территория превратилась в окраину. В итоге в Бийске так и не сформировался градообразующий центр.

Историк сибирского градостроения Т.В. Бондаренко, сравнивая историю городов Западной Сибири, подробно описывает развитие комплекса центральных площадей этих городов, считая их сопоставление вполне уместным. При этом, говоря о Бийске, он отмечает лишь, что в нем «также выделяется главная композиционная ось города – ул. Ленина, но общественный центр представлен только одной административной площадью Ленина» [21. С. 49]. Однако эта площадь оказалась фактически в промежуточном положении между транспортными потоками. В силу этого, а также полного отсутствия каких-либо привлекающих внимание горожан объектов, данная площадь не повлияла на формирование облика города. Фактически роль «общественного центра» играет весь сравнительно небольшой «старый город». Его интеграция в качестве объекта туристического интереса началась недавно и до сих пор не привела к каким-либо принципиальным изменениям.

Типизация Бийска глазами «приезжих»

Литературный образ города во многом создают приезжие – те, кто достаточно «остранен», чтобы специально заинтересоваться городом как предметом для описания. Судя по описаниям города XIX–XX вв. (изучены, в частности, в [10]), в Бийске этому взгляду приезжих буквально не на чем было остановиться из-за нехватки примечательных объектов, которые могли бы инивидуализировать город. Поэтому «уникальные семантические параметры города (каковы бы они ни были. – *М.Н.*), как видится, на разных исторических этапах вписываются в парадигмы более крупных и системных образований, являются элементами сибирского и провинциального сверхтекстов» [1. С. 197]. Потому тезаурус бийского текста формируется из общих мест, характеризующих город с точки зрения его типичности.

Такой типизирующей характеристикой является, например, часто упоминаемая в краеведческой литературе «*бийская грязь*» из очерка Вячеслава Шишкова «По Чуйскому тракту» 1914 г. Она всего лишь указывает на узнаваемость Бийска как одного из многих таких городов. Этот путевой очерк начинается словами: «В начале мая я выехал на Алтай», – и четко позиционирует рассказчика как путешественника-наблюдателя, противопоставляющего прелесть окраинного края его бытовому неустройству. Бийск становится у Шишкова источником материала для обобщенной социально-политической критики. «И что за город Бийск? И какой там голова сидит? Что за бийские улицы, что за отвратительная, невообразимая грязь. Богатый, разжиревший на монгольских хлебах город не может устроить себе сносных условий жизни. Улицы – сплошная топь, вонь, мерзость, азиатчина. Дороги мостятся щепой, навозом, дохлыми костями, опорками, пимами… И сколько ни составляй протоколов, протоколами дорогу не вымостишь… Граждане!! Если себя не жаль, пожалейте хоть извозчичьих бедных кляч» [22. С. 142]. Очевидно, Бийск здесь заменим на почти любой сходный город. Характеристичны для него в тексте Шишкова лишь экзотические источники дохода («разжиревший на монгольских хлебах»), связанные с трансграничной торговлей. Шишков наделяет «торговлю» как род занятий отчетливыми негативными коннотациями. Поэтому, несмотря на популярность этого пассажа в советской публицистике, сложно считать, что Шишков внес вклад в «бийский текст».

Проездом в Бийске оказывается и персонаж рассказа К. Паустовского «Правая рука» (1943). И здесь Бийск важен только как знак пространственного удаления. «*Барнаул и Бийск* предстают значимыми точками в концептуальном пространстве текстов – как знак удален-

ности Алтая от центра страны, начала или завершения пути, неожиданно возникшего препятствия» [23. С. 68]. Это пространственно предопределенное сочетание транзитности и окраинности до сих пор создает очень узкую рамку для городского текста Бийска, жестко ограничивая возможности его индивидуализирующей репрезентации.

Примером этого в современной литературе является рассмотренный Т. Богумил роман Людмилы Улицкой «Лестница Иакова». Его главный герой Яков Осецкий попадает в Бийск в ссылку, излагая опыт жизни там в письмах. Вероятно, из-за того что Бийск для него лишь временное место обитания, его описания очень скупы, отличаются образной и эмоциональной нейтральностью: «Город равнинный, но очень близко высокие алтайские горы, куда туристы и едут. Но самый Бийский район не горный, а равнинный…» [24. С. 536] и т.д. Описание «фокстротизации» города, в которой невольно участвует Осецкий, могло бы как-то охарактеризовать именно бийское общество, но является реминисценцией Бала из романа «Мастера и Маргарита», на что обратила внимание Т. Богумил.

И описания самого города, и бытовые зарисовки в романе совершенно безлики. Бийск вполне можно было бы в них заменить любым другим подобным ему городом (скажем, Минусинском или Кузнецком). Эта типизирующая безликость подчеркивает случайность данной локации для персонажа романа. И она же не позволяет роману Улицкой внести какой-либо вклад в формирование образа Бийска. Скорее, демонстрирует невозможность такого образа.

Поэзия Фёдора Брюханова и Вячеслава Попова: две перспективы развития «бийского текста»

Развитие «бийского текста», вероятно, должно происходить прежде всего усилиями авторов, непосредственно связанных с городом, – тех, для кого образ города является частью их собственной идентичности. *Как возможно появление «бийского текста» в Бийске?* Следующая часть статьи посвящена обсуждению этого вопроса, который, разумеется, остается открытым.

Анализ довольно репрезентативной антологии бийской поэзии за 1924–2004 гг. «Дыхание времени» [25] показывает, что поэты-горожане либо те, кто в Бийске сформировались, но затем уехали из него, не уделяли внимания самому городу. Из 155 авторов только 7 написали стихи, как-либо относящиеся к городу. Причем это почти исключительно авторы, родившиеся в первой половине XX в. Это пейзажная, описательная лирика.

Даже периодический альманах «Я расскажу вам о Бийске...»[1], издававшийся в городе силами местных литераторов, практически не содержит именно рассказов о Бийске. В этом альманахе создание местного «текста» фактически делегировано литературой краеведению. При этом краеведческие тексты представляют собой простой (линейный) нарратив, информирующий читателей о событиях, имевших место в Бийске. Некоторые из них потенциально встраивают историю города в большие нарративы российской истории. Как это происходит, можно увидеть на примере произведений бийского поэта Василия Брюханова.

Его поэма «Родина героев» опубликована в номере альманаха «Эпоха», посвященном, как указано на титульной странице, «выдающимся людям г. Бийска и Бийского района» [26]. Речь идет об участниках Великой Отечественной войны. Поэма представляет собой совокупность биографических поэтических справок. В жанровом отношении ее можно определить как оду. Начинается она с историко-географической экспозиции, в которой само существование и становление Бийска представлены как результат успешной многовековой экспансии России в Сибирь. Эта экспансия сочетает в себе военные экспедиции и мирные переселения. И милитаризм оказывается как бы органичной частью бийского сознания и образа жизни, унаследованного от предков-завоевателей: «Но пограничье было испокону – / С трудом Сибирь давалась казакам, / Пока свою, и главную, препону / Смогли убрать на зависть всем врагам! / Ружейных залпов выстрелы кудлаты, / Устали даже руки у задир, / – Бехти! – тогда решили азиаты. / И казаки сказали тоже: – Мир!» Поэтому во второй части поэмы бийчане оказываются буквально спасителями человечества, участвуя в мировой борьбе и получая особое, глобальное значение. При этом географическая локализация города оказывается ключевым, единственно рабочим признаком: она позволяет его найти, идентифицировать на карте: «Бийск отыскать – задача небольшая. / Наш город там, где Обь разбег берет. / Катунь и Бию здесь в себя вбирая (…) / Ведь лишь когда угроза всей планете, / Зовут спасать к себе сибиряка». – И затем: «Про полководцев Бийска мир наслышан».

Доказывая уникальный вклад бийчан и жителей Бийского района, Брюханов приводит краткие справки о их достижениях и подвигах: «Ивану Саполеву – звание под стать, / Он под огнем плоты пехоте строил» и т.д. Перечислены различные «горячие точки» позднесоветской и постсоветской истории, выражая историческую преемственность бийского милитаризма вплоть до настоящего времени.

Другая поэма – «Творцы» [27] – начинается с утверждения: «Россия держится Сибирью», – интертекстуально отсылая к известному высказыванию М. Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью…» И затем апология народного милитаризма объединяется с религиозной темой (Бийск был одним из центров православной миссии): «Но все же главная защита / От супостата с разных мест – / Народ! Нет крепче монолита, / Когда над нами Божий крест!» Далее, однако, намеченная миссионерская тема не получает развития. В поэме перечислены бийские или имевшие к нему отношение писатели и поэты с краткими справками, которые содержат указание на значимость созданного ими и часто по форме представляют собой хвалебные восклицания (всего 17 имен). Например: «Вожак поэтов, непоседа, / К тому ж прозаик – Длуговской! / Для октябрят слагал он строки, / Учил любить свою страну, / И как мозолистые руки / Способны выиграть войну!» Их общей метатемой является указание на историческую значимость Бийска,

которую тот обретает благодаря военным подвигам его уроженцев и жителей либо посредством литературных трудов живущих в нем авторов. При этом связанная с военной службой часть их биографии, если таковая есть, удостаивается специального упоминания. Военная (милитарная) история позволяет успешно «встроить» локальную историю, наравне с другими подобными локальными историями, в «большой» национальный исторический нарратив.

Таким образом, сама работа с локальной историей и географией в поэмах Брюханова сводится к постулированию значимости бийского исторического опыта одновременно с демонстрацией его типичности.

Творческая переработка краеведческих материалов в оду местной значимости Фёдором Брюхановым представляется, в свою очередь, типичным выражением самосознания жителя периферийного города (локуса). Символически выступая от лица бийчан, он осознает их вовлеченность в исторические процессы. Раскрывая значимость их вклада, он стремится наделить их и себя статусом полноправных инициаторов исторических событий и тем самым преодолеть периферийную зависимость от других, которую, по замыслу автора, опровергают его поэмы. Но в итоге они же вновь ее и подтверждают.

На этом пути формирование «бийского текста» вряд ли возможно. Прагматика подобных произведений оказывается совершенно иной: своеобразие Бийска снимается в его принадлежности к историческим событиям национального и глобального масштаба.

Другая перспектива формирования «бийского текста» намечена в стихах живущего в Москве поэта Вячеслава Попова[2]. Некоторые их этих стихов входят в состав его сборника «Там», составляя отдельный цикл [28. С. 49–76].

Вячеслав Попов вырос в Бийске, но уехал из него после окончания средней школы. Поэтому материалом его бийских стихов становятся детские воспоминания и впечатления от поездок-возвращений в Бийск. Таким образом, создается образ места, выключенного из «обычной» повседневности, остраненного. Цикл называется «*Бия, Бийск, АБ*». При этом аббревиатура АБ не раскрыта. Это устоявшееся название окраинного района города, где вырос Попов, там локализуются некоторые стихотворения цикла. Поэтому для их точного понимания необходимо некоторое дополнительное знание местности и истории города. Именно эти детали индивидуализируют место действия стихов Попова.

Так, в первом стихотворении подборки «Ледоход» речь идет о советском писателе-натуралисте Виталии Бианки [28. С. 51]. В послереволюционный период он жил в Бийске под фамилией Белянин. В этом стихотворении, как и в последующем «Музыка, пение» [28. С. 52–54], Бийск встроен в контекст истории советских репрессий. В этом Попов пересекается с Улицкой. Но если в ее «Лестнице Иакова» Бийск безлик, Попов, наоборот, его конкретизирует точной деталью. «Бианки спускается к Бии / по талому снегу один <…> все утро Белянин общался / с товарищами из ЧК». Виталий Бианки – знаковая фигура для города, один из основателей городского краеведческого музея, а факт проживания под другой фамилией, не объясняемый в самом стихотворении, но известный жителям города, превращает город в драматическую сцену двойной жизни изгнанника.

В следующем стихотворении подробно прописана узнаваемая топография города. Его персонаж – заключенная Валентина Лосева (супруга известного философа Алексея Лосева, в тот момент также заключенного), пользующаяся возможностью благодаря командировке в город посетить зимой 1932 г. службу в бийском Успенского соборе. Это стихотворение также встраивает историю города в «большой» нарратив национальной истории, на этот раз истории репрессий, отсылая к сформировавшемуся ранее топосу Бийска как «города-узилища» [1. С. 199]. Но, в отличие от того же Фёдора Брюханова, Попов изображает Бийск местом самодостаточного уникального духовного события: встречи узницы концлагеря с *музыкой* и *пением* (курсив автора. – *М.Н.*) и посредством этого – краткосрочного возвращения к литургической жизни.

Стихотворение «В лес» [28. С. 56–57] перенасыщено микропонимикой квартала АБ. Это воспоминание о прогулке в раннем детстве с бабушкой в лес. Микротопонимика дает возможность точно локализовать место и время этой прогулки, и, кроме того, кажется, само называние места при воспоминании доставляет лирическому персонажу особое удовольствие. Это возвращение в тот период жизни, когда каждая вещь уникальна в своей «самости». «Мы с бабой Ниной рано встали, / под несущественным дождем / с ножами из хорошей стали / в лес аниихтовский идем. / Прошли дорогой жидковатой / сгоревший Купол жутковатый, / спортсменов гипсовых без рук / и кордодрома мокрый круг…» «Аниихтовский лес», «Купол», «Вихоревка» далее в тексте и прочее – характерные именно для квартала АБ микротопонимы. «Внутренний» взгляд на эту городскую окраину создает ощущение интимности.

Объекты военно-промышленного комплекса присутствуют в тексте Попова как некоторая пространственная и социальная данность, они внеисторичны и по большому счету не имеют отношения к жизни в городе. Так, например, в стихотворении «Цикорий» [28. С. 63]:

За «Зарей» зацветает цикорий,
за «Зарей» отцветает сосна.
Где-то здесь загорелся цирконий
на руках одного пацана.
Был украден цирконий со склада,
проворонил подкоп АНИИХТ...
Впрочем, это детали, не надо,
ни к чему отвлекаться на них.
Спичка чиркнула... белая вспышка...
пальцы сыплют бенгальским огнем...
пляшет в ужасе ушлый парнишка...
плачет в ужасе глупый мальчишка...
Мне цикорий напомнил о нем.

Здесь лирический герой вспоминает событие из детства: предприятие АНИИХТ[3], откуда похищен цирконий, дал основу поэтическому топосу («аниихтовский лес»), а местность за «Зарей» (большой спортивный комплекс на окраине квартала АБ) становится локусом мысленного возвращения в детство. Важно отметить, что само это событие стало возможно бла-

годаря наличию такого предприятия в зоне досягаемости мальчика. Однако упоминание о нем совершенно лишено какого-либо милитарного контекста и не соотносит ни жизнь персонажей, ни само место действия с милитарной историей страны. Если Брюханов неминуемо «замыкает» историю города на милитарную историю, то Попов, вводя городские объекты в хронотоп воспоминания, игнорирует этот большой контекст. Этим он фактически демилитаризует локальную историю.

В стихотворении «Академический отпуск» само название характеризует лирического персонажа как приезжего. Тот посещает, как явствует из создаваемого подборкой контекста, родной город, и жарким летом оказывается в так называемом «Котловане» («Теку по склону Котлована / по раскаленному песку» [28. С. 74]). Это объемная выемка песчаного грунта, оставшаяся от нереализованного тем же АНИИХТом строительного проекта. Переживания персонажа буквально вписаны в микроландшафт Котлована. Для персонажа Попова это место, благоприятное для осмысления обстоятельств своей жизни («В воронке времени песчаной / излюбленный наклон найду»). В стихотворении полностью утрачена генетическая связь этого элемента ландшафта с военно-промышленным комплексом, вероятно, очевидная для лирического персонажа. В завершающем подборку стихотворений «Летом» Бийск окончательно утверждается как место углубленных размышлений, созерцания:

Я туда поеду летом,
стану так, чтоб видеть Обь,
постою там силуэтом
ясным, как простая дробь.

Существуя в историческом времени («третий век»), город привязан к реке как наиболее узнаваемому элементу местности (в то же время символически связанному с течением времени)[4]. Он представлен как место возвращения и созерцательного самопознания, медитации и обретения ясности.

В образуемом таким образом «бийском тексте» пространство продолжает играть важную роль. Во-первых, это поэзия возвращения, т.е. ее лирический субъект сочетает внутренний взгляд «местного»-бийчанина и внешний взгляд человека, для которого уникальность Бийска как пространства внутренних событий сама по себе, безусловно, ценность. Такие стихи, вероятно, не могли бы быть написаны постоянным жителем города, поскольку при этом утверждение значимости места происходит принципиально иным образом, как в поэмах В. Брюханова. Для формирования такого взгляда необходимо центробежное движение.

Во-вторых, такой взгляд наделяет все местные объекты единственным признаком принадлежности к уникальной данной местности. Такой неспособный к противопоставлению или отказывающийся от него взгляд характерен для детей (отсюда такая роль в этом цикле детских воспоминаний) либо для приезжего (вернувшегося), практикующего чисто эстетическое созерцание.

В-третьих, сохраняют свое значение наиболее характерные черты местного ландшафта (река Бия, лес, пространственная структура самого города). Но ключевую роль начинают играть микроландшафт и репрезентирующая его локальная микротопонимика. Именно благодаря им Бийск и его пригородная местность индивидуализируются как топосы. В них раскрывается потенциал места рождения новых личностных смыслов. Так они обретают положительное эстетическое значение.

В-четвертых, окраинное положение Бийска подтверждается, но позитивно переосмысляется. Город становится своеобразным «рефугиумом» от больших исторических событий, местом, где историческое время изменяет свой ход. Это принципиально возможно благодаря его окраинному положению внутри социального пространства страны. Попов его не преодолевает, но снимает, превращая в фактор становления бийской уникальности, закладывая основу для потенциально возможного иного «бийского текста».

История и пространство Бийска в поэтике Вячеслава Попова

Итак, поэзия Вячеслава Попова представляется примером формирования иного типа отношения к Бийску. Она исключает его из контекста «большой» национальной истории, но превращает в хронотоп уединения и самопознания. Эта ностальгическая лирика (воспоминание о детстве и мотив постоянного возвращения всегда ностальгичны) выводит Бийск из подразумеваемой пространственной структуры центр-периферия. Он обретает значимость как уникальное (для лирического персонажа) место личностно значимых событий.

Заключение

Развитие «бийского текста» было сильно ограничено особенностями географического расположения Бийска, его положением на периферии важнейших процессов национальной и региональной истории. Типизация города в текстах приезжих также не способствовала развитию «бийского текста». Оно возможно при литературном переосмыслении истории и пространства города вне контекстов «большой» истории и без оглядки на его транзитную функцию, которое превращает его в место возможности уникальных духовных событий.

Примечания

[1] Для просмотра бийских литературных изданий использованы их электронные версии, размещенные на портале proza.ru, аккаунт «Бийск литературный»: https://proza.ru/avtor/wladimirrrrr . Просмотрены номера 7–11 альманаха «Я расскажу вам о Бийске...» и номера 3–8 альманаха «Бийск литературный». Альманах «Эпоха» размещен на том же портале по адресу: https://proza.ru/avtor/proba371, просмотрены номера 1–6.

[2] Этот раздел основан на беседах автора с Вячеславом Поповым в 2020–2022 гг.

[3] В настоящее время – Акционерное общество «Федеральный научно-производственный центр “Алтай”» (http://frpc.secna.ru/). Название АНИИХТ (Алтайский НИИ химических технологий) сохранилось только в локальной бийской памяти и, вероятно, не распознается многими читателями этих стихов.

[4] Стоит отметить, что с территории квартала АБ, как и вообще с территории города, р. Обь не видна. В этом тексте В. Попов отступает от географического буквализма других текстов подборки.

Список источников

1. Богумил Т.А. Образ Бийска в художественной литературе // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 195–206. doi: 10.26170/FK20-03-17
2. Потанина Н.Л., Гололобов М.А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7). С. 32–37.
3. Пугачева Е.Н. Языковые средства представления пространства в городском тексте // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 152–161. doi: 10.24866/1998-6785/2022- 2/152-161
4. Редин Д. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения «городского текста» // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 3. С. 1042–1063. doi: 10.15826/qr.2021.3.626
5. Исупов С.Ю. Крепость Бийская есть главная… Барнаул : Азбука, 2009.
6. Басалаева И.П. Критерии фронтира: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2. С. 46–49.
7. Шерстова Л.И. Вхождение Горного Алтая в состав России: евразийский исторический контекст // Алтай – Россия: через века в будущее : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай (9–12 июня 2016 г.) / отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. гос. ун-та, 2016. С. 135–144.
8. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Аз Бука, 2009.
9. Карпухина В.Н. Образ «сибирского фронтира» в публицистике Алтая начала XX века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 82–91.
10. Дегтярев Д.С. Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX – начала XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 24–28.
11. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд. М. : Ленанд, 2014. С. 274–291.
12. Грехова Е.А., Гришаев В.Ф., Занина Н.И. и др. Бийская история Чуйского тракта / под науч. ред. Н.А. Фролова. Барнаул, 2020.
13. Тадина Н.А. Чуйский тракт как граница этнических стереотипов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. Вып. XXVIII. С. 436–441.
14. Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1962. Т. 35. С. 116–181.
15. Юдина А.Ю. Бийск накануне и в первые годы Великой отечественной войны // Мир Евразии. 2020. № 3 (10). С. 65–68.
16. Орлов С.Б., Шелегина О.Н. Наукограды в Сибири: историко-социологический анализ // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2019. № 1 (26). С. 155–165.
17. Татаренко И.П. Комендант крепости. Бийск : Матрица, 2008.
18. Кадиков Б.Х. Хочу рассказать… Бийск : Бия, 2012.
19. Караваева А.А. Золотой клюв // Сибирские огни. 1925. № 3. С. 3–60.
20. Еремеев Е.А., Загвозкина А.А. Перспективы развития экологического и образовательного туризма на территории памятника природы «V-я терраса реки Бии» (г. Бийск) // Туризм как фактор устойчивого развития региона. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2019. С. 192–195.
21. Бондаренко Т.В. Города Западной Сибири, сформировавшиеся как крепости: Томск (1604), Бийск (1709), Омск (1716) // Наука и современность. 2012. Вып. 16 (1). С. 29–50.
22. Шишков В.Я. Чуйские были. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. 496 с.
23. Чувакин А.А. Концепт Алтай в художественной прозе К.Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2. С. 63–72.
24. Улицкая Л. Лестница Иакова. М. : Астрель, 2015.
25. Дыхание времени : антология бийской поэзии, 1924–2004 / сост. В.П. Тимофеева. Бийск : Кедр, 2004. Кн. 1.
26. Брюханов Ф. Родина героев (поэма) // Эпоха. Бийск, 2019. № 5. URL: https://proza.ru/2020/02/20/1005
27. Брюханов Ф. Творцы (поэма) // Эпоха. Бийск, 2016. № 3. С. 241–249.
28. Попов В.А. Там. М. : ОГИ, 2021.

References

1. Bogumil, T.A. (2020) Obraz Biyska v khudozhestvennoy literature [The image of Biysk in fiction]. *Filologicheskiy klass*. 25(3). pp. 195–206. doi: 10.26170/FK20-03-17
2. Potanina, N.L. & Gololobov, M.A. (2012) Gorodskoy tekst kak teoreticheskaya problema [Urban text as a theoretical problem]. *Filologicheskaya regionalistika*. 1 (7). pp. 32–37.
3. Pugacheva, E.N. (2022) Yazykovye sredstva predstavleniya prostranstva v gorodskom tekste [Linguistic means of representing space in urban text]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2. pp. 152–161. doi: 10.24866/1998-6785/2022- 2/152-161
4. Redin, D. (2021) Ekaterinburg generala Gennina: opyt prochteniya “gorodskogo teksta” [Ekaterinburg of General Gennin: experience of reading the “city text”]. *Quaestio Rossica*. 9(3). pp. 1042–1063. doi: 10.15826/qr.2021.3.626
5. Isupov, S.Yu. (2009) *Krepost' Biyskaya est' glavnaya…*[The Biysk fortress is the main...]. Barnaul: Azbuka.
6. Basalaeva, I.P. (2021) Kriterii frontira: k postanovke problemy [Frontier criteria: to the formulation of the problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2. pp. 46–49.
7. Sherstova, L.I. (2016) Vkhozhdenie Gornogo Altaya v sostav Rossii: evraziyskiy istoricheskiy kontekst [The entry of Gorny Altai into Russia: Eurasian historical context]. In: Babin, V.G. (ed.) *Altay – Rossiya: cherez veka v budushchee* [Altai – Russia: Through the Centuries into the Future]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 135–144.
8. Goncharov, Yu.M. & Lityagina, A.V. (2009) *Ocherki istorii goroda Biyska (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Essays on the history of Biysk (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Az Buka.
9. Karpukhina, V.N. (2020) Obraz “sibirskogo frontira” v publitsistike Altaya nachala XX veka [The image of the “Siberian frontier” in the journalism of Altai in the early 20th century]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 82–91.
10. Degtyarev, D.S. (2017) Gorod Biysk glazami uchenykh i puteshestvennikov XIX – nachala XX vv. [Biysk through the eyes of scientists and travelers of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 24–28.
11. Sushko, A.V. (2014) *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [Processes of sovereignty of Siberian peoples during the Civil War]. 2nd ed. Moscow: Lenand. pp. 274–291.
12. Grekhova, E.A., Grishaev, V.F., Zanina, N.I. et al. (2020) *Biyskaya istoriya Chuyskogo trakta* [The Biysk history of the Chuya tract]. Barnaul: [s.n.].
13. Tadina, N.A. (2022) Chuyskiy trakt kak granitsa etnicheskikh stereotipov [The Chuya tract as the border of ethnic stereotypes]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [The preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Vyp. XXVIII. Barnaul: Altai State University. pp. 436–441.
14. Chistov, K.V. (1962) Legenda o Belovod'e [The Legend of Belovodye]. *Trudy Karel'skogo filiala AN SSSR*. 35. pp. 116–181.

15. Yudina, A.Yu. (2020) Biysk nakanune i v pervye gody Velikoy otechestvennoy voyny [Biysk on the eve and in the first years of the Great Patriotic War]. *Mir Evrazii*. 3(10). pp. 65–68.
16. Orlov, S.B. & Shelegina, O.N. (2019) Naukograd v Sibiri: istoriko-sotsiologicheskiy analiz [Tech cities in Siberia: historical and sociological analysis]. *Innovatika i ekspertiza: nauchnye trudy*. 1(26). pp. 155–165.
17. Tatarenko, I.P. (2008) *Komendant kreposti* [The Commandant of the Fortress]. Biysk: Matritsa.
18. Kadikov, B.Kh. (2012) *Khochu rasskazat'...* [I want to tell you...]. Biysk: Biya.
19. Karavaeva, A.A. (1925) Zolotoy klyuv [The Golden Beak]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 3–60.
20. Eremeev, E.A. & Zagvozkina, A.A. (2019) Perspektivy razvitiya ekologicheskogo i obrazovatel'nogo turizma na territorii pamyatnika prirody "V-ya terrasa reki Bii" (g. Biysk) [Prospects for the development of ecological and educational tourism on the territory of a natural monument "Vth terrace of the Biya River" (Biysk)]. In: *Turizm kak faktor ustoychivogo razvitiya regiona* [Tourism as a factor in the sustainable development of the region]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 192–195.
21. Bondarenko, T.V. (2012) Goroda Zapadnoy Sibiri, sformirovavshiesya kak kreposti: Tomsk (1604), Biysk (1709), Omsk (1716) [Cities of Western Siberia that formed as fortresses: Tomsk (1604), Biysk (1709), Omsk (1716)]. *Nauka i sovre-mennost'*. 16(1). pp. 29–50.
22. Shishkov, V.Ya. (1986) *Chuyskie byli* [The Chuya true stories]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
23. Chuvakin, A.A. (2016) Kontsept Altay v khudozhestvennoy proze K.G. Paustovskogo [The concept of Altai in Konstantin G. Paustovsky's fiction]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 63–72.
24. Ulitskaya, L. (2015) *Lestnitsa Iakova* [Jacob's Ladder]. Moscow: Astrel'.
25. Timofeeva, V.P. (ed.) (2004) *Dykhanie vremeni: antologiya biyskoy poezii, 1924–2004* [Breath of Time: An Anthology of Biysk Poetry, 1924–2004]. Vol. 1. Biysk: Kedr.
26. Bryukhanov, F. (2019) Rodina geroev (poema) [Homeland of Heroes (Poem)]. *Epokha. Biysk*. 5. [Online] Available from: https://proza.ru/2020/02/20/1005
27. Bryukhanov, F. (2016) Tvortsy (poema) [Creators (a poem)]. *Epokha. Biysk*. 3. pp. 241–249.
28. Popov, V.A. (2021) *Tam* [There]. Moscow: OGI.

***Сведения об авторе*:**
Немцев Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: nemtsev.m@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Nemtsev Mikhail Yu. – Ph. D. in Philosophy, Senior researcher at the Lab for Interdisciplinary Studies of Land Space, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nemtsev.m@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 25.07.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 321.01
doi: 10.17223/19988613/86/9

Центральная Азия как сфера российских интересов

Галина Сергеевна Солодова

Институт философии и права СО РАН; Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия, gsolodova@gmail.com

Аннотация. Затронуты история и обстоятельства вхождения Туркестанского края в состав Российской империи. Территориальное расширение интерпретируется как объективный и закономерный этап становления государств. Показаны причины российского продвижения в центрально-азиатском направлении. В условиях соперничества Российской и Британской империй реальность сохранения туранскими ханствами самостоятельности представлялась гипотетической. В основе текста – дореволюционные источники.
Ключевые слова: территориальное расширение, геополитическое соперничество, Британия, Туркестан

Для цитирования: Солодова Г.С. Центральная Азия как сфера российских интересов // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 69–75. doi: 10.17223/19988613/86/9

Original article

Central Asia as a field of Russian interests

Galina S. Solodova

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, gsolodova@gmail.com

Abstract. After the collapse of the USSR the interest in national history got an additional boost. Some new and quite unexpectable excogitations of the empire and the Soviet past have appeared. Previous time dogmata appeared to be inverted, but the new interpretations are exceedingly emotional. Over time, it is possible to look more rationally and impartially at events that occurred more than 150 years ago.

In this article there are the points made on the history and circumstances of integrating Turkestan region into the Russian Empire. Mainly pre-revolutionary resources make the basis of this article. They are reports, collections of official lectures, notes, dispatches and other archival materials. From the conceptual point of view, the works of modern and Soviet authors became the important part of this article.

The excursion into the history of Moscow and later Russian state establishment is made. Territorial expansion is interpreted as a kind of objective and predictable step on the way of the state forming. It became a thorough feature of Imperial period in world history. The creation, deliberation and establishment of territorial boundaries have been intensified in modern history.

The reasons of Russian expansion into Central Asia are shown. There were sparsely populated territories, disunity of Turanian Khanates ("lack of discipline", not following the arrangements, and, as a result, the assaults of nomadic tribes on boundary areas and coffles), commercial and economic interests, geopolitical factors among those reasons.

Russia's territorial expansion into Central Asia begins with the fact that it competes among the three largest empires - Russian, British, and Ottoman. There is a kind of involuntariness, the need to conquer and Russian colonization. The relevance of using the terms "conquest" and "annexation" at the same time as a more complicated feature bringing "elements of force" and "goodwill" together explained. Talking about the character of Russian expansion, we note that it was more often "without the plan prepared by the government" rather than maintained intentionally.

The main part of the article contains a small excursion into the history of the region, which was either an oasis and the center of civilization, or a center of disunity and devastation of the region; chronology of Russia's entry into Turkestan and its nationalization. It was shown that one of the main aims in Turkestan was providing "strong possession of the region". Among the ways were to build good-neighbourly relations and mutual understanding between the Russian and local population. The conclusion about the geopolitical logic of the territorial expansion is made. We believe that nationalization of Turkestan by Russia prevented its nationalization by the British Empire. The reality of saving their independence by Turanian Khanates was speculative. We hope this resource pack will let us specify or even improve our perception of the past.
Keywords: territorial expansion, empire, Great Britain, geopolitical rivalry, Turkestan

For citation: Solodova, G.S. (2023) Central Asia as a field of Russian interests. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 69–75. doi: 10.17223/19988613/86/9

© Г.С. Солодова, 2023

Начнем с цитаты известного специалиста в области исторической социологии Чарльза Тилли: «Основная и минимальная деятельность государства состоит из трех компонентов: создание государства – наступление на соперников и претендентов в границах территории, на которую притязает государство, и сдерживание таковых; ведение войны – наступление на соперников за границами территории, на которую государство уже заявило свои права; защита – наступление и сдерживание тех, кто выступал как соперник основных союзников правителей внутри и вне территории, на которую государство заявляет права. Но ни одно государство долго не просуществует, если не будет действовать и в четвертом направлении: изъятие – получение от подвластного населения средств на создание государства, ведение войны и защиту… Ведение войны и создание государства способствовали одно другому и даже оставались нераздельными, пока государства не начинали устанавливать безопасные, признанные границы вокруг своих компактных территорий» [1. С. 147–148]. Как видим, процесс образования государств и обеспечения их устойчивого функционирования, во всяком случае на начальном этапе, вряд ли делается «в белых перчатках». Однако по мере укрепления государственности растет вес и значение других видов деятельности, таких как производство и распределение. Возможно, в максимальной степени данные процессы свойственны крупным государственным образованиям или политиям – империям.

История, а Новое время в особенности, – эпоха активных геополитических перемен, продолжения выстраивания и закрепления государственных границ как европейских, так и восточных империй. Россия очень быстро расширяла свои границы. Присоединение сопредельных земель было частью политики Московского государства, и началось оно «тотчас после свержения Монгольского ига». И как это ни странно звучит сегодня, начало ему было положено покорением Иоанном III в 1472 г. Перми, а затем Вятки. При Иване III территория Руси утроилась. Далее – завоевание в 1552 г Иоанном IV Казанского и в 1554 г. Астраханского царств. В то же время казачья вольница двинулась в Сибирь. Уральские казаки осели на р. Урал (Яик). В 1587 г. был основан Тобольск, в 1661 г. – Иркутск, а в 1650 г. занят Албазин на Амуре [2. С. 455]. Постоянный государственно-территориальный рост привел к тому, что за 400 лет после освобождения от монголо-татарского ига территория страны увеличилась в 36 раз [3. С. 336]. В целом Российское государство складывалось «медленным, полным опасностей путем» [4. С. 1].

Возможности территориального продвижения на Запад для России были весьма ограничены. Европейские государства, империи сами стремились к экспансии, в том числе за счет российских земель. И, как следствие, часть российских территорий переходила другим странам. Альтернатива – малозаселенное восточноазиатское направление, продвижение на Восток и в Центральную Азию.

Любое государство стремится сохранить свою независимость, что предполагает укрепление и защиту границ подвластной территории. С этой точки зрения северная, сибирская, дальневосточная граница «приобретенных владений была обеспечена океаном и суровым климатом». Совсем иначе дело обстояло на южных рубежах: «совершенно беззащитная» южная граница «проходила через среднеазиатские степи и потому была подвержена постоянным нападениям кочевых племен, которые грабили наших жителей, угоняли скот и уводили людей в рабство» [2. С. 455].

С целью замирения Степи и установления правильных торговых отношений со среднеазиатскими оседлыми владениями еще Петром Великим было снаряжено две экспедиции – одна в Хиву, вторая на Верхний Иртыш. Первая закончилась неудачно: в 1717 г. весь отряд был вырезан в Хиве. Результатом второй было занятие Среднего Иртыша и основание на нем г. Омска [2. С. 456]. При Екатерине II «грузинские цари были уже в фактическом подчинении России». Окончательное присоединение Грузии произошло при Александре I [5. С. 238].

Оборотной стороной территориального расширения становится то, что само государство превращается в цель тех, кто еще крупнее. Как отмечает Ч. Тилли, «на протяжении всей истории европейского империализма каждая новая его фаза начиналась с соревнования между теми, кто уже закрепился как господствующий в каком-нибудь регионе мире или на торговом пути, и новичком, бросающим вызов гегемону или пытающимся обойти его, или и то и другое. Сначала европейцы теснили мусульман, но к XV в. европейцы уже воевали друг с другом за доступ на Восток» [1. С. 143–144].

Соперничество, пересечение геополитических интересов не обошли и Россию. Совокупность неблагоприятных обстоятельств – сложные отношения в Европе, «враждебные с оттоманами» – провоцировала соседние государства к пересмотру сложившихся сфер влияния, новому территориальному переделу. Смерть Александра I (1825) стала дополнительным фактором и «удобным случаем для вторжения Персии. Персидские войска вторглись в Грузию, высадились на берегах Каспийского моря и, обогнув цепь Кавказских гор, двинулись на Карабах, Ширван и Шекинск, приближались к Кубани. Жители Астрахани, боясь вторжения, стали покидать город». Одновременно «начали приходить в волнение» «горные племена на Кавказе». С их стороны можно было «опасаться открытого возмущения». Однако форсированные наступательные действия русских войск вынудили Персию запросить мира. И менее чем через два месяца после его заключения при Туркманчае Россия объявила войну Турции. Император Николай I «имел много причин к неудовольствиям». Оттоманская Порта часто не выполняла условия Бухарестского мира и систематически затрудняла торговые связи России, проходившие по Черному морю. Фиксировались «недоброжелательства турецких властей» на Дарданеллах, дающих выход через Босфор к Средиземному морю. Помимо этого, Турция не исполняла своих письменных обязательств, связанных с Придунайскими княжествами. Еще одним фактором, затрагивающим не только интересы, но «даже честь России», было то, что турецкие власти «бесчеловечно обращалась» с греками-единоверцами, жителями Мо-

реи. Результатом всего этого стало объявление 14 апреля 1828 г. войны Турции. Однако продвижение русских войск привело к тому, что «западные державы были в беспокойстве и опасались исхода войны с Турцией. Могущество России тревожило их, и потому все усилия кабинетов были направлены к воспрепятствованию падения Турции» [6. С. 61–75].

Остановимся на одном из аспектов отечественной истории – вхождении части Центральной Азии в состав Российского государства. Сразу отметим, что заявленная тема охватывает не только большую территорию – сегодня это пять самостоятельных государств, но даже по историческим меркам весьма событийно насыщенный временной период – от присоединения до Октябрьской революции 1917 г. Первоначально сделаем небольшой экскурс в историю края. Климатические условия Средней Азии способствовали тому, что на них «еще издавна водворилась оседлось и даже известная степень цивилизации». Оборотной стороной благоприятных природных условий стало возникновение густонаселенных оазисов, а в дальнейшем и череда их завоеваний. Еще за 13 веков до Рождества Христова царь Ассирии Нин доходил до Аму-Дарьи. А впоследствии – за пять с половиной веков царь Персидский Кир и за три века до нашей эры Александр Македонский достигали даже Сыр-Дарьи. После смерти великого полководца в течение более двух столетий этим регионом «владели греки». В дальнейшем край «был занят сперва скифами, потом китайцами и затем, в VIII столетии, аравитянами, которые связали здешнее население страны магометанскою религией и внесли сюда семена восточной образованности». На смену арабам в X в. пришли узбеки, а в XII в. свою власть им пришлось уступить монголам. В XIV в. Тимур, прогнав их и продолжив завоевания, образовал одну из громаднейших держав мира. Ее средоточием была Бухара со столицей в Самарканде, «который Тимур сделал центром учености и просвещения всего Востока». После смерти Тимура узбеки стали снова теснить его наследников. Образовалось «множество небольших владений, вся жизнь которых проходила (да и теперь проходит) исключительно в одних беспрерывных распрях и взаимных опустошениях». Результатом раздробленности, с одной стороны, стало то, что «в настоящее время нет никакой возможности очертить пределы распространения фактической власти» наиболее крупных туранских ханств – Бухарского, Хивинского, Кокандского и Кундузского. Другое неутешительное следствие – «постоянные разорительные войны и грабежи всех независимых узбекских владетелей привели к тому, что некогда большие и цветущие города опустели и перестали развиваться» [7. С. 43–45]. Так описывал ситуацию в «землях Турана» тогда еще капитан Генерального штаба, а в дальнейшем генерал-майор Лев Феофилович Костенко.

Процесс вхождения Туркестана в состав Империи растянулся на несколько десятилетий. Несколько фактологических штрихов. В 1839 г. генерал-адъютантом Перовским был осуществлен зимний поход на Хиву. В результате продвижения от Аральского моря вверх по р. Сыр-Дарье в 1853 г. на месте Кокандского укрепления Ак-Мечети был создан форт Перовский – впоследствии город Кзыл-Орда. В следующем 1854 г., в результате российского продвижения от р. Иртыш к р. Или, было построено укрепление Верное – в дальнейшем Алма-Ата, а ныне Алматы. Фактическое присоединение Бухары и Хивы – в 1873 г. В 1876 г. завершилось присоединение Кокандского ханства под названием Ферганской области [8. С. 20; 9. С. II.].

Среди причин нефорсированного продвижения в Азию – отсутствие однозначного отношения к нему императора и правительства. Еще в конце XVII – начале XVIII в. «киргизы, теснимые с востока и юго-востока коканцами и могущественными тогда джунгарами, не раз обращались к России, прося подданства, но получали отказ. С такою же просьбою обращались к Петру Великому и туркмены, но тоже без успеха: мы не желали переходить р. Урал, Уральские горы и р. Иртыш, как ни слабы были эти пограничные рубежи» [2. С. 456].

Аналогичная по сути, но с добавлением идеологической окраски оценка нежелательности продвижения в Центральную Азию давалась и в советское время: «Царское правительство отрицательно относилось к включению Бухарского и Хивинского ханств в состав Российской империи. Это – нежелательность внешнеполитических осложнений (в основном с Англией), боязнь увеличения расходов “на управление” и – последнее по счету, но не по значению – стремление содействовать “примирению” сотен тысяч трудящихся Туркестанского генерал-губернаторства “путем сравнения” с колонизаторским капиталистическим режимом, который был все же прогрессивнее феодального деспотического строя, бытовавшего в ханствах Средней Азии» [10. С. 417].

Между Россией и Бухарским, Кокандским и Хивинским ханствами сложились «тесные и взаимовыгодные торговые отношения». Этому способствовали не только пограничность и территориальное соседство, но и экономические интересы каждой из сторон. При этом ханства Средней Азии были раздробленными государствами и не представляли политически единого пространства. Генерал от инфантерии В.А. Обручев в докладе управляющему Военным министерством от 28 июля 1847 г. отмечал:

«*…Передали, что между Ташкентом и Кокандом продолжаются неприязненные действия, и что первые из них просят у Бухарского эмира помощи. Подпись: ген.-отъ-инф. Обручев*» [9. С. 189].

Логично, что политическая раздробленность негативно сказывалась на экономическом развитии региона и положении населения. Конкуренция и междоусобные войны за «собирание земель» вели к «отсутствию твердого порядка», систематическому грабежу торговых караванов, шедших через их территории. 7 октября того же 1847 г. В.А. Обручев докладывал Военному министру:

«*В последствие рапорта моего от 16 сентября за № 1530, имею честь почтительнейше донести вашему Сиятельству, что изложенные в оном сведения, доставленные начальнику Раимского укрепления заведывающим киргизами, кочующими на правом берегу*

р. Сыр-Дарьи, батырем Джанходжею Нармухаммедовым и подвластным хивинскому хану султаном Джангызы Ширгазыевым, о намерении хивинцев разграбить преданных нам киргизов, – оправдались на самом деле. Подпись: ген.-отъ-инф. Обручев» [9. С. 245].

Как следствие, обстановка на южных границах России была неспокойной и нестабильной. Отношения России и соседствующих южных ханств также были непростыми. Из письма Государственного канцлера графа Нессельроде, направленного Хивинскому хану:

«*Государственный канцлер хану Хивинскому 9 мая 1847 г. № 1782.*

Обладателю Хивы, Высокостепенному Магомед Эмин-хану.

...По дошедшим до нас сведениям, подвластные Вам хивинцы стараются возмутить наших киргизов и с этою целью делают им преступные внушения от Вашего имени и якобы по Вашему приказанию. Нам доносят, что даже рассылаются от Вас письменные воззвания к киргизам, в том же неприязненном смысле написанные.

Подобные действия столь противны всем правилам доброго соседства, обязательствам, принятым Хивою, и самым уверениям Вашим, сделанным через посредством бывших здесь посланцев, – что мы (при всем том, что известия получены нашими пограничными властями с разных сторон) не можем еще давать полной им веры; не можем допустить, чтобы Хивинское правительство так легко забыло все торжественные свои уверения и даже прямые свои выгоды и решилось на поступки, которые естественным образом могут повлечь за собою неприятные последствия.

Из слов, начерченных в сей грамоте, ... – Вы конечно убедитесь в миролюбивых намерениях и расположениях к Вам Всемилостивейшего моего Государя Императора, – убедитесь, что Россия не имеет никаких враждебных против Хивы замыслов и если приступила в последнее время к некоторым в степи действиям (в местах ей подвластных), то единственно из желания установить порядок и тишину в сих местах между киргизами, российскими подданными, и утвердить между ними спокойствие, – что считает священным своим долгом и обязанностью. Я надеюсь, что Ваше Высокостепенство, приняв все это в рассуждение и сообразив те последствия, которые может иметь для ваших подданных нарушение мирных отношений к России, – направите Ваши действия к устранению обстоятельств, могущих вредить приязни и доброму согласию...Подпись: граф Нессельроде» [9. С. 167–168].

Говоря о непреднамеренности, определенной вынужденности русской колонизации (колонизация – освоение новых территорий, нейтральное понятие. – *Г.С.*) до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства, генерал-адъютант К.П. фон-Кауфман пишет: «При последовательном подчинении русской власти киргизских степей правительство наше не имело в виду целей колонизационных. Занятие Семиречья и Заилийского края, с одной стороны, и основание Сыр-Дарьинских фортов, с другой, были вызваны необходимостью обезопасить наши пограничные линии и подвластных нам киргиз от нападений враждебных и не подчиненных России кочевников и вместе с тем желанием обеспечить спокойствие торговых путей из русских владений в Среднюю Азию и Западный Китай. Те же цели преследовались и при устройстве первых русских поселений» [11. С. 149–150]. Сходную оценку событий дает другой современник и участник туркестанских событий генерал-лейтенант и военный востоковед М.А. Терентьев: «Наше движение на Восток не зависело от далеких планов – мы преследовали только ближайшие цели: дикие номады, не признающие никаких прав, кроме правд силы, нападают на наши границы, захватывают “полон” и продают русских тысячами на рынках Средней Азии. Ответные набеги наших отрядов только запутывали счеты и разжигали взаимную ненависть» [12. С. 271].

Другая причина российского продвижения в Центральную Азию лежит в геополитической плоскости. Колонизация Индии в конце XVIII в. и ее включение в состав Великобритании в середине XIX в. расширили возможности дальнейшей военно-политической и экономической экспансии Британской империи. Стремление англичан выйти на среднеазиатские рынки и одновременный рост российского влияния и уверенности обострили соперничество двух крупнейших империй. Стратегическое значение Центрально-Азиатского региона хорошо видно из слов российского военного министра: «Из Туркестана мы можем защищать наши задачи на Дальнем Востоке, на Босфоре и обеспечивать себе спокойствие и в Балтийском море» [13. С. 146]. Нарастали напряженность и военная конфронтация. В отчете о служебной поездке в Туркестанский военный округ А.Н. Куропаткин докладывал, что «при настоящей политической обстановке самым опасным для нас врагом в Средней Азии является Англия, от владений которой нас отделяет Афганистан» [13. С. 136]. Как пишет современный британский историк Д. Ливен, начало завоевания Россией Средней Азии «вызвало серьезную озабоченность Британии» [14. С. 417]. В дальнейшем «у британцев появилась новая головная боль – русская угроза северо-западным границам Индии. Российские железные дороги в Центральной Азии с каждым годом делали эту угрозу все более реальной» [14. С. 195]. Показательны в этом смысле и советы крупного политического деятеля и премьер-министра Великобритании Бенджамина Дизраэли, который рекомендовал королеве Виктории разрешить отправку английских войск в Персидский залив, а также отмечал, что «Виктория, королева и императрица» должна приказать своей армии очистить Центральную Азию от московитов и отбросить их к Каспию [15. С. 318–319].

Даже в советское время, склонное весьма критически оценивать действия царского правительства, признается закономерность российского продвижения в Центральную Азию. Опираясь на «многочисленные сведения по этому вопросу», есть «все основания для четкого заключения: английская угроза Средней Азии была вполне конкретной, реальной и проявлялась на деле». Британия использовала разные методы установления своего влияния. Это десятки агентов, обладавшие широким спектром задач, – «детально и всесторонне

изучали среднеазиатские ханства, плели всевозможные интриги, занимались подкупами местной правящей верхушки, провоцировали вооруженные выступления, старались сколотить в этом районе антирусские группировки». Англичане, продвигаясь из Индии к границам Средней Азии, создавали прямую угрозу, подталкивали «соседние со Средней Азией государства – Иран, Афганистан и Китай – на овладение отдельными среднеазиатскими областями, их расчленение и раздел» [10. С. 421].

Внешняя политика Российской империи в этом регионе «может быть разбита на два этапа». Первый – «всесторонняя разведка обстановки в Средней Азии, попытки установить там свое господство дипломатическим и экономическим путем (1857–1863 гг.)». Второй этап включал «широкое военно-политическое наступление (1864–1895 гг.)», которое привело к включению среднеазиатских земель в состав России [10. С. 423–424]. Данный процесс облегчался тем, что силы Хивинского, Кокандского и Бухарского ханств (последнее в течение многих десятилетий находилось в отношениях протектората) стороннику осторожной дипломатии генерал-адъютанту К.П. фон-Кауфману «удалось разъединить дипломатическим путем». В дальнейшем завершение установления границ Туркестанского края проходило путем урегулирования взаимоотношений с Китаем, британской Индией, Афганистаном и Персией мирными соглашениями и вооруженной силой. В процессе установления границ в 1869 г. началось присоединение разделенной на мелкие владения Туркмении, которое закончилось в 1884 г. В том же году на восточном берегу Каспийского моря был заложен город Красноводск. Длительное соперничество между Россией и Великобританией завершилось двусторонним соглашением 1895 г. о разграничении сфер их влияния [8. С. 21]. В результате, несмотря на определенную неуверенность в целесообразности центральноазиатского расширения, «движение на восток дало империи весьма важную роль в Азии, разделяемую с ней там только Англией» [5. С. 238].

Вхождение Туркестанского края в состав Российского государства в разных случаях и разными авторами описывается как «завоевание», «присоединение». Это определяется как разными причинами, так и разным контекстом. Если речь идет о военном сословии, то очевидно, что обстоятельства его деятельности в большей степени сопряжены с действительно военными действиями. В своем предисловии к сборнику документов по истории завоевания Туркестанского края кадровый офицер царской армии военный инженер и полковник А.Г. Серебренников пишет, что представленные документы являются «блестящим примером того, как с ничтожными средствами можно достигнуть громадных результатов» [9. С. I]. Известный советский востоковед Н.А. Халфин отмечает, что архивные материалы дают возможность «говорить не о завоевании, а о присоединении Средней Азии – более сложном процессе, сочетающем как элементы принуждения, так и элементы доброй воли. Все определялось конкретной обстановкой, исторической действительностью, объективной реальностью» [10. С. 5]. Общим и наиболее характерным для всех среднеазиатских степных походов стало то, что «главные трудности представляла борьба с природою, а не с людьми: огромные расстояния, маловодье, жары, пески, недостаток корма, топлива… По степи на многие сотни верст нельзя было найти продовольствия для людей, зернового фуража для лошадей и порционного скота. На протяжении многих сотен верст не встречалось ни одного человека. Все довольствие на людей и фураж для лошадей на 2½ месяца приходилось везти с собою, т.е. *иметь базу при себе*» [2. С. 523–524].

Говоря о природе расширения Российского государства, заметим, что зачастую оно велось не предумышленно, «без заранее составленного правительством плана». Среди причин ранних переселений – монголо-татарское нашествие, преследования Ивана Грозного. До правления Петра I «почин в движении на Восток принадлежал всецело народу; правительство закрепляло только то, что было сделано им» [16. С. 15]. Россия завоевывала «лишь свою периферию, не более того… Тот же Китай и та же Индия на протяжении всей своей истории никогда не осуществляли завоевательные походы за пределы своей ойкумены. И с русскими то же самое» [17. С. 177].

По словам А. Ливена, «величайший источник и залог силы государства – не экономика и не размер вооруженных сил, а легитимность в глазах населения и всеобщее признание морального и юридического права государства на власть» [18. С. 25]. Одной из основных задач в Туркестане было выстраивание добрососедских отношений с местным населением, сближение русского и местных народов. Помимо внутреннего спокойствия это служило и способом укрепления центральной власти. Исходя из рассмотренных документов, «главнейшей обязанностью» русских военных было «стараться, чтобы киргизы видели в нас более справедливых судей, защитников своих и водворителей общего порядка, но не мстителей и опустошителей их аулов, предпринимающих поиски для корысти и добычи… Вообще, вменяется Вам в главнейшую обязанность всеми зависящими от Вас средствами стараться снискивать доверие киргизов и, сколько можно, уклоняться от нарушения доброго с ними согласия, привлекая старшин, почетных киргизов и простолюдинов, явивших знаки приверженности или готовности к услугам, ласковым приемом; воздерживать подчиненных своих не только от нанесения обид окрестным племенам киргизов, но и вообще от покушения на обманы, дабы не уронить нас в мнении ордынцев» [9. С. 100].

Качественное отличие, мягкость российской территориальной экспансии в Среднюю Азию отмечает профессор и генерал Алексей Иванович Макшеев: «Занятие нами стран Азии резко отличается от занятия европейскими государствами стран в других частях света. Там дело шло *исключительно об обогащении метрополии за счет заводимой ею колонии*… Россия, двигаясь на Восток, действовала иначе. Она *не осуществляла целей непосредственного обогащения и тратила на вновь занимаемые ею страны более, чем получала с них*. Кавказ и Туркестан до настоящего времени содержатся в ущерб государственной казны,

но нет сомнения, что со временем обе эти страны, подобно Сибири, с избытком вознаградят за все потраченные на них расходы. Россия не смотрела на занимаемые ею страны как на что-то придаточное, подлежащее только эксплуатации, а относилась к ним, как к собственным частям государства, имеющим одинаковые с прочими частями права на благосостояние и развитие. Население занимаемых ею стран пользовалось не только равноправностью с другими подданными государства, *но еще и разными льготами*… Таким отношением к занимаемым странам Россия устанавливала прочные связи с ними на основании обоюдных интересов и с течением времени соединялась с ними в одно органическое целое… В построении такого колоссального здания экономические стремления имели слабое значение, а между тем все возражения против нашего движения на Восток делаются на основании западноевропейской экономической теории, выработанной чуждой нам практикой колониальной системы» [4. С. 106].

Еще один фактор – «полная незлобливость русского офицера и солдата», человеческое отношение к населению, как только кончался бой. «Все старые счеты с побежденным противником считались покончеными. Он становился русским подданным и нашим младшим братом. Его жизнь, вера, имущество, обычаи уважались. Ему оказывалось доверие. Трудно себе представить, какое успокаивающее впечатление производили наши солдаты, на другой день без оружия разгуливающие среди еще смущенных масс туземцев, добродушно на невозможном языке торгующие у туземцев фрукты, чай, сласти. Быстро освоившись со своими врагами в новом их виде, туземцы (все с большою торговою жилкою) принимались охотно за свое дело и горячо спорили с солдатами, хлопая друг друга по рукам, пока не сходились в цене. Как они понимали друг друга – непонятно, но что они понимали – это верно» [4. С. 125].

Вместе с тем устройство Среднеазиатских дел, «туркестанских владений», «требовало напряженных и непрерывных забот» [19. С. 176]. Для управления новыми территориями были разработаны специальные «Положения об управлении краем» (1865, 1867, 1873, 1886, 1901, 1903 и др.). Примечательным является создание в июле 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, на разных этапах включавшего Сыр-Дарьинскую, Семиреченскую, Самаркандскую области, Аму-Дарьинский отдел, а с февраля 1876 г. Ферганскую область. Административный центр генерал-губернаторства находился в Ташкенте. Генерал-губернаторское управление вводилось в сложных регионах. Обычно оно не считалось целесообразным. В отличие от других регионов, Туркестанский край был подчинен не Министерству внутренних дел, а Военному министерству. Соответственно, почти вся администрация края состояла из кадровых армейских офицеров [20. С. 158–166]. Основной задачей военно-управленческого аппарата было обеспечение «прочного обладания краем» и его экономическое освоение. Решение административно-хозяйственных вопросов шло неразрывно с учетом военных задач. Желательным основанием для устройства края была «нераздельность власти военной и административной» [11. С. 43].

Подводя некоторые итоги, заметим: расширение империй – не проявление волюнтаризма, оно определяется внутренней логикой конфликтов, которые они призваны разрешать [21. С. 29]. Теперь уже исторический факт вхождения Туркестанского края в состав России до сих пор не получил однозначной оценки и остается дискуссионным. С одной стороны, «прямой угрозы для Средней Азии Британия не представляла», с другой – присоединение Туркестана предотвратило его захват Британской империей – «сильнейшим и опаснейшим конкурентом и врагом России на Востоке… Исторические факты убедительно свидетельствуют о невозможности для среднеазиатских ханств сохранить свою самостоятельность… Включение Средней Азии в состав России предотвратило ее поглощение (прямо или косвенно) британскими колонизаторами» [10. С. 421]. Таким образом, Туркестан стал рубежом и мостом, соединявшим Россию со странами Востока.

Список источников

1. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М. : Территория будущего, 2009. 328 с.
2. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней : (пособие для изучения военной истории в военных училищах) / сост. Дубровиным и Куропаткиным, Гудим-Левковичем, Сухотиным и Пузыревским; под общ. ред. Леера. 1885–1896. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1889. Ч. 3, кн. 2: Очерк военных действий в Средней Азии в 1839 по 1876 год; Завоевание Туркмении [1880–1884 гг.]. С. 455–690.
3. Степун Ф.А. Мысли о России. 1926 // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.) / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб. : Ганза, 1993. 512 с.
4. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. СПб. : Изд. В. Березовский, 1910. Т. II: Задачи русской армии, не связанные с русской национальной политикой. 526 с.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб. ; Киев : Н.Я. Оглоблин, 1907. 694 с.
6. Император Николай I и его царствование : заимствовано из рукописи гр. де Насси. СПб. : Тип. Ю. Штауфа, 1859. 80 с.
7. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности: с картой Средней Азии / сост. Л. Костенко; изд. А.Ф. Базунова. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1871. 358 с.
8. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М. : АПН РСФСР, 1960. 510 с.
9. Туркестанский край : сб. материалов для истории его завоевания. 1847 год / собрал полковник А.Г. Серебренников. Ташкент : Изд. штаба Туркестанского военного округа, 1914. 231 с.
10. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М. : Наука : Гл. ред. вост. лит., 1965. 468 с.
11. Проект Всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1882 г. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1885. 503 с.
12. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. : тип. П.П. Меркульева, 1875. 361 с.
13. Куропаткин А.Н. Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. СПб. : Воен. тип., 1902. 147 с.
14. Ливен Д. Российская империя и се враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М. : Европа, 2007. 688 с.
15. Франкопан П. Шелковый путь / пер с англ. В. Ю. Шаршуковой. М.: Изд-во «Э», 2018. 688 с.
16. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. : Воен. тип., 1890. 375 с.

17. Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под общ. ред. И.М. Клямкина. М., 2007. 624 с.
18. Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. Сентябрь / октябрь. URL: https://globalaffairs.ru/articles/progressivnyj-naczionalizm/
19. Министерство внутренних дел : исторический очерк : 1802–1902. СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1901. 225 с.
20. Солодова Г.С. Управление Туркестанским краем – некоторые принципы установления российского влияния // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 158–166.
21. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис. 2004. 440 с.

References

1. Tilly, Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 1990–1992 gg.* [Coercion, Capital, and the European States. 1990–1992]. Translated from English by T.B. Menskaya. Moscow: Territoriya budushchego.
2. Leer, G. (ed.) (1889) *Obzor voyn Rossii ot Petra Velikogo do nashikh dney : (posobie dlya izucheniya voennoy istorii v voennykh uchilishchakh)* [Review of Russian wars from Peter the Great to the present day: (a manual for studying military history in military schools)]. Vol. 3(2). St. Petersburg: V. Bezobrazov i Ko. pp. 455–690.
3. Stepun, F.A. (1993) Mysli o Rossii. 1926. [Thoughts about Russia. 1926]. In: Isupov, K. & Savkin, I. *Russkaya filosofiya sobstvennosti (XVII–XX vv.)* [Russian philosophy of property (17th – 20th centuries)]. St. Petersburg: Ganza.
4. Kuropatkin, A.N. (1910) *Zadachi russkoy armii* [Tasks of the Russian Army]. Vol. 2. St. Petersburg: V. Berezovskiy.
5. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (1907) *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. St. Petersburg; Kiev: N.Ya. Ogloblin.
6. de Passy. (1859) *Imperator Nikolay I i ego tsarstvovanie. Zaimstvovano iz rukopisi gr. de Passi* [Emperor Nicholas I and his reign. Borrowed from the manuscript of de Passy]. St. Petersburg: Yu. Shtauf.
7. Kostenko, L. (1871) *Srednyaya Aziya i vodvorenie v ney russkoy grazhdanstvennosti: s kartoy Srednei Azii* [Central Asia and the establishment of Russian citizenship: with a map of Central Asia]. St. Petersburg: V. Bezobrazov.
8. Bendrikov, K.E. (1960) *Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane* [Essays on the history of public education in Turkestan]. Moscow: APS RSFSR.
9. Serebrennikov, A.G. (1914) *Turkestanskiy krai: Sbornik materialov dlya istorii ego zavoevaniya: 1847 god* [Turkestan: collected materials for the history of its conquest. 1847]. Tashkent: Izd. shtaba Turkestanskogo voennogo okruga.
10. Khalfin, N.A. (1965) *Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.)* [The annexation of Central Asia to Russia (1860-90s)]. Moscow: Nauka.
11. Kaufman I, K.P. von (1885) *Proekt Vsepoddanneyshego otcheta Gen.-Ad"yutanta K.P. fon-Kaufmana I po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastyakh Turke-stanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1882 g* [Draft of the Most Submissive Report of the Adjutant General K.P. von Kaufman I on civil administration and organization in the regions of the Turkestan General Government. November 7, 1867 – March 25, 1882]. St. Petersburg: Izd. Voenno-uchenogo komiteta Glavnogo shtaba.
12. Terentiev, M.A. (1875) *Rossiya i Angliya v Sredney Azii* [Russia and England in Central Asia]. St. Petersburg: P.P. Merkul'ev.
13. Kuropatkin, A.N. (1902) *Otchet o sluzhebnoy poezdke voennogo ministra v Turkestanskiy voennyy okrug v 1901 godu* [Report on the official trip of the Minister of War to the Turkestan military district in 1901]. St. Petersburg: Voen. tip.
14. Lieven, D. (2007) *Rossiyskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dney* [The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day]. Translated from English by A. Kozlik, A. Platonov. Moscow: Evropa.
15. Frankopan, P. (2018) *Shelkovyy put'* [The Silk Road]. Translated from English by V.Yu. Sharshukova. Moscow: E.
16. Maksheev, A.I. (1890) *Istoricheskiy obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh* [Historical overview of Turkestan and the Russian offensive movement into it]. St. Petersburg: Voen. tip.
17. Klyamkin, I.M. (ed.) (2007) *Rossiyskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra* [Russian state: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
18. Liven, A. (2020) Progressivnyy natsionalizm. Pochemu natsional'naya motivatsiya nuzhna dlya razvitiya reform [Progressive nationalism. Why national motivation is needed for the development of reforms]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 5. [Online] Available from: https://globalaffairs.ru/articles/progressivnyj-naczionalizm/
19. Russia. (1901) *Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskiy ocherk: 1802–1902* [Ministry of the Interior: Historical Outline: 1802–1902]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
20. Solodova, G.S. (2019) Governance of the Turkestan region – some principles. *Vestnik Tomskogo gosudar-stvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 158–166. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/51/16
21. Hardt, M. & Negri, A. (2004) *Imperiya* [Empire]. Translated from English. Moscow: Praksis.

***Сведения об авторе*:**
Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия); профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск, Россия). E-mail: gsolodova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Solodova Galina S. – Doctor of Sociology, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Professor at the Siberian State University of Telecommunications and Informatics (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gsolodova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2021; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 13.05.2021; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(571.16)"1905/1917"
doi: 10.17223/19988613/86/10

Профессиональные союзы сибирской интеллигенции: сценарии и практики участия в политических процессах 1905 года

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Томск, Россия, olga.kharus@mail.ru

Аннотация. Дана характеристика позиций профессиональных союзов сибирской интеллигенции в отношении ключевых политических событий и процессов 1905 г. Установлена общность представлений о необходимости демократизации политической системы посредством создания органа народного представительства. Выявлены разногласия по тактическим вопросам между радикально настроенными членами профессиональных союзов и сторонниками умеренности в политике. Сделан и обоснован вывод о незавершенности процесса политического самоопределения интеллигенции региона к концу 1905 г.
Ключевые слова: интеллигенция, профессиональные союзы, политические акции, 1905 год, Сибирь

Для цитирования: Харусь О.А. Профессиональные союзы сибирской интеллигенции: сценарии и практики участия в политических процессах 1905 года // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 76–83. doi: 10.17223/19988613/86/10

Original article

Professional unions of the Siberian intelligentsia: scenarios and practices of participation in the processes of 1905

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olga.kharus@mail.ru

Abstract. The author's goal is to expand insight into the role and place of professional unions of the Siberian intelligentsia in the political processes of 1905 based on the analysis of tactical positions and practical actions of its members in specific historical circumstances. Materials from periodicals and unpublished documents of judiciary and police recording the manifestations of professional unions' political activity in 1905 are the main sources to implement research. The specificity of the author's approach is to focus on identifying the importance of trade union participation for the political self-identification of their members. Analysis of the intellectuals' ideas about the perspectives of modernizing the country's political structure in connection with the publication of the Manifesto on August 6th demonstrated the controversy of their political positions: statements of the commitment to the idea of convocation of a Constituent Assembly based on universal suffrage were accompanied by recognizing the necessity of Bulygin Duma's participation in the elections. This political behaviour was probably the result of a compromise between radical trade union members and advocates of progressive transformation. In the context of general opposition, the degree of opposition varied from sympathy and moral support for radical measures such as strikes and stoppages to representation on the General Strike Committee. Differentiation of positions clearly manifested in connection with the need to define tactical course after the publication of the Manifesto on October, 17th. Some intellectuals were sure that prerequisites for the formation of a new social order would appear, and therefore they appealed to refuse from revolutionary means of struggle. The others questioned the feasibility of implementing the declarations of the Manifesto in existing circumstances and believed it was necessary to continue the tactics of "pressure from below". Scepticism was heightened by the repressive actions of the authorities that also affected members of the political unions of intelligentsia. Repression and the lack of consensus on topical issues of the political agenda became the key factors in the termination of these organizations' activity at the beginning of 1906. Later most of its members did not show political activity. So, acknowledging the significant role of the activity of the intelligentsia's professional unions in the process of political self-identification of its members one should recognize that by the beginning of 1906 the process had not been completed.
Keywords: intelligentsia, professional unions, political actions, the year 1905, Siberia

For citation: Kharus, O.A. (2023) Professional unions of the Siberian intelligentsia: scenarios and practices of participation in the processes of 1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 76–83. doi: 10.17223/19988613/86/10

© О.А. Харусь, 2023

События 1905 года в Сибири получили широкое освещение в отечественной историографии. Тем не менее они по-прежнему привлекают внимание исследователей: расширяется источниковая база, предлагаются и апробируются новые методологические подходы, обогащается исследовательский инструментарий, расширяется круг интересующих специалистов проблем, вырисовываются новые сюжетные линии и новые ракурсы изучения ключевых процессов общественно-политической жизни региона, заметно оживившейся с началом первой российской революции. Общие тенденции приращения исторического знания повлияли на формирование исследовательского замысла данной статьи, который состоит в расширении представлений о роли и месте профессиональных союзов сибирской интеллигенции в политических процессах второй половины 1905 г. не только на основе введения в научный оборот ранее не привлекавшихся источников, но и посредством акцентирования внимания на их значении как организационной формы идейно-политической самоидентификации интеллектуалов. До настоящего времени в огромном массиве исследований, посвященных событиям 1905 г. в Сибири, предметом специального научного интереса эти организации стали только в статье А.Е. Плотникова [1]. Опираясь на материалы периодической печати и документы фонда Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации, автор привел значительное число новых фактов, связанных с историей возникновения и деятельности профессиональных союзов интеллигенции и служащих в Сибири в период первой российской революции. Однако «территориальный» принцип изложения материала, в соответствии с которым последовательно представлена характеристика организаций в отдельных городах сначала Восточной, а затем Западной Сибири, придал определенную фрагментарность нарративу исследователя. Наряду с этим обстоятельством существенно затрудняет формирование целостного представления об участии профессиональных организаций в общественно-политических процессах отсутствие в статье сведений об их позиции по отношению к ряду ключевых событий 1905 г., в числе которых издание Манифеста 6 августа и Манифеста 17 октября. К тому же включение в предметное поле исследования характеристики союзов низшего медицинского персонала, почтово-телеграфных служащих, приказчиков, конторщиков и им подобных не предполагает концентрации внимания на процессах политического самоопределения именно интеллигенции как социальной общности, для представителей которой характерно доминирование интеллектуальных видов деятельности.

Предлагаемая в данной статье оптика исследования, центрированного на проблеме политической самоидентификации интеллигенции, позволяет фокусироваться на вопросах, связанных с определением мотивации политического поведения, характеристикой индикаторов формирующейся политической идентичности, выявлением влияния представлений группы о себе и о других группах на оценку политических событий, а также на выбор тактики в конкретной политической ситуации. Этому исследовательском замыслу подчинена логика отбора и систематизации источников, представленных главным образом неопубликованными документами судебных органов и органов полиции, в которых зафиксированы проявления политической активности профессиональных союзов в 1905 г. В качестве акторов общественных процессов в статье рассматриваются только те профессиональные организации интеллигенции, которые вышли за рамки своего изначального предназначения и приняли участие как в обсуждении актуальной политической повестки, так и в целом ряде акций, имевших политический характер.

Начало процессу политического самоопределения интеллигенции в рамках союзов, формировавшихся по профессиональному признаку, но фактически сразу же заявивших о себе как об организациях с ярко выраженной политической позицией, в Сибири было положено учреждением в мае 1905 г. в Иркутске Восточно-Сибирского отдела Всероссийского союза инженеров и техников. Летом этого года был образован красноярский отдел союза инженеров и Академический союз в Томске, а осенью – томский отдел союза инженеров и союз адвокатов в Иркутске. В основных своих контурах представления местной интеллигенции о перспективах модернизации политической системы определились в первой половине 1905 г. [2], вторая же половина этого года стала временем проверки этих представлений на прочность и выявления потенциала профессиональных организаций как формы коллективной идентичности, базирующейся на сходстве политических позиций.

Центральным требованием, звучавшим в программных заявлениях и документах профессиональных союзов интеллигенции, был созыв Учредительного Собрания на основании всеобщего избирательного права для выработки конституции на демократических началах. Это требование явным образом диссонировало с содержанием проекта законосовещательного представительного органа, разработанного в Министерстве внутренних дел и получившего название проекта Булыгинской думы по имени возглавлявшего министерство А.Г. Булыгина. Неслучайно на состоявшемся в июле 1905 г. III съезде Союза Союзов было принято решение о бойкоте булыгинских многостепенных и далеко не всеобщих выборов (за отсрочку решения этого вопроса высказался лишь союз профессоров; союз инженеров и союз адвокатов решение поддержали) [3. С. 107, 108]. Однако уже в августе, после подписания Николаем II Манифеста об учреждении Государственной Думы как высшего законосовещательного представительного органа Российской империи, бойкотистские настроения в среде интеллигенции пошли на спад. II съезд Академического союза (25–28 августа 1905 г.) признал необходимость участия в выборах. В начале октября к такому же решению пришел на своем II съезде и союз адвокатов [4. С. 111, 112]. Тем самым эти организации обозначили свой разрыв с ранее утвержденной политической линией Союза Союзов. Одновременно наметилось их сближение с либерально настроенной оппозицией, представители которой стояли у истоков формирования кадетской партии, поскольку последние на IV съезде «Союза освобожде-

ния» (23–24 августа 1905 г.) и земско-городском съезде (12–15 сентября 1905 г.) решительно отвергли бойкот Думы [4. С. 84, 235–236; 5. С. 111–114].

К выводу о необходимости участия в выборах Булыгинской Думы пришли и члены профессиональных союзов интеллигенции в Сибири. Однако в комментариях, призванных объяснить такой политический выбор, явственно звучали радикальные мотивы. Интеллектуалы отчетливо осознавали наличие «дистанции огромного размера» между их идеалом народного представительства и той Думой, которую предполагалось создать в соответствии с Манифестом 6 августа, а потому отнюдь не связывали с ней надежд на плодотворную законотворческую деятельность. В резолюции иркутского союза адвокатов, определявшей его отношение к Государственной Думе, указывалось: «…адвокатура должна принять самое деятельное участие как в предвыборной агитации, так и в самой Думе с тем, чтобы эта последняя не занималась органической работой». Предназначение Думы в резолюции сводилось исключительно к «достижению народного представительства, основанного на началах всеобщей, равной, прямой и закрытой подачи голосов, с правом законодательной власти и осуществления политической свободы» [6. Л. 129]. Общее собрание врачей Восточной Сибири большинством голосов высказалось за необходимость принимать участие в выборах Булыгинской Думы «в целях агитации и проникновения в нее, как в захваченную позицию, для более энергичного следования по ранее намеченному плану» (под последним подразумевались создание народного представительства на основе всеобщего избирательного права, обеспечение гражданских и политических свобод) [7. 8 окт.].

Восточно-Сибирский отдел союза инженеров и техников также рассчитывал использовать участие в выборах Государственной Думы «для проникновения в нее со строго определенными намерениями» [7. 8 окт.]. Его члены сохранили приверженность идее Учредительного Собрания. При рассмотрении вопроса об участии в выборах Государственной Думы общее собрание отдела исходило из признания того, что «только Учредительное Собрание, состоящее из свободно избранных на основании всеобщего, равного, тайного голосования народных представителей, может дать народу те учреждения и гарантии, которые необходимы для его нормального политического и общественного развития». Поэтому в постановлении собрания указывалось: «Пока эта основная цель не достигнута, собрание считает необходимым со всей энергией испытанными до сих пор средствами продолжать борьбу за права народа и решает принять самое деятельное участие в предвыборной агитации для избрания тех лиц, которые в Государственной Думе немедленно по открытии ее потребуют Учредительного Собрания» [6. Л. 126].

Вместе с тем, вероятно, иркутяне испытывали и некоторые сомнения по поводу того, что Булыгинская Дума может стать средством достижения «истинного» народного представительства, избранного всеобщим голосованием Учредительного Собрания. Как проявление определенного скепсиса в отношении идеи созыва Учредительного Собрания депутатами Булыгинской Думы представляется возможным расценить высказанную в указанном постановлении общего собрания членов Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников мысль о необходимости «принять самое деятельное участие в предвыборной агитации, дабы всеми средствами помешать осуществлению самих выборов» [6. Л. 126]. Подобная противоречивость содержания постановления, проявившаяся в признании, с одной стороны, важности обеспечения представительства в Думе подлинных защитников народных интересов, а с другой стороны, необходимости срыва самих выборов, служила показателем отсутствия четкой и однозначной линии политического поведения применительно к конкретным обстоятельствам момента. Используемые для презентации политической позиции членов организации формулировки, скорее всего, являлись результатом предпринимавшихся усилий по достижению компромисса между приверженцами умеренности в политике, с одной стороны, и сторонниками радикальных мер – с другой.

Усиление радикальных настроений в Восточно-Сибирском отделе союза инженеров и техников было связано как с активной позицией ряда его членов, являвшихся эсерами по партийной принадлежности, так и с избранным руководством отдела курсом на проведение открытых массовых собраний. Если в первый период своего существования отдел, судя по донесениям местных полицейских чинов [8. Л. 207; 9. Л. 321; 10. Л. 8], напоминал, скорее, корпоративную организацию (резолюции по вопросам общественной и государственной жизни, принимавшиеся на закрытых заседаниях, становились достоянием лишь его членов), то в связи с принятым решением об участии в выборах Государственной Думы наметился значительный сдвиг в расширении контактов союза с общественностью. Бюро Восточно-Сибирского отдела подготовило и распространило письменное обращение к своим членам, предписывавшее «проявить величайшую энергию к ускорению торжества наших идеалов и к проведению их в сознание возможно больших кругов избирателей» [8. Л. 112]. За патетикой формулировок воззвания о благородстве и возвышенности идеалов Союза, о необходимости отдать все свои силы их служению, «оставив лишь самую необходимую долю на будничное добывание куска хлеба», стояло осознание слабости реальных позиций «сознательных прогрессивных партий», к числу которых Союз примкнул. В воззвании Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников отмечалось: «…Сознательные прогрессивные партии… в громадной массе русских избирателей представят значительную силу качественно своей возвышенной идеальной программой, но количественно могут оказаться в меньшинстве» [8. Л. 112]. Признание необходимости активной пропаганды для усиления своих позиций на предстоящих выборах в представительный орган повлекло за собой решение о предоставлении всем желающим свободного и бесплатного доступа на организовывавшиеся Восточно-Сибирским отделом собрания в зданиях Географиче-

ского музея, музыкальной школы, общественного собрания, на частных квартирах. При этом и сами собрания стали проводиться гораздо чаще: если летом 1905 г. состоялось лишь два собрания отдела – 1 и 4 июня, то за осенний период имеются данные о собраниях, состоявшихся 15 сентября, 1 и 30 октября, 14, 20 и 29 ноября [11. Л. 125]. Инициативные действия интеллигенции вызвали интерес у иркутян. Например, 1 октября 1905 г. на собрании в доме купца Замятина присутствовало более 200 человек, из которых только 17 являлись членами отдела [8. Л. 208]. Организация такого рода массовых собраний сыграла значимую роль в процессе политического самоопределения интеллигенции, поскольку обеспечивала публичную апробацию программных требований профессионального союза: реакция представителей различных слоев и групп населения становилась индикатором их одобрения или неприятия.

Проведение открытых для населения собраний Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников повлекло за собой переход инициативы в формировании повестки и обсуждении различных вопросов от радикал-либералов к активистам революционных партий. Как сообщал в донесении Директору Департамента полиции начальник Иркутского охранного отделения, «члены революционных организаций постепенно становятся почти полными хозяевами заседаний, вводя свои программы» [8. Л. 208]. Результатом их агитации являлись, в частности, организованный на собрании 10 августа сбор денег на помощь забастовавшим рабочим Иваново-Вознесенска, материальная поддержка забастовки рабочих местного депо, а также принятое на собрании 1 октября решение бойкотировать газету «Иркутские Губернские Ведомости» «ввиду развращающего влияния ее на читающую публику, порождающего среди последней последователей… “черной сотни”» [8. Л. 207, 209; 12]. В ряде случаев представителям умеренного крыла в Восточно-Сибирском отделе союза инженеров и техников все же удавалось проводить свою линию. Так, на призыв иркутского комитета РСДРП поддержать нравственно и материально забастовку читинских железнодорожников общее собрание отдела 15 сентября 1905 г. ответило отказом, мотивируя его тем, что администрация дороги не противодействует целям Всероссийского союза инженеров и техников [13. С. 20]. Однако такая позиция было скорее исключением, чем правилом в практике профессиональных союзов интеллигенции осенью 1905 г.

Объяснением этому, помимо прочего, может служить изначально заявленная профессиональными организациями при их формировании готовность к использованию для достижения поставленных целей таких радикальных средств, как всеобщая забастовка и солидарность с деятельностью революционных партий [11. Л. 125]. Именно такой тактики придерживались они в ходе Всероссийской политической стачки, начавшейся 7 октября остановкой Московско-Казанской железной дороги. В Сибири 13 октября первыми включились в стачку телеграфисты железной дороги в Томске, рабочие Читы, Верхнеудинска, Иркутска. 17 октября стачка охватила почти все города, станции и рабочие поселки региона [14. С. 262]. Уже 15 октября общее собрание иркутской группы Всероссийского союза адвокатов, заявив о признании политической забастовки одним из средств достижения демократического конституционного устройства, единогласно постановило «примкнуть к всеобщей забастовке» и обратилось с призывом присоединиться к ней к мировым судьям, нотариусам, председателям и судьям судебных установлений [11. Л. 129]. 18 октября воззвание адвокатов, подписанное членами бюро союза присяжными поверенными Шапиро, Орнштейном и Тарасовым, было передано в Иркутскую судебную палату [15. Л. 170].

Представители союзов адвокатов, инженеров, медицинского персонала, служащих городского самоуправления, а также гласные городской думы вошли в состав объединенного стачечного комитета, созданного в Иркутске 15 октября для руководства политической забастовкой [16. Л. 35–36], и заняли в нем доминирующее положение. Если от 700 типографских рабочих в комитет были приняты только 2 делегата, от 2 000 приказчиков – 3, а рабочим железной дороги было отказано в представительстве вообще, то сравнительно малочисленные союзы интеллигенции и служащих должны были иметь в комитете по два делегата [17. С. 90]. Фактическое же их представительство в объединенном комитете, по-видимому, было еще более значительным. Так, по агентурным данным чинов местной жандармской полиции, подтвержденным свидетельскими показателями, газетными сообщениями, протоколами обысков, из 34 членов стачечного комитета 8 являлись членами союза инженеров, 6 – союза адвокатов [11. Л. 49, 134; 16. Л. 35]. 17 октября оказавшиеся в явном меньшинстве представители рабочих вышли из объединенного комитета и образовали самостоятельный рабочий стачечный комитет под руководством местной организации РСДРП. Впрочем, новый комитет под влиянием преобладавших в социал-демократической организации меньшевиков счел возможными практические соглашения с «буржуазной частью» комитета первого состава. Поэтому раскол комитета не имел серьезных организационных последствий, тем более что и само его существование оказалось весьма непродолжительным. 18, 19 и 20 октября последовали аресты наиболее активных членов объединенного стачечного комитета, в числе которых оказались и представители профессиональных организаций интеллигенции [11. Л. 135–136]. 20 октября по постановлению иркутского комитета РСДРП, поддержанному представителями либерально настроенной общественности, стачка была прекращена [18. С. 107].

Члены созданного в Томске Академического союза, придерживавшиеся умеренных политических позиций в духе консервативного либерализма, хотя и воздержались от непосредственного участия в митингах, демонстрациях, забастовках и стачках, волна которых захлестнула город в октябре 1905 г., но все же выражали явное сочувствие и поддержку оппозиционному движению в целом и оппозиционно настроенному студенчеству в частности. Еще в сентябре 1905 г. Акаде-

мический союз профессоров, преподавателей и лаборантов Томского технологического института (ТТИ) принял резолюцию о необходимости упразднения профессорского суда. Основным аргументом вузовской интеллигенции было признание нецелесообразности дисциплинарных взысканий в отношении студентов, поскольку существующие беспорядки вызваны ненормальными политическими условиями в стране и исчезнут только с проведением политических реформ [19. С. 264]. Когда в начале октября 1905 г. студенты ТТИ приняли решение объявить забастовку, профессорско-преподавательская академическая группа фактически поддержала это решение. В ее постановлении, подписанном председателем группы профессором В.А. Обручевым, указывалось: «Средство для восстановления нормальной академической жизни в высших учебных заведениях остается только одно: успокоение студенчества возможно только при успокоении всего русского общества немедленным установлением необходимых основ гражданской и политической свободы – обеспеченных законодательным порядком прав человека и гражданина. При свободе слова, печати, собраний и союзов вне стен школы не будет уже побудительных причин для беспорядков в высших учебных заведениях» [19. С. 265–266]. Подобные заявления вузовской интеллигенции Томска не без оснований воспринимались представителями власти как проявления оппозиционности, поскольку действительно являлись таковыми.

Поддержка членами профессиональных организаций интеллигенции протестного движения осенью 1905 г. свидетельствовала о преобладании радикального настроя в их среде. На какое-то время было достигнуто определенное единогласие по ключевым вопросам политической повестки, которое, казалось, могло стать основой для укрепления формировавшейся в рамках профессиональных союзов идентичности. Но этот эффект оказался весьма краткосрочным. Новый импульс процессу политического самоопределения интеллигенции был задан Манифестом 17 октября. Определение отношения к этому акту государственной власти повлекло за собой дифференциацию позиций интеллигенции.

В целом положительно оценивая сам факт издания Манифеста 17 октября, члены профессиональных организаций разошлись во мнениях по поводу открывавшихся в этой связи перспектив модернизации политической системы. Так, например, союз чиновников в Иркутске, организаторы которого ранее заявляли о приверженности идеи созыва Учредительного Собрания [20. С. 8], провозгласил своей ближайшей задачей претворение в жизнь положений Манифеста 17 октября и выразил безусловную приверженность реформам мирного характера [21. 6 дек., 29 дек.]. Некоторые интеллектуалы рассматривали Манифест не столько как символ нового общественного порядка, сколько как предпосылку для создания такового. Признавая, что предполагавшийся формат создания органа народного представительства не соответствует программному требованию созыва Учредительного Собрания на принципах всеобщего избирательного права, они все же склонны были считать, что отныне появились реальные предпосылки для формирования нового общественного порядка. Будучи убеждены в том, что Манифест 17 октября открыл перспективы для мирной созидательной деятельности по переустройству Отечества, сторонники умеренности в политике пришли к выводу о ненужности и пагубности революционных средств борьбы в новых условиях, воспринимая их как помеху реформам. Подобные мотивы прозвучали, например, в выступлении присяжного поверенного Б.С. Орнштейна на митинге иркутских профессионально-политических союзов 6 ноября. Во имя предотвращения вооруженного восстания он обратился к присутствующим с призывом к мирной борьбе за созыв Учредительного Собрания [8. Л. 251]. Вместе с тем такая позиция не предполагала одобрения насильственных мер подавления революционного движения, отношение к которым было однозначно негативным. Так, 19 октября 1905 г. технологическая группа Академического союза отправила министру внутренних дел А.Г. Булыгину телеграмму с требованием отстранить от должности и предать суду томских губернатора и полицмейстера за жестокое избиение собравшихся около коммерческого училища 18 октября учащихся средних учебных заведений [1. С. 104–105].

Протестуя против применения насильственных мер к населению со стороны полиции, представители либеральной общественности ставили вопрос о создании альтернативных формирований по поддержанию общественного порядка на началах самообороны. Так, в Иркутске профессионально-политические союзы выступили с инициативой организации городской милиции. 13 ноября этот вопрос был поднят на митинге, созванном объединенным бюро восьми союзов, в числе которых были и союзы инженеров, адвокатов, врачей, фармацевтов [22. Л. 221]. Резолюция митинга гласила: «Принимая во внимание, что государственная полиция в течение борьбы народа и общества с ненавистным им режимом не только не охраняла жизнь, здоровье, имущество, общественный порядок и публичную безопасность, но даже являлась органом, создающим хулиганские отряды и руководящим их преступной деятельностью, митинг считает необходимым предложить иркутскому городскому самоуправлению совместно с представителями общественных организаций и союзов немедленно учредить городскую милицию, возложив на нее функции наружной полиции и упразднив ныне действующую государственную полицию» [8. Л. 254]. По предложению председателя объединенного бюро союзов Андронникова сразу же был организован сбор пожертвований на вооружение народной милиции [8. Л. 255]. Вопрос о материальном содействии дружинам самообороны был одним из центральных и в повестке состоявшегося 18 декабря собрания представителей союзов адвокатов, инженеров и техников, служащих городского управления, равноправия женщин, врачей, железнодорожных служащих, приказчиков, торгово-промышленников и областников [23. Л. 18].

Предпринимавшиеся инициативной общественностью осенью 1905 г. усилия по организации городской охраны получили весьма противоречивые оценки в раз-

личных источниках и литературе. С одной стороны, в документах местной администрации и органов губернских жандармских управлений подобные действия квалифицировались как проявления противоправительственного характера, направленные на содействие забастовочному движению [16. Л. 42]. С другой стороны, в советской историографии утверждалось, что организаторы городской охраны и не думали о борьбе с правительством, а намеревались в лице милиции создать противовес рабочим боевым дружинам, заменить дезорганизованную полицию, сохранить старый порядок и защитить собственное имущество от грабежей и разбоя [18. С. 128, 153, 159]. Между тем с учетом общей установки членов профессиональных союзов интеллигенции, принявших участие в этих акциях, на политические преобразования посредством реформ есть основание считать если не доминирующим, то одним из ключевых мотивов стремление покончить как с эксцессами леворадикального толка (неуместными, с их точки зрения, в условиях провозглашенных правительством намерений реформировать политический порядок), так и с черносотенными и репрессивными акциями, ставившими под сомнение возможность практической реализации декларированных свобод.

Присущий части членов профессиональных союзов интеллигенции оптимизм в оценке открывавшихся в связи с изданием Манифеста 17 октября перспектив модернизации политической системы не стал общим настроем в этой среде. Имели место и сомнения в искренности намерений царизма провести обещанные реформы, а также в возможности прекращения революции благодаря сделанной уступке. В резолюции состоявшегося 6 ноября в Иркутске митинга профессиональных союзов констатировалось, что реальное значение Манифесту 17 октября может придать только сформированное из либерально настроенных лиц однородное деловое министерство, которое немедленно издаст временные законы о созыве Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и о свободах, предотвратив тем самым «кровавую» революцию [8. Л. 260]. Скептически оценивая шансы на практическое осуществление деклараций Манифеста в существующих политических условиях, сторонники подобных настроений не спешили отмежеваться от революционной демократии, борьбой которой были завоеваны провозглашенные свободы. Союз адвокатов в Иркутске высказался в поддержку забастовки почтово-телеграфных служащих, начавшейся 15 ноября в ответ на запрещение министром внутренних дел П.Н. Дурново Всероссийского почтово-телеграфного союза [18. С. 127]. В декабре 1905 г. вопрос о «материальной и нравственной поддержке забастовавших почтово-телеграфных чинов» был вынесен на обсуждение собрания представителей союзов инженеров и техников, служащих городского управления, торгово-промышленников, приказчиков и областников [23. Л. 18]. 29 ноября 1905 г. общее собрание Восточно-Сибирского отдела союза инженеров и техников решило поддержать забастовку нижних воинских чинов иркутского гарнизона и избрало двух представителей в военно-стачечный комитет. В целях оказания поддержки солдатскому движению в распоряжение бюро союза была предоставлена вся свободная наличность капитала взаимопомощи [11. Л. 126–127].

Действия представителей интеллигенции по поддержке забастовочного движения в конце 1905 г. были продиктованы сомнениями в серьезности намерений властей реформировать политический режим страны. Эти сомнения усиливались репрессивными мероприятиями царизма, явно диссонировавшими с провозглашенными гражданскими и политическими свободами. Полагая, что обещанные реформы могут стать реальностью лишь при условии организованного «давления снизу», сторонники такой тактики стремились заручиться поддержкой демократических слоев населения. Вместе с тем, демонстрируя солидарность с забастовщиками, представители инициативного меньшинства из числа членов профессиональных организаций не упускали из виду и необходимость контроля за демократическим движением с целью придания ему по возможности мирного, «культурного», цивилизованного характера. Видимо, в данном случае имел место и некий расчет на повышение своего авторитета в глазах радикально настроенной общественности и на приобретение кредита доверия широких слоев населения, который можно было бы использовать для укоренения представлений о предпочтительности реформ перед революционными потрясениями. Однако подобная линия политического поведения оказалась весьма уязвимой как для критики «слева», так и для критики «справа». Революционеры-демократы видели в интеллектуалах отнюдь не союзников, а врагов, предателей, пытающихся совлечь массы с единственно возможного пути переустройства Отечества – пути революции, вооруженного восстания. С другой стороны, консервативные и умеренно-либеральные политические круги расценивали действия радикально настроенной интеллигенции как прямое пособничество революции. Это мнение разделяли и представители власти.

В январе 1906 г. в Иркутске последовали аресты активных участников октябрьских событий, в числе которых оказались и представители союзов инженеров, адвокатов, служащих городского самоуправления в объединенном стачечном комитете [11. Л. 136; 16. Л. 29]. Им инкриминировались «переход на революционный путь» в период забастовки, формирование у народных масс «готовности к насильственному посягательству на установленный основными законами образ правления», «приостановка обычного течения жизни города», устройство «публичных сборищ (митингов), на которых произносились речи, призывавшие к бунтовщическими деяниям», поддержка всеобщей политической забастовки [11. Л. 27, 28, 137–139]. В ходе следствия было установлено также намерение подвергнутых арестам лиц осуществить реорганизацию местного самоуправления [11. Л. 28. 138; 16. Л. 37].

Участие в октябрьских событиях обернулось репрессиями и для вузовской интеллигенции Томска. В начале 1906 г. начальник городского охранного отделения представил Томскому губернатору список лиц, «коих дальнейшее оставление на службе в гор. Томске нежелательно». В список оказались включены члены Ака-

демического союза Е.Л. Зубашев, Г.Л. Тираспольский, Н.М. Кижнер, И.И. Бобарыков, А.Е. Сабек, Н.В. Некрасов, Н.А. Александров, Н.Н. Розин. Предъявленные им обвинения были в основном однотипны: поддержка октябрьских забастовок учащихся и служащих; личное участие в сходках и митингах; выступления с противоправительственными речами; нравственное и материальное покровительство забастовщикам [24. Л. 67–73]. В конце января – начале февраля 1906 г. директор Томского технологического института Е.Л. Зубашев, профессора ТТИ Г.Л. Тираспольский, Н.М. Кижнер были отстранены Томским губернатором К.С. Нолькеном от должности и высланы из пределов Сибири и Степного края [24. Л. 68, 69].

Репрессии стали одним из факторов прекращения деятельности профессионально-политических союзов в начале 1906 г. В распаде этих организаций сыграло свою роль и отсутствие единства в их рядах по актуальным вопросам политической повестки. При наличии разногласий между радикально настроенными членами профессиональных союзов и сторонниками умеренности в политике объединяющим началом для них стал общий оппозиционный настрой и запрос на демократизацию политической системы посредством создания органа народного представительства. Очевидно, что этого было недостаточно для формирования на сколько-нибудь долговременной основе коллективной идентичности по принципу сходства политических позиций.

В дальнейшем некоторые активные участники профессиональных союзов интеллигенции пополнили ряды политических партий. Так, например, значительная часть членов Академического союза в Томске (в их числе профессора И.А. Малиновский, Н.В. Некрасов, Н.Н. Розин, В.В. Сапожников, М.Н. Соболев, Н.И. Карташев, Д.В. Алексеев) вступили в местную кадетскую организацию [21. 27 окт.; 25. Л. 56]. У истоков отдела кадетской партии в Иркутске стояли двое из трех членов бюро иркутской группы Всероссийского союза адвокатов – присяжные поверенные Л.С. Шапиро и Б.С. Орнштейн [11. Л. 129]. Однако большинство членов профессиональных союзов, отдав дань своеобразной моде на оппозиционность, которая затронула в это время самые различные слои и группы российского общества, и пережив кратковременный всплеск политической активности, в дальнейшем этой активности не проявляли. Причины этого могли быть весьма различными: психологическая усталость от эмоционального подъема под влиянием бурных событий 1905 г., фрустрация на фоне неоправдавшихся надежд на скорое и радикальное изменение общественного устройства, отсутствие мотивации к долгосрочной систематической политической деятельности во имя достижения намеченных целей и, наконец, сохранявшаяся у многих неопределенность позиции по ключевым вопросам политической повестки.

Таким образом, констатируя значимую роль профессиональных союзов интеллигенции в процессе политической самоидентификации ее представителей, следует признать, что считать этот процесс завершенным к началу 1906 г. нет оснований.

Список источников

1. Плотников А.Е. Профессионально-политические союзы интеллигенции Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск : Том. гос. ун-т, 1995. Вып. 2. С. 96–117.
2. Харусь О.А. Профессиональные союзы как организационная форма идейно-политической самоидентификации сибирской интеллигенции в 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 87–94.
3. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М. : Наука, 1966. 373 с.
4. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М. : Мысль, 1981. 285 с.
5. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М. : Мысль, 1970. 448 с.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 3. Д. 322.
7. Сибирская жизнь. Томск. 1905.
8. ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 65.
9. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 54.
10. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 57.
11. ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 322.
12. Сибирский социал-демократический листок : рабочая газета Сибирского Союза. 1905. № 3 (сентябрь).
13. Акулов М.Р. Профсоюзы Сибири до Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Профиздат, 1957. 102 с.
14. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 3. 530 с.
15. ГАИО. Ф. 242. Оп. 3. Д. 10.
16. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 141.
17. Революционное движение в Иркутской губернии в годы первой русской революции : сб. документов. Иркутск : Кн. изд-во, 1955. 155 с.
18. Яковлев Н.Н. 1905 год в Иркутске // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1954. Т. 6. С. 75–165.
19. Ищенко О.В. Отношение профессоров Томского технологического института к студенческому движению в годы первой революции в России // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 3. С. 262–268.
20. Серебренников И. «Красные» дни в Иркутске // Сибирские вопросы. 1907. № 26. С. 6–12.
21. Восточное обозрение. Иркутск. 1905.
22. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 234.
23. ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 81.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 233 (1905, II отд.). Д. 3. Ч. 43.
25. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905, I отд.). Д. 999. Ч. 4.

References

1. Plotnikov, A.E. (1995) Professional'no-politicheskie soyuzy intelligentsii Sibiri v 1905–1907 gg. [Professional and political unions of the intelligentsia of Siberia in 1905–1907]. In: Zonoviev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia in 1895–1917]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 96–117.

2. Kharus, O.A. (2023) Professional unions as an organizational form of an ideological-political self-identification of the Siberian intelligentsia in 1905. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 85. pp. 87–94. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/85/11
3. Erman, L.K. (1996) *Intelligentsiya v pervoy russkoy revolyutsii* [Intelligentsia in the first Russian revolution]. Moscow: Nauka.
4. Leykina-Svirskaya, V.R. (1981) *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 gg.* [Russian intelligentsia in 1900–1917]. Moscow: Mysl'.
5. Chermenskiy, E.D. (1970) *Burzhuaziya i tsarizm v pervoy russkoy revolyutsii* [Bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. Moscow: Mysl'.
6. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 245. List 3. File 322.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1905)
8. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 65.
9. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List 1. File 54.
10. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List 1. File 57.
11. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 245. List 3. File 322.
12. *Sibirskiy sotsial-demokraticheskiy listok: rabochaya gazeta Sibirskogo Soyuza*. (1905) 3.
13. Akulov, M.R. (1957) *Profsoyuzy Sibiri do Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Trade unions of Siberia before the Great October Socialist Revolution]. Moscow: Profizdat.
14. Okladnikov, A.P. (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from Ancient Times to the Present]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
15. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 242. List 3. File 10.
16. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List 1. File 141.
17. Kudryavtsev, F.A. (ed.) (1955) *Revolyutsionnoe dvizhenie v Irkutskoy gubernii v period pervoy russkoy revolyutsii* [The revolutionary movement in Irkutsk province during the first Russian revolution]. Irkutsk: Kn. izd-vo.
18. Yakovlev, N.N. (1954) 1905 god v Irkutske [1905 in Irkutsk]. In: *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute]. Vol. 6. Moscow: [s.n.]. pp. 75–165.
19. Ishchenko, O.V. (2007) Otnoshenie professorov Tomskogo tekhnologicheskogo instituta k studencheskomu dvizheniyu v gody pervoy revolyutsii v Rossii [The attitude of professors at Tomsk Institute of Technology towards the student movement during the years of the first revolution in Russia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 310(3). pp. 262–268.
20. Serebrennikov, I. (1907) “Krasnye” dni v Irkutske [“Red” days in Irkutsk]. *Sibirskie voprosy*. 26. pp. 6–12.
21. *Vostochnoe obozrenie*. (1905)
22. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List 1. File 234.
23. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 81.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 233 (1905, II sec.). File 3. Part 43.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 233 (1905, I sec.). File 999. Part. 4.

***Сведения об авторе*:**
Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.kharus@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kharus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.kharus@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 09.08.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/86/11

Организация совхозов в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири

Любовь Сергеевна Цубикова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, lkor11@mail.ru

Аннотация. Осуществлена реконструкция хода совхозного строительства в Восточной Сибири в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Основное внимание сосредоточено на процессах массовой организации совхозов и их разукрупнении. Реорганизация (разукрупнение) совхозов, начатая с 1932 г., была нацелена на пересмотр и исправление недочетов, допущенных при массовом строительстве совхозов в конце 1920-х – начале 1930-х гг.
Ключевые слова: совхозы, аграрная политика, Восточная Сибирь

Для цитирования: Цубикова Л.С. Организация совхозов в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 84–91. doi: 10.17223/19988613/86/11

Original article

Organization of state farms at the end of 1920s – the first half of the 1930s in Eastern Siberia

Lubov S. Tsubikova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, lkor11@mail.ru

Abstract. The aim of this work is the concrete historical progress of the state farm system formation in Eastern Siberia at the end of 1920s – first half of the 1930s, the identification of the causes contributing to the state of its reorganization (disaggregation). The basis of this writing are archive documents of the State archive of contemporary history of Irkutsk region and the State archive of Irkutsk region.

The creation of state farms in Eastern Siberia was planned in 1927, but in fact their organization refers to 1929. By 1931, there were 22 socialist economies on the territory of the East Siberian region, not counting 51 cooperative enterprises of agricultural enterprises affiliated with Kraypotrebsoyuz.

One of the problems of land management was the lack of available cultivated land, which was solved by removing it from the collective and individual farms, colonization resettlement Fund. There were some cases when individual farmers were not provided with the other plots of land instead of withdrawn ones before the starting of the sowing campaign. It undermined their economic life and material basis. Complexity was in the process of collecting cattle in livestock farms. The supply of animals was carried out in the unfinished stockyards. On January 1, 1932, the provision of livestock buildings on farms systems "Cattleman" was 50.8%, "sheep breeder" – 63%, "the Pig man" was 30.3%. Other disadvantages included a lack of financial support for state farms and workers. The lack of coordinated action from the governing bodies, the discrepancy of personnel potential of East Siberian region declared parameters of organized state farms (both qualitative and quantitative parameters). One of the ways to address the staffing issue in the East Siberian region was the migration of workers from other areas of the country.

The process of unbundling, which began in 1932 was accompanied by a reduction and redistribution of the land Fund (also through the organization of new state farms), property (e.g., farm equipment), strengthening the social security of workers of state farms etc. Thus a legal and administrative system was developed which allowed to shift the responsibility on the "state vertical".

On the basis of the conducted analysis the following conclusions were made. The low quality of the economic-organizational measures at the stage of formation of state farms led to the delay in the launch date of their activities. The failure of the production indicators, high loss of cattle, and the shortage and turnover, contributed to lower labor productivity compared with farms. An important result for the state was the number of state farms in the process of collectivization, which allowed the districts where the organization was located to pass the threshold of 50%. Restructuring (disaggregation) of the state farms, which began in 1932, was aimed at the revision and correction of mistakes made in large-scale construction of state farms at the end of 1920s – early 1930s.
Keywords: state farms, the agrarian policy, Eastern Siberia

© Л.С. Цубикова, 2023

For citation: Tsubikova, L.S. (2023) Organization of state farms at the end of 1920s - the first half of the 1930s in Eastern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 84–91. doi: 10.17223/19988613/86/11

Вопрос эффективного функционирования аграрного сектора является важным практически для каждого государства на разных этапах его развития. Соответственно, изучение истории преобразований в данной сфере, в том числе и на рубеже 1920–1930 гг., позволяет выделить их достоинства и недостатки, проанализировать ошибки, совершенные на руководящем уровне, учесть региональные особенности.

В конце 1920-х гг. важнейшей задачей государства становится изменение сельскохозяйственной отрасли, в частности через создание крупных государственных сельхозпредприятий (совхозов). Изучению данной темы на общесоюзном уровне посвящены труды М.Л. Богденко, И.Е. Зеленина, М.А. Безнина, Т.М. Димони и др. [1–4], на региональном уровне – работы, опубликованные в 1950–1960-е гг. И.С. Степичевым, М.К. Гавриловым, А.А. Смирновым, А.П. Косых [5–7]. Труды, посвященные изучению аграрной истории Восточной Сибири, содержат большой фактический материал, особенно работа И.С. Степичева [5]. Вместе с тем в силу идеологических ограничений советского периода данные публикации имеют исторические пробелы и искажения. К примеру, А.П. Косых пишет, что землеустройство совхозов «проводилось без ущемления интересов местного бедняцко-середняцкого населения и колхозов» [7. С. 15], но нами выявлены архивные документы, свидетельствующие, что такие случаи имели место. В работе М.К. Гаврилова, А.А. Смирнова, И.С. Степичева итоговые производственные показатели колхозов и совхозов первой половины 1930-х гг. не разделяются, что не дает возможности сравнить эти организационные формы, соответственно – как результат – затушевывается вопрос производительности совхозов, их экономической отдачи по сравнению с колхозами [6]. Многие советские историки, исследуя сложности организации совхозной системы, сводят их чаще всего к одной причине, так называемой «практике перегибов», и не анализируют, чем они были вызваны. В публикациях постсоветского периода дается более широкий анализ данных явлений, но отдельной современной обобщающей работы, посвященной восточносибирским территориям, нет. Интересна позиция зарубежных ученых: так, например, Алек Ноув в книге «Экономическая история СССР 1917–1991» связывает проблемы эффективности совхозов начала 1930-х гг. не только с их узкой специализацией, но главным образом с игнорированием законов агрономии [8. P. 247].

Следует отдельно отметить общесибирские труды Н.Я. Гущина, В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич, А.А. Плясули и др., которые внесли значительный вклад в рассмотрение данной темы, и в то же время стоит подчеркнуть, что в большей степени они используют архивный, статистический материал Западной Сибири [9–12].

Основой написания настоящей статьи стали архивные документы Государственного архива новейшей истории Иркутской области и Государственного архива Иркутской области. Цель исследования – конкретно-историческое рассмотрение хода становления совхозной системы на территории Восточной Сибири в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., выявление причин, способствующих проведению государством ее реорганизации (разукрупнения). Методологическая основа исследования – исторические методы познания, опора на архивные источники. Изучение материалов проводилось при помощи ретроспективного, хронологического и системного методов.

Организация совхозов в стране начинается практически сразу после прихода к власти большевиков. На территории Восточной Сибири в начале 1920-х гг. также было образовано несколько совхозов. К примеру, в Иркутской губернии на землях Вознесенского завода Черемховского уезда появился совхоз полеводческого направления, на землях бывшего Знаменского монастыря г. Иркутска – молочно-овощной совхоз. Такие хозяйства создавались как опытно-показательные производственные единицы, но такого перманентного развития, как совхозы в целом по стране, в том числе в сопредельной Западной Сибири, в Восточной они не получили. Поэтому, когда в конце 1920-х гг. государство стало фиксировать положительные сдвиги в совхозном строительстве – расширение посевных площадей, увеличение валовой и товарной продукции, усиление роли в хлебном и сырьевом балансе страны – и актуализировать его дальнейшее развитие, Восточная Сибирь такой практикой воспользоваться не могла; более того, основная часть совхозов в дальнейшем стала образовываться с нуля.

Формирование совхозов базировалось на ряде документов центральных органов партии и государства (постановления ЦИК и СНК СССР «Об организации крупных зерновых хозяйств» от 1 августа 1928 г. [13. С. 110–111], ЦК ВКП(б) «Об укреплении старых совхозов» от 11 апреля 1929 г. [14. С. 16–20] , Политбюро ЦК ВКП(б) «О мясных совхозах» от 25 июля 1930 г. [15. Л. 33–35]) и на общепартийных решениях (например, XVсъезд ВКП(б) – декабрь 1927 г., Пленум ЦК ВКП(б) – июль 1928 г. и др.), которые нацеливали на дальнейшее укрупнение и расширение уже существующих хозяйств, объединение близко расположенных совхозов. Не имея необходимого опыта функционирования их на территории Восточной Сибири, местные органы власти и другие полномочные структуры (тресты) старались подстроиться под данное законодательство, ставя сразу максимальные задачи по созданию крупных организаций с наибольшим включением земельного фонда, что, в свою очередь, изначально заложило определенные трудности в их работе.

В целом создание совхозов в Восточной Сибири планировалось в 1927 г. [16. Л. 95–95 об.], но по факту их организация относится к 1929 г. Совхозы создавались с учетом специализации, т.е. ориентировались на выпуск конкретного вида продукции, и были представлены системами «Скотовод», «Овцевод», «Свиновод»,

«Коневод», «Зернотрест». Первыми среди скотоводческих были организованы хозяйства системы «Овцевод». Одним из них стал совхоз «Красный Великан» (Борзинский район), имевший уже в 1930 г. стадо более 70 тыс. голов и размещавшийся на территории более 0,5 млн га [16. Л. 64 об.]. Развертывание хозяйств «Скотовода» относится ко второй половине 1930 г. (5 хозяйств). Хозяйства же «Свиновода» и «Коневода» организовались в 1931 г. К данному времени на территории Восточно-Сибирского края было 22 совхозных хозяйства (не считая 51 кооперативного объединения сельскохозяйственных предприятий при Крайпотребсоюзе, которые сочетали ряд отраслей – молочное, овощное хозяйства и свиноводство) [17. Л. 16 об.].

Также с конца 1929 г. стали формироваться зерновые хозяйства по линии «Зернотреста». В 1930–1931 гг. были образованы Иркутский совхоз в Куйтунском районе, Камалинский, Таежный, Балахтинский, Иланский совхозы, в 1932–1933 гг. – Канский, Красноярский, Саянский. В 1930–1931 гг. на территории Восточно-Сибирского края появилось два совхоза системы «Льноводтреста» – Смоленский в Тулунском районе и Нижне-Удинский.

При учреждении совхозов местные власти столкнулись с проблемой наличия свободной и освоенной земли, которую планировали решить за счет выделения излишков из трудовых старожильческих обществ и колонизационного фонда переселенческих участков. Последние переводились в фонд государственных земельных имуществ как земля специального назначения для совхозов. Так, малый Президиум Иркутского Окружного Исполнительного комитета 10 февраля 1930 г. постановил забронировать группы переселенческих участков в Братском районе для организации будущих совхозов: 1-й массив – участки, расположенные вблизи Николаевского завода, пристани Долоновой и Малой Кады в количестве 8–10 единиц общей площадью до 13–14 тыс. га, 2-й массив – в районе селений Ключи-Булак и Кобь в числе 12–13 единиц общей площадью до 14 тыс. га. [18. Л. 80].

В совхозный фонд зачисляли не только свободные земли и земли коллективных хозяйств, но и крестьян-единоличников, в том числе иногда тех, кто и не планировал вступать в совхозы. У последних землю изымали в директивном порядке, при этом были негативные случаи непредоставления им взамен новых участков. Из спецсводки ОГПУ «О ходе весенней сельскохозяйственной посевной кампании, состоянии коллективизации и политнастроении классовых прослоек города и деревни Иркутского округа» на 15 мая 1930 г.: «…в ряде сельсоветов Куйтунского района (Куйтун, Ули и др.) в связи с отводом земель под зерносовхоз, куда отошли пахотные земли и пары крестьян-единоличников, последние до сих пор не знают, где и на какой земле производить яровой посев. Сельсовет и администрация совхоза, в том числе работники землеотводных участков, на отвод земель единоличникам не обращают внимания» [19. Л. 23]. Такая ситуация подрывала хозяйственный уклад крестьян и заставляла их вступать в совхозы, колхозы либо уходить на заработки в город.

Организовывались совхозы в сжатые сроки, зачастую без обследования местности и без изучения отведенных земель по гидрогеологическим, почвенно-ботаническим, климатическим параметрам. Из отчетов: выбор точек хуторов производится «ощупью и иногда со слов местных жителей»; обследования ведутся зимой, людьми, с местными условиями не знакомыми [20. Л. 13]. Как результат – ряд совхозов, отдельные их хутора оказались расположенными около болот, на заводненных участках, удаленными от пастбищ и т.д.; одни участки были не защищены от ветров, другие заброшены в тайгу, неудобны для спуска животных к водопою или удалены от луговых угодий. К примеру, центральная усадьба Тайнинского животноводческого совхоза, насчитывавшаяся около 3 тыс. голов скота в 1930 г., оказалась удаленной от пастбища на 5 км [20. Л. 17]. Другая проблема была связана с водоснабжением: в том же 1930 г. Новоселовский, Могзинский и Адон-Чалонский совхозы системы «Овцевод» испытывали «острый недостаток воды» [21. Л. 49]. Но «водные изыскания» по некоторым хуторам совхозов данного треста стали проводиться только в 1933 г., причем их результат в ряде случаев оказался отрицательным [22. Л. 129].

Сложности проявились и в процессе комплектования скотом животноводческих совхозов. Поставка животных производилась в недостроенные скотные дворы. В результате десятки тысяч животных оказались не обеспечены утепленными помещениями. В некоторых случаях руководителям совхозов приходилось размещать скот в арендованных помещениях ближайших колхозов, у единоличников, а чаще всего оставлять «под открытым небом». На 1 января 1932 г. обеспеченность скота постройками по совхозам «Скотовода» составила 50,8%, «Овцевода» – 63%, «Свиновода» – 30,3% [23. Л. 107].

Совхозы столкнулись с недостатком сельхозинвентаря, оборудования, машин. Так, в семи совхозах Иркутскживтреста по состоянию на 1935 г. вообще не было тракторов (гусеничного транспорта), комбайнов, молотилок, корчевальных машин. Минимальная потребность в данной технике оценивалась в 7, 6, 3, 4 единиц соответственно. Грузовыми автомашинами совхозы были обеспечены на 56%, сноповязалками – на 67% [24. Л. 27].

Образование и функционирование совхозных организаций сопровождалось отсутствием скоординированных действий со стороны руководящих инстанций, поступающими от них разноречивыми заданиями. Так, по Балахтинскому совхозу в 1930 г. первоначальное задание по укомплектованию скота было получено от Сибконторы «Овцевод» в количестве 13 тыс. голов, затем 20 тыс., 5 тыс. и, наконец, 3 тыс., по приему метисных телят задание последовательно менялось пять раз (20 тыс., 3 тыс., 20 тыс., 250 и 3 тыс. голов) [20. Л. 13–17].

Трудно решаемым для восточносибирских совхозов оказался и кадровый вопрос. Заявленные планы государства по развитию сельского хозяйства – строительству колхозов, совхозов, МТС и т.д. – не совпадали с реальной демографической обстановкой по краю,

уровнем образования, наличием специалистов. Несмотря на значительный приток рабочих в совхозы (к примеру, на 1 августа 1931 г. в совхозах Восточно-Сибирского края были заняты 18 628 человек, через год – 28 054, т.е. число рабочих выросло в 1,5 раза [25. Л. 169]), этого было недостаточно. Для сравнения – ожидалось к концу 1930 г. укомплектовать зерновые совхозы только по Иркутскому округу 32 200 работниками [26. Л. 10]. Если во многих частях СССР совхозы пополнялись за счет излишней рабочей силы в колхозах, то в Восточно-Сибирском крае одним из важных источников стало переселение. Так, в 1932 г. было запланировано вселить из других территорий страны 3 500 семей, из них 2 000 семей – демобилизованных красноармейцев [27. Л. 2].

В большинстве совхозов ощущался большой недостаток ветеринарного персонала. В Могзонском мясосовхозе им. Лазо, имевшем в 1930 г. свыше 3 тыс. гол. крупного рогатого скота, и в овцеводческом Адон-Челонском с 12 700 гол. овец ветеринарного персонала вообще не было [20. Л. 17]. Укомплектованность в 1934/1935 хозяйственном году по Восточно-Сибирскому и Забайкальскому животноводтрестам и по Восточно-Сибирскому свиноводтресту составила: ветработниками – 22 чел., ветфельдшерами – 107 чел., зоотехниками – 26 чел.; при этом требовалось данных специалистов 53, 165, 54 соответственно [28. Л. 24]. Также совхозы нуждались в таких работниках, как чабаны, пастухи, гуртовщики. При этом большинство из работающих являлись «неквалифицированными, совершенно не подготовленными к правильному пользованию выпасами, а некоторые и прямо нетрудоспособны». Например, в Балаганском совхозе среди чабанов был один слепой, а другой – девочка-подросток [20. Л. 17]. Из-за отсутствия необходимых кадров в 1934 г. в Погодаевском мясосовхозе на каждую доярку в среднем приходилось от 25 до 30 коров вместо положенных по норме 18 голов [21. Л. 49].

Другая проблема совхозов периода первой пятилетки – текучесть кадров, что было вызвано неудовлетворительными условиями и организацией труда. В отличие от колхозников, которые зависели от трудодней, работники совхозов должны были получать фиксированную заработную плату, но и здесь возникали сложности. Архивные документы за 1932–1933 гг. фиксируют: зарплата в Сухобузимском зерносовхозе «Таежный» задерживается до трех месяцев; рабочие второго отделения Канского зерносовхоза живут в сараях и шалашах, спят на земле, как следствие, рост заболеваемости, хлеб им выдается наполовину с землей, обед доставляется только к 16–17 часам; рабочие Сазоновского совхоза не обеспечены одеждой, необходимой для работы; рабочие мясосовхоза им. Фрунзе Качугского района не имеют «валенок, рукавиц, ватной одежды, в результате имеются большие прогулы» и др. [29. Л. 3]. Все это отражалось на трудовой дисциплине.

Проблема оттока кадров оставалась острой и в 1935 г. Из письма Наркому совхозов СССР тов. М.И. Калмановичу от 14 марта 1935 г.: «Надо иметь в виду, что за отсутствием излишней рабочей силы в колхозах края совхозы комплектуются за счет вербовки рабочей силы из центральных областей СССР, и, конечно, эти рабочие требуют от нас предоставить им более нормальные жилищные условия, а также предъявляют более повышенные требования в культурном их обслуживании» [24. Л. 25]. На январь 1935 г. рабочие совхозов были обеспечены жильем только на 50% [24. Л. 26].

Вышеназванные факты приводили к тому, что в зерновых совхозах посевные планы выполнялись несвоевременно, хлеб вовремя не сдавался, в животноводческих отмечались рост эпизоотий, высокий падеж скота. В том же овцесовхозе «Красный великан» гибель скота в сумме за 1932 г. за первое полугодие 1933 г. исчислялась в 25 167 гол. В отдельных совхозах системы «Свиновод» отход поросят доходил до 72%, в среднем по краю на 1 января 1932 г. он составил 50,34%. Курбатовский мясосовхоз за зиму 1933/1934 гг. из-за отсутствия кормов потерял 1 218 единиц скота, или 20,8% к общему поголовью, Дзержинский – 560, Филимоновский – 731, Балахтинский – 1 793 и т.д. Весной 1934 г. ситуация в системе «Скотовод» из-за отсутствия кормов была настолько сложной, что дирекция отдала распоряжение использовать солому, разрешая раскрывать крыши скотобаз [29. Л. 3–6].

В целом восточносибирскими совхозами на конец первой пятилетки производственные задачи, которые возлагали власти на эти хозяйства, выполнены не были, хотя на фоне проведенных экстенсивных мероприятий фиксировался определенный рост. Например, если в 1930 г. «Скотовод» сдал государству 4,2 тыс. гол., то в 1931 г. – 9,87 тыс. гол. [16. Л. 69]. Посевная площадь в совхозах края в 1931 г. по сравнению с 1930 г. увеличилась в 10 раз, составив 121 тыс. га. [30. Л. 230]. Отмечался рост поголовья скота: по «Скотоводтресту» в 1932 г. по сравнению с 1931 г. в 4 раза (402%), по «Овцеводтресту» – почти в 3 раза (289%) [21. Л. 49–50].

В то же время совхозы внесли важный вклад в показатель коллективизации, на который обратили внимание власти. К примеру, процент коллективизации по Восточно-Сибирскому краю на 20 декабря 1931 г. составлял в среднем 51,5%, а в тех районах, где были животноводческие совхозы, он был значительно выше: в Борзинском районе – 60,9%, в Агинском – 69,1%, в Чернышевском – 63,1%, в Балаганском – 81,5, в Селенгинском – 83,0% [17. Л. 1б].

В 1932 г. в связи с реорганизацией Народного комиссариата земледелия и выделением Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР были проведены структурные изменения ее системы в Восточной Сибири. В частности, согласно постановлениям Коллегии Наркомсовхозов СССР от 29 октября 1932 г. № 24, от 13 ноября 1932 г. № 47 и от 2 декабря 1932 г. № 101, базы снабжения бывших объединений, реорганизованных в Главные управления Наркомата, и трестов системы Наркомсовхозов подлежали передаче тресту Совхозснаб [22. Л. 27]. К задачам последнего относилось снабжение совхозов тракторами, автомобилями, строительными материалами, материалами и товарами ремонтного и хозяйственного назначения, прочими средствами производства по номенклатуре, утверждаемой Народным Ко-

миссариатом зерновых и животноводческих совхозов СССР [22. Л. 271].

Также с 1932 г. начинается реорганизация, точнее, разукрупнение, совхозной системы. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Наркомзема СССР от 31 марта 1932 г. «О работе животноводческих совхозов» [31. Л. 67–73] обязывало разукрупнить существующие животноводческие совхозы, исходя из следующих нормативов: по «Скотобъединению» – не свыше 3–8 тыс. голов; по «Маслообъединению» – не свыше 1 тыс. коров, для фермы совхоза – 200–400 коров; по «Овцеобъединению» по грубошерстным овцам – не свыше 50 тыс. голов, по племенным овцам – не свыше 10 тыс. голов; по «Свиноводобъединению» – не более 1 тыс. свиноматок (нормы в том числе и для Восточной Сибири). К тому же необходимо было обеспечить все разукрупненные совхозы водоснабжением, жильем для постоянных кадров рабочих и специалистов, построить теплые помещения для всего молодняка. Оговаривалось, в частности, что дальнейшее комплектование скотом должно производиться только после окончания всего строительства.

В Восточно-Сибирском крае по системе «Скотоводтреста» предполагалось разукрупнить Тайнинский совхоз (общая площадь – 183 876 га, скотоемкость – 22 385 гол.) на три совхоза – Авдинский (общая площадь должна быть около 30–32 тыс. га за счет дополнительных земель смежных совхозов; скотоемкость 9–10 тыс. голов), Рождественский (76 707 га, 5 102 голов) и собственно Тайнинский (86 419 га, 12 334 голов); Балахтинский совхоз (163 051 га, 29 802 гол.) на три совхоза – Балахтинский, Анашинский, Курбатовский; Александро-Заводский (247 105 га, 33 483 гол.) также на три самостоятельных совхоза – Александро-Журавлевский, Бутунтаевский и Кутугаевский; Быркинский (285 236 га, 36 299 гол.) разукрупнить на Заргольский, Уланский и Быркинский. Оставшиеся совхозы – Филимоновский, совхоз им. Лазо (Могзонский), Еравинский (в БМАССР) и вновь организованный Качугский – разукрупнению не подлежали, в них необходимо было провести организацию специализированных отделений [32. Л. 2, 15–17].

Постановление СНК СССР от 22 декабря 1933 г. «О разукрупнении зерновых совхозов» также устанавливало свои нормативы. Здесь предельными величинами стали: общая площадь пахотно-способной земли для одного совхоза – не более 20–25 тыс. га (для совхозов со значительным пропашным клином – не свыше 15 тыс. га), уборочная площадь отделений зерновых совхозов 2–2,5 тыс. га. Закон запрещал объединять отдаленные и разбросанные земельные массивы [33].

В рамках политики разукрупнения 1933 г. тресты, теперь уже не только животноводческие, но и зерновые, должны были проверить землеобеспеченность своих совхозов и в случае обнаружения недостатков или излишков земель составить проекты прирезок или отрезок за счет совхозов системы Наркомсовхозов [22. Л. 102]. По Восточно-Сибирскому и Красноярскому краям планировалось разукрупнить четыре зерносовхоза (каждый на два) – Балахтинский, Саянский, Камалинский, Канский.

Вопрос переорганизации земельного фонда был актуален и в последующие годы. Так, в 1935 г. от совхозов Восточно-Сибирского края системы Наркомсовхозов СССР было решено отрезать для колхозов часть земель: Иркутский зерносовхоз должен был отдать 12 243 га – 18% от общей площади; Балаганский овцесовхоз – 1 012 га, 1,5%; Мясовхоз им. Фрунзе Качугского района – 9 000 га, 16% [34. Л. 19].

На 1 января 1935 г. в Красноярском крае функционировал 71 совхоз, в Восточно-Сибирском – 27 (в том числе БМАССР). При этом государство не ставило задачу полного перехода на совхозное строительство, отдавая предпочтение колхозам. Например, посевная площадь зерновых культур по Восточно-Сибирскому краю на 3 марта 1936 г. распределялась под совхозы – 146 тыс. га; колхозы – 1 073 тыс. га. [35. Л. 5]. После проведенной реформы разукрупнения мы также видим снижение поголовья скота по системам «Скотоводтрест» и «Овцеводтрест» в 1933–1934 гг. относительно 1932 г. [21. Л. 49–50].

Пересмотр обеспеченности совхозов коснулся и «неликвидов и имущественно-материальных ценностей». Поскольку совхозы относились к государственным предприятиям, то на них распространялось постановление СТО СССР от 9 февраля 1932 г. № 62 «О реализации неликвидных материальных ценностей государственных предприятий». От реализации неликвидов и излишних имущественно-материальных ценностей планировалось к 15 апреля 1933 г. получить дополнительные средства по Восточно-Сибирскому краю по системам «Зернотреста», «Свиноводтреста», «Скотоводтреста», «Овцеводтреста» 975 тыс. руб. (5,6% от всех аналогичных систем общесоюзного уровня) [36. Л. 118]. Но поскольку совхозные хозяйства с целью выполнения цифровых показателей по реализации имущества стали продавать действующую технику, комбайны, по которым еще не были выплачены ссуды, или неиспользуемую сельскохозяйственную технику вследствие сокращения обрабатываемых земель в 1932 г., для предотвращения необоснованной распродажи материальных фондов власти конкретизировали полномочия совхозов, трестов в данном вопросе. Так, было уточнено, что необходимо относить к неликвидам и имущественно-материальным ценностям: имущество, пришедшее в ветхость или негодность; имущество, хотя и физически годное, заменяемое в совхозах данной системы более усовершенствованным; имущество, которое в данном совхозе не может быть использовано по своему назначению в достаточной степени (лишнее имущество); излишние запасы материальных (оборотных) ценностей [36. Л. 22–22 об.]. Совхозам разрешалось часть имущества реализовать самостоятельно. Тракторы, автомобили и комбайны не подлежали продаже, они могли быть перераспределены между другими совхозами только с согласия Наркомата.

Вышеназванное Постановление СНК СССР от 22 декабря 1933 г. предусматривало и усиление социального обеспечения работников совхозов. Предусматривались жилищное строительство, выделение площадей под индивидуальные огороды для постоянных семейных рабочих и специалистов, увеличение суточной

нормы хлеба на время выполнения полевых работ, установление прибавки к заработной плате в зависимости от стажа работы и др. В соответствии с постановлением Коллегии Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов и президиумов ЦК Союза работников зерновых совхозов и ЦК Союза работников животноводческих совхозов № 282 от 11 мая 1933 г. «О бытовых условиях рабочих совхозов» появляется обязательство предоставления выходных дней рабочим [37. Л. 16–18]. Так, в периоды уборочных работ дирекция совхоза вправе была использовать работников в течение трех выходных дней на севе и четырех дней на уборке с предоставлением им взамен этого других дней отдыха не позднее 12 дней по окончании сева или уборки. При этом и ранее были предусмотрены нормы по защите социального обеспечения работников совхозов.

На фоне правового закрепления социальных обязательств для работников мы видим расширение мер ответственности в их отношении. В целом складывается административно-правовая система, позволяющая переложить ответственность на саму «совхозную вертикаль». Согласно постановлению ВЦИК, СНК РСФСР от 20 февраля 1928 г. «Об утверждении Положения о государственных сельскохозяйственных трестах» основная ответственность по организации, управлению, ведению хозяйственной деятельности переносилась на директора государственного сельскохозяйственного треста и управляющего советским хозяйством. Невыполнение плана по сдаче продукции относило директоров трестов и совхозов к «обманщикам государства и расхитителям общественной собственности» [22. Л. 144]; вводилась уголовная ответственность за порчу и поломку принадлежащих совхозам тракторов и сельскохозяйственных машин [38] и др. Систематически проводились чистки по выявлению «классово-чуждых элементов», из которых выстраивалась целая цепочка: от фактического «вредителя» до руководителей, «не сумевших организовать работу так, чтобы их разоблачить». Хищение совхозного имущества приравнивалось к опасному деянию. Например, тракторист Жмуров и прицепщик Малышев (Куйтунский зерносовхоз) в 1933 г. за хищение 40 кг зерна и его сбыт «по спекулятивным ценам» были приговорены к 10 годам лишения свободы каждый, судебный процесс был проведен в показательном порядке [39. Л. 54]. Для сравнения: за совершение умышленного тяжкого телесного повреждения, приведшего к смерти человека, предусматривалось лишение свободы на срок также до 10 лет (ст. 142 УК РСФСР 1926 г.). Неблагонадежный социальный статус (кулак, бывший белогвардеец, священнослужитель и др.) давал основание усилить меру уголовной ответственности. Иногда чистки достигали обратного эффекта, приводя к дезорганизации. Так, в 1933 г. была проведена чистка совхоза «Красный Великан», в результате которой совхоз очутился в таком положении, когда некого было поставить даже на руководящие посты, а отправленные Крайкомом партии коммунисты, увидев трудности совхоза, «удрали» [40. Л. 139–141].

Таким образом, анализируя источниковую базу по строительству совхозов в восточносибирской деревне, необходимо отметить, что их организация проводилась в сжатые временные рамки, характеризовалась некачественным обследованием территорий при землеустройстве (либо вообще его отсутствием), отличалась рассогласованностью действий разных органов при хозяйственном и скотообеспечении, а также при определении хозяйственных заданий, непроработкой вопроса кадрового потенциала. Все это в целом приводило к оттягиванию сроков начала деятельности совхозов, невыполненнию производственных показателей, высокому падежу скота, к недостатку, а иногда полному отсутствию специалистов, текучести кадров, заставляло искать новые источники их пополнения, в том числе за счет переселения из других территорий страны, способствовало более низкой производительности труда по сравнению с колхозами. При этом положительные достижения совхозов конца первой пятилетки были представлены экстенсивными показателями (увеличение поголовья скота, расширение земельных массивов и т.п.). Важным результатом для государства стал количественный показатель совхозов в процессе коллективизации, что позволило районам, где находились данные организации, уверенно преодолеть планку в 50%. Процесс разукрупнения, начатый в 1932 г. с животноводческих совхозов, по своей сути предлагал пересмотреть и исправить недочеты, допущенные при массовом строительстве совхозов в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Список источников

1. Богденко М.Л. Строительство зерновых совхозов в 1928–1932 гг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 250 с.
2. Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР : краткий исторический очерк (1917–1975 гг.). М. : Политиздат, 1976. 279 с.
3. Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. М. : Наука, 1982. 235 с.
4. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. М. : Ленанд, 2014. 608 с.
5. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 741 с.
6. Гаврилов М.К. Смирнов А.А., Степичев И.С. Сельское хозяйство Иркутской области за 40 лет. Иркутск : Кн. изд-во, 1957. 123 с.
7. Косых А.П. Совхозы Иркутской области. Иркутск : Кн. изд-во, 1959. 148 с.
8. Nove A. An Economic History of the USSR 1917–1991. London : Penguin books, 1993. 474 p.
9. Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму : (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 518 с.
10. Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2012. 408 с.
11. Плясуля А.А. Реорганизация зерновых совхозов Западной Сибири в середине1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 22, № 2. С. 94–98.
12. Плясуля А.А. Управление совхозами в Сибири в 1920-е – середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 112–115.
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М. : Политиздат, 1971. Т. 4. 583 с.

14. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. М. : Политиздат, 1967. Т. 2. 800 с.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 790.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-600. Оп. 1. Д. 244.
17. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 482.
18. ГАИО. Ф. р-513. Оп. 1. Д. 99.
19. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1506.
20. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 247.
21. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1293.
22. ГАИО. Ф. р-2018. Оп. 1. Д. 2.
23. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 472.
24. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1291.
25. ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 7. Д. 29.
26. ГАНИ ИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1507.
27. ГАИО. Ф. р-440. Оп. 1. Д. 94.
28. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1292.
29. ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 47.
30. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 260.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 878.
32. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 513.
33. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1933. № 74. Ст. 453.
34. ГАИО. Ф. р-147. Оп. 1. Д. 129.
35. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 1498.
36. ГАИО. Ф. р-2018. Оп. 1. Д. 1.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 910.
38. СЗ СССР. 1931. № 9. Ст. 104.
39. ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 913.
40. ГАНИ ИО. Ф. 123. Оп. 17. Д. 2.

References

1. Bogdenko, M.L. (1958) *Stroitel'stvo zernovykh sovkhozov v 1928–1932 gg.* [The construction of grain farms in 1928–1932]. Moscow: USSR AS.
2. Bogdenko, M.L. & Zelenin, I.E. (1976) *Sovkhozy SSSR : kratkiy istoricheskiy ocherk (1917–1975 gg.)* [The state farms in the USSR. A brief historical essay (1917–1975)]. Moscow: Politizdat.
3. Zelenin, I.E. (1982) *Sovkhozy SSSR v gody dovoennykh pyatiletok. 1928–1941* [State farms in the USSR during the prewar five-year plans. 1928–1941]. Moscow: Nauka.
4. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2014) *Agrarnyy stroy Rossii 1930–1980-kh gg.* [The Agrarian System of Russia in the 1930–80s]. Moscow: LENAND.
5. Stepichev, I.S. (1966) *Pobeda leninskogo kooperativnogo plana v vostochnosibirskoy derevne* [The victory of the Leninist cooperative plan in the East Siberian village]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo.
6. Gavrilov, M.K., Smirnov, A.A. & Stepichev, I.S. (1957) *Sel'skoe khozyaystvo Irkutskoy oblasti za 40 let* [Agriculture of the Irkutsk region for 40 years]. Irkutsk: Irkutskoe knizhnoe izdatelstvo.
7. Kosykh, A.P. (1959) *Sovkhozy Irkutskoy oblasti* [State farms in Irkutsk region]. Irkutsk: Irkutskoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. Nove, A. (1993) *An Economic History of the USSR 1917–1991*. London: Penguin Books Ltd.
9. Gushchin, N.Ya. (1973) *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu : (sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva. 1926–1937 gg.)* [Siberian village on the road to socialism: Socioeconomic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937]. Novosibirsk: Nauka.
10. Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. et al. (2012) *Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* [Siberian agriculture in the twentieth century: Problems of development and crises]. Novosibirsk: Sibprint.
11. Plyasulya, A.A. (2016) Reorganizatsiya zernovykh sovkhozov Zapadnoy Sibiri v seredine1930-kh gg. [Reorganization of grain farms in Western Siberia in the mid-1930s] *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 2(22). pp. 94–98.
12. Plyasulya, A.A. (2015) Upravlenie sovkhozami v Sibiri v 1920-e – seredine 1930-kh gg. [Management of state farms in Siberia in the 1920s – mid-1930s] *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 4(22). pp. 112–115.
13. The CPSU. (1971) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Moscow: Politizdat.
14. Chernenko, K.U. & Smirtyukova, M.S. (1967) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the party and government on economic issues]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
15. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 3. File 790.
16. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 244.
17. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). File 482.
18. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-513. List 1. File 99.
19. The Irkutsk Region State Archive of Modern History (IRSAMH). Fund 16. List 1. File 1506.
20. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 247.
21. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). File. 1293.
22. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-2018. List 1. File 2.
23. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 472.
24. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 1291.
25. The Irkutsk Region State Archive of Modern History (IRSAMH). Fund 123. List 7. File 29.
26. The Irkutsk Region State Archive of Modern History (IRSAMH). Fund 16. List 1. File 1507.
27. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-440. List 1. File 94.
28. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 1292.
29. The Irkutsk Region State Archive of Modern History (IRSAMH). Fund 123. List 1. File 47.
30. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 260.
31. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 3. File 878.
32. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 513.

33. USSR. (1933) *Sobranie zakonov i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [Collection of Laws and Decrees of the Workers 'and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. 74. Art. 453.
34. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-147. List 1. File 129.
35. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 1498.
36. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-2018. List 1. File 1.
37. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 3. File 910
38. USSR. (1931) *Sobranie zakonov i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [Collection of Laws and Decrees of the Workers 'and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. 9. Art. 104.
39. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund r-600. List 1. File 913.
40. The Irkutsk Region State Archive of Modern History (IRSAMH). Fund 123. List 17. File 2.

***Сведения об авторе*:**
Цубикова Любовь Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: lkor11@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Tsubikova Lyubov S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lkor11@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 19.06.2023; accepted for publication 15.11.2023

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; принята к публикации 15.11.2023

Научная статья
УДК 070:94(571.1/.5)
doi: 10.17223/19988613/86/12

«Сибирские вопросы» и «Вопросы колонизации»: два взгляда на проблемы переселенческого дела в Российской империи начала XX в.

Вячеслав Вениаминович Шевцов[1], Максим Юрьевич Чупин[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] totleben@yandex.ru
[2] maxim.chupin.1998@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – реконструировать коммуникацию авторов оппозиционных «Сибирских вопросов» и «Вопросов колонизации» Переселенческого управления о проблемах переселенческого дела. Сибирская оппозиция добивалась передачи властных полномочий по колонизационному вопросу окраинному самоуправлению, а чиновники – увеличения финансирования и повышения статуса ведомства. Переселенческому управлению удалось достичь консенсуса с большинством Думы от Европейской России об ориентации переселения на качество, а не количество. Окраинная интеллигенция, вероятно, повлияла на этот консенсус своей критикой.
Ключевые слова: переселение, «Сибирские вопросы», «Вопросы колонизации»

Для цитирования: Шевцов В.В., Чупин М.Ю. «Сибирские вопросы» и «Вопросы колонизации»: два взгляда на проблемы переселенческого дела в Российской империи начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 92–100. doi: 10.17223/19988613/86/12

Original article

“Siberian Questions” and “Questions of Colonization”: two views on issues of resettlement enterprise in Russian Empire in the begging of the XX century

Vyacheslav V. Shevtsov[1], Maxim Yu. Chupin[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] totleben@yandex.ru
[2] maxim.chupin.1998@gmail.com

Abstract. The study focuses on the problem of communication between the opposition-minded Siberian intelligentsia and resettlement officials about the issues of the resettlement enterprise. The aim of the article is to determine the positions of "Siberian Questions" and "Questions of Colonization" in the process of formation and translation of colonization knowledge, to reconstruct the communication between the teams of authors. The communication is reconstructed on the basis of articles of these two publications, service documentation and memoirs of their authors. The article presents the main characteristics of both editions, emphasizing the changes in their character after the first editions. The first issues of the publications combined scientific character and critical attitude to the resettlement policy. But later "Siberian Questions" became more publicistic due to the limitations of the 1905-1907 revolution, and "Questions of Colonization" became more official due to the pressure of the opposition. In their disputes, the authors of the editions appealed to statistical data in different ways and created a negative image of their opponents. The teams of authors differently assessed the colonization capacity of Siberia, the choice of convenient agricultural land, differently characterized the Siberian land management and the impact of resettlement on the local population. The issues of colonization turned out to be not only the issues of economics, but also of power. The experts of both publications fought for the reformatting of the power field and the expression of the interests of the peripheral population. The Siberian opposition sought to transfer power over colonization to peripheral self-government. Officials of the Resettlement administration sought to increase the funding of the agency and raise its status. At the same time, the Resettlement Administration appealed to the State Duma rather than the Tsar in solving state issues. The resettlement officials, relying on the "oktyabristy" of European Russia, managed to reach a consensus with the majority of the Duma on the issues of resettlement financing and orientation on quality rather than quantity. Despite the closure of the Siberian Questions, the peripheral intelligentsia probably influenced this consensus as well.
Keywords: resettlement, “Siberian Questions”, “Questions of Colonization”

© В.В. Шевцов, М.Ю. Чупин, 2023

For citation: Shevtsov, V.V., Chupin, M.U. (2023) “Siberian Questions” and “Questions of Colonization”: two views on issues of resettlement enterprise in Russian Empire in the begging of the XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 92–100. doi: 10.17223/19988613/86/12

Введение

Революция 1905–1907 гг. сопровождалась активизацией периодической печати, посредством которой общественные и политические силы надеялись повлиять на изменения в основных сферах государственного управления, направить решение давно назревших вопросов в практическое русло. Для азиатских окраин Российской империи такими вопросами были переселение и колонизация. Так, на волне общественного подъема было создано два частных издания, объединивших экспертов в этой сфере: «Сибирские вопросы» (1905–1912) и «Вопросы колонизации» (1907–1917).

Первые номера изданий во многом были схожи между собой, но в дальнейшем стали площадками выражения двух противоположных взглядов на переселенческое дело. Вокруг «Сибирских вопросов» консолидировалась оппозиционная сибирская интеллигенция, а вокруг «Вопросов колонизации» – чиновники Переселенческого управления (ПУ). Несмотря на различия в авторском составе, изначально оба периодических сборника выступали с критических позиций, однако избегали полемичности и излишней публицистичности. Первые номера возможно даже оценивать как научные издания. Эксперты обоих площадок заявляли о необходимости «улучшения народной жизни» и «правильной» постановки переселенческого дела. В дальнейшем «Сибирские вопросы» и «Вопросы колонизации» были переформатированы, их авторы вступили друг с другом в полемику, высказывая различные мнения о перспективах развития восточной окраины империи.

Данные издания были востребованы различными исследователями. В.В. Воробьёв, А.Б. Храмцов, К.А. Анкушева, В.В. Гермизеева использовали «Сибирские вопросы» для реконструкции общественно-политической истории Сибири [1. С. 5, 29, 36, 81; 2–4]. Л.Ф. Скляров, В.Г. Тюкавкин – для изучения социально-экономической истории [5. С. 48, 123, 126, 135, 137; 6. С. 16]. Н.С. Зуева, исследуя проблемы переселенческой политики на Дальнем Востоке, представила наиболее развернутую источниковедческую характеристику «Вопросов колонизации» [7]. Реконструкцией экспертного знания на основе данного сборника занимались А.В. Ремнёв, Н.Г. Суворова, В. Сандерленд, А. Масоэро, П. Холквист, С.С. Смирнов, В.Е. Смирнова, Н.Г. Галеткина [8. С. 93; 9. P. 143; 10. P. 59; 11. P. 154; 12. С. 556; 13. С. 175].

По-новому взглянуть на содержание и роль изданий помогло бы их сравнение, а также обращение к коммуникации их авторов между собой в контексте взаимодействия власти и общества, правительства и оппозиции. В этой связи цель настоящего исследования – определить позиции «Сибирских вопросов» и «Вопросов колонизации» в процессе формирования и трансляции колонизационного знания, реконструировать коммуникацию авторских коллективов между собой.

«Сибирские вопросы»: региональное издание о сибирских проблемах

Основателем «Сибирских вопросов» был В.П. Сукачев, наследник династии купцов-золотопромышленников Трапезниковых, меценат, городской голова Иркутска, член ИРГО, ранее причастный к созданию «Восточного обозрения». Редакторами издания в различные периоды были профессор истории, исследователь Сибири П.М. Головачев (1905–1908) и народник, журналист А.И. Иванчин-Писарев (1909–1912). В 1905, 1906 гг. он являлся ежегодником, с 1907 г. выходил еженедельно, как журнал [2. С. 28]. Сборник статей издавался в Петербурге, поскольку в столицах был более благоприятный цензурный режим [4. С. 18]. До 1907 г. «Сибирские вопросы» содержали по большей части научные статьи. С 1907 г. издание приобрело общественно-политический характер, стали публиковаться публицистика и беллетристика. Журнал приобрел полемическую направленность, тогда как первые номера сохраняли относительно нейтральный тон. Измененный вариант журнала мог рассчитывать на более широкую аудиторию, чем специализированное издание, и, следовательно, оказать большее влияние на общественное мнение.

Авторы писали статьи по широкому кругу политических, социально-экономических и культурных проблем Сибири. В журнале разместили свои статьи 15 сибирских депутатов I–IV созывов Государственной Думы – Н.Л. Скалозубов, В.Н. Колокольников, Н.В. Некрасов, Н.Я. Коншин, А.С. Суханов и др. На обложках 1907 г. отмечалось, что «Сибирские вопросы» намерены «помещать находящиеся в распоряжении бывших сибирских депутатов второй Госуд. Думы наказы, письма, обращения и др. документы как материалы, нужные для представителей Сибири в третьей Госуд. Думе» [14]. В журнале также содержались интервью с депутатами сибирской фракции и биографические статьи о них. Издание не позиционировало себя как официальное издание сибирских депутатов, но оно выполняло такую функцию в рамках более широкой площадки выражения общественного мнения Сибири.

В «Сибирских вопросах» был силен региональный, областнический настрой [1. С. 5], выражавшийся в понимании Сибири как отдельного региона с собственными интересами, с которыми не считались Петербургская власть, наезжающие губернаторы и чиновники. Такой региональный подход позволял объединить представителей различных партий (кадетов, эсеров) и беспартийных. Статьи о переселении и колонизации публиковали критически настроенные специалисты: агроном, кадет, депутат II и III созывов Н.Л. Скалозубов; статистик, эсер С.П. Швецов; депутат мусульманской фракции I созыва Думы А. Букейханов; статистик, народник Л.К. Чермак. Два последних автора были участниками степной экспедиции Ф.А. Щербины 1886–1901 гг.

Авторы журнала видели в переселении, осуществляемом Переселенческим управлением, нарушение прав и интересов окраин и считали невозможным эффективное управление страной из единого центра. По мнению окраинной интеллектуальной элиты, адекватно решить переселенческий вопрос (как и другие проблемы Сибири) возможно было только в рамках самоуправления или даже автономии [15]. В качестве источников для своих статей авторы обращались к собственному опыту знакомства с регионом, апеллировали к личным разговорам с местным населением (крестьянами, купцами), мнение которых, в отличие от мнений «наезжающих» чиновников, представлялось более авторитетным и заинтересованным [16]. Авторы издания критически осмысливали статистические данные того же Переселенческого управления, поскольку многие из них сами были профессионалами-статистиками, ранее участвовавшими в государственных исследованиях.

«Вопросы колонизации»: от общественного к полуофициальному изданию переселенческих чиновников

Сборник «Вопросы колонизации» издавался с 1907 по 1917 г., в среднем по 2 выпуска в год, номера входили по мере накопления материала. Тираж первых трех номеров составлял 1 000 экземпляров [17. Л. 1]. Сопоставимый тираж в данное время был у «Трудов Вольного экономического общества» (900 экземпляров) [18. С. 67–69]. и «Лесного журнала» (1–2 тыс. экземпляров), также являвшихся специализированными изданиями [19. С. 136]. Купить сборник можно было по почте и в некоторых магазинах, но бóльшая часть тиража рассылалась руководителям ведомств и их заместителям, членам Государственной Думы, Государственного совета и в основные печатные издания Российской империи [17. Л. 34–37, 70–72]. Журнал позиционировал себя как внепартийный [20], но многие чиновники-авторы «Вопросов колонизации» были «либерально настроенными» [6. С. 16].

Структура издания состояла из: основной части, в которой располагались тематические статьи; хроники, где публиковались вышедшие законодательные акты, стенограммы совещаний, отчеты и статьи о положении переселенческого дела в текущем году; библиографической части; рекламной части. Эксперты ведомства, выступавшие как частные лица, в статьях сборника обосновывали необходимость наделения Переселенческого управления расширенными властными полномочиями, принятия детализированной колонизационной программы.

Чиновники Переселенческого управления, за свой счет издавшие первый номер сборника «Вопросы колонизации» в 1907 г., так же как и сибирская оппозиция, не были довольны положением переселенческого дела. Редактором первого номера выступил народный социалист, бывший чиновник Переселенческого управления О.А. Шкапский, издателем являлся действующий чиновник ПУ ревизор А.В. Успенский. Самокритика ведомства в первом номере была направленна не только на недостатки своей работы, но и на «виттевский» взгляд на переселение как на миграцию обеспеченных хозяев, не нуждавшихся в значительной государственной поддержке. В номере говорилось о недостаточном внимании правительства и общества к положению новоселов на новых местах, нарезке неудобных для хозяйства участков, изъятии у «киргиз» (казахов) орошаемых земель [21. С. 38; 22. С. 237].

Сборник вызвал недовольство главноуправляющего землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Б.А. Васильчикова из-за того, что критическая статья одного из авторов, А.А. Татищева, была использована оппозицией на заседании в Думе «для нападок на деятельность Переселенческого управления» [23. С. 43]. О.А. Шкапский и автор журнала Н.К. Шуман в первом номере также призывали к отказу от принципа частной собственности на землю [21. С. 38, 52], что шло вразрез с позицией Б.А. Васильчикова и целями начинающейся Столыпинской аграрной реформы. Вероятно, критическая позиция О.А. Шкапского обусловила его смещение с редакторского поста и переход в авторский состав «Сибирских вопросов».

Новыми редакторами стали ревизоры Переселенческого управления А.В. Успенский и Г.Ф. Чиркин (№ 2, 3). Номера 4–19 редактировали Г.Ф. Чиркин и Н.А. Гаврилов, № 20 – только Г.Ф. Чиркин [7. С. 15]. Со второго выпуска «Вопросы колонизации» фактически поменяли статус с общественного критического на полуофициальный [11. P. 154], поддерживавший курс правительства и его осуществление Переселенческим управлением: 79% публикаций в основной части журнала написано чиновниками Переселенческого управления, журнал поддерживался субсидией данного ведомства. Вероятно, на смену позиции издания повлияло то, что самокритика активно использовалась оппозицией, на что обращали внимание высшие сановники. При этом отсутствие кардинальных изменений, которые ждали в Сибири, повышало градус критики «Сибирских вопросов», что привело к размежеванию журналов, позиции которых в первых номерах были во многом схожи.

Создание негативного образа оппонента как инструмент дискуссии

Кроме апелляции к статистике и личным наблюдениям, авторы обоих сборников создавали образы друг друга для того, чтобы показать слабость оппонента. Уже в первом выпуске «Вопросов колонизации» в разделе «библиография» автор с инициалами Г.Ч. (вероятно, редактор Геннадий Чиркин) обвинял «Сибирские вопросы» в субъективизме, публицистичности, определяемых «едва ли не личными счетами отдельных авторов» (вероятно, подразумевается Л.К. Чермак) [24. С. 310]. В статье «О задачах колонизационной политики в Сибири» Г.Ф. Чиркин утверждал, что некоторые сибирские депутаты не приводят «сколько-нибудь достаточных статистико-экономических данных», а исходят лишь из своего субъективного отношения к правительственной политике в области переселения [25. С. 8]. Основным аргументом в спорах с оппозиционной печатью служили результаты обширных статистических обследований ведомства.

Наиболее частыми характеристиками, которыми авторы «Сибирских вопросов» наделяли переселенческих служащих, были их бюрократизм, канцелярский характер ведения дел, незнание окраин, петербургоцентризм. О.А. Шкапский сравнивал Переселенческое управление с «крепостниками-помещиками» [26. С. 19]. Автор с псевдонимом «Статистик» называл чиновников, приезжающих в Сибирь на летнюю командировку, «кобылкой» (саранчой), «бичом земледелия», которая вредит крестьянам повинностями, отвлекающими их от работы, и «киргизам» (казахам) – изъятием у них необходимой земли [27. С. 15–17]. «Статистик» также акцентировал внимание на «миллионах рублей, загубленных чиновниками на переселение» [28. С. 25; 29. С. 24].

Колонизационная емкость Сибири и выбор земель для переселенцев

Оба издания стали площадками дискуссий между чиновниками-экспертами Переселенческого управления и оппозиционной сибирской интеллигенцией, думцами Сибирской фракции. Служащие Переселенческого управления к началу XX в. столкнулись с трудностями при нарезке переселенческих участков и оказались «зажаты» между лесными массивами, которые необходимо было вырубать, и местным населением (старожилами и «инородцами»), которые нуждались в значительном земельном просторе ввиду ведения экстенсивного хозяйства. Авторы «Сибирских вопросов» были недовольны землеустроительной политикой в отношении как к переселенцам, так и к старожилам [3. С. 370].

Чиновник ПУ И.В. Введенский вступил в спор с наиболее авторитетным специалистом по колонизации А.А. Кауфманом, автором первого сборника «Сибирских вопросов». Отвечая на его положение 1906 г. о том, «что сибирское переселение при естественном ходе вещей уже не вернется к прежнему размеру», И.В. Введенский обратился к переселенческой статистике последующих лет и отмечал, что прогноз оказался ошибочным [30. С. 48]. Статья И.А. Андронникова «Колонизация Сибири в связи с землеустройством местного населения» содержит ответ на обвинения Н.Л. Скалозубова в искусственном раздувании проблемы произвола в землеустройстве и незаконности занятия старожильческих земель [31].

Заготовка долей в лесных и лесостепных местностях Азиатской России вызвала дискуссию авторов двух изданий, в которую включились бывшие чиновники Переселенческого управления. После смены редакторского состава «Вопросов колонизации» А.В. Успенский опубликовал статью «Действительность, а не мечты», являвшуюся отсылкой к работе А.А. Кауфмана «Мечты и действительность». В ней А.В. Успенский установил, что в местностях Алтайского округа, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области, где велись землеустроительные работы, можно изыскать 1 400 тыс. долей для переселенцев, а также 620 200 долей в местностях этих губерний и областей, где землеустроительные работы не проводились [32. С 18, 20].

Статья вызвала резкую критику Н.Л. Скалозубова, который на страницах «Сибирских вопросов» указывал на неверную методику подсчета «свободных земель» А.В. Успенского, а также на то, что последний не обращал внимание на изотерму года в 0°, проходящую через Тобольск, Красноярск, Баргузинскую тайгу, Нерчинск, Благовещенск, – севернее этой изотермы земледелие считалось неперспективным [33. С. 22, 23]. В ответ А.В. Успенский написал в «Сибирские вопросы» опровержение, в котором сослался на неудачный опыт обращения к изотермам бывшего чиновника Переселенческого управления и первого редактора «Вопросов колонизации» О.А. Шкапского [34. С. 27], что побудило последнего присоединиться к дискуссии [35].

В другой публикации «Сибирских вопросов» О.А. Шкапский выразил сомнение о работе Дальневосточной экспедиции Комитета по заселению Дальнего Востока. По его мнению, пригодность Дальнего Востока для земледельческой колонизации сомнительна, поскольку «...лучшие места [у Благовещенска, Никольска-Уссурийского], по резкому приговору общеземской организации, таковы, что русское земледелие там представляет из себя в значительной степени недоразумение» [26. С. 18]. Он отмечал, что значительные территории региона покрыты болотами, под которыми находится вечная мерзлота, препятствующая их осушению [26. С 12–17].

Другой бывший чиновник Переселенческого управления Ю. Горбатовский оспаривал пригодность для колонизации Баргузинской тайги, также находящейся в пределах вечной мерзлоты [36. С. 11–13]. Вместе с тем он осудил пребывание партии Забайкальско-Манчжурского района в Иркутске, что приводило к «непроизводительным расходам» на передвижение [36. С. 15]. Свою обличающую статью он заканчивал словами: «Миновало то время, когда на службу в переселенческие организации по передвижению шли идейные молодые силы, шли служить народу и помогать российскому землеробу благополучно добраться до места своего назначения» [36. С. 16]. На данную статью А.В. Успенский также ответил опровержением [37].

А. Букейханов, казахский общественно-политический деятель, будущий организатор партии «Алаш», который также являлся участником степной экспедиции А.Ф. Щербины, обвинял правительство в том, что оно «…второпях спешит “колонизовать” урман малоземельными, неспособными к улучшенным способам хозяйства крестьянами» [38. С. 11]. Он писал, что «крестьяне здесь ведут безнадежную борьбу с природою и тянут полуголодное существование» [38. С. 12]. Ситуацию с обратными переселенцами он характеризовал указанием на то, что «...некоторые поселки служат не местом заселения, или, как говорят высоким стилем, “колонизации”, а местом этапа» [38. С. 10].

С целью поиска «земельных излишков» у казахов Степного края в 1986–1901 гг. была проведена экспедиция Ф.А. Щербины. Авторы «Вопросов колонизации», отмечая важное значение этой экспедиции, многократно критиковали ее результаты, призывали к пересмотру установленных ею норм наделов для кочевников, для чего была организована экспедиция во главе

с В.Е. Кузнецовым. В «Сибирских вопросах» Л.К. Чермак, участник первой степной экспедиции Ф.А. Щербины, перед началом повторного обследования одобрял идею продолжения исследований в степи, но опасался, что перед В.Е. Кузнецовым стоит предвзятая цель уменьшения нормы землепользования кочевников, а также сожалел о том, что организаторы экспедиции не пригласили участников первого обследования Ф.А. Щербины [39. С. 17]. Л.К. Чермак критиковал методику подсчетов новых исследований, указывая, что повторное обследование не является сплошным, а результаты исследования волости распространяются на весь уезд. Также он отметил, что экспедиции не учитывали тебеневку лошадей кочевников, господство залежной системы хозяйства у старожилов и аренду у «киргиз» и казаков, которая, на взгляд Л.К. Чермака, являлась показателем нехватки земли у старожилов [40; 41. С. 29, 31, 32]. В.Е. Кузнецов, в свою очередь, ответил на выпады Л.К. Чермака в третьем выпуске «Вопросов колонизации», где, признавая неполноту данных, которая отойдет с продолжением исследований, попытался оспорить аргументы Л.К. Чермака [42].

Сибирское землеустройство и влияние переселения на местное население

По словам авторов «Сибирских вопросов», изъятие земель у старожилов в переселенческий фонд и бюрократическое землеустройство наделов местного населения приводили к малоземелью и безземелью сибирских крестьян [42. С. 50–54]. Н.Л. Скалозубов полагал, что нормы надела старожила недостаточны и что их нельзя «считать российским аршином» из-за разницы в климате, ценах, качестве почв и особенностей земледелия, требующего запаса под пар [44]. Вместе с тем авторы настаивали, что распространение частной собственности на землю в Сибири не является панацеей, непременно повышающей благосостояния населения. В «Сибирских вопросах» печатались опровержения Переселенческого управления по статье 138 цензурного устава – например, опровержение заведующего переселением и землеустройством В.Ю. Григорьева по поводу статьи об ущемлении земельных прав минусинских татар [45].

Чиновники Переселенческого управления признавали ломку сибирского хозяйства [25. С. 8, 9], но обращались к эволюционисткому аргументу и полагали, что надел старожила превышает обеспечение землей в Европейской России, а увеличение плотности и уменьшение земельной нормы местного населения будет стимулировать его эволюцию, переход к более интенсивным и развитым формам хозяйства, требующих меньшего земельного обеспечения [46. С. 13]. При малонаселенности и низкой плотности населения Сибири, по словам А.В. Успенского, «культура и прогресс будут идти черепашьим шагом» [32. С. 18]. Один из основных авторов «Вопросов колонизации» Г.Ф. Гинс писал, что «переселение *оживляет* Азиатскую Россию, каждый новый миллион искусственного прироста уподобляется склянке “живой воды”, возвращающей силы мертвому богатырю» [47. С. 47]. Старожил же считался инертным элементом, от которого не стоило ожидать самостоятельного развития.

Повлиять на смену хозяйственных форм и улучшить благосостояние, по мысли авторов «Вопросов колонизации», помог бы также пример переселенцев, приносящих из мест с большей плотностью населения более развитые формы и приемы хозяйствования: кочевникам-«киргизам» (казахам) – земледелие; трехполье и многополье с применением улучшенных семян и многополье – старожилам и казакам. Переселенец из Европейской России здесь становился культуртрегером, т.е. носителем и распространителем культуры в широком смысле. Таким образом, переселение крестьян на земли местного населения позиционировалось выгодным не только переселенцам, но и местному населению [47. С. 54]. Как итог, оба издания позиционировали себя как выразителей интересов окраинного населения, обосновывали то, что их мероприятия пойдут ему на пользу.

Переселение и сибирское земство

Автор с псевдоним «Статистик» в 1910 г. обозначил итог деятельности Переселенческого управления как «кризис канцелярского переселения», который заключался в сокращении числа переселенцев и росте обратного переселения. Автор видел необходимость коренного преобразования переселенческого дела объединенными силами общества, земства и правительства [28. С. 24]. Многие статьи о переселении, так же как эта публикация, заканчивались требованиями отказа от бюрократической опеки и введения самоуправления. Так, О.А. Шкапский писал о Дальнем Востоке: «…необходимо снять свивальники и выкинуть в мусорную кучу затасканную соску и предоставить окраине возможность самой поработать над созданием новых форм общественной и экономической жизни...» [26. С. 19]. Статистик С.П. Шевцов писал о том, что «...именно область, принимающая переселения, область, в которой образуется земельный переселенческий фонд, сама должна определять, где возможно и необходимо расширить культурную площадь, где именно есть действительные “излишки” земли, которые могут быть выведены из фактического пользования местного поселения» [48. С. 4].

Таким образом, дискуссии касались не только вопросов, какие мероприятия и как нужно проводить, но и того, кто их должен проводить. Переселенческий вопрос оказывался вопросом не только экономики, но и власти. Авторы «Сибирских вопросов» не были против переселения как такового и не стремились его саботировать, но хотели им управлять и регулировать. Переселение как второй по значимости сибирский вопрос после автономии и земств также сводился к вопросу о самоуправлении.

Чиновники Переселенческого управления высказывались по земскому вопросу в печати, и их мнения разнились. По А.В. Успенскому, вопрос о самоуправлении земств преждевременен из-за недостаточной плотности населения [32. С. 18, 28]. Андронников соглашался со Н.Л. Скалозубовым в необходимости со-

здания сибирских земств и их участии в решении переселенческого вопроса, но не был уверен в том, что земства введут в скором времени [31. С. 19, 20]. Г.К. Гинс же считал, что необходимо ввести земское самоуправление в наиболее населенных и развитых Томской и Тобольской губерниях [49. С. 100, 101]. Вместе с тем Переселенческое управление также не было довольно объемом своих полномочий и стремилось к наделению ведомства статусом «управления общеазиатским землеустройством» (проект А.В. Кривошеина) [50. С. 24] или даже Министерства Азиатской России (проект Г.К. Гинса) [48. С. 120].

Итоги дискуссий и их влияние на переселенческое дело

Внешняя критика повлияла на издания переселенческого управления. Н.Л. Скалозубов писал, что Переселенческое управление в 1906 и 1907 гг. отмечало свои недостатки в отчетах, адресованных Государственной Думе: «...еще чувствовались местами искренние нотки. Видно было, что и авторы их болеют несовершенствами дела и хотят их исправить. Теперь ни следа сомнений, неуверенности» [51. С. 18, 19]. Та же ситуация касалась и сборника «Вопросы колонизации», первый номер которого содержал критику переселенческого дела, а последующие, скорее, апологетику ведомства. Подобное изменение, вероятно, связано с острой критикой со стороны думской оппозиции и печати, которая использовала самокритику чиновников для обоснования некомпетентности ведомства и передачи властных полномочий самоуправлению.

Подобная коммуникация приводила к поляризации мнений, невозможности консенсуса между двумя изданиями. Даже когда мероприятия Переселенческого управления соответствовали требованиям авторов «Сибирских вопросов», последние не были удовлетворены из-за того, что, по их мнению, бюрократия не сможет провести данные мероприятия должным образом. Подобное мнение выразил Н.Л. Скалозубов по поводу строительства дорог в Сибири [51. С. 19, 20]. Тем не менее оппозиционная критика переселенческой политики, акцентирование внимания на тяжести положения переселенца могли способствовать принятию курса на качество, а не количество переселения, повышенное финансирование колонизационно-переселенческого дела и помощи переселенцу. Поляризация мнений не позволяла сибирской оппозиции освещать или замечать положительные сдвиги в переселенческом деле, чиновники же, в свою очередь, с трудом могли воспринимать деструктивную критику.

Чиновники Переселенческого управления смогли найти себе союзников-думцев в лице октябристов из Европейской части Российской империи: М.И. Симонова, А.Л. Трегубова, В.А. Потулова. Эти думцы одобряли мероприятия Переселенческого управления по более прочному устройству новоселов, оказанию им дополнительной помощи, их тексты печатались в «Вопросах колонизации» [52. С. 1, 2]. Еще одним союзником стал гласный Черниговского губернского земского собрания А.А. Свечин, чиновники отмечали поддержку ведомства Южнорусской земской переселенческой организации [53]. В результате в 1914 г. смета Переселенческого управления была принята полностью, без сокращений [50. С. 29].

Вероятно, получать повышенное финансирование позволяла констатация экономического роста в местностях, охваченных переселением. В статье «Переселение и колонизация» Г.К. Гинс констатировал «быстрый рост экономической жизни там, где произведен сдвиг с мертвой точки, и картину застоя там, где все пока остается по-прежнему» [49. С. 9]. В частности, отмечался рост маслоделия в 2 раза с 1905 г., промысла рыбы на Енисее и Лене – в 10 раз с 1906 г., количество частных банков удвоилось, быстро развивалось благосостояние переселенца, росло благосостояние киргиз, которые все заметнее переходили к оседлости [49].

Постоянный автор «Сибирских вопросов» Я.Я. Полфёров, публиковавший в них рассказы о тяжелом положении кочевников-казахов, уже после закрытия сибирского журнала напечатал статью в «Вопросах колонизации», в которой он показывал грандиозный рост экономики Сибири и необходимость дальнейших финансовых вложений в регион [54]. Таким образом, не только авторы Переселенческого управления переходили в «Сибирские вопросы», но и оппозиция последнего журнала переходила в «Вопросы колонизации». К 1912 г. «Сибирские вопросы» все чаще стали подвергаться властному давлению, редакторы арестовывались, на издание накладывались штрафы [2], в результате журнал был вынужден закрыться.

Заключение

Таким образом, к революции 1905–1907 гг. постановкой переселенческого дела были недовольны как общественные деятели, так и переселенческие чиновники. Это недовольство выразилось в первых номерах «Сибирских вопросов» и «Вопросов колонизации», которые были во многом похожи в критическом отношении к переселенческой политике. После первых выпусков оба издания подверглись значительной переработке, обнаружив разные взгляды на проблемы переселения и колонизации: с окраин и из центра, со стороны оппозиции и правительства. «Сибирские вопросы» стали более публицистичными, а «Вопросы колонизации» – более официозными.

На переформатирование «Сибирских вопросов» повлияло то, что их требования по распространению земской и судебной реформы не были осуществлены; на изменение характера «Вопросов колонизации» повлияла оппозиционная критика, после которой чиновники ведомства стали реже и осторожнее освещать негативные стороны переселенческого дела. Различающиеся во взглядах эксперты обоих изданий боролись за переформатирование властного поля и выражение интересов окраинного населения. Основная мысль авторов статей о переселении и колонизации «Сибирских вопросов» заключалась в передаче властных полномочий по колонизационному вопросу окраинному самоуправлению, так как, на их взгляд, политика центра по отношению к ним являлась губительной как для

местного населения, так и для переселенцев. Сибирская оппозиция не выступала против переселения как такового, но хотела получить контроль над ним. Резко критическая позиция послужила причиной правительственного давления на издание и его последующего закрытия.

Чиновникам-экспертам «Вопросов колонизации», в свою очередь, удалось добиться перемен в переселенческом деле, достичь консенсуса с большинством Думы по вопросам финансирования и ориентации на качество, а не количество переселения, но более высокого властного статуса и колонизационной программы Переселенческое управление не получило. Этот консенсус был достигнут по большей части между чиновниками центрального ведомства – Переселенческого управления – и думцами от Европейской части Российской империи. Переселенческое ведомство при решении государственных вопросов обращалось не к царю, а к Государственной Думе, что отражало специфику дуалистической монархии Российской империи. Для решения государственных вопросов чиновникам было необходимо договариваться с парламентерами и оспаривать критику их ведомства в печати.

Таким образом, «сибирские вопросы» решались правительственными и общественными деятелями из центра, хотя, вероятно, и окраинная интеллигенция повлияла на этот консенсус. Обращая внимание на тяжесть положения переселенцев и ограниченность колонизационного фонда, она способствовала повышению внимания к переселенческо-колонизационному вопросу и большему финансированию переселенческого дела и помощи переселенцу.

Список источников

1. Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.). Омск : ОмГУ, 2003. 123 с.
2. Храмцов А.Б. Журнал «Сибирские вопросы» об общественно-политической жизни региона в начале XX в. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2010. № 4. С. 28–32.
3. Анкушева К.А. Крестьянское переселение в Сибирь в начале XX века : по материалам журнала «Сибирские вопросы» // Научный диалог. 2022. № 4. С. 357–377.
4. Гермизеева В.В. Обсуждение проблем местного управления на страницах журнала «Сибирские вопросы» // Национальные приоритеты России. 2019. № 2. С. 18–22.
5. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
6. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
7. Зуева Н.С. «Сборник “Вопросы колонизации” о проблемах переселения на Дальний восток» // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 15–18.
8. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.
9. Sunderland V. The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was But Might Have Been // Slavic Review. 2010. Vol. 34 (1). P. 120–150.
10. Masoero A. Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. New Series. 2013. Vol. 14 (1). P. 59–91.
11. Holquist P. In accord with_State... The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration // Slavic Review. 2010. Vol. 69 (1). P. 151–179.
12. Галеткина Н.Г. Язык описания «столыпинских» переселенцев в служебной аналитике Переселенческого ведомства // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 555–573.
13. Смирнов С., Смирнова В. Отечественная историография крестьянской колонизации восточных районов пореформенной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. № 1 (1). С. 172–186.
14. Сибирские вопросы. 1907. № 14. 46 с.
15. Shevtsov V.V., Kharus O.A. Autonomous Siberia in Russia’s Reorganization Projects at the Beginning of the Twentieth Century // Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. 2017. Vol. 16, is. 2. P. 27–43.
16. Скалозубов Н. Казенные хозяйственные операции // Сибирские вопросы. 1910. № 34-35. С. 22–25.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 2143.
18. Акопов А.И. Отечественные специальные журналы 1765–1917. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986. 125 с.
19. Бейлин И.Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М. : Гослесбумиздат, 1962. 158 с.
20. От редакции // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 1, 2.
21. Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 19–52.
22. Татищев А. Землеотводное дело по донесениям заведующих переселенческим делам в районах // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 236–253.
23. Татищев А.А. Земли и люди: в гуще переселенческого движения (1906–1921). М. : Русский путь, 2001. 376 с.
24. Библиография // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 304–310.
25. Чиркин Г. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. 1–37.
26. Шкапский О. Над бездной (о Дальневосточной злобе дня) // Сибирские вопросы. 1910. № 27. С. 12–20.
27. Статистик. Кобылка // Сибирские вопросы. 1910. № 37-38.
28. Статистик. Кризис канцелярского переселения // Сибирские вопросы. 1910. № 31-32.
29. Зайцев Д. Критики и защитники (к вопросу о поземельном землеустройстве в Сибири) // Сибирские вопросы. 1908. № 1. С. 14–24.
30. Введенский И. Переселение и аграрный вопрос // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 1–79.
31. Андроников. Колонизация Сибири в связи с землеустройством местного населения // Вопросы колонизации. [190-?]. № 2. С. 84–119.
32. Успенский Ал. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. [190-?]. № 2. С. 1–28.
33. Скалозубов Н. К вычислению «свободных» земель в Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 08. С. 20–23.
34. Успенсский Ал. Возражение Н.Л. Скалозубову (письмо в редакцию) // Сибирские вопросы. 1908. № 12. С 26–28.
35. Шкапский О. Письмо в редакцию // Сибирские вопросы. 1908. № 13 С. 36–37.
36. Горбатовский Ю. Подготовка переселенческого «рая» в Забайкалье // Сибирские вопросы. 1908. № 2. С. 10–16.
37. Успенский Ал. Письмо в редакцию // Сибирские вопросы. 1908. № 05. С. 36–37.
38. Букейханов А. Переселенцы в тарских урманах // Сибирские вопросы. 1908. № 12. С. 1–9.
39. Чермак Л. Статистическое предприятие Переселенческого управления // Сибирские вопросы. 1907. № 08. С. 16–18.
40. Чермак Л. Новый бюрократический опыт над киргизами // Сибирские вопросы. 1906. № 1. С. 68–76.
41. Чермак Л. Недопустимые статистические приемы // Сибирские вопросы. 1908. № 10. С. 29–32.

42. Кузнецов В. К вопросу об экономическом положении переселенцев в Сибири и Степном крае // Вопросы колонизации. [190-?]. № 3. С. 136–144.
43. Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2 (отд. вып.). С. 49–54.
44. Скалозубов Н. Нормы надела сибирских крестьян // Сибирские вопросы. 1911. № 12. С. 7–14.
45. Опровержение // Сибирские вопросы. 1912. № 11-12. С. 81–90.
46. Шуман Н. К вопросу о землеустройстве и колонизации Сибири // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 3–18.
47. Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» (с 29 иллюстрациями) // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 1–58.
48. Швецов С. Принципы рациональной организации переселения в Сибирь // Сибирские вопросы. 1908. № 12. С. 1–7.
49. Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 92–101.
50. Муганский В. Вопросы колонизации в четвертой Государственной Думе // Вопросы колонизации. 1913. № 13. С. 1–38.
51. Скалозубов Н. Смета переселенческого управления на 1911 год // Сибирские вопросы. 1910. № 36. С. 18–21.
52. Член государственной думы М. Симонов. Очередные задачи колонизации // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С. 1–17.
53. Орлов А. Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела гласного Черниговского губернского земского собрания А.А. Свечина // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 272–276.
54. Полфёров Я. Сибирь и ее возможности // Вопросы колонизации. 1914. № 15. С. 1–26.

References

1. Vorobiev, V.V. (2003) *Liberal'naya periodicheskaya pechat' Sibiri v obshchestvenno-politicheskoy zhizni kraya (1907–1914 gg.)* [Liberal periodicals of Siberia in the socio-political life of the region (1907–1914)]. Omsk: OmSU.
2. Khramtsov, A.B. (2010) Zhurnal “Sibirskie voprosy” ob obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona v nachale XX v. [The magazine “Sibirskie voprosy” about the socio-political life of the region in the early 20th century]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 28–32.
3. Ankusheva, K.A. (2022) Krest'yanskoe pereselenie v Sibir' v nachale XX veka: po materialam zhurnala “Sibirskie voprosy” [Peasant resettlement to Siberia in the early 20th century: On materials from the magazine “Sibirskie voprosy”]. *Nauchnyy dialog*. 4. pp. 357–377.
4. Germizeeva, V.V. (2019) Obsuzhdenie problem mestnogo upravleniya na stranitsakh zhurnala “Sibirskie voprosy” [Discussion of local government problems in “Sibirskie voprosy”]. *Natsional'nye prioritety Rossii*. 2. pp. 18–22.
5. Sklyarov, L.F. (1962) *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reform* [Resettlement and land management in Siberia during Stolypin’s agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University.
6. Tyukavkin, V.G. (2001) *Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
7. Zueva, N.S. (2015) The collection “Questions of colonization” about the problems of resettlement to the Russian Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5. pp. 15–18. (In Russian).
8. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Nauka.
9. Sunderland, V. (2010) The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was But Might Have Been. *Slavic Review*. 34(1). pp. 120–150.
10. Masoero, A. (2013) Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. New Series*. 14(1). pp. 59–91.
11. Holquist, P. (2010) In accord with State... The Technocratic Ideology of Imperial Russia’s Resettlement Administration. *Slavic Review*. 69(1). pp. 151–179.
12. Galetkina, N.G. (2013) Yazyk opisaniya “stolypinskikh” pereselentsev v sluzhebnoy analitike Pereselencheskogo vedomstva [The language of description of “Stolypin” migrants in the service analytics of the Resettlement Department]. In: Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [The Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, spaces, communities]. Irkutsk: Ottisk. pp. 555–573.
13. Smirnov, S. & Smirnova, V. (2002) Otechestvennaya istoriografiya krest'yanskoy kolonizatsii vostochnykh rayonov poreformennoy Rossii [Domestic historiography of peasant colonization of the eastern regions of post-reform Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(1). pp. 172–186.
14. *Sibirskie voprosy*. (1907) 14.
15. Shevtsov, V.V. & Kharus, O.A. (2017) Autonomous Siberia in Russia’s Reorganization Projects at the Beginning of the Twentieth Century. *Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 16(2). pp. 27–43.
16. Skalozubov, N. (1910) Kazennye khozyaystvennye operatsii [Government business operations]. *Sibirskie voprosy*. 34-35. pp. 22–25.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 4. File 2143.
18. Akopov, A.I. (1986) *Otechestvennye spetsial'nye zhurnaly 1765–1917* [Domestic special magazines 1765–1917]. Rostov on Don: Rostov State University.
19. Beylin, I.G. (1962) *Ocherki po istorii lesnykh obshchestv dorevolyutsionnoy Rossii* [Essays on the history of forest societies of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Goslesbumizdat.
20. Anon. (1907) Ot redaktsii [Editorial]. *Voprosy kolonizatsii*. 1. pp. 1, 2.
21. Shkapskiy, O. (1907) Pereselentsy i agrarnyy vopros v Semirechenskoy oblasti [Migrants and the agrarian question in Semirechensk region]. *Voprosy kolonizatsii*. 1. pp. 19–52.
22. Tatishchev, A. (1907) Zemleotvodnoe delo po doneseniyam zaveduyushchikh pereselencheskim delam v rayonakh [Land allocation according to reports from the heads of resettlement affairs in the regions]. *Voprosy kolonizatsii*. 1. pp. 236–253.
23. Tatishchev, A.A. (2001) *Zemli i lyudi: v gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and people: Within the resettlement movement (1906–1921)]. Moscow: Russkiy put'.
24. Anon. (1907) Bibliografiya [Bibliography]. *Voprosy kolonizatsii.* 1. pp. 304–310.
25. Chirkin, G. (1911) O zadachakh kolonizatsionnoy politiki v Sibiri [On the objectives of colonization policy in Siberia]. *Voprosy kolonizatsii*. 8. 1–37.
26. Shkapskiy, O. (1910) Nad bezdnoy (o Dal'nevostochnoy zlobe dnya) [Above the Abyss (about the Far Eastern topic of the day)]. *Sibirskie voprosy*. 27. pp. 12–20.
27. Statistik. (1910a) Kobylka [Locust]. *Sibirskie voprosy*. 37-38.
28. Statistik. (1910b) Krizis kantselyarskogo pereseleniya [Clerical relocation crisis]. *Sibirskie voprosy*. 31-32.
29. Zaytsev, D. (1908) Kritiki i zashchitniki (k voprosu o pozemel'nom zemleustroystve v Sibiri) [Critics and defenders (on the land management in Siberia)]. *Sibirskie voprosy*. 1. pp. 14–24.
30. Vvedenskiy, I. (1909) Pereselenie i agrarnyy vopros [Resettlement and the agrarian question]. *Voprosy kolonizatsii*. 5. pp. 1–79.
31. Andronikov. (190-?) Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s zemleustroystvom mestnogo naseleniya [Colonization of Siberia in connection with land management of the local population]. *Voprosy kolonizatsii*. 2. pp. 84–119.
32. Uspenskiy, Al. (190-?) Deystvitel'nost', a ne mechty [Reality, not dreams]. *Voprosy kolonizatsii*. 2. pp. 1–28.
33. Skalozubov, N. (1908) K vychisleniyu “svobodnykh” zemel' v Sibiri [Towards the calculation of “free” lands in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 8. pp. 20–23.
34. Uspensskiy, Al. (1908) Vozrazhenie N.L. Skalozubovu (pis'mo v redaktsiyu) [Objection to N.L. Skalozubov (letter to the editor)]. *Sibirskie voprosy*. 12. pp. 26–28.
35. Shkapskiy, O. (1908) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Sibirskie voprosy*. 13 pp. 36–37.

36. Gorbatovskiy, Yu. (1908) Podgotovka pereselencheskogo “raya” v Zabaykal'e [Preparation of a resettlement “paradise” in Transbaikalia]. *Sibirskie voprosy*. 2. pp. 10–16.
37. Uspenskiy, Al. (1908) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Sibirskie voprosy*. 5. pp. 36–37.
38. Bukeykhanov, A. (1908) Pereselentsy v tarskikh urmanakh [Migrants in the Tara Urmans]. *Sibirskie voprosy*. 12. pp. 1–9.
39. Chermak, L. (1907) Statisticheskoe predpriyatie Pereselencheskogo upravleniya [Statistical enterprise of the Resettlement Administration]. *Sibirskie voprosy*. 8. pp. 16–18.
40. Chermak, L. (1906) Novyy byurokraticheskiy opyt nad kirgizami [New bureaucratic experience over the Kyrgyz]. *Sibirskie voprosy*. 1. pp. 68–76.
41. Chermak, L. (1908) Nedopustimye statisticheskie priemy [Inadmissible statistical techniques]. *Sibirskie voprosy*. 10. pp. 29–32.
42. Kuznetsov, V. (190-?) K voprosu ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Sibiri i Stepnom krae [On the economic situation of migrants in Siberia and the Steppe region]. *Voprosy kolonizatsii*. 3. pp. 136–144.
43. Zaytsev, D. (1906) K agrarnomu voprosu v Sibiri [On the agrarian issue in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 2 (special issue). pp. 49–54.
44. Skalozubov, N. (1911) Normy nadela sibirskikh krest'yan [Allotment norms for Siberian peasants]. *Sibirskie voprosy*. 12. pp. 7–14.
45. Anon. (1912) Oproverzhenie [Refutation]. *Sibirskie voprosy*. 11-12. pp. 81–90.
46. Shuman, N. (1907) K voprosu o zemleustroystve i kolonizatsii Sibiri [On land management and colonization of Siberia]. *Voprosy kolonizatsii*. 1. pp. 3–18.
47. Gins, G. (1912) Voprosy kolonizatsii Aziatskoy Rossii i “vystavka po pereselencheskomu delu” (s 29 illyustratsiyami) [Issues of colonization of Asian Russia and the “exhibition on resettlement” (with 29 illustrations)]. *Voprosy kolonizatsii*. 11. pp. 1–58.
48. Shvetsov, S. (1908) Printsipy ratsional'noy organizatsii pereseleniya v Sibir' [Principles of rational organization of resettlement to Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 12. pp. 1–7.
49. Gins, G. (1913) Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. *Voprosy kolonizatsii*. 12. pp. 92–101.
50. Muganskiy, V. (1913) Voprosy kolonizatsii v chetvertoy Gosudarstvennoy Dume [Issues of colonization in the Fourth State Duma]. *Voprosy kolonizatsii*. 13. pp. 1–38.
51. Skalozubov, N. (1910) Smeta pereselencheskogo upravleniya na 1911 god [Estimate of the resettlement administration for 1911]. *Sibirskie voprosy*. 36. pp. 18–21.
52. Simomov, M. (1914) Chlen gosudarstvennoy dumy M. Simonov. Ocherednye zadachi kolonizatsii [Member of the State Duma M. Simonov. The next tasks of colonization]. *Voprosy kolonizatsii*. 14. pp. 1–17.
53. Orlov, A. (1911) Otchet o komandirovke v Sibir' dlya oznakomleniya s postanovkoy pereselencheskogo dela glasnogo Chernigovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya A.A. Svechina [Report on a business trip to Siberia to get acquainted with the organization of the resettlement case of the member of the Chernigov provincial zemstvo assembly A.A. Svechin]. *Voprosy kolonizatsii*. 8. pp. 272–276.
54. Polferov, Ya. (1914) Sibir' i ee vozmozhnosti [Siberia and its possibilities]. *Voprosy kolonizatsii*. 15. pp. 1–26.

***Information about the authors*:**
Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru
Чупин Максим Юрьевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: maxim.chupin.1998@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

***Сведения об авторах*:**
Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru
Chupin Maxim Yu. – postgraduate student of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maxim.chupin.1998@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 09.03.2023; accepted for publication 15.11.2023

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/86/13

Позиция Республики Корея по созданию Индо-Тихоокеанского региона в 2008–2022 гг.

Лариса Александровна Андронова[1], Ван Чаолинь[2], Евгений Владимирович Савкович[3]

[1, 2, 3] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] laruka@yandex.ru
[2] wangchaolin@ngs.ru
[3] holly@ngs.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция позиции Республики Корея по отношению к конструированию Индо-Тихоокеанского региона. Выделены факторы, влиявшие и влияющие на позицию Сеула, такие как отношения с США, обновление собственных внешнеполитических концепций, выстраивание сетевого взаимодействия с другими государствами и организациями. Проанализирована «Стратегия для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона», принятая правительством Республики Корея в конце 2022 г.
Ключевые слова: Республика Корея, США, безопасность, Индо-Тихоокеанский регион, альянс

Для цитирования: Андронова Л.А., Ван Чаолинь, Савкович Е.В. Позиция Республики Корея по созданию Индо-Тихоокеанского региона в 2008–2022 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 101–110. doi: 10.17223/19988613/86/13

Original article

The position of the Republic of Korea on the creation of the Indo-Pacific region in 2008–2022

Larisa A. Andronova[1], Wang Chaolin[2], Evgeni V. Savkovich[3]

[1, 2, 3] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] laruka@yandex.ru
[2] wangchaolin@ngs.ru
[3] holly@ngs.ru

Abstract. Most states quite clearly formulated their position on the construction of a new Indo-Pacific region. In the Republic of Korea, this process dragged on; during 2008-2022, one can only note individual statements by government officials regarding this project. The purpose of the article is to determine the factors that influenced the formation of the position of the Republic of Korea in relation to the Indo-Pacific region.

Sources. During the work, a wide range of different sources was involved. Firstly, these are official documents of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, the US Department of State, the Ministry of Foreign Affairs of Japan, etc. Secondly, reports and analytical notes prepared by the US State Department, the US Department of Defense, the US White House Administration, the Administration of the Presidents of the Republic of Korea, the ASEAN Secretariat, etc. were used. Thirdly, the periodicals of Japan, the US, South Korea were considered. In all cases content and event analysis was used.

Conclusion. The following factors which influenced the change in the position of the official authorities of the Republic of Korea in relation to the concept of the Indo-Pacific region can be identified: 1. The role of the key partner of the Republic of Korea - the United States, which over the past years have emphasized the need for a clear articulation of its position within the framework of the proposed Indo-Pacific concept. 2. The format of cooperation with the countries of Northeast Asia, Southeast Asia, Oceania: for a long time, South Korea promoted networking, which did not involve bloc

© Л.А. Андронова, Ван Чаолинь, Е.В. Савкович, 2023

confrontation and implied the possibility of economic, financial, cultural partnership even in the presence of political differences. But the world events of 2022 (SMO and the ongoing gap between the US and China) made it impossible to continue this format in the form promoted by South Korea. 3. The development and presentation of the "Strategy for a Free, Peaceful and Prosperous Indo-Pacific Region", where, as part of determining its own place in the Indo-Pacific region, the Republic of Korea positions itself as a "Global Pivotal State" and proposes "multi-layered and comprehensive approach" for cooperation both with the countries of the region and with non-regional states.
Keywords: Republic of Korea, USA, security, Indo-Pacific Region, alliance

For citation: Andronova, L.A., Wang Chaolin, Savkovich, E.V. (2023) The position of the Republic of Korea on the creation of the Indo-Pacific region in 2008–2022. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 101–110. doi: 10.17223/19988613/86/13

Актуальность

Большинство государств так или иначе достаточно четко сформулировало позицию по поводу конструирования нового Индо-Тихоокеанского региона. В Республике Корея данный процесс затянулся, на протяжении 2008–2022 гг. можно отметить лишь отдельные высказывания государственных деятелей по поводу данного проекта. При этом наибольшую активность проявляли исследователи из США, Австралии, Японии и Индии как непосредственные бенефициары изменения границ Азиатско-Тихоокеанского региона и, собственно, смены названия.

В рамках двусторонних отношений американскую позицию по Индо-Тихоокеанскому региону поддержали следующие страны, объединения и территории: Индия в рамках политики «Действовать на Востоке» (Act East Policy) [1]; Япония в рамках концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» [2]; Австралия в рамках концепции Индо-Тихоокеанского региона [3]; АСЕАН в формате «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион» [4]; неформальное объединение «Партнеры в Голубом Тихом океане» [5]; Тайвань в рамках «Новой южной политики» [6, 7].

В некотором роде процесс был запущен Японией в 2008 г.; принимая во внимание отношения РК и Японии, первая не могла сразу же и однозначно поддержать данную идею. Определенные подходы были очерчены Республикой Корея в рамках «Новой южной политики», и только в 2022 г. правительство выпустило документ «Стратегия для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона» [8].

Некоторые южнокорейские исследователи отмечают определенные изменения во внешней политике РК, а именно движение к созданию собственной инициативы по Индо-Тихоокеанскому региону. Так, планы и стратегии администрации Юна могли быть «ответом на попытки изменения статус-кво в регионе Восточной Азии со стороны КНР, РФ, КНДР» [9]. Это нашло отражение и в общественной позиции по данному вопросу – на президентские выборы Юн Сок Ёль шел с такого рода заявлениями: «Полная и верифицированная денуклеаризация КНДР, нормализация межкорейских отношений, усиление альянса США–РК, а также “революционная” поддержка стремления ответить на любой шаг со стороны КНДР» [10]. Можно также отметить позицию по поводу «укрепления всестороннего стратегического альянса с США, в том числе в составе рабочих групп QUAD, разработку взгляда на архитектуру международных отношениях в АТР, базирующуюся на демократических ценностях, а также восстановление “сильных” связей с КНР» [11. P. 24]. В данном случае можно отметить противоречие, а также определенное внешнее давление, которое как раз и отразилось в более широком контексте, который был определен через отношение к ИТР, хотя предполагалось не занимать четкую негативную позицию по Китаю, а также сконцентрироваться на проблематике Корейского полуострова.

Цель настоящей статьи состоит в определении факторов, повлиявших на формирование позиции Республики Корея по отношению к Индо-Тихоокеанскому региону. Для достижения поставленной цели необходимо, во-первых, охарактеризовать роль США в конструировании Индо-Тихоокеанского региона, во-вторых, выделить ключевые характеристики сетевого взаимодействия Республики Корея со странами Индо-Тихоокеанского региона, в-третьих, выявить позицию Республики Корея по отношению к Индо-Тихоокеанскому региону в рамках принятой «Стратегии для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона» (2022).

Источниковая база и методология

При работе был привлечен широкий круг источников. Во-первых, это официальные документы Министерства иностранных дел Республики Корея, Государственного департамента США, Министерства иностранных дел Японии и пр. По данным источникам можно проследить ключевые элементы государственной позиции в отношении конструирования Индо-Тихоокеанского региона. Во-вторых, использовались отчеты, доклады и аналитические записки, подготовленные Государственным департаментом США, Министерством обороны США, Администрацией Белого дома США, Администрацией Президенты Республики Корея, Секретариатом АСЕАН и пр. В-третьих, рассматривались периодические издания Японии, США, Южной Кореи. Во всех случаях при работе с документами использовался контент- и ивент-анализ.

В адресном приветствии президента Республики Корея Юн Сок Ёля на саммите Республика Корея–АСЕАН, проходившем в ноябре 2022 г., он отметил: «Мы живем в Индо-Тихоокеанскую эру. Здесь находится дом для 65% населения мира, создается более 60% мирового ВВП, а также проходит половина мирового морского транспорта. Мир и стабильность в ИТР напрямую влияют на наше выживание и благосостояние. Вот почему я продолжу поддерживать “свобод-

ный, мирный и процветающий Индо-Тихоокеанский регион", в том числе через солидаризацию и сотрудничество с основными странами, включая страны АСЕАН» [12].

В первом же предложении однозначно фиксировался тот факт, что «Республика Корея является Индо-Тихоокеанской страной» [8. P. 1], а ее интересы сосредоточены именно в новом регионе.

В речи также отмечалась недопустимость «изменения статус-кво силой», что было адресовано Китайской Народной Республике, а также государствам АСЕАН, на форуме которых и проходила встреча. В частности, это относилось к деятельности КНР в Южно-Китайском море и проблематике трансграничных споров. С другой стороны, южнокорейский президент не высказывался негативно непосредственно о Китае, предпочитая абстрактное упоминание Южно-Китайского моря, которое также должно стать «местом мира и благополучия, где должна быть обеспечена свобода навигации, а любая деятельность, приводящая к эскалации, должна быть исключена» [12].

По сути, Юн Сок Ёль повторил позицию своего союзника – Соединенных Штатов, а сама Республика Корея постепенно вовлекалась в пересмотр региональной подсистемы безопасности. В данном случае речь может идти о долгосрочной политике США по созданию и поддержанию в работоспособном состоянии «Тихоокеанской дуги». Собственно, поддержка американской позиции – это и есть позиция РК в территориальном споре по Южно-Китайскому морю, который ведется преимущественно между КНР и странами Юго-Восточной Азии. С другой стороны, корейское правительство не предпринимало шагов по дестабилизации ситуации и не высказывалось однозначно против деятельности Китая в данном регионе.

Некоторые авторы склонны описывать подобную позицию государства как «стратегическую двусмысленность». Данная ситуация продолжалась до февраля 2023 г., когда корейская сторона однозначно встала на сторону США, а эпоха «стратегической двусмысленности» закончилась [13].

Использование новой терминологии для обозначения региона официально начинается в Южной Корее с декабря 2022 г., когда на официальном сайте Правительства Республики Корея под эгидой Министерства иностранных дел появляется документ «Стратегия для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона» [8]. Ключевым элементом, нашедшем отражение в названии, стала приверженность мирному разрешению конфликтов, диалоговой форме сотрудничества, а мир и стабильность в регионе тесно связывались с развитием и процветанием отдельных государств. Терминология в целом повторяла японскую как в период появления «Индо-Тихоокеанского региона», так и в более поздних вариантах «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» периода 2016–2017 гг.[1]

Происходил поиск более широкого партнерства, «основанного на ценностях», к которым можно было отнести те, которые не подходили, например, для развития такого рода отношений с Китаем, в частности условные «идеи демократии». Кроме того, ценности были представлены как «свобода, верховенство закона и уважение прав человека, а также норм международного права», что еще в большей степени фиксировало разрыв с КНР.

Таким образом, была окончательно сформулирована нормативная база внешней политики, в том числе региональной, которая уже существенно расходилась с китайской в рамках условного «выбора сторон» и ключевых противоречий между США и КНР. «Ключевым партнером» в данном случае объявлялись страны и группировка АСЕАН, а форматом для развития экономического сотрудничества – такие организации, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (также известное как ТТП11, или ТТП-11) [14].

Роль США в Индо-Тихоокеанском регионе

Большинство решений государств региона, имеющих с США договоры по безопасности, так или иначе повторяли логику американо-китайского противостояния, начало которого исследователи относят примерно к 2011 г. [15]. Сами решения и даты их официального объявления для различных стран были растянуты во времени между 2008 и 2022 г. и потребовали прихода к власти более лояльных США администраций, а также учета местных реалий. Так как это напрямую затрагивало проблематику безопасности, то предваряло условный «выбор стороны» документальное подтверждение США предыдущих соглашений по безопасности – договоров, а также других созданных на территории каждой отдельной страны или в рамках региона систем – обмена информацией, вовлечения в экономическое сотрудничество и т.д. По сути – укрепление «Тихоокеанской дуги», которую Соединенные Штаты формировали еще после победы коммунистов на материке. В настоящее время продолжает развиваться «Сан-Францисская система», или сетевая структура 'hub-and-spoke' (система «луч-концентратор»)[2], которая выглядит как система альянсов и партнерства США со странами региона, являющимися базовыми для их собственных систем безопасности и внешней политики [16, 17].

Также рассматривалось и изменение формата взаимодействия, который был назван powerplay – фактически асимметричная конструкция или альянс, созданный специально для закрепления американской роли в регионе, максимального контроля со стороны США над действиями «младшего» партнера или союзника [17]. Такое положение приносило определенные выгоды, однако для Республики Корея существенно затрудняло любое начало боевых действий против КНДР, так как высшие южнокорейские военные полностью контролировались американцами. Оно оказалось достаточно эффективным на фоне «холодной войны», но требовало пересмотра после ее окончания.

Происходят интенсификация и диверсификация имеющихся соглашений, в основном для противодей-

ствия Китаю. Частично поэтому в системе соглашений появляется Индия, ее базовая внешнеполитическая концепция поворачивается на восток, а регион выходит за рамки Азиатско-Тихоокеанского и становится Индо-Тихоокеанским. Кроме того, в 2016 г. Индия становится «главным партнером по обороне» (Major Defense Partner) США [18].

Кроме прочего, американская дипломатия предложила для региона так называемый формат «партнерства в малых группах», в частности трехстороннее партнерство в составе США, Японии и Республики Корея, которые фиксировали данную тенденцию, а посредничество США позволяло снизить негатив и двустороннюю напряженность между восточноазиатскими государствами. Помимо этого, обсуждались «тройки» в составе США–Австралия–РК, США–Австралия–Япония, а также четырехсторонний формат Австралия–Япония–Новая Зеландия–РК (АР4) в качестве партнеров НАТО [19]. Обозначались перспективы расширения сотрудничества в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), изначально включавшего в себя Австралию, Индию, Японию и США [9. P. 22].

Китайская медиаплатформа Global Times в апреле 2022 г. выступила решительно против подобного участия, озаглавив публикацию «Южная Корея должна быть осторожной и не стать еще одной пешкой в QUAD» [20]. Также важно отметить публикацию, появившуюся на этом же информационном ресурсе позднее, по итогам совместных учений США с 16 государствами, которые были названы «игрой мускулами» [21].

Американские цели в Индо-Тихоокеанском регионе стали намного понятнее после изданного в 2023 г. специализированного отчета корпорации РЭНД [22]. Артикулировались и обсуждались документы, которые были призваны обозначить позицию США. В частности, это «Стратегия национальной безопасности» в редакции 2017 г., а также «Доклад по Индо-Тихоокеанской стратегии» 2019 г. [23]. В документах появляется Республика Корея, например: «…важнейшим императивом США в регионе является защита союзников США по договорам, в частности Австралии, Японии, Филиппин, Республики Корея и Таиланда» [22. P. 2].

В документе 2019 г. КНДР представлена как «конвенциональная угроза» для Республики Корея и Японии. Кроме того, объясняется роль Американского Индо-Тихоокеанского командования (USINDOPACOM). Акцент сделан на усилении взаимодействия с союзниками, так как именно они выступают «неотъемлемой частью мира и безопасности в регионе, а инвестиции в них в будущем принесут дивиденды не только США, но и всему миру" [23. P. 21]. Также провозглашается поддержка идеи «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

Еще одним документом, опубликованным в 2019 г., стал документ Государственного департамента США, названный «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион: в продолжение общего видения» [24]. Данный документ предшествовал Индо-Тихоокеанскому бизнес-форуму 2019 г. и Восточноазиатскому саммиту в Бангкоке.

В организации и проведении военно-морских учений, в частности совместных с США, принимали участие Япония, Республика Корея и Австралия [25]. Указывая на необходимость такого рода учений, командующий 7-м флотом США вице-адмирал Ф. Сойер отмечал, что «совместные учения четырех сходных по своим устремлениям морских держав обеспечивают безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе и базируются на общих ценностях и общих интересах» [25]. Аналогичного рода учения проводились и в других частях региона. Многими экспертами и политиками отмечается их направленность на противостояние Китаю. Однако, достаточно часто говорилось, что они «не направлены на другие государства».

Сетевое взаимодействие Республики Корея со странами Индо-Тихоокеанского региона

Поддержку для развития отношений предоставляла сама АСЕАН, которая хотела работать в новых условиях и в новой модели и при этом сохранить центральную роль (ASEAN Centrality) в новых форматах. В данном случае Республика Корея рассматривалась как одно из ключевых государств Восточной Азии для формирования новой системы связей и механизмов [26]. Также был определен формат – кроме «партнерства» появляются формулировки «сотрудничество, ориентированное на будущее» (future-oriented) и по аналогии с «устойчивым развитием» – «устойчивое сотрудничество» (sustainable cooperation). Отмечалась отдельная, бóльшая роль РК в АСЕАН (South Korea in the ASEAN centered regional network).

Одной же из важнейших задач Республики Корея в рамках реализации концепции Индо-Тихоокеанского региона и сотрудничества с АСЕАН становится развитие связей с отдельными государствами, в основном секторальные и функциональные связи, которые существовали и развивались и до расширенного варианта сотрудничества. Кроме того, с 2007 г. реализовывалась идея зоны свободной торговли, прошедшая через несколько этапов согласования, от которой также остались механизмы совместной работы [27].

Республика Корея долгое время не была участником сетевого сотрудничества в регионе, а также не приняла участие в формирующихся блоках и организациях типа QUAD. Страна ориентировалась в основном на решение собственных проблем и поддержку альянса США–РК, так как основной угрозой для нее по-прежнему выступала ядерная программа КНДР. Расширение ее роли в регионе стало возможным с приходом к власти новой президентской администрации, произошли сдвиг и некоторое повышение статуса от «младшего» партнера к роли «государства – глобального балансира» (global pivotal state). Также отмечалось, что баланс сил оказывает непосредственное влияние на межкорейский диалог, что было продемонстрировано, например, в формате Шестисторонних переговоров и позиций сторон.

Администрация Юна во многом была вынуждена пройти процедуру самоидентификации и занять какую-то позицию на фоне ухудшения китайско-американ-

ских отношений в регионе и обострения Тайваньской проблемы. Собственно, роль «государства – глобального балансира» так до конца и не описана, в частности ее возможности выступать в качестве посредника, что подразумевается под данным статусом.

Так как долгое время у РК не было региональной стратегии в ИТР, обсуждение проблематики с Соединенными Штатами, а также развитие сетецентричной структуры в регионе без участия РК были затруднены. Произошла определенная фиксация позиции – двустороннее сотрудничество (альянс) с США и изменение роли внешнеполитического актора с пассивной на активную. В данном случае участие в деятельности различных сетевых структур являлось способом проверки того, как работают внутренние и внешние механизмы, условно – как «крутятся шестеренки».

Необходимый уровень взаимодействия с другими элементами сети мог быть определен только в рамках непосредственного взаимодействия. Здесь речь шла преимущественно о многосторонних связях и разных форматах. По сути, государству было необходимо проводить комплексный анализ существующих и необходимых контактов, что вовлекало различные структуры. Кроме прочего, был необходим учет стратегий по ИТР других государств региона. Также необходимо было заложить и «расширение региональных стратегий участников сети» – процесс, одновременно сложный и динамичный.

В регионе присутствовали структуры, которые специально под него создавались, в частности Индо-Тихоокеанская экономическая структура (Indo-Pacific Economic Framework) – инициатива, представленная президентом США Дж. Байденом в мае 2022 г., где в качестве одного из партнеров выступила Республика Корея [28]. Для США данный проект означал усиление влияния в регионе, прежде всего экономического (отмечались в качестве направлений защита американских интересов, рабочей силы, малого и среднего бизнеса, производственных цепочек), но также и военного [28].

Из группировок можно также отметить «Тихоокеанскую четверку» (Pacific Four), или QUAD, «Альянс четырех производителей чипов» (Chip Four) [29], куда предварительно вошли США, Тайвань, Республика Корея и Япония. В рамках данного альянса администрация Юна высказалась следующим образом: «Сеул будет следовать национальным интересам... принимать участие в предварительных встречах, но не поддерживать все идеи [США]» [30].

Постулат, который объединял практически все региональные и внерегиональные группировки, призванные усилить конструирование Индо-Тихоокеанского региона, – «почему-то соглашения по итогам Второй мировой войны в Азии перестали действовать» [31. P. 48–50]. Поэтому нужны новые соглашения по безопасности, форма которых – сетевая, которая бы дополняла систему «луч-концентратор» (hub-and-spokes). Начиная с администрации Б. Обамы, который начал «возвращение США» в регион, в основном усиление взаимодействия осуществлялось в формате совместных учений. Последовавшие стратегические решения имели своей целью именно «возвращение» с использованием разнообразных концепций. В частности, сетевой характер взаимодействия был заложен в формате «Голубых точек» (Blue Dot) [32].

В одной из работ, посвященных взаимодействию Австралии и Республики Корея, рассматривался контекст создания и развития Индо-Тихоокеанского региона как конструкта и новой архитектуры, а также частично была представлена позиция РК. Австралию в данном случае преимущественно интересовали будущее стратегических альянсов и проблема безопасности [31. P. 51–53]. Собственно, участие РК главным образом обеспечивало задачу продолжения стратегии «вовлечения» стран из уже существующих альянсов в новую, более сложную систему связей в ИТР, а именно «трилатериализм, минилатериализм и мультилатерализм»; также важным элементом сотрудничества выступало включение или исключение из отдельных соглашений США [31. P. 49]. Австралия уже принимала участие в создании коалиции против Китая, в данном случае речь шла о возможностях включения в такого рода практику Республики Корея. Для этого в том числе было необходимо наладить потерянный контакт во внешней политике между РК и Японией, чем администрация Юна и начала достаточно активно заниматься. Со своей стороны японских партнеров часто интересовало, почему РК не развивает предложенные варианты сотрудничества [33].

В итоге Юн начал практику гораздо более тесного сближения с Японией, в частности, в марте 2023 г. объявив план о «сотрудничестве, ориентированном в будущее» [33], а для внутреннего дискурса такого рода диалог стал одной из проблем, выразившихся в массовых демонстрациях [33]. В тексте совместных заявлений появляются знакомые формулировки о том, что страны привержены принципам «свободы, мира и благополучия, которые должны распространяться не только на Японию и Республику Корея, но и на весь мир» [33]. С другой стороны, подобные возможности по урегулированию споров появились только в 2022 г., а были реализованы в 2023: в январе стороны заявили о возможностях преодолеть многолетние разногласия и «восстановить двусторонние связи» [34]; в феврале посредником в переговорном процессе выступили США, в итоге три страны подписали «Совместное заявление по итогам трехсторонней министерской встречи» [35]. В итоговом документе подчеркивались договоренности, достигнутые в 2022 г., в частности совместное заявление министров иностранных дел США, Японии и РК от сентября 2022 г. [36] и заявление лидеров в Пномпене в ноябре 2022 г. о возможностях трехстороннего сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе [37]. Также в качестве приоритетов было обозначено сотрудничество с партнерами в Южной части Тихого океана. Таким образом подчеркивалась инклюзивность Индо-Тихоокеанского региона, обозначалась поддержка центральной роли АСЕАН в процессах ИТР, а также поддерживался документ «Обзор АСЕАН по поводу ИТР» [4], принятый в 2021 г. Кроме прочего, стороны высказали поддержку АСЕАН в рамках урегулирования кризиса в Мьянме, а именно «консенсус

пяти пунктов» [38]: «Оставаться вместе, препятствовать любым попыткам изменить статус-кво, поддерживать международное право». В рамках трехстороннего диалога происходили «регулярная координация для безопасности и процветания в будущем, сохранение формата министерских встреч» [36].

При этом сохраняется ряд проблем, которые так и не были решены в формате отношений РК и Японии. Так, соглашения были заключены невовремя (названы в исследовательских работах «таймингом»): проблемы двусторонних отношений продолжали накапливаться и только финансовыми средствами, перечисляемыми японской стороной жертвам Второй мировой войны, не решались. Кроме того, в предшествующий появлению COVID-19 период обострилась проблема лидерства – фактически признав Индо-Тихоокеанскую стратегию, которая первоначально была представлена японской стороной, Республика Корея потеряла возможность бороться с Японией за лидерство.

Вторая проблема – соответствие задач региональных и глобальных стратегий Японии и РК в свете развития отношений с КНР. Во многих случаях данные стратегии искусственно привязывались к внешним проблемам – принадлежности островов Сэнкаку для Японии, статус-кво или возможности влияния на Тайвань, расширения сотрудничества или осуждения каких-то действий материкового Китая. Собственно, через определение места и роли Китая, а также стратегий взаимодействия с Китаем Республика Корея должна была «занять позицию», к чему ее подталкивали и многочисленные «трехсторонние мероприятия» с участием Японии и США;

Третья проблема может быть условно названа «борьбой за коалицию». В данном случае часть общественных структур Республики Корея к расширению сотрудничества с Японией относилась с большим скептицизмом. Кроме того, не очень была понятна роль Республики Корея в сотрудничестве: она оказывалась «младшим партнером» даже для Японии. Вообще при реализации сотрудничества РК с Японией возникали вопросы ответственности и обязательств сторон. Так, если со стороны США обязательства были понятны, то со стороны Японии во многом – только дипломатическая поддержка, нет поддержки в сфере безопасности. США в данном случае предлагали принцип «разделенной ответственности», а также расширение участия – Соединенные Штаты «что-то брали и что-то отдавали взамен».

На рубеже 2022–2023 гг. в отношениях между странами начинается реализация достигнутых договоренностей, в основном за счет уже работающих структур, диалогов и систем обороны и безопасности, совместных учений и «старых договоров» – альянсов. Президент Юн подчеркивал, что расширяющееся южнокорейское сотрудничество с США и Японией обусловлено угрозами со стороны КНДР, и «только таким образом можно их преодолеть» [39]. Причем данная фраза была сказана на церемонии годовщины Первомартовского движения, которое как раз было движением за независимость от Японии в период оккупации 1910–1945 гг.

«Стратегия для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона»

В 2022–2023 гг. администрация Юна начала ускоренно заниматься концептуализацией и институционализацией стратегии по ИТР, которая могла ответить на часть вопросов и снять часть проблем. Собственная идея КР была озвучена и получила название «Дерзкая инициатива» (Audacious Initiative); в ней было предложено разделить диалог с КНДР на три фазы и в итоге добиться полной денуклеаризации [40].

Что касается разработки стратегии, то работа над ней началась сразу же после прихода к власти новой администрации Юна [41]. В качестве модели, или «заявки на участие», была предложена концепция «государства-глобального балансира» (Global Pivotal State). Процесс запустил дискуссию как внутри государства, так и вовне – на региональном уровне, а также вновь поставил вопрос о месте РК в глобальном мире, что было актуально практически для всех предыдущих администраций.

Для РК ИТР выступал в качестве экономически важного региона, в котором находились практически все ключевые партнеры, сотрудничество со странами региона обеспечивало стратегические отрасли и поставки, в том числе ключевых ресурсов, в итоге была сформирована группа стран-производителей полупроводников как одно из перспективных направлений сотрудничества, которая при этом не укладывалась в собственную позицию по «инклюзивности», игнорируя достижения в этой сфере КНР. С точки зрения экономических показателей на ИТР приходилось примерно 78% от общего экспорта Южной Кореи и до 67% импорта [8].

Анализируя базовый документ, «Стратегию» Республики Корея, можно также встретить такие компоненты, как «угрозы безопасности в регионе», «демократия с развитой экономикой», «мирный, свободный, открытый [ИТР]», «основанный на правилах» и ряд других, отражающих базовые подходы США к формированию региона в теории и на практике.

Рассматривая позицию РК по ИТР через призму вызовов и угроз, следует отметить, что в ней не до конца прояснены даже базовые позиции, а именно каким образом и как РК относится к конкуренции «великих держав», гонке вооружений, отсутствию действий по созданию прозрачности и доверия в сферах военных и безопасности. С другой стороны, у Южной Кореи был накоплен достаточно большой негативный опыт по взаимодействию по такого рода проблематике с КНДР, которая была основной точкой приложения любых южнокорейских стратегий, затрагивающих внешнюю политику. Провозглашаются три принципа: инклюзивность; доверие; взаимность. Все принципы были раскрыты и расшифрованы в рамках «Стратегии»: никого не исключая из сотрудничества, «будем работать с любым партнером, открытым как в рамках ИТР, так и в рамках всего мира», нацелены на углубление двустороннего сотрудничества.

В документе ключевым провозглашен «многоуровневый и комплексный подход» (multi-layered and com-

prehensive approach), который раскрывается через систему партнерств с минигруппами, региональными и глобальными организациями в каждом регионе: ЮА, ЮВА, Океания, Европа, Латинская Америка.

Провозглашается поддержка сотрудничества в следующих областях: процессы цифровизации, изменение климата, окружающая среда, здоровье.

Также значительное внимание уделено проблемам безопасности, среди которых не только «традиционные угрозы» – Южно-Китайское море, но и экономическая, морская безопасность и пр. Отдельный акцент сделан на расширении «специального стратегического партнерства с Индией» (ROK-India Comprehensive Economic Partnership Agreement, CEPA) и поддержке «малых государств».

Выводы

Таким образом, можно выделить следующие факторы, повлиявшие на изменение позиции официальных властей Республики Корея по отношению к концепции Индо-Тихоокеанского региона:

1. Роль ключевого партнера РК – Соединенных Штатов, которые на протяжении последних лет подчеркивали необходимость четкой артикуляции своей позиции в рамках предложенной Индо-Тихоокеанской концепции. Изменения в региональном комплексе безопасности (ужесточение внешней политики Северной Кореи, постоянный количественный и качественный рост запусков северокорейских ракет, увеличение военных расходов в Японии и Китае) только способствовали целям Вашингтона.

2. Формат сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии, Океании: долгое время Южная Корея продвигала сетевое взаимодействие, не предполагавшее блокового противостояния и подразумевавшее возможности экономического, финансового, культурного партнерства даже при наличии политических разногласий. Но мировые события 2022 г. (СВО и продолжающийся разрыв по линии США–КНР) сделали невозможным продолжения такого формата в том виде, который продвигала Южная Корея.

3. Разработка и представление «Стратегии для свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона», где в рамках определения собственного места в Индо-Тихоокеанском регионе Республика Корея позиционирует себя в качестве «государства – глобального балансира» (Global Pivotal State) и предлагает «многоуровневый и комплексный подход» для сотрудничества как со странами региона, так и с внерегиональными государствами.

Примечания

[1] В англоязычной литературе терминология получила развитие в виде “Free and Open Indo-Pacific”, или FOIP.
[2] В современном варианте термин чаще используется в информационных и сетевых технологиях.

Список источников

1. India's Act East Policy by Gautam Bambawale, Ambassador of India to Bhutan. URL: https://www.indembthimphu.gov.in/adminpart/uploadpdf/74475Indias%20Act%20East%20Policy.pdf
2. A New Foreign Policy Strategy: “Free and Open Indo-Pacific Strategy” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf
3. The Indo-Pacific and its strategic challenges: An Australian Perspective // The University of Queensland. 2019. Jan. 8. URL: https://www.uq.edu.au/about/chancellor/speeches-and-articles/indo-pacific-and-its-strategic-challenges-australian-perspective
4. ASEAN outlook on the Indo-Pacific. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf
5. Readout of The Partners in the Blue Pacific (PBP) Ministerial. FPC Briefing // U.S. Department of State. 2022. Sept. 22. URL: https://www.state.gov/briefings-foreign-press-centers/readout-of-the-partners-in-the-blue-pacific-ministerial#:~:text=The%20PBP%20is%20a%20new,and%20security%20in%20the%20region.
6. New Southbound Policy Plan // Executive Yuan, the ROC. 2016. Sep. 5. URL: https://english.ey.gov.tw/News_Hot_Topic.aspx?n=D61190201622DA50&sms=B5449820D7077391
7. Huang Kwei-Bo. Taiwan's New Southbound Policy: Background, Objectives, Framework and Limits // UNISCI Journal. 2016. Vol. 46, Jan. URL: http://www.unisci.es/wp-content/uploads/2018/02/UNISCIDP46-3Key-Bopdf.pdf P.47-68
8. Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region // Republic of Korea. Ministry of Foreign Affairs. 2022. 28 Dec. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133
9. Kuyoun Chung. Recalibrating Soth Korea's role and regional network in the Indo-Pacific: An analysis from a network-centered approach // Asian Politics & Policy. 2023. Vol. 15 (1). P. 21–36.
10. Key Policy Tasks Under President Yoon Suk-yeol : Special Report, June 2022 // Invest Korea. 2022. 7 June. URL: https://www.investkorea.org/upload/kotraexpress/2022/06/images/Special_Report.pdf
11. President-elect Yoon Seok-yeol's Policy Directions. 20th Presidential Election of the Republic of Korea, March 2022 // French-Korean Chamber of Commerce and Industry. URL: https://www.fkcci.com/fileadmin/cru-1676881518/coree/docs/20th_Presidential_Election.pdf
12. Kwon Mee-yoo. Yoon signals end to Korea's strategic ambiguity in US-China rivalry // The Korea Times. 2022. Nov. 14. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/11/356_339739.html
13. Scott D. Tilting to US, S Korea ends era of 'strategic ambiguity' // Asia Times. 2023. Feb. 17. URL: https://asiatimes.com/2023/02/tilting-to-us-s-korea-ends-era-of-strategic-ambiguity/
14. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP) // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/cptpp/comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership
15. Jae Jeok Park, Ervin Tan. Exploiting Sino-US Geostrategic Competition: The View from Seoul and Singapore // Asian Studies Review. 2018. Vol. 42(2). P. 1 – 19. doi: 10.1080/10357823.2018.1478799
16. Ping-Kuei Chen. The Prospects of the US Alliance System in Asia: Managing from the Hub // Issues & Studie. 2020. Vol. 56 (03). Art. 2040012.
17. Cha V.D. Powerplay: Origins of the U.S. Alliance Syste, in Asia // Quarterly Journal: International Security. Winter 2009/10. Vol. 34 (3). P. 158–196.
18. U.S. Security Cooperation With India. Fact Sheet // U.S. Department of State. Bureau of Political-Military Affairs. 2021. Jan. 20. URL: https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-india/
19. NATO Asia-Pacific partners (AP4) Leaders' Meeting // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2022. June 29. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/ocn/ki/page1e_000413.html

20. Cheng Xiaohe. S. Korea should be wart of becoming another Quad chess piece // Global Times. 2022. Apr. 11. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202204/1259006.shtml
21. US, Australia lead joint drills to flex muscules, upend regional stability amid tensions in Taiwan Straits // Global Times. 2022. Aug. 19. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202208/1273420.shtml
22. Harold S.W., Beauchamp-Mustafa N., Soo Kim. Assessing the Prospects for Great Power Cooperation in the Indo-Pacific. Santa Monica : RAND Corporation, 2023. 210 p.
23. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region // The Department of Defense. 2019. June 1. URL: https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF
24. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. Report // U.S. Departmet of State. 2019. Nov. 4. URL: https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/
25. U.S., Japan, South Korea, Australia hold first naval drills in Western Pacific // Reuters. 2019. May 23. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-japan-australia-southkorea-idUSKCN1ST0MA
26. Chairman's Statement of the 23rd ASEAN-Republic of Korea Summit. Phnom Pehn, Cambodia // ASEAN official site. 2022. Nov. 11. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/5.-Final-CS-23rd-ASEAN-ROK-Summit.pdf
27. ASEAN-Korea Free Trade Agreement. Jakarta: ASEAN Secretariat // ASEAN official site. 2013. Nov. URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/resources/ASEAN%20Publication/2013%20(11.%20Nov)%20-%20AKFTA.pdf
28. Fact Sheet: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // The White House. 2022. May 23. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/
29. Factsheet: CHIPS and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China // The White House. 2022. Aug. 9. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter-china/
30. What is the Chip4 alliance? // TRTWorld. 2022. Aug. 9. URL: https://www.trtworld.com/business/what-is-the-chip-4-alliance-59586
31. Jiye Kim, Raswant A. Australian perspective on with South Korea in the Indo-Pacific // Asian Politics & Policy. 2023. Vol. 15 (2). P. 48–61.
32. Blue Dot Network // U.S. Department of State. URL: https://www.state.gov/blue-dot-network/#:~:text=The%20Blue%20Dot%20Network%20aims,international%20standards%2C%20laws%20and%20regulations.
33. Yoon Stresses Importance of Future-oriented Cooperation with Japan // The Japan News (Yomiuri Shimbun). 2023. March 8. URL: https://japannews.yomiuri.co.jp/world/asia-pacific/20230308-95866/
34. Kishida and Yoon call for improvement bilateral relations // Japan Times. 2023. Jan. 17. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2023/01/17/national/politics-diplomacy/kishida-yoon-improved-bilateral-ties/
35. Joint Statement on the U.S.-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting. Media Note // U.S. Department of State. 2023. Feb. 13. URL: https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-ministerial-meeting-2/
36. Joint Statement on the U.S. – Japan – Republic of Korea Trilateral Foreign Ministerial Meeting. Media Note // U.S. Department of State. 2022. Sept. 22. URL: https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-foreign-ministerial-meeting/
37. Phnom Pehn Statement on US - Japan - Republic of Korea Trilateral Partnership for the Indo-Pacific // The White House. 2022. Nov. 13. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/phnom-penh-statement-on-trilateral-partnership-for-the-indo-pacific/
38. ASEAN Leaders' Review and Decision on the Implementation of the Five-Point Consensus // Association of Southeast Asian Nations. 2022. Nov. 11. URL: https://asean.org/asean-leaders-review-and-decision-on-the-implementation-of-the-five-point-consensus/
39. S. Korea's Yoon says cooperation with US, Japan key to overcoming N. Korea threats // Reuters. 2023. March 1. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skoreas-yoon-says-cooperation-with-us-japan-key-overcoming-nkorea-threats-2023-03-01/
40. Audacious Initiative // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_25501/contents.do
41. Saha P. Decoding the Republic of Korea's Indo-Pacific Strategy // Observer Research Foundation. 2023. Jan. 06. URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/decoding-the-republic-of-koreas-indo-pacific-strategy/

References

1. India. (n.d.) *India's Act East Policy by Gautam Bambawale, Ambassador of India to Bhutan*. [Online] Available from: https://www.indembthimphu.gov.in/adminpart/uploadpdf/ 74475Indias%20Act%20East%20Policy.pdf
2. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (n.d.) *A New Foreign Policy Strategy: "Free and Open Indo-Pacific Strategy"*. [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf
3. Varghese, P. (2019) The Indo-Pacific and its strategic challenges: An Australian Perspective. *The University of Queensland*. 8th January. [Online] Available from: https://www.uq.edu.au/about/chancellor/speeches-and-articles/indo-pacific-and-its-strategic-challenges-australian-perspective
4. ASEAN. (2019) *ASEAN outlook on the Indo-Pacific*. [Online] Available from: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf
5. U.S. Department of State. (2022) *Readout of The Partners in the Blue Pacific (PBP) Ministerial. FPC Briefing*. 22nd September. [Online] Available from: https://www.state.gov/briefings-foreign-press-centers/readout-of-the-partners-in-the-blue-pacific-ministerial#:~:text=The%20PBP%20is%20a%20new, and%20security%20in%20the%20region.
6. UK. (2016) New Southbound Policy Plan. *Executive Yuan, the ROC*. 5th September. [Online] Available from: https://english.ey.gov.tw/News_Hot_Topic.aspx? n=D61190201622DA50&sms=B5449820D7077391
7. Huang Kwei-Bo. (2016) Taiwan's New Southbound Policy: Background, Objectives, Framework and Limits. *UNISCI Journal*. 46. [Online] Available from: http://www.unisci.es/wp-content/uploads/2018/02/UNISCIDP46-3Key-Bopdf.pdf P.47-68
8. Republic of Korea. Ministry of Foreign Affairs. (2022) *Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region*. 28th December. [Online] Available from: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133
9. Kuyoun Chung. (2023) Recalibrating Soth Korea's role and regional network in the Indo-Pacific: An analysis from a network-centered approach. *Asian Politics & Policy*. 15(1). pp. 21–36.
10. South Korea. (2022) Key Policy Tasks Under President Yoon Suk-yeol: Special Report, June 2022. *Invest Korea*. 7th June. [Online] Available from: https://www.investkorea.org/upload/kotraexpress/2022/06/images/Special_Report.pdf
11. French-Korean Chamber of Commerce and Industry. (2022) *President-elect Yoon Seok-yeol's Policy Directions. 20th Presidential Election of the Republic of Korea, March 2022*. [Online] Available from: https://www.fkcci.com/fileadmin/cru-1676881518/coree/docs/20th_Presidential_Election.pdf
12. Kwon Mee-yoo. (2022) Yoon signals end to Korea's strategic ambiguity in US-China rivalry. *The Korea Times*. 14th November. [Online] Available from: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/11/356_339739.html
13. Scott, D. (2023) Tilting to US, S Korea ends era of 'strategic ambiguity'. *Asia Times*. 17th February. [Online] Available from: https://asiatimes.com/2023/02/tilting-to-us-s-korea-ends-era-of-strategic-ambiguity/

14. Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. (n.d.) *Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP)*. [Online] Available from: https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/cptpp/comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership
15. Jae Jeok Park & Ervin Tan. (2018) Exploiting Sino-US Geostrategic Competition: The View from Seoul and Singapore. *Asian Studies Review*. 42(2). pp. 1–19. DOI: 10.1080/10357823.2018.1478799
16. Ping-Kuei Chen. (2020) The Prospects of the US Alliance System in Asia: Managing from the Hub. *Issues & Studies*. 56(03). Art. 2040012.
17. Cha, V.D. (2009/10) Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System, in Asia. *Quarterly Journal: International Security*. 34(3). pp. 158–196.
18. U.S. Department of State. Bureau of Political-Military Affairs. (2021) *U.S. Security Cooperation With India. Fact Sheet*. 20th January. [Online] Available from: https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-india/
19. Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2022) *NATO Asia-Pacific partners (AP4) Leaders' Meeting*. 29th June. [Online] Available from: https://www.mofa.go.jp/ a_o/ocn/ki/page1e_000413.html
20. Cheng Xiaohe. (2002) S. Korea should be wary of becoming another Quad chess piece. *Global Times*. 11th April. [Online] Available from: https://www.globaltimes.cn/ page/202204/1259006.shtml
21. *Global Times*. (2022) US, Australia lead joint drills to flex muscles, upend regional stability amid tensions in Taiwan Straits. 19th August. [Online] Available from: https://www.globaltimes.cn/page/202208/1273420.shtml
22. Harold, S.W., Beauchamp-Mustafa, N. & Soo Kim. (2023) *Assessing the Prospects for Great Power Cooperation in the Indo-Pacific*. Santa Monica: RAND Corporation.
23. The Department of Defense. (2019) *Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region*. 1st June. [Online] Available from: https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF
24. U.S. Department of State. (2019) *A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. Report*. 4th November. [Online] Available from: https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/
25. *Reuters*. (2019) U.S., Japan, South Korea, Australia hold first naval drills in Western Pacific. 23rd May. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-usa-japan-australia-southkorea-idUSKCN1ST0MA
26. ASEAN. (2022) *Chairman's Statement of the 23rd ASEAN-Republic of Korea Summit*. Phnom Pehn, Cambodia. 11th November. [Online] Available from: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/5.-Final-CS-23rd-ASEAN-ROK-Summit.pdf
27. ASEAN. (2013) *ASEAN-Korea Free Trade Agreement*. Jakarta: ASEAN Secretariat. [Online] Available from: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/resources/ASEAN%20Publication/2013%20(11.%20Nov)%20-%20AKFTA.pdf
28. The White House. (2022a) *Fact Sheet: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity*. 23rd May. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/
29. The White House. (2022b) *Factsheet: CHIPS and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China*. 9th August. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter-china/
30. *TRTWorld*. (2022) What is the Chip4 alliance? 9th August. [Online] Available from: https://www.trtworld.com/business/what-is-the-chip-4-alliance-59586
31. Jiye Kim & Raswant, A. (2023) Australian perspective on with South Korea in the Indo-Pacific. *Asian Politics & Policy*. 15(2). pp. 48–61.
32. U.S. Department of State. (s.n.) *Blue Dot Network*. [Online] Available from: https://www.state.gov/blue-dot-network/#:~:text=The%20Blue%20Dot%20Network% 20aims,international%20standards%2C%20laws%20and%20regulations.
33. *The Japan News (Yomiuri Shimbun)*. (2023) Yoon Stresses Importance of Future-oriented Cooperation with Japan. 8th March. [Online] Available from: https://japannews.yomiuri.co.jp/world/asia-pacific/20230308-95866/
34. *Japan Times*. (2023) Kishida and Yoon call for improvement bilateral relations. 17th January. [Online] Available from: https://www.japantimes.co.jp/news/2023/01/17/ national/politics-diplomacy/kishida-yoon-improved-bilateral-ties/
35. U.S. Department of State. (2023*) Joint Statement on the U.S.-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting. Media Note*. 13th February. [Online] Available from: https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-ministerial-meeting-2/
36. U.S. Department of State. (2022) *Joint Statement on the U.S. – Japan – Republic of Korea Trilateral Foreign Ministerial Meeting. Media Note*. 22nd September. [Online] Available from: https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-foreign-ministerial-meeting/
37. The White House. (2022) *Phnom Pehn Statement on US – Japan – Republic of Korea Trilateral Partnership for the Indo-Pacific*. 13th November. [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/phnom-penh-statement-on-trilateral-partnership-for-the-indo-pacific/
38. Association of Southeast Asian Nations. (2022) *ASEAN Leaders' Review and Decision on the Implementation of the Five-Point Consensus*. 11th November. [Online] Available from: https://asean.org/asean-leaders-review-and-decision-on-the-implementation-of-the-five-point-consensus/
39. *Reuters*. (2023) S. Korea's Yoon says cooperation with US, Japan key to overcoming N. Korea threats. 1st March. [Online] Available from: https://www.reuters.com/ world/asia-pacific/skoreas-yoon-says-cooperation-with-us-japan-key-overcoming-nkorea-threats-2023-03-01/
40. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. (n.d.) *Audacious Initiative*. [Online] Available from: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_25501/contents.do
41. Saha, P. (2023) Decoding the Republic of Korea's Indo-Pacific Strategy. *Observer Research Foundation*. 6th January. [Online] Available from: https://www.orfonline.org/ expert-speak/decoding-the-republic-of-koreas-indo-pacific-strategy/

***Сведения об авторах*:**

Андронова Лариса Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: laruka@yandex.ru

Ван Чаолинь – преподаватель кафедры лингводидактики восточных языков Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wangchaolin@ngs.ru

Савкович Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: holly@ngs.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Andronova Larisa A. – Ph. D. in Modern History, associate professor, Department of Oriental Studies, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: laruka@yandex.ru

Wang Chaolin – Lecturer, Department of Oriental Languages Lingvodidactics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wangchaolin@ngs.ru
Savkovich Evgeni V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: holly@ngs.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 30.03.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 93/94(4+7):321”2005/2021”
doi: 10.17223/19988613/86/14

Образовательные практики по преодолению нацизма в современной Германии (2005–2021 гг.)

Кирилл Николаевич Срек

Томский государственный университет, Томск, Россия, kirill.srek@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена эволюции образовательных практик по преодолению нацизма в современной Германии во время канцлерства А. Меркель. Фокус исследования сосредоточен на анализе двух кейсов – сюжетов, связанных с немецким Сопротивлением и Холокостом. На основании законодательных актов и федеральных постановлений о преподавании истории формулируется вывод о том, что миграционный кризис и последующая актуализация правопопулистских настроений в стране выступили катализаторами для усиления влияния государства на процессы преподавания истории Второй мировой войны в школе.
Ключевые слова: Германия, преодоление нацизма, «Холокост-образование», «Альтернатива для Германии», образовательные практики

Для цитирования: Срек К.Н. Образовательные практики по преодолению нацизма в современной Германии (2005–2021 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 111–117. doi: 10.17223/19988613/86/14

Original article

Educational practices about overcoming Nazism in modern Germany (2005–2021)

Kirill N. Srek

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kirill.srek@rambler.ru

Abstract. The article provides an overview of different educational practices used for overcoming Nazism in modern Germany during Angela Merkel's chancellorship. The main purpose of this research is to analyze two cases about school teaching of the resistant movement in the Third Reich and events of Holocaust. The main steps of the school development of modern Germany are briefly characterized. The key laws about regulation of the school education are analyzed as well. There is a conclusion about the influence of the migration crisis in Germany and growth of the right-wing ideas in the society on the actual agenda of teaching narrative in school about events of Second World War.

The research is based on different materials, such as laws about educational regulation in modern Germany, periodical papers and journals, different sources of German political parties (speeches, reports, agendas, etc), and official materials of different educational structures.

So, in the state system of civic education in Germany, great importance is attached to the dissemination of knowledge about the history of the German anti-Fascist Resistance and the events of Holocaust. Such lessons are very important to create democratic values, developing the ability to independently analyze the political situation, as well as forming a moral condemnation of unacceptable political actions of other people, organizations and the state.

Last year, thanks to the migration crisis, the German political scene witnessed a tremendous development of the right forces. In that case, right-wing political party «The Alternative for Germany» announced, that Germans have already "paid" for their crimes during World War II and therefore should stop reflecting on the historical trauma of the past. In order to prevent distribution and growth of such ideas, the government decided to focus on development of school educational system to provide official point of view about such event as Holocaust.

The development of «Holocaust education» in Germany is an important step towards overcoming the past and shaping the future based on tolerance, understanding and peace. During Angela Merkel's chancellorship there were significant efforts to control the process of school education in order to prevent the recurrence of tragic events and the recovery of the population. During the 2010’s, the government became increasingly involved in educational programs, as seen in the strategy of A. Merkel, who in the last two terms as Chancellor of Germany sought to control the content and methodology of teaching in the school. However, a course on deepening knowledge about the events of the Second World War, chosen by the government of A. Merkel's, also has a number of weak points, associated with oversaturation of students with Holocaust issue content, which can lead to emotional indifference.
Keywords: Germany, overcoming Nazism, «Holocaust-education», «Alternative for Germany», educational practices

© К.Н. Срек, 2023

For citation: Srek, K.N. (2023) Educational practices about overcoming Nazism in modern Germany (2005–2021). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 111–117. doi: 10.17223/19988613/86/14

Введение

Активизация деятельности правопулистских партий, агрессивная риторика западных стран, начало Специальной военной операции России на Украине и последовавшая за этим «отмена» российской культуры за рубежом – все эти события последних лет наглядно демонстрируют наличие ревизионистских течений и идей относительно итогов Второй мировой войны. Разворачивающиеся общественные дискуссии о справедливости послевоенных решений демонстрируют не пережитую до сих пор историческую травму, в том числе затрагивающую феномен нацизма. Попытки обеления и преуменьшения количества жертв данной идеологии получили новый импульс из-за украинских событий. В данном случае речь идет не только об общественной рефлексии, но и о трансляции итогов подобных дискуссий на образовательную сферу. Так, наиболее чувствительной к изменениям в государственной политики и идеологии в отношении нацизма является школа: неокрепшая психика детей и подростков оказывается более восприимчивой к пропаганде, тем самым формируя и закрепляя в сознании граждан определенную коннотацию событий прошлого.

Особый интерес в этой ситуации представляет немецкий опыт. Германия является страной, которая в прошлом пережила нацистскую диктатуру, что оставило неизгладимый след в коллективной памяти немецкого народа. Изучение и передача знаний о нацизме и его последствиях имеет важное значение для преодоления сложившейся исторической травмы среди граждан этой страны. Помимо этого, рассмотрение образовательных практик, которые используются в современной Германии для преодоления нацизма, представляет особый интерес в качестве модели воспитания, позволяющей, с одной стороны, транслировать события прошлого, с другой– стремиться преодолеть сложившуюся историческую травму в коллективной памяти.

Развитие образовательных практик по преодолению исторической травмы нацизма в современной Германии произошло во время канцлерства А. Меркель. Следует отметить, что на протяжении всего периода правления А. Меркель наблюдалась эволюция государственных подходов к отображению нацизма в школьной программе. В этой связи *целью* исследования является выявление образовательных тенденций в современной Германии, направленных на формирование коллективной памяти о нацистском прошлом на примере изучения двух кейсов – германского Сопротивления и «Холокост-образования». Выбор данных примеров обусловлен тем, что они позволяют раскрыть как героические страницы немецкой истории, подчеркивая, что в Германии было свое «сопротивление», так и трагические аспекты, связанные с Холокостом и расистской политикой Третьего Рейха.

Хронологические границы исследования определены периодом канцлерства А. Меркель. Зачастую период с 2005 по 2021 г. в отечественной и зарубежной историографии называют «эрой Меркель», подчеркивая целостность данного периода и лидирующее значение А. Меркель в процессе принятия внешне- и внутриполитических решений [1–5].

Общая характеристика системы образования в ФРГ

Прежде чем переходить к анализу кейсов и их отображению в школьных учебниках и законодательных актах, следует кратко охарактеризовать институциональные основы немецкого образования. В частности, одним из институтов, призванных регулировать процесс преподавания истории в школе, а также ответственных за выработку системы внешкольных мероприятий, направленных на поддержание и сохранение коллективной памяти, является государственная система гражданского образования ФРГ, состоящая из федерального и земельных центров [6].

История государственной системы гражданского образования в Германии начинается с создания «Центрального учреждения информации для тыла» (Zentralstelle für Heimatdienst) в марте 1918 г. [7]. Это агентство было создано с целью информирования и просвещения населения о важности стратегических задач и задержания информации, способствующей распространению вражеской пропаганды. Однако с приходом к власти нацистов Центральное учреждение информации для тыла было ликвидировано, поскольку новый режим использовал пропаганду совсем иного рода. После окончания Второй мировой войны, в ноябре 1952 г., в ФРГ этот центр был воссоздан и получил название «Федеральный центр службы Родине» (Bundeszentrale für Heimatdienst) [8; 9. S. 449; 10].

В 2005 г., с момента вступления А. Меркель на пост канцлера, в данной организации произошли реформы. Прежде всего изменилась цель работы, которая отныне заключалась в объяснении политической обстановки и укреплении демократического сознания среди населения, в особенности в среде подростков и молодежи. Также Федеральный центр начал заниматься информированием по вопросам политики, истории, социокультурных вопросов и социально-политических изменений. В 2021 г., к окончанию канцлерства А. Меркель, функционировало 16 земельных центров гражданского образования на федеральном уровне [11, 12]. Каждый из них занимался методической разработкой, организацией тренингов, семинаров и мероприятий с целью повысить общественное сознание и участие граждан в политической и социальной жизни Германии. Кроме того, данные центры включены в работу с учебными заведениями, проводят исследования и выпускают информационные материалы для широкой аудитории. Филиалы организации посредством конструирования школьной программы изучения истории и активизации «Холокост-образования» играют клю-

чевую роль в формировании общества и поддержании демократических основ государства.

История денацификации в школе: кейс Сопротивление

Приоритетные темы гражданского образования в ФРГ неоднократно менялись в зависимости от обстановки в стране и на международной арене. Начало изучения немецкого Сопротивления в школах было непосредственно связано с формированием государственной системы гражданского образования в 1952 г. На протяжении первого десятилетия данной работы особый акцент делался на изучении и популяризации информации об антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г [8]. В 1960-х гг. интерес общественности Западной Германии к различным аспектам нацистского прошлого усилился в связи с процессом А. Эйхмана, обсуждение которого спровоцировало дебаты в западногерманском обществе о вине и ответственности немцев за нацистские преступления. Отразились данные дискуссии и на школьном образовании. В частности, в 1968 г. правительство, отвечая на запрос бундестага о преподавании в школе истории Третьего Рейха, высказалось в пользу ограничения распространения знаний о национал-социализме и коммунизме, так как обсуждение этих тем вызывало усталость и отвлекало внимание граждан от актуальных задач экономического развития страны [13].

Однако, несмотря на попытки правительства ограничить обсуждение преступлений Третьего Рейха и поиск виноватых, тема нацизма и его последствий остается важной и неотделимой частью немецкой истории. Образовательные программы в ФРГ включали в себя изучение нацистских преступлений и вину Германии в них, чтобы не только предотвратить повторение подобных событий, но и сформировать ответственного гражданина, осознающего историческое наследие страны [6]. Разделение национал-социализма и коммунизма в образовательных программах можно объяснить тем, что в период холодной войны Западная Германия официально участвовала в противостоянии с носителями коммунистической идеологии, в то время как национал-социализм был и считается враждебным режимом, принесшим Германии ужасные последствия.

С наступлением XXI в. работа федеральных и земельных центров гражданского образования в большей степени была посвящена актуальным на тот момент времени социальным тенденциям – борьбе с терроризмом и попыткам интеграции мигрантов и их детей в немецкое общество. В связи с этим отображение нацистского прошлого как в школьных учебниках, так и в стандартах образования претерпевало лишь незначительные изменения. Однако крах политики мультикультурализма и миграционный кризис 2014–2016 гг. способствовали росту правого популизма и радикализма. Подобные настроения в немецком обществе выступили катализатором для дальнейших изменений в государственном стандарте преподавания истории в школе. В частности, с 2015 г. в документах Федерального центра отмечается пожелание увеличения количества часов на уроках истории, посвященных немецкому Сопротивлению [14].

Одним из инструментов взаимодействия Федерального центра со школами является выпуск журнала «Сведения для гражданского образования» [15, 16]. Издание адресовано учителям и школьникам, и его выпуски часто переиздавались с учетом новых знаний и изменений. Так, начиная с 2014 г. все больше внимания со стороны редакционной коллегии журнала уделяется истории антифашистской борьбы в Германии и идеологическим аспектам национал-социализма. В одном из выпусков, который называется «Сопротивление национал-социализму», подробно освещаются история и последствия нацистского режима. Кроме этого, информацию об антифашистской борьбе можно найти и в другом выпуске – «Национал-социализм». Этот экземпляр издания переиздавался несколько раз, что подчеркивает его востребованность в процессе преподавания истории. Впоследствии, с 2015 г., в журнале Федерального центра окончательно закрепляется колонка, повествующая об особенностях преподавания нацистского прошлого в школе.

На протяжении 2015–2021 гг. в данном издании рассматривались различные аспекты деятельности антифашистского Сопротивления, широко освещались мотивы его участников, а также подробно рассказывалось о различных категориях противников нацизма, таких как коммунисты, социал-демократы, профсоюзы, левые социалисты, христиане, молодежь, немецкие евреи и традиционные элиты [6, 14]. Цель ведения такой колонки заключалась в том, чтобы посредством трансляции подобной информации на уроках истории донести до школьников мысль о существовании антигитлеровской борьбы в Германии. Материалы из этого журнала являются важным источником информации для современных учителей и школьников, помогая им понять и осознать исторические события и научиться противостоять подобным идеологиям [6, 14]. Соответственно, у потребителя этих ресурсов невольно создавалось впечатление о размахе антигитлеровской борьбы в Германии, что способствовало бы преодолению исторической травмы нацизма и в дальнейшем, по мнению немецкого правительства, должно было привести к уменьшению ревизионизма и правого радикализма среди немецкой молодежи.

Начиная с 2005 г. регламентация процесса преподавания истории в школе также происходила на местном уровне. В частности, с 2006 г. земельные центры гражданского образования выпускают собственную продукцию – различные книги и периодические издания, в которых содержались рекомендации по преподаванию истории в школе. В особенности подобная регламентация уроков истории была характерна по межвоенному периоду и Второй мировой войне. Так, в большинстве случаев в региональной литературе встречается пожелание к учителю увеличить для школьников объем информации о сопротивлении нацизму в Германии [17]. Следует отметить, что с 2014–2015 гг. наблюдается тенденция сокращения региональных изданий в пользу общегерманских сборников. Такие изменения в подходе к изложению деятельности

нацистских властей в школьной программе демонстрируют все возрастающую заинтересованность правительства в исторической политике. Ряд внешних и внутренних кризисов, в особенности крах мультикультурализма, миграционный кризис и последовавшая за этим «ночь изнасилований в Кёльне», во многом «пошатнули» привычный уклад жизни немцев, продемонстрировав неустойчивость немецкой культуры перед вызовами современности. В связи с этим усиление контроля над преподаванием истории XX в. в школе, а также увеличение числа брошюр и журналов с рекомендациями по преподаванию истории Второй мировой войны представляют собой ответные меры правительства по укреплению коллективной идентичности и национальной культуры современной Германии.

Подтверждает данный вывод и то, что с 2015 г. на сайте Федерального центра, помимо версий печатных изданий, имеется страница, полностью посвященная представителям немецкого Сопротивления, среди которых наиболее активно выделяются С. Шолль и группа «Белая роза» [6, 14]. Подобные электронные ресурсы предоставляют преподавателям необходимые материалы для проведения уроков, связанных с антифашистской борьбой. Важно отметить, что на сайте также доступны специальные видеовыпуски журналов, которые иллюстрируют исторические события, такие как деятельность гестапо, Сталинградская битва, гитлерюгенд, нацистский «народный суд», молодежные группы времен Веймарской республики и геноцид евреев. Данные видеовыпуски представляют собой ценный информационный ресурс для школьников. Они помогают визуализировать исторические события и подробно описывают различные аспекты антифашистской борьбы. Такие уроки способствуют развитию у школьников демократических и гуманистических убеждений, а также позволяют формировать самостоятельную гражданскую позицию [18]. Таким образом, ресурсы, представленные на сайте Федерального центра, содействуют глубокому и осмысленному изучению истории антифашистской борьбы, а также позволяют ученикам развиваться как ответственным членам общества. Создание подобных материалов и ресурсов является важным шагом в формировании гражданской сознательности и подготовке молодого поколения к принятию активной роли в построении демократического общества.

Таким образом, в государственной системе гражданского образования в ФРГ большое значение придается распространению знаний об истории немецкого антифашистского Сопротивления. Данная информация направлена на укрепление демократических ценностей, развитие способностей к самостоятельному анализу политической ситуации, а также на формирование морального осуждения неприемлемых политических действий других людей, организаций и государства. Уроки истории являются ключевым инструментом, используемым учебными заведениями для достижения вышеобозначенных целей. Стоит отметить, что распространение знаний об истории немецкого антифашистского Сопротивления не только способствует формированию демократического образа мышления, но и внушает гражданам готовность действовать в соответствии с их моральными убеждениями, которые подкрепляются идеологическими догмами со стороны государства.

История денацификации в школе: кейс «Холокост-образования»

Другим кейсом, отображающим развитие образовательных практик по преодолению нацизма в современной Германии, является «Холокост-образование». На протяжении всего существования ФРГ «Холокост-образование» было существенным компонентом политики памяти и переосмысления прошлого страны [6]. В период «денацификации и конструктивного осмысления прошлого», с 1970–1980-х гг., «Холокост-образование» оформилось как важная инициатива по преодолению исторической травмы [19]. Изначально термин «Холокост-образование» был введен в научный и образовательный оборот в США, однако впоследствии он получил широкую популярность в немецком обществе. В настоящее время большинство немецких авторов трактуют термин «Холокост-образование» как систему школьных и внеурочных мероприятий, связанных с изучением событий преследования и массового уничтожения евреев на территориях Третьего Рейха [6]. Зачастую, в отличие от предыдущего кейса – изучения в школе немецкого Сопротивления, к «Холокост-образованию» в большей степени относят систему внеурочных мероприятий, включающих в себя посещение памятных мест – концлагерей, мемориалов и постаментов.

В 1990-е гг. «Холокост-образование» рассматривалось правительством страны как противодействие набирающим популярность националистическим и праворадикальным идеям. К этому периоду стоит отнести выработку основных принципов и задач преподавания темы Холокоста в современной Германии, которые были оглашены в Саарбрюккенской декларации Конференции министров образования и культуры о толерантности и солидарности 9 октября 1992 г [20]. Согласно этому документу, основными направлениями «Холокост-образования» стали обеспечение информации о Холокосте, его жертвах и последствиях геноцида на землях Третьего Рейха, изучение других культур, осознание ответственности за сохранение мира, а также укрепление толерантности в целях общей безопасности и солидарности в молодом поколении для противодействия ксенофобии. Эти задачи ставились перед образовательными учреждениями страны, чтобы не только осуществить воспроизведение информации о Холокосте, но и обеспечить формирование толерантного и открытого общества, избежать повторения подобных трагедий в будущем.

С приходом к власти канцлера А. Меркель в 2005 г. «Холокост-образование» в Германии приобрело еще большую значимость. В этот период были разработаны и изданы поурочные материалы «Занятия по национал-социализму и Холокосту» (2005), целью которых являлось регламентирование процесса преподавания в школе истории Холокоста [21]. А. Меркель в рамках

третьего и четвертого своих правительств активно поддерживала и развивала «Холокост-образование». Так, правительством был разработан ряд программ и инициатив, направленных на расширение доступа к «Холокост-образованию», включая организацию специальных семинаров для учителей, создание мастерских и учебных материалов. Также 11 декабря 2014 г. был принят документ «Воспоминания для будущего. Рекомендации к культуре памяти как объект историко-политического образования в школе», который стал основополагающим в преподавании темы Холокоста [22]. Этот документ расширил положения Саарбрюккенской декларации и признал, что культура памяти формируется в результате взаимодействия различных акторов, таких как музеи, театры, архивы, иностранные партнеры и гражданское общество. В нем отмечалось, что содержание и форма памяти могут меняться со временем и должны снова формироваться на основе ценностей и законов. По сути, этот документ подтверждал политическое обязательство Германии сохранить и передать память о Холокосте, а также бороться с ксенофобией и насилием. Он включал конкретные рекомендации для учителей и образовательных учреждений, направленные на расширение и углубление знаний о Холокосте, развитие критического мышления и способности анализировать исторические события [22]. Эта инициатива подчеркивала важность и значимость «Холокост-образования» в современной Германии и продолжала укреплять политику А. Меркель, направленную на сохранение памяти о жертвах Холокоста и формирование толерантного общества.

В данном случае стоит выделить общность тенденций выбранных кейсов: и изучение немецкого Сопротивления, и «Холокост-образование» стали объектами более пристального внимания правительства в контексте иммиграционного вопроса и растущей популярности правопопулистских партий. Во время нарастания внешних и внутренних кризисов правительство А. Меркель сделало акцент на использовании долгосрочных мер по предотвращению радикализации немецкого общества. Обращение к школе и усиление внимания к преподаванию истории представляется долгосрочным вложением, которое в перспективе приведет к сохранению стабильности в немецком обществе. Особое внимание правительства А. Меркель к школе обусловлено тем, что именно школьные уроки истории закладывают мировоззренческие установки подростков, определяя дальнейшее развитие индивида. Соответственно, принятие подобных решений способно заложить основу для дальнейшего устойчивого развития немецкого общества, а также стать новым шагом к преодолению исторической травмы нацизма.

Однако расширение образовательных программ по истории немецкого Сопротивления и «Холокост-образования» высветило ряд проблем, связанных с восприятием и интерпретацией событий Второй мировой войны. В связи с этим следует отдельно выделить обозначившиеся противоречия в реализации программы А. Меркель.

Так, несмотря на усиление государственной позиции в отношении трактовок исторического наследия, на политической арене набирают популярность альтернативные интерпретации. В частности, одной из наиболее популярных политических сил является партия «Альтернатива для Германии», которая полагает, что немцы уже «заплатили» за свои преступления во время Второй мировой войны и поэтому должны перестать рефлексировать над исторической травмой прошлого [6]. Подобные оценки, по сути, нивелируют государственную политику по отношению к преодолению нацизма и способствуют общему «сдвигу вправо» для всего немецкого общества. Помимо этого, популяризация партией «Альтернатива для Германии» идеи «о конце вины» вновь актуализирует вопрос о мировом переустройстве и реформировании системы ООН [23]. По мнению правительства А. Меркель, распространение подобных идей, в особенности среди учащейся молодежи, ведет к пересмотру всей сложившейся системы мировоззрения и провоцирует эмоционально неокрепшую молодежь к дальнейшей эволюции «вправо». Несмотря на то, что государство предпринимает множество шагов во избежание данной ситуации, увеличение «Холокост-образования» в некоторых землях (особенно на юге страны) может дать обратный эффект.

Также к негативным последствиям подобного курса немецкого правительства следует отнести перенасыщение Холокост-контентом [19]. В частности, тема Холокоста широко представлена в различных сферах немецкого общества, включая СМИ, музеи, кино и театр. Она включена в учебные программы и изучается в школах и вузах. Однако постоянное повторение темы Холокоста вызывает психологическую усталость и снижение интереса у школьников, студентов и общества в целом. Ряд обеспокоенных родителей, в особенности на юге страны, полагают, что приоритет «Холокост-образования» может использоваться еврейским сообществом для получения собственных политических и экономических преференций [24]. Подобная позиция со стороны граждан чревата дальнейшим ростом политического радикализма и антисемитизма. В особенности с сохранением повседневного, или вторичного, антисемитизма, который часто остается незаметным для административного регулирования, что, в свою очередь, повышает его опасность для немецкой молодежи. Ежедневные вызовы, с которыми сталкивается немецкое общество (миграционный вопрос, правый популизм и т.д.), подчеркивают необходимость толерантности и уважительного отношения к правам человека. Поэтому уроки Холокоста рассматриваются не только в контексте истории и обществознания, но также в рамках религии, этики и других предметов. Холокост служит примером неприемлемости геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений.

Наконец, к последствиям данного курса стоит отнести мифологизацию деятельности вермахта [19, 25]. Так, в первые годы существования ФРГ научная литература, мемуаристика и популярная культура способствовали созданию нарратива «чистого вермахта», в соответствии с которым военные силы Германии не принимали участия в военных преступлениях и пре-

ступлениях против человечности, сосредоточивая вину исключительно на нацистском руководстве. Этот миф до сих пор находит отклик в повседневной жизни германского общества, поддерживая некоторых людей в их негативных идеях. В особенности подобные настроения распространены среди подростков, находящихся в процессе изучения истории своей страны.

Таким образом, развитие «Холокост-образования» в Германии является важным и неотъемлемым аспектом формирования сознания молодого поколения о прошлом страны. Государство прилагает значительные усилия для контроля над процессом школьного образования, чтобы предотвратить повторение трагических событий и «поправление» населения. На протяжении 2010-х гг. правительство все более активно вмешивалось в образовательные программы, и это видно в стратегии А. Меркель, которая в последние два срока нахождения на посту канцлера Германии стремилась контролировать содержание и методику преподавания в школе. Однако выбранный правительством А. Меркель курс на углубление знаний о событиях Второй мировой войны имеет и ряд недостатков, связанных с перенасыщением учеников Холокост-контентом, что может привести к эмоциональному безразличию и / или поддержке правых сил. В целом, развитие «Холокост-образования» в Германии является важным шагом к преодолению прошлого и формированию будущего на основе толерантности, понимания и мира. Государство, активизируя свою роль в процессе образования, стремится сохранить устойчивость немецкого общества и избежать последующих «сдвигов» в политике вправо.

Заключение

Таким образом, процесс государственного просвещения на тему Второй мировой войны детально проработан в Германии как на федеральном уровне, так и на местах. Однако следует отметить, что в образовании молодого поколения делается акцент на немецком Сопротивлении, жертвенности и героизме немцев. Активизация данных сюжетов на протяжении последних лет демонстрирует, что историческая травма, связанная с нацизмом, так и не была полностью преодолена и отрефлексирована в современной Германии. Кроме того, рост правопопулистских настроений в стране зачастую способствует возникновению ревизионистских сил, которые призывают отказаться от признания нацистского прошлого и утверждают, что страна уже искупила свою вину. В сочетании с нестабильностью во внешней политике, подобные настроения могут привести к опасным и непредсказуемым последствиям.

Список источников

1. Пименова Е.В. Эпоха, которая уходит: какую Германию оставляет Ангела Меркель // Свободная мысль. 2019. № 2 (1674). С. 95–106.
2. Арзаманова Т. Внешнеполитический «апгрейд» Берлинской республики: прощание с эпохой Меркель или поворотный момент истории? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. № 65 (81). С. 2–10.
3. Литвинова Т.И. Современный «Меркелизм» в метафорах немецкого медиаполитического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1 (76). С. 130–133.
4. Тимошенкова Е.П. «Формула власти» канцлера А. Меркель: становление (2005–2013 гг.) // Современная Европа. 2021. № 5. С. 161–171.
5. Максимычев И.Ф. Конец Меркелевской Европы? О предстоящем завершении одной политической карьеры // Перспективы : электронный журнал. 2018. № 4 (16). С. 66–83.
6. Ермаков А.М. Гражданское образование в современной Германии: антифашистский дискурс // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1. С. 44–48.
7. Die Reichszentrale für Heimatdienst 1918–1933. Die Erziehung der Deutschen zum Staat // BPB. URL: https://www.bpb.de/die-bpb/ueber-uns/geschichte-der-bpb/141567/die-reichszentrale-fuer-heimatdienst-1918-1933/ (zugreifen: 14.07.2023).
8. Neuanfang staatlicher politischer Bildung: Die Bundeszentrale für Heimatdienst 1952–1963 // BPB. URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/148220/neuanfang-staatlicher-politischer-bildung-die-bundeszentrale-fuer-heimatdienst-1952-1963/ (zugreifen: 14.07.2023).
9. Endlich S. u.a. Gedenkstätten für die Opfer des Nationalsozialismus. Eine Dokumentation. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2000. Bd. 2. 1009 S.
10. Auf dem Weg zum Verteidigungsministerium: Die Zentrale für Heimatdienst und das “Amt Blank” 1950–1955 // Bundesarchiv. URL: https://www.bundesarchiv.de/DE/Content/Virtuelle-Ausstellungen/Auf-Dem-Weg-Zum-Verteidigungsministerium-Die-Zentrale-Fur-Heimatdienst-Und-Das-Amt-Blank-1950-1955/auf-dem-weg-zum-verteidigungsministerium-die-zentrale-fur-heimatdienst-und-das-amt-blank-1950-1955.html (zugreifen: 14.07.2023).
11. Merkel hits the road for German education offensive // Thelocal. URL: https://www.thelocal.de/20080613/12459 (accessed: 14.07.2023).
12. Merkel ruft “Bildungsrepublik” aus // Faz. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/nationaler-bildungsbericht-merkel-ruft-bildungsrepublik-aus-1545858.html (zugreifen: 14.07.2023).
13. Benz W. Der 20. Juli 1944 und der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung. Thüringen, 2014. 75 S.
14. Journal für politische Bildung // Bap-politischebildung. URL: https://www.bap-politischebildung.de/ueber-das-journal-fuer-politische-bildung/ (zugreifen: 14.07.2023).
15. Bundeszentrale für politische Bildung // BMI. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/behoerden/DE/bpb.html (zugreifen: 14.07.2023).
16. Politische Bildung // BMI. URL: https://www.bmi.bund.de/DE/themen/heimat-integration/gesellschaftlicher-zusammenhalt/politische-bildung/politische-bildung-node.html (zugreifen: 14.07.2023).
17. Хришкевич Т.Г. «Центры NS-Документации» в ФРГ как исторический опыт преодоления прошлого // Метаморфозы истории. 2022. № 25. С. 1–10.
18. Sophie Scholl und die Weiße Rose // BPB. URL: https://www.bpb.de/themen/nationalsozialismus-zweiter-weltkrieg/weisse-rose/ (zugreifen: 14.07.2023).
19. Колесов Д.И., Шиманская О.К. Культура памяти Холокоста в политике денацификации Германии // Современная Европа. 2019. № 4 (89). С. 164–174.
20. Saarbrücker Erklärung der Kultusministerkonferenz zu Toleranz und Solidarität // Kmk. URL: https://www.kmk.org/fileadmin/Dateien/veroeffentlichungen_beschluesse/1992/1992_10_09-Saarbruecker-Erklaerung.pdf (zugreifen: 14.07.2023).
21. Germany: It’s more sensible to invest in education – Chancellor Merkel’s rival // Studyinternational. URL: https://www.studyinternational.com/news/germany-sensible-invest-education-chancellor-merkels-rival/ (accessed: 14.07.2023).
22. Erinnern für die Zukunft. Empfehlungen zur Erinnerungskultur als Gegenstand historisch-politischer Bildung in der Schule // Bildungsserver. URL: https://www.bildungsserver.de/onlineressource.html?onlineressourcen_id=60911 (zugreifen: 14.07.2023).

23. Riebe J. “Wie antisemitisch ist die AfD?” // Netz für digitale Zivilgesellschaft. URL: http://www.netz-gegen-nazis.de/artikel/wie-antisemitisch-ist-die-afd-11021 (zugreifen: 13.07.2023).
24. Scherr A., Schäuble B. “Wir” und “die Juden”: Gegenwärtiger Antisemitismus als Differenzkonstruktion // Berliner Debatte. 2008. Bd 1 (19). S. 1–12.
25. Нацисты в немецком бундесвере // Обзор. URL: http://obzor.press/press/18088-naczistyi-v-nemeczkom-bundesvere (дата обращения: 12.07.2023).

References

1. Pimenova, E.V. (2019) Epokha, kotoraya ukhodit: kakuyu Germaniyu ostavlyaet Angela Merkel' [An era that is passing: What kind of Germany does Angela Merkel leave behind]. *Svobodnaya mysl'*. 2(1674). pp. 95–106.
2. Arzamanova, T. (2022) Vneshnepoliticheskiy “apgreyd” Berlinskoy respubliki: proshchanie s epokhoy Merkel' ili povorotnyy moment istorii? [Foreign policy “upgrade” of the Berlin Republic: Farewell to the Merkel era or a turning point in history?]. *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*. 65(81). pp. 2–10.
3. Litvinova, T.I. (2017) Sovremennyy “Merkelizm” v metaforakh nemetskogo mediapoliticheskogo diskursa [Modern “Merkelism” in the metaphors of German media-political discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10-1(76). pp. 130–133.
4. Timoshenkova, E.P. (2021) “Formula vlasti” kantslera A. Merkel': stanovlenie (2005–2013 gg.) [“The Formula of Power” by Chancellor Angela Merkel: Formation (2005–2013)]. *Sovremennaya Evropa*. 5. pp. 161–171.
5. Maksimychev, I.F. (2018) Konets Merkelevskoy Evropy? O predstoyashchem zavershenii odnoy politicheskoy kar'ery [The end of Merkel's Europe? About the upcoming end of one political career]. *Perspektivy*. 4(16). pp. 66–83.
6. Ermakov, A.M. (2019) Grazhdanskoe obrazovanie v sovremennoy Germanii: antifashistskiy diskurs [Civic education in modern Germany: Anti-fascist discourse]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 1. pp. 44–48.
7. Germany. (n.d.) *Die Reichszentrale für Heimatdienst 1918–1933. Die Erziehung der Deutschen zum Staat*. [Online] Available from: https://www.bpb.de/die-bpb/ueber-uns/geschichte-der-bpb/141567/die-reichszentrale-fuer-heimatdienst-1918-1933/ (Accessed: 14th July 2023).
8. Germany. (n.d.) *Neuanfang staatlicher politischer Bildung: Die Bundeszentrale für Heimatdienst 1952–1963.* [Online] Available from: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/ apuz/148220/neuanfang-staatlicher-politischer-bildung-die-bundeszentrale-fuer-heimatdienst-1952-1963/ (Accessed: 14th July 2023).
9. Endlich, S. (2000) *Gedenkstätten für die Opfer des Nationalsozialismus. Eine Dokumentation*. Vol. 2. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
10. Germany. (n.d.) *Auf dem Weg zum Verteidigungsministerium: Die Zentrale für Heimatdienst und das “Amt Blank” 1950–1955*. [Online] Available from: https://www.bundesarchiv.de/DE/Content/Virtuelle-Ausstellungen/Auf-Dem-Weg-Zum-Verteidigungsministerium-Die-Zentrale-Fur-Heimatdienst-Und-Das-Amt-Blank-1950-1955/auf-dem-weg-zum-verteidigungsministerium-die-zentrale-fur-heimatdienst-und-das-amt-blank-1950-1955.html (Accessed: 14th July 2023).
11. *The Local*. (2008) Merkel hits the road for German education offensive. 13th June. [Online] Available from: https://www.thelocal.de/20080613/12459 (Accessed: 14th July 2023).
12. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. (2008) Merkel ruft “Bildungsrepublik” aus. 12th June. [Online] Available from: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/nationaler-bildungsbericht-merkel-ruft-bildungsrepublik-aus-1545858.html (Accessed: 14th July 2023).
13. Benz, W. (2014) *Der 20. Juli 1944 und der Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung.
14. *Bap-politischebildung. Journal für politische Bildung*. [Online] Available from: https://www.bap-politischebildung.de/ueber-das-journal-fuer-politische-bildung/ (Accessed: 14th July 2023).
15. *Bundeszentrale für politische Bildung. BMI*. [Online] Available from: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/behoerden/DE/bpb.html (Accessed: 14th July 2023).
16. *Politische Bildung. BMI*. [Online] Available from: https://www.bmi.bund.de/DE/themen/heimat-integration/gesellschaftlicher-zusammenhalt/politische-bildung/politische-bildung-node.html (Accessed: 14th July 2023).
17. Khrishkevich, T.G. (2022) “Tsentry NS-Dokumentatsii” v FRG kak istoricheskiy opyt preodoleniya proshlogo [“NS-Documentation Centers” in Germany as a historical experience of overcoming the past]. *Metamorfozy istorii*. 25. pp. 1–10.
18. BPB. (2005) *Sophie Scholl und die Weiße Rose*. [Online] Available from: https://www.bpb.de/themen/nationalsozialismus-zweiter-weltkrieg/weisse-rose/ (Accessed: 14th July 2023).
19. Kolesov, D.I. & Shimanskaya, O.K. (2019) Kul'tura pamyati Kholokosta v politike denatsifikatsii Germanii [The culture of Holocaust memory in the policy of denazification in Germany]. *Sovremennaya Evropa*. 4(89). pp. 164–174.
20. KMK. (1992) *Saarbrücker Erklärung der Kultusministerkonferenz zu Toleranz und Solidarität*. [Online] Available from: https://www.kmk.org/fileadmin/Dateien/veroeffentlichungen_beschluesse/1992/1992_10_09-Saarbruecker-Erklaerung.pdf (Accessed: 14th July 2023).
21. Study International, Reuters. (2017) *Germany: It’s more sensible to invest in education – Chancellor Merkel’s rival*. [Online] Available from: https://www.studyinternational.com/news/germany-sensible-invest-education-chancellor-merkels-rival/ (Accessed: 14th July 2023).
22. Bildungsserver. (n.d.) *Erinnern für die Zukunft. Empfehlungen zur Erinnerungskultur als Gegenstand historisch-politischer Bildung in der Schule*. [Online] Available from: https://www.bildungsserver.de/onlineressource.html?onlineressourcen_id=60911 (Accessed: 14th July 2023).
23. Riebe, J. (2016) *“Wie antisemitisch ist die AfD?”* [Online] Available from: http://www.netz-gegen-nazis.de/artikel/wie-antisemitisch-ist-die-afd-11021 (Accessed: 13th July 2023).
24. Scherr, A. & Schäuble, B. (2008) “Wir” und “die Juden”: Gegenwärtiger Antisemitismus als Differenzkonstruktion. *Berliner Debatte*. 1(19). pp. 1–12.
25. *Obzor*. (n.d.) Natsisty v nemetskom bundesvere [Nazis in the German Bundeswehr]. [Online] Available from: http://obzor.press/press/18088-naczistyi-v-nemeczkom-bundesvere (Accessed: 12th July 2023).

***Сведения об авторе*:**
Срек Кирилл Николаевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск. Россия). E-mail: kirill.srek@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Srek Kirill N. – Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk. Russian Federation). E-mail: kirill.srek@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 17.08.2023; accepted for publication 15.11.2023

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/86/15

Архивные материалы редакции журнала «Коммунист» периода перестройки: источниковедческие дискурсы и социальные аспекты изучения партийной идеологии

Глеб Олегович Ковзик

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, glebkovzik@gmail.com

Аннотация. Анализируются материалы редакции журнала «Коммунист» отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС. Они демонстрируют механизм создания идеологического дискурса и его трансформацию в период перестройки, с 1985 до 1991 г. Различаясь по своему функционалу, они исполняли главную поставленную перед ними задачу: поддержание политического господства КПСС при помощи инструментария культурной гегемонии.
Ключевые слова: теоретический журнал «Коммунист», источниковедение, теоретическая археография, перестройка, история СССР

Для цитирования: Ковзик Г.О. Архивные материалы редакции журнала «Коммунист» периода перестройки: источниковедческие дискурсы и социальные аспекты изучения партийной идеологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 118–128. doi: 10.17223/19988613/86/15

Original article

Archival materials of the journal “Communist” period of “perestroika”: the source research discourses and social aspects of studying the party ideology

Gleb O. Kovzik

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, glebkovzik@gmail.com

Abstract. The article considers one of the ideological apparatuses of the Communist party of the Soviet Union, the theoretical and political journal «Communist» (former «Bolshevik»), which actively participated in the reproduction of discourse during the years of Perestroika. This journal was the foremost among all party journalism in the Soviet Union, whose task was to justify the political course of the country and the political power of the CPSU. A critical analysis of sources in the form of documents of record keeping preserved in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) as a result of the activities of the editorial office of the party journal showed an active process of representation of the finished ideological product. For example, there were comments on Communist party resolutions, political and keynote speeches of the CPSU Central Committee Secretary, as well as the production of their own theoretical concepts, with ideological loyalty to Marxism-Leninism. Among the documents of the editorial board there were mostly minutes and transcripts of the sessions of the editorial board of the journal, as well as correspondence with the editorial staff with Soviet citizens and employees of party and Soviet bodies, and state bodies of the USSR. Archival materials of the party journals «Agitator» and «Partijnaya zhizn» were also used for more qualitative research. The comparative analysis showed that the editorial Board of the journal «Communist» treated document management and recording of meetings of the editorial Board more responsibly, with high quality execution of documents. In addition, the studied sources showed the influence of the personal factor on the process of reproduction of the ideological product in the party journal. In February 1986, the conservative marxist Richard Ivanovich Kosolapov was replaced by a new editor-in-chief, Ivan Timofeevich Frolov. During the year, he was able to lay the fundamental foundations of a new style of work, raised the ideological level of the party journal and actively sought to increase the readership through its exit from the framework of the party and Soviet elite to the youth environment and academic circles. The next editor-in-chief, Nail

© Г.О. Ковзик, 2023

Barievich Bikkenin, generally continued the same style of work of the party journal, and actively supported the policy of deliberateness in editorial, lead and author's articles. He continued to hold in office after the collapse of the State Committee on the State of Emergency in August 1991, when the party journal «Communist» emancipated and became an independent political publication «Free thought» for all left-wing politics.
Keywords: theoretical journal «Communist», source criticism, theoretical archeography, perestroika, history of USSR

For citation: Kovzik, G.O. (2023) Archival materials of the journal «Communist» period of «perestroika»: the source research discourses and social aspects of studying the party ideology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 118–128. doi: 10.17223/19988613/86/15

Официальные каналы репрезентации идеологии в СССР на заключительном этапе его существования несли бремя целого комплекса проблем. Утрата авторитета идей, вложенных в риторику КПСС, стала одной из причин, по которой язык власти в годы перестройки приобрел новое звучание. Этот стиль, который можно смело назвать «сломом идеологического дискурса», до сих пор недостаточно изучен.

Существовали различные пути распространения идеологического дискурса в социальную среду. Однако в исследовании идеологическая работа рассмотрена в фокусе деятельности подчиненных сектору партийной печати органов как наиболее приближенных к фундаментальному основанию всей советской идеологической системы. Для реализации запланированного был детально изучен архивный фонд, посвященный ведущему теоретическому органу Центрального Комитета КПСС – журналу «Коммунист».

Стоит сказать, что «Коммунист» по своему идейному и теоретическому содержанию был первым среди остальных. Будучи своеобразным форвардом в глазах ЦК КПСС, он вел полемику на самых тяжелых участках идеологического фронта. Возникший в 1921 г., в период окончательного утверждения власти большевиков и восстановления экономики, он был нацелен на решение «задач всестороннего политического и культурного воспитания трудящихся» [1]. Изучение источниковой базы журнала позволяет обнаружить, насколько сложным был процесс трансформации как самого партийного периодического органа, так и ортодоксальной идеологии, воспроизводимой им в рамках властного дискурса.

Главной проблемой для исследователя, взявшегося за изучение архивных материалов партийных журналов ЦК КПСС, может стать слабо разработанная критическая библиография. Основная масса отечественных научных работ советского периода имеет презентационный характер и сообщает читателю в целом только о функционале, заданном партийной периодике через соответствующие постановления ЦК КПСС [2–4]. Многие детали истории советской партийной печати в актуальной литературе не отражены, не выделены дискуссионные проблемы и не рассмотрена структурно и в динамике вся печатная идеологическая система.

В Советском Союзе еще на заре зарождения советской власти сложилась собственная, специфическая идеологическая система. В своей деятельности эта система прошла несколько периодов развития, начиная с подпольной издательской деятельности и реорганизации всей печати после завоевания политической власти (с подавлением всех оппозиционных конкурентов) и заканчивая ее распадом на множественные независимые и прошедшие процесс департизации организации [5]. Сама система состояла из множества, говоря научным языком Луи Альтюссера, идеологических аппаратов, – как внутри партийных институтов, так и государственных [6]. Учитывая фактор демократического централизма, переродившегося в бюрократический, неизменно исполнявшегося на всех уровнях государственных и общественных институций, в Москве сосредоточились центральные органы, от которых в союзные республики исходила множественная сеть нижестоящих подотчетных органов [7]. Строго иерархичная структура проникала почти в каждую крупную административно-территориальную единицу, создавая местные организации, однако деструктивные черты бюрократического централизма и политическая монополия КПСС в дальнейшем скажутся на протяжении всего периода реализации перестройки и на судьбе Советского Союза [8, 9].

Идеологические аппараты в зависимости от способа ретрансляции готового идеологического продукта разделялись на различные виды. Весь Советский Союз и его население опутывала сеть, образованная системой информации телевещания, радио, книгопечатной и журнальной продукции, газетной периодики, средствами наглядной агитации и пропаганды. Существовала также разветвленная образовательная сеть партийных учебных заведений, народных университетов [10]. Координация их деятельности велась либо центральными партийными, либо государственными органами власти. В 1970–1980-е гг. основными направляющими документами для идеологических аппаратов партии являлись постановления ЦК КПСС, а для подчиненных государству – постановления Совета министров СССР. За «идейно выверенный» репертуар по телевидению и радио отвечало Гостелерадио, за обширную партийную периодику – сектор партийной печати Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС [11]. Вся печатная продукция, в том числе зарубежная переводная, проходила через органы Главлита и Госкомиздата [12–15]. Единым руководящим центром всех идеологических аппаратов, безусловно, являлись Центральный комитет КПСС и формируемое им Политбюро, владевшие политической властью на протяжении почти всего периода существования Советского государства [16].

Агитпроп, возникший в июне 1920 г. вследствие востребованности упорядочения идеологической деятельности РКП(б) в стране, получил в свое распоряжение функции организации и руководства устной и печатной агитационно-пропагандистской работой [17]. В последующем идеологические аппараты партии

в своей деятельности поддерживались не только политическим господством КПСС и ореолом авторитета ЦК, но и активным содействием силовых служб государства. Практически все время существования Советского Союза имело место противодействие политической оппозиции и инакомыслию, а деятельность внесистемной оппозиции в форме диссидентства находилась под сводом законодательных запретов, уголовных и профилактических наказаний [18].

Ввиду подчиненности ЦК КПСС в деятельности партийных журналов наблюдаются тенденции, определенные внутренней и внешней политикой того времени, изменением соотношения политических элит в высшем руководстве [19]. Процесс распада союзного государства и делегитимации политической власти КПСС, департизация общественных и государственных учреждений спровоцировали дестабилизацию идеологических органов партии, утрату доверия среди населения [20]. Придание автономности общесоюзной прессе спровоцировало эрозию всей идеологической системы в стране, отход от единой теоретико-политической парадигмы в рамках официальной идеологии [21]. Партийная периодика совершила в заключительный период своего существования эмансипацию путем отказа от аффилиации с ЦК КПСС после августовского путча 1991 г.

Особое место среди партийных органов печати занимали газета «Правда» и журнал «Коммунист». Ежедневная газета была главным рупором КПСС и одним из немногих информационных каналов для зарубежных исследователей, пытавшихся извлечь скудные сведения об изменениях во внутренней и внешней политике СССР [22. С. 197]. Помимо этого, она, будучи ежедневной и охватывавшей всю территорию страны, занимала центральное положение в партийной периодике. Однако жанр газеты не подразумевает наличия высокоинтеллектуального продукта и академической полемики, за исключением некоторых случаев. Говоря о источниковедческих особенностях журнальной и газетной периодики, следует указать на миссию первой – это публикации теоретического характера, комментирующие общественную жизнь, вследствие меньшей периодичности журнала.

Партийный журнал «Коммунист» как идеологический аппарат партии приобрел в связи с вышеупомянутым амбивалентный статус. ЦК КПСС наделил его правом играть роль главного теоретико-политического, идеологического ретранслятора, являться ведущей площадкой для партийных вождей и высшего руководства, известных интеллектуалов, зарубежных коллег из стран-сателлитов Центральной и Восточной Европы и Азии, а также представителей дружественных коммунистических и рабочих партий всего мира (деля последнее с де-юре независимым левым политическим журналом «Проблемы мира и социализма»). Однако, помимо задач репрезентации идеологического продукта как средства политической гегемонии КПСС, сотрудники журнала не только воспроизводили, но и самостоятельно конструировали дискурс в рамках заданного теоретического поля, а также возможностей, определенных цензурой. Примером может послужить редакционная передовая статья как представление коллективного мнения редакции по конкретному вопросу. Высокоинтеллектуальный процесс производства нового идеологического продукта, ввиду почти полностью разгромленного к началу 1980-х гг. диссидентского движения в стране и господства политической власти КПСС, практически с самого начала перестройки имел противоречивые результаты [23].

Зарубежные исследователи, как правило, в определении текущего дискурса партийного журнала в годы перестройки ориентировались на личность главного редактора [24. P. 374; 25. P. 49]. Так, Ричард Иванович Косолапов, главред «Коммуниста» в период застоя и на начальном этапе перестройки, оценивался как человек, задававший партийному журналу консервативный стиль, ориентировавшийся на существующую систему социалистического государства и общества без интеграции или конвергенции в них западного опыта [26. P. 199; 27. P. 11].

В мемуаристике можно обнаружить достаточно свидетельств деятельности сотрудников партийного журнала [28–33]. В них, как правило, описываются процесс трансформации «Коммуниста» в новый независимый политический журнал для левых самого разного спектра, вхождение новых лиц в редколлегию, основные планы новых главных редакторов в преобразовании работы редакции. Особо следует упомянуть воспоминания бывшего генерального секретаря М.С. Горбачева, указавшего на «систему тотальной секретности», сковавшей всякую интеллектуальную деятельность на всех уровнях идеологической машины партии.

Библиография наглядно иллюстрирует, что изучение идеологии на «среднем уровне», сквозь призму деятельности множественных идеологических аппаратов, либо затрагивалось в исследованиях поверхностно, либо не исследовалось вовсе. Отдавая предпочтение «верхушке» огромной идеологической машины, исследователи не обладают столь важной детализацией исполнительных процессов, институций и повседневных практик, связанных с властным идеологическим дискурсом.

«Коммунист» явственно выделялся среди четверки привилегированных партийных журналов. Основной фокус в деятельности редакции заключался в идеологическом воспроизводстве и репрезентации официального дискурса КПСС, если точнее, его ЦК. Журнал продолжал сохранять свою лояльность компартии вплоть до августовского путча 1991 г. не только формально, в виде приставки к названию «Теоретический орган ЦК КПСС». «Коммунист» стремился в своих публикациях не допускать резкий уклон (кроме прецедентов, обусловленных известными историческими условиями и решениями сверху). Красноречивым примером негативной редакционной политики является признание главного редактора И.Т. Фролова в политическом и субъективном участии партийного журнала в научной полемике о будущих путях генетики: «Известно, что Дубинин на протяжении многих лет клеймил своих учителей. Все это очень существенно отбросило, затормозило изучение человека. В данном случае журнал “Коммунист” сделал то же самое, что

в свое время было сделано по отношению к кибернетике. Журнал “Коммунист” сделал то же самое по отношению к генетике человека» [34. Л. 71]. На протяжении всего периода перестройки главные редакторы, особенно на этом настаивал Н.Б. Биккенин в период своего руководства журналом, ставили во главу угла объективность (насколько это было возможно, исходя из их культурно-интеллектуального бэкграунда и требований ЦК в отношении идеологической работы), степенность, спокойное обозрение прошлого и реальности советского социума на позициях сначала марксизма-ленинизма, а после – идейности всех левых демократических сил.

В своей публикационной деятельности «Коммунист» акцентировал внимание на статьях и рецензиях, связанных с определенным для него участком «идеологического фронта». В этом смысле партийный журнал как таковой можно причислить к аналитической группе жанровой периодики. Условно его также следует отнести в информационную группу по причине наличия публикаций (в виде авторских и редакционных статей, а также обзоров писем), жестко привязанных к контексту сегодняшнего дня, точно передающих недавний факт и / или явление [35. С. 192].

Материалы редакции журнала сохранились в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Центральное ядро составляет фонд 599, в котором содержатся документы 1946–1991 гг. Фонд 656 является хронологическим продолжением формально уже другого журнала – «Свободная мысль», в котором на момент перерегистрации сохранился весь состав редколлегии за исключением одного человека [36. Л. 3–5]. Источники можно определить как группу делопроизводственных актов, куда входили, во-первых, протоколы и стенограммы заседаний редколлегий как особая разновидность организационно-распорядительной документации и, во-вторых, распорядительная документация в виде приказов по организации.

Отдельный комплекс источников, по содержанию состоящий из документов личного состава (приказы, личные карточки, лицевые счета работников), хранится в ФГБУ «Центральный архив» Управления делами Президента РФ [37]. Архивные материалы были образованы в ходе деятельности Издательства ЦК КПСС «Правда». История их современного местонахождения тесно связана с политической историей, синхронно с процессом департизации и переподчинения республиканскому законодательству правительством РСФСР общесоюзных учреждений.

В основном комплексе делопроизводственной документации, отложившемся в РГАСПИ, сохранилась также корреспонденция, в том числе, помимо рукописей статей, наличествует переписка между редакцией и читателями. Например, в 1985–1986 гг. была собрана подборка писем по созданию единого фронта коммунистов и социалистов в борьбе с капитализмом, о путях развития советского общества и борьбе с бюрократией [38]. Не менее интересным является собранное дело с перепиской редакции журнала с руководящими партийными и советскими органами по результатам проверок, вызванных письмами граждан [39]. Ввиду особенности данного вида источника, фиксации существования потребностей и чаяний «маленького человека» в прошлой действительности, ее массовости и многоликости субъектов коммуникативного акта письма собраны по тематическим блокам.

Еще одна деталь, требующая упоминания: в организационно-распорядительной документации можно столкнуться со дополнительными учетными документами – личными заявлениями сотрудников. Они представлены заявлениями на имя главного редактора с просьбой об увольнении, в основном с формулировкой «в связи с достижением преклонного возраста» [40. Л. 22]. Также кадровые перемены фиксируются в протоколах и стенограммах обсуждения с формулировкой «в связи с переходом на другое место работы» [41. Л. 161]. Данное решение обосновывалось в протоколе «письмом от Инстанции», примером которого может служить письмо Управляющего ЦК Компартии РСФСР тов. Головкова, которое, к сожалению, не сохранилось [42. Л. 47]. Под «Инстанцией» в делопроизводственных документах редакции имелся в виду ЦК КПСС. В одном случае при прочтении стенограммы можно обнаружить факт ознакомления главреда с заявлением сотрудника об увольнении, которое не было подшито в протокол [43. Л. 3]. Следует подчеркнуть, что в отечественной историографии сложилось мнение о феномене «кадровой революции» в период перестройки, и редколлегия «Коммуниста» не могла оказаться в стороне от этого искусственного процесса [16. С. 355].

Особую информационную значимость несут в себе протоколы и стенограммы вследствие их богатой информативности. В аспекте определения делопроизводственной документации мы следуем мнению Л.В. Борисовой: «Документы КПСС, как и документы политических, профессиональных, общественных и творческих организаций этого периода… по своим источниковым параметрам вполне вписываются в рамки делопроизводственных источников как вида, а значит, к ним применимы аналогичные приемы источниковедческой критики» [44. С. 20]. Рассмотрим их более подробно.

Материалы «Коммуниста» за перестроечный период в архиве сохранились, к сожалению, не все: представлены протоколы и стенограммы заседаний редколлегии 1985–1988, 1991 гг., в частичном виде имеется корреспонденция до 1988 г. Имеются также документы после эмансипации журнала (начиная с сентября 1991 г.), которые в работе не рассматриваются ввиду вышеупомянутой причины и объявления в 13-м номере о переформатировании в «независимую площадку для всех левых политических сил» [45. С. 1].

Делопроизводственную документацию следует отнести к типовой: на протяжении всего изучаемого периода формуляр практически не подвергся изменению. Все источники печатные, рукописных документов обнаружено не было. Типовой формат у протокола и стенограммы в начальной части практически не отличался. В верхней части документа имеются выходные данные: номер протокола, дата, список присутствующих членов редколлегии и сотрудников редакции, по-

вестка дня [46. Л. 1, 3]. Далее между протоколом и стенограммой возникают расхождения.

Протокол хранит в себе краткое, де-факто лишь фиксирующее решения редколлегии, информационное сообщение [46. Л. 2]. Структурно вторая часть протокола идет по пунктам с установлением, во-первых, темы повестки (СЛУШАЛИ), где за скобками перечисляются участники дискуссии, и принятого решения (ПОСТАНОВИЛИ), в котором также сообщается о наличии или отсутствии прилагаемой стенограммы обсуждения. В протоколе отсутствуют данные о возникших прениях, различных мнениях по обсуждаемому вопросу. В некоторых случаях такой подход повторяется и в стенограмме, в результате чего данный пункт получается «закрытым» для исследователя. Финальная часть документа отведена под подписи главного редактора и ответственного секретаря журнала. В этом заключается особенность источника – его информационная сжатость, кратко сообщающая о повестке и принятых решениях на заседании редколлегии.

В протоколах нечасто можно обнаружить подпись авторучкой, и в большинстве случае это подпись ответственного секретаря. В подавляющем большинстве случаев главный редактор в изученной совокупности внутренних документов подписи не оставлял. Другое дело – исходящая документация, например подпись в ходатайстве сотрудников редакции о награждении медалью «Ветеран труда» [47. Л. 18]. Пометы на бумаге и в тексте практически отсутствуют.

Стенограмма заседания – ничто иное как информационный клондайк для исследователя. Она представляет собой расширенный протокол с записью обсуждения пунктов повестки заседания. В обсуждении фиксировались ФИО выступающего и высказывание способом прямой речи (см., напр.: [48. Л. 112–135]). Формуляр записи обсуждения был типовым и не изменялся. Фамилия и инициалы печатались с нижним подчеркиванием и сокращенной приставкой «товарищ» (тов. Кадулин В.И.). Информативность данного вида источника многократно превосходит протокольный. Стенографистки на заседании детально записывали происходящее, в том числе моменты, выпадающие из контекста обсуждения (см., напр.: [49. Л. 14–16; 50. Л. 9–21]).

Приблизительно с начала департизации советского государства и общества, введения многопартийного режима в стране качество записи стенограмм упало. Стали чаще допускаться ошибки (в основном пунктуационные, реже орфографические), возникали случаи пропусков высказываний (после записанной фамилии выступающего оставлялась пустая строка). При этом нужно заметить, что данное явление не имело системного характер, однако оно свидетельствует о возможном падении интереса ЦК к собственным партийным журналам.

Стенограммы запечатлели практики повседневного в заседаниях редколлегии: в первой части обсуждений выдвигались кадровые вопросы (если таковые имелись) [41. Л. 68, 72; 49. Л. 35]. Рассматривались также вопросы, связанные, например, с изменениями штатного расписания, оплаты труда, открытия и закрытия ставок, премирования и удовлетворения социально-бытовых нужд работников [42. Л. 6, 73; 51. Л. 76]. Основная же часть стенограммы отводилась под рассмотрение присланных рукописей статей (либо статей, подготовленных самими работниками журнала). В конце под заголовком «Разное» или «Информация» предоставлялось место под обсуждение планов на следующие номера или заслушивание дополнительной информации от главного редактора [50. Л. 28; 52. Л. 152–153]. Часто последним пунктом пользовался главный редактор И.Т. Фролов, сообщая сотрудникам информацию, полученную в ЦК, или давая специальные поручения, например по запуску новой тематической рубрики.

К 1991 г. в структуре стенографических протоколов и стенограмм произошли изменения: начало заседания отводилось под небольшой обмен мнениями об опубликованных номерах и реакции читательской аудитории, а также ситуации с будущими номерами [51. Л. 48–49, 88; 53. Л. 62]. В имеющихся архивных документах начиная с весны 1991 г. сотрудники отмечали острый дефицит присланных рукописей. Данный факт свидетельствует об угасании интереса к партийному журналу, решившему не изменять своим принципам и продолжившему редакционную политику на позициях левой политической мысли [48. Л. 135, 169]. Лишь после августовского путча ГКЧП, как было сказано выше, журнал определил себя как трибуну для всех политических левых.

В некоторых случаях такая детализированная запись доходила до курьезных моментов, вызывающих эмоциональный отзыв. Если в одном случае один из участников заседания в пылу страстей бросал крепкое слово, то в другом, гораздо менее лицеприятном, произошел зафиксированный стенограммой продолжительный конфликт редколлегии с одним из ее членов, закончившийся его увольнением.

Судя по всему, в архив были отправлены заверенные копии протоколов и стенограмм. Это можно объяснить тем, что в фондах нет документов с подписью главного редактора, представлены лишь дубликаты, черновые копии с орфографическими и пунктуационными ошибками либо копии с масштабными правками и вводом новой информации в текст документа. Помимо этого, многие протоколы и стенограммы имеют подпись (авторучкой с синими чернилами) ответственного секретаря редколлегии [49. Л. 133]; при этом подписи за весь период имеют одинаковый образ и не изменяются со временем. Посторонние подписи в конце протоколов и стенограмм, выполненные наискось или же с записью даты и без инициалов, отсутствуют.

Это не дает полноценного ответа на вопрос о достоверности фактов, сообщаемых исследователю. Решение данной задачи возможно при определении цели создания изучаемых видов делопроизводственной документации. Более того, когда в предметном поле исследования оказывается идеология, исследовательская процедура различения идеи от факта, рассуждения собственного и рассуждения искаженного превращается в трудоемкую и затруднительную. Здесь следует

упомянуть понятие «силовой заданности», данное В.П. Козловым, при подготовке документа [54. С. 80].

Перестройка – это многомерный процесс, сложившийся в результате полувекового опыта строительства советской модели государства и общества. Исторический контекст эпохи принуждал элиты к поиску новых решений выхода из системного кризиса. Перестройка не была исключительно революционным сломом устоявшихся социальных практик, менталитета «хомо советикус», хотя надо заметить, что высшее руководство в своих речах к этому понуждало и поощряло, говоря о «психологической перестройке». Уже достаточно известным в науке сюжетом стала кадровая революция, совершенная в изучаемый период. Перемены затронули практически все социально важные институции, экономические отношения и их фундаментальный базис, разрушили устоявшуюся политическую систему и ее практики; единственным «различительным маркером» стало время, к которому произошла смена руководящего состава и / или сотрудников.

На начало перестройки главредом журнала «Коммунист» являлся Ричард Иванович Косолапов. Эту должность он занимал 10 лет. За 1985–1986 г. партийный журнал не претерпел кардинальных изменений. Шло ортодоксальное транслирование идей государственной идеологии. Разбавлением данного процесса являлась публикация научно-популярных статей. Типическими чертами обсуждений рукописей были, во-первых, формальный и незаинтересованный подход к текстам, во-вторых, преобладание охранительных настроений и, соответственно, адаптирующая под них редакционная правка [55]. Однако было бы несправедливым не упомянуть попытки осмысления, а также решения новой задачи, поставленной перед партийным журналом. Чаще всего обсуждение перестройки шло в русле замечаний об инерции партии, общества, конкретных личностей.

Это продолжалось вплоть до марта 1986 г., когда вместо Р.И. Косолапова «Инстанция» назначила Ивана Тимофеевича Фролова. В течение года, пока «Инстанция» не перевела И.Т. Фролова в редакцию газеты «Правда», новый главред провел резкие, сложные, но необходимые изменения. И.Т. Фролов вел кипучую деятельность на всех участках, стремясь разрушить сложившийся за десятилетия барьер в виде внешнего языкового компромисса в сфере идеологии и реальной практики (по А. Безансону) [56. С. 239]. Протоколы фиксировали обсуждение рабочих, кадровых вопросов, информирование о совещаниях в ЦК. Главред произносил большие речи, по сути напоминающие доклады, с ремарками собственного мнения о предмете обсуждения.

В его время ушли на пенсию «по собственному желанию» наиболее пожилые сотрудники – Р. Вид и др. Вместо них были приглашены новые, в частности из редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Были привлечены новые авторы с текстами на актуальные темы. Примером может служить статья Т. Заславской «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость», вызвавшая настоящий фурор и бурную реакцию читательской аудитории [57. С. 61–73]. Подытоживая результаты собственных преобразований, И.Т. Фролов сказал: «23 февраля уже год прошел с тех пор, как я пришел в журнал. Я хорошо помню, как я был встречен, какая была обстановка в редакции. Сейчас обстановка иная. А тогда, фигурально выражаясь, я был в состоянии готовности принять нож в спину. Такие ощущения у меня, видимо, были не без оснований. Я потратил много нервных, душевных сил для того, чтобы многих переубедить, доказать, что не надо заниматься обелением того, что было» [49. Л. 127–128].

После прихода главного редактора Наиля Бариевича Биккенина стиль обсуждения рукописей статей на заседаниях редколлегии существенно не изменился. Стоит отметить, что поначалу новый руководитель неактивно участвовал в обсуждении, довольствуясь краткими лаконичными замечаниями. Вероятность того, что его речь в документе не фиксировалась стенографистом, крайне мала. С течением времени Н.Б. Биккенин стал играть деятельную роль при обсуждении рукописей статей.

На время последнего главного редактора выпали архисложные события. Советский Союз подступал к заключительной фазе своего существования. К сожалению, отсутствует возможность полностью воссоздать картину обсуждения редколлегией тех драматических лет – не все документы дошли до нас. За 1989 и 1990 гг. в архив не поступили материалы стенографических отчетов и протоколов заседаний редколлегии.

К 1991 г. журнал «Коммунист» произвел множественные изменения, общим итогом которых стало осознание себя как публичной площадки для новых сформировавшихся идейных течений левого толка на всем советском пространстве. Ход дискуссии изменился. Старые идеологические конструкты и штампы перестали проявляться в речах участников. И если на 1985 г. можно с уверенностью назвать «Коммунист» одним из «идейных мечей» компартии, хранившим в себе всю мощь ортодоксального марксистско-ленинского учения, то в 1991 г. обнаруженный в документах сложившийся дискурс уже не позволяет считать партийный журнал таковым.

Выше было упомянуто об особенности стенограмм заседаний редколлегии «Коммуниста», связанной с высокой информативностью и расширенным объемом записанных диалогов. Лучшим способом объективно подтвердить данную характеристику будет сравнение с аналогичной организационно-распорядительной документацией, если можно так выразиться, «братских» партийных журналов «Агитатор» и «Партийная жизнь». Компаративистский метод в этой задаче определит как схожие типические черты, так и особенности каждого из них. Добавим, что в проведенном сравнительном анализе была опущена детализированная внешняя критика исторических источников.

В архивных материалах «Агитатора» за изучаемый период стенограммы как источник практически не сохранились. Их заменяют протоколы, внутри которых наличествует краткая запись обсуждения. Так, объем протокола в «Агитаторе» составляет около трех машинописных листов, тогда как у «Коммуниста» неко-

торые стенограммы доходили до 23 листов и более [53. Л. 61–84; 58. Л. 1–2; 59. Л. 1–3; 60. Л. 1–3]. Это существенно ухудшает исследовательские возможности дискурс-анализа, выявления эмоциональных и каких-либо других реакций в речи выступающих на заседании. На документах пометы также почти отсутствуют, присутствуют лишь единичные исправления ошибок внутри стенографического отчета. Особо заметим, что это становится отличием от документации «Коммуниста» – явно выраженная небрежность, черновой вид протоколов, весомое присутствие ошибок, помарок и пробелов. В конце каждого протокола имеется подпись синей ручкой, без опознавательных инициалов.

Формуляр протокола был типичным для своего вида. Между тем, как только что было сказано, он имел свойство менять внешние, а не внутренние, содержательные стороны: подчеркивание названия обсуждаемой рукописи статьи, табуляция текста, выделение фамилий докладчиков. Нумерация в протоколах заседаний редколлегии «Агитатора» отсутствует, вследствие чего исследователю для восстановления ретроспективы обсуждений и хронологической последовательности следует ориентироваться по датам записи отчета.

Документация «Партийной жизни» по перестроечному периоду сохранилась крайне недостаточно: всего в архиве представлены документы за 1985 и 1986 гг. Согласно исторической справке в описи, в таком виде и количественном объеме документы редколлегии были переданы в 1986 г. Протокол заседания редколлегии «Партийной жизни» несет в себе больший информационный континуум по сравнению с аналогичным у «Агитатора», но все равно меньший, чем у «Коммуниста»: типичный объем записанного текста приблизительно 7–8 листов [61. Л. 1–8; 62. Л. 10–17]. Протокол совмещает в себе стенографический отчет. Стенографисты записывали обсуждение то в прямой, то в косвенной речи, но чаще всего в последней. Какие-либо пометы, а также подписи отсутствуют. В формуляре есть схожие черты с протоколами редколлегии «Коммуниста». Стенографисты, касаемо внешней стороны, также стремились поддерживать однотипность протоколов.

Общей чертой всех трех примеров в компаративном case-study является неизменность формуляра документации, фиксация информации посредством печати, отсутствие рукописных протоколов и стенограмм, их природа «заверенных копий». Различительные факты – инкрустированные в протокол стенограммы у материалов редколлегии «Партийной жизни» и крайне сжатое описание обсуждения в протоколах заседаний редколлегии «Агитатора»; запись обсуждения в стенограмме «Коммуниста» в стиле прямой речи.

Значение партийной печати в реконструкции советского прошлого основано, по сути, на ее амбивалентной природе. С одной стороны, это целый пласт источников, требующий детального и досконального изучения. В.В. Кабанов утверждал, что «изучая печать, можно составить представление о том или ином государственном строе», что «в этом своем качестве свидетеля эпохи она остается интересным историческим источником» [35. С. 191]. Для историков делопроизводственная документация любой публичной или негосударственной институции имеет особое импонирование как массивный материал-колосс, который следует структурированно и системно осмыслить. Кроме того, по верному замечанию М.А. Варшавчика, источники не создаются специально для нас, современных исследователей, они превращаются в них лишь после попадания в поле специального исторического исследования [63. С. 14]. Получается, что делопроизводственный акт, рассматриваемый во множестве и в ретроспективе, обретает стробоскопическое качество запечатления той институции и доминирующей части социальной группы, от которой он исходит: мысли, идеи, предпочтения, эмоции, все то, что кажется недоступным от бюрократического бланка, составленного на бетонном канцелярском языке.

Исследователю предоставляется возможность, как у героя известной кинокартины «Жизнь других», капитана госбезопасности Штази Герда Вислера, быть по ту сторону прошедшего «за стеной» диалога и отстраненно наблюдать [64]. Материалы редколлегий приподнимают занавес, чтобы читатель смог увидеть, как журнал собирал, рецензировал и обсуждал авторские рукописи, проводил редакторские правки, подвергал цензуре спорные или табуированные темы. Это крайне важное качество источника, способное раскрыть множественные локусы как в изучении истории идей (трансформация ментальности советских граждан, рецепция и обструкция господствующей идеологии, строившейся на идейном течении марксизма-ленинизма), так и в проблемном поле теории идеологии (каким образом компартия конструировала, воспроизводила идеологический дискурс и презентовала готовый идеологический продукт для сохранения политического господства).

Но известны и «грехи» таких подвидов источника, как протокол и стенограмма. Первый максимально сжат и слабоинформативен; второй самым серьезным образом зависит от человеческого фактора – как от стенографиста, так и корректора / цензора / докладчика, перечитывающего черновой вариант. Финальная версия документа, становящаяся впоследствии подлинником для исследователя, может быть отредактирована руководителем организации. Цитата могла быть неправильно услышана, переиначена подсознательно или умышленно. Кроме того, не всех новая политика заставила отказаться от идейного и культурно-интеллектуального бэкграунда, который своими наслоениями воздействовал на процесс конституирования дискурса для КПСС.

Список источников

1. Дацюк Б.Д., Кузнецов И.В. История партийной и советской журналистики : метод. указания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 62 с.
2. Ученова В.В. Партийно-советская печать восстановительного периода (1921–1925) : краткий очерк. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 36 с.

3. Ученова В.В. Центральные партийные журналы «Коммунистическая революция» и «Большевик» (1921–1925 гг.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. 56 с.
4. Завьялов А.С., Шарапа А.В. Публикации журнала «Большевик» как источник по истории борьбы против фашизма и империалистической агрессии накануне второй мировой войны (1938–1939) // Вопросы германской истории. Анализ источников и их использование : сб. науч. тр. Днепропетровск : ДГУ, 1984. С. 68–75.
5. Брукс Д. «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» // Советская власть и медиа : сб. ст. СПб. : Акад. проспект, 2005. С. 228–241.
6. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. Т. 77, № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html (дата обращения: 13.11.2019).
7. Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. 364 с.
8. Кустарев А. Deliberamo ergo sumus. Демократический централизм и делиберативная демократия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 3. С. 3–12.
9. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М. : Русь-Олимп : Астрель : АСТ, 2007. 554, [6] с.
10. Гвоздева Н.М. Система повышения квалификации партийных и советских служащих в СССР: исторический экскурс // Вестник Поволжского института управления. 2010. № 3. С. 28–33.
11. Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920-х – 1930-х годах : документированная история. М. : Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 160 с.
12. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР: 1917–1991. М. : Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 405, [2] с.
13. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. СПб. : Акад. проспект, 2000. 321 с.
14. Блюм А.В. Закат Главлита: как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. // Книга: исследования и материалы. М. : Терра, 1995. Сб. 71. С. 168–187.
15. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М. : АИРО-XX, 1997. 320 с. (Сер. «Первая публикация в России»).
16. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов; науч. ред. Н.В. Елисеева. М. : Полит. энцикл., 2013. 671 с.
17. Гутнов Д.А. Формирование структуры центральных и местных органов Агитпропа в 1919–1928 гг. // История отечественных СМИ. 2014. Т. 1, № 1. С. 15–26.
18. Булыгина Т.А. Из интеллектуальной жизни советского общества. Статья 2. Общественные науки, массовое и общественное сознание в послевоенные годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 18–25.
19. Булыгина Т.А. Политические перемены и общественное сознание в советском обществе: по страницам партийной печати // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20802 (дата обращения: 13.11.2019).
20. Волгин Е.И. Проблема департизации в зеркале российской прессы (1990–1991 гг.) // История отечественных СМИ. 2014. Т. 1, № 1. С. 100–118.
21. Бабюк М.И. Отечественная журналистика в период перестройки: трансформация политических и социокультурных функций // История отечественных СМИ. 2012. № 1. С. 5–10.
22. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994 / пер. с ит. Л.Я. Хаустовой. М. : Междунар. отношения, 1996. 320 с.
23. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1995. 400 с.
24. Battle J.M. Uskorenie, glasnost'and perestroika: The pattern of reform under Gorbachev // Soviet Studies. 1988. Vol. 40, № 3. P. 367–384.
25. Roucek L. Private enterprise in Soviet political debates // Soviet Studies. 1988. Vol. 40, № 1. P. 46–63.
26. Brown A. Did Gorbachev as General Secretary Become a Social Democrat? // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65, № 2. P. 198–220.
27. Evans Jr A. The decline of developed socialism? Some trends in recent soviet ideology // Soviet Studies. 1986. Vol. 38, № 1. P. 1–23.
28. Биккенин Н.Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М. : Academia, 2003. 312 с.
29. Человек XX столетия. Воспоминания о Н.Б. Биккенине. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. 320 с.
30. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов : документы. М. : Моск. школа полит. исслед., 2000. 616 с.
31. Медведев В.А. В команде Горбачева. М. : Алгоритм, 2016. 270, [1] с.
32. Дедков И.А. Дневник. 1953–1994. М. : Прогресс-Плеяда, 2005. 792 с.
33. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М. : Новости, 1995. Кн. 1. 600 с.
34. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 1–9. 06.01–27.02.1987 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 599. Оп. 1. Д. 985. 153 л.
35. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. 388 с.
36. Протоколы заседаний редколлегий журнала «Коммунист» (Свободная мысль) № 1–3. 26.08–10.01.1992 г. // РГАСПИ. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1. 5 л.
37. Ответ Управления делами Президента РФ на обращение Г.О. Ковзика № УДИ-15-471 от 27.08.2019 (из личного архива).
38. Переписка редакции журнала «Коммунист» с читателями, корреспондентами и отдельными лицами о создании единого фронта коммунистов и социалистов в борьбе против капиталистов, о повышении эффективности учебной и воспитательной работы в вузе, об усилении борьбы с бюрократизмом, о перспективах развития общества. Ч–Я. 04.11.1985–11.10.1986 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 958. 152 л.
39. Письма местных руководящих партийных и советских органов о результатах проверки и принятых мерах по письмам трудящихся, адресованным в редакцию журнала «Коммунист». А–Ш. 07.01.1985 г. – 27.12.1985 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 910. 139 л.
40. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 7–14. 07.02–28.03.1986 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 939. 157 л.
41. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 17–25. 26.04–28.06.1985 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 898. 169 л.
42. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 1–8. 04.01–05.02.1991 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1063. 107 л.
43. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 9–16. 01.03-19.04.1985 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1 Д. 897. 153 л.
44. Борисова Л.В. Делопроизводственные документы советской эпохи: историография и источниковедение (20–80-е годы) // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 19–29.
45. К нашим читателям // Свободная мысль. 1991. № 13.
46. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 1–8. 04.01–22.02.1985 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 896. 165 л.
47. Списки сотрудников редакции журнала «Коммунист» и другие кадровые вопросы. 1987–1989 гг. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1062. 34 л.
48. Протоколы заседаний редколлегий журнала «Коммунист» № 11–20. 15.03–24.05.1991 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1065. 195 л.
49. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 1–9. 06.01–27.02.1987 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 985. 153 л.
50. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 10–19. 06.03–29.04.1987 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 986. 142 л.
51. Протоколы заседаний редколлегий журнала «Коммунист» № 21–25. 03.06–01.07.1991 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1066. 133 л.
52. Протоколы заседаний редколлегии журнала «Коммунист» № 1–12. 08.01–25.03.1988 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1023. 266 л.
53. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 6–10. 08.02–11.03.1991 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 2. Д. 1064. 108 л.
54. Козлов П.В. Основы теоретической и прикладной археографии. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. 224 с.
55. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» № 9–16. 01.03–19.04.1985 г. // РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 897. 153 л.
56. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое : сб. ст. / пер. с фр. А. Бабича, М. Розанова. М. : МИК, 1998. 336 с.
57. Заславская Т.И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 61–73.

58. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала ЦК КПСС «Агитатор» за 1986 год. 11.02–23.12.1986 г. // РГАСПИ. Ф. 614. Оп. 2. Д. 116. 116 л.
59. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала ЦК КПСС «Агитатор» за 1987 г. 06.01–22.12.1987 г. // РГАСПИ. Ф. 614. Оп. 2. Д. 117. 34 л.
60. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала ЦК КПСС «Агитатор» за 1988 год. 26.01–20.12.1988 г. // РГАСПИ. Ф. 614. Оп. 2. Д. 124. 62 л.
61. Протоколы заседаний редакционной коллегии «Партийная жизнь». 13.12.1984–5.12.1985 г. // РГАСПИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 42. 199 л.
62. Протоколы заседаний редакционной коллегии журнала ЦК КПСС «Партийная жизнь». 19.12.1985–03.12.1986 г. // РГАСПИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 43. 225 л.
63. Варшавчик М.А. О предмете и основных принципах марксистско-ленинской методологии исторического источниковедения // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах : тез. докл. III Всесоюз. конф. Новороссийск ; М., 1979. С. 14.
64. Жизнь других (Das Leben der Anderen) / реж. Флориаль Хенкель фон Доннерсмарк. 2006.

References

1. Datsyuk, B.D. & Kuznetsov, I.V. (1984) *Istoriya partiynoy i sovetskoy zhurnalistiki* [History of the party and Soviet journalism]. Moscow: Moscow State University.
2. Uchenova, V.V. (1964) *Partiyno-sovetskaya pechat' vosstanovitel'nogo perioda (1921–1925): kratkiy ocherk* [The Communist Party Soviet press of the Restoration (1921–1925): a short essay]. Moscow: Moscow State University.
3. Uchenova, V.V. (1962) *Tsentral'nye partiynye zhurnaly "Kommunisticheskaya revolyutsiya" i "Bol'shevik" (1921–1925 gg.)* [The central party magazines "Communist Revolution" and "Bolshevik" (1921–1925)]. Moscow: Moscow State University.
4. Zavyalov, A.S. & Sharapa, A.V. (1984) Publikatsii zhurnala "Bol'shevik" kak istochnik po istorii bor'by protiv fashizma i imperialisticheskoy agressii nakanune vtoroy mirovoy voyny (1938–1939) [Publications of the magazine "Bolshevik" as a source on the history of the struggle against fascism and imperialist aggression on the eve of the Second World War (1938–1939)]. In: Zavyalov, A.S. (ed.) *Voprosy germanskoy istorii. Analiz istochnikov i ikh ispol'zovanie* [Questions of German history. An Analysis of Sources and their Use]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University. pp. 68–75.
5. Brooks, D. (2005) Lyudey, kotorye ne chitayut gazet, nado moral'no ubivat' na meste [People who do not read newspapers must be morally killed on the spot]. In: Guenter, H. & Hänsgen, S. (eds) *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet Power and Media]. St. Petersburg: Akad. prospekt. pp. 228–241.
6. Althusser, L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) [Ideology and ideological apparatuses of the state (notes for research)]. *Neprikosnovennyy zapas*. 77(3). [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html (Accessed: 13th Novvember 2019).
7. Barsenkov, A.S. (2001) *Reformy Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva. 1985–1991* [Gorbachev's reforms and the fate of the union state. 1985–1991]. Moscow: Moscow State University.
8. Kustarev, A. (2017) Deliberamo ergo sumus. Demokraticheskiy tsentralizm i deliberativnaya demokratiya [Deliberamo ergo sumus. Democratic centralism and deliberative democracy]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 3. pp. 3–12.
9. Pikhoya, R.G. (2007) *Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoy strany. Rossiya na izlome tysyacheletiy. 1985–2005* [Moscow. Kremlin. Power. Two stories of one country. Russia is at the turning point of millennia. 1985–2005]. Moscow: Rus'-Olimp: Astrel': AST.
10. Gvozdeva, N.M. (2010) Sistema povysheniya kvalifikatsii partiynykh i sovetskikh sluzhashchikh v SSSR: istoricheskiy ekskurs [The system of advanced training for party and Soviet employees in the USSR: A historical excursion]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 3. pp. 28–33.
11. Goryaeva, T.M. (2009) *Radio Rossii. Politicheskiy kontrol' sovetskogo radioveshchaniya v 1920-kh – 1930-kh godakh: dokumentirovannaya istoriya* [Radio Russia. Political control of Soviet radio broadcasting in the 1920s–1930s: A documented history]. Moscow: The First President of Russia B.N. Yeltsin Foundation.
12. Goryaeva, T.M. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR: 1917–1991* [Political censorship in the USSR: 1917–1991]. Moscow: The First President of Russia B.N. Yeltsin Foundation.
13. Blyum, A.V. (2000) *Sovetskaya tsenzura v epokhu total'nogo terrora 1929–1953* [Soviet censorship in the era of total terror 1929–1953]. St. Petersburg: Akad. Prospect.
14. Blyum, A.V. (1995) Zakat Glavlita: kak razrushalas' sistema sovetskoy tsenzury: dokumental'naya khronika 1985–1991 gg. [The decline of Glavlit: How the Soviet censorship system was destroyed: a documentary chronicle of 1985–1991]. In: *Kniga: issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. Vol. 71. Moscow: Terra. pp. 168–187.
15. Kretschmar, D. (1997) *Politika i kul'tura pri Brezhneve, Andropove i Chernenko. 1970–1985 gg.* [Politics and culture under Brezhnev, Andropov and Chernenko. 1970–1985]. Moscow: AIRO-XX.
16. Bezborodov, A.B. & Eliseeva, N.V. (eds) (2013) *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Polit. entsikl.
17. Gutnov, D.A. (2014) Formirovanie struktury tsentral'nykh i mestnykh organov Agitpropa v 1919–1928 gg. [The formation of the structure of Agitprop central and local bodies in 1919–1928]. *Istoriya otechestvennykh SMI*. 1(1). pp. 15–26.
18. Bulygina, T.A. (2014) Iz intellektual'noy zhizni sovetskogo obshchestva. Stat'ya 2. Obshchestvennye nauki, massovoe i obshchestvennoe soznanie v poslevoennye gody [From the intellectual life of Soviet society. Article 2. Social sciences, mass and public consciousness in the post-war years]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 3. pp. 18–25.
19. Bulygina, T.A. (2015) Politicheskie peremeny i obshchestvennoe soznanie v sovetskom obshchestve: po stranitsam partiynoy pechati [Political changes and public consciousness in Soviet society: Through the pages of the party press]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2-1. [Online] Available from: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20802 (Accessed: 13th November 2019).
20. Volgin, E.I. (2014) Problema departizatsii v zerkale rossiyskoy pressy (1990–1991 gg.) [The problem of departitionization in the mirror of the Russian press (1990–1991)]. *Istoriya otechestvennykh SMI*. 1(1). pp. 100–118.
21. Babyuk, M.I. (2012) Otechestvennaya zhurnalistika v period perestroyki: transformatsiya politicheskikh i sotsiokul'turnykh funktsiy [Russian journalism during the Perestroika: The transformation of political and sociocultural functions]. *Istoriya otechestvennykh SMI*. 1. pp. 5–10.
22. Boffa J. (1996) *Ot SSSR k Rossii. Istoriya neokonchennogo krizisa. 1964–1994* [From the USSR to Russia. The story of an unfinished crisis. 1964–1994]. Translated from Italian by L.Ya. Khaustova. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
23. Aksyutin, Yu.V., Volobuev, O.V., Danilov, A.A. et al. (1995) *Vlast' i oppozitsiya. Rossiyskiy politicheskiy protsess XX stoletiya* [Power and Opposition. Russian Political Process of the Twentieth Century]. Moscow: ROSSPEN.
24. Battle, J.M. (1988) Uskorenie, glasnost'and perestroika: The pattern of reform under Gorbachev. *Soviet Studies*. 40(3). pp. 367–384.
25. Roucek, L. (1988) Private enterprise in Soviet political debates. *Soviet Studies.* 40(1). pp. 46–63.
26. Brown, A. (2013) Did Gorbachev as General Secretary Become a Social Democrat? *Europe-Asia Studies*. 65(2). pp. 198–220.
27. Evans, Jr A. (1986) The decline of developed socialism? Some trends in recent soviet ideology. *Soviet Studies*. 38(1). pp. 1–23.
28. Bikkenin, N.B. (2003) *Kak eto bylo na samom dele. Stseny obshchestvennoy i chastnoy zhizni* [How it really happened. Scenes of public and private life]. Moscow: Academia.

29. Lapin, N., Lisin, A., Nekhotin, V. et al. (2011) *Chelovek XX stoletiya. Vospominaniya o N.B. Bikkenine* [Man of the 20th century. Memories of Nail B. Bikkenin]. Moscow: GEOTAR-Media.
30. Volkov, A.I., Pugacheva, M.G., Yarmolyuk, S.F. et al. (2000) *Pressa v obshchestve (1959–2000). Otsenki zhurnalistov i sotsiologov: dokumenty* [The press in society (1959–2000). Assessments of journalists and sociologists: documents]. Moscow: Mosk. shkola polit. issled.
31. Medvedev, V.A. (2016) *V komande Gorbacheva* [On Gorbachev's team]. Moscow: Algoritm.
32. Dedkov, I.A. (2005) *Dnevnik. 1953–1994* [Diary. 1953–1994]. Moscow: Progress-Pleyada.
33. Gorbachev, M.S. (1995) *Zhizn' i reform* [Life and Reforms]. Vol. 1. Moscow: Novosti.
34. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1987a) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 1–9. 06.01–27.02.1987 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 1–9. 01/06–02/27/1987]. Fund 599. List 1. File 985.
35. Kabanov, V.V. (1997) *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva* [Source study of the History of Soviet Society]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
36. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1992) *Protokoly zasedaniy redkollegiy zhurnala "Kommunist" (Svobodnaya mysl') № 1–3. 26.08–10.01.1992 g.* [Minutes of meetings of the editorial boards of the magazine "Communist" (Free Thought) No. 1–3. 26.08–10.01.1992]. Fund 656. List 1. File 1. 5 l.
37. Russian Federation. (2019) *Otvet Upravleniya delami Prezidenta RF na obrashchenie G.O. Kovzika № UDI-15-471 ot 27.08.2019 (iz lichnogo arkhiva)* [Response of the Administration of the President of the Russian Federation to the appeal of G.O. Kovzik No. UDI-15-471 dated August 27, 2019 (from personal archive)].
38. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1986a) *Perepiska redaktsii zhurnala "Kommunist" s chitatelyami, korrespondentami i otdel'nymi litsami o sozdanii edinogo fronta kommuni-stov i sotsialistov v bor'be protiv kapitalistov, o povyshenii effektivnosti uchebnoy i vospitatel'noy raboty v vuze, ob usilenii bor'by s byurokratizmom, o perspektivakh razvitiya obshchestva. Ch–Ya. 04.11.1985–11.10.1986 g.* [Correspondence of the editors of the magazine "Communist" with readers, correspondents, and individuals about the creation of a united front of communists and socialists in the fight against capitalists, about increasing the efficiency of educational work at the university, about strengthening the fight against bureaucracy, about the prospects for the development of society. Ch–Ya. 04.11.1985–11.10.1986]. Fund 599. List 1. File 958.
39. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1985a) *Pis'ma mestnykh rukovodyashchikh partiynykh i sovetskikh organov o rezul'tatakh proverki i prinyatykh merakh po pis'mam trudyashchikhsya, adresovannym v redaktsiyu zhurnala "Kommunist". A–Sh. 07.01.1985 g. – 27.12.1985 g.* [Letters from local leading party and Soviet bodies about the results of the inspection and measures taken based on letters from workers addressed to the editors of the magazine "Communist". A–SH. 01/07/1985 – 12/27/1985]. Fund 599. List 1. File 910.
40. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1986b) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 7–14. 07.02–28.03.1986 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 7–14. 02/07–03/28/1986]. Fund 599. List 1. File 939.
41. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1985b) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 17–25. 26.04–28.06.1985 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 17–25. 04/26–06/28/1985]. Fund 599. List 1. File 898.
42. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1991a) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 1–8. 04.01–05.02.1991 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 1–8. 01/04–02/05/1991]. Fund 599. List 1. File 1063.
43. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1985c) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 9–16. 01.03-19.04.1985 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 9–16. 01.03-19.04.1985]. Fund 599. List 1. File 897.
44. Borisova, L.V. (1994) Deloproizvodstvennye dokumenty sovetskoy epokhi: istoriografiya i istochnikovedenie (20–80-e gody) [Office documents of the Soviet era: historiography and source study (1920–80s)]. *Otechestvennye arkhivy*. 2. pp. 19–29.
45. Anon. (1991) K nashim chitatelyam [To our readers]. *Svobodnaya mysl'*. 13.
46. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1985d) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 1–8. 04.01–22.02.1985 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 1–8. 04.01–22.02.1985]. Fund 599. List 1. File 896.
47. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1987–1989) *Spiski sotrudnikov redaktsii zhurnala "Kommunist" i drugie kadrovye voprosy. 1987–1989 gg.* [Lists of editorial staff of the magazine "Communist" and other personnel issues. 1987–1989]. Fund 599. List 1. File 1062.
48. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1991b) *Protokoly zasedaniy redkollegiy zhurnala "Kommunist" № 11–20. 15.03–24.05.1991 g.* [Minutes of meetings of the editorial boards of the magazine "Communist" No. 11–20. 15.03–24.05.1991]. List 1. File 1065.
49. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1987b) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 1–9. 06.01–27.02.1987 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 1–9. 01/06–02/27/1987]. Fund 599. List 1. File 985.
50. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1987c) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 10–19. 06.03–29.04.1987 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 10–19. 06.03–29.04.1987]. Fund 599. List 1. File 986.
51. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1991c) *Protokoly zasedaniy redkollegiy zhurnala "Kommunist" № 21–25. 03.06–01.07.1991 g.* [Minutes of meetings of the editorial boards of the magazine "Communist" No. 21–25. 03.06–01.07.1991]. Fund 599. List 1. File 1066.
52. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1988a) *Protokoly zasedaniy redkollegii zhurnala "Kommunist" № 1–12. 08.01–25.03.1988 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 1–12. 01/08–03/25/1988]. Fund 599. List 1. File 1023.
53. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1991d) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 6–10. 08.02–11.03.1991 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 6–10. 02/08–03/11/1991]. Fund 599. List 2. File 1064.
54. Kozlov, P.V. (2008) *Osnovy teoreticheskoy i prikladnoy arkheografii* [Fundamentals of Theoretical and Applied Archaeography]. Moscow: ROSSPEN.
55. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1985e) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala "Kommunist" № 9–16. 01.03–19.04.1985 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the magazine "Communist" No. 9–16. 01.03–19.04.1985]. Fund 599. List 1. File 897.
56. Besancon, A. (1998) *Sovetskoe nastoyashchee i russkoe proshloe* [The Soviet Present and Russian Past]. Translated from French by A. Babich, M. Rozanov. Moscow: MIK.
57. Zaslavskaya, T.I. (1986) Chelovecheskiy faktor razvitiya ekonomiki i sotsial'naya spravedlivost' [Human factor in economic development and social justice]. *Kommunist*. 13. pp. 61–73.
58. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1986c) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala TsK KPSS "Agitator" za 1986 god. 11.02–23.12.1986 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the journal of the CPSU Central Committee "Agitator" for 1986. 11.02–23.12.1986]. Fund 614. List 2. File 116.
59. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1987d) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala TsK KPSS "Agitator" za 1987 g. 06.01–22.12.1987 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the journal of the CPSU Central Committee "Agitator" for 1987, 01/06–12/22/1987]. Fund 614. List 2. File 117.

60. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1988b) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala TsK KPSS "Agitator" za 1988 god. 26.01–20.12.1988 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the journal of the CPSU Central Committee "Agitator" for 1988. 01/26–12/20/1988]. Fund 614. List 2. File 124.
61. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1984–1985) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii "Partiynaya zhizn'". 13.12.1984–5.12.1985 g.* [Minutes of meetings of the editorial board "Party Life". 13.12.1984–5.12.1985]. Fund 641. List 1. File 42.
62. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). (1985–1986) *Protokoly zasedaniy redaktsionnoy kollegii zhurnala TsK KPSS "Partiynaya zhizn'". 19.12.1985–03.12.1986 g.* [Minutes of meetings of the editorial board of the journal of the CPSU Central Committee "Party Life". 12/19/1985–12/03/1986]. Fund 641. List 1. File 43.
63. Varshavchik, M.A. (1979) O predmete i osnovnykh printsipakh marksistsko-leninskoy metodologii istoricheskogo istochnikovedeniya [On the subject and basic principles of the Marxist-Leninist methodology of historical source study]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya istorii SSSR, spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin i ikh prepodavanie v vuzakh* [Current problems of source study of the history of the USSR, special historical disciplines and their teaching in universities]. Proc. of the Third Conference. Novorossiysk. p. 14.
64. *Das Leben der Anderen*. (2006) Directed by F Henckel von Donnersmarck. [Film].

***Сведения об авторе*:**
Ковзик Глеб Олегович – аспирант, ассистент кафедры международной политики и зарубежного регионоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: glebkovzik@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kovzik Gleb O. – Post-Graduate Student, Assistant at the Department of International Politics and Foreign Regional Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: glebkovzik@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2020; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 11.02.2020; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/86/16

Могли ли евреи стать русскими: «еврейский вопрос» в контексте идеи русского национального государства в трудах И.С. Аксакова

Вячеслав Николаевич Кудряшев

Томский государственный университет, Томск, Россия, kvn18011962@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются взгляды одного из ведущих теоретиков славянофильства и активного проводника славянофильских идей И.С. Аксакова. Указывается, что славянофильство в «классический период» настаивало на необходимости формирования Российской империи как русского национального государства с перспективой постепенной ассимиляции народов, входивших в ее состав. Внимание акцентируется на бескомпромиссной позиции славянофильского публициста, требовавшего не только активизации русской общественности в данном вопросе, но и более жесткой и наступательной политики государства.
Ключевые слова: еврейский вопрос, юдофобия, иудаизм, национализм

Для цитирования: Кудряшев В.Н. Могли ли евреи стать русскими: «еврейский вопрос» в контексте идеи русского национального государства в трудах И.С. Аксакова // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 129–134. doi: 10.17223/19988613/86/16

Original article

Could Jews become Russians: “the Jewish question” in the context of the idea of the Russian national state in the works of I.S. Aksakov

Viacheslav N. Kudriashev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kvn18011962@yandex.ru

Abstract. The article examines the views of I.S. Aksakov, one of the leading theorists of Slavophilism and an active conductor of Slavophil ideas, on one of the most acute and complex aspects of interethnic relations in the Russian Empire.

The author draws attention to the interpretation in the Slavophile tradition of the relationship between the nationality and the state, initially, only as the interaction of the Russian nationality and the Russian state from the point of view of determining the priority of consolidating factors in Russian history. But in the conditions of a multiethnic and multiconfessional community, the relations of the Russian nationality with other nationalities of the Russian Empire inevitably became actualized.

The article emphasizes that Slavophilism appealed to the Russian nationality as the main subject of historical activity. Russian Slavophiles, proclaiming the idea of the Russian national state, identified the Russian people as the main driving force of this process. Russian Russians saw Russification as a manifestation of the national forces of the Russian people, and assimilation processes were to be the result not so much of state policy as of the natural dominance of Russians in culture, public life, and socio-economic development.

The author examines the attitude of I.S. Aksakov to Jews in the context of the idea of Russia as a Russian national state. Jews, in his view, as well as representatives of other nationalities, had to understand and accept their place in this process. Thanks to joining Russia, they all got a chance to rise to the highest stage of development and become a nation, not an independent one, but a part of the Russian one.

The article reveals the reasons for the Slavophile's Judeophobia associated with the unwillingness of Jews to fit into this role. The author focuses on the extremely harsh vocabulary of the works of I.S. Aksakov: defending their right to preserve religion, Jews could not hope for full civil and political rights equal to these of the Russian population. Only the rejection of their national and religious identity, the demonstration of readiness for voluntary and conscious assimilation gave Jews the right to change their social and political status. The Jews had to abandon their claims to be recognized as an "independent nationality" and show a desire for voluntary assimilation.

The author comes to the conclusion: in relation to other peoples, I.S. Aksakov relied on the assimilation abilities of the Russian people and insisted on limiting administrative measures of Russification as ineffective. Russian nationalism, in fact, recognized the inability of the Russian public to counter the "Jewish pressure" on the Jewish question and demanded an intensification of state opposition to it.
Keywords: Jewish question, judophobia, Judaism, nationalism

© В.Н. Кудряшев, 2023

For citation: Kudriashev, V.N. (2023) Could Jews become Russians: “the Jewish question” in the context of the idea of the Russian national state in the works of I.S. Aksakov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 129–134. doi: 10.17223/19988613/86/16

Еврейский вопрос занимал особое место в российском национальном дискурсе. Это стало следствием зримых отличий в положении евреев в Российской империи от всех остальных народов. По уровню ограничений положение евреев в империи не имело аналогов. Кроме того, все остальные национальности проживали в своих этнических землях, где и решались проблемы взаимоотношений с русскими и с властями. Еврейская проблема имела своим эпицентром Западный и Юго-Западный края, но постепенно пробрела общероссийский характер, в том числе и в великорусских губерниях.

Взгляды И.С. Аксакова как одного из адептов славянофильства, активного участника публицистических дискуссий второй половины XIX в. неоднократно оказывались объектом исследования. Первыми историографами следует считать идейных противников славянофильства – либеральных публицистов рубежа XIX–XX вв. Но в большинстве работ внимание сосредоточивалось на славянофильской доктрине. П.Н. Милюков видел ошибку славянофилов в том, что, выдвигая гуманистическую идею защиты национальной индивидуальности, они наполняли понятие нации идеалистическим содержанием, защищая не саму нацию как общественную организацию, а некий национальный дух, распространяя данный подход на сферу межнациональных отношений [1. С. 267]. Собственно, взгляды И.С. Аксакова на еврейский вопрос становились объектом скорее публицистических дискуссий, нежели научного анализа.

Советские исследователи славянофильства 1920–1950-х гг. сосредоточили свое внимание на его оценке с точки зрения классового подхода. В немногочисленных работах этого периода славянофилы представали «реакционерами, защитниками крепостного права» либо «группой националистически настроенной буржуазии» [2]. В данном диапазоне идентификации славянофильства как буржуазного либо помещичьего общественного течения проходили дискуссии, акцентированные на социально-политической деятельности славянофилов, их участии в общественно-политической борьбе середины – второй половины XIX в. Обращение к национальным проблемам носило фрагментарный характер, еврейский вопрос вообще выпал из поля зрения авторов.

В 1970–1980-е гг. преобладающей осталась традиционная трактовка славянофильских взглядов на национальные проблемы. Попытки дифференциации консервативного крыла общественной мысли и отграничения позиций славянофилов от охранительного направления практически не затрагивали национальных аспектов. Здесь славянофилы представали адептами панславизма, ставшего идеологическим оформлением агрессивной политики царского самодержавия. Во внутренней политике славянофилы отождествлялись с охранителями в поддержке курса правительства на подавление национально-освободительных движений [3. С. 103–110]. Середина – вторая половина 1990-х гг. были отмечены всплеском интереса исследователей к истории славянофильства. Объектом исследования становятся взгляды славянофилов, в том числе и И.С. Аксакова, на «еврейский вопрос». Внимание авторов акцентируется на религиозно-философских аспектах проблемы [4. С. 124–135]. В 1990-е гг. в самостоятельное направление выделяется изучение истории русского национализма. Зарубежные исследователи характеризовали русский национализм как государственный или бюрократический, поскольку именно государство выступало его источником, оно определяло цели и задачи, которые объявлялись национальными [5. С. 73–75].

Принципиальный недостаток подхода зарубежных ученых к феномену русского национализма видится в стремлении доказать универсальность его идей, свойственных всем представителям общественной мысли, имевшим единые славянофильские корни, либо русским национализмом считается только консервативно-славянофильское крыло, которое выступало носителем панславистских идей и ксенофобии. В современной отечественной науке заметно стремление отказаться от подобной трактовки русского национализма.

Иной принцип рассмотрения истории русского национализма конца XIX в. предложил А.Н. Дьяченко, трактуя его не как «национализм “нации-государства”, этнократического государства, или национализм этногруппы, а национализм русской социальной общности, представители которой обладают русским национальным самосознанием» [6. С. 56].

Достаточно близкий вариант интерпретации национальных идей русских консерваторов конца XIX в. предложил в своей диссертации А.В. Аверьянов. Он также включил в свою классификацию славянофилов, подчеркивая очевидность различий в самих принципах выстраивания межнациональных отношениях между ними и сторонниками имперского консерватизма. Не отрицая необходимости обрусения, славянофилы видели в нем естественный процесс воздействия русской народности [7. С. 73]. Данный подход созвучен идеям самих славянофилов о возможности постепенной, добровольной ассимиляции посредством восприятия народами России более развитой (в их представлении) великорусской культуры. Однако именно в вопросе о месте евреев в проекте русского национального государства И.С. Аксаков не надеялся только на «обрусительный» потенциал русской общественности.

В славянофильской традиции взаимоотношения народности и государства первоначально трактовались только как взаимодействие русской народности и русского государства с точки зрения определения приоритетности консолидирующих факторов в русской истории. Но в условиях полиэтнического и поликонфессионального сообщества неизбежно актуализировались взаимоотношения русской народности с другими народностями Российской империи. Вследствие этого данная проблема приобретала многовекторный харак-

тер и неизбежно трансформировалась у славянофилов в вопрос о взаимоотношениях Российского государства и нерусских народностей.

В социологической конструкции славянофилов изначально присутствовало противоречие. Их идея «негосударственности» русского народа, казалось бы, отрицала Российское государство как русское национальное. Государство не имело связи с национальной идентичностью, которая была прерогативой народа [8. С. 65–66]. Этот подход, на первый взгляд, должен был совпадать с имперскими принципами индифферентности к этнической принадлежности при условии политической лояльности подданных. Негосударственность русского народа должна была вести к отсутствию у него претензий на политическое доминирование и статус господствующей нации Российского государства. Государство же, будучи носителем суверенитета, обеспечивало единство империи.

Славянофильство апеллировало к народности как главному субъекту исторической деятельности. Оно видело в обрусении проявление национальных сил русского народа. Для реализации этого потенциала народ необходимо было освободить из-под опеки государства, провести социально-экономические реформы, развить самоуправление. Только когда русский народ станет действительным лидером в культуре, нравственности, духовности, возможно будет естественное обрусение как длительный эволюционный процесс добровольной ассимиляции, т.е. приобщения инородцев к русской культуре и духовности. Это не означало полного отказа от опоры на государственную власть, но успех «русского дела» должен прийти, только когда сам русский народ станет самостоятельным субъектом развития. То есть народность была для них главной силой общественного развития, а государство – ее инструментом.

В то же время важнейшей чертой развития Московского государства славянофилы считали национальный характер царской династии, которая воспринималась как часть национальной организации, а государство – как русское национальное. Формирование многонациональной Российской империи не должно было влиять на изменение характера государственности: русская национальность оставалась основой государственности, а государство – русским [8. С. 67–73].

И.С. Аксаков резко выступал против попыток рассматривать Россию как многонациональный «агломерат», утративший русскую национальную основу. Россия была и остается русским национальным государством. Другие народы должны стать частью единого этнополитического образования. Настаивая на сохранении за великорусским этническим элементом доминирования, обусловленного историческим развитием России и ролью русского народа в этом многонациональном сообществе, И.С. Аксаков пытался показать, что речь идет не о политическом господстве, а о лидерстве русского народного, национального элемента, о сохранении опоры «на нравственные и духовные силы великорусского племени» [9].

Славянофил отношение к евреям строил, исходя из идеи о России как русском национальном государстве. Евреи, как и представители других национальностей, должны были понимать и принимать свое место в русском национальном государстве. И.С. Аксаков часто использовал для характеристики межнациональных отношений аллюзию России не как «общего дома», а как «русского дома», хозяевами которого были русские. Остальные народы воспринимались как «гости» в чужом доме и вести себя должны были в соответствии с указаниями хозяев. Благодаря вхождению в состав России все они получили шанс подняться на высшую стадию развития и стать нацией, но только не самостоятельной, а частью русской [10. С. 795].

Но евреи не желали вписываться в указанную роль. И.С. Аксаков как обвинение предъявлял им очевидное обладание характеристиками национальности. Он возражал либеральным оппонентам, считавшим религиозность личным правом. Для евреев она была важнейшим фактором национальной идентичности [11. С. 728–729]. Благодаря ей евреи, разобщенные пространственно, сохраняли чувство солидарности и самовосприятия как общности. Евреи не имели национального языка и собственного государства, но в трактовке И.С. Аксакова данные национальные черты были всегда вторичны [10. С. 795; 11. С. 728–729]. Евреи сохранили удивительную физиологическую чистоту, основу их мировосприятия составляло «предание о былом национальном государственном бытии». Религия была одновременно и высшим государственным законом еврейского народа. Поэтому И.С. Аксаков настаивал на необходимости воспринимать евреев как государство и нацию, хотя и без государственной организации [10. С. 795].

При этом еврейская идентичность всегда превалировала над государственным патриотизмом. Евреи были гражданами многих европейских государств, но И.С. Аксаков весьма скептически реагировал на их демонстрацию патриотических чувств, будучи уверенным в их абсолютной приверженности своей нации [10. С. 795].

Во всех странах проживания евреи сохраняли свою организацию – кагалы, которые были для них важнее местных органов власти. И.С. Аксаков, обращаясь к еврейским источникам, пытался доказать, что кагалы можно воспринимать не только в качестве религиозных общин, но как органы экономической и даже политической самоорганизации евреев [12]. Он демонстрировал на примере России и других стран, что кагалы обладали скрытой, но реальной властью, зачастую превалировавшей над государственной, причем по отношению не только к евреям, но и к проживавшему в сфере влияния кагала коренному населению [13. С. 813]. Следовательно, само пребывание евреев в составе Российского государства скрывало угрозу. Евреи были опасны для русского национализма, поскольку обладали собственным национальным потенциалом и доказали способность к противостоянию внешней ассимиляции [10. С. 791–792].

В своих размышлениях И.С. Аксаков не скрывал юдофобии. По его мнению, Россия – христианская страна, поэтому евреи, откровенно сохранявшие приверженность иудаизму, не могли претендовать на дружественное или даже нейтральное отношение к себе.

Пребывание иудеев в христианской стране возможно только в случае их полного отказа от своей религии и перехода в христианство [14. С. 699]. Истинные христиане должны вести бескомпромиссную борьбу с иудаизмом. Даже нейтралитет здесь неприемлем, поскольку означал бы отречение от христианства [15]. Свобода совести допускала свободу веры, но не проведение миссионерской деятельности представителями других религий, поэтому не могло быть и речи о государственной поддержке образования на основе иудаизма, покровительстве еврейской ортодоксии [15]. Отстаивая свое право на сохранение религии, евреи не могли надеяться на гражданское и политическое полноправие с русским населением. Выражая свое уважение к еврейскому народу и признавая его «великие дарования», И.С. Аксаков настаивал на исключении их из участия в общественной жизни России [15. С. 693].

И.С. Аксаков неоднократно возвращался к важнейшему положению иудаизма о богоизбранности евреев, считая, что этот постулат определял презрительное и высокомерное отношение евреев к другим народам, нежелание адаптироваться к культуре и социальной жизни стран их проживания [11. С. 730; 16. С. 839].

И.С. Аксаков, признавая за иудаизмом роль духовного предтечи христианства, подчеркивал историческую бесперспективность иудаизма после появления христианства. Христианство вытекало из иудаизма, но, будучи его венцом, становилось поворотным пунктом в истории человечества, духовной основой его развития. Иудаизм утрачивал какую-либо духовную ценность, превращаясь в «застывший упраздненный момент общечеловеческого духовного развития». Евреи как носители отживших ценностей, упорно не желали этого признавать и становились на пути общечеловеческого прогресса [14. С. 700–701]. Иудаизм был и оставался враждебным христианству: «Верующий еврей продолжает в своем воображении распинать Христа и бороться в мыслях отчаянно и яростно за отжившее право духовного первенства…» [14. С. 701]. В основе идеологии современного еврейства остался иудаизм, основанный на отрицании «существенных духовных ценностей, исторических основ современного христианского общества и христианской цивилизации» [11. С. 729].

Идея общечеловеческой цивилизации, основанной не на религиозных, а на неких универсальных человеческих ценностях, была чрезвычайно популярна в либеральной Европе как средство примирения и основа сосуществования представителей разных народов. Но, по мнению славянофила, еврей, отрекшийся от иудаизма, но не пришедший к христианству, отрекаясь от нравственного закона своей религии, не приобретал нравственных христианских основ [14. С. 704]. Поэтому полное духовное врастание евреев в христианскую цивилизацию невозможно без принятия христианства. Иначе они, оставаясь чуждым элементом, разлагают ее изнутри [14. С. 707]. Славянофил допускал возможность гражданского союза между христианами и евреями, но духовное единство между ними было невозможно, что исключало перспективу включения евреев в процесс врастания в русскую нацию [14. С. 701].

Славянофил не считал положение евреев в России бедственным или ненормальным Он с недоумением и возмущением обращался к еврейской и русской либеральной интеллигенции, выступавшей за эмансипацию евреев. На требование отмены черты оседлости И.С. Аксаков отвечал напоминанием, что площадь территории, где расселение евреев в России разрешалось, превосходила все крупнейшие европейские страны [17. С. 736]. Еврейская перенаселенность стала результатом их стремления к компактному совместному проживанию. Кроме того, славянофил сомневался в изменении ситуации в случае отмены ограничений. Евреи, не занимавшиеся земледелием и производительным трудом, паразитировали на местном населении и вряд ли готовы были отказаться от привычного образа жизни. [17. С. 742–743]. Требуя для себя полноправия, евреи не собирались изменять свой образ жизни для социальной и культурной ассимиляции в русское общество и не хотели брать на себя какие-либо социальные обязательства [13. С. 812–813].

Среди русской и еврейской либеральной интеллигенции господствовало убеждение, что снятие ограничений на получение евреями образования приведет к постепенному стиранию культурных барьеров. Еврейская интеллигенция, приобщившаяся к русской культуре, станет ее проводником среди своего народа. Но И.С. Аксаков акцентировал внимание на сохранении среди образованных евреев привязанности к национальным традициям и вере и предостерегал о более вероятной перспективе их проникновения в сферы государственного управления, экономики, образования как агентов еврейского влияния на русское общество [10. С. 794–795; 17. С. 746].

По его мнению, имперские власти чаще занимали позицию нейтралитета, не вмешиваясь в отношения между евреями и местным населением. Российское законодательство, расширяя привилегии евреев, одновременно сохраняло и защищало еврейскую обособленность [18. С. 713]. В результате, как считал славянофил, евреи юго-запада России оказались одним из самых привилегированных племен России [18. С. 708–709]. Используя племенное родство как абсолютный приоритет и фактическое покровительство российского законодательства, они сформировались как «племенная корпорация торгашей-эксплуататоров» [17. С. 743]. В условиях гораздо лучшей организации и сплоченности еврейского населения русские, белорусы и украинцы оказывались неспособными к адекватному противостоянию. К тому же в условиях расширения свободы слова в 1860–1870-е гг. евреи стали активно использовать средства массовой информации для формирования поддержки общественного мнения [19]. Союзником их всегда являлась либеральная общественность, которая охотнее защищала интересы евреев, нежели собственного народа [20. С. 694–695].

Исходя из сказанного, И.С. Аксаков исключал необходимость и возможность каких-либо законодательных послаблений в отношении евреев. Целью государственной политики должна быть денационализация евреев. Для этого необходимо отказаться от поддержки еврейских общин и способствовать более активному вклю-

чению евреев в общероссийские процессы. И только отказ от своей национально-религиозной идентичности, демонстрация готовности к добровольной и осознанной ассимиляции даст евреям право на изменение социального и политического статуса. Евреи должны отказаться от притязаний на признание их в качестве самостоятельной народности и показать стремление к добровольной ассимиляции [18. С. 710].

Государство должно было занять четкую позицию и выработать систему мер по ограничению еврейской экспансии и защите русского населения от еврейской эксплуатации [21. С. 784–785]. В отношении других народов И.С. Аксаков уповал на ассимиляционные способности русского народа и настаивал на ограничении административных мер как неэффективных. В еврейском вопросе он фактически признавал неспособность русской общественности, русского национализма противостоять «еврейскому давлению» и требовал усиления именно государственного противодействия ему.

Список источников

1. Милюков П.Н. Разложение славянофильства : Данилевский. Леонтьев. Соловьев // Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции : сб. ст. и этюдов. СПб. : Знание, 1903. С. 266–306.
2. Мещеряков Н.М. Западники и славянофилы // Труды Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1939. Сб. IV. С. 193–201.
3. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М. : Мысль, 1983. 272 с.
4. Бабинцев В.П. «Еврейский вопрос» в социально-философской мысли Российской империи (XIX – начало XX вв.) : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.03. Белгород, 1999. 380 с.
5. Kohn H. Natlonalizm: Its Meaning and History. Princeton : D. Van Nostrand, 1955. 192 p.
6. Дьяченко А.Н. Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ : дис. … канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2004. 167 с.
7. Аверьянов А.В. Национальный вопрос в доктрине и политической практике русского консерватизма в конце XIX – начале XX вв. : дис. … канд. ист. Наук. Ростов н/Д, 2007. 200 с.
8. Кудряшев В.Н. Концепт русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 392 с.
9. Аксаков И.С. Петербург или Киев // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 72–79.
10. Аксаков И.С. Обезвредятся ли евреи, преобразовавшись в культурный слой? // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 787–801.
11. Аксаков И.С. Иудаизм как всемирное явление // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 725–734.
12. Аксаков И.С. По поводу статей Брафмана о кагале // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 747–756.
13. Аксаков И.С. О Талмуде // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 802–818.
14. Аксаков И.С. Что такое «еврей» относительно христианской цивилизации? // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 698–707.
15. Аксаков И.С. Следует ли дать евреям в России законодательные и административные права? // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 687–693.
16. Аксаков И.С. Разбор циркулярного воззвания «Еврейского Всемирного Союза» / И.С. Аксаков // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 827–842.
17. Аксаков И.С. Желательно ли расселение евреев по всей России? / И.С. Аксаков // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 735–746.
18. Аксаков И.С. Не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 708–713.
19. Аксаков И.С. Нормально ли положение евреев на нашем западе и юге, и их отношение к местному населению? // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 764–771.
20. Аксаков И.С. Отчего евреям в России иметь ту равноправность, которая не дается нашим раскольникам? // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 694–697.
21. Аксаков И.С. О том, как бы обезвредить евреев для христианского народонаселения // Аксаков И.С. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 772–786

References

1. Milyukov, P.N. (1903) *Iz istorii russkoy intelligentsii* [From the History of the Russian Intelligentsia]. St. Petersburg: Znanie. pp. 266–306.
2. Meshcheryakov, N.M. (1939) Zapadniki i slavyanofily [Westerners and Slavophiles]. *Trudy Vsesoyuznoy biblioteki im. V.I. Lenina*. IV. pp. 193–201.
3. Dudzinskaya, E.A. (1983) *Slavyanofily v obshchestvennoy bor'be* [Slavophiles in the Social Struggle]. Moscow: Mysl'.
4. Babintsev, V.P. (1999) *“Evreyskiy vopros” v sotsial'no-filosofskoy mysli Rossiyskoy imperii (XIX – nachalo XX vv.)* [“The Jewish Question” in the social and philosophical thought of the Russian Empire (19th – early 20th centuries)]. Philosophy Dr. Diss. Belgorod.
5. Kohn, H. (1955) *Natlonalizm: Its Meaning and History*. Princeton: D. Van Nostrand.
6. Dyachenko, A.N. (2004) *Russkiy natsionalizm kak ideologiya i sotsial'no-politicheskaya praktika: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Russian nationalism as ideology and socio-political practice: socio-philosophical analysis]. Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
7. Averyanov, A.V. (2007) *Natsional'nyy vopros v doktrine i politicheskoy praktike russkogo konservatizma v kontse XIX – nachale XX vv.* [The national question in the doctrine and political practice of Russian conservatism in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
8. Kudryashev, V.N. (2017) *Kontsept russkoy natsii v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii vtoroy poloviny XIX veka* [The concept of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Aksakov, I.S. (1886a) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 72–79.
10. Aksakov, I.S. (1886b) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 787–801.
11. Aksakov, I.S. (1886c) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 725–734.
12. Aksakov, I.S. (1886d) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 747–756.
13. Aksakov, I.S. (1886e) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 802–818.
14. Aksakov, I.S. (1886f) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 698–707.
15. Aksakov, I.S. (1886g) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov.pp. 687–693.
16. Aksakov, I.S. (1886h) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov.pp. 827–842.
17. Aksakov, I.S. (1886i) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 735–746.
18. Aksakov, I.S. (1886j) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 708–713.

19. Aksakov, I.S. (1886k) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 764–771.
20. Aksakov, I.S. (1886l) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 694–697.
21. Aksakov, I.S. (1886m) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 772–786

***Сведения об авторе*:**
Кудряшев Вячеслав Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kudryashev Vyacheslav N. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Documentation of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 09.07.2022; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(44+47)"1870/1914":323.11
doi: 10.17223/19988613/86/17

Понятие “идея нации” и значение сравнительно-исторического метода в его определении (на примере Франции и России в 1870–1914 гг.)

Владислав Владимирович Кульбашный

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, vladku92@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено значение сравнительно-исторического метода при выявлении «особого пути» национального развития. Проведен сравнительный анализ взглядов на нацию среди французских и российских представителей общественно-политической мысли 1870–1914 гг. Рассмотрено значение «идеи нации» на различных этапах национального строительства. Сделан вывод, что «идея нации» зарождается до оформления нации как субъективного явления, продолжает существовать и развиваться с созданием нации.
Ключевые слова: «идея нации», национализм, общественно-политическая мысль, Россия, Франция

Для цитирования: Кульбашный В.В. Понятие «идея нации» и значение сравнительно-исторического метода в его определении (на примере Франции и России в 1870-1914 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 135–140. doi: 10.17223/19988613/86/17

Original article

The concept of the “idea of a nation” and the meaning of the comparative and historical method in its definition (on the example of France and Russia in 1870–1914)

Vladislav V. Kulbashnyy

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, vladku92@mail.ru

Abstract. The objective of this paper is to give an attempt to define the concept of “idea of a nation,” noting the significance of the comparative historical method in the definition of the concept. The paper deals with the problem of removing the contradiction of the opposition “West” - “East”, “norm” - “deviation”, “progress” - “regress”, etc. on the example of the formation of national identity in France and the Russian Empire in 1870-1914. The author agrees with the point of view that the “idea of the nation” is a set of scientific and theoretical ideas about the nation, which are focused on understanding the past and present. Certain ideas formed by representatives of social and political thought are subsequently used by the state to conduct national policy. In the paper, the views on the nation (or other concepts similar in meaning and context) among the thinkers of France and Russia in 1870-1914 are conventionally divided into conservative, liberal or socialist. The author conducts a comparative historical analysis of the “idea of the nation”, based on the works of representatives of the French and Russian social and political thought of the period under review. The author concludes that the "idea of a nation" in France and Russia in 1870-1914 developed in the same direction, as evidenced by the comparison of views of representatives of conservative, liberal or socialist thought. Differences in the national policies of the two countries were due to the form of government (the republic in France, the absolute monarchy in Russia) and the state system as a whole, which led to the use of different ideas (liberal in France, conservative in Russia). Natural integrating factors, such as common territory, origin, historical development, traditions, played a significant role in the first stage of society’s integration (“pre-national”). In the second stage, a subjective factor, the “idea of a nation,” was added to the natural integrating factors, suggesting the conceptualization of one’s place and the role of a particular public association. The third stage is the “nation”. The "nation" is characterized by: the state system, the independence of domestic and foreign policy and, most importantly, the interaction of the central government with its population in order to confront internal and external challenges. Representatives of social and political thought are the connecting link between the central government and the population of the state. At the same time, during the third stage, the “idea of the nation” does not stop in its development, but on the contrary, continues to evolve, finding new mechanisms of interaction between the central government and the population of the state. During the period of 1870-1914 in France and Russia national identity was formed, reaching the third stage - the “nation”. But the “idea of the nation” continued to evolve.
Keywords: “the idea of a nation”, nationalism, social and political thought, France, Russia

For citation: Kulbashnyy, V.V. (2023) The concept of the “idea of a nation” and the meaning of the comparative and historical method in its definition (on the example of France and Russia in 1870-1914). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 135–140. doi: 10.17223/19988613/86/17

© В.В. Кульбашный, 2023

В последней трети XIX – начале XX в. на фоне территориальных изменений в Европе, из-за колониальной борьбы в Африке и Азии между «старыми» и «новыми» великими державами, в условиях столкновения интересов различных социальных и политических течений внутри стран произошло усиление позиций национализма, который выступил в роли «религии для общества, сулящей человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своем воображении» [1. С. 10]. Идея о единстве, воплощенная в нации, стала выступать как некое интегрирующее звено, способное сплотить различные слои населения.

В настоящее время в роли источника идентичности в рамках национализма по-прежнему выступает народ, который является носителем верховной власти, а также воплощением коллективной солидарности. Народ представляет собой массу населения, которая однородна и лишь искусственно разделяется на слои, классы, профессиональную принадлежность и т.д. Основанием для национализма, без которого он не может возникнуть, выступает идея. Идея, лежащая в основе национализма, есть «идея нации» [2. С. 8–9].

Важно то, что идеи, основывающиеся на знаниях о прошлом, настоящем, будущем нации, могут возникнуть лишь на определенной стадии развития той или иной общности. Также такого рода идеи возникают, прежде всего, в рядах людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью, и впоследствии принадлежат интеллектуальной истории [3. С. 70].

В итоге «идея нации» представляет совокупность научно-теоретических представлений о нации, которые ориентированы на осмысление прошлого и настоящего [4. С. 65–66].

В «идее нации» происходит определение наиболее значимых национальных интересов для общности. Представители общественно-политической мысли рассуждают о коллективных интересах, анализируют, структурируют их, выделяя наиболее важные. Их работа впоследствии принимает форму национального идеала [4. С. 67–68].

«Идея нации» ориентирована на осмысление окружающего мира с осознанием своей особенности, специфичности в рамках индивидуального и коллективного национального самосознания. Каждая национальная история по-своему уникальна, но нет повода для отрицания сравнения. Только те результаты, которые имеют возможность выдержать сравнение, дают относительно надежные сведения о транснациональном или национальном характере проблем.

Так, еще в последней четверти XVIII в. И.Г. Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» отметил, что каждая нация имеет свой особый путь, свой предопределенный сценарий развития, причем развитие происходит с разной скоростью. Молодые нации, которые находятся на низкой ступени своего генезиса, в будущем ждет расцвет, а те нации, которые достигли «зрелости», в будущем ожидает процесс старения и увядания [5. С. 440–442].

Существует множественность траекторий развития. Новая сравнительная методология снимает противопоставления «Запад–Восток», «норма–отклонение», «прогресс–регресс» и т.д. Но при этом отмечается, что речь не должна идти о невозможности сопоставления национальных траекторий с помощью компаративистского метода ввиду уникальности каждой нации [6. С. 30].

Традиционная компаративистика в 1980–1990-е гг. подверглась критике, ее минусами являлась невозможность преодоления «национальных кейсов», включающих набор для сравнения. Подобная модель носила излишне конструктивистский характер. По мнению исследователя М. Эспаня, необходимо обратить внимание на рассмотрение процессов культурной коммуникации, в первую очередь, трансферов или обменов информацией, идеями, знаниями, ресурсами [6. С. 32]. Таким образом, на смену традиционной компаративистике пришла теория трансферов (культурных, политических, экономических и др.).

В 1990–2000-е гг. возникает транснациональный подход, который отмечает, что теория трансферов не смогла преодолеть национальный уровень, на котором происходит процесс коммуникации. Сторонники транснационального подхода, например М. Вернер, отмечают проблематичность понятия национальных границ. На смену национальным сообществам приходит теория «сетей», внутри которых происходит процесс коммуникации, который не встречает на своем пути барьеров в виде государственных границ. Ярким примером является современное европейское пространство, где национальное не исчезает, но «интегрируется в новую сложную структуру обмена информацией и практиками» [6. С. 33].

Существует феномен того, что при сравнении конечный продукт всегда будет ассиметричным, так как обращение к другому контексту происходит, как правило, не ради него самого, а для лучшего понимания собственного национального феномена. Но сделать симметричное сравнение практически не представляется возможным, поскольку, во-первых, не будет хватать знаний об иной культуре в сравнении с собственной, во-вторых, любой точке зрения присущ субъективизм. Однако отказываться от компаративной истории не представляется необходимым. Используя сравнение, важно представлять его рамки [6. С. 33–34].

Как отмечает Х.-У. Велер, потребность в сравнительном анализе вызвана тем, что необходимо точнее определять, какими общими чертами характеризуется западный или восточный путь развития или играют ли различия в национальной истории решающую роль. Если при сравнении делать акцент на отличительных признаках, то принцип индивидуального легко довести до абсурдного состояния. Если делать упор на общие признаки, то можно с легкостью упустить тот аспект, в соответствии с которым именно особенные случаи требуют специального объяснения. Важную роль играют и сравниваемые объекты. Если речь идет о сравнении внутриевропейских стран, то акцент будет делаться на различиях между государствами и нациями, относящимися к Европе [7. С. 351–352]. Если рассматривать разные культуры, к которым можно отнести Францию и Россию, то между европейскими странами различий будет значительно меньше в сравнении с представителями разных цивилизаций и культур.

Существует проблема, когда при проведении сравнительно-исторического анализа траектории национального развития происходит «идеализация» Запада, определение его как «нормального пути». Такой путь не является верным по причине того, что в истории нет никаких других путей, кроме особых. Поэтому каждое государство, каждая нация претендует на свой путь к модерну. Использование «нормы» ставит целью не приближение к исторической реальности, или «абсолюту», а формулирование рамок, пересечение которых будет означать преодоление «нормы» [8. С. 462–463]. Наличие между национальными государствами различных общих черт, явлений и процессов еще не говорит о том, что есть один «истинный» и правильный путь к «модерну», к которому необходимо стремиться.

Также необходимо отметить, что ни одна нация не существует автономно. На нее всегда оказывается влияние «извне». Такое влияние «извне» пытается уловить теория трансфера, или транснациональный подход. Но необходимо полагаться не только на глобальные процессы, но и на изменения на микроуровне. Кейс-технология при рассмотрении особого пути позволяет историку создавать ряд кейсов, прорабатывая их максимально подробно и глубоко. В этой ситуации четко определяется субъект исследования, происходит освещение взаимосвязей между кейсом и контекстом, что отражает индивидуальность избранного субъекта, но при этом отрицается уникальность, что позволяет избежать наивного историзма и очищения мешающих объяснению исторических событий при помощи маневра телеологии [8. С. 470–473].

Отсюда следует, что при использовании сравнительно-исторического анализа представляется возможным выделять значимое количество характеристик для сравнения, «ни одна из которых не является решающей, но комбинация которых задает большее или меньшее портретное сходство» [6. С. 31].

При рассмотрении «идеи нации» в наследии представителей общественно-политической мысли во Франции и России в 1870–1914 гг. выявляется ряд как общих тенденций, так и отличий, более выраженных в одном из рассматриваемых государств ввиду, во-первых, особенного исторического, культурного, социального, политического, географического, экономического развития, а во-вторых, субъективных факторов, среди которых выделяются форма государственного правления и занимаемая центральной властью позиция относительно степени диалога со своим населением.

В частности, во Франции и России в 1870–1914 гг. многие мыслители оперировали понятиями «нация», «народ», «национальность», рассматривая их значение и применение на практике. Нам представляется возможным условно классифицировать их взгляды по принадлежности к общественно-политическим течениям: консервативному, либеральному и социалистическому.

Так, французские представители консервативной общественно-политической мысли 1870–1914 гг., к которым относятся И. Тэн [9, 10], Э. Ренан [11], Г. Тард [12], Г. Лебон [13], М. Баррес [14], рассуждая об «идее нации», «стремились аргументированно лишить “нацию” политического содержания, наполнив ее рассуждениями о “духе”, который определяет особость той или иной нации» [15. С. 79]. Особость «национального духа» могла складываться под влиянием определенных традиций, языка, уровня развития культуры, религиозных воззрений и других факторов, основываясь на преемственности. Именно за счет естественных факторов происходила интеграция населения, что позволяло говорить о национальном строе. Но в то же время начинала прослеживаться мысль об определенных искусственных факторах, которые определяли нацию и способствовали интеграции населения. Одним из таких механизмов являлась работа над прошлым, связанная с выделением выгодного и важного для процветания нации и исключения того, что может навредить ее дальнейшему развитию [15. С. 79]. В Российской империи представители консервативной мысли – Н.Я. Данилевский [16], К.Н. Леонтьев [17], Л.И. Тихомиров [18, 19] – в рассматриваемый период ввиду существования самодержавного строя во многом безальтернативно останавливались на естественных факторах формирования нации. Основными интегрирующими элементами для российских мыслителей выступали культура, форма правления и религия. Причем религиозная система для многих являлась ключевой. При этом в своих размышлениях исследователи стояли на пути обособленного развития России и славянских народов, выступая против развития человечества как единого организма [15. С. 80].

Представители французской либеральной общественно-политической мысли 1870–1914 гг. Э. Лабулэ [20], Ж. Симон [21], А. Фуллье [22] в своих размышлениях об «идее нации» значимую роль отводили принципу свободы и поступательному прогрессу, в результате чего, по их мнению, происходили складывание и развитие национальных образований. Французские мыслители в условиях становления Третьей республики обращались к настоящему и будущему нации, предпринимая попытки выстроить траектории ее успешного развития. Они видели идеалом для французской нации республиканскую форму правления, считая, что она способна воплотить все идеи, которые свойственны французскому духу. Также представители французской либеральной мысли обращали свой взор, прежде всего, на свою родную страну, сосредоточив свое внимание «на внутренних проблемах, а не размышляя о нации в целом и ее месте в мире» [23. С. 73–74]. Представители российской либеральной общественно-политической мысли исследуемого периода А.Д. Градовский [24], Б.Н. Чичерин [25], П.Н. Милюков [26] также рассматривали принцип прогресса и изменения общества. Они стали оперировать понятием «нация» или близкими по контексту понятиями («национальность», «народ») не только как естественным, но и как социально-политическим явлением. В российской либеральной общественно-политической мысли в последней трети XIX – начале XX в. «прослеживалась идея о возможности существования нации как линейной системы, проходящей схожие этапы в своем становлении» [23. С. 74].

Представители французской социалистической общественно-политической мысли в 1870–1914 гг., такие как Ж. Жорес [27], Э. Дюркгейм [28], вели поиск пути к справедливому общественному устройству на базе перераспределения ресурсов между богатыми и бедными для их уравнивания и усреднения, а также основываясь на распределении труда. Главным представителем такого общества являлся рабочий, представитель пролетариата. Подобное общественное устройство и такой уклад нации, по их мнению, являлись справедливыми, способными интегрировать население и противостоять внутренним, внешним вызовам и кризисным явлениям. Российские представители социалистической и марксистской общественно-политической мысли Н.Г. Чернышевский [29], П.Л. Лавров [30], П.Н. Ткачев [31], В.И. Ленин [32] отмечали, что национальные образования являются неустойчивыми, вбирают в себя новые элементы, меняя язык, традиции и предания. Национальность не является врагом социализма. Различия между национальностями не должны играть значимую роль при единой классовой цели. В то же время возрастающая роль капитализма способствует столкновению интересов различных наций, а также является важным фактором, способным дестабилизировать национальное единство в рамках одного государства.

Из сказанного следует, что многие государства слишком похожи друг на друга. Но добавление «идеи нации» способствует тому, что представители одного государства видят свои отличия от представителей других. «Идея нации» служит для легитимации существующих порядков.

Отсюда вытекает и то, что «идея нации» является более приемлемой концепцией, нежели «национализм». «Национализм» может восприниматься в радикальном контексте, данное понятие политизировано и многомерно. «Идея нации» «более открыта для описания всех вариантов в государстве» [33].

Таким образом, рассмотрев понятие «идея нации», а также определив роль сравнительно-исторического метода в определении «идеи нации», представляется возможным сделать следующие выводы.

Такие интегрирующие элементы, как единство территории, происхождения, истории, культуры, общая судьба являются первым этапом на пути интеграции общества, со временем имеющего возможность сформироваться в нацию. Но далеко не всегда социальные объединения, созданные на основе естественных интегрирующих факторов, идут к нации. В одних случаях на данной стадии может существовать государство, в других до государственного образования еще очень далеко.

На втором этапе закладывается «идея о нации», или «идея нации». На данной стадии происходят метаморфозы, связанные с непрерывными изменениями естественных интеграционных факторов под влиянием социальных процессов, а также активный процесс взаимодействия между населением и государственным образованием.

В случае существования государственного строя у центральной власти возникает стремление контролировать общественные процессы и массовое сознание. К такой идее центральную власть могут подтолкнуть процессы снизу благодаря высокому уровню общественного сознания, высокой степени грамотности среди населения, а также факторам, способствующим сплочению общественности при наличии общей внешней угрозы. Примером такого государства является Франция последней трети XIX – начала XX в., оказавшаяся в кризисном состоянии после поражения в войне с Пруссией, мечтающая о реванше, строящая Третью республику. Но «идея нации» может прививаться и сверху, когда центральная власть стремится сохранить свои позиции, проводя охранительную политику. Здесь примером является Российская империя 1870–1914 гг., в которой после волны необходимых либеральных по своему характеру реформ Александра II и определенных успехов в разных сферах общественной жизни начался процесс контрреформ, вызванных стремлением всеми силами сохранить самодержавие.

Также «идея нации» может возникнуть в социальном образовании без государственного строя. В таком случае происходит освободительная борьба в различных сферах за независимость, конечный пункт которой – суверенное государство (например, освободительная борьба в польской части Российской империи).

Важно отметить, что вторая стадия образования нации является наиболее уязвимой и неустойчивой. Идея создания нации может испытывать невосполнимое давление как внутри социального образования, так и извне.

Третья стадия – собственно нация. На данном этапе обязателен государственный строй с относительно устойчивой и сильной центральной властью, независимой внутренней и внешней политикой. Также государство имеет четкое осознание того, что необходима интеграция государственных институтов со своим населением для того, чтобы иметь возможность противостоять внутренним и внешним вызовам. Третья стадия продолжается до тех пор, пока существует государство. В течение третьей стадии «идея нации» продолжает развиваться, включая в себя новые формы взаимодействия с населением страны.

Список источников

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
3. Артановский С.Н. Идея нации в контексте интеллектуальной истории // Интеллигенция и нравственность : социологические очерки / науч. ред. и сост. В.Т. Лисовский, Л.И. Коханович. М. : НИИВО, 1993. С. 70–91.
4. Путилов С.В. Идея нации и национальная идея: различие и взаимосвязи // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 4. С. 63–67.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.
6. Анташев Т., Велижев М. «Особый путь»: от идеологии к методу // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 9–35.

7. Велер Х.-У. «Особый путь Германии» или общие проблемы западного капитализма? К вопросу о критике некоторых «мифов немецкой историографии» // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 343–358.
8. Дубина В. «Особый путь» теории Sonderweg в интерпретации национальной истории // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 459–477.
9. Тэн И. Философия искусства. М. : Республика, 1996. 351 с.
10. Тэн И. Происхождение современной Франции. СПб. : Типография П.Ф. Пантелеева, 1907. Т. 1. 295 с.
11. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений : в 12 т. Киев : Изд. Б.К. Фукса, 1902. Т. 6. С. 87–102.
12. Тард Г. Социальная логика. СПб. : Соц.-психол. центр, 1996. 555 с.
13. Лебон Г. Психология социализма. СПб. : Тип. акц. о-ва «Слово», 1908. 376 с.
14. Barres M. Scènes et Doctrines du nationalism. Paris : F. Juven, 1902. 518 p.
15. Кульбашный В.В. Сравнительный анализ «идеи нации» во французской и российской консервативной мысли 1870–1914 гг. // Преподавание истории в школе. 2018. № 5. С. 78–80.
16. Данилевский Н.Я. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 814 с.
17. Леонтьев К.Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву. О национализме политическом и культурном // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 969–1085.
18. Тихомиров Л.А. К вопросу о терпимости // Русское самодержавие. URL: http://samoderjavie.ru/node/485 (дата обращения: 25.08. 2018).
19. Тихомиров Л.А. Русское дело и обрусение // Русское самодержавие. URL: http://samoderjavie.ru/tihomirov-russkoe-delo (дата обращения: 25.08.2018).
20. Laboulaye E. La républiqueconstitutionnelle. Paris : Charpentier, 1871. 37 p.
21. Simon J. La Liberté Politique. Paris : Hashette, 1881. VIII, 376 p.
22. Fouillée A. Esquissepsychologique des peupleseuropéens. Paris : F. Alcan, 1903. XXIX, 550 p.
23. Кульбашный В.В. «Идея нации» в либеральной общественно-политической мысли во Франции и России в 1870–1914 годах: сравнительно-исторический анализ // Преподавание истории в школе. 2018. № 10. С. 71–74.
24. Градовский А.Д. Государство и народность: опыт постановки национального вопроса по отношению его к политике. М. : Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1873. 24 с.
25. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1899. 838 с.
26. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1901. Ч. 3: Национализм и общественное мнение. 187 с.
27. Жорес Ж. Идеалистическое и материалистическое понимание истории : докл. Ж. Жореса и ответ П. Лафарга. СПб. : Лит. дело, 1906. 38 с.
28. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. 432 с.
29. Чернышевский Н.Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории // Чернышевский Н.Г. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1987. Т. 2. С. 544–623.
30. Лавров П.Л. Национальность и социализм. Женева : Изд. Рус. рабочего о-ва в Париже, 1887. 16 с.
31. Ткачев П.Н. Революция и принцип национальности. URL: http://az.lib.ru/t/tkachew_p_n/text_1878_rev_i_printzip.shtml (дата обращения: 29.08.2018).
32. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. URL: http://libelli.ru/works/1-1.htm (дата обращения: 29.08.2018).
33. Van den Bergh G. Notes on the Idea of a Nation // Human Figurations. URL: http://hdl.handle.net/2027/spo.11217607.0005.206 (дата обращения: 02.02.2019).

References

1. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English by V.G. Nikolaev. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
2. Grinfeld, L. (2012) *Natsionalizm. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism. Five Paths to Modernity]. Translated from English. Moscow: PER SE.
3. Artanovskiy, S.N. (1993) Ideya natsii v kontekste intellektual'noy istorii [The idea of a nation in the context of intellectual history]. In: Lisovskiy, V.T. & Kokhanovich, L.I. (eds) *Intelligentsiya i nravstvennost': sotsiologicheskie ocherki* [Intelligentsia and morality: Sociological essays]. Moscow: NIIVO. pp. 70–91.
4. Putilov, S.V. (2007) Ideya natsii i natsional'naya ideya: razlichie i vzaimosvyazi [The idea of a nation and the national idea: Differences and relationships]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 4. pp. 63–67.
5. Gerder, I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of Human History]. Moscow: Nauka.
6. Antashev, T. & Velizhev, M. (2018) “Osobyy put”: ot ideologii k metodu [“Special path”: from ideology to method]. In: Antashev, T., Velizhev, M. & Zorin, A. (eds) *“Osobyy put'”: ot ideologii k metodu* [“Special path”: From ideology to method]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–35.
7. Wehler, H.-U. (2018) “Osobyy put' Germanii” ili obshchie problemy zapadnogo kapitalizma? K voprosu o kritike nekotorykh “mifov nemetskoy istoriografii” [“Germany’s special path” or the general problems of Western capitalism? On the criticism of some “myths of German historiography”]. In: Antashev, T., Velizhev, M. & Zorin, A. (eds) *“Osobyy put'”: ot ideologii k metodu* [“Special path”: From ideology to method]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 343–358.
8. Dubina, V. (2018) “Osobyy put’” teorii Sonderweg v interpretatsii natsional'noy istorii [The “special path” of the Sonderweg theory in the interpretation of national history]. In: Antashev, T., Velizhev, M. & Zorin, A. (eds) *“Osobyy put'”: ot ideologii k metodu* [The “special path”: From ideology to method]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 459–477.
9. Ten, I. (1996) *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow: Respublika.
10. Ten, I. (1907) *Proiskhozhdenie sovremennoy Frantsii* [The Origin of Modern France]. Vol. 1. St. Petersburg: P.F. Panteleev.
11. Renan, E. (1902) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works. In 12 vols]. Vol. 6. Kiev: B.K. Fuks. pp. 87–102.
12. Tard, G. (1996) *Sotsial'naya logika* [Social Logic]. Translated from French. St. Petersburg: Sots.-psikhol. Tsentr.
13. Le Bon, G. (1908) *Psikhologiya sotsializma* [Psychology of Socialism]. Translated from French. St. Petersburg: Tip. akts. o-va “Slovo.”
14. Barres, M. (1902) *Scènes et Doctrines du nationalism*. Paris: F. Juven.
15. Kulbashnyy, V.V. (2018) Sravnitel'nyy analiz “idei natsii” vo frantsuzskoy i rossiyskoy konservativnoy mysli 1870–1914 gg. [A comparative analysis of the “idea of nation” in French and Russian conservative thought 1870–1914]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 5. pp. 78–80.
16. Danilevskiy, N.Ya. (2008) *Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic and Germanic-Romance worlds]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
17. Leontiev, K.N. (2010) *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and the future fate of Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 969–1085.
18. Tikhomirov, L.A. (n.d.) *K voprosu o terpimosti* [On tolerance]. [Online] Available from: http://samoderjavie.ru/node/485 (Accessed: 25th August 2018).

19. Tikhomirov, L.A. (n.d.) *Russkoe delo i obrusenie* [Russian affair and Russification]. [Online] Available from: http://samoderjavie.ru/tihomirov-russkoe-delo (Accessed: 25th August 2018).
20. Laboulaye, E. (1871) *La républiqueconstitutionnelle*. Paris: Charpentier.
21. Simon, J. (1881) *La Liberté Politique*. Paris: Hashette.
22. Fouillée, A. (1903) *Esquissepsychologique des peupleseuropéens*. Paris: F. Alcan.
23. Kulbashnyy, V.V. (2018) “Ideya natsii” v liberal'noy obshchestvenno-politicheskoy mysli vo Frantsii i Rossii v 1870–1914 godakh: sravnitel'no-istoricheskiy analiz [“The idea of a nation” in liberal socio-political thought in France and Russia in 1870–1914: A comparative historical analysis]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 10. pp. 71–74.
24. Gradovskiy, A.D. (1873) *Gosudarstvo i narodnost': opyt postanovki natsional'nogo voprosa po otnosheniyu ego k politike* [State and nationality: The national question in relation to politics]. Moscow: A.I. Mamon-tov i K°.
25. Chicherin, B.N. (1899) *O narodnom predstavitel'stve* [About people's representation]. Moscow: I.D. Sytin.
26. Milyukov, P.N. (1901) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 3. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
27. Jaurès, J. (1906) *Idealisticheskoe i materialisticheskoe ponimanie istorii: dokl. Zh. Zhoresa i otvet P. Lafarga* [Idealist and materialistic understanding of history: report. J. Jaurès and P. Lafargue's answer]. Translated from French. St. Petersburg: Lit. delo.
28. Durkheim, E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Translated from German. Moscow: Kanon.
29. Chernyshevskiy, N.G. (1987) *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 544–623.
30. Lavrov, P.L. (1887) *Natsional'nost' i sotsializm* [Nationality and socialism]. Geneva: Russian Workers' Society in Paris.
31. Tkachev, P.N. (n.d.) *Revolyutsiya i printsip natsional'nosti* [Revolution and the Principle of Nationality]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/t/tkachew_p_n/text_1878_rev_i_printzip.shtml (Accessed: 29th August 2018).
32. Lenin, V.I. (n.d.) *Chto takoe “druz'ya Naroda” i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov* [What are “friends of the people” and how do they fight against the Social Democrats]. [Online] Available from: http://libelli.ru/works/1-1.htm (Accessed: 29th August 2018).
33. Van den Bergh, G. (n.d.) *Notes on the Idea of a Nation*. [Online] Available from: http://hdl.handle.net/2027/spo.11217607.0005.206 (Accessed: 2nd February 2019).

***Сведения об авторе*:**
Кульбашный Владислав Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: vladku92@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kulbashny Vladislav V. – Postgraduate Student of the Department of General History and International Relations of the Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vladku92@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2019; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 19.03.2019; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 930.1
doi: 10.17223/19988613/86/18

Исторические темпоральности в диалоге Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека

Наталья Валерьевна Трубникова[1], Анна Геннадьевна Мананникова[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] troub@mail.ru
[2] anytamanannikova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия К. Шмитта и Р. Козеллека. Проявлены следы рецепции и трансформации идей Шмитта в работах младшего коллеги. Отмечены факторы общей интеллектуальной среды и социокультурного опыта. Показаны отношения преемственности и развития между идеями о контекстуализации категорий права и «историей понятий», применение в рефлексии об исторической типологизации бинарных оппозиций, выделенных Шмиттом, общее и особенное в восприятии темпорального опыта. Выявлены линии преодоления идей Шмитта, разделяемых ранним Козеллеком, в опыте исследования «слоев времени».
Ключевые слова: Карл Шмитт, Райнхарт Козеллек, история понятий, базовые семантические категории, исторические темпоральности, темпоральный режим современности

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке программы развития Томского государственного университета «Приоритет-2030», проект № 2.3.7.22 ОНГ.

Для цитирования: Трубникова Н.В., Мананникова А.Г. Исторические темпоральности в диалоге Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 141–149. doi: 10.17223/19988613/86/18

Original article

Historical temporalities in the dialog between Carl Schmitt and Reinhart Kozelleck

Natalia V. Trubnikova[1], Anna G. Manannikova[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] troub@mail.ru
[2] anytamanannikova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the interaction and space of dialogue between the jurist Carl Schmitt and the historian Reinhart Kozelleck, who were connected by the ties of a long-lasting friendship.
The aim of the research is to recognize the traces of the Schmidt's ideas reception and interdisciplinary creative transformation by his younger colleague Reinhart Kozelleck in his research.
From his student years, Kozelleck was under the intellectual influence of Schmitt, considering him one of his main mentors. One of the reasons for the rapprochement between the two researchers was the attempt to find support in understanding the political and historical reality of the post-war period.
Authors note the factors of shared intellectual environment and socio-cultural experience that brought the two scholars together. Not being a historian, Carl Schmitt invariably turned to the historical dimension of the issues he considered, which attracted the attention of his young colleague, passionate about the study of historical reality. The article also shows relations of continuity and development between Schmitt's reflexion about the necessary contextualisation of categories of law and Kozelleck's "history of concepts", the application of binary political oppositions highlighted by Schmitt in the reflection on historical typologisation, the common and special in the perception of temporal modern experience. The final part of the essay reveals the lines of overcoming some of Schmittian ideas, shared by the early Kozelleck, in the experience of researching "layers of time" and patterns of the repetitive in history.
An analysis of the works of Carl Schmitt and Reichardt Koselleck, as well as their intellectual dialogue, showed that Koselleck does not simply inherit some of Schmitt's ideas or borrow his method, he develops the ideas of a jurist from the field of political theory to the level of analytical schemes that can be applied to historical material. Thus, Schmitt's unique value for a historian was determined by the fact that he was able to become a source of inspiration, contributing to the formation of an independent and successful research project in the subject field of historical science.
Keywords: Carl Schmitt, Reinhart Kozelleck, history of concepts, basic semantic categories, historical temporalities, temporal regime of Modernity

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Tomsk State University development Program "Priority-2030", project No. 2.3.7.22 ONG.

© Н.В. Трубникова, А.Г. Мананникова, 2023

For citation: Trubnikova, N.V., Manannikova, A.G. (2023) Historical temporalities in the dialog between Carl Schmitt and Reinhart Kozelleck. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 141–149. doi: 10.17223/19988613/86/18

В истории гуманитарных наук авторитетных ученых зачастую представляют как вневременных гигантов мысли, пронзивших тусклый идейный свод своих эпох гениальными прозрениями. В действительности, как убедительно доказывает современная социология науки, внутренние интенции, неизбежный отпечаток жизненного опыта, базовая интеллектуальная рамка «держателя новых смыслов», особенно в период его личностного становления, неотрывно привязывают его к своей эпохе и тем людям, с которыми он был в контакте.

Так, немецкий историк Рейнхард Козеллек (1923–2006), чей портрет, несомненно, уже представлен в галерее великих, а рефлексия об исторической семантике и темпоральных режимах последнюю четверть века лишь расширяет ареал своей популярности и активно муссируется по всему миру, в историографии чаще описывается скорее как феномен, чем как укорененная в истории своей страны личность, подверженная воздействию выпавших на его долю событий и сред общения. И все же авторы интеллектуальных биографий Козеллека признают, что правовед и мыслитель Карл Шмитт (1888–1985) оказал на своего молодого коллегу существенное влияние и с точки зрения консолидации его общих идейно-теоретических основ, и в аспекте формирования будущей «истории понятий», если не в прямом идейно-политическом воздействии, то совершенно точно – в плоскости методологии исследования [1. С. 159].

В отличие от Козеллека Карл Шмитт не удостоился чести быть однозначно представленным в «галерее великих»: скорее, ему уготована роль «неконвенционального классика». Мефистофилем государственного права называл Карла Шмитта Михаэль Штолльайс, франкфуртский юрист и историк права [2. С. 7]. Шмитт последовательно придерживался нацистских взглядов и не смирился с процедурами денацификации после поражения Германии, что сделало его неоднозначной фигурой в глазах исследователей, которые вынуждены быть осторожными и с рецепцией, и – тем более – с трансляцией его идей. Восприятие Карла Шмитта со стороны социологов и историков затрудняет и тот факт, что Шмитт был юристом и политическим теоретиком, не поддерживавшим формальных отношений с другими науками, более того, он оспаривал великое наследие немецкого историзма, приучившего гуманитариев располагать свои суждения в канве традиций и долговременных преемственностей. И все же можно смело утверждать, что влияние Карла Шмитта распространяется и на развитие западной историографии, поскольку в течение долгих десятилетий эпистолярных обменов он оказался причастен к формированию и оттачиванию концепций исторического времени и семантики, вышедших из-под пера Рейнхарда Козеллека, который разделял интерес Шмитта к понятийному аппарату гуманитарных наук и изучению эпохальных кризисов, совершавших радикальные разрывы в сфере мировоззрения и политического действия.

Как признанный теоретик права Карл Шмитт не нуждается в представлении, однако понимание его роли старшего коллеги и идейного наставника для историка, во многом предопределившего современные исследования темпоральных турбулентностей прошлого и настоящего, требует пояснения, и именно сквозь эту призму необходимо посмотреть на жизненные перипетии «коронованного юриста Третьего рейха» [3. P. 818].

Родившийся в традиционной католической семье, мечтавший изучать филологию, но по настоянию дяди ставший юристом, Карл Шмитт после обучения в Мюнхене и Страсбурге в 1910 г. защитил диссертацию по уголовно-правовой тематике, однако сумел сохранить «общегуманитарный» вектор своих исследовательских интересов. По воспоминаниям одного из учителей Шмитта Ценхоффа, с начала своей карьеры тот обладал выраженным системным мышлением и невероятной систематичностью в работе с понятиями и идеями. Сохранившиеся личные дневники Шмитта содержат следы работы автора с понятиями, определение их через словари и тезаурусы, использование различных языков и смысловых нюансов, свидетельствуя о его неизбывной страсти к словам и их значениям, что называется, «с младых ногтей» [4. С. 107–108].

Следует отметить, что уже в 1920-е гг. Карл Шмитт снискал признание как один из крупнейших юристов своего времени, а его работы «Политическая теология» (1922) и «Понятие политического» (1927) до сих пор называют в ряду самых значительных книг XX в. [5]. Как и многие ученые межвоенного периода, Карл Шмитт проявлял активную гражданскую позицию. В 1930-е гг. он поддерживал политические инициативы Гитлера, в мае 1933 г. вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию, а уже через год стал главным редактором нацистской юридической газеты Deutsche Juristen-Zeitung. Эти непреложные биографические факты послужили причиной отторжения его идей в академическом социуме после поражения Третьего рейха.

Однако, несмотря на его искреннюю приверженность идее диктатуры, поддержку правящей партии и даже попытки юридической легитимации действий Гитлера в одной из самых противоречивых работ «Фюрер защищает право», уже в 1936 г. Шмитт был обвинен в оппортунизме и фактически отлучен от участия в мероприятиях фашистской власти. Тем не менее созданная им геополитическая доктрина «больших пространств», превосходившая рамки теории национальных государств и легитимирующая территориальную экспансию (отнюдь, впрочем, не первая в немецкой политической мысли), лишь усугубила впоследствии мнение об ученом как соратнике Гитлера.

Активное участие Шмитта в построении идейных основ политики нацизма и присущий ему антисемитизм сделали его персоной non grata в научных кругах послевоенного периода, а неприятие политики дена-

цификации Германии в 1945 г. закрыло ему доступ к работе в университетской среде. С 1947 г. Карл Шмитт фактически оказался «внутренним эмигрантом» в своей стране, при этом сохранив неформальное и одновременно ощутимое присутствие на интеллектуальном небосклоне этого периода [6. С. 159]. Он продолжал анализировать политическую ситуацию послевоенного времени с правоконсервативных позиций и становился все более притягательной фигурой для молодых исследователей из разных академических кругов [7. P. 197]. Более того, шмиттианской направленности придерживался один из ведущих журналов Der Staat, что было явным признаком значительного влияния на интеллектуальную жизнь Германии [8].

«Нерукопожатный» Шмитт описывал себя как последнего теоретика современного государства, принадлежащего к уходящей эпохе [9. P. 760], чем демонстративно противопоставлял себя интеллектуальной элите Германии. Внутренне смирившись со своим особенным положением, он осознавал, насколько одиозной фигурой является, и сам советовал своим ученикам и коллегам отказаться от ссылок на его работы во избежание предвзятого отношения к ним. В 1950-е гг. Карл Шмитт предпринимает попытку вернуться в академическое сообщество, как до него это сделали М. Хайдеггер, Г. Бенн и Э. Юнгер. Однако новые, более сдержанные публикации Шмитта не стали для него пропуском в академическую среду, что, несомненно, разочаровало автора, но не заставило его отказаться от научной работы [10. С. 34–36].

Как произошло знакомство двух ключевых фигур послевоенной германской науки – «коронованного юриста Третьего рейха», находящегося во внутренней эмиграции и фактически изгнанного из академической среды, и молодого, подающего надежды историка, ветерана проигравшей стороны, вернувшегося из советских лагерей и желавшего понять устройство послевоенного мира и влияние на него предшествующей истории? Встреча двух исследователей состоялась в Гейдельберге в начале 1950-х гг. через общего знакомого – друга Козеллека Николауса Зомбарта, вместе с которым историк посещал семинары Альфреда Вебера. На своих семинарах Веберу удалось собрать студентов, проявлявших интерес к проблематике конфликта, многие из которых нашли в Шмитте своего наставника. Приверженность «старым» немецким началам и незримое присутствие Шмитта в интеллектуальном поле, несмотря на общую ауру нелегитимности, делали этот многообещающий «запретный плод» интересным для молодых исследователей, придавали оппозиционному ученому чарующий ореол консервативного мировоззрения и проницательности, которые, как казалось, были забыты в академической среде в пользу рационального «американского» подхода [7. P. 188]. По воспоминаниям Зомбарта, Шмитт проводил встречи с научной молодежью в Гейдельберге, в избранном кружке студентов, для которых он был авторитетом. Он был «необычайно приветлив», «мягок и примирителен в своих замечаниях и суждениях», наслаждаясь ролью «контр-Университета», воплощенной в одном лице. Он выступал устроителем своего рода закрытого клуба дискуссий, являвшегося «еретической линией» буржуазной интеллектуальной культуры, это общение было своего рода тайной «эзотерической коммуникацией, которая, наряду с активной эпистолярной культурой», формировала «квазиакадемическое преподавание» [11. S. 313].

Знакомство двух исследователей привело к неофициальному наставничеству Карла Шмитта над Козеллеком во время написания им первой (кандидатской) диссертации «Критика и кризис. Исследование патогенеза буржуазного общества» (научный руководитель – Йоханнес Кюн). Нужно отметить, что именно после выхода диссертации в свет Козеллек приобрел репутацию шмиттианца, что влекло за собой неприятие в отдельных академических кругах [7. P. 207]. В английском переводе «Критики и кризиса» ссылки на работы Шмитта были вовсе опущены, вероятно, с целью скрыть связь Козеллека со столь подозрительной фигурой [9. P. 756]. Однако подобная настороженность академического сообщества явно не останавливала Козеллека от сотрудничества со Шмиттом, и в интервью Никласу Олсену много лет спустя Козеллек даже назвал Шмитта самым значительным своим учителем [9. P. 752].

Можно предположить, что одной из причин сближения двух исследователей стала попытка найти опору в осмыслении политико-исторической реальности послевоенного времени, хотя каждый и пытался очертить ее по-своему: Шмитт – через политику, Козеллек – через историю. Этот подход имел общую основу в ответах на вопросы о роли идеологии, уникальности и повторяемости событий, влиянии современности и всеобщности процессов политогенеза. Шмитт придерживался антилиберального и безусловно критического по отношению к «проекту Просвещения» образа современного государства, ценным наследством которого является только многовековой опыт предшествующего политического господства различных правителей, способных принимать ответственные и критически важные для выживания страны решения. Эта воля к господству всегда опирается на философские, юридические и моральные максимы, которые коренятся в ключевых понятиях – носителях основных мировоззренческих смыслов. До определенной степени идея «разоблачения» морализаторских лицемерных дискурсов либеральных политиков импонировала и Козеллеку: оба они стремились к выявлению наиболее общей и формализованной рамки самых значимых понятий, которые позволили бы выйти на уровень рассуждений, более фундаментальный по отношению к любым социально-политическим конъюнктурным импликациям.

Еще одной темой для сближения, несомненно, стала война, опыт которой был травматичным для обоих исследователей: для Шмитта таковым стали фактически разрушенная академическая карьера и разочаровывающие попытки возвращения в научную среду, для Козеллека – не менее травмирующий опыт участия в военных действиях, советский плен в Караганде и серьезный ущерб здоровью. Оба они стремились через историко-политический ракурс понять исторический фон современности, определить в нем место таких

понятий, как «конфликт» и «кризис». На протяжении всей истории их знакомства Козеллек регулярно навещал своего наставника и в течение 30 лет поддерживал с ним регулярную переписку [12. P. 559]. Согласно воспоминаниям историка, темы их бесед со Шмиттом охватывали широкий спектр от политики до искусства.

Перечисляя своих учителей, Козеллек называл К. Шмитта наряду с Х.-Г. Гадамером и М. Хайдеггером [13. С. 249]. Несмотря на возможный «репутационный ущерб», Козеллек описывал свои отношения со Шмиттом как невероятно плодотворные: «без вопросов и вдохновения [Шмитта] я, вероятно, думал бы иначе», – отмечал он, резюмируя, что «Критика и кризис», вероятно, «не могли бы быть написаны» без дискуссий со Шмиттом [12. P. 564]. Все свидетельствует о глубоком уважении и благодарности Козеллека по отношению к своему наставнику. Связь со Шмиттом, несомненно, повлияла и на становление образа Козеллека в академической среде как политически подозрительного, однако этот аспект его интеллектуальной биографии вскоре был оттеснен на второй план благодаря несомненному эвристическому потенциалу работ самого историка [14].

Кроме того, общение Шмитта с Козеллеком происходило не только через личную переписку и взаимные визиты, но также через прямо (личные связи) или косвенно (общий идейный контекст) образуемые интеллектуальные сети. По мнению исследователей, на интеллектуальный путь Козеллека помимо самого Шмитта также повлияли и его коллеги Э. Форстхофф и Ф. Виакере. Козеллек был частым участником семинаров Эбраха, большинство участников которых имели тесные связи со Шмиттом [15].

Таким образом, основной причиной значительного влияния Шмитта на молодые умы, помимо его идейного нонконформизма, стали невероятная широта и синтезирующий характер его исследовательского подхода, соединяющего правовые, юридические, философские, религиозные, социологические и исторические теории и идеи [2. С. 8]. Еще большей пестротой и многогранностью отличается тематика, поддерживаемая Шмиттом в переписке с его учениками [12. P. 560].

Обозначенное наименование Карла Шмитта как «Мефистофеля государственного права» характеризует важную и пока недооцененную черту шмиттианского наставничества: он, как и демон-искуситель, придуманный Гёте, не обрекал учеников на единственный путь, приписываемый ему недругами (приверженность идеям нацизма, деспотии и больших пространств в данном случае становится метафорой желания самого злокозненного духа), но давал им свободу развивать и оттачивать собственное острие мысли. В ходе многолетних бесед и переписки с Рейнхардом Козеллеком он передал ему свою внимательность к понятиям, пристрастие к междисциплинарности и рецепции идей из разных академических полей, тем самым внося свой вклад в становление темпорального дискурса историка.

Несмотря на сопричастность исследовательским вопросам Рейнхарда Козеллека, сам Шмитт никогда не заявлял о своем прямом интересе к реконструкциям прошлого, хотя многие его идеи имели ясную связь с историческими контекстами, в первую очередь когда речь шла о работе с терминологией права. «Юридическое толкование… не может осуществляться без историко-критического сознания, если не хочет оказаться в безыдейном формализме и пустых спорах о словах», – писал автор [16. С. 182], что дало основание исследователям интерпретировать многие его труды как «концептуальные истории политики, а также исследования изменений во времени в отношении исторических парадигм, правовых и теологических концепций порядка и пространства» [17. P. 363].

Не будучи историком и не считая себя таковым, Карл Шмитт неизменно обращался к историческому измерению рассматриваемых им вопросов, утверждая, что рассмотрение правовых феноменов вне исторического контекста не имеет смысла, так как каждая идея может быть понята в динамике и трансформациях ее бытования: «Каждое из многочисленных изменений и переворотов в человеческой истории и развитии порождало новые формы и новые измерения» [18. С. 53]. Уже в Веймарский период своего творчества Шмитт развивал идею о необходимости интерпретации понятий с учетом господствующего метафизического образа каждой конкретной эпохи [9. P. 752]. Именно благодаря изучению фактологического контекста понятия и норм его использования в длительном периоде могут быть выстроены смысловые рамки, темпоральные и локальные нюансы одних и тех же, на первый взгляд, правовых понятий.

В различных текстах автор призывает читателей учитывать исторические контексты существования норм и понятий, производить их строгую историзацию, дистанцируясь от привычных современных смыслов и рисков неоправданной модернизации исторического материала [10. С. 34], обращается к трактовкам рассматриваемого понятия, произведенным предшественниками и авторами исторических свидетельств в «многочисленных исторических ситуациях» [16. С. 314]. Сам Шмит обращался и к корпусу историографических сочинений во время работы с определениями, но остался неудовлетворен качеством работы историков в области истории понятий. «Есть несколько исторических работ, в которых показано развитие понятия суверенитета. Однако они удовлетворяются собранием окончательных абстрактных формул, в которых, как в учебнике, перечислены дефиниции суверенитета. Никто, кажется, не составил себе труда точнее исследовать бесконечно повторяющиеся у знаменитых авторов понятия суверенитета, совершенно пустые разглагольствования о высшей власти» [19. С. 18]. Правовое мышление не может существовать вне общего исторического порядка, отражая его трансформации в своем предметном поле.

Шмитт ставил в вину исторической науке рассмотрение понятий как имманентных в своем значении, внушая мысль о том, что любой идейный феномен должен быть тщательно отрефлексирован во всех обстоятельствах и на всех этапах своего существования, поскольку только через такой исторический анализ понятия могут быть поняты ключевые семантические

смыслы. «Буква и дух слова, история возникновения, правовое чувство и потребности общения самым различным образом создавали путаницу при выявлении “несомненного” содержания текста закона» [16. С. 330].

Таким образом, исследователь формализованных юридических понятий Карл Шмитт парадоксально был вынужден объяснять специалистам по прошлому необходимость историзации семантических категорий, тем самым предвосхищая и подготавливая идейное русло «истории понятий» Райнхарта Козеллека.

Постепенно акцент в общении Козеллека со Шмиттом смещается от диалога старшего и ведомого к беседам взрослых коллег, в переписке постепенно вырастают и устанавливаются типично козеллековские темы: «горизонт будущего», «временные структуры истории», «пространство опыта» [12. P. 561].

И хотя обсуждение их интересно Шмитту, эти идеи не были характерны для его «докозеллековского» периода творчества. Синергия отношений двух исследователей имела существенный творческий потенциал: в теории Козеллека, которая в своем финальном варианте имеет мало общего с работами Шмитта, присутствуют наиболее важные дискурсивные черты, обнаруженные в его идеях младшим коллегой, по мнению Никласа Ольсена [7. P. 197–198]. Более того, принципиально новая концепция истории Козеллека, в которой «история понятий» эпохи современности постепенно трансформируется в более многогранное и сложное рассуждение о «слоях времени», была разработана именно в диалоге со Шмиттом.

Шмитт не оставил в своем интеллектуальном наследии ясно выраженной теории исторического процесса, но некоторые исследователи усматривают в его рассуждениях сходство с глобальными моделями истории его современников – А. Дж. Тойнби и Р. Коллингвуда [12. P. 559], которые стремились к историческому синтезу и типологизации исторических процессов, но принимали во внимание своеобразие локальных форм истории. Шмитт поддерживал идею прерывистой истории, отдавал приоритет уникальным событиям по сравнению с повторяющимися и поддающимися типологизации структурами, что отражает еще одну принципиальную черту его мировоззрения – отказ от принципа универсализма в объяснениях социально-политического опыта.

Универсальными, и потому упрощающими, он считал общепринятые концепции, входящие в ткань сознания современников как само собой разумеющиеся. Именно эти «самоочевидные» модели знания и должны быть подвергнуты самой тщательной рефлексии, ведь любое правовое понятие исходит в первую очередь из политического строя и исторического контекста, в котором бытует. Из его послевоенной переписки с молодыми коллегами можно увидеть, что Шмитт, оставаясь правоконсервативным мыслителем, чей радикализм лишь усилился после поражения Германии, отказывается от идеи дуализма уникальных и повторяемых событий в истории, отдавая приоритет опыту сингулярного [12. P. 561–562].

Итак, Шмитт рассматривал понятийный инструментарий эпохи как ключевой фактор исторического процесса, а концептуальная история, или история понятий, наделялась у него большой эпистемологической значимостью для развития всего комплекса наук о человеке. Именно в рамках подобного исследовательского вектора необходимо было изучить историческую среду бытования обобщающих социальную жизнь понятий, начиная с базовой категории «общества», выявить долгие эволюционные формы, которые помогают понять специфику применения термина в разные временные периоды и уйти от их абстрактного и, по сути, бездумного употребления [16. С. 116].

Общеизвестно, что истоком работы Карла Шмитта с понятиями была католическая традиция, в которой он был воспитан. Автор разработал концепцию «политической теологии» (politische Theologie), согласно которой весь понятийный арсенал государственного и правового языка был укоренен в теологическом дискурсе, впоследствии подвергшемся секуляризации. Религиозное видение легло в основу рассуждений о процессах мифологизации в истории и правоведении – о катехоне и идее фашизма, а также о мифе как способе перехода из рационального и эмпирического понимания исторического опыта к рассмотрению его непосредственных репрезентаций через иррациональный и трансцедентальный взгляд в прошлое. В его работах можно заметить явное смешение рамок исторического и религиозного: «Решающим историческим концептом этой преемственности был сдерживающий катехон. “Империя” в этом смысле означала историческую силу, сдерживающую появление антихриста и конец настоящего эона» [20. P. 59–60]. Исследователь творчества Шмитта Ф. Финкельштейн приходит к выводу о том, что в основе его исторического мировоззрения лежит представление о глубоко мифологическом, или религиозном, знании доисторического характера [17. P. 366]. Однако и миф не является для Шмитта универсальным основанием: каждый из них – также порождение политической активности конкретной эпохи; «создание политического или исторического мифа возникает из политической деятельности, и ткань причин, от которых миф также не может отказаться» [21. P. 160].

Идея укорененности мифа в опыте конкретно-исторической политической среды тоже оказывается частью истории понятий: мифы, как и сущностные концепты каждой эпохи, претендуют в каждой культуре на «вневременное» отражение непреложных смыслов, но в действительности насыщены коннотациями коллективного сознания (и бессознательного) каждой эпохи. Следовательно, история как процесс содержит в себе пересечения самых разных граней переживаний человеческого опыта во времени, что найдет прямое отражение в темпоральном дискурсе позднего Райнхарта Козеллека, рассуждающего о «слоях» исторического времени, в хитросплетениях которого будет найдено значимое место и событиям, и структурам, проявлениям и иррационального, и рассудочного [22].

Наиболее радикальной критике в контексте рассуждения об исторических преемственностях и разрывах Шмитт подверг интенции научного историзма и концепцию современности, исходящую от идеологии

Просвещения. Принципы политической теории современного государства не содержат в себе радикально новых идей рационального управления обществом, напротив, они унаследованы от секуляризованных теологических концепций; история – это непреходящая борьба между либеральными силами «прогресса», ускоряющими ритмы времени, и охранительными силами «сдерживания», которые олицетворяют государство и его репрессивный аппарат под угрозой новой эсхатологии падения и конца исторических времен. Представления Шмитта об эпохе Просвещения как о роковом историческом разрыве, породившем эпоху современности, оказали огромное влияние на мышление немецких историков, родившихся в «межвоенный» период. Шмитт описывает современность, насыщенную интенсивными и все более драматичными событиями, как эпоху упадка, приведшую к ускорению исторического времени через активизацию разнородных либеральных участников политического действия, над которыми более не довлела поддержанная общественно-политической традицией сила религии [23. P. 119]. Райнхарт Козеллек на основе разделяемых со Шмиттом представлений о радикальном разрыве, разделившем европейский исторической опыт на «до» и «после», сформирует собственное представление о темпоральном режиме модерна, создавшем радикально новое историописание, где опыт человеческой цивилизации приобретает всемирный формат, идеологию прогресса и ориентацию на будущее, вызвавшую галопирующий темп изменений социального мира. Именно в этой темпоральной рамке историзм станет искусственно и парадоксально культивируемым принципом поддержания коллективных образцов для общества, устремленного в грядущее, в котором опыт каждого поколения стремительно устаревает.

Одной из целей докторской диссертации Козеллека «Критика и кризис» (которую сам автор намеревался назвать «Диалектика Просвещения», пока не узнал о существовании уже изданной одноименной работы), была, по его же заявлению, «темпорализация понятий» [24]. В самой постановке задачи явственно видно продолжение интеллектуального пути Шмитта по работе со словом и его значением. Именно здесь, вероятно, в наибольшей степени проявлено влияние идей Карла Шмитта, когда-то озвученных им в «Левиафане» и связанных с выявлением противоречивых истоков той логики развития, что присуща современности, – стремление выйти из кровопролитных средневековых войн, обеспечив стабильный уровень общественной безопасности, но также – становление футуристически ориентированного дискурса прогресса, свойственного Просвещению.

Козеллек, производя своеобразную «утопизацию темпорального», во многом разделяет шмиттианскую философию истории, укорененную в христианской эсхатологии, которая в новое время решительно меняет свой модус действия. Философия властно вторгается в сферу политического действия, проявляясь под личиной тайных обществ, становясь оплотом новой общественной морали и позволяя себе критиковать действия государства, сохраняя внешнюю аполитичность. Однако Козеллек в радикализации темпорального разрыва эпохи Просвещения идет даже дальше, чем Карл Шмитт: у последнего государство все же по инерции сохраняет свою основную функцию предотвращения гражданских конфликтов, несмотря на потерю прежних религиозных и сословных оснований [11. S. 317-325]. У Козеллека же государство, воплотившее идеалы проекта Просвещения, совершает решительный темпоральный разрыв с историческим наследием, принимая новую колею устремленности в будущее.

В 1965 г. Козеллек защищает вторую, докторскую диссертацию «Пруссия между реформами и революцией» (научный руководитель – Вернер Конце), в которой интерес к истории понятий усиливается исследованием внеязыковых условий исторического процесса, позволяющих выделять структурные элементы прошлого в русле современной ему социальной истории. Козеллек, как и Шмитт, отказывается от идеи универсальности, его все более увлекает поиск воспроизводящихся паттернов истории, так как лишь на фоне повторяемых событий мы можем выделить уникальные исторические явления, влияющие на настоящее.

В одном из писем своему наставнику Козеллек обозначил, что именно привлекает его в шмиттовском видении истории: «Трудности сочетания “систематического” и “исторического” подходов, от которых страдает современное историческое письмо, становятся для меня все более очевидными, и я благодарен за ваш строгий призыв всегда прослеживать понятия до их конкретной ситуации, чтобы прояснить их значение. Не может быть сомнения, что этот подход предлагает единственный выход из историзма для исторической науки»[1] [7. P. 200]. Козеллек и сам считает подход научного историзма, в котором прошлое устанавливается как прогрессивный единый процесс и жестоко опровергается трагическими коллизиями XX в., несостоятельным. Здесь мы вновь можем проследить влияние идей Шмитта: одним из главных аргументов Козеллека против историзма было обвинение его адептов в упрощении содержания базовых понятий, присущих конкретной эпохе и отражающих ее интересы и ценности, поскольку их изменчивость и содержательный динамизм слишком часто упускались из виду «историзирующими», как склонны были выражаться представители французской школы «Анналов», историками. Роль самого историка в создании главенствующей версии истории также игнорировалась, хотя именно он становился ретранслятором ценностей современной эпохи, конструируя прошлое.

В рефлексии Козеллека о структурных основаниях истории важным наследием Шмитта является изучение базовых бинарных оппозиций, лежащих, по мнению последнего, в основе любого политического мышления [7. P. 202]. Не без влияния идейных трендов структурализма в послевоенный период вокруг основных дихотомических связок, позволяющих объяснять общественные процессы («суша / море», «протестанты / католики», «прямая / косвенная власть», «общественное / тайное», «друг / враг», «политика / мораль»), еще велись эпистемологические дискуссии [12. P. 561]. Козеллек использует бинарные оппозиции, рассуждая

о специфике процесса историописания в работе «Критика и кризис», рассматривая состояния «до и после», «вверху и внизу», «внутри и снаружи», которые помогают определить место историка относительно описываемых им событий [14] и возможности рубрикации исторических категорий: «…насыщенные реальностью понятия в качестве категорий задают альтернативы, то есть значения, которые исключают друг друга и тем самым создают более ограниченные, более конкретные поля значений, даже если они соотнесены друг с другом. Так, категория труда указывает на досуг, войны – на мир, и наоборот, границы – на внутреннее и внешнее пространство» [25. С. 152].

Своеобразной квинтэссенцией и основным интеллектуальным «завещанием» научной группы Козеллека, которая проявила себя в осмыслении радикального темпорального разрыва современности с прошлым, свершившимся приблизительно в середине XVIII в., стала долговременная работа над словарем «Основные исторические понятия» (1972–1997), где авторы сумели синтезировать выводы исторического знания с данными широкого круга социо-гуманитарных дисциплин.

Рассматривая исторические понятия и специфику их использования в разные периоды через отношение в них существующего опыта и ожиданий будущего, Козеллек приходит к выводу, что темпорализация семантических категорий распространяется не только на понятия, отражающие связи со временем, но и на другие термины, которые «также понимаются и используются таким образом, что изменение существующих условий является желательным, необходимым и, следовательно, требуемым» [24. P. 22].

Тем самым был сформирован метод работы с исторической семантикой, отражена эволюция основных понятий, схватывающих исторический опыт, со времен их появления до времени модерна, когда они приобретают привычные нам значения. В основе подхода по-прежнему располагался тот путь осмысления семантических проблем права, который был ранее проделан Карлом Шмиттом.

В работах позднего Козеллека, совершенствующего свои концептуальные инструменты, базовые бинарные оппозиции как основной путь рассуждения о структурах в истории уступили место рефлексии о «слоях времени», каждый из которых, подобно напластованиям в геологии, имеют собственное происхождение, способы бытования и продолжительность.

Исходя из этого, темпоральная сложность исторического процесса нуждается в теоретическом объяснении, которое уже попытался предложить Фернан Бродель, сделавший выбор в пользу *longue durée* в своей теории множественности исторических времен. По мнению Козеллека, проблема «повторений» в истории нуждается в более гибком определении, которого сам немецкий историк, впрочем, тоже ясно не сформулировал. Однако «структуры повторения» все более властно присутствовали в последних статьях автора, свидетельствуя о явном терминологическом сдвиге в попытке создать базовую теорию самих условий создания всех возможных теорий [26. P. 196–197].

Таким образом несмотря на то что общение ученых продолжалось вплоть до смерти Шмитта, Козеллек, оставаясь в его интеллектуальном поле, постепенно обретает самостоятельный интеллектуальный размах; и некоторые направления мысли и понятия, взятые им у Шмитта, характерны лишь для первых его работ. Так, понятие «Мировая гражданская война» (Weltbürgerkrieg), почерпнутое у Шмитта, не упоминается автором после выхода «Критики и кризиса» [7. P. 204], свидетельствуя о самоопределении в поле исторической науки и поиске своих путей и тематик. Другие же подходы, имеющие потенциал исторического синтеза, заложенные мэтром правоведения, сохраняют свое значение и переживают творческую трансформацию на протяжении всей интеллектуальной биографии ученого.

Козеллек не просто наследует некоторые идеи Шмитта или заимствует его метод, на протяжении своей исследовательской деятельности он ведет с ним напряженный интеллектуальный диалог, развивая наработки из области политической теории до уровня аналитических схем, который возможно применить к историческому материалу. Уникальная ценность Шмитта для историка определялась тем, что он смог стать не столько источником знаний, сколько источником вдохновения, способствуя становлению независимого и успешного исследовательского проекта в предметном поле исторической науки.

Примечание

[1] Письма, составившие переписку Козеллека со Шмиттом, находятся в архиве Шмитта в Дюссельдорфе. Переписка была опубликована на немецком языке в 2019 г., но до сих пор не переведена на английский язык. В данном случае письмо цитируется по работе N. Olsen “Carl Schmitt, Reinhart Koselleck and the foundations of history and politics” [7], где автор приводит фрагмент письма номер 8 131 (RW265).

Список источников

1. Горобий А.В. История понятий Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2013. Вып. 4. С. 159–170.
2. Кильдюшов О. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х // Шмитт К. Государство : право и политика / пер. О.В. Кильдюшова. М. : Территория будущего, 2013. С. 7–26.
3. Frye C.E. Carl Schmitt's Concept of the Political // The Journal of Politics. 1966. Vol. 28, № 4. P. 818–830.
4. Боянич П. Скрибомания: жена, архив и секреты почерка // Логос. 2012. № 5 (89). С. 99–114.
5. Сапрыкин Д. Карл Шмитт: философ-радикал // Русский журнал. 2000. URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/20000817_remizov.html (дата обращения: 15.09.2022).
6. Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 158–171.
7. Olsen N. Carl Schmitt, Reinhart Koselleck and the foundations of history and politics // History of European Ideas. 2011. Vol. 37, № 2. P. 197–208.
8. Feuerhahn W. On the battlefield of ‘Theorie’ Koselleck reads L. von Stein with Carl Schmitt’s eyes: for a close contextual reading // History of European Ideas. 2020. Vol. 49, № 1. P. 72–78.

9. Pankakoski T. Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts // Political Theory. 2010. № 6. P. 749–779.
10. Меринг Р. Работа Карла Шмитта «Состояние европейской юриспруденции» // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 30–58.
11. Missfelder J.F. Die Gegenkraft und ihre Geschichte Carl Schmitt, Reinhart Koselleck und der Bürgerkrieg // Zeitschrift für Religions – und Geistesgeschichte. 2006. Bd. 58. № 4. S. 310–336.
12. Pankakoski T. The long goodbye: recent perspectives on the Koselleck / Schmitt question // History and Theory. 2021. Vol. 60, № 3. P. 558–572.
13. Закиров А.В. Гейдельбергский период в творчестве Р. Козеллека: формирование теоретико-методологических позиций // Ученые записки Казанкого университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 247–254.
14. Шопин П. «Прошедшее будущее»: теория истории Райнхарта Козеллека для мира в кризисе // Моноклер. 2020. URL: https://monocler.ru/teoriya-istorii-rajnharta-kozelleka/ (дата обращения: 07.09.2022).
15. Erkkilä V. The rise and demise of non-existent universalism: Reinhart Koselleck and the universality of legal concepts // History of European Ideas. 2022. Vol. 49, № 2. P. 443–459.
16. Шмитт К. Государство: право и политика / пер. О. В. Кильдюшова. М. : Территория Будущего, 2013. 447 с.
17. Finchelstein F. Carl Schmitt between history and myth // History and Theory. 2017. Vol. 56, № 3. P. 362–369.
18. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.
19. Шмитт К. Политическая теология : сб. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 335 с.
20. Schmitt C. The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum. New York : Telos Press, 2003. 372 p.
21. Schmitt C. Political Romanticism. New Brunswick, NJ : Transaction, 2011. 227 p.
22. Koselleck R. Sediments of Time: On Possible Histories / transl. and ed. S. Franzel and S.-L. Hoffmann. Stanford : Stanford University Press, 2018. 344 p.
23. Storme T. Maintenir l'histoire En Mouvement: Carl Schmitt, Penseur de l'historicité Moderne // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2013. № 117. P. 119–132.
24. Koselleck R. The Temporalisation of Concepts // Finnish Yearbook of Political Thought. 1997. № 1. P. 16–24.
25. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории. Методические замечания // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173.
26. Hellerma J. Koselleck on Modernity, Historik, and Layers of Time // History and Theory. 2020. Vol. 59, № 2. P. 188–209.

References

1. Gorobiy, A.V. (2013) Istoriya ponyatiy Karla Shmitta i Raynkharta Kozelleka [History of the concepts of Carl Schmitt and Reinhart Koselleck]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*. 4. pp. 159–170.
2. Kildyushov, O. (2013) Mezhdu pravom i politikoy: Karl Shmitt v nachale 1930-kh [Between law and politics: Carl Schmitt in the early 1930s]. In: Shmitt, C. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: Law and Politics]. Translated from German by O.V. Kildyushov. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 7–26.
3. Frye, C.E. (1966) Carl Schmitt's Concept of the Political. *The Journal of Politics*. 28(4). pp. 818–830.
4. Boyanich, P. (2012) Skribomaniya: zhena, arkhiv i sekrety pocherka [Scribomania: Wife, archive and secrets of handwriting]. *Logos*. 5(89). pp. 99–114.
5. Saprykin, D. (2000) *Karl Shmitt: filosof-radikal* [Carl Schmitt: A radical philosopher]. [Online] Available from: http://old.russ.ru/politics/grammar/20000817_remizov.html (Accessed: 15th September 2022).
6. Mikhaylovskiy, A.V. (2008) Bor'ba za Karla Shmitta. O retseptsii i aktual'nosti ponyatiya politicheskogo [The fight for Carl Schmitt. On the reception and relevance of the concept of the political]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 158–171.
7. Olsen, N. (2011) Carl Schmitt, Reinhart Koselleck and the foundations of history and politics. *History of European Ideas*. 37(2). pp. 197–208.
8. Feuerhahn, W. (2020) On the battlefield of 'Theorie' Koselleck reads L. von Stein with Carl Schmitt's eyes: for a close contextual reading. *History of European Ideas*. 49(1). pp. 72–78.
9. Pankakoski, T. (2010) Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts. *Political Theory*. 6. pp. 749–779.
10. Mering, R. (2018) Rabota Karla Shmitta "Sostoyanie evropeyskoy yurisprudentsii" [The work of Carl Schmitt "The State of European Jurisprudence"]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 17(1). pp. 30–58.
11. Missfelder, J.F. (2006) Die Gegenkraft und ihre Geschichte Carl Schmitt, Reinhart Koselleck und der Bürgerkrieg. *Zeitschrift für Religions – und Geistesgeschichte*. 58(4). pp. 310–336.
12. Pankakoski, T. (2021) The long goodbye: recent perspectives on the Koselleck / Schmitt question. *History and Theory*. 60(3). pp. 558–572.
13. Zakirov, A.V. (2011) Geydel'bergskiy period v tvorchestve R. Kozelleka: formirovanie teoretiko-metodologicheskikh pozitsiy [The Heidelberg period in the work of R. Koselleck: The formation of theoretical and methodological positions]. *Uchenye zapiski Kazankogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 247–254.
14. Shopin, P. (2020) *"Proshedshee budushchee": teoriya istorii Raynkharta Kozelleka dlya mira v krizise* ["Past Future": Reinhart Koselleck's theory of history for a world in crisis]. [Online] Available from: https://monocler.ru/teoriya-istorii-rajnharta-kozelleka/ (Accessed: 7th September 2022).
15. Erkkilä, V. (2022) The rise and demise of non-existent universalism: Reinhart Koselleck and the universality of legal concepts. *History of European Ideas*. 49(2). pp. 443–459.
16. Shmitt, C. (2013) *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: Law and Politics]. Translated from German by O.V. Kildyushov. Moscow: Territoriya Budushchego.
17. Finchelstein, F. (2017) Carl Schmitt between history and myth. *History and Theory.* 56(3). pp. 362–369.
18. Shmitt, C. (1992) Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. *Voprosy sotsiologii*. 1. pp. 37–67.
19. Shmitt, C. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Moscow: KANON-press-Ts.
20. Schmitt, C. (2003) *The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum*. New York: Telos Press.
21. Schmitt, C. (2011) *Political Romanticism*. New Brunswick, NJ: Transaction.
22. Koselleck, R. (2018) *Sediments of Time: On Possible Histories*. Translated by S. Franzel, S.-L. Hoffmann. Stanford: Stanford University Press.
23. Storme, T. (2013) Maintenir l'histoire En Mouvement: Carl Schmitt, Penseur de l'historicité Moderne. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 117. pp. 119–132.
24. Koselleck, R. (1997) The Temporalisation of Concepts. *Finnish Yearbook of Political Thought*. 1. pp. 16–24.
25. Kozellek, R. (2016) "Prostranstvo opyta" i "gorizont ozhidaniy" – dve istoricheskie kategorii. Metodicheskie zamechaniya ["The space of experience" and "the horizon of expectations" – two historical categories. Methodological notes]. *Sotsiologiya vlasti*. 28(2). pp. 149–173.
26. Hellerma, J. (2020) Koselleck on Modernity, Historik, and Layers of Time. *History and Theory*. 59(2). pp. 188–209.

***Сведения об авторах*:**
Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: troub@mail.ru

Мананникова Анна Геннадьевна – магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anytamanannikova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Trubnikova Natalia V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Ancient World, Middle Ages and Methodology of History Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troub@mail.ru
Manannikova Anna G. – Master's Student of the Faculty of Historical and Political Sciences. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anytamanannikova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 25.09.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/86/19

Схема развития Ур-религии и ее искажений в историографии Исаака Ньютона

Константин Сергеевич Шаров

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, const.sharov@mail.ru

Аннотация. Анализируется общая схема представлений Исаака Ньютона об историческом развитии Ур-религии (исходной, первоначальной, истинной религии первых патриархов) и ее искажений. Установлено, что именно Ньютон ввел в историографический дискурс концепцию Ур-религии, которая впоследствии была широко использована немецкими романтиками. Раннее христианство эпохи апостолов и апологетов до начала IV в. Ньютон полагает близким истинной религии и отличным от ветхозаветной религии только обрядовой стороной. Однако, с его точки зрения, дальнейшее развитие христианства, со времен Вселенских Соборов, увело людей от правильного понимания Единого Бога. Ньютоновская концепция развития мировых религий из Ур-религии анализируется в контексте его цивилизационной теории.
Ключевые слова: Ур-религия, Исаак Ньютон, христианство, иудаизм, ветхозаветная религия, история религии, примитивная религия, мировые религии

Для цитирования: Шаров К.С. Схема развития Ур-религии и ее искажений в историографии Исаака Ньютона // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 150–160. doi: 10.17223/19988613/86/19

Original article

The outline of Ur-religion development and its corruptions in Isaac Newton's historiography

Konstantin S. Sharov

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia Russian Federation, const.sharov@mail.ru

Abstract. The paper covers the general sketch of Isaac Newton's ideas about the historical development of Urreligion (the original, primeval, true religion of Noah and his descendants) and its distortions. It is found out that it was Isaac Newton who initially introduced the concept of Urreligion into historiographical discourse. That concept was later widely used by German Romantics. It is shown that, according to Newton, the emergence of all religions of the world is connected with different wrong interpretation (mainly political) of worshipping the true God in Urreligion. Among all world religions, Newton sees such confessions as early Christianity and ancient Judaism of the prophetic times to be the closest to Urreligion. Newton considers Islam, Buddhism, pagan beliefs to be serious distortions of the Urreligion. Newton believes that the early Christianity of the Apostolic and apologists age before the 4th century were close to the true religion and different from the Old Testament religion only in ritual side. However, from Newton's point of view, the further development of Christianity since the time of the Ecumenical Councils has led people away from the correct understanding of one true God. Real and mythological elements of Newton's concept are analysed. The theological and philosophical grounds of Newton's historiographical concept of Urreligion, are considered The paper focused on two interrelationships: 1) Christianity with Urreligion, and 2) Urreligion with ancient heathen scientific and natural philosophical views of the Universe. The paper is based on the results of the author's study of Isaac Newton's unpublished manuscripts from a) Yahuda collection in the National Library of Israel in Jerusalem: *Drafts on the history of the Church* (Yahuda Ms. 15), *Portions of rough draft and notes for 'Theologiæ Gentilis Origines Philosophicæ' and 'The Original of Monarchies'* (Yahuda Ms. 16), *Three bundles of notes for a work on the ancients' physico-theology, related to 'Theologiæ Gentilis Origins Philosophicæ'* (Yahuda Ms. 17), *Draft chapters of a treatment on the origin of religion and its corruption* (Yahuda Ms. 41), *Untitled treatise on Revelation* (Yahuda Ms. 1); b) from Keynes collection in King's College Library at Cambridge University: *Irenicum, or Ecclesiastical Polyty tending to Peace* (Keynes Ms. 3) and the manuscript *Of the Church* of Newton's archive in the Library of Martin Bodmer Society in Cologny (near Geneva, Switzerland). The research methodology includes methods and principles of narrative, hermeneutic, archival, and comparative historical analysis.
Keywords: Ur-religion, Isaac Newton, Christianity, Judaism, Old Testament religion, history of religion, primitive religion

For citation: Sharov, K.S. (2023) The outline of Ur-religion development and its corruptions in Isaac Newton's historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 150–160. doi: 10.17223/19988613/86/19

© К.С. Шаров, 2023

Введение

Английский ученый, историк и теолог Исаак Ньютон разработал сложную историческую схему развития религии. До определенной степени принимая авторитет христианского Священного Писания, он полагал, что истинной можно считать лишь одну религию – ветхозаветное верование в Единого Бога потомков Ноя. По Ньютону, со временем происходили многочисленные искажения этой истинной унитарной религии, которая была построена, с его точки зрения, практически только на моральных принципах [1. Pt. 1. F. 8r]. Примерами подобных искажений для Ньютона являются как образование языческих верований, так и развитие христианства в том виде, в котором оно начало существовать со времен первых церковных Соборов, а также развитие мусульманства и восточных религий. По мнению Ньютона, из мировых религий ближе всего к исходной примитивной религии ветхозаветных патриархов находится иудаизм, в то время как мусульманство, буддизм, восточные религии, так же как и тринитарное христианство, являются искажениями [2. P. 33].

В данной статье на основании анализа ряда неопубликованных рукописей английского ученого я постараюсь выстроить ньютоновскую сжатую схему исторического развития «истинной религии» и ее искажений. Объект исследования – неопубликованные архивные рукописи Ньютона из Коллекции Яхуды (Национальная Библиотека Израиля) и Библиотеки Общества Мартина Бодмера (Колони, Швейцария). Методология исследования включает приемы и принципы нарративного, герменевтического, архивного и историко-сравнительного анализа.

От Ур-религии к языческим религиям Средиземноморья и Ближнего Востока

Параллельно с созданием «Математических начал натуральной философии» Исаак Ньютон написал историософскую рукопись *Theologiæ Gentilis Origines Philosophicæ* («Философские истоки языческой теологии») [3. P. 41; 4. Vol. 3. P. 336, 338; 5. P. 242–243]. В настоящее время рукопись находится в Коллекции Яхуды в Национальной Библиотеке Израиля в Иерусалиме.

Мы здесь не будем подробно останавливаться на ортодоксальности или неортодоксальности воззрений Ньютона на историю ветхозаветной религии, отраженных в данной рукописи, с позиций англиканства. Отметим лишь, что тема извращения, искажения, «коррупции» (в оригинале *the corruption*) религии и восстановления ее чистоты является важной не только для «Философских истоков языческой теологии», но и для многих других сочинений ученого, что он сам отразил в письмах к друзьям и ученикам [4. Vol. 3. P. 336, 337].

В «Истоках» Ньютон впервые в завершенном виде сформулировал идею об Ур-религии [5. P. 243]. Что это за религия? Это исходный комплекс верований в Единого Бога, которые исповедовали ближайшие потомки Ноя после Потопа. Весьма примечательно уже то, что именно Ньютон впервые ввел термин «Ур-религия», хотя традиционно считается, что этот термин предложили и стали широко использовать немецкие романтики Фридрих Крейцер, Фридрих Шлейермахер, Якоб Беме, Иоганн Готфрид Гердер, Гёте и Шиллер [6. P. 12; 7. Bd. 4. S. 45–48]. По крайней мере в XVII в. до Ньютона опубликованных свидетельств использования данного термина нет.

Ньютон объясняет этимологию предложенного им слова в рукописи *Draft chapters of a treatise on the origin of religion and its corruption* («Черновые главы очерка об истоках религии и ее искажении»), в настоящее время хранящейся в Иерусалимском архиве под номером 41 [8].

Согласно Ньютону, Авраам исходно жил в городе Ур в Месопотамии (по библейскому выражению, «в земле халдеев»). Впоследствии Авраам переселился в Палестину (Быт. 11:31), однако он принес с собой на новое место жительства религиозные понятия, традиции и обряды, бытовавшие в Междуречье. Для Ньютона было несомненным, что халдеи во времена Авраама еще не утратили чистоты истинной религии потомков Ноя. Ньютон рассуждает так. Хотя от Ноя до Авраама уже прошло очень много времени (12 родов со средней продолжительностью жизни одного поколения 120–150 лет) и можно было бы ожидать, что за это время (около 1 500–1 800 лет согласно библейскому описанию) исходная примитивная религия, которую Ной передал своим сыновьям, успела исказиться, для Междуречья это было не так. После строительства Вавилонской башни (Быт. 11:1–9) люди разошлись по всей земле. Однако, напоминает Ньютон, Вавилонская башня находилась в самой непосредственной географической близости от города Ур. Те строители башни, которые жили в Месопотамии и не переселились в другие земли, скорее всего, сохранили религию первых потомков Ноя в максимальной чистоте [8. F. 2v]. Фрэнк Мануэль, известный исследователь ньютоновской цивилизационной теории, подчеркивает, что для Ньютона фактор географической близости города Ур и места жительства первых людей после Потопа играет решающую роль в признании, что население Ура и его пригородов смогло по крайней мере в течение 1 500 лет после Потопа сохранять истинную религию ноахидов в относительной чистоте и аутентичности, без столь существенных искажений, какие были в Средиземноморье [2. P. 58].

Для Ньютона Ур-религия была послепотопной попыткой восстановления самой первой чистой и истинной религии человечества, которую, по Ньютону, исповедовали патриархи Адам, Авель, Сиф и Енох и которая впоследствии, еще до Потопа, исказилась до неузнаваемости «сынами человеческими» [8. F. 7r]. Как отмечает С.Д. Снобелен, эта вера была простой, монотеистической и включала практически лишь моральные положения [5. P. 244]. Именно эти положения, по Ньютону, историки его времени находили в сводах законов государств Ближнего Востока в качестве основы. Ур-религия включала в себя, помимо чисто теологических положений, понимание и истолкование процесса сотворения мира Богом и развития первой цивилизации потомков Сифа [6]. Ньютон в «Ис-

токах» провел серьезное исследование таксономии языческих богов не только для выявления особенностей Ур-религии и отслеживания ее последующих искажений, но и для понимания оригинального восприятия древними исторического процесса и его различных социальных трактовок [1, 9]. Хотя Ньютон не был вторичен, в создании своей концепции Ур-религии он опирался на несколько источников, которые он изучал преимущественно в оригинале: 1) на труды иудейских раввинов и комментаторов Танаха Моисея Маймонида, Иосифа Кимхи и Абрахама Ибн Эзры; 2) на сочинения протестантских историографов, гебраистов и арабистов (как европейско-континентальных, так и англиканских) Самуэля Бокхарта, Герхарда Воссиуса, Иоганнеса Баксторфа, Джона Лайтфута, Ричарда Саймона, Эдварда Покока, Джона Селдена, Луи Каппеля и Джона Спенсера; 3) на работы английских философов и теологов, как своих предшественников, так и современников – Джона Донна, Джозефа Мида, Генри Мора. К тому же, вполне возможно, что на становление мысли Ньютона до определенной степени повлияли «Левиафан» Томаса Гоббса и «Теологическо-политический трактат» Спинозы.

Интересно, что грандиозный проект по исследованию языческих верований и теологий Ньютона начался не в его преклонные годы, какие бы мифы о нем ни придумывали просветители, но в то самое время, когда он составлял и опубликовывал первое издание «Математических начал» – книгу, в которой, как он надеялся, будут сформулированы основные принципы истинного понимания природы (ему тогда было всего лишь около 40 лет) [10. P. 119].

Идея Ньютона прослеживается красной нитью на протяжении всех «Истоков»: философские и космологические воззрения древности были неотделимы от социальных, исторических и богословских идей, а те, в свою очередь, возникли через многочисленные и постепенные искажения первоначального богословия Ноя, основанного на религиозной вере в истинного Бога.

Ньютон утверждает, что языческое богословие было натурфилософским по сути, поскольку включало астрономические знания [9. Pt. 2. F. 1r]. Стивен Снобелен и Ричард Уэстфолл отмечают, что Ньютон часто называл свою историософскую концепцию «астрономическим богословием» [5. P. 244; 11. P. 13].

Ньютон скомпилировал весь манускрипт «Истоков» из своих черновых латинских и английских рукописей конца 1660-х – 1680-х гг., и черновики этой рукописи содержат следующее утверждение:

Ур-религия стала забываться среди массы искажений, люди из верующих постепенно превращались в язычников... Языческие религии, самые древние и наиболее широко принятые большинством народов в первые века после Потопа, были религией Пританейских или вестальных храмов [9. Pt. 1. F. 1r].

Здесь Ньютон впервые употребляет термин «искажение» (*the corruption*) для исторического изменения ветхозаветной религии, который впоследствии станет основным термином для ньютоновского описания развития большей части мировых религий [5. P. 245; 12. P. 39–40]. По его мнению, Ур-религия была неправильно воспринята многими народами Средиземноморья и Ближнего Востока и со временем подверглась губительному изменению, коррупции, извращению, превратившись в различные языческие религии, в том числе эллинистическую греко-римскую олимпийскую религию [9. Pt. 1. F. 1r–2r].

Основы Ур-религии

Согласно ньютоновской точке зрения, Ур-религия – изначальная религия всего человечества – представляла собой набор моральных заповедей и предписаний относительно взаимоотношений между человеком и Богом, а также между людьми. В силу этого Ньютон неоднократно называет эту религию «наиболее простой религией любви». Так, Ньютон пишет: «Религия, согласно которой мы должны возлюбить Бога и нашего ближнего, была религией Ноя и его сыновей вплоть до дней Авраама, Мелхиседека, Иова и Моисея» [13. F. 7–8]. Ньютон видит в исходном христианстве, основанном лишь на проповеди Иисуса, все признаки Ур-религии:

Таким образом, ранняя христианская религия среди язычников была аналогична религии потомков Ноя с тем добавлением, что мы еще должны верить, что Иисус есть Христос, или Мессия, пришествия Которого ожидали евреи… Христос в Своей проповеди вернул вере первоначальную чистоту, возвратившись к основным моральным положениям исходной религии: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и возлюби ближнего своего как самого себя (Мф. 22:37–40)… Мы понимаем моральную религию как главную, исходную и наиболее рациональную именно потому, что Христос указал, что на заповедях любви утверждается весь закон и пророки, а значит вся истинная религия в Единого Бога может быть сведена к религии любви [13. F. 22, 30, 32].

В манускрипте «О церкви» (Бодмеровский манускрипт) английский ученый добавляет:

Две основные заповеди Христа – это законы природы, истинная естественная религия. Они представляют собой ту часть религии, которая всегда была и всегда будет составлять определенную часть религий любых наций, поскольку они описывают вечные и непреложные истины, основанные на непреложной логике [14. Chap. 7. F. 2r].

По Ньютону, Ур-религия основана не только на откровении, но и на рациональной натуре человека, на свойствах его сознания, данных ему от природы [12. P. 41; 15]. В «Иреникуме» Ньютон дает наиболее полную и четкую формулировку:

Какие бы изменения ни претерпевали религии до настоящего времени, религия в отношении Бога и ближнего является одной и той же (исключая церемониальную часть и формы [церковного] *управления, которые могут меняться от религии к религии. Таким образом, Ур-религия является старейшей религией в мире, а все остальные религии появились исходя из политических нужд* [13. F. 35].

Из этой фразы можно было бы заключить, что Ньютон – скрытый экуменист в стиле Шеллинга. Од-

нако все совсем не так, и Ньютон вовсе не предлагает, объединив религии, получить исходную Ур-религию. Ни в одном месте своего обширного историософского наследия английский ученый не рассматривает экуменические замыслы как нечто серьезное и положительное для человечества. Наоборот, он многократно подчеркивает, что вернуть Ур-религии чистоту можно лишь единственным способом: соскрести налет «лживого поклонения» с христианства, имея в виду, разумеется, католицизм, и возвратиться к моральным основаниям религии.

Ученый, основываясь на гебраистических источниках, выделяет семь моральных положений Ур-религии, которые формулирует несколько иным образом, чем иудейские источники, объединяя их в пять пунктов [13. F. 5]:

1. Поклоняться Единому Богу, а не идолам.
2. Не охлаждать искренности поклонения Ему и не профанировать Его имя.
3. Воздерживаться от убийства, кражи, блуда и нанесения увечий.
4. Не употреблять в пищу плоть или кровь еще живого существа, даже его конечности, и быть милосердными даже к свирепым зверям.
5. Установить по всем городам и обществам суды.

Такое малое количество моральных предписаний позволило Ур-религии развиваться именно как религии любви [12. P. 49–50; 14. F. 104r]. Тем не менее Ньютон отмечает, что очень скоро Ур-религия стала портиться и искажаться не только хамитами и иафетидами, но и семитами, в том числе самими иудеями. С течением времени искажения достигали таких размеров, что требовалось новое обновление Ур-религии, возврат к истокам – для этого был нужен либо пример праведника, либо пророческое слово Самого Бога [8. F. 1v–2v]. Например, подобными столпами, поддерживающими истинную веру в людях, были такие люди, как Мелхиседек, ряд царей, правителей (князей), священников, пророков. Во времена Израильского и Иудейского царств это были пророки. Во времена греческого завоевания Иудеи – Хасмонейские цари. Наконец, во времена римлян вернуть религии былую чистоту помог Иисус Христос. Так, в лице Мессии Ньютон видит в том числе морального реформатора иудейского народа. В Бодмеровской рукописи английский философ указывает, что Ур-религия развивалась от простой моральной религии к идолопоклонству [14. F. 427r].

Ньютон выстраивает следующую схему искажения Ур-религии:

1) искажение евреями;
2) искажение древними языческими народами, включая античный мир и Древний Восток;
3) искажение внутри христианства;
4) искажение мировыми религиями и современными ему языческими народами.

Из этих четырех видов искажений наиболее легким и незначительным Ньютон считает искажения, вносимые в иудейскую религию начиная с пророческих времен (с X в. до н.э.), поскольку у иудеев существовала традиция письменно документировать все религиозные предписания и читать Писания каждую субботу в синагогах (см., напр.: [16. Pt. 1. F. 4r]). Наоборот, наиболее значимыми, сильными и опасными искажениями он считает внутрихристианские искажения – например, введенные католиками новые догматы, поскольку

…христианам была вверена истинная религия во всей ее обновленной чистоте, чего добился Христос. Однако католики пренебрегли тем, что они получили истинную веру, и фанатично стали ее попирать, выдумывать свои собственные законоучения. Таким образом, значительно больший грех остается на тех, которые, называясь христианами, попирают закон Господа нашего Иисуса Христа, чем на тех, которые делают это, будучи в наши дни сынами своей религии и далекими от христианства нациями [16. Pt. 1. F. 8r].

В последней фразе Ньютон явно намекает на мировые религии, такие как мусульманство, или буддизм, или языческие верования.

Представляет интерес связь, проводимая английским ученым между искажениями Ур-религии и античными, а также древневосточными натурфилософскими учениями, такими как пифагореизм, орфизм, пританейская религия, зороастризм. Ньютон допускает, что многие народности Средиземноморья и Ближнего Востока, исказив религиозное поклонение Единому Творцу и введя многобожие и многие несообразные со здравым смыслом суеверия, тем не менее развили научную (натурфилософскую) составляющую Ур-религии [5. P. 246–247; 13. Chap. 5–6].

Ур-религия и древняя натурфилософия

Древняя натурфилософия (учение о природе), несомненно, имеет много общего с теологией и религиозными положениями, однако логика Исаака Ньютона уникальна тем, что он, по-видимому, в своей цивилизационной теории стремится доказать, что истинные знания древних античных философов и восточных мудрецов о мире и Вселенной теснейшим образом связаны с научными истинами, очевидными для первосвященников Ур-религии и дошедшими до этих философов и мудрецов, несмотря на все религиозные искажения. Одним из центральных объектов исследования Ньютона являются пританейские храмы, представляющие собой, согласно его концепции, гелиоцентрические иероглифы строения Вселенной.

Исследованию возможного иероглифического шифрования знания о Вселенной с помощью сакральной архитектуры Ньютон посвятил не один десяток тысяч строк, и обсуждение этого материала явно выходит за пределы данной статьи. Упомяну лишь самые основы.

Пританейские и вестальные храмы, о которых пишет Ньютон, по его мнению, были построены вокруг центрального огня не просто так. Согласно ньютоновской цивилизационной теории, этот огонь представлял Солнце в гелиоцентрической натурфилософии языческих народов Средиземноморья и Ближнего Востока, а также огромную звезду в центре галактики (с точки зрения Ньютона, там была именно гигантских размеров звезда) [17. P. 152]. Ньютон пытается обосновать,

что языческая теология была натурфилософской по своей сути и относилась к астрономическому и физическому знанию о мире и что двенадцать божеств Средиземноморья соответствовали семи планетам (шести известным планетам и Луне) и пяти стихиям мира, включая эфир [9. Pt. 1. F. 1r]. Вначале основой обрядовой стороны Ур-религии была астрономическая традиция, но впоследствии она превратилась в религиозное суеверие у многих народов, и люди начали поклоняться Солнцу и небесным светилам [9. Pt. 1. F. 5r]. Здесь скажем, что Ньютон удивительным образом не делает принципиальной разницы между космологическим подтекстом архитектуры (или устройства) древнееврейской Скинии Завета и языческих храмов [9. Pt. 1. F. 5r–6r].

Ньютон понимал, что идея проецировать космологическое сакральное знание на архитектуру храмов имела последователей не только в древности, но и в ренессансном, а также современном ему мире новоевропейской науки, причем эта традиция была воскрешена в эпоху Ренессанса. Здесь Ньютон опирался на мыслителей эпохи Возрождения – Николая Кузанского, Марсилио Фичино, Джордано Бруно, Томмазо Кампанеллу, а также на ученых новоевропейского периода – Фрэнсиса Бэкона и его «Новую Атлантиду», Джона Непера, Александра Ноуэлла, Джона Лейфилда, Ральфа Кадверта и Генри Мора. Ньютон отмечает, что Пико делла Мирандола, Томмазо Кампанелла, Джордано Бруно и Фрэнсис Бэкон в своих утопических проектах хотели возобновить традицию постройки храмов-проекций (устройство главного храма в Городе Солнца именно таково), однако их идеи вряд ли были приемлемы для новоевропейского христианства [1. Pt. 1. F. 1v]. Тем не менее сама идея этих двух ренессансных мыслителей-утопистов о конструировании храма подобным образом лишний раз подчеркивает для Ньютона абсолютную универсальность его собственных выводов о развитии религии.

Стивен Снобелен отмечает, что для английского ученого огромный интерес представляла связь древних священников с астрономией [5. P. 244–245]. Действительно, Ньютон выясняет роль древних священников во многих рукописях. Например, в «Черновых фрагментах к “Истокам”» Ньютон пишет:

Таким образом, у первого учреждения истинной религии было одно намерение – предложить человечеству исходя из структуры древних храмов исследовать структуру мира как истинного храма великого Бога, которому человечество поклонялось. И с тех же времен повелось, что священники поднялись выше обычных людей в вопросе ви́дения истинной картины мира, что они и отразили в своем богословии… Знание индийцев сохранялось у брахманов, которые были их священниками, у персов такие знания были у волхвов, которые были персидскими священниками, у вавилонян – у халдеев, которые были вавилонскими священниками... Итак, первая Ур-религия была выкристаллизованным разумным знанием о мире, она была самой рациональной, исповедуемой “сынами Божьими” на фоне ересей “сынов человеческих” и каинитов… Так было, пока народы не испортили ее в период послепотопного расселения по Земле… Ибо нет пути без откровения, без него ни прийти к познанию Божества, ни к познанию природы [9. Pt. 1. F. 6r, 9r, 11r].

Как полагает Джеймс МакГвайр, Ньютон пришел к выводу, что древние народы с помощью определенной сакральной архитектуры установили связь между земными храмами и небесным храмом [10. P. 118]. Для Ньютона было очевидно, что то, что можно было узнать о Боге исходя из познания природы, могло стать предпосылкой обоснованного и правильного метода дальнейшего изучения природы.

Ньютоновское утверждение о том, что понимание истории является частью богословия оригинальной Ур-религии, проливает свет на само понимание Ньютоном связи истории и религии, равно как и его теории постепенных искажений религии.

Ньютон выстраивает довольно убедительную аргументацию своей концепции сакральной иероглифики языческих народов античного мира и Древнего Востока как искажения обрядовой стороны Ур-религии. Однако остается непонятным следующее обстоятельство. Если сведения об устройстве Вселенной, причем сведения достаточно точные, вплоть до расстояния планет от Солнца, в столь перфекционистском ключе распространялись в античной пританейской архитектурной традиции, то из этого с необходимостью следует, что ветхозаветные патриархи, которые были, по Ньютону, одновременно священниками, учеными и мудрецами, должны были также обладать по крайней мере этими знаниями, а возможно – и большими, поскольку: 1) античные и ближневосточные религии – искажение Ур-религии; 2) знание об устройстве Вселенной представляет собой часть религиозных ритуалов. Думаю, Ньютон понимал, что в его гипотезе доказательство такого положения – слабое место, поскольку ни в каких гебраистических источниках он подобного подтверждения найти не мог. И вот уже Ньютон совершает прыжок с зажмуренными глазами с вершины когнитивного водопада своей теории, надеясь на большую глубину озера под ним, и предлагает столь смелую историографическую гипотезу, что подобного ни он при всей своей фантазии, ни его современники – историки Англии XVII–XVIII вв. – практически никогда себе не позволяли. Ньютон начинает превращать обычные вещи из исторических и археологических свидетельств, относящихся к древним народностям Ближнего Востока и дошедших до Англии того времени преимущественно через труды ориенталистов Луи Каппеля, Самуэля Бокхарта и Иоганнеса Баксторфа, в символы и через сконструированную им семиотику исторического, в том числе библейского, повествования постфактум выводить нужное ему положение. Также Ньютону не была чужда идея наделять собственным символизмом Ветхозаветное Предание и раввинистические свидетельства / комментарии. Так, например, философу необходимо как-то обосновать связь пританейских и вестальных вечных огней с Ур-религией, и он ничтоже сумняшеся символизирует повествование об Аврааме и Исааке, вводя туда знаки, которых там нет.

Напомню место из книги Бытия, которое философ пытается наделить символическим смыслом, а потом апостериори его «декодировать»:

[3] Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог. [4] На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека. [5] И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам. [6] И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки ***огонь*** *и нож, и пошли оба вместе. [7] И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот* ***огонь*** *и дрова, где же агнец для всесожжения? [8] Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе* (Быт. 22:3–8, приводятся по Русскому синодальному переводу 1876 г.).

Во время Авраама древнееврейским словом אֵשׁ *esh* называли не только огонь как пламя, но и огниво и любые средства розжига огня [11]. Ньютон привязывается к слову «огонь» как коннотативному знаку и утверждает, что это был некий «священный огонь», которым якобы владела семья Авраама и который сам Авраам вынес из окрестностей города Ур, где долго жил до переселения в Палестину и где, соответственно, приобрел все теоретические и обрядовые знания в Ур-религии, – и следовательно, родиной Ур-религии можно считать Месопотамию:

Евреи переняли Ур-религию у халдеев, откуда Авраам вынес этот самый священный огонь, который никогда не гас, поскольку Авраам убежал от халдеев из-за нежелания следовать их поклонению божеству. Я не хочу сказать, что они (халдеи. – *К.Ш.*) *были правы, но эта традиция истинна, и она показывает по крайней мере, что использование этого огня среди тех наций было в соответствии с его использованием евреями, и что она была невероятно древней. Определенно, Авраам, когда совершал свой трехдневный путь, чтобы принести в жертву своего сына Исаака, нес с собой священный огонь для жертв и, следовательно, имел в своей семье сакральный огонь для принесения жертв, и, следовательно, взял его* (этот огонь. – *К.Ш.*) *из Ура Халдейского. И где бы он ни останавливался, он на том месте строил алтарь. И поэтому вечный огонь Скинии, который повелел разжечь Моисей, а также огонь Храма не представляли собой какую-то новую данность, и запрет на использование чужого огня также не представляет собой никакой новости* [8. F. 2v].

В математике и логике такой способ доказательства называется «от необходимого» и не считается правильным («предположим, что это так, и давайте докажем, что это так»), и Ньютон как математик не мог не знать этого, но тем не менее прибег к нему. На самом деле Авраам мог не выносить никакого вечного огня из Ура Халдейского, где жил до своего переселения, не обладать никаким «священным огнем», а огонь, который он захватил с собой, чтобы принести в жертву Исаака, был всего лишь огнивом, – а если и огнем в горшочке, то не неким «сакральным огнем», а обычным огнем. А если так, то связь ветхозаветной религии с Уром может быть более чем проблематичной: Авраам как праведный человек, безусловно, мог следовать заповедям *Шева мизвот б'не Ноа*, установленным ноахидами и обсуждаемым выше, но то, что им следовали во времена Авраама халдеи около Ура и не только около Ура, и не только евреи, становится крайне малодоказуемым, а вся концепция Ур-религии Ньютона попадает в разряд слабо обоснованных исторических предположений.

Ньютон пытается аргументировать свою концепцию и с помощью лингвистических соображений. Так, он видит в арамейском названии города ור *Ur* возможный перевод как «огонь» и связывает с ним имя *Хорчия*, под которым древние этруски поклонялись божеству семейного очага и жертвенного огня – латиняне впоследствии будут поклоняться ей как Весте [8. F. 2v]. Тем не менее никаких свидетельств того, что название ור когда-либо использовалось как нарицательное имя в смысле «огонь», не существовало ни в XVII в., ни теперь. Как мы отметили выше, в древнееврейском оригинале повествования об исходе Фарры и Авраама из Ура, а также в последующих главах о жизни Авраама в качестве «огня» используется только слово אֵשׁ *esh*.

Независимо от того, что Ньютон говорил о взаимосвязи естественной философии с теологией на разных этапах своей творческой и духовной эволюции, ясно одно: он считал, что роли богослова и натурфилософа сводятся к роли мудреца (учителя) и священника в древности. Так было как в оригинальной Ур-религии (например, такими священниками были Ной, Мелхиседек, пророк Илия и многие другие, вплоть до Маттафии Хасмонея), так и при некоторых попытках ее восстановления в языческих верованиях (например, Анаксимандр, Нума Помпилий, Пифагор, Орфей, Зороастр, Эхнатон и т.п.) [18. Pt. 2]. Огнепоклонство зороастрийцев и их сакральная традиция поддержания вечных, никогда не гаснущих огней для Ньютона не представляют решительно никакой загадки и хорошо объясняются его универсальной концепцией *prisca sapientia* (мудрости древних). В рамках его концепции такое огнепоклонство обладает тем же происхождением, что и пританейская и вестальная греко-римские традиции. В обсуждении связи зороастризма с Ур-религией Ньютон ссылается на отрывок из латинского перевода Страбона [8. F. 2v]:

Persæ, nec statuas nec aras erigunt, sacrificant in loco excelso. Cœlum Iovem putant. Colunt Solem quem Mithram putant. – In Cappadocia (etenim maxima est ibi magorum multitudo qui Pyrethi vocantur & multa Persicorum Deorum templa) non cultro sed stipite quodam sacrificia mactant, tanquam malleo verberantes. Sunt autem Pyrethæa septa quædam ingentia in quorum medio ara est. In ea Magi & cinerem multum & ignem perennem servant, & eò quotidie ingressi, imprecationes faciunt per horam ante ignem, virgarum fasciculum tenentes. Ista nos vidimus (Strab. Geogr. 1. 15. P. 732–733).

Как видим, для Ньютона в этом отрывке важно то, что у персов, согласно описанию в страбоновой «Географии», нет ни изображений, ни статуй, ни отдельных храмов, а поклоняются они лишь Солнцу, о котором думают, что оно есть Митра, и возводят сложные огненные пиретеи (алтари огнепоклонников), где маги поддерживают вечные огни. Причем для Ньютона

важно то, что вокруг центрального огня насыпано по семь валов – для него это явно является астрономическим иероглифом, отсылающим к семи планетам (шести известным в древности планетам и Луне).

Имеются некоторые данные, свидетельствующие о постепенных изменениях в воззрениях Ньютона: как полагает канадский исследователь Стивен Снобелен, с течением времени Ньютон допускал наличие все больших искажений Ур-религии в мировых религиях [5. P. 246; 19. P. 40–41]. Само христианство, включая англиканизм, начало восприниматься им как ересь, отход от правильного почитания Бога [12. P. 48], а в католицизме Ньютон видел и вовсе главное религиозное зло, главного врага истинной религии.

Ньютон утверждал, что его математическая физика представляет собой реформу натурфилософии, призванную соединить философию и науку с натуральным богословием [16, 18]. Он пытался возродить утраченные идеи антично-ренессансного историософского-богословского течения *prisca sapientia* («древней мудрости») и вывести прямую преемственность научных знаний XVII–XVIII вв. от воззрений древних мудрецов. К тому же идеи *prisca sapientia* Ньютон использовал и для построения своей художественной христианской проповеди. Традиция создания внецерковной художественной проповеди бытовала со времен первых христианских апологетов до эпохи Возрождения [20. P. 11; 21. P. 405; 22. P. 716–718; 23. P. 5, 8]. Впоследствии, в новоевропейский период, она была забыта, однако Ньютон пытался воссоздать ее, используя как античные источники, так и современные ему научные знания. Когда-то ему это удавалось лучше, когда-то хуже. Однако не подлежит сомнению, что Ньютону действительно удалось концептуализировать и сформулировать в математико-логическом стиле ряд понятий Ур-религии (если под ней понимать древние времена существования Ветхозаветной религии) и древней натурфилософии, которые ни до него, ни после него не осмыслялись в натурфилософском ключе, считаясь лишь мифами и образами. Например, широко оперирующие понятием «Ур-религия» немецкие романтики Гердер, Шлейермахер, Беме, Крейцер, Гёте и Шиллер, упомянутые в начале статьи, а также ряд писателей, поэтов, историков, историософов и антикваров XIX в., такие как, например, Уильям Уордсворт, Альфред Теннисон, Томас Карлайл, Джеймс Купер, Эгертон Филлимор, Чарльз Макфарлейн и Арчибальд Элисон, никогда не останавливались на чем-то большем, чем мифопоэтический образ Ур-религии и ее адептов-патриархов, хотя ни один из перечисленных литераторов и ученых не считал Ур-религию древним иудаизмом. Математико-логический подход к основам Ур-религии, за которой Ньютон, похоже, различал древний иудаизм, позволил английскому философу впоследствии разработать теорию «кодирования» натурфилософского знания. Так, Ньютон полагал, что ряд древних мыслителей вовсе не представлял Вселенную в мифологическом ключе; наоборот, по нему, эти мудрецы, похоже, специально изобретали метафоры, символы, шифры и образы, чтобы замаскировать, закодировать под ними свое знание от невежественной толпы (как считал сам Ньютон) или по каким-то иным соображениям.

К тому же следует подчеркнуть, что хотя ряд исследователей, например Мэтт Голдиш [12] или Стивен Снобелен [5, 19], доказывают, что Ньютон под Ур-религией понимал моисеев иудаизм, это в целом неверно, поскольку эти исследователи не делают разницы между иудаизмом времен Закона, сформулированного пророком Моисеем, и древним иудаизмом первых патриархов. Считаем, что, по Ньютону, Ур-религия – это как раз наиболее древняя стадия ветхозаветной религии (иудаизма), относящаяся к эпохе примерно на 1 000–1 500 лет более ранней, чем время исхода евреев из Египта и получения ими Закона (Торы). В этом смысле Ньютон и пишет об «адиафорах», т.е. ненужных, избыточных для религии положений, которые были введены Моисеем в Тору, поскольку евреи восприняли многие культурные традиции египтян за то время, что жили среди них [4. Vol. 3. P. 336]. То есть, по Ньютону, иудаизм времен Моисея уже содержал ряд искажений (порчи) религии по сравнению с абсолютно «правильной» Ур-религией.

Ньютон всегда пытался доказать, что знания, полученные древними, имели религиозную природу и иногда были получены не через наблюдение природных процессов, но пророческим путем, напрямую от Бога (как, например, в случае Адама, Ноя, ветхозаветных пророков) [24. P. 142]. Для Ньютона подобное знание было наиболее «правильным» и ценным с эвристической точки зрения.

Христианство как продолжение и реформация Ур-религии

Примечательно, что Ньютон не считал христианство само по себя искажением Ур-религии. Наоборот, он полагал, что на первоначальном этапе развития (до начала IV в.) христианство как раз полностью соответствовало идеалу истинной религии [5]. Но впоследствии, начиная с времен Флавиев, по Ньютону, деятельность многих отцов церкви привела к замутнению чистоты религии, и христианство стало все больше и больше отдаляться от правильного поклонения Богу. Две большие рукописи Ньютона посвящены всестороннему обсуждению его идей и выводов относительно этого вопроса: «Черновики по истории Церкви» (*Drafts on the history of the Church*), рукопись № 15 из Коллекции Яхуды [18], и «О Церкви» (*Of the Church*), рукопись в Бодмеровской библиотеке в Швейцарии [14] и дополнительные главы к ней [25].

Как убедительно показал Стеффен Дюшейн, Ньютон отстаивал ту точку зрения, что в раннехристианской церкви, по сути, не было догматических различий с иудаизмом, а вся разница заключалась лишь в обрядовой стороне богослужений [26. P. 26]. В данном положении еще не сказывается гетеродоксия Ньютона сама по себе, приведшая его в конечном итоге к полному разногласию с англиканством. Хорошо известно, что многие апологеты с античности до Нового времени, включая апостола Павла, Филона Александрийского, Иустина Мученика, Климента Александрийского, пытались на основании богословско-исторического анализа текстов Танаха доказать прямую преемствен-

ность христианства от ветхозаветного служения Богу – это так называемая традиция иудохристианства [27, 28]. По сути, Ньютон в этом мнении относительно истории христианской церкви первых веков вполне каноничен с христианской точки зрения. Его еретические идеи начинаются, когда он пытается в Бодмеровской рукописи связать отстаиваемую им самим унитарную теологию, ненависть к католицизму и собственную модель искажения Ур-религии [14. F. 7r–8r; 25. F. 1r–1v].

Ньютон уделяет очень большое внимание путям искажения Ур-религии в нашу эру. Он разрабатывает собственную концепцию моральных оснований христианства как возрожденной Ур-религии и их «порчи», замутнений, искажений на протяжении истории развития христианства. Я склонен согласиться с рядом исследователей, что наиболее близким к Ур-религии Ньютон считал самое раннее христианство времен Иисуса и апостолов, а также древний иудаизм пророческих эпох [29. P. 7; 30. P. 13].

Ур-религия, по мнению английского ученого, на протяжении развития человеческого общества постоянно искажалась. С одной стороны, как мы убедились, иногда искажения этой религии, по мысли Ньютона, приводили к появлению языческих религий Средиземноморья, Ближнего Востока, Индии (включая буддизм) и многобожия. С другой стороны, как убедительно доказывает в своей работе Мэтью Голдиш, английский ученый настаивал на том, что даже большинство монотеистических религий, например христианство и мусульманство, – это искажения исходной Ур-религии, которую исповедовали ноахиды – потомки Ноя [31. P. 44–46].

Почему же Ньютон видит в развитии христианской религии и церкви «отпадение от Бога», искажения изначальной Ур-религии?

Во-первых, ученый не усматривает в Иисусе Христе Бога, воплощения Божьего, а только Сына Божьего, что он явно отразил в Бодмеровском манускрипте «О церкви» [14. F. 166r–167r]. Причиной этого является то, что Ньютон очень долго не признавал Божественную Троицу, и есть лишь косвенные основания предполагать, что он признал догмат о Троице перед своей смертью в 1726 г. Некоторые исследователи, например Стивен Снобелен [19. P. 37–38; 32. P. 211, 234, 237–238] и Томас Пфайзенмайер [33. P. 74–75] считают, что Ньютон был арианином – тайным из опасений репрессий со стороны англиканской церкви. Однако я полагаю, что более уместной представляется точка зрения, согласно которой Ньютон на протяжении большей части жизни придерживался еретических с позиций христианства унитарных воззрений на Бога, но арианином все же не был. Почему? Арианство IV–V вв. чаще всего подразумевало отказ от восприятия Христа как *Сына* Божьего, и античные ариане считали Его *Высшим Творением* Божьим, а Ньютон не отказывался от этой идеи, признавая, что «Иисус – *Сын Бога* живого, Мессия и Князь» [14. F. 16r, 163r–164r]. Тем не менее Ньютон не считал Иисуса *Богом*, олицетворением Второй, Сыновней ипостаси, поскольку в Троицу не верил на протяжении многих десятков лет. Удивительно, но для Ньютона Христос имел не одну природу, как для большинства ариан, а две – божественную и человеческую [14. F. 15r]. Однако божественная природа, как считал Ньютон, должна быть отделена от Самого Бога [14. F. 202r]. Ньютон полагал, что «люди начали поклоняться творению вместо Творца», называя «творением» Самого Иисуса Христа [14. F. 166r], а также что «люди подменили твердую пищу, характерную для взрослых, молоком для младенцев» [14. F. 28r]. Твердой пищей, с его точки зрения, должно было быть признание того, что «Бог обладает бесконечной властью над Христом (*dominate over the Christ*)» [14. F. 331r–332r], а молоко для младенцев – это христианская катехизация, «идолопоклонство», в которое, по его мысли, впала христианская церковь начиная со времен Вселенских Соборов [14. F. 322r]. В рукописи № 15 из коллекции Яхуды английский ученый с целью дальнейшего обоснования своей концепции искажения Ур-религии отверг чудо евхаристии и истинность пресуществления святых даров (хотя впоследствии он признал истинность транссубстанциации), написав на этот счет:

Там, где Христос сказал: «Это мое тело», имея в виду вид его тела, римокатолики поняли это в буквальном смысле, как если бы хлеб был пресуществлен в тело Христа в буквальном смысле. Там, где Христос говорит: «Отец Мой больше Меня», – имея в виду отношения власти, некоторые отсюда вывели, что Сын является частью Бога и Отца [18. Pt. 3. F. 47v].

Во-вторых, Ньютон в определенных умозаключениях, несмотря на постулируемую им дистанцированность от позиции Церкви Англии, все же следует протестантской традиции не признавать почитания святых и икон, считая их «идольскими изображениями», не признавать реальность ангелов и демонов, а следовательно, считать все эти объекты предметами язычества и идолопоклонства (см., напр.: [14. F. 29r]). Поэтому Ньютон вполне в протестантском стиле делает вывод, что христианство, потеряв исходную чистоту первых веков своего развития, скатилось в пучину идолопоклонства также по причине почитания святых, признания ангелологии / демонологии и зародившейся традиции иконописи и сакральной скульптуры [14. F. 30r; 15. F. 156]. Для Ньютона давняя ветхозаветная традиция ангелологии, которую он, по идее, должен был бы признавать за часть Ур-религии, отметается тем соображением, что в Писаниях многие вещи были записаны на аллегорическом языке, а люди впоследствии стали трактовать их буквально, поэтому его вывод таков, что древнееврейские ангелология и демонология не являются частями моральной Ур-религии [14. F. 61r–62r].

В-третьих, Ньютон феноменально враждебен по отношению к католицизму. Известно, что в историко-теологической и философской мысли Англии XVI–XVII вв. католическую церковь и католиков традиционно недолюбливали многие англиканские мыслители, о чем пишет, например, Уильям Ашворт [24. P. 153–154], однако у Ньютона это, похоже, вылилось в определенную *idée fixe*: он посвящает тысячи страниц в своих рукописях гневной критике католической церкви и развенчиванию пороков католического духовенства

и конкретно римских понтификов. При этом самое интересное, что Ньютон в Бодмеровской рукописи не делает разницы между католицизмом и христианством времен Соборов, словно забывая о том, что о католицизме как отдельной конфессии можно говорить лишь начиная с середины XI в. Для Ньютона тринитарная логика многих отцов Церкви – не более чем происки католиков, которые «враждебны всякой истине на Земле» [14. F. 15r]. В силу этого становится понятно, почему для Ньютона догмат о Троице представляет собой «искажение» Ур-религии. Дальше на протяжении истории религия искажалась все больше и больше, и в конечном счете подобные искажения привели к появлению «новой степени ереси» – мусульманства, в котором Иисус понимается уже не как *Сын Бога*, а просто как один из *пророков* [14. F. 21r, 305r].

В-четвертых, Ньютон критикует интеграцию христианской религии с философскими учениями античности. Это само по себе странно, поскольку Ньютон – не только историограф, но и богослов, и он не мог не понимать, что теологи очень часто интегрирует в свои положения философскую базу. К тому же, как мы увидели выше, Ньютон напрямую связывал развитие натурфилософских учений древности и языческие религии как искажения Ур-религии. Тем не менее он пишет следующее относительно вреда философского влияния на христианство:

*Но люди с извращенным умом, не вдаваясь в подробности связи имен Христа с пророчествами о Нем и отношений разных частей Писаний друг по отношению к другу, приняли описания в буквальном и естественном смысле, тогда как на самом деле эти вещи описывались аллегорически в моральном смысле, по отношению к благочестию и добродетели… Неправильно интерпретировав слова Писания с позиций философов, люди привнесли в христианскую религию множество философских мнений, о которых первые христиане ничего не знали… Из-за этого Христос стал восприниматься Богом, и Соборы исказили все те моральные положения, на которых строится Ур-религия… Был искусственно придуман и введен в оборот догмат о Троице, и католичество стало столь же далеко от истинной религии потомков Ноя (*Noachides*), как нехристианские и языческие религии. Искажение Ур-религии язычниками с выдумыванием многобожия и христианами-католиками шло параллельно…* [14. F. 62r, 64r, 70r; 18. Pt. 3. F. 44r–45r, 47v; 25. F. 2r].

Заключение

Мы рассмотрели основные особенности концепции сэра Исаака Ньютона относительно Ур-религии, ее образования, развития и путей ее искажения в контексте его глобальной цивилизационной теории, в рамках которой он рассматривал пути развития цивилизаций.

Несмотря на небывалый интерес, который идеи Ньютона вызвали в английской историографии XVIII–XIX вв., данная концепция все же небезупречна и с логической, и с фактуально-доказательной стороны. Например, Ньютон ни в одной рукописи не пытается посмотреть на Ур-религию в более широкой перспективе и поразмышлять, откуда Ной приобрел теоретические и практические (обрядовые и церемониальные) познания и, соответственно, каким образом разрабатываемая им концепция Ур-религии ноахидов может быть связана с допотопными религиозными верованиями. Будут ли, например, Сиф или Енох такими же священниками Ур-религии, как и Мелхиседек? И если да, то откуда у самых первых патриархов было столь точное натурфилософское знание об устройстве Вселенной? Ньютона можно считать одним из первых авторов имагологических картин древних народов [34; 35. С. 286], и мыслитель многократно постулирует связь этих картин с его теорией Ур-религии. Однако он совершенно не объясняет причин наличия такой связи.

Похоже, Ньютон был несколько некритичен по отношению к себе. Он не допускал того, что он может быть где-то неправ или неточен в своей общей модели развития Ур-религии. Для него собственная концепция Ур-религии, подчас даже недоказуемая фактами, представляет собой достижение небывалой ценности, от которого он не может и не хочет отказываться, даже невзирая на некоторые несоответствия его модели историческим документам. Так, английский ученый пишет:

Следовательно, если кто-то будет утверждать, что мое объяснение Ур-религии… неопределенно, при том, конечно, условии, что можно будет найти другие способы интерпретации путей развития религий в мире, труды этого человека нельзя будет рассматривать, если он не докажет, что то, что сделал я, может быть по-настоящему исправлено. Если методы, которые он будет предлагать, будут менее естественными или основанными на более слабых аргументах, чем мои, очень вероятно, что он ищет не саму истину, а свой корыстный интерес в ней, так делают католики. Но если путь, которым я шел, действительно соответствует природе и гению пророчества, не нужно других демонстраций, чтобы убедиться в его истинности.

Ибо, как из двигателя, сделанного отличным изобретателем, человек легко убеждается, что части правильно собраны вместе, когда он видит их соединенными по-настоящему друг с другом, несмотря на то, что они могут быть объединены и другим способом; и как человек соглашается с тонким смыслом автора, когда он видит слова, истолкованные или упорядоченные в соответствии с законами грамматики, несмотря на то, что есть возможность втиснуть слова в какую-либо другую, более грубую конструкцию; так человек должен иметь равные основания согласиться с моей интерпретацией Ур-религии… когда он увидит, что ее части упорядочены в соответствии с их назначением… [16. Pt. 1. F. 14r–15r]

Из этого пассажа можно заключить, что Ньютон видел свою миссию – не больше и не меньше – как задачу пророка.

Тем не менее исследование историографической концепции Ньютона в отношении развития Ур-религии обладает несомненной важностью и актуальностью. Оно позволяет нам понять место и роль развития мировых религий и локальных древних языческих верований Средиземноморья и Ближнего Востока в глобальной цивилизационной теории Исаака Ньютона,

а также установить, почему традиция объяснения развития цивилизаций через формирование религий и церквей стала столь популярной в английской историографии XVIII–XIX вв.

Список источников

1. Newton I. Three bundles of notes for a work on the ancients' physico-theology, related to 'Theologiæ Gentilis Origines Philosophicæ'. Late 1680s – early 1690s // Yahuda Ms. 17. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
2. Manuel F.E. Isaac Newton, Historian. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1963. 307 p.
3. Manuel F.E. The Religion of Isaac Newton. Oxford : Oxford University Press, 1974. 141 p.
4. The Correspondence of Isaac Newton : in 7 vols. / ed. by H.W. Turnbull; published for the Royal Society. Cambridge : Cambridge University Press, 1959–1977.
5. Snobelen S.D. The True Frame of Nature: Isaac Newton, Heresy, and the Reformation of Natural Philosophy // Heterodoxy in Early Modern Science and Religion / ed. by J. Brooke, I. Maclean. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 223–262.
6. Donskikh O.A. Horror Zivilisationis, oder Horror der Subjektivität // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2. Art. 2.020110205. P. 1–19.
7. Creuzer F., Mone F.J. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen: in Vorträgen und Entwürfen : in 4 Bände. Leipzig ; Darmstadt : Abbildungen, 1810–1812.
8. Newton I. Draft chapters of a treatise on the origin of religion and its corruption. Early 1690s. Yahuda Ms. 41. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
9. Newton I. Rough draft portions of and notes for 'Theologiæ Gentilis Origines Philosophicæ' and 'The Original of Monarchies'. Late 1680s – early 1690s // Yahuda Ms. 16. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
10. McGuire J.E. Newton on Place, Time, and God: An Unpublished Source // British Journal for the History of Science. 1978. Vol. 11, № 38. P. 114–129.
11. Westfall R.S. Short-Writing and the State of Newton's Conscience, 1662 // Notes and Records of the Royal Society of London. 1963. Vol. 18. P. 10–16.
12. Goldish M. Judaism in Newton's history of early religion // Judaism in the Theology of Sir Isaac Newton. Dordrecht : Springer, 1998. P. 39–55.
13. Newton I. Irenicum, or Ecclesiastical Polyty tending to Peace. 1715–1720 // Keynes Ms. 3. King's College Library, Cambridge University, UK.
14. Newton I. Of the Church. 1700s // Bodmer Ms. Martin Bodmer Foundation Library, Cologny, Switzerland.
15. Lysenko L. Utilisation of non-Christian sources in Christian ideological parables // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2, № 1. P. 1–3.
16. Newton I. Untitled treatise on Revelation. 1670s // Yahuda Ms. 1. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
17. Goldish M. Newton's 'Of the Church': Its Content and Implications // Newton and Religion / ed. by J.E. Force, R.H. Popkin. Dordrecht : Kluwer, 1999. P. 145–164.
18. Newton I. Drafts on the history of the Church. 1710s // Yahuda Ms. 15. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
19. Snobelen S.D. Newton the believer // The Isaac Newton Guidebook / ed. by D.R. Alexander. Cambridge : The Faraday Institute, 2012. P. 35–44.
20. Aubert Ch. Collision idéologique dans L'Ovide moralisé // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2. Art. 2.010210910. P. 1–18.
21. Donskikh O.A. Splitting concepts: steps of reflection // Schole. 2018. Vol. 12, № 2. P. 402–425.
22. Donskikh O.A. Poetry as the beginning of philosophy and science // Schole. 2019. Vol. 13, № 2. P. 716–732.
23. Oliveira M.E., Carvalho B.M. The renowned courtesan as a heroine of a Christian ideological narrative? // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. V. 2. Art. 2.010410604. P. 1–15.
24. Ashworth W.B. Catholicism and Early Modern Science // God and Nature: Historical Essays on the Encounter between Christianity and Science / ed. by D.C. Lindberg, R.L. Numbers. Berkeley, CA : University of California Press, 1986. P. 136–166.
25. Newton I. Additional Notes to 'Of the Church'. 1700s // Bodmer Ms. No. 1. Martin Bodmer Foundation Library, Cologny, Switzerland.
26. Ducheyne S. Isaac Newton's 'Of the Church' manuscript description and analysis of Bodmer Ms. in Geneva // European Journal of Science and Theology. 2009. Vol. 5, № 2. P. 25–35.
27. Иларион, митр. Апостол Павел : биография. М. : Изд-во Московской Патриархии : Познание, 2017. 592 с.
28. Иларион, митр. Церковь в истории. Православная церковь от Иисуса Христа до наших дней. М. : Изд-во Московской Патриархии : Познание, 2017. 360 с.
29. Sassin W. Deja Vue? // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2. Art. 2.020210216. P. 1–21.
30. Sassin W. Er-Schöpfung der Schöpfung, oder Eine neue Kulturstufe in der Entwicklung des homo // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2. Art. 2.020510203. P. 1–17.
31. Goldish M. Judaism in the Theology of Sir Isaac Newton. Dordrecht : Springer, 1998. 244 p.
32. Snobelen S.D. Isaac Newton, heresy laws and the persecution of religious dissent // Enlightenment and Dissent. 2009. Vol. 25. P. 204–259.
33. Pfizenmaier Th.C. Was Isaac Newton an Arian? // Journal of the History of Ideas. 1997. Vol. 58, № 1. P. 57–80.
34. Gnes A. National and ethnic imagology on Eurasian space // Eurasian Political Crossroads. 2020. Vol. 1, № 1. P. 37–50.
35. Дмитриев И.С. Неизвестный Ньютон. СПб. : Алетейя, 1999. 784 с.

References

1. Newton, I. (late 1680s – early 1690s) *Three bundles of notes for a work on the ancients' physico-theology, related to 'Theologiæ Gentilis Origines Philosophicæ'*. Yahuda Ms. 17. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
2. Manuel, F.E. (1963) *Isaac Newton, Historian*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Manuel, F.E. (1974) *The Religion of Isaac Newton*. Oxford: Oxford University Press.
4. Turnbull, H.W. (ed.) (1959–1977) *The Correspondence of Isaac Newton*. In 7 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Snobelen, S.D. (2005) The True Frame of Nature: Isaac Newton, Heresy, and the Reformation of Natural Philosophy. In: Brooke, J. & Maclean, I. (eds) *Heterodoxy in Early Modern Science and Religion.* Oxford: Oxford University Press. pp. 223–262.
6. Donskikh, O.A. (2019) Horror Zivilisationis, oder Horror der Subjektivität. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 020110205. pp. 1–19.
7. Creuzer, F. & Mone, F.J. (1810–1812) *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen: in Vorträgen und Entwürfen*. In 4 Bände. Leipzig und Darmstadt: Abbildungen.
8. Newton, I. (early 1690s) *Draft chapters of a treatise on the origin of religion and its corruption*. Yahuda Ms. 41. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
9. Newton, I. (late 1680s – early 1690s) *Rough draft portions of and notes for 'Theologiæ Gentilis Origines Philosophicæ' and 'The Original of Monarchies'*. Yahuda Ms. 16. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
10. McGuire, J.E. (1978) Newton on Place, Time, and God: An Unpublished Source. *British Journal for the History of Science*. 11(38). pp. 114–129.
11. Westfall, R.S. (1963) Short-Writing and the State of Newton's Conscience, 1662. *Notes and Records of the Royal Society of London*. 18. pp. 10–16.
12. Goldish, M. (1998) Judaism in Newton's history of early religion. In: *Judaism in the Theology of Sir Isaac Newton*. Dordrecht: Springer. pp. 39–55.

13. Newton, I. (1715–1720) *Irenicum, or Ecclesiastical Polyty tending to Peace*. Keynes Ms. 3. King's College Library, Cambridge University, UK.
14. Newton, I. (1700s) *Of the Church*. Bodmer Ms. Martin Bodmer Foundation Library, Cologny, Switzerland.
15. Lysenko, L. (2019) Utilisation of non-Christian sources in Christian ideological parables. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2(1). pp. 1–3.
16. Newton, I. (1670s) *Untitled treatise on Revelation*. Yahuda Ms. 1. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
17. Goldish, M. (1999) Newton's 'Of the Church': Its Content and Implications. In: Force, J.E. & Popkin, R.H. (eds) *Newton and Religion*. Dordrecht: Kluwer. pp. 145–164.
18. Newton, I. (1710s) *Drafts on the history of the Church*. Yahuda Ms. 15. National Library of Israel. Jerusalem, Israel.
19. Aubert, Ch. (2019) Collision idéologique dans L'Ovide moralisé. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 010210910. pp. 1–18.
20. Donskikh, O.A. (2018) Splitting concepts: steps of reflection. *Schole*. 12(2). pp. 402–425.
21. Donskikh, O.A. (2019) Poetry as the beginning of philosophy and science. *Schole*. 13(2). pp. 716–732.
22. Oliveira, M.E. & Carvalho, B.M. (2019) The renowned courtesan as a heroine of a Christian ideological narrative? *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 010410604. pp. 1–15.
23. Snobelen, S.D. (2012) Newton the believer. In: Alexander, D. (ed.) *The Isaac Newton Guidebook*. Cambridge: The Faraday Institute. pp. 35–44.
24. Ashworth, W.B. (1986) Catholicism and Early Modern Science. In: Lindberg, D.C. & Numbers, R.L. (eds) *God and Nature: Historical Essays on the Encounter between Christianity and Science*. Berkeley, CA: University of California Press. pp. 136–166.
25. Newton, I. (1700s) *Additional Notes to 'Of the Church'*. Bodmer Ms. No. 1. Martin Bodmer Foundation Library, Cologny, Switzerland.
26. Ducheyne, S. (2009) Isaac Newton's 'Of the Church' manuscript description and analysis of Bodmer Ms. in Geneva. *European Journal of Science and Theology*. 5(2). pp. 25–35.
27. Hilarion, Met. (2017a) *Apostol Pavel* [Apostle Paul: a biography]. Moscow: Moscow Patriarchate.
28. Hilarion, Met. (2017b) *Tserkov' v istorii. Pravoslavnaya tserkov' ot Iisusa Khrista do nashikh dney* [Church in History. Orthodox Church from Jesus Christ to Our Days]. Moscow: Moscow Patriarchate.
29. Sassin, W. (2019) Deja Vue? *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 020210216. pp. 1–21.
30. Sassin, W. (2019) Er-Schöpfung der Schöpfung, oder Eine neue Kulturstufe in der Entwicklung des homo. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 020510203. pp. 1–17.
31. Goldish, M. (1998) *Judaism in the Theology of Sir Isaac Newton*. Dordrecht: Springer.
32. Snobelen, S.D. (2009) Isaac Newton, heresy laws and the persecution of religious dissent. *Enlightenment and Dissent*. 25. pp. 204–259.
33. Pfizenmaier, Th.C. (1997) Was Isaac Newton an Arian? *Journal of the History of Ideas*. 58(1). pp. 57–80.
34. Gnes, A. (2020) National and ethnic imagology on Eurasian space. *Eurasian Political Crossroads*. 1(1). pp. 37–50.
35. Dmitriev, I.S. (1999) *Neizvestnyy N'yuton* [The Unknown Newton]. St Petersburg: Aleteyya.

***Сведения об авторе*:**
Шаров Константин Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: const.sharov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sharov Konstantin S. – PhD (Philosophy), Senior Lecturer of M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: const.sharov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2019; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 10.11.2019; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/86/20

Становление российского федерализма в 1990-е годы как историографическая проблема

Дмитрий Николаевич Шевелев[1], Анна Геннадьевна Мельник[2]

[1] Томский государственный университет, Томск, Россия, shev-dn@yandex.ru
[2] Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, celena_@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка систематизации научных представлений о сущности федерализма, его соотношении со смежными категориями «федерация», «федеративный строй», «федеративные отношения», об особенностях его формирования и развития в 90-е гг. XX в. Проведено условное деление научных работ о федерализме на труды теоретического и прикладного характера. Отдельное внимание уделено системе общих принципов федеративного государства, выделяемых большинством авторов, которые занимаются теоретическими исследованиями, где федерализм представлен как некая идеальная конструкция.
Ключевые слова: субъекты федерации, федерализм, федеративные отношения, федеративное устройство, федерация

Для цитирования: Шевелев Д.Н., Мельник А.Г. Становление российского федерализма в 1990-е годы как историографическая проблема // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 161–169. doi: 10.17223/19988613/86/20

Original article

Formation of the Russian federalism in the 1990s as a historiographical question

Dmitry N. Shevelev[1], Anna G.Melnik[2]

[1] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, shev-dn@yandex.ru
[2] Tomsk State University of Control Systems and Radio-Electronics, Tomsk, Russian Federation, celena_@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of reflecting the essence of Russian federalism on pages of scientific literature. Herein the authors make an attempt to systematize scientific ideas about the process of formation and development of the processes of the government of Russia in the 1990s in order to determine further directions in the search for an answer to the question about the true role of federalism in Russian history.

In the first section of the study a variety of approaches to the essence of Russian federalism is presented on the basis of identification of two criteria. Firstly, it depends on the disciplinary affiliation of the researcher, which determines the main focus of the issue. It is noted that if for lawyers the issues of legal consolidation of the subjects of jurisdiction and powers of Russia and its subjects are of particular value, for historians the essential problem in the study of the formation and development of federalism are the subject features of science. Secondly, scientific ideas about federalism depend on the subjective perception of federalism as a phenomenon of public life. This criterion made it possible to carry out a conditional division of scientific works into two levels – works of a theoretical and applied nature. At the theoretical level, federalism is presented as a kind of ideal construction, model, principle of the territorial organization of the state. The studies classified as applied works are presented by the authors as a reaction of the scientific community to the ongoing changes in the field of state building.

The ambiguity of the approach to the key definitions of the institution of federalism among practitioners is noted. The main positions that most authors adhere to are named:

1) federalism is a form of government;
2) federalism is the principle of building a federal state, acting as a scientific category, a theoretical model of the federation;
3) federalism is a combination of the form of government (federation) and ideas that make up the doctrinal basis of the federal structure.

In the second section of the article the systematization of scientific ideas about the system of principles of a federal state is accomplished. Particular attention is paid to the analysis of such principles as: a voluntary basis for association, the availability of certain properties of state formations that are included in the federation, the availability of its own material and financial base of the federation and its subjects, etc.

The result of the work was the revelation of gaps and unexplored spaces in the historiography of Russian federalism at the stage of its formation and development in the 1990s. It is concluded that the authors conventionally classified as

© Д.Н. Шевелев, А.Г. Мельник, 2023

"theorists" are studying the federalism as a kind of phenomenon detached from reality, while practical research, on the contrary, is focused on the author's subjective perceptions.
The lack of a comprehensive approach in the scientific literature to the peculiarities of the functioning of Russian federalism can be compensated by conducting historical research, the subject of which should be the study of the links between causes and effects, revealing the patterns of phenomena and institutions development. In this connection, it is concluded that there is a need for further analysis of the problems of federalism and the search for solutions based on historical science.
Keywords: subjects of the federation; federalism; federal relations; federal system; federation

For citation: Shevelev, D.N., Melnik, A.G. (2023) Formation of the Russian federalism in the 1990s as a historiographical question. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 161–169. doi: 10.17223/19988613/86/20

Введение

Федеративные отношения представляют собой сферу особого внимания со стороны как научного сообщества, так и практикующих юристов, политиков, экономистов и иных лиц, прямо или косвенно вовлеченных в сферу государственного строительства. На протяжении многих лет тема федерализма не теряет своей актуальности ввиду не только многообразия связей, элементов и отношений, включенных в его содержание, но и их динамичности, изменчивости, а также противоречивости между теоретическими представлениями и их практическим воплощением.

Однако, несмотря на большой объем теоретических разработок и полученных исследовательских результатов, степень научного исследования российского федерализма в 1990-е гг. нельзя признать высокой. Многие проблемы не получили должного освещения в научной литературе. Это, например, процессы государственного строительства на региональном уровне, влияние общественного мнения на деятельность органов государственной власти, причины неудач экономических и социальных реформ и т.д.

Большинство исследователей сконцентрированы на изучении и накоплении материала по наиболее острым проблемам российского федерализма, в то время как комплексные исторические исследования обобщающего характера проводятся крайне редко, а имеющиеся научные разработки нуждаются в дополнении.

Накопленный пласт научных работ нуждается в систематизации для выявления пробелов в научном исследовании вопросов построения российского федерализма в 1990-е гг. Подобные попытки историографического осмысления озвученной темы уже предпринимались на страницах периодической печати (А.А. Венков [1]) и в соответствующих разделах диссертационных исследований, посвященных развитию федерализма.

1. Многообразие подходов к исследованию сущности федерализма

В зависимости от дисциплинарной принадлежности авторов можно выделить исследования в области федерализма со стороны разных отраслей научного знания, каждая из которых имеет собственный методологический подход и предмет изучения. Так, политологические исследования сосредоточены на федерализме с позиции методов государственного управления и эффективности применяемых властью технологий. Природа и сущность федерализма раскрываются в них через проведение сравнительно-политологического анализа, а события 1990-х гг. рассматриваются как переход от советского варианта федерализма к современному федеративному устройству.

Для юристов особую ценность представляют вопросы легального закрепления предметов ведения и полномочий России и ее субъектов, наличие действенных правовых механизмов, позволяющих Центру и субъектам федерации реализовать свои полномочия в установленной для них сфере компетенции, а также выявление правовых пробелов и устранение правовых коллизий в области федеративных отношений.

Историческая наука подходит к проблемам генезиса становления и эволюции российской федерализма комплексно, подвергая анализу институциональную практику взаимоотношений участников федеративных отношений и ставя перед собой задачу выявить факторы и причины, которые оказали влияние на их развитие. Так, в качестве одной из целей своего диссертационного исследования Н.М. Беленко ставит «обобщение исторического опыта федеративного строительства, вытекающего из федеративных отношений в стране» [2. С. 10], И.В. Белянина говорит об анализе реформирования федеративных отношений с точки зрения институционального подхода [3], а А.А. Венков – об анализе процесса формирования и эволюции модели современного российского федерализма в конце 1980-х – начале 2000-х гг. [4].

Большинство исследований о проблемах российского федерализма как в процессе его становления, так и в ходе дальнейшей эволюции проводятся представителями юридической науки, которая полагает центральной задачей анализ правотворческой деятельности по разработке и принятию ключевых правовых актов, составляющих основу федеративного устройства.

Для историков сущностной проблемой в исследовании вопросов становления и развития федерализма выступают предметные особенности науки. Дело в том, что историческая наука, как правило, исследует завершенные процессы, а федерализм представляет собой явление, динамично развивающееся во времени, без возможности окончательного завершения. Это является препятствием для привлечения широкого круга историков к изучению федеративных отношений и обусловливает недостаток анализа причин и следствий, опосредующих специфические особенности российского федерализма.

Систематизацию научных работ, посвященных процессам формирования и эволюции российского федерализма, можно условно провести и по другому критерию, положив в основу субъективное восприятие федерализма как явления общественной жизни. Названный критерий позволил разделить весь пласт научных трудов на два уровня.

На первом находятся исследования теоретического характера, где федерализм рассматривается как некая идеальная конструкция, модель, принцип территориальной организации государства. На этом уровне авторы предпринимают попытку определить природу и сущность федерализма как явления, проводят типологию моделей федерализма, выделяют специфические признаки российской формы государственного устройства. Так, М.В. Глигич-Золотарева в монографии «Теория и практика федерализма» [5] посвящает целые разделы категориальному аппарату учения о федерализме, методологии федерализма, типологии федеративных систем и т.д. Р.Г. Абдулатипов в «Федералогии» [6] концентрируется на теоретических аспектах, подвергая подробному анализу элементы правового статуса субъектов федерации, правовые основы российского федерализма, его принципы и т.д. В.А. Черепанов в учебном пособии «Теория российского федерализма» [7] раскрывает понятия федерации и федерализма, выделяет модели федерации и особое внимание уделяет вопросам конституционно-правовой характеристики российской федеративной системы.

В рамках теоретических исследований затрагиваются и практические аспекты внедрения элементов федеративной формы государственного устройства в общественную практику, выделяются основные этапы построения «нового» российского федерализма и анализируются ключевые события российской истории. Но эти вопросы освещаются здесь либо как справочный материал, либо с целью аргументации выводов, к которым пришел автор в ходе теоретического исследования.

Ко второй категории отнесены работы авторов, которые акцентируют свое внимание на практике построения федеративных отношений в России. Исследования данной группы являются реакцией научного сообщества на происходящие изменения в области государственного строительства, федерализм представляется в них как средство борьбы за властные полномочия между Центром и регионами.

В то же время труды исследователей-практиков включают в себя и вопросы общетеоретического характера. При этом не наблюдается единообразия во взглядах на ключевые дефиниции института федерализма на всех уровнях научного сообщества. Авторы демонстрируют неоднозначное восприятие как самого термина «федерализм», так и проблемы его разграничения со смежными категориями «федерация», «федеративный строй», «федеративные отношения».

Весьма условно позиции исследователей можно объединить в три основные группы.

К работам первой группы можно отнести труды, где федерализм рассматривается как форма государственного устройства, представляющая собой объединение различных государственных образований, которые отражают их стремление к определенной степени самостоятельности (Р.Г. Абдулатипов [6. С. 17], В.В. Тищенко [8. С. 113]). Категории «федерализм», «федеративный строй», «федерация» употребляются здесь в качестве синонимов. Например, в энциклопедическом словаре по федеративной проблематике «федерализм» определяется как форма государственности [9. С. 244], а в юридической энциклопедии – как принцип территориальной организации государства [10. С. 474].

Такое понимание федерализма не получило широкого распространения ни в 1990-х гг., ни сегодня. Данный подход был критично воспринят целым рядом авторов (Н.М. Добрынин [11. С. 36], М.С. Саликов [12. С. 39], М.Х. Фарукшин [13. С. 139]), которые исходят из необходимости размежевания категорий «федерация» и «федерализм», поскольку федерализм не только охватывает форму политико-территориальной организации, но и включает в себя процессы федерализации, дефедерализации, а также федералистскую политическую культуру.

В работах ученых второй группы (Л.М. Карапетян [14. С. 15], М.С. Саликов [15. С. 54], Э.С. Тадевосян [16. С. 17]) федерализм представлен как принцип построения федеративного государства, выступающий как научная категория, теоретическая модель федерации. Федеративный строй рассматривается здесь в качестве практической реализации федералистских идей, воплощения его философии. Сторонники данного подхода исходят из того, что федерализм является более сложной научной категорией, чем федерация и федеративный строй, выходит за рамки отдельной сферы исследования и включает в себя исторические, национальные, культурные и идеологические факторы. Федерация при этом выступает выражением принципов федерализма в конкретном государстве на определенном историческом этапе.

К третьей группе можно отнести исследователей, которые предлагают смешанный подход к сущности федерализма (М.В. Глигич-Золотарева [17], М.Х. Фарукшин [18. С. 331]). В их представлениях федерализм рассматривается как сочетание двух взаимосвязанных элементов: формы государственного устройства (федерации) и идеи, составляющей доктринальную основу федеративного устройства, которая воплощается в соответствующих политико-правовых принципах федерализма.

На этом научные представления о содержании федерализма и его соотношении со смежными категориями не исчерпываются. Например, Н.М. Беленко [19. С. 3] говорит о том, что федерализм, федерацию и федеративные отношения следует рассматривать как форму децентрализации государственной власти федеративного государства (федерации), а Н.М. Добрынин понимает федерализм как «спектр явлений и отношений, непосредственно связанных с федеративной формой государственного устройства» [11. С. 36].

Условное деление научных работ о федерализме на труды теоретического и прикладного характера показывает, на чем концентрируется исследователь. Если в теоретических трудах, как было показано выше, авто-

ры берут за основу идеальную конструкцию федерализма, то в практических исследованиях угол зрения фокусируется на оценке эффективности российского федерализма, которая производится на основе субъективного подхода исследователя, не только ограниченного рамками своей дисциплинарной принадлежности, но и оказавшегося под воздействием совокупности социальных, политических, экономических и иных факторов.

В 90-е гг. XX в. – период расцвета федеративной мысли и региональной самоидентификации – федерализм рассматривался как достижение российских реформ и демократизация общества. В это время исследователи сосредоточивали свое внимание на поиске оптимальной модели федеративного устройства [20], выявлении проблем и ошибок федерализма советского периода, сравнительном анализе российского и зарубежного опыта в практической реализации принципов федерализма [21, 22].

В современный период представления о федерализме и путях его развития сосредоточены в двух диаметрально противоположных подходах.

Представители первого направления одобрительно относятся к усилению централизованных начал российского государства, полагая, что в современных условиях происходит дальнейшее поступательное развитие федерализма. Исследователи, относящиеся к этой группе, утверждают, что российская модель федерализма предполагает наличие в государстве сильной центральной власти [23. С. 106], для которой характерно сосредоточение административных, экономических, политических и иных ресурсов в руках федерального Центра [24. С. 150]; децентрализация власти, по их мнению, может привести к бесконтрольности регионов, нарушению государственной целостности и сецессионым настроениям, а повышение эффективности федерализма возможно с помощью укрепления вертикали власти [25. С. 20]. В рамках данного подхода делаются предложения о смене существующей формы государственного устройства на унитарное частично децентрализованное государство [26. С. 13].

Сторонники централизованной федерации вступают в полемику с критичными высказываниями о состоянии российского федерализма на современном этапе. Так, утверждение И.М. Бусыгиной и М.Г. Филиппова о том, что «сегодня Россия осталась федерацией только формально; реальный политический процесс в стране развивается принципиально “нефедеративным” образом [27. С. 7], по утверждению Е.М. Бухвальда, не имеет никаких оснований, а проводимые изменения существенно укрепляют демократическую и социальную природу государства [28. С. 51].

Такой подход о положительных свойствах централизации для развития федеративных отношений является новым направлением федеративной мысли. В научной литературе 1990-х гг. он не получил своего развития, поскольку не был востребован общественной практикой, воспринимавшей федерализм исключительно как форму децентрализации государственной власти.

Противоположную позицию занимают ученые, скептически относящиеся к современным реформам в сфере государственного устройства. В их трудах федерализм в сложившихся социально-политических реалиях представлен как спящий институт [29], а Россия – как централизованное авторитарное государство [27. С. 16].

В качестве самостоятельного направления исследований следует выделить работы авторов, которые ограничиваются размышлениями о природе федерализма и особенностях его воплощения в российских условиях, не делая каких-либо выводов о его соответствии принципам, которые разработаны классиками федеративной мысли [30]. Как правило, представители названного направления сосредоточивают свое внимание на теоретических проблемах федерализма, а также становлении и развитии отечественной правовой мысли.

2. Научные представления о системе принципов федеративного государства

Возвращаясь к вопросу о научных подходах к оценке эффективности федерализма в российских правовых условиях, следует сказать, что, несмотря на существенную разницу во взглядах, в качестве общих принципов построения федеративного государства большинством авторов называются:

1. Добровольная основа объединения вне зависимости от наименования акта, который ее учреждает: договор, конституция или соглашение. Как обязательный признак федерализма добровольность объединения субъектов федерации признавалась и авторами советского периода [31. С. 12–14; 32. С. 42; 32. С. 161; 33. С. 24; 34. С. 75], и в постсоветской научной литературе [6. С. 234; 35. С. 58; 36. С. 4–5].

При его аргументации основным камнем преткновения является вопрос о том, какой акт следует признать в качестве учредительного: Конституцию РФ или Федеративный договор. Как правило, усилия авторов сосредоточиваются на обосновании конституционной природы построения российского государства. Например, Н.М. Добрынин в своем диссертационном исследовании отстаивает позицию о том, что Российская Федерация представляет собой конституционную модель, поскольку Федеративный договор не учреждал федерацию, а лишь перераспределял полномочия в уже существующем государстве, причем не между Центром и субъектами федерации, а между органами государственной власти [11]. С ним соглашается И.В. Белянина, утверждая, что признание России в качестве договорной федерации было бы возможным в случае, если после подписания Федеративного договора образовалось бы новое государство. По ее мнению, Россия исторически сложилась как конституционная федерация [3. С. 3]. Б.С. Эбзеев и Л.М. Карапетян считают, что Россия – типичное конституционное государство, поэтому не может быть и речи о какой-либо конституционно-договорной или договорной его природе [37. С. 8]. Однако идея о том, что Россия является конституционно-договорной федерацией, все же находит отражение в трудах многочисленных исследователей [2, 38–41].

Сомнения в реализации принципа добровольности объединения субъектов федерации в условиях россий-

ской действительности возникают тогда, когда анализу подвергается факт отказа национальных республик (Татарстан, Чечня) от подписания Федеративного договора. Б.Л. Железнов и Р.Х. Губейдуллин при этом не упоминают принцип добровольности объединения, они говорят о том, что Российская Федерация в ее современном понимании не была образована снизу вверх, а появилась в результате обновления и реформирования уже сложившейся формы государственного устройства [42. С. 175]. С ними соглашается Л.В. Смирнягин, утверждая, что федерализация в России развертывается сверху вниз [43], федерализм является «насаженным», «верховым», предметом дизайна, элементы которого выстраивались в зависимости от политической конъюнктуры [44].

2. Наличие определенных свойств у государственных образований, входящих в состав федерации: отсутствие суверенитета; собственные органы государственной власти; равноправие во взаимоотношениях друг с другом и центральной властью; самостоятельность в пределах полномочий, установленных договором о разграничении предметов ведения.

Принятие Конституции РФ позволило ряду ученых сформировать позицию о том, что проблема правового статуса субъектов в обновленном государстве решена [6. С. 138–139; 45. С. 94–65], а России стали присущи классические атрибуты федерации [46. С. 21]. Основным аргументом авторов стали положения ст. 5 и главы 3 Конституции РФ, устанавливающие конституционные основы федеративного устройства: 1) равноправие субъектов Российской Федерации; 2) равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации; 3) единство системы государственной власти; 4) общие принципы формирования органов государственной власти в субъектах Федерации и т.д.

Сторонники позитивного восприятия конституционной реформы 1993 г. видят федеративную идею по всему тексту Конституции РФ. Так, по меткому выражению В.В. Гайдука, положения о федерализме не ограничиваются главой 3, в Конституции «каждая глава пронизана идеей федеративного государственного устройства» [47. С. 100].

Действительно, если брать за основу положения Конституции РФ, можно увидеть стремление законодателя к установлению основ федеративного государства, имеющих определенную схожесть с теоретическими разработками федерализма. Однако, по мнению А.А. Захарова, Россия после принятия Конституции РФ является федеральным государством только в юридическом смысле [29]. Процессы реализации конституционных положений, а также факторы, способствующие принятию актов конституционного значения, дали ряду авторов основания для вывода о признании принципов российского федерализма декларативными, а саму форму государственного устройства – вынужденной мерой. В литературе выделены основные проблемы реализации конституционных положений, в том числе разностатусность субъектов федерации, недоработанный механизм разделения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами [48].

3. Наличие собственной материально-финансовой базы федерации и ее субъектов, позволяющей учитывать интересы всех участников федеративных отношений.

Исследователи федерализма 1990-х гг. уделяют повышенное внимание проблемам бюджетного и налогового федерализма. Именно в этот период термин «бюджетный федерализм», представляющий собой процесс распределения финансовых потоков между центральной, региональной и местной властями, стал активно использоваться в научной литературе.

Формирование государственного бюджета после распада СССР происходило по «матрешечному» принципу: каждый вышестоящий бюджет включал в себя нижестоящий [39; 49. С. 227]. Составными элементами государственного бюджета были местный бюджет, бюджеты союзных республик и союзный бюджет. После провозглашения независимости Российской Федерации 12 июня 1990 г. и подписания Федеративного Договора 1992 г. бюджетная система подверглась существенной реформации. В процессе ее проведения стали приниматься правовые акты, регулирующие порядок формирования независимых бюджетов: Закон РСФСР от 10 октября 1991 г. «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» [50], Закон от 16 февраля 1992 г. «Об основах налоговой системы в РСФСР» [51] и др.

Однако, учитывая все достижения законодательства в сфере развития бюджетных правоотношений и формирования собственной материально базы участников федеративных отношений, в научной литературе, был выделен ряд проблем. В их числе «бюджетная война» субъектов федерации с федеральным Центром, когда субъекты выходили за рамки своих полномочий, принимая решения о распределении налоговых отчислений в собственный бюджет несмотря на то, что это противоречило требованиям федерального законодательства [52]. И.В. Горохов по этому поводу отмечает, что в 1993 г. в федеральный бюджет практически не поступило налогов от республик при средней доле поступлений от регионов 37,1% [39. С. 107]. Неуплата налогов рассматривалась в литературе как разновидность социального протеста: «все равно проедят или разворуют». Можно встретить и более резкие утверждения, касающиеся распределения финансовых ресурсов в стране. Так, по мнению А. Аринина, период 1992–1998 гг. охарактеризован незаконным перераспределением национального богатства в пользу отдельных территорий [53. С. 105]. Иными словами, подавляющее большинство авторов при анализе бюджетного федерализма как основы для построения подлинного федеративного государства, признавали, что в 1990-е гг. совокупность финансовых взаимоотношений трех ветвей власти – федеральной, региональной и местной – представляла собой крайне шаткую правовую конструкцию.

4. Обязательное наличие двухпалатного парламента, где нижняя палата представляет интересы населения страны, а верхняя – регионов. Для федерализма определяющее значение имеет политический вес верхней палаты в процессе принятия государственных решений, поскольку данный фактор показывает степень учета

мнения регионов. Между тем в литературе указывается, что после принятия Конституции РФ в практику введен механизм, позволяющий нижней палате большинством голосов перекрывать решения, принимаемые верхней палатой. Такое состояние законодательства позволяет не считаться с мнением субъектов федерации, консолидированно представленным в верхней палате [54].

5. Наличие институтов, обусловливающих развитие демократических основ: многопартийной политической системы, позволяющей учитывать интересы основной части населения в процессе принятия политических решений; свободы СМИ федерального и регионального значения и т.д.

Институциональная основа федерализма создает определенные предпосылки для утверждения в обществе и государстве демократических начал. На прямую связь между демократией и федерализмом указывается в большинстве исследований. По мнению Р.Г. Абдулатипова, демократия и федерализм представляют собой два рычага построения в России современного правового государства, отвечающего чаяниям граждан Российской Федерации всех национальностей, всех народов и регионов страны [6]. М.Х. Фарукшин утверждает, что «подлинный федерализм невозможен вне демократии» [22. С. 79], А.А. Захаров отмечает, что демократия и федерализм являются взаимосвязанными политическими феноменами, которые взаимно стимулируют и усиливают друг друга [54. С. 60]. В.С. Шевцов в своей работе использует словосочетание «демократический федерализм», признавая его истинным, проистекающим из общественных потребностей и порождаемым самим обществом [55].

Проблемой реализации рассматриваемого принципа является то, что в условиях российской действительности федерализм не получил должного обеспечения необходимыми демократическими институтами. Те ученые, которые посвятили свои исследования практике построения федерализма в 1990-е гг., выделяли следующие проблемы: слабость политических партий в работе с регионами, их нацеленность на проблемы федерации в целом; авторитарные начала политических режимов, когда региональные лидеры представлены как «феодалы» своих территорий [44]; слабость гражданского общества, отсутствие среднего класса, низкая политическая культура граждан [53]; необходимость расширения самостоятельности мест и формирования реального местного самоуправления [52] и т.д.

Перечисленные принципы федерализма являются лишь основными идеями, которые признаются подавляющим большинством авторов в том или ином варианте изложения. Их перечень не является исчерпывающим, он может быть дополнен и иными научными представлениями об устоях федеративного государства. Некоторые из них дискуссионны с точки зрения точности формулировок, например участие субъектов федерации в международных отношениях или возможность делегирования полномочий, принадлежащих центру, субъектам федерации. Другие, напротив, не подвергаются критике со стороны научного сообщества в силу очевидной целесообразности (принцип территориальной целостности государства, единство государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами и т.д.).

Заключение

Исходя из того, что в представленной работе рассматривались только те исследователи, которые работали с принципами федерализма в рамках теоретической модели, можно сделать вывод, что внимание авторов сосредоточено на анализе правовых основ федерализма, выдвижении предложений о проведении мероприятий, необходимых для внедрения или модернизации федеративных устоев, а также на сравнении российской и зарубежной практики, которая зачастую воспринимается как некий «эталон» для России. В то же время в вопрос о причинах, которые стали факторами, препятствующими воплощению классических постулатов в практику, не получил здесь широкого освещения.

Современное состояние научного исследования института федерализма 1990-г гг. характеризуется тем, что внимание той части научного сообщества, которая условно отнесена к категории «теоретиков», концентрируется на относительно безопасной проблематике, обсуждении вопросов построения федеративного государства в России в своего рода воображаемой действительности, где федерализм представлен как явление, оторванное от реальности. В свою очередь, практики, занимающиеся вопросами федерализма, сконцентрированы на нюансах, что мешает им комплексно подойти к исследовательской проблеме.

Таким образом, современные теоретические представления о федерализме имеют определенные пробелы и неисследованные пространства, которые можно заполнить путем выявления причин и условий, мешающих практическому воплощению федералистских идей. Состояние научного исследования в том виде, которое существует на данном этапе, мешает получению важнейшего ответа на вопрос о том, какие цели поставлены перед федерализмом в российской истории. К примеру, если рассматривать его в качестве способа удержания власти, то озвученные авторами проблемы несоответствия теоретических представлений о федерализме их практической реализации получат новое содержание.

Список источников

1. Венков А.А. История исследования эволюции современной модели федерализма в России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2010. № 5. С. 94–97.
2. Беленко Н.М. Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX – начало XXI вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 43 с.
3. Белянина И.В. Развитие государственного федерализма в России в 90-е гг. XX в. : дис. … канд. ист. наук. М., 2005. 274 с.

4. Венков А.А. Процесс становления и развития модели современного российского федерализма (1980-е – начало 2000-х гг.): исторический аспект : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010. 277 с.
5. Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма : системный подход. Новосибирск : Наука, 2009. 639 с.
6. Абдулатипов Р.Г. Федералогия. СПб. : Питер, 2004. 320 с.
7. Черепанов В. Теория российского федерализма. М., 2005. 320 с.
8. Тищенко В.В. Принцип федерализма: теоретический очерк // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2019. Т. 19, № 3. С. 111–119.
9. Алаев Э.Б. и др. Федерализм : энцикл. словарь. М. : Инфра-М, 1997. 288 с.
10. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М. : Изд. г-на Тихомирова М.Ю, 1997. 971 с.
11. Добрынин Н.М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 464 с.
12. Саликов М.С. Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 1998. 635 с.
13. Фарукшин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. М. : Юристъ, 2004. 527 с.
14. Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М. : Норма, 2001. 352 с.
15. Саликов М.С. Федеративный строй России: понятие и содержание // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. №1. С. 53–61.
16. Тадевосян Э.В. К вопросу о характере государственной власти субъекта федерации // Государство и право. 2002. № 3. С. 17–26.
17. Глигич-Золотарева М.В. Конституционно-правовые основы российского федерализма: проблемы теории, методологии и практики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009. 42 с.
18. Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1998. 335 с.
19. Беленко Н.М. Развитие федеративных отношений в современной России / под общ. ред. В.П. Мошняги. М. : Изд-во РАГС, 2006. 196 с.
20. Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8/9. С. 150–158.
21. Саликов М.С. Сравнительно-правовое исследование федеративных систем России и США : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 482 с.
22. Фарукшин М.Х. Сравнительный федерализм : учебник по спецкурсу. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. 284 с.
23. Портнова Е.В. Некоторые современные проблемы российского федерализма // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 103–106.
24. Лапина Н.Ю. Путинский «федерализм»: позиция регионов // Общество и экономика : международный научный и общественно-политический журнал. 2005. № 2. С. 142–170.
25. Альбов А.П., Алиев О.Д., Беньяминова З.Я. Российский федерализм: проблемы и перспективы развития // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 1 (52). С. 16–20.
26. Паламарчук А.В. Исторический аспект проблем российского федерализма // Научный вестник Крыма. 2020. № 1 (24). С. 1–14.
27. Бусыгина И.М. Филиппов М.Г. О пользе неудачи: опыт России для исследований сравнительного федерализма // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2020. № 3. С. 6–19.
28. Бухвальд Е.М. Конституционные изменения и новый этап развития российского федерализма // Федерализм. 202. № 1. С. 44–61.
29. Захаров А.А. «Спящий институт» : федерализм в современной России и в мире. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 144 с.
30. Юсубов Э.С. Теория федерализма в России. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 110 с.
31. Златопольский Д.Л. Основные проблемы советской федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1963. 47 с.
32. Златопольский Д.Л. СССР – федеративное государство. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. 335 с.
33. Манелис Б.Л. В.И. Ленин – организатор Союза ССР // Советское государство и право. 1962. № 12. С. 13–25.
34. Паркосадзе В.В. Марксизм-ленинизм о федерации. Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1967. 161 с.
35. Знаменщиков Р.В. Принципы федерализма в России и Германии (сравнительное конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 230 с.
36. Карапетян Л.М. Федерализм и права народов : курс лекций. М. : ПРИОР, 1999. 109 с.
37. Эбзеев Б.С., Карапетян Л.М. Российский федерализм: равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов // Государство и право. 1995. № 3. С. 3–12.
38. Венков А.А. Процесс становления и развития модели современного российского федерализма (1980-е – начало 2000-х гг.): исторический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010. 26 с.
39. Горохов И.В. Федеральный центр и сибирский регион: проблема взаимоотношений / Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. 144 с.
40. Крылов Б.С., Ильинский И.П., Михалева Н.А. и др.Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М. : Республика, 1994. 175 с.
41. Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М. : Ин-т соврем. политики, 1995. 219 с.
42. Железнов Б.Л., Губейдуллин Р.Х. Федеративный договор 1992 года и современный Российский федерализм. // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 4. С. 174–177.
43. Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998. 71 с.
44. Смирнягин Л.В. Бусыгина И.М. Российский федерализм. М. : МГИМО Университет, 2010. 75 с.
45. Пак Ч. Проблемы становления и эволюции федеративных отношений в современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. 164 с.
46. Прокопьев А.Е. Федерализм: анализ правовых теорий и опыта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 28 с.
47. Гайдук В.В. Институт федерализма: вопросы теории. М. : Nota Bene, 2008. 256 с.
48. Умнова И. Конституционные основы современного российского федерализма. М. : Дело, 2000. 280 с.
49. Гайдук В.В. Конституционное регулирование межбюджетных отношений в Республике Башкортостан // Конституция Республики Башкортостан: история, теория, практика : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 5-й годовщине принятия Конституции Республики Башкортостан, 22 декабря 1998 г. Уфа : РИО БАГСУ, 1999. С. 227–229.
50. Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР : закон от 10.10.1991 г. // Ведомости Съезда Народных Депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 46. Ст. 1543.
51. Об основах налоговой системы в РСФСР : закон от 16.02.1992 г. (с изм. и доп. 22.12.1992, 21.05.1993) // Ведомости Съезда Народных Депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1993. № 23. Ст. 824.
52. Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М. : Ин-т экономики РАН, 1998. 130 с.
53. Аринин А.М. Уроки и проблемы становления российского федерализма. М. : Интелтех, 1999. 234 с.
54. Захаров А.А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М. : Моск. школа полит. исслед., 2008. 144 с.
55. Шевцов В.С. Федерализм и Россия : история, проблемы, перспективы. М. : Элит, 2008. Т. 1. 408 с.

References

1. Venkov, A.A. (2010) Istoriya issledovaniya evolyutsii sovremennoy modeli federalizma v Rossii [History of the study of the evolution of the modern model of federalism in Russia]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Ser. Obshchestvennye nauki*. 5. pp. 94–97.

2. Belenko, N.M. (2006) *Stanovlenie i razvitie federativnykh otnosheniy v Rossii (90-e gg. XX – nachalo XXI vv.)* [Formation and development of federal relations in Russia (1990s – early 21st century)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
3. Belyanina, I.V. (2005) *Razvitie gosudarstvennogo federalizma v Rossii v 90-e gg. XX v.* [Development of state federalism in Russia in the 1990s]. History Cand. Diss. Moscow.
4. Venkov, A.A. (2010) *Protsess stanovleniya i razvitiya modeli sovremennogo rossiyskogo federalizma (1980-e – nachalo 2000-kh gg.): istoricheskiy aspekt* [The process of formation and development of the model of modern Russian federalism (1980s – early 2000s): a historical aspect]. History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
5. Gligich-Zolotareva, M.V. (2009) *Teoriya i praktika federalizma: sistemnyy podkhod* [Theory and practice of federalism: a systematic approach]. Novosibirsk: Nauka.
6. Abdulatipov, R.G. (2004) *Federalogiya* [Federationology]. St. Petersburg: Piter.
7. Cherepanov, V. (2005) *Teoriya rossiyskogo federalizma* [Theory of Russian Federalism]. Moscow: [s.n.].
8. Tishchenko, V.V. (2019) Printsip federalizma: teoreticheskiy ocherk [The principle of federalism: a theoretical essay]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*. 19(3). pp. 111–119.
9. Alaev, E.B. et al. (1997) *Federalizm: entsikl. slovar'* [Federalism: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Infra-M.
10. Tikhomirova, L.V. & Tikhomirov, M.Yu. (1997) *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. Moscow: Tikhomirov M.Yu.
11. Dobrynin, N.M. (2003) *Novyy federalizm: kontseptual'naya model' gosudarstvennogo ustroystva Rossiyskoy Federatsii* [New federalism: a conceptual model of the state structure of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Salikov, M.S. (1998) *Sravnitel'nyy federalizm SShA i Rossii* [Comparative federalism of the USA and Russia]. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta.
13. Farukshin, M.Kh. (2004) *Federalizm: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Federalism: Theoretical and Applied Aspects]. Moscow: Yurist".
14. Karapetyan, L.M. (2001) *Federativnoe ustroystvo Rossiyskogo gosudarstva* [The federal structure of the Russian state]. Moscow: Norma.
15. Salikov, M.S. (2018) Federativnyy stroy Rossii: ponyatie i soderzhanie [The federal system of Russia: The concept and content]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 53–61.
16. Tadevosyan, E.V. (2002) K voprosu o kharaktere gosudarstvennoy vlasti sub"ekta federatsii [On the nature of state power of a subject of the federation]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 17–26.
17. Gligich-Zolotareva, M.V. (2009) *Konstitutsionno-pravovye osnovy rossiyskogo federalizma: problemy teorii, metodologii i praktiki* [Constitutional and legal foundations of Russian federalism: Problems of theory, methodology and practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Tyumen.
18. Farukshin, M.Kh. (1998) *Sovremennyy federalizm: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [Modern federalism: Russian and foreign experience]. Kazan: Kazan State University.
19. Belenko, N.M. (2006) *Razvitie federativnykh otnosheniy v sovremennoy Rossii* [Development of federal relations in modern Russia]. Moscow: RAGS.
20. Chirkin, V.E. (1994) Modeli sovremennogo federalizma: sravnitel'nyy analiz [. Models of modern federalism: A comparative analysis]. *Gosudarstvo i pravo*. 8/9. pp. 150–158.
21. Salikov, M.S. (1998) *Sravnitel'no-pravovoe issledovanie federativnykh sistem Rossii i SShA* [A comparative and legal study of the federal systems of Russia and the USA]. Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
22. Farukshin, M.Kh. (2001) *Sravnitel'nyy federalizm* [Comparative Federalism]. Kazan: Kazan State University.
23. Portnova, E.V. (2016) Nekotorye sovremennye problemy rossiyskogo federalizma [Some modern problems of Russian federalism]. *Sotsial'no-politicheskie nauki.* 3. pp. 103–106.
24. Lapina, N.Yu. (2005) Putinskiy “federalism”: pozitsiya regionov [Putin’s “federalism”: The position of the regions]. *Obshchestvo i ekonomika: mezhdunarodnyy nauchnyy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal*. 2. pp. 142–170.
25. Albov, A.P., Aliev, O.D. & Benyaminova, Z.Ya. (2019) Rossiyskiy federalizm: problemy i perspektivy razvitiya [Russian federalism: Problems and prospects for development]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. 1(52). pp. 16–20.
26. Palamarchuk, A.V. (2020) Istoricheskiy aspekt problem rossiyskogo federalizma [The historical aspect of the problems of Russian federalism]. *Nauchnyy vestnik Kryma*. 1(24). pp. 1–14.
27. Busygina, I.M. & Filippov, M.G. (2020) O pol'ze neudachi: opyt Rossii dlya issledovaniy sravnitel'nogo federalizma [On the benefits of failure: Russian experience for studies of comparative federalism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya*. 3. pp. 6–19.
28. Bukhvald, E.M. (2021) Konstitutsionnye izmeneniya i novyy etap razvitiya rossiyskogo federalizma [Constitutional changes and a new stage in the development of Russian federalism]. *Federalizm*. 1. pp. 44–61.
29. Zakharov, A.A. (2012) *“Spyashchiy institute”: federalizm v sovremennoy Rossii i v mire* [“A sleeping institution”: Federalism in modern Russia and in the world]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
30. Yusubov, E.S. (1998) *Teoriya federalizma v Rossii* [The theory of federalism in Russia]. Tomsk: NTL.
31. Zlatopolskiy, D.L. (1963) *Osnovnye problemy sovetskoy federatsii* [The main problems of the Soviet federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
32. Zlatopolskiy, D.L. (1967) *SSSR – federativnoe gosudarstvo* [The USSR is a federal state]. Moscow: Moscow State University.
33. Manelis, B.L. (1962) V.I. Lenin – organizator Soyuza SSR [Vladimir Lenin as an organizer of the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 13–25.
34. Parkosadze, V.V. (1967) *Marksizm-leninizm o federatsii* [Marxism-Leninism about federation]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo.
35. Znamenshchikov, R.V. (2003) *Printsipy federalizma v Rossii i Germanii (sravnitel'noe konstitutsionno-pravovoe issledovanie)* [Principles of federalism in Russia and Germany (a comparative constitutional and legal research)]. Law Cand. Diss. Tyumen.
36. Karapetyan, L.M. (1999) *Federalizm i prava narodov* [Federalism and the Rights of Peoples]. Moscow: PRIOR.
37. Ebzeev, B.S. & Karapetyan, L.M. (1995) Rossiyskiy federalizm: ravnopravie i asimmetriya konstitutsionnogo statusa sub"ektov [Russian federalism: Equality and asymmetry of the constitutional status of subjects]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 3–12.
38. Venkov, A.A. (2010) *Protsess stanovleniya i razvitiya modeli sovremennogo rossiyskogo federalizma (1980-e – nachalo 2000-kh gg.): istoricheskiy aspekt* [The process of formation and development of the model of modern Russian federalism (1980s – early 2000s): A historical aspect]. Abstract of History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
39. Gorokhov, I.V. (2016) *Federal'nyy tsentr i sibirskiy region: problema vzaimootnosheniy* [Federal center and the Siberian region: The problem of relationships]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
40. Krylov, B.S., Ilinskiy, I.P., Mikhaleva, N.A. et al. (1994) *Problemy suvereniteta v Rossiyskoy Federatsii* [Problems of sovereignty in the Russian Federation]. Moscow: Respublika.
41. Lysenko, V.N. (1995) *Razvitie federativnykh otnosheniy v sovremennoy Rossii* [The development of federal relations in modern Russia]. Moscow: Institute of Modern Politics.
42. Zheleznov, B.L. & Gubeydullin, R.Kh. (2011) Federativnyy dogovor 1992 goda i sovremennyy Rossiyskiy federalism [Federal Treaty of 1992 and modern Russian federalism]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 4. pp. 174–177.
43. Smirnyagin, L.V. (1998) *Rossiyskiy federalizm: paradoksy, protivorechiya, predrassudki* [Russian federalism: Paradoxes, contradictions, prejudices]. Moscow: [s.n.].
44. Smirnyagin, L.V. & Busygina, I.M. (2010) *Rossiyskiy federalism* [Russian federalism]. Moscow: MGIMO University.
45. Pak, Ch. (2001) *Problemy stanovleniya i evolyutsii federativnykh otnosheniy v sovremennoy Rossii* [Problems of formation and evolution of federal relations in modern Russia]. Politics Cand. Diss. Moscow.

46. Prokopiev, A.E. (2003) *Federalizm: analiz pravovykh teoriy i opyta* [Federalism: An analysis of legal theories and experience]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
47. Gayduk, V.V. (2008) *Institut federalizma: voprosy teorii* [Institute of Federalism: Theoretical Issues]. Moscow: Nota Bene.
48. Umnova, I. (2000) *Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiyskogo federalizma* [Constitutional foundations of modern Russian federalism]. Moscow: Delo.
49. Gayduk, V.V. (1999) Konstitutsionnoe regulirovanie mezhbyudzhetnykh otnosheniy v Respublike Bashkortostan [Constitutional regulation of inter-budgetary relations in the Republic of Bashkortostan]. In: *Konstitutsiya Respubliki Bashkortostan: istoriya, teoriya, praktika* [Constitution of the Republic of Bashkortostan: History, theory, practice]. Proc. of the Conference. December 22, 1998. Ufa: RIO BAGSU. pp. 227–229.
50. USSR. (1991) Ob osnovakh byudzhetnogo ustroystva i byudzhetnogo protsessa v RSFSR: zakon ot 10.10.1991 g. [On the fundamentals of the budget structure and budget process in the RSFSR: Law of October 10, 1991]. *Vedomosti S"ezda Narodnykh Deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 46. Art. 1543.
51. RSFSR. (1993) Ob osnovakh nalogovoy sistemy v RSFSR: zakon ot 16.02.1992 g. (s izm. i dop. 22.12.1992, 21.05.1993) [On the fundamentals of the tax system in the RSFSR: Law of February 16, 1992 (as amended and supplemented December 22, 1992; May 21, 1993)]. *Vedomosti S"ezda Narodnykh Deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 23. Art. 824.
52. Valentey, S.D. (1998) *Federalizm: rossiyskaya istoriya i rossiyskaya real'nost'* [Federalism: Russian history and Russian reality]. Moscow: Institute of Economics RAS.
53. Arinin, A.M. (1999) *Uroki i problemy stanovleniya rossiyskogo federalizma* [Lessons and problems of the formation of Russian federalism]. Moscow: Inteltekh.
54. Zakharov, A.A. (2008) *Unitarnaya federatsiya. Pyat' etyudov o rossiyskom federalizme* [Unitary Federation. Five Studies on Russian Federalism]. Moscow: Mosk. shkola polit. issled.
55. Shevtsov, V.S. (2008) *Federalizm i Rossiya: istoriya, problemy, perspektivy* [Federalism and Russia: History, Problems, Prospects]. Vol. 1. Moscow: Elit.

***Сведения об авторах*:**
Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shev-dn@yandex.ru
Мельник Анна Геннадьевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: celena_@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Shevelev Dmitry N. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of the Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru
Melnik Anna G. – Senior Lecturer, Department of State Law Disciplines and Law Enforcement, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: celena_@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 12.05.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 9.93/94
doi: 10.17223/19988613/86/21

«Земля и люди» в контексте евразийской концепции (на примере сибирских материалов XVII – начала XX в.)

Людмила Ивановна Шерстова

Томский государственный университет, Томск. Россия, Sherstova58@mail.ru

Аннотация. Ставится проблема определения констант русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII в., которые лежали в основе выстраивания политических, социально-экономических, мировоззренческих коммуникаций между местными народами и их элитой, с одной стороны, московской властью и русскими переселенцами – с другой. Делается вывод о том, что в отличие от европейских стран, расширявших свои пределы за счет завоевания территорий, Москва стремилась, прежде всего, увеличить в Сибири численность своих подданных, а затем присоединить и их земли, что обнаруживало наличие в московской государственности и политической организации сибирских народов элементов общего евразийского наследия «кочевых империй» Центральной Азии.
Ключевые слова: Евразия, Московское царство, Сибирь, евразийская концепция, русско-аборигенные отношения

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Шерстова Л.И. «Земля и люди» в контексте евразийской концепции (на примере сибирских материалов XVII – начала XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 170–176. doi: 10.17223/19988613/86/21

Original article

“The Land and the People” in the context of Eurasianism concept (with an example on the materials of XVII – beginning of XX centuries

Liudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Sherstova58@mail.ru

Abstract. The article raises the problem of determining the constants of Russian-aboriginal relations in Siberia in the 17th - early 20th centuries. The constants formed the basis for building political, socio-economic, ideological communications between local peoples and their elite as one side, and the Moscow authorities and Russian settlers as another. The article argues that, unlike European countries which expanded by conquering territories, Moscow sought to increase the number of its subjects in Siberia, and only then to annex their lands. It reveals the presence of elements of the common Eurasian heritage of "nomadic empires" in the political organization of both the peoples of Siberia and the Moscow state. Siberian materials of the 17th – early 20th centuries concretize the features of the Eurasian civilization, which have manifestated, along with other features, as forms of socio-political and administrative-fiscal system, based on human collectives of different genesis (“zemlitsy” or lands, "yasachnye volosti" or fur tax regions, "rody" or families, "uluses" or nomadic states, and non-Slav councils), but not certain territories. Until the 20th century, the consequence of this in Siberia was the "separation" of territories and population, i.e. extraterritoriality of fur taxation of regions, and later - non-Slav councils, as well as the state’s desire to increase the number of subjects, not territorial acquisitions. It is exactly what determines the essence of the Central Asian ulus. Its rootedness in Moscow statehood, goes back to the Golden Horde period, allowed it not only to survive, but also to transform in a very specific way, despite the administrative-fiscal transformations of Siberia in the 18th - early 20th centuries, since Siberia itself was part of the Eurasian civilization long before the Russian settlers had come. And this common Eurasian heritage of Russian and Siberian natives significantly influenced the intensity and effectiveness of their intercultural interaction.
Keywords: Eurasia, the Moscovite Tsardom, Siberia, The Eurasianism concept, Russian-Aboriginal relations

Acknowledgements: The research is made under support of Tomsk State University Development Program (Prioritet-2030).

For citation: Sherstova, L.I. (2023) “The Land and the People” in the context of Eurasianism concept (with an example on the materials of XVII – beginning of XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 170–176. doi: 10.17223/19988613/86/21

© Л.И. Шерстова, 2023

Актуализация в научном и общественном дискурсе проблемы выявления культурно-цивилизационных особенностей России возродила определенный интерес к некоторым концепциям российской истории, которые в условиях господства эволюционного учения и его модификаций в виде теорий модернизации и глобализации оставались на периферии научного поиска. Между тем, размышляя над исторической судьбой России, Н.Я. Данилевский еще в XIX в. предложил идею «культурно-исторических типов». Он считал, что, развиваясь, любой народ «развертывает в себе присущую только ему самобытную идею» и формирует оригинальный, только ей присущий «культурно-исторический тип». После его сложения «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [1. С. 77–95]. Выделив культурно-исторические типы, Н.Я. Данилевский поставил проблему взаимодействия разных типов культур и цивилизаций.

Теория Н.Я. Данилевского не стала трендом отечественной историографии, хотя ее можно считать аналогом «цивилизационного подхода», предложенного гораздо позже А. Тойнби. Это была попытка, сохранив идею единства человечества, представить многовариантность его развития вопреки мнению эволюционистов и их последователей о единственно верном (европейском) пути исторического развития и об одновременном сосуществовании народов, стоящих на разных этапах развития, вследствие чего «цивилизованные» народы (европейцы в мире, русские в Сибири) выступали в роли культуртрегеров.

Позже на основе подхода Н.Я. Данилевского концепцию евразийства сформулировали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский. Она послужила основой для оригинального взгляда на отношения между русскими и тюркскими народами в трудах Л.Н. Гумилева. Таким образом, был поставлен вопрос об одном из истоков российской государственности и русском менталитете.

Чтобы понять причины и обстоятельства успешности русской политики за Уралом, необходимо учитывать специфику этнокультурных процессов в Евразии не только в XVII в., но и в более ранний период. В связи с этим актуализируется проблема такого этнокультурного феномена данного региона, как евразийство, понимаемого как результат синтеза культурных элементов народов Евразии. При этом следует отметить, что евразийство – это не только влияние Востока на Запад, но и воздействие Запада на Восток, следствием чего были трансформации первоначальных культурных, социально-политических моделей и формирование такой ментальной основы, которая позволяла народам Евразии налаживать продуктивный диалог. Начало формирования евразийского этнокультурного комплекса на границах степи и леса начинается задолго до походов Чингисхана и Батыя и связано с восточными миграциями ранних индоевропейцев, с взаимодействием народов Степи с первыми китайскими государствами Шан-Инь и Чжоу. Позднее движение гуннов и других центральноазиатских народов, в том числе и монголов, на Запад усилило процессы культурного синтеза и актуализировало евразийское наследие. В этой связи движение Москвы на Восток можно рассматривать как один из этапов глобальных «маятниковых» миграционных процессов в Евразии. Таким образом, в данной статье евразийство понимается не как идеологический конструкт, а используется в его первоначальном значении – как общее этнокультурное наследие народов Евразии (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Л.Н. Гумилев).

В этой связи следует акцентировать общеисторическую и теоретическую значимость изучения процесса включения Сибири в состав России, что предполагает сравнение этносоциальных и политических систем и отношений внутри сибирской аборигенной среды, во многом восходящих к центральноазиатской (евразийской) линии цивилизационного развития (следовательно, к империи Чингисхана тоже), с принципами привнесенных колонизационной волной в Сибирь русских государственных интересов, действующих политических институтов и методов управления, на формирование которых влияло ордынской прошлое Москвы. Анализ московских и аборигенных социально-политических структур, ментальных установок в процессе их взаимодействия позволяет не только выявить механизмы русско-аборигенных отношений, но и определить их фундаментальные принципы, в конечном итоге глубже представить истоки московской государственности и объяснить ту быстроту, с которой русские не только прошли огромные территории от Урала до Тихого океана, но и привели в подданство Москвы местное население.

Однако относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства, в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы) до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Вопрос же о наличии общих элементов в административно-фискальной организации и социально-политических отношениях социумов Сибири и Московского царства в отечественной историографии не ставился.

Между тем можно согласиться с мнением Г.В. Вернадского о том, что проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [2. С. 341]. «Ордынское наследие» в совокупности с византийскими традициями актуализировалось в период становления московской государственности. В этой связи Г.В. Вернадский писал, что «в середине XV в. Золотая Орда рассыпалась на несколько маленьких ханств. Правители Москвы были достаточно проницательны, чтобы извлечь выгоду из нового положения вещей и отстаивать перед ханом свое, по существу, независимое положение. С основанием в 1452 году вассального татарского княжества в Касимове Москва продемонстрировала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [3. С. 21]. В таком контексте неслучайным выглядит эпизод, когда Иван Грозный посадил вместо себя, хотя и на короткий срок, на москов-

ский трон Семеона Бекбулатовича, а потом вновь занял престол. Это символизировало передачу власти от Чингизидов Рюриковичам и легитимизировало их власть над территориями распавшейся Монгольской империи.

Это подтверждается, в частности, и тем, что уже во время правления Ивана III и экспедиции князя Федора Курбского за Урал в титуле московских государей присутствует эпитет «Югорский», а во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван IV именовал их «своей вотчиной». С 1555 г., когда сибирский хан Едигер Тайбугин «ся учинил... в холопстве и дань на всю свою землю наложил впредь ежегод беспереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать» [4. С. 18], Иван Грозный добавил к своим титулам «повелитель всея Сибирския земли». Таким образом, он a priori претендовал на территорию всего Джучиева улуса, фактически, подобно Чингисхану, геополитически объединяя территорию и народы северной Евразии.

Важным отличием евразийской цивилизационной модели от западноевропейской является прямо противоположное понимание приоритета в универсальной оппозиции «земля–люди». Для формирующихся современных государств и народов Западной Европы на первом месте всегда была земля, а расширение своей территории воспринималось как непременное условие успешного развития страны и ее могущества. Тезис о «жизненном пространстве» вдохновлял на бесконечные территориальные конфликты и войны начиная с раннего Средневековья, что объяснялось относительно высокой плотностью населения и ограниченными, особенно для ведения земледелия, пространствами.

В подвижных скотоводческих обществах Центральной Азии размеры территории, численность табунов лошадей и отар овец еще не определяли значимость и богатство их правителей. Военная сила «кочевых империй» определялась как можно большей численностью зависимого населения и базировалась на величине улуса, под которым понимались не столько размеры территории, сколько «владение», «народ, данный в феодальное держание» [5. С. 118]. Одним из первых ученых, кто обратил внимание на значимость человеческих коллективов как фактора государствообразования и основы социально-политических систем у народов степной Евразии, был Е.М. Залкинд. В 1970-х гг. он писал: «Поскольку границы кочевий не были четко определены, то пожалование уделов (при Чингисхане. – *Л.Ш.*) не могло копировать аналогичный акт в оседлых странах. Там короли жаловали земли вместе с обитающими на них людьми, у номадов же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями» [6. С. 174].

Для московских правителей, как и для ханов евразийских степей, именно численность податного, зависимого населения, а не размеры контролируемой территории составляли силу, могущество и богатство их власти. Тем более что низкая плотность населения лесной зоны Восточно-Европейской равнины и сопредельных территорий не создавала дефицита земли, но обостряла проблему жесткого военного контроля присоединенных народов.

Взгляд на зауральские территории как на свои «законные вотчины» предопределил и восприятие обитателей Сибири как «изначально» подданных Москвы, следствием чего стала политика государственного патернализма, «государевой заботы». Поэтому из Наказов воеводам следует, что с сибирскими народами следует обходиться «ласково, а не неволею и не жесточью». Воевать дозволялось только с «изменниками», которые «учнут ослушатися и государева ясаку не учнут платить... поиск над ними чинити и промышляти и битце с ними» [7. С. 140–141]. Русские служебные документы пронизаны непререкаемой установкой: «изменниками», «непослушниками» называются не только уклоняющиеся от подати, но и новые, еще не объясаченные волости. «Послали казаки в те захребетные (загорные. – *Л.Ш.*) волости двух-трех козляшских ясашных людей, чтоб... *под руку государеву привести* и ясак взять», но «волости мундусские да тотошские да кезегелецкие» отказались, и тогда казаки «*тех государевых непослушников* мундусских и тотошских и кезегелецких людей многих в бою побили» [8. С. 488]. Из текста следует, что еще не приведенные в подданство люди тем не менее уже изначально, по мнению сибирской власти, являются московскими данниками.

Таким образом, в государственном понимании покорение Сибири сводилось к «возвращению» ее в подданство московскому государю как наследнику ордынской власти, прежде всего к поголовному объясачиванию коренного населения. При этом бегство ясачных, уклонение от выплаты подати и разного рода «налоговые лукавства» не воспринимались как нечто необычное в их поведении. Социально-психологический климат той эпохи во взаимоотношениях власти и населения был тонко подмечен еще С.М. Соловьевым: «Гоньба за человеком, за рабочею силою производится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла всюду, куда только можно... гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бредут розно, толпами идут за Камень; помещики гоняются за своими крестьянами, которые бегут...» [9. С. 43]. Добавим сюда и гоньбу государства за ясачными – основным поставщиком казны, погоню, логично и органично вписывающуюся в общеисторическую канву России XVI–XVII вв.

Возникнув в ранних «кочевых империях Евразии» как наиболее удобная форма социальной организации, улус был воспринят монголами и в какой-то степени внедрен уже в раннюю московскую государственность, что проявилось в функционировании административной системы допетровской Руси. По этому поводу Г.В. Вернадский писал, что в Московской Руси «каждый район ... способный выставить десять воинов в сочетании с другими такими же составлял сотню… десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали тьму (от монгольского «тумен»)…», т.е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего трудоспособных (и боеспособных) мужчин – ревизских душ в Российской империи [3. С. 74]. Следовательно, для политики московских царей точно так же, как и для тюркских каганов или монгольских ха-

нов, вместо принципа «чья земля, того и люди» действовал другой – «чьи люди, того и земля».

О государственных интересах Москвы в Сибири свидетельствуют наказы Бориса Годунова (1604) и Василия Шуйского (1608) сибирским воеводам, дословно повторяя друг друга: «И они б сибирские земли всякие люди… и братью и дядью и племя и племянников, и друзей отовсюду призывали и *волости полнили*» [7. С. 140]. Отсюда – сохранение и даже создание таких податных единиц, которые бы определялись *самим наличием* тяглого контингента, а не жесткой пространственной привязкой или четкими географическими границами. Поэтому сибирской администрации пригодилась давно воспринятая московской властью центральноазиатская традиция социального устройства через улус, т.е. такую административно-фискальную единицу, в основе которой лежал человеческий коллектив независимо от факторов его формирования.

Такими улусами были сибирские ясачные волости, а позже и инородные управы. Именно поэтому сибирские материалы отмечают их «подвижность». В деловых бумагах XVII в. «землицы» и «ясачные волости» мало отличаются от «кочевых» улусов: «Ачинские волости ясачные люди неведомо куда побежали»; «а та Мелецкая земля пришла к киргизам» [8. С. 264]; «Басагарские и Васюганская волости подошли к киргизам ближе»; «волости живут позади киргиз» [10. С. 31]. Иногда в русских документах ясачные волости именуются «улусами»: «…аринские татары со всеми улусными людьми... отъехали в киргизы и там кочуют от киргиз себе улусом» [8. С. 435]. Из документов следует, что ясачные волости сибирских уездов – это не строго определенные территории, а некие группы людей, приписанные к русскому острогу или городу, которые при необходимости могли бежать, переселяться, скрываться, т.е. по своей сути были типичными улусами евразийских степей.

Следствием этого было разновременное вхождение в состав России населения и его территории. С этим, например, связана проблема определения даты включения Хакасии. Таковой может считаться начало XVII в., когда часть предков хакасов была объясачена из Кетска и Томска и в одностороннем порядке на правах ясачных (оставаясь кыштымами енисейских киргизов) вошла в структуру российского общества и государства. Или же 1680 год, когда киргизы признали права на своих подданных и со стороны Москвы, и те стали двоеданцами. Или 1703 год, когда, наконец, тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья, фактически уже целое столетие платившие русским ясак, заполнили опустевшие после увода киргизов джунгарами земли: качинцы и аринцы с севера, моторы-койбалы с востока, сагайцы с верховьев Томи, бельтиры с юга. При этом сибирские власти не предприняли никаких мер, ограничивавших эти миграции, так как движение подданных Москвы на новые земли воспринималось как присоединение последних. Наконец, датой вхождения Хакасии в Российское государство можно считать 1707 или 1709 год, когда основанные русскими Абаканский и Саянский остроги четко обозначили территориальные границы России в бассейне Верхнего Енисея.

Аналогичная ситуация сложилась позднее в Горном Алтае. В результате джунгаро-китайской войны середины XVIII в. Джунгарское ханство было уничтожено, и его многочисленные подданные, среди которых были урянхайцы и теленгуты – предки современных алтайкижи и части телеутов современной Кемеровской области – бросились под защиту Колывано-Воскресенской линии. В ответ на их многочисленные просьбы о российском подданстве 2 мая 1756 г. Елизаветой Петровной был подписан Указ, который предусматривал не только подданство, но и переселение на Волгу, а также крещение просителей. В 1757 г. значительная их часть была переселена, но большая часть, став подданными Российской империи, вновь бежала в горы, на свои традиционные кочевья. Бежали на территорию, которую русская власть вплоть до начала XIX в. слабо контролировала, не считая посылки отдельных разъездов, чтобы отогнать монгольские или китайские отряды, хозяйничавшие на этой территории. Предки алтайцев вернулись на земли, которые в состав России не входили, но, будучи российскими подданными, они определили границы России в Обь-Иртышском междуречье [11. С. 89].

Так продолжалось почти сто лет, когда российские подданные жили на землях, юридически России не принадлежавших. И только в 1864 г., после подписания Чугучакского договора, была определена граница между Россией и Цинской империей, и Горный Алтай как территория юридически стал частью Российской империи. Становится понятным, почему сибирские власти как в XVII, так и в XIX в. спокойно смотрели на бегства своих недавно обретенных подданных, так как, приняв российское подданство, куда бы они ни бежали, своим бегством они на «законных основаниях» расширяли границы России в Сибири.

На укорененность евразийского представления об отсутствии прямой связи населения с землей не повлияли ни модернизационные процессы Петра Великого, ни реформы М.М. Сперанского. С передачей Колывано-Воскресенских горных заводов в безраздельное владение императрице Елизавете все земли по Иртышу, Верхней и частично Средней Оби стали собственностью императорского дома, подчиняясь Кабинету Е.И.В. К началу XIX в. к заводам и рудникам было приписано фактически все сельское население Томского и Кузнецкого уездов. Однако в ведении губернских властей осталась небольшая часть государственных крестьян и ясачных аборигенов. Таким образом, с середины XVIII в. аборигенное население Южной Сибири оказалось в ситуации, когда оно административно и фискально подчинялось губернскому правлению, а проживало на землях, принадлежавших горному ведомству, т.е. Кабинету. Поэтому, например, если преступление совершал не крестьянин, а ясачный, то следствие по его делу вели земские власти, а не горное начальство. Во время Столыпинской реформы при межевании аборигенных земель обязательно присутствовали два чиновника – один от горного ведомства, второй – от губернского.

Улусная традиция организации податного аборигенного населения проявилась в «Уставе об управлении

инородцев» (1822) в виде широкой автономии, позволившей ему иметь свое сословие, органы самоуправления, право на сохранение своего образа жизни, что подкреплялось правом «на земли, ими обитаемые». Ясачные волости в XVII–XVIII вв., по сути, изменили свои названия на инородные управы.

Тезис «люди – главное богатство правителя» звучал постоянным рефреном в наказах воеводам о том, что с сибирскими подданными следовало обходиться «ласково, а не неволею и не жесточью». Публичное принесение ясака в русские города должно было сопровождаться особыми ритуалами, воеводы обязаны были устраивать общие пиршества. С самого начала доставка ясака в русский город или острог обязательно сопровождалась раздачей подарков – кафтанов, шуб, тканей, всего, кроме оружия, а также обильным массовым пиром. В «Наказе» царя Бориса Годунова томским воеводам не раз предписывается при встречах с князьками, лучшими людьми и простыми ясачными, а тем более при их шертовании и получении от них ясака «и самим быти и служилым людям велети быти в цветном платье», одаривая всех «предавшихся под руку государеву» обильно, устраивая коллективное угощение [6. С. 139]. Красивая, пестрая одежда, пышное пиршество, полуобрядовая обстановка несли глубокую смысловую нагрузку, символизируя мощь и богатство устроителей церемонии, а через них и Московского царства вообще. В традиционном менталитете быть подданными богатой сильной державы было престижно и неунизительно.

Становится понятным, почему среди «насилий» томских воевод Ржевского и Бартенева ясачные называли и то, что «…кормили (они) иноземцев, которые приходят с ясаком, по одинакова на день, и от того де твоему царскому имени позорно и в ясачных людях смута» [12. С. 418]. Воеводы, видимо, экономили на царских угощениях, что обижало князьков. Но главное даже не «одинаковая», т.е. неразнообразная еда, а отсутствие настоящего пира, поскольку отказ от церемониала подвергал сомнению юридическую достоверность и законность ясачного сбора (а значит, и овеществленных в нем вассальных отношений), рисуя сюзерена, т.е. Москву, как слабого, ненадежного, а главное – бедного защитника, которому и дань-то платить стыдно. Так было у кыргызов, джунгар, телеутов с их кыштымами, то же продолжили с ними и русские, давно практиковавшие нечто подобное в сношениях с иноземцами.

Во всех материалах, сообщающих о посольствах в Москву или о приездах послов, князцов, ясачных в сибирские *города* и остроги, обязательно упоминаются подарки и угощения. Таким образом, внешняя сторона вассальных отношений, имевшая сакрально-зрелищное и материальное выражение (дар–отдарок), была понятна всем, что и облегчало установление отношений подданства.

Отношение к земле у всех народов северной Евразии было наполнено сакральным смыслом. Земля не могла быть чьей-то, принадлежать кому-то из профанного мира, потому что у нее уже были «*хозяева*». Так, у народов Сибири считалось, что все объекты природы – горы, реки, ручьи, деревья, озера, долины – имеют своих хозяев. В целом они были индифферентны по отношению к людям. Но этим духам – хозяевам местности– за то, что человек вторгался в их пределы, необходимо было приносить жертвы, которые принимали форму *архаичного дарообмена*. Природа давала человеку то, что ему было необходимо: пищу, дрова, воду, а человек отдаривал ее тем, что имел сам: кусочками пищи, брызгами напитка, мелкими предметами. Универсальной формой дарообмена на территории всей Сибири, уходящей далеко на юг, вплоть до Тибета, был обычай привязывания ленточек или кусков материи к деревьям как знак благодарности духам местности за помощь людям: переправу через реку, преодоление трудного перевала. У народов Центральной Азии и Саяно-Алтая в честь духов – хозяев местности возводились примитивные культовые сооружения – *обо, оваа* – в виде кучи камней, в которые иногда вставляли ветви деревьев, на которые привязывали ленты.

Подобные представления были характерны и для населения традиционной Европы, и для русского крестьянства. Чтобы поставить дом, нужно было «принести жертву» Земле, вернее, хозяину этой местности. Эта жертва часто называлась «строительной». У некоторых народов она выступала в виде человека, обреченного быть замурованным, у русских крестьян нужно было положить монету. Это была форма архаичного дарообмена: человек делал «подарок», а за это получал от хозяина местности «*отдарок*» – землю под строительство жилища.

В традиционном менталитете всех народов Евразии земля осмысливалась как «живая», поэтому с ней можно было вступать в коммуникационные отношения. Но она была «*Мать – сыра земля*», что тождественно тюркскому «*Jер-суу*», т.е. «живая», «плодородная, способная дать жизнь». Она осмысливалась как начало всего живого, в том числе и человека. Отсюда устойчивая установка, что землю нельзя продавать. В традиционной культуре русских и народов Сибири часть ее можно было получить в результате дарообмена с духами Земли для трудовой деятельности на какое-то время. Поэтому даже купчие на землю в Сибири в XVII в., которые внешне выглядели как продажа земли, на самом деле обозначали продажу крестьянского труда, потраченного на ее возделывание. По этому поводу у русских крестьян существовала поговорка: «Не та земля дорога, где медведь живет, а та, где курица скребет» [13. С. 679]. Из этого следовало, что необработанные, целинные земли не могут быть собственностью конкретного человека, даже если он правитель. Отсюда и «держава» – царь, император «держит», т.е. временно распоряжается землей, но не владеет ею.

Еще в начале XX в. отношение к земле русских крестьян Алтая определялось представлением о ней как о «Божьей». В 1908 г. старообрядцы Уймонской управы в Горном Алтае отказывались платить поземельную оброчную подать, когда объектом обложения стала земля, на том основании, что «по их религиозным убеждениям платить за землю грешно» [14. Л. 518]. И это было по-своему логичное объяснение: земля

принадлежит всем – как народу, так и правителю, потому что была «общая», «Божья». Но крестьяне, вложив свой труд, совершили дарообмен, заключили «договор» с Землей. Земля же, на которой не трудились, как и ее недра, не созданные чьим-то трудом, не могли быть чьей-то частной собственностью – они одинаково принадлежали всем – и правителю, и подданным.

Анализируя русско-аборигенные отношения в Сибири, следует заметить, что политические формы вхождения сибирского населения в состав Московского царства ограничивались «приведением под высокую руку государеву» и принесением клятвы верности (шертованием), что закреплялось, как правило, взятием в русские города и остроги родственников местной правящей верхушки в качестве заложников-аманатов. Экономическая же основа включения сибирских аборигенов в структуру Московского царства – несение тягла, т.е. выплата ясака. Москва обозначила в Сибири три основных показателя своей государственности, три краеугольных камня своей социально-административной и аборигенной политики: присяга-шерть, аманатство; ясак. Но, во-первых, эти формы государственной зависимости были издревле известны во всей Центральной Азии и функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они укрепились отнюдь не без воздействия Золотой Орды или, во всяком случае, по ее примеру, обретя в Московском царстве законченный, самодовлеющий вид. В самом деле: переписи населения, сбор дани руками баскаков, а чаще – местных князей, сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность и получения взамен ярлыка – права на княжение, долговременные обязательные пребывания князей или их родичей в Сарае, в Каракоруме, а то и просто «в затворе у баскака», т.е. то же аманатство и т.д., – все эти общеизвестные явления ранней российской государственности определили и суть аборигенной политики Московского царства в Сибири, вскрыв общее евразийское наследие русской государственности и социально-политических отношений сибирских социумов.

Сибирские материалы XVII – начала XX в. конкретизируют черты евразийской цивилизации, проявлением которой, среди прочего, была «несвязность» территории и населения, а также стремление государства увеличивать численность подданных, т.е. того, что определяет суть центральноазиатского улуса. Его укорененность в московской государственности позволила ему не только сохраниться, но и весьма причудливо трансформироваться, несмотря на административно-фискальные преобразования Сибири в XVIII – начале XX в., так как и сама Сибирь была частью евразийской цивилизации задолго до прихода русских. И это общее евразийское наследие русских и сибирских аборигенов существенно влияло на интенсивность и результативность их межкультурного взаимодействия.

Список источников

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1996. 389 с.
2. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М. : АГРАФ, 2001. 480 с.
3. Вернадский Г.В. Русская история. М. : АГРАФ, 2001. 541 с.
4. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1023–1882. Иркутск : Изд-во Вост-Сиб. отд. ИРГО, 1883. 778 с.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. 178 с.
6. Залкинд Е.М. Очерки генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 242 с.
7. Древнейший документ о нашем городе // Томск : литературно-художественный, общественно-политический и научный альманах. 1946. Март–июнь. С. 138–142.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л. : АН СССР, 1941. Т. 2. 637 с.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. : Соцэгиз, 1962. Кн. VII, Т. 13. 726 с.
10. Бутанаев В.Я., Абдыкалыкова А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. / отв. ред. Ю.С. Худяков. Абакан, 1995. 250 с.
11. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 321 с.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л. : АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Русский язык, 1999. Т. 2. 779 с.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 696. Л. 518.

References

1. Danilevskiy, N.Ya. (1996) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Vernadskiy, G.V. (2001) *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus']. Moscow: AGRAF.
3. Vernadskiy, G.V. (2001) *Russkaya istoriya* [Russian History]. Moscow: AGRAF.
4. Shcheglov, I.V. (1883) *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri. 1023–1882* [A chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1023–1882]. Irkutsk: Vost-Sib. otd. IRGO.
5. Fedorov-Davydov, G.A. (1973) *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [The social system of the Golden Horde]. Moscow: Moscow State University.
6. Zalkind, E.M. (2012) *Ocherki genezisa feodalizma v kochevom obshchestve* [Essays on the genesis of feudalism in nomadic society]. Barnaul: Altai State University.
7. Anon. (1946) Drevneyshiy dokument o nashem gorode [The oldest document about our city]. In: *Tomsk: literaturno-khudozhestvennyy, obshchestvenno-politicheskiy i nauchnyy al'manakh* [Tomsk: Literary, artistic, socio-political and scientific almanac]. March–June. pp. 138–142.
8. Miller, G.F. (1941) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Translated from German. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Soloviev, S.M. (1962) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from ancient times]. Vol. 7(13). Moscow: Sotsegiz.
10. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykova, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII vv.* [Materials on the history of Khakassia in the 17th – early 18th centuries]. Abakan: [s.n.].
11. Sherstova, L.I. (2005) *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: Ethnopolitical processes and ethnocultural dynamics of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
12. Miller, G.F. (1937) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Translated from German. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.

13. Dal, V.I. (1999) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
14. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 45. File 696.

***Сведения об авторе*:**
Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sherstova Lyudmila I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 03.09.2023; accepted for publication 15.11.2023

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 39(=14)(470.57)
doi: 10.17223/19988613/86/22

Греческая диаспора: этапы формирования в России и история появления в Республике Башкортостан

Лиана Рифовна Садыкова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, l1ana@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена этапам формирования в России и истории появления в Республике Башкортостан греческой диаспоры. Отмечается, что процесс миграции греков в Россию, а потом уже в Республику Башкортостан был сложным и длительным. Греки были вынуждены сначала покинуть Османскую империю (Турецкую республику) из-за этнического и религиозного притеснения, впоследствии и Крым из-за сталинских репрессий. В заключение указывается, что грекам в Республике Башкортостан удается сохранить свою этничность.
Ключевые слова: миграция, переселенцы, межэтнические отношения, греческая диаспора в России, греки в Башкортостане

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

Для цитирования: Садыкова Л.Р. Греческая диаспора: этапы формирования в России и история появления в Республике Башкортостан // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 177–185. doi: 10.17223/19988613/86/22

Original article

The Greek Diaspora: the stages of formation in Russia and the history of it is appearance in the Republic of Bashkortostan

Liana R. Sadykova

Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation, l1ana@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to an urgent problem in modern science – the Greek diaspora in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan. The author of the article set a goal to identify the stages of its formation in Russia and the history of its appearance in the Republic of Bashkortostan. The object of the study is the Greek diaspora in Russia and the Republic of Bashkortostan. Unpublished and published sources were used to study the Greek diaspora in the Republic of Bashkortostan and in the Russian Federation, such as:
- data of ethnosociological surveys, interviews of members of the Greek Society "Xymeroma" of the Republic of Bashkortostan;
- published sources of the Society of Greeks "Xymeroma" of the Republic of Bashkortostan;
- the official information of the Greek Society "Xymeroma" of the Republic of Bashkortostan, distributed on the Internet through social networks, was analyzed;
- the article uses statistical reference books and other materials.
The migration of the Greek population to Russia, later to Bashkortostan, was a process that lasted for a long period. The Greeks were forced to leave their native lands en masse due to ethnic and religious oppression by the Turks in the Ottoman Empire (later the Republic of Turkey). Then they were also forced to leave their homes in the Crimea because of Stalin's repressions. The article begins with the stages of formation of the Greek diaspora in Russia, the most massive migrations. The article also mentions the reasons of migration of Greeks to Russia. The article briefly reflects the history and also the reasons for the migration of Greeks to the Republic of Bashkortostan, the history of the formation of the diaspora in the republic, lists the governing body and members of the society at the present time, reveals the goals and

© Л.Р. Садыкова, 2023

objectives of the Greek Society "Xymeroma" on the basis of the adopted Charter of January 25, 2011. The article tells about the organizational aspects in society, about the holding of various cultural events by the society to preserve ethnicity and educate the younger generation.
The results will contribute to the scientific research of modern migration problems in Russia and in the whole world. It is concluded that the Greeks have successfully adapted and integrated thanks to the Greek Society "Xymeroma" of the Republic of Bashkortostan and continue to preserve and develop ethnic culture despite the fact that they are far from their historical Homeland.
Keywords: migration, displaced persons, interethnic relations, Greek diaspora in Russia, Greeks in Bashkortostan

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023-2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

For citation: Sadykova, L.R. (2023) The Greek Diaspora: the stages of formation in Russia and the history of it is appearance in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 177–185. doi: 10.17223/19988613/86/22

В современном мире особую значимость приобретают диаспора, проникновение инокультурных групп в структуру принимающего общества и преобладание многокультурных, полиэтнических обществ. В связи с большей мобильностью населения современное общество характеризуется постоянными миграционными потоками. Миграция обычно вызвана желанием улучшить условия жизни, переездом к новому месту работы, а также затяжными государственными конфликтами, что приводит к постоянному потоку беженцев. В свою очередь, рост числа мигрантов вызывает в принимающей стране межэтническую напряженность, которая регулируется нормативно-силовыми методами, стратегиями по интеграции. Исследование диаспоры связано с необходимостью изучения новых социокультурных процессов, связанных с усилением коммуникации между различными этносами. Сегодня увеличиваются количество и роль диаспор в экономической, социально-культурной и политической жизни общества. Во-первых, в связи с изменениями государственных границ люди оказываются в роли национальных меньшинств на территории созданных других государств. Во-вторых, интерес к диаспоре связан с усилением роли этнической идентичности, потому что именно диаспора играет важную роль в объединении и консолидации этноса, сохранении этнической идентичности. Диаспора – это сложное образование, и современный мир только усиливает тенденцию социальной динамики к усложнению. Исследователям трудно говорить о каких-либо общих законах диаспорального становления. Таким образом, необходимо изучать многообразие и уникальность конкретных диаспор.

Одним из классических народов диаспоры в древнем мире были греки. Еще Перикл о греках говорил: «Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед» [1. С. 102]. Главную роль в формировании греческой диаспоры играли экономические стимулы: торговля, поиски источников продовольствия, благодаря чему и тысячелетия спустя греческая диаспора принимала активное участие в хозяйственной жизни осваиваемых регионов.

В последние десятилетия объемы миграции многократно увеличились, что усилило степень влияния миграционного фактора на социальную, культурную, экономическую и политическую обстановку во многих странах мира. Интерес к исследованиям в области международной миграции вырос после Второй мировой войны, потому что увеличились потоки людей, перемещающихся между странами. Огромное количество археологических, биографических и исторических работ написано о греческом населении российского юга, но отсутствует исследование по истории формирования и организации греческой диаспоры в России, тем более в Республике Башкортостан. Цель данного исследования – выявление этапов формирования в России и истории появления в Республике Башкортостан греческой диаспоры. Задачи исследования: изучить историю миграции греков с родных земель, формирования и становления греческой диаспоры в России и Республике Башкортостан, раскрыть роль диаспоры в сохранении греческой культуры и показать перспективы их развития. Греческие мигранты в Республике Башкортостан квалифицируются в большей степени как вынужденные. Миграция является вынужденной, когда перемещение людей через государственные границы происходит с целью поиска убежища. В случае с греками это в основном депортация в 1944 г. из Крыма.

Формирование греческой диаспоры в Республике Башкортостан был сложным, трагическим и долгим. Различные источники свидетельствуют о торговле южноуральских племен с античными центрами. Но эти данные освещают исторические периоды отрывочно, неравномерно и скудно. Некоторая информация содержится в трудах Геродота и Страбона. Цивилизации Средиземноморья всегда с вожделением смотрели на богатства Рифейских гор. Путешествия Аристея (VII в. до н.э.), который дошел до исседонов (Геродот, IV, 13), свидетельство тому. Существование геродотовского пути из Скифии на Восток, к Рифейским горам, подтверждают находки зеркал «ольвийского» типа [2. С. 221]. История взаимодействия дает представление о размахе античной торговли и караванных путях в Урало-Поволжье. Племена Южного Урала, в свою очередь, поддерживали торговые связи с городами и государствами Северного Причерноморья [3].

Греческая диаспора внесла значимый вклад в историю России, так как осуществляла важные торговые, культурные и политические функции, а также принимала участие во многих военных кампаниях. Особенно

заметно это влияние на юге страны: на Северном Кавказе, в Прикаспии, Поволжье. Еще в античный период греками были колонизированы регионы Северного Причерноморья. Этот процесс проходил в несколько этапов и в разных направлениях. В результате масштабной колонизации и переселения древних греков на территорию России было основано несколько десятков поселков и полисов. Чаще всего греки, которые обосновались на южном берегу Крыма, контактировали с русскими в раннее Средневековье, Крым тогда находился под властью Византийской империи, и именно из Византии русскими были позаимствованы христианские традиции православного толка.

Следующее массовое переселение греков в Россию началось после взятия Константинополя турками в 1453 г. Несмотря на единую веру, Россия не была особенно привлекательна для греков, потому что считалась неблагоприятной из-за экономической отсталости и плохого климата. Приток греков резко увеличился после брака Ивана III и Софьи Палеолог в 1472 г. Преимущественно они переезжали из Италии, причем в основном это была интеллектуальная элита – монахи, знать, купцы, ученые. В 1589 г. в Москве было учреждено патриаршество. В истории греков в России именно этот период считается расцветом культурных и религиозных связей. Большую роль в жизни государства именно тогда начали играть Михаил Триволис, известный как Максим Грек, Иероним II, Арсений Элассонский. Не меньшую роль играли многочисленные писцы, клирики, учителя греческого языка и художники, которые своей деятельностью определили все культурное развитие Великого княжества, его ориентацию на православную церковь.

На рубеже XVII–XVIII вв., когда Петр Великий и его наследники стремились объединить между собой все христианские народы Кавказа и юго-восточной Европы, связи между рядовыми представителями русского и греческого народов усилились. В то время в России увеличилось число моряков и солдат среди греческого населения и появилась возможность формировать отдельные греческие отряды. Политика Петра I и его последователей поддерживала переселение украинцев, самих русских, болгар, греков и армян в приграничные области, особенно в проблемные регионы, где ранее преимущественно жили мусульмане. Политической целью было утверждение своего господства на новых территориях, а также экономическое, демографическое и социальное развитие этих областей. Иностранцы получали взамен привилегии и благоприятные условия для экономического развития. Политика российских властей была связана со значительным расширением территорий. Территориальные приобретения были обеспечены в результате трех разделов Польши, успешных русско-турецких войн. В 1792 г. русскими владениями стали Херсонская область, Николаев, Одесса. В результате административных реформ была образована Новороссийская губерния. Именно в южных регионах России была реализована беспрецедентная программа по заселению новых областей иностранцами, которые были лояльны к петербургским властям.

Массовая миграция греков на территорию южной России связанна с реализацией «греческого проекта» Екатерины II, который к началу 1780-х гг. обрел реальные очертания. Главная грандиозная цель этого проекта – завоевание Константинополя и изменение состава Греческой империи под эгидой России, возрождение прежней Греческой империи в форме независимого государства, управляемого монархом из династии Романовых. Реализация данного проекта определила бы российскую политику в последующие годы и могла привести к столкновениям европейских держав. Также она усилила бы влияние России на Балканах и обеспечила проход через Дарданеллы, укрепляя тем самым статус России как морской державы и возможности торговли с Ближним Востоком [4].

Первую, самую большую, волну миграции греков вызвала русско-турецкая война (1768–1774). Основную массу мигрантов составляли солдаты и офицеры восьми добровольческих батальонов, которые были сформированы под русским командованием в Греции как вспомогательные войска в русско-турецкой войне. После войны многие греки были эвакуированы на кораблях русской эскадры в Россию. Около нескольких тысяч человек стали переселенцами, многие из них были размещены на землях Северного Причерноморья. В 1783 г., после присоединения Крыма к России, эти мигранты переселились в Крым. Кроме того, русское правительство решило использовать греков для несения пограничной службы на вновь присоединенных землях. В середине XVIII в. греков можно было четко дифференцировать в языковом отношении по территории размещения – это эллинофоны, сохранившие греческий язык (в его крымских диалектах), и греки-татарофоны, говорившие на татарском языке там, где преобладало татарское население. По некоторым данным, большинство греков-татарофонов по происхождению являются не греками, а православными потомками готов, алан и других древних народов Крыма. Потомками греков считали всех жителей православной Византийской империи (ромеи); скорее всего, и на негреческих по крови жителей Крыма впоследствии распространилось это название. Присоединение Крыма к России в 1783 г., очевидно, помешало полной татарской ассимиляции греков. Но еще в 1779 г. произошло переселение греков из Крыма на север Азовского моря, что привело к тому, что крымские греки – «понтийцы» – превратились в азовских (или мариупольских) греков. Греческие поселения появились во время правления Екатерины II сначала в Керчи и Таганроге, а потом в Мариуполе. В Таганрог переселились преимущественно военные и более зажиточные греки, которые могли рассчитывать на торговые занятия, а в Керчи остались рыбаки, бедное население. Таким образом по сравнению с другими греческими поселениями России Таганрог был более элитарен и аристократичен. Предприятия, которые образовались в Таганроге, принадлежали грекам, что говорит о них как о динамичной социальной группе, чутко реагирующей на изменение экономической конъюнктуры. В течение XVIII в. в Таганроге параллельно формировались административная структура города, сеть коммерче-

ских учреждений, и значительную роль в этих организациях играли греки. Также с именами греков была связана небогатая история учебных заведений Таганрога. Важное значение имело то, что приезжающие на юг России греки были представителями разных ветвей греческого этноса [5].

В XIX в., после присоединения в 1801 г. Грузии, греческое присутствие увеличивается в Закавказье. Следующий отток греков с территории Османской империи произошел из-за освободительной Греческой революции за независимость (1821–1829), потому что отношение к ним заметно ухудшается. Наконец, последняя волна массовой эмиграции из Турции в Россию была в 1922–1923 гг. Таким образом они стремились через Батуми попасть из Трабзона на родину, но Гражданская война помешала этим планам. А уже в годы сталинских репрессий начинается волна тюремных заключений и арестов греков, которых обвиняют в антиправительственной деятельности и государственной измене. Многих греков осудили в то время как врагов народа и сослали в Казахстан, Сибирь, Узбекистан. С октября 1937 по февраль 1939 г. было четыре волны массовых преследований греков. В последующем, в 1949 г., продолжается переселение греков с Кавказа в направлении Центральной Азии. По разным оценкам в это время были переселены от 40 до 70 тысяч человек. По оценкам исследователей, которые занимаются греками, ставшими жертвами сталинских репрессий, в это время были арестованы от 23 до 25 тысяч человек. Около 90% были расстреляны. В числе основных причин депортации греков советскими властями советский историк греческого происхождения Николаос Иоаннидис называет то, что правящая партия Грузии придерживалась националистических взглядов. После поражения Демократической армии в самой Греции советское правительство подозревало греков в связях со шпионами и считало их чуждым элементом. Кроме того, промышленности Центральной Азии, которая интенсивно развивалась, срочно требовались рабочие руки. Принудительное переселение греков во времена сталинских репрессий стало последним испытанием для этого народа. Уже во время этих гонений они доказали советским властям, как сильно те ошибались, так как именно среди греков в годы Великой Отечественной войны оказалось особенно много героев [6].

Греческие мигранты занимались предпринимательством, и таким образом они достигли и далекой Уфимской губернии. Одним из самых видных российских греков на Южном Урале был представитель этого сословия – знаменитый предприниматель XIX в. Дмитрий Егорович Бенардаки, сколотивший первоначальный капитал, занимаясь винным откупом. Вкладывал петербургский грек Д.Е Бенардаки накопленный капитал в покупку ткацких предприятий, уральских горных заводов, золотодобычу в Сибири и на Урале и строительство. Он являлся владельцем заводов и поместий в Оренбургской (Уфимской) губернии, некоторые селения на Южном Урале и поныне носят имена членов его семьи. Умный грек, почитатель Н.В. Гоголя, лично знакомый с С.Т. Аксаковым, он выстроил в 1861–1866 гг. на Лиговском проспекте в Санкт-Петербурге церковь св. Димитрия Солунского, которую в советское время снесли при строительстве концертного зала «Октябрьский». В этом храме Д.Е. Бенардаки был похоронен, но при сносе его склеп вскрыли, а останки отдали студентам-медикам в качестве экспоната. 2 сентября 2011 г. это кощунство было прекращено: благодаря усилиям греческих диаспор России состоялось перезахоронение останков Д.Е. Бенардаки в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге.

История появления небольшой греческой диаспоры в Республике Башкортостан стоит начать с трагической страницы – депортации крымских народов. В августе 1941 г. из Крыма были высланы немцы. В мае 1944 г. Крым был освобожден от немецких захватчиков. 11 мая 1944 г. было принято решение о депортации крымских татар, а 27 июня 1944 г. депортации уже подверглись болгары, греки и армяне. У всех этих народов в документах формулировка была одинаковая – обвинение в коллаборационизме, связях с оккупантами. События проходили примерно по одному сценарию: врывались в дома, давали считаное время на сборы. Люди успевали брать с собой первые попавшиеся в руки вещи, не было возможности взять что-то ценное. Все это происходило молниеносно, и людей выселяли без имущества, даже без документов. Депортировали в основном женщин, детей и стариков, так как большая часть мужского населения была на фронте. Крымские народы размещали в эшелонах, которые не были оборудованы для людей, они предназначались для перевозки крупного рогатого скота. В этих вагонах было огромное количество людей, и, естественно, не могло быть и речи о каком-то элементарном удобстве, медицинском обслуживании. Таким образом происходила депортация крымских народов.

2 июня 1944 г. И.В. Сталиным было подписано постановление ГКО № 5984: «…дополнительно к выселению по постановлению ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. крымских татар выселить с территории Крымской АССР 37 тыс. чел. немецких пособников из числа болгар, греков и армян», которых «направить для расселения в сельском хозяйстве, в подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях следующих областей и республик: Гурьевская обл. Казахской ССР – 7 000 чел., Свердловская обл. – 10 000 чел., Молотовская обл. (сейчас Пермский край) – 10 000 чел., Кемеровская обл. – 6 000 чел., Башкирская АССР – 4 000 чел.». Операция по выселению болгар, греков, армян, проводилась в один день, 27 июня 1944 г.

Согласно докладной записке И.А. Серову, по состоянию на 4 июня 1944 г. по Евпаторийскому и Джанкойскому «оперсекторам» подлежащих выселению армян – 2 837 чел., болгар – 2 740 чел., греков – 2 131 чел.

Всего в течение мая–июня 1944 г. из Крыма было депортировано греков – 15 040, болгар – 12 422, армян – 9 620 [7]. Их направили в Башкирскую и Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую области (РСФСР), а также в Гурьевскую область Казахстана.

Расселение крымских греков-спецпереселенцев в 1944 г. по регионам СССР [8. С. 130]: Свердловская

область – 3 500 чел., Башкирская АССР – 2 900 чел., Молотовская область – 2 000 чел., Кемеровская область – 1 400 чел., другие области и республики – 200 чел., Узбекская ССР – 3 500 чел., Казахская ССР – 1 300 чел., Таджикская ССР – 200 чел., Киргизская ССР – 40 чел.

В публикации Г.И. Спеляниди «По национальному признаку…» приводится «Список НКВД по БАССР лиц греческой национальности, выселенных по политическим мотивам 27 июня 1944 г. из Крыма в Башкирию», всего 1 739 человек, из них 11 чел. пропущено, они дополнены в сносках к публикации [9]. Это список тех, кто выжил в жутких условиях на спецпоселении в Нуримановском районе и в других местах БАССР. Такие списки составлялись в 1950-е гг., когда готовились снимать с учета спецпоселенцев. Но грекам не разрешили вернуться в Крым. Только Указом Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» [10] греки вместе с другими национальностями Крыма были окончательно реабилитированы.

Согласно справочнику «Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи», по данным на 1889 г. в Российской империи проживали 60 тыс. греков [11]. По переписи 1989 г. в СССР проживали 358 068 греков, из которых в России – 91 699 [12], в Башкирской АССР – 1 083 [13. С. 35]. По переписи 2002 г. в России проживали 97 827 греков, из них 70 736 (72,3%) в Южном федеральном округе, из них 5 298 (19,6%) в Приволжском федеральном округе, из них 1 038 в Республике Башкортостан [13. С. 37]. Местами наибольшей концентрации греков в современной России являются Ставропольский (34 078) и Краснодарский (30 540) края. Тем интереснее раскрыть присутствие небольшого греческого населения в Республике Башкортостан, выявить факторы сохранения этнокультурной идентичности. По переписи 2010 г. в России проживали 85 640 греков [14], из них 4 292 в Приволжском федеральном округе, из них 753 в Республике Башкортостан (680 человек в городах и 73 – сельское население) [13. С. 43, 49]. В табл. 1 представлена динамика численности греков в Республике Башкортостан по итогам Всесоюзных (Всероссийских) переписей населения.

Таблица 1

Динамика численности греков в Республике Башкортостан по итогам переписей населения, чел.

Год	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Численность	13	68	1 466	1 183	1 099	1 083	1 038	753

Таблица 2 показывает уменьшение численности греков по данным последних двух Всероссийских переписей населения как в России в целом, так и в Приволжском федеральном округе и Республике Башкортостан. Скорее всего, на эти результаты повлияли браки греков с представителями других национальностей России, что приводит к ассимиляции пока небольшого процента греков, так как греки предпочитают заключать браки по возможности с представителями своей национальности.

Таблица 2

Динамика численности греков в Российской Федерации, Приволжском федеральном округе и Республике Башкортостан по итогам последних Всероссийских переписей населения, чел.

Год	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Башкортостан
2002	97 827	5 298	1 038
2010	85 640	4 292	753

Основным местом депортации греков в БАССР были Нуримановский район, где греки работали на лесоповале, Благовещенский район, санатории «Янган-тау», «Красноусольский», г. Ишимбай, г. Бирск, г. Салават, г. Октябрьск.

В 2022 г. состоялось 30-летие организации общества греков Республики Башкортостан «Таврида», официально зарегистрированного в Уфе в октябре-ноябре 1992 г. Основателем общества был Антон Федорович Христодуло, который покинул этот мир молодым – в 64 года (умер в 2003 г.). Большинство членов «Тавриды» были уроженцами Крыма, только 10% происходили из Западной Грузии. Один раз в месяц члены общества платили взносы, они были необременительны. На мероприятия общества собиралось около 60 человек. Общество в январе 1993 г. организовало воскресную греческую школу, руководителем и организатором которой была учительница немецкого языка Мария Алексеевна Синикиди. В воскресной греческой школе было 2 группы по 10–12 человек. В ней обучали греческому языку, истории, антично-византийской литературе, музыке и греческим танцам. Греческое общество собиралось на территории воскресной школы, чтобы помянуть ушедших в вечность в День депортации (30 октября), там же отмечали национальные праздники в марте (День независимости Греции) и октябре (День Охи). Сейчас образовательная деятельность воскресной греческой школы временно приостановлена, последний выпуск был в 2007–2008 гг.

Общество греков «Таврида» в РБ было воссоздано 12 февраля 2011 г. под новым именем – региональная общественная организация Общество греков «Ксимерома» Республики Башкортостан. Название общества «Ксимерома» переводится с греческого как «Рассвет». Естественно, с названием общества меняется и состав, теперь преобладают выходцы из Западной Грузии, и в количественном отношении возрожденное общество несколько превосходит былое, но коллективных мероприятий стало заметно меньше [15. С. 120]. К прежнему составу «Тавриды» прибавились 17 семей из Цалкского района Грузии, эвакуированных из Рыбинска в начале Великой Отечественной войны. Идея воссоздать греческое общество в РБ принадлежала отцу и сыну И.Н. Таназлы, А.И. Таназлы и А.А. Довлятидису. Председателем общества стал Александр Авраамович Довлятидис, его заместителем – Иван Николаевич Таназлы. Одним из старожилов общества является брат покойного основателя общества «Таврида» Николай Федорович Христодуло. У общества есть свой руководящий орган – Правление организации, в которое входят 4 человека: А.А. Довлятидис, И.Н. Таназлы (отец),

А.И. Таназлы (сын), Н.Ф. Христодуло (брат основателя общества «Таврида»).

Численность общества – более 150 человек (127 человек проживают в Уфе). Вот поименный список уфимцев –членов Общества греков РБ «Ксимерома»:

1. Довлятидис Александр Авраамович
2. Цандеков Александр Эродосфенович
3. Таназлы Георгий Иванович
4. Таназлы Андрей Иванович
5. Папов Роланд Тамазович
6. Таназлы Иван Николаевич
7. Таназлы Татьяна Владимировна
8. Таназлы Александр Николаевич
9. Таназлы Александрина Александровна
10. Гальчев Кириак Самсонович
11. Христодуло Антоний Николаевич
12. Гальчева Ирина Павловна
13. Гарибян Карнук Манукович
14. Кулаков Игорь Анатольевич
15. Христодуло Николай Федорович
16. Христодуло Константин Николаевич
17. Карслиди Константин Тигранович
18. Гальчев Михаил Кириакович
19. Демеджиев Владимир Ильич
20. Яни Николай Степанович
21. Привалова Татьяна Васильевна
22. Чаликова Ольга Николаевна
23. Чаликов Алексей Николаевич
24. Крупнова Афина Игоревна
25. Николаев Константин Иванович
26. Чаликов Николай Васильевич
27. Николаев Анатолий Константинович
28. Христодуло Дмитрий Антонович
29. Кисеев Денис Харлампович
30. Орчелота Владимир Харитонович
31. Кашичкина Тамара Евгеньевна
32. Мирзаян Надежда Васильевна
33. Мирзаян Юрий Ардашевич
34. Таназлы Дмитрий Михайлович
35. Криони Петр Константинович
36. Грипиоти Павел Васильевич
37. Авершина Ксения Юрьевна
38. Порфирьева Елизавета Юрьевна
39. Ветлугина София Сергеевна
40. Жукова Анастасия Олеговна
41. Жукова Виктория Георгиевна
42. Свинарев Виктор Васильевич
43. Свинарев Данил Викторович
44. Нугаманова Лида Христофорвна
45. Кюльбякова Лидия Геннадьевна
46. Сардаров Эдуард Шаликович
47. Христодуло Елена Федоровна
48. Гальчева Нонна Кириаковна
49. Болотовский Юрий Израилевич
50. Чаликов Василий Васильевич
51. Сихиди Фома Николаевич
52. Сары-Гузель Руслан Мустафеевич
53. Афанасьев Владимир Ильич
54. Янаки Сергей Георгиевич
55. Христодуло Людмила Афанасьевна
56. Доменко Федор Юрьевич
57. Костюкова Елизавета Евгеньевна
58. Костюков Евгений Владимирович
59. Костюкова Лилия Флюровна
60. Петелин Илья Григорьевич
61. Кариева Елена Ильинична
62. Корошев Александр Фотиевич
63. Корошев Яков Фотиевич
64. Калайчев Ромео Суликоевич
65. Чуктурова Анна Афанасьевна
66. Сорокина (Чуктурова) Маргарита Афанасьевна
67. Круглов-Мавридис Евгений Анастасович
68. Росина Лариса Юрьевна
69. Росина Елена Олеговна
70. Корелов Спирий Александрович
71. Чуктуров Александр Григорьевич
72. Чуктурова Ангелина Александровна
73. Чуктуров Григорий Константинович
74. Калайчев Альмир Демьянович
75. Антонов Нугзари Анастасьевич
76. Краюшкина Анна Владимировна
77. Севастидис Костас Христофорос
78. Довлятидис Тилемахос Авраамович
79. Биглова Альмира Амировна
80. Срелияниди Георгий Иванович
81. Севастидис Христофор Сократович
82. Кулагин Павел Сергеевич
83. Фаянова-Лимони Елена Михайловна
84. Демирова Лидия Георгиевна
85. Гаврикова (Данкова) Елена Константиновна
86. Артамонова (Христодулиди) Надежда Ивановна
87. Бортко (Бендерова) Лидия Михайловна
88. Щеглунова (Христодулиди) Софья Ивановна
89. Щеглунов Юрий Геннадьевич
90. Козлова-Христодулиди Вера Ивановна
91. Ларионова Елена Борисовна
92. Эксакустиди Дарья Андреевна
93. Эксакустиди Ксения Олеговна
94. Боброва Виктория Олеговна
95. Чаликиди Георгий Владимирович
96. Чаликиди Маргарита Раисовна
97. Никулина Анастасия Леонидовна
98. Галяутдинова Алина Владиславовна
99. Ананиади Илья Николаевич
100. Вергасова Ирина Федоровна
101. Калашникова Светлана Арамовна
102. Шабалин Вячеслав Владимирович
103. Михайлова Анастасия Евстафьевна
104. Ананиади Валентина Николаевна
105. Кузнецова (Патрино) Наталья Георгиевна
106. Хомутова Вера Ивановна
107. Морунов Дмитрий Федорович
108. Паньков Анатолий Алексеевич
109. Головин Константин Викторович
110. Курочкина Галина Федоровна
111. Ананиади Вадим Николаевич
112. Чаликиди Владимир Георгиевич
113. Чаликиди Константин Владимирович
114. Кузнецова Ольга Васильевна
115. Привалова Надежда Евстафьевна
116. Багаева Ольга Игоревна
117. Мухутдинова Татьяна Васильевна

118. Никулина Елена Ивановна
119. Чуктуров Василий Афанасьевич
120. Ананиади Мария Валерьевна
121. Бендеров Илья Иванович
122. Жуков Владимир Иванович
123. Боброва Елена Алексеевна
124. Ананиади Николай Федорович
125. Феодори Виталий Кузьмич
126. Орчелота Константин Владимирович
127. Демиров Антоний Иванович

Необходимо отметить, что с 8 декабря 2011 г. по 8 декабря 2014 г. Администрация городского округа города Уфа передала в аренду обществу греков помещение муниципального нежилого фонда, расположенное в Орджоникидзевском районе городского округа город Уфа Республики Башкортостан, ул. М. Горького, д. 76, литера А. Вопрос с арендой помещения у многих диаспор стоит очень остро из-за недостаточного финансирования. Общество многие свои национально-культурные мероприятия проводит в офисе туристической фирмы ООО «Калимера трэвел групп» (г. Уфа, ул. 50 лет СССР, д. 37), так как у общества сейчас нет своего помещения.

4 марта 2011 г. была организована общественная организация Федеральная национально-культурная автономия греков в России, представляющая интересы 100 тыс. этнических греков, проживающих на территории Российской Федерации. В данную организацию входят 6 региональных и 32 местных национально-культурных автономии. До регистрации Федеральной национально-культурной автономии греков в России деятельность греческой диаспоры осуществлялась Межрегиональной общественной организацией «Ассоциация греческих общественных объединений России». По формальному признаку активы этих организаций не разделяют себя. Подробно о миссии, принципах, задачах и руководящих органах можно узнать на сайте греков России [16]. В Федеральную национально-культурную автономию греков в России входит Региональная общественная организация Общество греков «Ксимерома» Республики Башкортостан.

Основными целями и задачами организации являются:

1) возрождение духовности, культуры, народных традиций, языка, обычаев и обрядов греков;

2) развитие дружественных отношений между народами на основе принципов демократии и уважения национального достоинства.

Устав Региональной Общественной организации Общество греков «Ксимерома» Республики Башкортостан был утвержден Общим собранием членов 12 января 2011 г., а 25 января 2011 г. было принято решение о государственной регистрации управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Башкортостан. В уставе говорится, что целью деятельности общественной организации является объединение усилий греческого населения, направленных на сохранение и развитие греческой культуры, языка, защиту прав и интересов своих членов, установление реального равноправия греков с населением коренной национальности, укрепление дружбы между нациями в Республике Башкортостан. Общество греков «Ксимерома» преследует следующие задачи:

1) использует все возможности для реализации национально-культурных запросов греческого населения, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, создания очагов культуры, удовлетворения религиозных потребностей;

2) считает своим приоритетным долгом в рамках действующего законодательства представлять законные интересы членов своей Общественной организации, оказывать помощь и содействие своим членам во всех сферах их деятельности;

3) содействует изданию и распространению литературы, пропагандирующей достижения греческих культурных центров, наглядной агитации, организации выставок, демонстрации художественных фильмов и проведению других культурных мероприятий;

4) развивает материальную базу своих культурных центров, используя соответствующие законы Российской Федерации;

5) организует конкурсы, семинары, конференции и фестивали, принимает участие в подобных мероприятиях, активно сотрудничая с аналогичными обществами РФ и зарубежных стран;

6) собирает, приобретает и принимает материальные и культурные ценности, обрабатывает и хранит в соответствии с действующими нормами информацию, а также материалы, реликвии и ценности, связанные с историческими событиями и развитием культуры греков;

7) участвует в выборах органов государственной власти;

8) содействует работающим в области изучения греческой истории, культуры, языка, традиций, этнографии, фольклора организациям и учреждениям, а также отдельным лицам в научно-исследовательской и поисковой работе;

9) участвует в международных мероприятиях по обмену опытом образования и иных актуальных направлениях;

10) осуществляет благотворительную деятельность и привлекает добровольные пожертвования на цели деятельности Общественной организации;

11) осуществляет издательскую и информационную деятельность в сфере электронных, печатных средств массовой информации и иных возможных информационных сетях, учреждает средства массовой информации, а также осуществляет иную не запрещенную законом деятельность, направленную на реализацию целей Общественной организации;

12) осуществляет коммерческую деятельность для достижения уставных целей.

В обществе греков «Ксимерома» члены правления и председатель избираются Общим собранием сроком на пять лет. Заседания правления Общественной организации проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в три месяца. По случаю первой годовщины представители Общества греков «Ксимерома» Республики Башкортостан собрались 25 марта 2012 г. в уфимском отеле «Азимут» и провели торжественное собрание, на котором выступил председатель

правления. В своем докладе А.А. Довлятидис остановился на проделанной в течение года работе. Значимыми событиями 2011 г. стали вступление Общества «Ксимерома» в Ассоциацию греческих общественных объединений России (АГООР), празднование Дня национальной независимости Греции, создание сайта Общества греков «Ксимерома» и, конечно, активное участие Общества в работе Дома дружбы народов РБ. Участники собрания обсудили и одобрили план работы общества на 2012 г. У общества было намерение проводить такие собрания раз в год, но, к сожалению, ситуацию изменил валютный кризис 2014–2015 гг. Два раза в год греки собираются обязательно: 25 марта – на День независимости Греции, и 28 октября – на День Охи (с греч. 'Οχι переводится «Нет»).

Подводя итоги, следует заметить, что еще во времена античности причерноморские регионы современной Российской Федерации были заселены греками. Таким образом, греческая диаспора в России является одной из самых древних. Но большинство современных греков России – это потомки греческих беженцев и переселенцев времен упадка Османской империи. Греки подверглись гонениям по этническим и религиозным причинам, были вынуждены покинуть территорию Османской империи, впоследствии Турецкой Республики. В Республику Башкортостан трагическая судьба привела крымских греков, депортированных в годы сталинских репрессий.

Башкортостан – одна из самых полиэтничных республик в Российской Федерации. Небольшая греческая диаспора в Республике Башкортостан создает условия для усвоения традиции, ценностей, норм, моделей социального поведения на новом месте. Греческая диаспора играет позитивную роль, так как помогает мигрантам адаптироваться в социальном, экономическом и правовом поле принимающей территории, включиться в незнакомый социум. Кроме того, мигранты – члены диаспоры – обладают формальной и неформальной защитой благодаря Региональной Общественной организации Общество греков «Ксимерома» Республики Башкортостан. Таким образом, диаспора превращается в инструмент, использование которого может как дестабилизировать ситуацию в сфере межкультурной коммуникации и подорвать стабильность политической системы, так и способствовать гармонизации межнациональных отношений и успешной социокультурной интеграции мигрантов в принимающие сообщества [17. С. 65]. В итоге это делает функционирование греческой диаспоры фактором эффективной адаптации и интеграции греков-мигрантов, а также обеспечения национальной безопасности Республики Башкортостан, так и в целом Российской Федерации.

Список источников

1. Фукидид. История / пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб. : Наука : Ювента, 1999. 590 с.
2. Иессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // Советская археология. М. –Л. : Акад. Наук СССР, 1952. № 18. С. 206–231.
3. Акбулатов И.М. Экономические связи племен Южного Урала с античными центрами // Наследники «Греческого проекта» / сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа : О-во греков РБ «Ксимерома», 2014. С. 24–32.
4. Лупанова М.Е. «Греческий проект» Екатерины Великой // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 198–207.
5. Сабаджан М.С. К вопросу об адаптации греческого населения на юге России в XVIII веке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 57–61.
6. Круглов-Мавридис Е.А. «Сороковые роковые»: сыны Греции и России в годы Великой Отечественной войны // Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 15 мая 2012 г.) / отв. ред. Р.Х Лукманова, Э.Ю. Шиляев. Уфа : Книга-принт, 2021. С. 52–60.
7. Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов / науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с. (История политических репрессий в Евразии: страны, народы, эпохи; вып. 2).
8. Джуха И.Г. Спецэшелоны идут на восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
9. Спеляниди Г.И. «По национальному признаку…» // Судьбы крымчан (история греков Южного Урала) / сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа : О-во греков РБ «Ксимерома», 2015. С. 7–88.
10. О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития : Указ Президента РФ от 21.04.2014 г. № 268. URL: https://base.garant.ru/70641266/ (дата обращения: 24.08.2021).
11. Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи // Демоскоп Weekly. 2005. 24 янв. – 6 февр. № 187-188. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0187/perep04.php (дата обращения: 24.08.2021).
12. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. 2023. 14 нояб. – 27 нояб. № 1007-1008. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 24.08.2021).
13. Народы Башкортостана в переписях населения : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Республике Башкортостан. Уфа : Китап, 2016. Ч. 1. 330 с.
14. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly. 2023. 14 нояб. – 27 нояб. № 1007-1008. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (дата обращения: 24.08.2021).
15. Круглов-Мавридис Е.А. Крым – Южный Урал (односторонний греческий «транзит» середины XX века) // // Наследники «Греческого проекта» / сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа : О-во греков РБ «Ксимерома», 2014. // Наследники «Греческого проекта» / сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа : О-во греков РБ «Ксимерома», 2014. С. 114–120.
16. Греки России : Ассоциация греческих общественных объединений России. URL: https://rusgreek.ru/fnka (дата обращения: 24.08.2021).
17. Лубский А.В., Бердик А.В., Сериков А.В. Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2016. № 5. С. 63–73.

References

1. Thucydides. (1999) *Istoriya* [History]. Translated from ancient Greek by F.G. Mishchenko, S.A. Zhebeleva. St. Petersburg: Nauka: Yuventa.
2. Jessen, A.A. (1952) Rannie svyazi Priural'ya s Iranom [Early connections of the Urals with Iran]. *Sovetskaya arkheologiya*. 18. pp. 206–231.

3. Akbulatov, I.M. (2014) Ekonomicheskie svyazi plemen Yuzhnogo Urala s antichnymi tsentrami [Economic connections of the tribes of the Southern Urals with ancient centers]. In: Kruglov-Mavridis, E.A. & Rodnov, M.I. (eds) *Nasledniki "Grecheskogo proekta"* [Heirs of the "Greek Project"]. Ufa: Ksimeroma Greek Society. pp. 24–32.
4. Lupanova, M.E. (2008) "Grecheskiy proekt" Ekateriny Velikoy [The "Greek project" of Catherine the Great]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 65. pp. 198–207.
5. Sabadzhan, M.S. (2010) K voprosu ob adaptatsii grecheskogo naseleniya na yuge Rossii v XVIII veke [On the issue of adaptation of the Greek population in the south of Russia in the 18th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 3. pp. 57–61.
6. Kruglov-Mavridis, E.A. (2021) "Sorokovye rokovye": syny Gretsii i Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny ["The Fatal Forties": The sons of Greece and Russia during the Great Patriotic War]. In: Lukmanova, R.Kh. & Shilyaev, E.Yu. (eds) *Boevoe sodruzhestvo narodov SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Combat Commonwealth of the Peoples of the USSR in the Great Patriotic War]. Ufa, May 15, 2012. Ufa: Kniga-print. pp. 52–60.
7. Berdinskikh, V.A., Berdinskikh, I.V. & Veremiev, V.I. (2015) *Sistema spetsposeleniy v Sovetskom Soyuze 1930–1950-kh godov* [The system of special settlements in the Soviet Union in the 1930s–1950s]. Syktyvkar: UrB RAS.
8. Dzhukha, I.G. (2008) *Spetseshelony idut na vostok. Istoriya repressiy protiv grekov v SSSR: deportatsii 1940-kh gg.* [Special trains are heading east. History of repressions against Greeks in the USSR: The deportations of the 1940s]. St. Petersburg: Aleteyya.
9. Spelyanidi, G.I. (2015) "Po natsional'nomu priznaku…" ["According to nationality..."]. In: Kruglov-Mavridis, E.A. & Rodnov, M.I. (eds) *Sud'by krymchan (istoriya grekov Yuzhnogo Urala)* [Fates of the Crimeans (history of the Greeks of the Southern Urals)]. Ufa: Ksimeroma Greek Society. pp. 7–88.
10. Russian Federation. (2014) *O merakh po reabilitatsii armyanskogo, bolgarskogo, grecheskogo, ital'yanskogo, krymsko-tatarskogo i nemetskogo narodov i gosudarstvennoy podderzhke ikh vozrozhdeniya i razvitiya: Ukaz Prezidenta RF ot 21.04.2014 g. № 268* [On measures for the rehabilitation of the Armenian, Bulgarian, Greek, Italian, Crimean Tatar and German peoples and state support for their revival and development: Decree No. 268 of the President of the Russian Federation of April 21, 2014]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/70641266/ (Accessed: 24th August 2021).
11. *Demoskop Weekly*. (2005) Alfavitnyy spisok narodov, obitayushchikh v Rossiyskoy Imperii [Alphabetical list of peoples living in the Russian Empire]. January 24 – February 6. № 187–188. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0187/perep04.php (Accessed: 24.08.2021).
12. *Demoskop Weekly*. (2023) Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naseleniya oblastey respublik SSSR po polu i natsional'nosti [All-Union population census of 1989. Distribution of the urban and rural population of the regions of the republics of the USSR by gender and nationality]. November 14 – November 27. № 1007-1008. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (Accessed: 24th August 2021).
13. Territorial Body of the Federal State Service of Statistics for the Republic of Bashkortostan. (2016) *Narody Bashkortostana v perepisyakh naseleniya* [Peoples of Bashkortostan in population censuses]. Ufa: Kitap.
14. *Demoskop Weekly*. (2023) Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 g. Naselenie po natsional'nosti, polu i sub"ektam Rossiyskoy Federatsii [All-Russian Population Census 2010. Population by nationality, gender and constituent entities of the Russian Federation]. November 14 – November 27. № 1007–1008. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (Accessed: 24th August 2021).
15. Kruglov-Mavridis, E.A. (2014) Krym – Yuzhnyy Ural (odnostoronniy grecheskiy "transit" serediny XX veka) [Crimea – Southern Urals (one-way Greek "transit" of the mid-20th century)]. In: Kruglov-Mavridis, E.A. & Rodnov, M.I. (eds) *Nasledniki "Grecheskogo proekta"* [Heirs of the "Greek Project"]. Ufa: Ksimeroma Greek Society. pp. 114–120.
16. *Greeks of Russia: Association of Greek Public Associations of Russia*. [Online] Available from: https://rusgreek.ru/fnka (Accessed: 24th August 2021).
17. Lubskiy, A.V., Berdik, A.V. & Serikov, A.V. (2016) Sotsial'nyy institut diaspory v kontekste obespecheniya natsional'noy bezopasnosti [Social institution of the diaspora in the context of ensuring national security]. *Gumanitariy Yuga Rossii*. 5. pp. 63–73.

***Сведения об авторе*:**
Садыкова Лиана Рифовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия). E-mail: l1ana@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sadykova Liana R. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of Ethnology of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: l1ana@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.09.2021; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 16.09.2021; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья
УДК 392.81
doi: 10.17223/19988613/86/23

Традиционная картина мира тюрков Саяно-Алтая: ритуальные символы и коды обрядовой трапезы

Наталья Олеговна Тадышева

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, tadisheva@mail.ru

Аннотация. Все обряды и обычаи, направленные на защиту рода, семьи, человека от недоброжелательных сил, на благополучие и сохранение отдельного человека и всего рода в целом, нагружены определенными символами и кодами. Обрядовая пища имеет не только утилитарное, но и символическое значение. Особое место традиционной пищи, имеющей знаковый характер, прослеживается и в настоящее время. Основные блюда обрядовой трапезы стали концептами, несущими широкий этнокультурный смысл, что особо прослеживается в обрядах перехода.
Ключевые слова: обрядовая трапеза, семейная обрядность, сакральность, героический эпос, обряды перехода

Для цитирования: Тадышева Н.О. Традиционная картина мира тюрков Саяно-Алтая: ритуальные символы и коды обрядовой трапезы // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 186–195. doi: 10.17223/19988613/86/23

Original article

The traditional world picture of the Turks of the Sayan-Altai: ritual symbols and codes of ceremonial meal

Natalia O. Tadysheva

Scientific Research Institute of Altaic Studies named after S.S. Surazakov, Gorno-Altaysk, Russian Federation, tadisheva@mail.ru

Abstract. The article reveals the system of feeding of the Altayans through the traditional picture of the world. Much attention is paid to the ritual meal, which is characterized in collective participation and has a broader symbolic spatial significance. The sacred attitude to food in the rituals of the life cycle is traced. The definition of the cultural symbolization of traditional food and consideration of the meaning of the coding of a ritual meal is relevant.

In the modern Altai society along with the transformations of traditional culture under new realities (simplification, changes) there are many reviving and developing elements such as national clothes, traditional housing, calendar holidays, etc. Though family ritual is one of the most conservative spheres it is also changing in modern conditions as a result of state norms - delivery of birth in a medical institution, civil solemn registration of a child in the registry offices, consummation of marriage in the registry office, medical examination, registration of death in law enforcement authorities; economic transformation, urbanization.

As both modern field studies and ethnographic literature materials show that all the rituals of the life cycle pay special attention to collective meals and traditional food, especially in family rituals. And today the ritualized nature of the meal is topical.

The purpose of this work is to consider the value of traditional food in the conducting of family rituals in modern times. Attention is also paid to the stability of some archaic cults through their preservation in the oral arts, in particular in the heroic epics, wishes, songs.

The scientific novelty of the study is that it is the first attempt to consider the ritual meal as a gift exchange and analyze the food code in the opposition "kin" – "stranger". Feeding is interpreted in traditional culture as a gift exchange, which at least will protect the alive and at most will help to achieve well-being. And the gift exchange also has a direct impact force, may be said that this is a compulsory act – accepting a gift from any person means that he binds himself to that person. In fact, through ritual alms, a link is established between the sacral, sacred and ordinary world. Opposition "kin" – "stranger" is understood as an important element of culture, manifested at different levels of family ritual. "Kin" is included in the community and is a part of a kinship and its existence, and "stranger" is manifested as "different", " weird", "otherworldly". Each life cycle is characterized by a certain food code, which is fixed through the rites of the transition: at the child's one-year birthday *koyu kocho* is held; during the rite of inclusion the bride is given a cup of milk with the purpose to secure "own" world from the alien *kelin.* The memorial meal is cooked without salt or milk, and is put to the deceased in a certain way during the ambivalent rite of separation and inclusion.
Keywords: ceremonial meal, family ritual, sacredness, heroic epic, rites of passage

© Н.О. Тадышева, 2023

For citation: Tadysheva, N.O. (2023) The traditional world picture of the Turks of the Sayan-Altai: ritual symbols and codes of ceremonial meal**.** *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 186–195. doi: 10.17223/19988613/86/23

Как показывают современные полевые исследования и материалы этнографической литературы, во всех обрядах жизненного цикла особое место уделяется совместной трапезе и традиционной пище. Ритуализированный характер трапезы актуален. Исследователи отмечают, что «обрядовая трапеза – менее всего принятие пищи. Скорее, она является идеальной моделью жизни в ее наиболее существенных проявлениях. Одно из условий благополучия семьи – цельность и целостность семьи и хозяйства» [1. С. 128]. И неслучайно пир, совместная трапеза присутствуют в героических эпосах тюркских народов. В хакасском эпосе после каждого возвращения богатырши Ай-Хуучин с поля битвы в ее доме накрывается стол:

Азы-суун турғусхан,
Стол кистіне одырып
Ас-суғ чеенер…
Одыртып, аарлап, сыйлазыбысханнар.
Еду-питье поставила,
За стол усевшись,
Еду ели, питье пили...
Почести воздавая, [все] угощались [2. С. 18, 179].

А в алтайском эпосе, узнав, что на его землю с войной идет кровожадный Кара-Кула хаан, постаревший богатырь Маадай-Кара говорит:

Ачынбайтан болзын – деди,
Кереес казан болзын – деди,
Казанынғды аскын – деди.
Кереес јыргал болзын – деди,
Арајан-*коројон экел – деди.*
Аракыдап бу көндўкти,
Маңдык тонду баатырларым
Јыргай бербей эмди кайтты.
Јети күнге аракы болды,
Тогус күнге јыргал болды.
Не будем горевать.
Чашу свою ставь на огонь –
Прощальная чаша пусть будет.
Крепкого вина принеси –
Прощальный пир пусть будет…
Начали пировать,
Богатыри в шубах, крытых шелком,
Начали веселиться.
На семь дней пир затеяли,
На девять дней веселье начали [3. С. 88–89; 273–274].

В первом случае трудности борьбы с недругами, преодоление препятствий и становление богатырши, во втором – предвестие завоевателя, осознание богатырем, что он уже не в расцвете сил. Ритуальная трапеза, коллективное участие облегчают и помогают главным героям при переходе в совершенно другой статус.

Пища как источник богатырской силы отражена в эпических текстах. Так, Кёгюдей-Мерген:

Көк булуттый көк бошкозын
Базып барып ол кодорды.
Кодорып көрөр болгожын,
Эрте чакта энези сўдин
Алтай ээзи абакай најы
Эки јарма курут эдип,
Кургадала, салып койтыр.
Атту-чуулу Көгўдей-Мерген
Бир куруттыңғ тал ортозын
Сындырала, јип ийди.
Эртегизинең эки артык
Көгўдей-Мерген болбой кайтты,
Озогызынаң он артык
Баатыр бойы тура тўшти.
Синему облаку подобный, синий *бурдюк* свой
Пошёл доставать.
Когда он достал и посмотрел,
Его матери давнишнее молоко в нём
Алтая хозяйка – почтенная старушка
Двумя пластами *курута* сделав,
Высушив их, положила, оказывается.
Именитый-знаменитый Кёгюдей-Мерген
Половину одного *курута*
Отломив, съел.
Два раза лучше, чем раньше,
Кёгюдей-Мерген стал ведь,
Десять раз лучше, чем прежде,
Батыром он стал. [4. С. 598–599].

И в тувинском эпосе:

Кадайынга:
«Аян-чорукка хереглээр
Аъш-чем, куш-хунезинден белеткээр сен» –
деп чагааш
Жене своей наказал:
«А для дальней поездки-дороги
Пищу-еду, пропитание силу мне приготовь», –
сказал [5. С. 470–471].

В традиционной культуре обрядовой трапезе придается особое внимание. Рассматривая семантику обрядовой пищи, необходимо отметить, что в основе традиционного мировоззрения алтайцев лежат дуалистические представления, в связи с этим животные также делятся на «чистых» и «нечистых». По обычаю мясо животных, имеющих «теплое дыхание» «*јылу тынышту*» является «чистым». На торжествах и в жертву духам применяли конину «*јылкыныңғ эди*» и баранину «*койдыңғ эди*», так как это мясо животных, которых создал небесный бог. А мясо быка и козла считается «нечистым», это животные «с холодным дыханием» «*соок тынышту*», созданные нижним богом.

Рубить кости забитого животного на *койу көчө* (букв. густой перловый суп с мясом, здесь торжество при достижении одного года ребенку), свадьбу *той*, похоронно-поминальную трапезу запрещалось, что, видимо, отражало древние представления, связанные с верой в реинкарнацию. Чтобы душа ожила, необходимо было сохранить останки в целости, и поэтому разделывать мясо нужно только по суставам.

Отличительным элементом в алтайской обрядности является высокая степень сакрализации молока, которую можно объяснить влиянием бурханизма. В ритуальной практике бурханистов на первый план вышли молоко и молочные продукты. Неслучайно алтайцы называли свою веру «*ак јаң, сӱт јаң*» – «белой верой, молочной верой». Во время обрядов поклонений Хозяину Алтая *Алтайдыҥ ээзи*, огню, семейному божеству *Јайыку* обязательно молоком окропляют «*сӱт ӱрӱстеп јат*».

В эпосе «Эр-Самыр» при нахождении в «чужом» мире батырами проводятся ритуальные действия, благодаря которым они преодолевают трудности на своем пути:

Катан-Мерген төҥөштөргө
Ак јалама буулаптыр,
Ак сӱт чачып, алкаптыр.
Јети төҥөш јол берип,
Оны божодып ийген эмтир.
Оны көргөн Эр-Самыр
Ак-Сары адынаҥ тӱжӱп,
Јети кара төҥөшкө
Ак јалама буулайла,
Ак сӱттеҥ чачып ийди,
Алкап ийеле, ӧдӧ берди…
Оказалось, Катан-Мерген к пням
Белые *дьалама* привязывал,
Белым молоком их окропив, благословлял.
Семь пней, дорогу дав,
Его, оказывается, пропустили.
Увидев это Эр-Самыр,
С коня своего Ак-Сары сойдя,
К семи черным пням
Белые *дьалама* привязав,
Белым молоком окропил,
Благословив их, проехал… [6. С. 124–127].

Или:

Атту-чуулу Ай-каан
Алтын-мӧҥӱн бай тайгадаҥ
Алтын-Кӱскӱ кызын таныды.
Алтын айакка сӱт тудунган,
Ак јаланга уткуп келди.
«Азыраган баламды – дийт,
Апарган деп бодогом – дийт.
Карын табыл келди» – деп,
Ак сӱтле кӱндӱледи.
Знаменитый Ай-Каан
С вершины золотой и серебряной богатой горы
Дочь Алтын-Кюскю узнал.
В золотой чашке молоко держа,
На равнину навстречу вышел.
«Вскормленную мою дочь
Украли, я думал, – говорит, –
Это хорошо, что ты нашлась», –
Белым молоком угощает [3. С. 228, 418].

В другом эпосе:

Јес межелик тайгаазы көрӱнди.
Кан-Кӱлер јууктап келип
Апагаш сӱтти чачып турды,
Јалама болзо салып турды.
Бӧрӱк чечип тайгаазы бажырды.
Медная высокая гора показалась.
Хан-Кюлер подъехав,
Белое молоко во все стороны кропит,
В подарок ленты развешивает.
Сняв шапку, горе поклонился [7. С. 192–193].

Также в алтайском героическом сказании «*Алтай-Буучай*» молоко представляется как имеющее живительную силу:

Эркемелдиҥ ӱйе-сӧӧгин
Ончо эбине јазаап ийди,
Арчулыла јанып ийди,
Ак сӱттеҥ чачып ийди.
Эркемел деп уулчак
Эди-каны толо берди,
Ӱзӱк сӧӧги тудужа берди.
Все суставы-кости Эркемел
На свои места приладила,
Платком махнула,
Белым молоком окропила.
У мальчика Эркемел
Тело-кровь ожили
Сломанные кости срослись [8. С. 76–77].

На основании материалов нашего исследования пища-дар, в данном случае – молоко, рассматривается в качестве жертвоприношения, как символ включения в «чужое» пространство и как средство очищения при контакте с опасным, неведомы «чужим» миром. Ритуальными действиями в традиционной культуре устанавливается контакт с трансцендентной реальностью. Дароприношения (жертвы) для покровительства несут жертвенно-просительный характер. Существуют точки зрения о сущности дара в традиционной культуре. Так, А. ван Геннеп обмен подарками рассматривал как один из приемов обрядов перехода [9. С. 32–33]. М. Мосс считал, что связь через вещи – это связь душ [10. С. 148–152]. А.Я. Гуревич исследовал магическую значимость и социальную роль обмена и дарения [11. С. 68], через ритуальное воздаяние устанавливается связь между «своим» и «чужим» мирами.

Для ритуального окропления семейно-родовых фетишей хакасов *төстер* применялась никем не пробованная молочная водка *арака* или молоко белой коровы, надоенное непорочной девушкой. Проводили данное «кормление» весной и осенью. Во время жертвоприношения огню *от тайии* руководитель моления окроплял молоком, надоенным непорочной девушкой от белой коровы, фетиш, посвященный духу-хозяину огня *Чалбах-төс*, окуривал его богородской травой и читал молитвы. Также *Чалбах-төсю* совершали ритуал каждое утро и на девятый день новолуния, брызгая вареным молоком [12. С 61, 71, 87].

У тувинцев проводится обряд *чажыг* – жертвоприношение в виде разбрызгивания молока или чая солнцу, луне, вершинам гор, лесу, вокруг юрты. Также для обряда *чажыг* огню используют *аржаан* – святую воду из можжевельника, воды и молока. Для приготовления *аржаана* варят можжевельник в горячей воде и разводят молоком. Если вершины гор шумят или в обычный день послышался звон бубна (есть народное мнение, что когда неожиданно раздаются звуки,

похожие на крик, стук по бубну – к несчастью), разбрызгивают молоко на улице во все стороны, принося, таким образом, жертву [13. С. 37, 174, 329, 335].

Молоку приписываются и охранительные, магические свойства. Хакасы и тувинцы считают удодов приносящими несчастье, так как они являются слугами кукушки. В случаях когда удоды садятся на забор ограды или залетают в дом, двор, дом окропляют кисломолочным продуктом *айраном* [12. С. 70]. У алтайцев и тувинцев, когда змея заползает в дом, айыл, ее выносят, а потом разбрызгивают молоко. Считается, что, жертвуя молоко, тем самым отводишь несчастье [13. С. 6, 496].

Существуют и запретные нормы поведения. Так, алтайцы, пока пуповина новорожденного ребенка не заживет, из дома ничего не давали, особенно молоко. При старой луне, ночью, из дома, где умер человек, не выносили молоко. Без необходимости запрещается возить данный продукт на большие расстояния [14]. У тувинцев существует представление о связи молока с душой: если кто-то сознательно прольет молоко, считается, от него уйдет душа кут. Все самое лучшее сравнивают с молоком [13. С. 412]. У хакасов при кипячении молока также остерегались пролить его в огонь. Считается, что в этом случае у коровы заболит вымя и исчезнет молоко [12. С. 84].

У алтайцев соблюдается табуированное отношение и к другим продуктам. Так, маленьким детям *тили чыкпаган* (букв. язык не выросший, здесь ребенок, который еще не говорит) не дают кровяную колбасу *кан* говорят: «*кансырак болор*» (букв. будет кровожадным, здесь ребенок вырастет агрессивным). Если ребенок съест овечье вареное сердце, – будет пугливым, мясо с головы *баш*, селезенку, язык не дают, потому что ребенок в будущем будет языкастым, скандальным. Хотя, может быть, данный запрет имеет и другое объяснение, связанное с сакральными частями туши животных. Отражение аналогичного запрета мы встретили в башкирском эпосе «Урал батыр»:

Бала үҫеп еткәнсе,
Үҙе йәнлек тотҡансы,
Баш-йөрәкте ашауҙан,
Һыуһынға ҡан эсеүҙән
Балаларын тыйғандар,
Һис ярамай, тигәндәр.
Пока не подросли их дети,
Пока на зверей не стали охотиться сами,
Сыновьям они запрещали,
Есть голову и сердце зверя,
Пить его кровь, чтобы жажду утолить,
«Не разрешается!» – говорили [15. С. 12, 139].

Примечательно и то, что у алтайцев близкие родственники умершего в течение семи дней после его смерти не ели печень, сердце заколотых животных. Ритуальное значение печени отмечается исследователями – у алтайцев в благопожеланиях есть выражение: «*Бууры түгенбезин!*» – «Пусть печень не истощится!». Существует поверье, что если ребенок будет жевать после заката солнца смолу лиственницы, то заболит печень родителей (матери) и ребенок может остаться сиротой. В фольклоре хакасов сохранилось объяснение данного запрета: по хакасским мифам, в древности один из первых всадников, который обучал коней ходить под седлом, объезжая дикого скакуна, налетел на лиственницу и погиб. Его тело разбилось, а печень растеклась по дереву. С тех пор лиственничная сера отождествляется с печенью [16. С. 35].

У информантов зафиксированы и другие приметы. При разделке туши нужно сразу отделить нижние челюстные кости: «*эдин карындыра чайнап, ӱзе јип салар*» – «мясо все съест», – может быть нанесен урон домашнему скоту. Лопатку варят целиком, после умеющие люди по ней могут прочитать будущее. Мясо с кости предплечья *кары* не должен есть единственный ребенок в семье. Кость предплечья *кары* не выбрасывают, а хранят как оберег, защитника этого ребенка [17].

В традиционной культуре обрядовая пища наиболее функциональна в обрядах перехода, и в семейной обрядности данный тезис особо иллюстрируется. А. ван Геннеп отмечает: «Совместная трапеза, или обычай есть и пить вместе – обряд включения» [9. С. 32]. Этнографический материал свидетельствует, что переход от прежнего статуса к новому сопровождается ритуальной трапезой. В обрядовой пище, связанной с родильным циклом, существуют и некоторые особые нормы поведения для будущей мамы: «Беременной женщине нельзя употреблять мясо кабарги, надевать одежду из шкуры кабарги. Считается, что роды будут тяжелыми» [18]. «К беременной женщине нужно относиться бережно, стараться угодить, исполнить ее желания. Если в дом заходит беременная женщина, ее нужно угостить едой, дать попробовать то, что она захочет. Считается, что иначе ее затаенная обида может проклясть домочадцев, и из этого дома уйдет благополучие» [14].

В башкирской культуре считается, что беременная – святая: одной ногой в могиле, одной ногой на земле она. Если обидеть ее, то на голову обидчика падут проклятия и беды. Капризы беременной относительно еды должны быть исполнены, старались угодить ей вкусной едой и добрым словом, заполучить ее благословение: оно спасало от любых бед, защищало от недугов и т. д. [19. С. 60].

Особое внимание уделяется именно угощению, чувству насыщения. Видимо, слова, эмоции беременной женщины, находящейся меж двух миров, имеют очень сильное воздействие.

Когда ребенку исполняется один год, проводится праздник «*койу кӧчӧ*» – торжество в честь ребенка, куда приглашаются родственники, друзья, коллеги родителей. На празднике проводятся обряд срезания первых волос (*баланың чачын кескени*) и обряд первого шага (*баланың «тужагын» кескени*). С помощью имитативного (симильный) приема – разрезания, если ребенок к этому времени еще не ходит сам, проводится следующий обряд: ноги ребенка завязывают белыми нитками или лентой *тужак* (путы), и *таайы*, или родители, или какой-нибудь *шулмус* – шустрый ребенок, разрезают ленту, произнося *алкыш*. Разрезают со спины ребенка либо ножницами, либо ножом, чтобы ребенок быстрее пошел, символически давая ему возможность шагать. Обряд проводится и когда ребенок

ходит сам; в сохранении ритуального действа, видимо, сыграла свою роль значимость обряда перехода из состояния младенчества в детство.

Проводится и обряд срезания первых волос, до этого волосы ребенку не подстригают. *Таайы*, говоря *алкыш* племяннику, подстригал первую прядь волос с челки ребенка и обязательно дарил животное «*јылу тыныштуу*» (с теплым дыханием) – либо овечку, либо лошадь. Волосы *таайы* забирал себе, и по исполнении двенадцати лет племянник с гостинцами *күндӱ-күреелӱ* приезжал к *таайы* их «выкупать». Здесь мы видим социализацию ребенка, его переход из младенчества в детство, и важным для нашего исследования является то, что обряды перехода закреплены общей трапезой.

В героических сказаниях по случаю рождения ребенка созывается большое число гостей, устраивается пир *той*, и во время празднества ребенку дается имя:

Пу каан ӓр ортонын ӧдӱп кӓ1ңӓндӓ,
Пір пала табылды, уул чыкты.
Паітал ӧ1тӱрдӱ,
Јакшыларын јууды,
5 Јонын ӓ1ӈн јууды,
Тоі ӓттӥ,
«Јаңыс паламдың адын адап пӓр!» тӓдӥ.
1 Когда этот *каан* перевалил средних лет мужа,
2 Один ребенок появился, сын родился.
6 *Той* стал проводить,
3 Кобылиц закололи,
4 Лучших [людей] созвали,
5 Народ свой, знать свою собрали.
7 «Единственного сына имя назовите», – [каан] сказал [20. С. 130–131].

Или:

Јети күн той болор,
Јип тӱгеспес курсак болор.
Эмди мында јуулган јон,
Эки балама ат адагар.
Јакшы ат адаган кижи
Јанына коштой отурзын,
Аракы ачузын ичирерим,
Ат јакшызын берерим.
Длится той уже семьдесят дней,
До отвала сыты гости мои.
Теперь собравшийся здесь народ,
Детям пусть имена дает.
Тот, кто хорошее имя даст,
Место рядом со мной займет,
Лучшей ему араки подам,
Лучшую лошадь подарю [21. С. 88; 22. С. 95].

Тем самым происходит обряд включения, т.е. «введения ребенка в мир». Благодаря наречению ребенок индивидуализирован и включен в сообщество (семейное, родовое) самими членами сообщества. И речь идет о целом сообществе, ведь в празднике принимает участие весь народ каана.

Своеобразна и свадебная обрядовая пища. Сговорив алтайскую невесту, ее привозили в айыл жениха. Мать жениха угощала ее молоком. Как считают исследователи, тем самым свекровь выражала свое признание будущей невестки [23. С. 85].

В свадебной обрядности тувинцев *Аскак-Кадай* (букв. Хромая-Старуха) – обязательное лицо, одно из главных действующих лиц на этапе вхождения невесты в семью (род) жениха. Когда невеста и ее родственники подъезжают к стойбищу жениха, один из мужчин, родственников невесты, изображает *Аскак-Кадай*, при этом он прихрамывает, держит в руках топор, а в некоторых случаях – ведерко. Невеста идет за ним, держась за его подол, прикрытая свадебной занавесью. *Аскак-Кадай*, прихрамывая, проходит к юрте родителей жениха, открывает полог в юрту и через порог передает чашу с молоком. В некоторых случаях обмен чашей с молоком проводится снаружи, у входа в юрту [24]. По-видимому, здесь пиала с молоком не просто жест одобрения – в данном ритуале на первый план выходит сакральность молока, представление о нем как об обереге. Ведь первоначально невеста *келин* предстает в качестве «чужой». Слово *келин* произошло от *kel* – приходить [25. С. 295], т.е. невеста – это «пришедшая». Ее «опасное» воздействие сильно по отношению к новым родственникам, и против нее предпринимаются меры магически-религиозной защиты. В результате совершения обрядов происходят «отделение» ее от семьи родителей, от прежнего домашнего культа и постепенное включение в новую среду. Немаловажен факт того, что ритуальное действие совершается при входе в юрту, где порог – это граница между миром «своих» и «чужих». Войдя в айыл, невеста начинает приобщаться к новым дому, роду, семье, и молоко может символизировать обряд очищения, который проводят для того, чтобы обезвредить опасность, которая вместе с невестой может прийти из чужого пространства. Хотелось бы обратить внимание на ритуальное действие, которое совершается при входе в айыл и отражено в фольклорных материалах:

Балдарыныӈ келгенин көрӧлӧ,
Барбаа-Багай сӱӱнди.
Уулыныӈ тапкан кӧӧркийин
Уткып, эмди эзендешти.
Ак сӱтле күндӱлеп,
Ак ширдекке отургусты,
Аш јакшызын кайнадып,
Албаты-јонын күндӱледи.
Увидев, что дети ее приехали,
Барбаа-Багай обрадовалась.
Сыном взятую [в жены] милую [девушку]
Встретив, поздоровалась.
Белым молоком угостив,
На белый *ширдек* усадила.
Лучшую из еды приготовив,
Народ-племя свое угощала [26. С. 820–821].

В Туве во время свадьбы кто-то со стороны жениха наливает в ведро разбавленное водой заквашенное молоко и смеха ради брызгает его на одежду присутствующих. По мнению исследователей, это – веселое очищение [27. С. 28]. В алтайской свадебной обрядности также отмечалось проведение такого ритуала очищения. Так, в 1955 г. зафиксировано: «Многие элементы прежнего свадебного ритуала, имевшие определенное символическое значение, как, например, обливание

невесты молоком, завязывание ей глаз, сейчас могут быть восприняты как оскорбительные, и они не исполняются» [28. С. 6].

На алтайской свадьбе невестки (со стороны жениха и невесты) проводили обряд заплетания волос невесты. Волосы девушки разделяли четко посередине головы на две косы. Их заплетали, намазывая молоком и топленым маслом. В настоящее время, когда у многих невест короткие стрижки, обряд по-прежнему обязателен [29. С. 119]. Невесте после обрядов заплетания волос и открывания свадебной занавеси дают выпить молоко.

В конце XIX в. в Хакасии, когда девушку, сговорив, привозили в дом жениха, проводили аналогичный обряд. Тетки жениха (невестки. – *Н.Т.*) распускали волосы невесты и заплетали в две женские косы. Затем устраивался маленький пир, называемый «пир волос» [30. С. 350]. Позже во время хакасской свадьбы проводился праздник «*сас той*» (букв. пиршество волос), на котором посаженная мать – «*пазыртханидже*» (обычно старшая невестка жениха) со свояченицей распускали волосы и заплетали две косы невесте [31. С. 204]. Обряд плетения волос не только символизировал переход девушки в статус замужней женщины, но и подчеркивал ее сущностное изменение. Безусловно, на первый план выходит переход девушки из одной семьи в другую, но истоки обряда лежат значительно глубже, и можно объяснить данный ритуал как своеобразное действо – магический обряд. Используя магический обряд защиты, две косы замужней женщины окончательно превращали ее из «чужой» в «свою» [32. С. 188]. После проведения обрядов невесте преподносили молоко, перед ней ставили угощения, подавали чай. Угощение можно осмысливать как символ закрепления перехода и нового статуса.

После проведения всех обрядов перехода невеста как хозяйка готовила чай и преподносила гостям угощения. Так, в 1955 г. на Алтае зафиксировано, что после заплетания волос невеста угощала присутствующих чаем [28. С. 11–12]. И сегодня в Республике Алтай после обрядов заплетания волос, открывания свадебной занавеси невеста окропляет огонь в айыле свекра, проводя обряд поклонения огню. Жених в это время стоит рядом. Невеста готовит чай невесты *келинниң чайы* и всех угощает [33].

В Туве по совету матери, который она давала дочери заранее, невеста варит чай с молоком, готовит все виды кушаний, в основном привезенные из юрты родителей, затем она вежливо приглашает свекра и свекровь на чаепитие. Вместе с ними приглашаются все соседи и родственники мужа. Так родители, родственники и соседи жениха узнают, на что способна невеста, а теперь уже жена их сына. Узнавали умение девушки и по тому, как она сварила чай. Родители и родственники мужа оценивали чай, сваренный ею в первый раз. Этот чай должен был создать славу молодой семьи. Во время чаепития в новой юрте собравшиеся разговаривают весело и непринужденно, выражая восхищение тем, что молодая хозяйка так хорошо все приготовила. Еще раз они желают самого доброго молодоженам [27. С. 32].

«Чай» здесь как трапеза. После проведения обрядов перехода – завершающая часть, совместное принятие еды.

Во время проведения свадебных торжеств в доме родителей невесты молодым и родственникам жениха родственники невестки завязывают пояса – *курлар*. Опоясывают после подношения сватам пиалы с молочным алкогольным напитком *аракы*. Обряд «пиала с песней» «*чӧчӧдиң кожоңы*» проводится с исполнением песен:

Беш курчаган курубыс,
Көксөөргө јылу билдирзин.
Бештең айткан алкыжыс,
Јүрегерге тоомылзын.
Айландыра туткан курубыс,
Аркарга јылу билдирзин.
Айдып койгон алкыжыс,
Јүрегерге тоомылзын.
В пять [оборотов] опоясанный пояс наш,
Груди вашему теплым пусть покажется.
В пять [раз] сказанное благопожелание наше,
В сердце ваше проникает пусть.
Вокруг [поясницы] опоясанный пояс наш,
Спине вашему теплым пусть покажется.
Сказанное благопожелание наше,
В сердце ваше проникает пусть [34].

У тувинцев зафиксированы песни при подношении гостю араки при приезде уважаемого человека:

Акка тиккен өргээси
Алдын билен куржаглыг.
Алдын дагша аракы
Аржаан-чигир амданыг.
Көкке тиккен өргээси
Мөңгүн билен куржаглыг.
Мөңгүн дагша аракасы
Мөңгүн-чигир амданыг.
На широком месте поставленная юрта –
Золотую подвязку имеет.
Арака в золотой пиале
[Подобна] вкусу источника и сладостей.
Среди зеленого луга поставленная юрта –
Серебряную подвязку имеет.
Арака в серебряной пиале
[Подобна] вкусу изюма-сладостей [35. С. 261].

Можно сказать, опоясывание – символ не просто соединения, оберега, но и включения зятя и его родни в новый союз сватов *кудалар*, а роль *аракы* имеет особое значение как механизм защиты «своего» от разрушительного воздействия людей, пришедших из чужеродного мира.

В похоронно-поминальной обрядности соблюдается ряд ограничительных мер, призванных уберечь от вредоносного воздействия «мира инобытия». В алтайской традиции пока умерший лежит в доме, он один не остается, в доме всегда должно находиться много людей. Каждого зашедшего приглашают за стол отведать угощения, чтобы умерший в «тот мир» отправлялся сытым. Спать ночью в доме, где лежит покойник, нельзя. Люди сидят, потихонечку разговаривают, пьют

чай, мужчины играют в карты. Все направлено на то, чтобы родственники одни не оставались, чтобы ночью «черные силы», которых в эти дни собирается очень много, не причинили вреда родственникам покойного [29. С. 132].

Информанты отмечают, «из дома умершего нельзя выносить огонь, молоко, мясо в течение 40 дней. Обязательно колют овечку, мясо заколотого животного должно быть приготовлено полностью для поминальной трапезы. Кровь в пищу не употребляют (в повседневное время готовят кровяную колбасу) и на поверхности земли не оставляют. Для этого копают яму, туда сливают кровь, затем ее закапывают. Считается, что если кровь оставить на земле, то на этом месте будут собираться «черные силы». Также *jöргöм* (колбаса, сплетенная из овечьих кишок, желудка и нутряного жира) не делают, внутренности варят и просто подают людям на стол» [14].

Важным обрядом являются «проводы души / поминальное подношение / кормление души» как обряд перехода, отделение от прежней среды (бытия) и включение в новую среду (инобытия) путем совершения действия. Как свидетельствуют полевые материалы, в настоящее время алтайцы в соответствии с традицией во время поминок на 3-й, 7-й и 40-й день совершают так называемый обряд «*кижиниҥ тӧгӱзи»*. В большинстве случаев обряд не называют вслух, поэтому во время траура говорят «*чачу*» или «*чачылга (чачылта)*» (букв. «кропление», здесь «кормление душ умерших»). Поминальное подношение умершим «*тӧгӱ*» (букв. «*тӧгӧтӧни*» – выливать) совершают в день похорон и во время поминок вечером. Специально для обряда закалывают овечку: берут мясо с сакральных частей туши овечки, нанизывают его на острые деревянные палки и опускают в казан с перловым супом с мясом (*кӧчӧ)*. Варят мясо до полного вываривания крови «*канын кайнада*». В отдельную посуду наливают несоленое *кӧчӧ*. Представление о мире мертвых как обратном мире отражается в подношении несоленой *тус јок* еды в качестве ритуального кормления умерших.

При посещении дома умершего родственники, близкие, друзья, все, кто приходит попрощаться, помянуть, приносят с собой продукты – чай, хлебобулочные изделия, сладости, фрукты, водку или сок, но обязательно нечетное количество. Из продуктов, которые принесли, берется нечетное количество кусочков, которые с тыльной стороны ладони кладутся в отдельную посуду. Варят чай из новой пачки, без молока, готовят одну бутылку водки. Все виды еды должны быть в нечетном количестве. Молочные продукты не употребляются.

Вечером, на закате солнца, летом в 8–9 часов, зимой в 5–6 часов – «*кызыл эҥирде*» (букв. красный вечер, здесь сакральное время, считается, что в этот период открывается дверь в мир предков) близкие умершего, старшие в семье идут совершать обряд «*чачылга*», на который приглашают «*неме билер кижи*» (букв. нечто знающий человек, здесь человек, обладающий особыми способностями), «*кӧсмӧкчи*» (букв. ясновидящие). На обряд идет нечетное количество людей. Женщины и дети не участвуют в данном обряде.

Все продукты и посуду оставляют на месте обряда, домой с собой ничего не берут. После возвращения люди умывают лицо, руки, очищаются огнем. Садятся за стол, тихо разговаривая, кушают. Ночью в 12 часов и в 3 часа и утром в 6 часов также угощают людей. Обязательно подают горячее. Все косточки от мяса собирают и *неме билер кижи* или кто-то из старших в семье уносит их целыми, не ломая, на место, где совершался обряд *чачылгы (чачылта)* [36].

Согласно тувинской семейной обрядности в доме, где находился покойник, на специальный столик ставили небольшие чашечки с ритуальным угощением и зажигали свечу, которая должна гореть 49 суток. Смысл этого обряда заключается в кормлении души покойного и освещении ему пути в царство Эрлик-хана. Основа кормления – запахи еды, от любого блюда необходимо положить небольшую ложечку еды рядом со свечой на блюдце. Если приносились какие-либо продукты из магазина, надо было отщипнуть, отломить небольшие кусочки и тоже положить на столик. Со временем эта ритуальная еда могла зачерстветь, высохнуть, но ее нельзя было выбрасывать, а собирать в небольшой мешочек. Этот мешочек с другими продуктами, которые готовились на поминальный обряд на 49 дней, сжигался на костре. У тувинцев костер разводят во время обряда кормления покойного, который проводится на 7-й и 49-й день поминовения [37. С. 390].

В хакасской традиционной культуре для умершего накрывают отдельный стол. Каждый прибывший на похороны родственник кладет в чашу для покойного угощение и *хабах* (спиртные напитки). На стол обязательно ставится чай с молоком, кладутся кондитерские изделия, отваренные куски мяса, костный мозг, печень, почки, мясо курицы (для женщины) или петуха (для мужчины), иногда баранья голова. На похоронах забивали крупный рогатый скот. Животное, которое закалывали на похороны в честь умершего, называли «*тёоги*». В качестве *тёоги* для мужчин выступал бык, а для женщин — корова. При разделке туши кости рубить запрещалось, расчленяли по суставам. Сохранение целостности костяка несло в себе семантику возрождения и беспрерывного воспроизводства скота, а в некоторых случаях *тёоги* выступал еще и в качестве ездового животного в загробный мир [38. С. 133].

Отличительным от алтайцев является применение у хакасов и тувинцев молока в похоронно-поминальной обрядности. Во время обряда «*хурайлааны*» совершали магические действия с целью защиты живых от умершего. Вдовая женщина, налив молоко или чай с молоком в деревянную чашечку, закрыв белой материей, держа ее в руке, обходила три раза вокруг телеги приговаривая: «*Хурай, хурай*! (Помилуй, спаси!) Не оглядывайся назад! Пусть твое счастье останется дома! Пусть твои дети останутся здоровыми!» Иногда не обходили гроб, а три раза против часовой стрелки обводили чашечкой с молоком над умершим, потом молоко давали пригубить семье покойного или, прикрыв материей, ставили на стол. Там чашечка стояла три дня, потом молоко давали выпить собаке или выливали в очаг.

В тувинском похоронном обряде сразу после выноса умершего родственница, подняв тарелку с молочной пищей, делала три круга у юрты и три раза произносила «*хурай*» [12. С. 169–170]. По возвращении с кладбища все участники похорон очищались – окуривали себя можжевельником и совершали омовение рук и лица водой, смешанной с молоком и раскрошенным сухим можжевельником. Традиционная поминальная трапеза состоит из соленого чая с молоком, молока, вареной баранины, сыра, топленого масла [39. С. 90–91].

В алтайской похоронно-поминальной обрядности, на которую, видимо, оказал влияние бурханизм, возникший и распространившийся в Горном Алтае в начале XX в., запрещается использование молока и молочных продуктов. Считается, что применение их во время обрядов перехода умершего в «мир предков» оскверняет молоко, т.е. не допускается контакт сакрального молока с миром умерших. Такой ярко выраженный выход на первый план молока и молочных продуктов у алтайцев, возможно, объясняется влиянием бурханизма, при котором отказывались от кровавых жертвоприношений, заменив их на архаичные возлияния и окропления молоком, *аракы* и топленым маслом. В культовой практике бурханистов особая сакрализация молока превращает его в своеобразный «символ веры» [40. С. 208, 215].

На торжественных мероприятиях *койу көчӧ*, свадьбе, юбилеях произносится *алкыш* (благопожелание) как наиболее архаичный жанр народной поэзии, основанный на магии слова, направленный на пожелание благополучия в жизни, благоденствия и здоровья. Во многих *алкышах* присутствует пищевая тематика как благопожелание достатка и счастья, на алтайской свадьбе желают:

Алган эжи иштеӈкей болзын!
Эткен ижи арбынду болзын!
Каймагы ажып јатсын!
Курут-сарјузы эжинип јатсын!
Айылга толу јӧжӧлӱ бол,
Айлыӈа сениӈ албаты келзин!
Бойыӈды ат кӧдӱрзин,
Курсагыӈды јон кӧдӱрзин.
Взятая спутница работящей пусть будет!
Сделанная [ее] работа обильной пусть будет!
Сливки переваливаются пусть!
Сырчик-масло плавают пусть!
Полный дом с имуществом будь,
В дом твой народ пусть приходит!
Самого лошадь пусть поднимает,
Еду твою народ пусть поднимает! [14].

Ребенку при подстригании волос говорят:

Јӱс јаш јажа,
Јӱгӱрӱк ат мин!
Бычагы јок јуу сор,
Камчызы јок јорго мин!
Сто лет живи!
На быстрой лошади езди!
Без ножа сало соси,
Без кнута галопом езди! [14].

Тувинским молодоженам желают, чтобы сарана-кандык и ягоды были не основной пищей, а лишь дополнением к мясной:

Черниӈ кат-чимизи
Үзүм-чигири болзун!
Черниӈ ай-бези
Сонуургаар чеми болзун!
Пусть ягоды-плоды земли
Изюмом-сахаром будут!
Пусть сарана-кандык земли
Приправой к пище будут! [35. С. 231].

И в хакасском эпосе наказ-благопожелание звучит:

Тоозылбастағ астығ полыӈар!
Тӱгенместеғ кӱстіг полыӈар!
Чазығы чохты чаттырбассар!
Обал чохты ӧдірбессер!
Неиссякаемой пусть будет еда у вас!
Неувядающей пусть будет сила у вас!
Безвинного не убивайте!
Безгрешного не уничтожайте! [2. С. 322–323].

Ритуальная трапеза выступает и как ценностная установка, и как норма культурных взаимодействий, и как поведенческая необходимость. Осознание важности пищи характеризует ритуализированный характер трапезы.

Обычай подавать к столу отварные части жертвенного животного, расположение за столом по старшинству, произношение *алкышей*, передача почетных частей мяса сохраняются до сих пор. Ритуальная пища отражает определенные поведенческие и обрядовые функции в системе социальных связей, взаимоотношения в обществе, нормы поведения, отношение к различным событиям семейной жизни. Благодаря особому применению в семейной обрядности пищевая традиция сохраняется и передается из поколения в поколение.

Именно посредством общей трапезы, совместного участия облегчается и фиксируется переход из одного статуса в другой. Оппозиция «свой»–«чужой» носит универсальный и вневременной характер, проникая в разные сферы человеческого бытия, не стала исключением и обрядовая трапеза. В отношении оппозиции «свой»–«чужой» иллюстрируется использование молока, *аракы*, несоленой пищи, которое дает чувство защищенности при контакте с иным, опасным пространством.

Список источников

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
2. Хакасский героический эпос. Ай-Хуучин / запись и подг. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. Новосибирск : Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 16).
3. Маадай-Кара : алтайский героический эпос. М. : Наука, 1973. 474 с.
4. Маадай-Кара // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им С.С. Суразакова, 2018. С. 466–749. (Памятники эпического наследия Алтая; т. 3).

5. Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей // Тувинские героические сказания / сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск : Наука, 1997. С. 298–527. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 12).
6. Эр-Самыр // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им С.С. Суразакова, 2018. С. 10–153. (Памятники эпического наследия Алтая; т. 3).
7. Кан-Кюлер, имеющий коня Кара-Кюрена // Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания. Тексты и переводы : (к 150-летию выдающегося алтайского сказителя). Горно-Алтайск : Алтын-Туу, 2011. С. 168–261.
8. Алтай Буучай // Алтай баатырлар / Алтайские богатыри : алтайский героический эпос. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2013. С. 22–93.
9. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Вост. лит. РАН, 1999. 198 с.
10. Мосс М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии. М. : КДУ, 2011. 416 с.
11. Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 544 с.
12. Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2005. 200 с.
13. Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы, 2002. 544 с.
14. Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова. Материалы научных экспедиций (НА НИИА. МНЭ). Дело № 119. Зап. от Кокшиновой (Арбаковой) Галины Типыровны, 1947 г.р., сёёк кёбёк *(сөөк көбөк)*, место рождения и проживания с. Верх-Ануй Усть-Канского района Республики Алтай, аудиозапись 2017 г. Запись и расшифровка Тадышевой Н.О., перевод Тадышевой Н.О. и Конунова А.А.
15. Урал-батыр. Башкирский народный эпос / пер. с башк. А.Х. Хакимова. Уфа : Китап, 2017. 260 с.
16. Муйтуева В.А. Традиционная пища алтай-кижи (обряды и представления). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. 158 с.
17. НА НИИА. МНЭ. Дело № 132. Зап. от Диятовой Марины Бортубаевны, 1968 г.р., сёёк кыпчак (*сөөк* кыпчак), место рождения и проживания с. Бельтир Кош-Агачского района, аудиозапись запись 2019 г. Запись, расшифровка и перевод Тадышевой Н.О.
18. НА НИИА. МНЭ. Дело № 117. Зап. от Чилбаковой (Калкиной) Евгении Емельяновны, 1964 г.р., сёёк кёбёк *(сөөк көбөк)*, месторождения с. Паспарта Улаганского района, место проживания с. Беш-Озок Шебалинского района Республики Алтай, аудиозапись запись 2018 г. Запись, расшифровка и перевод Тадышевой Н.О.
19. Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. Уфа : Гилем, 2005. 344 с.
20. Ай-Каан // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им С.С. Суразакова, 2018. С. 130–183. (Памятники эпического наследия Алтая; т. 1).
21. Улагашев Н.У. Айтюнюке // Улагашев Н.У. Малчи-Мерген. Ойрот-Тура : Облнациздательство, 1945. С. 85–118.
22. Улагашев Н.У. Айтюнюке // Улагашев Н.У. Малчи-Мерген / под ред. А. Коптелова. Новосибирск : Сов. Сибирь, 1947. С. 91–123.
23. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1995. 207 с.
24. Хертек Л.К. Образ «Аскак-Кадай» «Хромой-Старухи» в традиционной свадебной обрядности тувинцев // Наука и философия. URL: http://tomb-raider6.narod.ru/lib/kk/kultura_i_mentalitet_naselenija_s/obraz__askak-kadaj-hromoj-staru.html (дата обращения: 31.05.2014).
25. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. XXXVIII, 676 с.
26. Ёскюс Уул // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им С.С. Суразакова, 2018. С. 750–821. (Памятники эпического наследия Алтая; т. 3).
27. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 2006. 232 с.
28. НА НИИА. ФМ. Дело № 3, машинописный текст. Запись Каланакова А.И. Свадебный обряд «той» у алтайцев. По материалам поездки в Усть-Канский аймак, октябрь 1955 г. 15 с.
29. Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2011. 176 с.
30. Образцы народной литературы тюркских племен : тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1907. Ч. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. [II], VI, XXXII, 668, XLVIII с.
31. Бутанаев В.Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан : Журналист, 2014. 316 с.
32. Шерстова Л.И. Представление о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX вв.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 186–246. (Этнография Сибири : исследования и материалы – 2008).
33. НА НИИА. МНЭ. Дело № 119. Зап. от Майхиевой (Чичинова) Лилии Мамыевны,1969 г.р., сёёк сагал (*сөөк сагал)*, место рождения и проживания с. Кокоря Кош-Агачского района Республики Алтай, дневниковая запись 2017 г. Запись, расшифровка и перевод Тадышевой Н.О. 5 с.
34. НА НИИА. МНЭ. Дело № 109. Зап. от Кулеевой Раисы Суремеевны, 1934 г.р., сёёк дьети сары (*сөөк jети сары*), место рождения и проживания с. Шыргайты Шебалинского района Республики Алтай, аудиозапись 2017 г. Запись и расшифровка Тадышевой Н.О., перевод Конунова А.А.
35. Юша Ж.М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века : структура, семантика, прагматика. Новосибирск : Наука, 2018. 400 с.
36. Тадышева Н.О. Современный похоронно-поминальный обряд тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и тувинцев): архаические культы и новации // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. Вып. 4 (18). С. 103–111.
37. Ултургашева Н.Т., Ултургашева И.Г. Обряды защиты жизни в традиционной культуре тюрков Сибири в современный период (на примере похоронно-поминальной обрядности) // Мир науки, культуры, образования. 2013. Вып. № 5 (42). С. 389–391.
38. Бурнаков В.А. К вопросу о похоронной обрядности у хакасов // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий : сб. результатов науч. исслед., изложенных на VII Сибирских чтениях, посвящ. памяти Г.Н. Грачевой, прошедших 23–24 октября 2007 г. в МАЭ РАН / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 2. С. 126–136.
39. Кисель В.А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII–XXI в. СПб. : Наука, 2009. 142 с.
40. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. 288 с.

References

1. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: Structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg: Nauka.
2. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1997) *Khakasskiy geroicheskiy epos. Ay-Khuuchin* [The Khakass Heroic Epic. Ai-Khuuchin]. Novosibirsk: Nauka.
3. Anon. (1973) *Maaday-Kara: altayskiy geroicheskiy epos* [Maadai-Kara: Altai heroic epic]. Moscow: Nauka.
4. Anon. (2018) *Maaday-Kara. Altay baatyrlar (Altayskie bogatyri)* [Maadai-Kara. Altai baatyrlar (Altai heroes)]. Gorno-Altaysk: Research Institute of Altaic Studies. pp. 466–749.
5. Orus-ool, S.M. (ed.) (1997) *Boktug-Kirish, Bora-Sheley. Tuvinskie geroicheskie skazaniya* [Boktug-Kirish, Bora-Sheley. Tuvan heroic tales]. Novosibirsk: Nauka. pp. 298–527.
6. Anon. (2018) *Er-Samyr. Altay baatyrlar (Altayskie bogatyri)* [Er-Samyr. Altai baatyrlar (Altai heroes)]. Gorno-Altaysk: Research Institute of Altaic Studies. pp. 10–153. (Pamyatniki epicheskogo naslediya Altaya; t. 3).
7. Anon. (2011) Kan-Kyuler, imeyushchiy konya Kara-Kyurena [Kan-Kuler, who has the horse Kara-Kuren]. In: *Skazitel' Nikolay Ulagashev. Altayskie geroicheskie skazaniya. Teksty i perevody: (k 150-letiyu vydayushchegosya altayskogo skazitelya)* [Storyteller Nikolai Ulagashev. Altai heroic tales. Texts and translations: (to the 150th anniversary of the outstanding Altai storyteller)]. Gorno-Altaysk: Altyn-Tuu. pp. 168–261.
8. Anon. (2013) *Altay Buuchay. Altay baatyrlar / Altayskie bogatyri: altayskiy geroicheskiy epos* [Altai Buuchay. Altai baatyrlar / Altai heroes: Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. tip. pp. 22–93.
9. Gennep, A. van. (1999) *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of passage. Systematic study of rituals]. Moscow: RAS.
10. Moss, M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology]. Moscow: KDU.
11. Gurevich, A.Ya. (2007) *Izbrannye trudy. Kul'tura srednevekovoy Evropy* [Selected Works. Culture of Medieval Europe]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

12. Butanaev, V.Ya. & Mongush, Ch.V. (2005) *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov* [Archaic Customs and Rituals of the Sayan Turks]. Abakan: Khakassia State University.
13. Kenin-Lopsan, M.B. (2002) *Mify tuvinskikh shamanov* [Myths of Tuvan Shamans]. Kyzyl: Novosti Tuvy.
14. NA NIIA. MNE. (1947) *Delo № 119. Zap. ot Kokshinovoy (Arbakovoy) Galiny Tipyrovny, 1947 g.r., seek kebek (söök köbök), mesto rozhdeniya i prozhivaniya s. Verkh-Anuy Ust'-Kanskogo rayona Respubliki Altay* [Case No. 119. Rec. Kokshinova (Arbakova) Galina Tipyrovna, born in 1947, soyok köbyok (söök köbök), place of birth and residence village Verkh-Anuy, Ust-Kansky district of the Altai Republic]. Recording and transcription by N.O. Tadysheva, translation by N.O. Tadysheva and A.A. Konunova.
15. Anon. (2017) *Ural-batyr. Bashkirskiy narodnyy epos* [Ural-batyr. Bashkir folk epic]. Translated by A.Kh. Khakimov. Ufa: Kitap.
16. Muytueva, V.A. (2007) *Traditsionnaya pishcha altay-kizhi (obryady i predstavleniya)* [Traditional food of Altai-Kizhi (rites and performances)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. NA NIIA. MNE. (2019) *Delo № 132. Zap. ot Diyatovoy Mariny Bortubaevny, 1968 g.r., seek kypchak (söök kypchak), mesto rozhdeniya i prozhivaniya s. Bel'tir Kosh-Agachskogo rayona* [Case No. 132. Rec. Diyatova Marina Bortubaevna, born in 1968, soyok kypchak (söök kypchak), place of birth and residence village Beltir, Kosh-Agach district]. Recording, transcription and translation by N.O. Tadysheva.
18. NA NIIA. MNE. (2018) *Delo № 117. Zap. ot Chilbakovoy (Kalkinoy) Evgenii Emel'yanovny, 1964 g.r., seek kebek (söök köbök), mestorozhdeniya s. Pasparta Ulaganskogo rayona, mesto prozhivaniya s. Besh-Ozok Shebalinskogo rayona Respubliki Altay* [Case No. 117. Rec. Chilbakova (Kalkina) Evgenia Emelyanovna, born in 1964, söök köbök (söök köbök), place of birth Ulagansky district, place of residence Besh-Ozok, Shebalinsky district of the Altai Republic]. Recording, transcription and translation by N.O. Tadysheva.
19. Sultangareeva, R.A. (2005) *Zhizn' cheloveka v obryade: fol'klorno-etnograficheskoe issledovanie bashkirskikh semeynykh obryadov* [Human life in ritual: folklore and ethnographic study of Bashkir family rituals]. Ufa: Gilem.
20. Anon. (2018) *Ay-Kaan. Altay baatyrlar (Altayskie bogatyri)* [Ai-Kaan. Altai baatyrlar (Altai heroes)]. Gorno-Altaysk: Research Institute of Altaic Studies. pp. 130–183.
21. Ulagashev, N.U. (1945) *Malchi-Mergen*. Oyrot-Tura: Oblnatsizdatel'stvo. pp. 85–118.
22. Ulagashev, N.U. (1947) *Malchi-Mergen*. Novosibirsk: Sov. Sibir'. pp. 91–123.
23. Tadina, N.A. (1995) *Altayskaya svadebnaya obryadnost' (XIX–XX vv.)* [Altai wedding rituals (19th –20th centuries)]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer.
24. Khertek, L.K. (n.d.) *Obraz "Askak-Kaday" "Khromoy-Starukhi" v traditsionnoy svadebnoy obryadnosti tuvintsev* [The image of "Askak-Kadai" of the "Lame-Old Woman" in the traditional wedding rites of the Tuvans]. [Online] Available from: http://tomb-raider6.narod.ru/lib/kk/kultura_i_mentalitet_naselenija_s/obraz__askak-kadaj-hromoj-staru.html (Accessed: 31st May 2014).
25. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R. & Shcherbak, A.M. (eds) *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
26. Anon. (2018) *Eskyus Uul. Altay baatyrlar (Altayskie bogatyri)* [Yoskyus Uul. Altai baatyrlar (Altai heroes)]. Gorno-Altaysk: Research Institute of Altaic Studies. pp. 750–821.
27. Kenin-Lopsan, M.B. (2006) *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev* [Traditional culture of Tuvans]. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo.
28. NA NIIA. FM. (1955) *Delo № 3, mashinopisnyy tekst. Zapis' Kalanakova A.I. Svadebnyy obryad "toy" u altaytsev. Po materialam poezdki v Ust'-Kanskiy aymak, oktyabr' 1955 g.* [Case No. 3, typewritten text. Recorded by Kalanakov A.I. Wedding ceremony "toi" among the Altai people. Based on materials from a trip to the Ust-Kan aimak, October 1955].
29. Tadysheva, N.O. (2011) *Vliyanie khristianizatsii na semeynuyu obryadnost' korennogo naseleniya Gornogo Altaya* [The influence of Christianization on the family rituals of the indigenous population of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. tip.
30. Katanov, N.F. (ed.) (1907) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen* [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
31. Butanaev, V.Ya. (2014) *Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya* [Everyday life and holidays of the Khongorai Turks]. Abakan: Zhurnalist.
32. Sherstova, L.I. (2008) Predstavlenie o "chuzhikh" v mental'noy traditsii aborigenov Yuzhnoy Sibiri [The idea of "strangers" in the mental tradition of the aborigines of Southern Siberia]. In: *Narodonaselenie Sibiri: strategii i praktiki mezhkul'turnoy kommunikatsii (XVII – nachalo XX vv.)* [Population of Siberia: Strategies and practices of intercultary communication (17th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. pp. 186–246.
33. NA NIIA. MNE. (2017) *Delo № 119. Zap. ot Maykhievoy (Chichinova) Lilii Mamyevny,1969 g.r., seek sagal (söök sagal), mesto rozhdeniya i prozhivaniya s. Kokorya Kosh-Agachskogo rayona Respubliki Altay, dnevnikovaya zapis' 2017 g.* [Case No. 119. Rec. Maikhieva (Chichinova) Liliya Mamyevna, born in 1969, soyok sagal (söök sagal), place of birth and residence village Kokorya, Kosh-Agach district of the Altai Republic, diary entry 2017]. Recording, transcription and translation by N.O. Tadysheva.
34. NA NIIA. MNE. (2017) *Delo № 109. Zap. ot Kuleevoy Raisy Suremeevny, 1934 g.r., seek d'eti sary (söök jeti sary), mesto rozhdeniya i prozhivaniya s. Shyrgayty Shebalinskogo rayona Respubliki Altay, audiozapis' 2017 g.* [Case No. 109. Rec. Kuleeva Raisa Suremeevna, born in 1934, soyok dieti sary (söök jeti sary), place of birth and residence village Shyrgayty, Shebalinsky district of the Altai Republic, audio recording 2017]. Recording, transcription by N.O. Tadysheva, translation by A.A. Konunov.
35. Yusha, Zh.M. (2018) *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka: struktura, semantika, pragmatika* [Folklore and ritual of the Tuvans of China in the early 21st century: Structure, semantics, pragmatics]. Novosibirsk: Nauka.
36. Tadysheva, N.O. (2017) Sovremennyy pokhoronno-pominal'nyy obryad tyurkov Sayano-Altaya (altaytsev, khakasov i tuvintsev): arkhaicheskie kul'ty i novatsii [Modern funeral and memorial rites of the Sayan-Altai Turks (Altaians, Khakassians and Tuvinians): archaic cults and innovations]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 4(18). pp. 103–111.
37. Ulturgasheva, N.T. & Ulturgasheva, I.G. (2013) Obryady zashchity zhizni v traditsionnoy kul'ture tyurkov Sibiri v sovremennyy period (na primere pokhoronno-pominal'noy obryadnosti) [Rites of protection of life in the traditional culture of the Turks of Siberia in the modern period (on the example of funeral and memorial rituals)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5(42). pp. 389–391.
38. Burnakov, V.A. (2009) K voprosu o pokhoronnoy obryadnosti u khakasov [On the funeral rites among the Khakass]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik – 1: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian collection – 1: Funeral rites of the peoples of Siberia and adjacent territories]. Vol. 2. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 126–136.
39. Kisel, V.A. (2009) *Poezdka za krasnoy sol'yu. Pogrebal'nye obryady Tuvy. XVIII–XXI v.* [Trip for red salt. Funeral rites of Tuva. The 18th – 21st centuries]. St. Petersburg: Nauka.
40. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origins of ethnicity and religion]. Tomsk: Tomsk State University.

***Сведения об авторе*:**
Тадышева Наталья Олеговна – кандидат исторических наук, заместитель директора Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: tadisheva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Tadysheva Natalia O. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Scientific Research Institute of Altaic Studies named after S.S. Surazakov (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: tadisheva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2019; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 15.06.2019; accepted for publication 15.11.2023

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья
УДК 902/904:636(470.57)”653”
doi: 10.17223/19988613/86/24

Млекопитающие в быту населения средневекового городища Уфа-II

Михаил Михайлович Девяшин[1], Наталья Алексеевна Пластеева[2], Ольга Сергеевна Белявская[3], Алексей Александрович Романов[4]

[1, 2] Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
[3] Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа, Россия
[3, 4] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия
[1] devjashinm@yandex.ru
[2] natalya-plasteeva@yandex.ru
[3] krapacheva.olya@mail.ru
[4] romanov-aleksey-88@ya.ru

Аннотация. Рассматриваются роль домашних животных в мясном рационе жителей городища Уфа-II (раскопки 2017 г.) и динамика состава стада домашних копытных в течение всего периода функционирования поселения. Сравнительный анализ распределения костного и керамического материала в культурном слое выявил несколько этапов функционирования городища. Полученные результаты свидетельствуют, что за все время функционирования городища прослеживается тенденция уменьшения роли мелкого рогатого скота и возрастания роли лошади и крупного рогатого скота в мясном рационе населения.
Ключевые слова: животноводство, раннее Средневековье, Южное Предуралье, археозоология, бахмутинская культура, кушнаренковская культура, турбаслинская культура, романовский тип

Для цитирования: Девяшин М.М., Пластеева Н.А., Белявская О.С., Романов А.А. Млекопитающие в быту населения средневекового городища Уфа-II // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 196–204. doi: 10.17223/19988613/86/24

Original article

The role of mammals in the everyday life of the medieval population of the settlement Ufa-II

Mikhail M. Devyashin[1], Natalya A. Plasteeva[2], Olga S. Belyavskaya[3], Aleksey A. Romanov[4]

[1, 2] Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation
[3] Republican Historical and Cultural Museum & Preserve “Drevnyaa Ufa”, Ufa, Russian Federation
[3, 4] Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation
[1] devjashinm@yandex.ru
[2] natalya-plasteeva@yandex.ru
[3] krapacheva.olya@mail.ru
[4] romanov-aleksey-88@ya.ru

Abstract. This paper examines the role of domestic animals in the meat diet of the population of the Ufa-II settlement and dynamics of the herd composition during the entire period of its functioning. We analyzed osteological materials obtained from archaeological excavations in 2017. Total area of excavations – 24m^2, cultural depth – 3m. Artifacts allowed us to determine that the cultural layer formed during the IV-V – first half of the IX century.
The comparative analysis of ceramic and bone remains distribution shows that there were several stages in the settlement functioning. The earliest period is characterized by the co-occurrence of Bakhmutino, Turbasly and Romanovka ceramic types, with the quantitative predominance of the first type. During this time bones of small cattle prevail in the osteological collection from the site. The next period is marked by an increase in the number of Turbasly and Romanovka ceramic items as well as an equal amount of small cattle (sheep and goat) and horse remains in osteological material. In the final stage ceramics of Kushnarenkovo type appears on the settlement. This period is also characterized by the increase in the amount of horse and cattle bones and simultaneous decrease in the number of small cattle remains.

© М.М. Девяшин, Н.А. Пластеева, О.С. Белявская, А.А. Романов, 2023

The analysis shows that the role of horses and cattle has steadily increased, while that of small cattle has declined throughout the period under review. We assume the main reason of these changes were the changes in the population and agricultural structure of the settlement. The indigenous Bakhmutino population was gradually replaced by members of Turbasly and Romanovka tribes and later – by the nomadic peoples, who supposedly came from the territory of Western Siberia. It should be noted that hunting was not of great importance in the life of Ufa-II population. However, the range of hunted animals was quite large. The quantitative changes in the skeletal ratio of domestic animals suggest that in the early period horses, cattle and small cattle were mostly kept and slaughtered in the settlement area. Later, the main part of meat products begun to deliver to Ufa-II from nearby settlements.

Keywords: animal husbandry, early Middle Ages, Southern Urals, archeozoology, bakhmutin culture, kushnarenkov culture, turbasli culture, romanov type

For citation: Devyashin, M.M., Plasteeva, N.A., Belyavskaya, O.S., Romanov, A.A. (2023) The role of mammals in the everyday life of the medieval population of the settlement Ufa-II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 196–204. doi: 10.17223/19988613/86/24

Введение

Городище Уфа-II, расположенное на территории г. Уфы и функционировавшее в течение долгого времени, является удобным объектом для различных археозоологических исследований. Массовый костный материал, полученный из культурных отложений, позволяет проводить анализ производящего хозяйства населения городища и лесостепного Предуралья в целом, оценивать вклад животноводства и охоты в систему жизнеобеспечения, а также судить о наличии и характере обменно-торговых связей в прошлом. Среди более 20 средневековых поселений, выявленных на территории г. Уфы и сопредельных районов, городище Уфа-II выделяется не только своими размерами и мощностью культурного слоя, но и степенью изученности, являясь, таким образом, одним из реперных памятников для археологии Урало-Поволжья.

Городище располагается в историческом центре города, на высоком мысу, образованном Ильинским и Пушкинским оврагами. С напольной стороны оно было защищено М-образным валом и глубоким рвом. Памятник был открыт краеведом П.Ф. Ищериковым в 1953 г. В 1957 г. им же был заложен небольшой раскоп. В разное время на памятнике работали Н.А. Мажитов (1958), М.Х. Садыкова (1968), Н.Г. Рутто (1974), В.В. Овсянников (1990). В 2006–2008 гг. раскопки городища проводились силами объединенной экспедиции БашГУ и Научно-производственного центра при Министерстве культуры Республики Башкортостан, в 2009–2011 гг. – экспедицией БашГУ (раскопки Ф.А. Сунгатова, Р.Б. Исмагилова, В.И. Мухаметдинова). С 2012 г. изучение городища ведется силами музея-заповедника «Древняя Уфа» (раскопки Р.Р. Руслановой (Тамимдаровой), И.А. Шутелевой, М.Р. Шамсутдинова, Е.В. Русланова).

С началом планомерного изучения городища идет активная научная полемика о его статусе и времени функционирования. Н.А. Мажитовым была выдвинута гипотеза о существовании на территории г. Уфы с V по XIV в. укрепленного городского центра – «города Башкорт», в интерпретации ученого [1. С. 44; 2]. По мнению В.А. Иванова, жизнь на городище, основанном в V в. н.э. племенами бахмутинской культуры, а в VI в. активно заселенном пришлыми турбаслинскими, романовско-именьковскими, кушнаренковским и кара-якуповскими племенами, затухает уже к концу I тыс. н.э. [3, 4]. Другие исследователи, не отрицая существования во 2-й половине I тыс. крупного укрепленного поселения, в домонгольское и золотоордынское время (XII–XIV вв.) на месте заброшенного городища склоны видеть кратковременное стойбище [5. С. 413; 6. С. 57] либо «рыночное поле» [7. С. 35]. В настоящей работе рассматривается роль домашних животных в мясном рационе жителей городища Уфа-II.

Материал и методы

В работе анализируется костный материал, полученный в ходе охранных раскопок 2017 г. под руководством О.С. Белявской. Раскоп общей площадью 23,2 м^2, вплотную примыкающий к раскопам 2008 и 2013 гг., был заложен на западной окраине городища. Мощность культурного слоя на данном участке составляет 3 м. Снятие грунта производилось условными пластами по 10–15 см. Выявленные в ходе раскопок 2017 г. находки как массового, так и индивидуального характера позволяют определить время формирования культурного слоя на исследованном участке в рамках IV–V – первой половины IX в. [8. С. 223–224]. Территория городища в определенные исторические периоды была заселена разными группами населения, временные границы между которыми слабо выражены.

Полученный костный материал происходит из пяти квадратов (96, 111, 126, 141, 156) и 19 пластов отложений. Кроме костей млекопитающих, на долю которых приходится подавляющее большинство остатков, в материале представлены немногочисленные кости рыб, птиц, раковины двустворчатых моллюсков и одна кость человека.

Общее число костных остатков млекопитающих составило 20 709 экземпляров, из них видовая принадлежность установлена у 9 542 экземпляров (табл. 1).

Определение видовой принадлежности костных остатков млекопитающих производилось с использованием эталонной коллекции музея Института экологии растений и животных УрО РАН (г Екатеринбург). Кости животных сильно раздроблены, часть из них несет следы воздействия огня или обработки человеком. По характеру раздробленности костный материал представляет собой «кухонные остатки».

Видовой состав животных, полученный как в ходе раскопок 2017 г., так и за все предыдущие годы раскопок [6. С. 80–95; 9. С. 102; 10. С. 55–56; 11. С. 91], де-

монстрирует принципиальное единообразие: в коллекциях доминируют домашние животные, а дикие виды немногочисленны. На долю домашних копытных животных – лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, верблюда – приходится 9 316 экз., или 98% от общего количества определимых костных остатков. Состав диких видов животных в целом соответствует фауне Предуралья в эпоху Средневековья [12. С. 91].

Таблица 1

Видовой состав костных остатков животных городища Уфа-II

Вид животного	Количество костей, экз.
Домашние	
Крупный рогатый скот – *Bos taurus*	2 368
Мелкий рогатый скот – *Ovis aries* et *Capra hircus*	2 498
Лошадь – *Equus caballus*	3 329
Свинья – *Sus scrofa*	1 111
Собака – *Canis familiaris*	17
Верблюд двугорбый – *Camelus bactrianus*	10
Дикие	
Хомяк обыкновенный – *Cricetus cricetus*	1
Сурок степной – *Marmota bobak*	113
Бобр речной – *Castor fiber*	32
Заяц-беляк – *Lepus timidus*	6
Лисица – *Vulpes vulpes*	2
Медведь бурый – *Ursus arctos*	21
Косуля – *Capreolus sp.*	10
Олень северный – *Rangifer tarandus*	1
Олень благородный – *Cervus elaphus*	1
Лось – *Alces alces*	20
Грызуны – Rodentia	2
Неопределимые фрагменты – *Mammalia indet.*	11 167

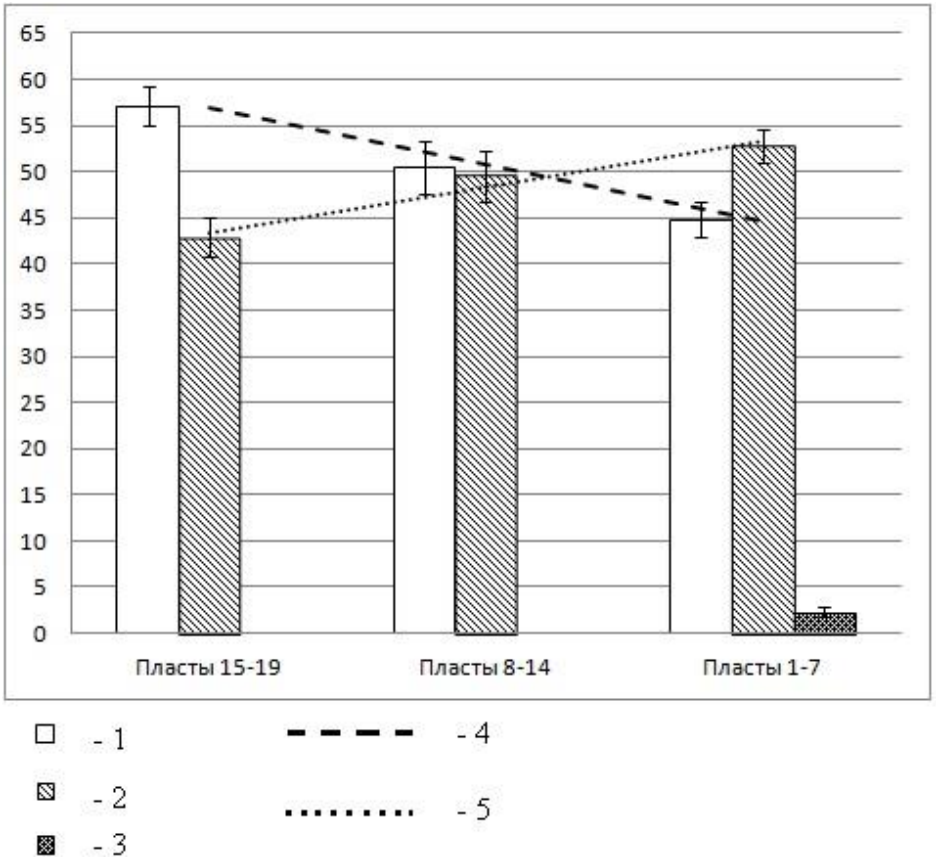

Рис. 1. Соотношение керамики в разных пластах городища Уфа-II:
1 – бахмутинская культурная группа (КГ), *2* – турбаслинская и романовская КГ, *3* – кушнаренковская КГ, *4* – линия тренда для керамики бахмутинской КГ, *5* – линия тренда для керамики турбаслинской и романовской КГ

Для анализа однородности костного материала в культурном слое рассматривалось соотношение костей домашних копытных животных между собой в разных квадратах и пластах культурного слоя, а также соотношение неопределимых до вида фрагментов, которые были отнесены к двум группам – крупных и мелких

копытных. К группе крупных копытных относили неопределимые фрагменты, которые могут принадлежать лошади и крупному рогатому скоту. К группе мелких копытных – неопределимые фрагменты, которые могут принадлежать мелкому рогатому скоту или свинье. Нестратифицированный (подъемный) материал и содержимое хозяйственной ямы не рассматривались. Пласты были сгруппированы на основании анализа керамического материала. Исходя из данных, представленных в публикации [8. С. 216–218], можно выделить три этапа, характеризующихся изменением состава населения городища (рис. 1). На первом этапе (пласты 15–19) зафиксировано совместное залегание как керамики бахмутинской культурной группы, соотносимой с местным финно-пермским населением, так и керамики носителей пришлых турбаслинского и романовского типов при количественном преобладании первой. Второй этап (пласты 8–14), в свою очередь, маркируется увеличением в керамическом материале доли турбаслинской и романовской керамики. Наконец, третий, финальный этап (пласты 1–7), судя по всему, связан с приходом на эту территорию кушнаренковских племен. Разница же между вторым и третьим этапами в количестве турбаслинской керамики и керамики романовского типа незначительна.

При расчете степени раздробленности скелетов все костные остатки группировали в следующие категории: голова (череп, нижняя челюсть) туловище (позвонки, ребра), проксимальные (лопатка, таз, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, большая и малая берцовые кости) и дистальные (пястная, плюсневая, пяточная таранная, фаланги 1–3, мелкие кости запястья и заплюсны). Изолированные зубы в анализ не включали.

Возрастной состав животных определен по порядку замены молочных зубов на постоянные [13. С. 225–236. 14. С. 283–302].

Результаты

Крупный рогатый скот. По общему количеству костных фрагментов крупный рогатый скот уступает лошади и незначительно – мелкому рогатому скоту, что указывает на заметную роль этого вида в различных аспектах хозяйственной деятельности населения. Среди забитых представителей крупного рогатого скота представлены в равной степени половозрелые (старше 28 мес.) и неполовозрелые (до 28 мес.) особи (табл. 2). Доля взрослых животных высока, что позволяет предполагать комплексное, мясо-молочное разведение.

Лошадь. Кости лошади во всех костных комплексах сильно раздроблены, причем характер их раздробленности в изученном материале схож с таковым у крупного рогатого скота. Соотношение разных возрастных групп лошадей (см. табл. 2) указывает высокую вероятность комплексного использования животных древним населением: как для получения мяса (молодые особи, до 5 лет), так и в качестве ездовых и вьючных животных – взрослые (5–15 лет) и старые особи (более 15 лет).

Мелкий рогатый скот представлен как козами, так и овцами, костные остатки последних численно преобладают. Доля взрослых животных (старше 24 мес.) среди остатков мелкого рогатого скота в два раза превышает суммарную долю молодых и полувзрослых (до 24 мес.), что позволяет выдвинуть предположение, что животных использовали в основном для получения молока и шерсти (см. табл. 2).

Таблица 2

Доли возрастных групп животных из культурного слоя городища Уфа-II

Возраст, лет	Череп		Нижняя челюсть	
	Экз.	%	Экз.	%
Крупный рогатый скот				
Более 28	12	50	11	39
18–28	5	21	5	18
6–18	5	21	9	32
До 6	2	8	3	11
Мелкий рогатый скот				
Более 24	19	63	39	60
12–24	7	23	15	23
3–12	2	7	8	12
Менее 3	2	7	3	5
Лошадь				
Более 15	5	21	3	7
5–15	11	46	22	50
1–5	6	25	10	23
Менее 1	2	8	9	20

Свинья. Костные остатки свиней составляют 12% от общего числа домашних копытных животных. Индивидуальный возраст определен для 69 нижних челюстей свиней. Среди забитых особей представлены большей частью молодые и полувзрослые особи до 18 месяцев (43 экз.).

Верблюд. Доля костей верблюда среди всех домашних копытных животных незначительна. Вид нехарактерен для традиционного животноводства региона и мог попасть на городище с торговыми караванами из южных регионов.

Дикие животные. Кости диких видов животных, определенные из отложений городища, немногочисленны и указывают на несущественную роль охоты в хозяйстве населения.

Однородность распределения костного материала в толще культурного слоя. Изучена однородность костного материала в толще культурного слоя. Это

позволило оценить изменения в соотношении видов животных, забитых населением городища в выделенные этапы его функционирования.

Анализ распределения материала по квадратам (табл. 3) показал, что костные остатки представлены во всех квадратах относительно равномерно, закономерностей в накоплении не наблюдается.

Распределение костных остатков по пластам культурных отложений демонстрирует различия по процентному соотношению костей домашнего скота. Полученные данные выявляют тенденцию постепенного возрастания доли костей лошади и снижения доли остатков мелкого рогатого скота от нижних пластов к верхним (рис. 2). Доля костей крупного рогатого скота достоверно возрастает на финальном этапе существования городища, а минимум костей свиньи отмечен на начальном этапе функционирования памятника.

Изменение долей разных видов домашних животных в разных пластах культурного слоя может свидетельствовать об изменении соотношения забиваемых населением городища животных в разные этапы его существования. Так, для наиболее раннего периода существования памятника (пласты 17–19) характерно преобладание костей мелкого рогатого скота, а доли крупного рогатого скота и лошади примерно одинаковы. В середине периода существования городища (пласты 8–14) доли мелкого рогатого скота и лошади практически идентичны, а крупный рогатый скот представлен значительно меньше. На позднем этапе наблюдаются преобладание количества костей лошади, высокая доля костей крупного рогатого скота и низкая – мелкого рогатого скота. Кости свиньи на всех пластах памятника немногочисленны.

При сравнении неопределимых до вида остатков наибольшие различия наблюдаются между верхними (1–7) и остальными пластами (табл. 4).

Таблица 3

Соотношение домашних копытных по квадратам раскопа городище Уфа-II, %

Вид животного	кв. 96	кв. 111	кв. 126	кв. 141	кв. 156
Крупный рогатый скот	21,5	19,7	23,8	23,6	32,1
Мелкий рогатый скот	25,0	36,0	34,4	30,0	21,2
Лошадь	39,8	31,3	28,8	32,8	35,3
Свинья	13,8	13,1	13,0	13,6	11,4

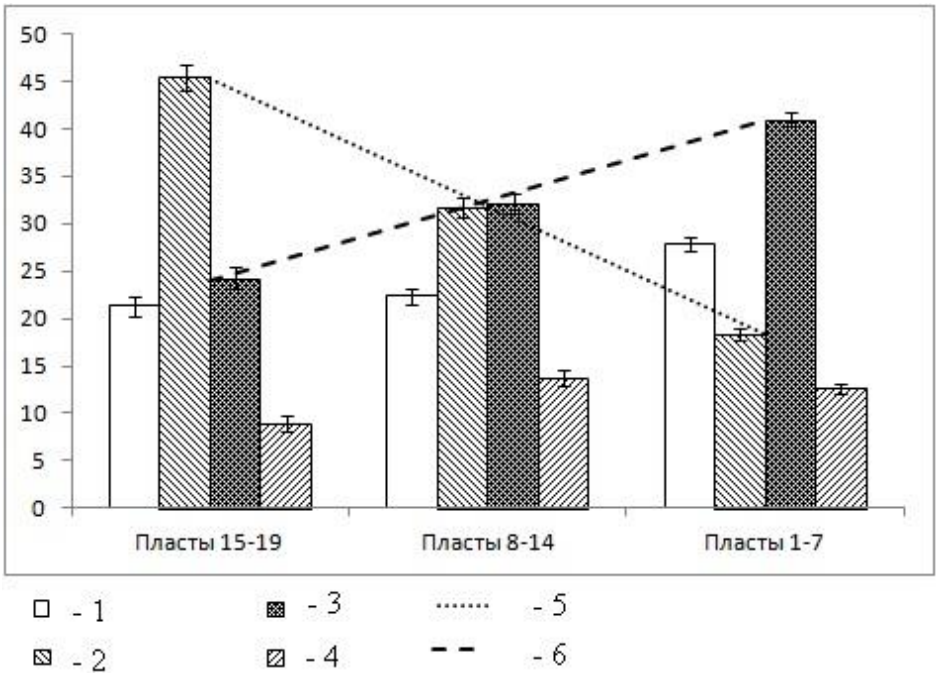

Рис. 2. Соотношение домашних копытных животных в разных пластах раскопа городища Уфа-II (материалы раскопок 2017 г.): *1* – крупный рогатый скот, *2* – мелкий рогатый скот, *3* – лошадь, *4* – свинья, *5* – линия тренда для мелкого рогатого скота, *6* – линия тренда для лошади

Таблица 4

Соотношение неопределимых до вида костных фрагментов в разных пластах городища Уфа-II

Группа	Пласты 15–19		Пласты 8–14		Пласты 1–7	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Крупные копытные	439	45,40	1 364	53,87	2 962	68,25
Мелкие копытные	528	54,60	1 168	46,13	1 378	31,75
Всего	967	100,00	2 532	100,00	4 340	100,00

В верхних пластах количество неопределимых фрагментов, принадлежавших животным крупной размерной группы (крупный рогатый скот и лошадь) в два раза превышает число неопределимых остатков животных мелкой размерной группы (мелкий рогатый скот и свинья). В целом наблюдается достоверное снижение доли мелких копытных и увеличение доли крупных копытных по глубине раскопа от более глубоких слоев к поверхности, т.е. прослеживается та же тенденция, что и для определимых останков.

Расчет мясной продукции, проведенный по методике, приведенной Е.Е. Антипиной [15. С. 67–77] показывает, что основную роль в рационе населения городища на протяжении всего периода его существования играли лошадь и крупный рогатый скот. Причем на начальном этапе крупный рогатый скот и лошадь занимали одинаковое положение в рационе питания, а на среднем и финальном этапах преобладала доля лошадей. Доля мелкого рогатого скота была наибольшей на начальном этапе существования (пласты 17–19), а затем достоверно снижалась. Свиньи же играли незначительную роль в мясном рационе (в пределах 6%), и эта роль на разных этапах существования памятника практически не менялась. Как видно из рис. 3, соотношение доли видов животных в мясном рационе отличается от оценки их обилия, основанной на количестве определимых фрагментов. В мясном рационе ожидаемо возрастает роль крупного рогатого скота, однако в целом прослеживается тенденция уменьшения роли мелкого рогатого скота и увеличения роли лошади от нижних пластов к верхним.

Среди костей крупного рогатого скота представлены все элементы скелета. На начальном этапе (пласты 15–19) кости головы и туловища представлены сопоставимо. Подобное соотношение костных остатков свидетельствует о том, что животные разделывались на территории городища, и использовались все части туш. Роговые стержни составляют менее 1% от всех костных остатков крупного рогатого скота, что указывает на преобладание комолых особей в составе стада. На более поздних этапах (пласты 1–7 и 8–14) наблюдается значительное преобладание количества костей туловища над количеством костей головы. Доля последних падает с 26 до 12% на уровне пластов 8–14 и вновь увеличивается до 20% на уровне пластов 1–7. Соотношение отделов скелета в средней и верхней частях культурного слоя смещается в сторону увеличения доли костей конечностей (рис. 4, *А*).

Среди элементов скелета лошади преобладают кости туловища – 37%, доли костей проксимальных и дистальных отделов конечностей примерно одинаковы: 23 и 24% соответственно (рис. 4, *Б*). Доля костей головы падает с 26% на уровне пластов 15–19 до 12–16% в средней и верхней частяъ культурного слоя.

В изученном материале представлены все элементы скелета мелкого рогатого скота, однако преобладают кости головы – 44% и проксимальных частей ног – 34%. Доли костей туловища и дистальных отделов ног существенно ниже – 16 и 6% соответственно. Соотношение отделов скелета мелкого рогатого скота несколько отличается от такового у крупного рогатого скота: в пределах пластов 15–19 и 1–7 преобладают кости проксимального отдела конечностей (37%) и кости туловища (30%). Значимое отличие наблюдается только в пределах пластов 8–14, где кости проксимального отдела конечностей составляют около 40%, в то время как кости туловища находятся в пределах 20–25% (рис. 4, *В*). Наименьшую долю составляют фрагменты черепа и нижних челюстей (12–16%) и дистальных костей конечностей (17–20%). Каких-либо значимых закономерностей в изменении соотношения костей различных частей скелета по глубине раскопа не выявляется (рис. 4, *Г*).

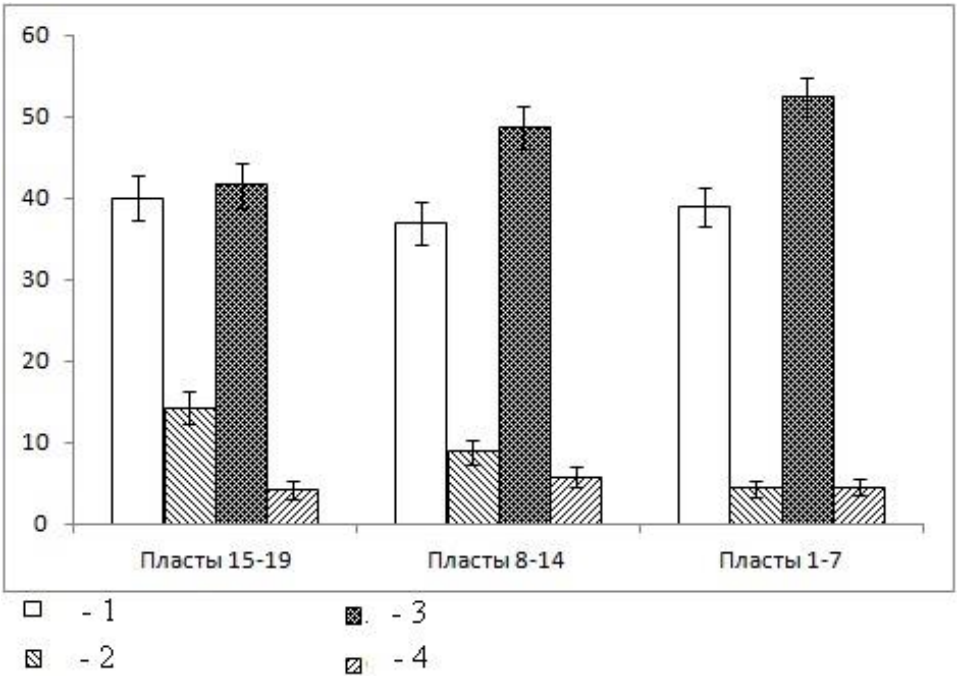

Рис. 3. Доля (%) отдельных видов домашнего скота в мясном рационе жителей городища Уфа-II на разных этапах его существования: *1* – крупный рогатый скот, *2* – мелкий рогатый скот, *3* – лошадь, *4* – свинья

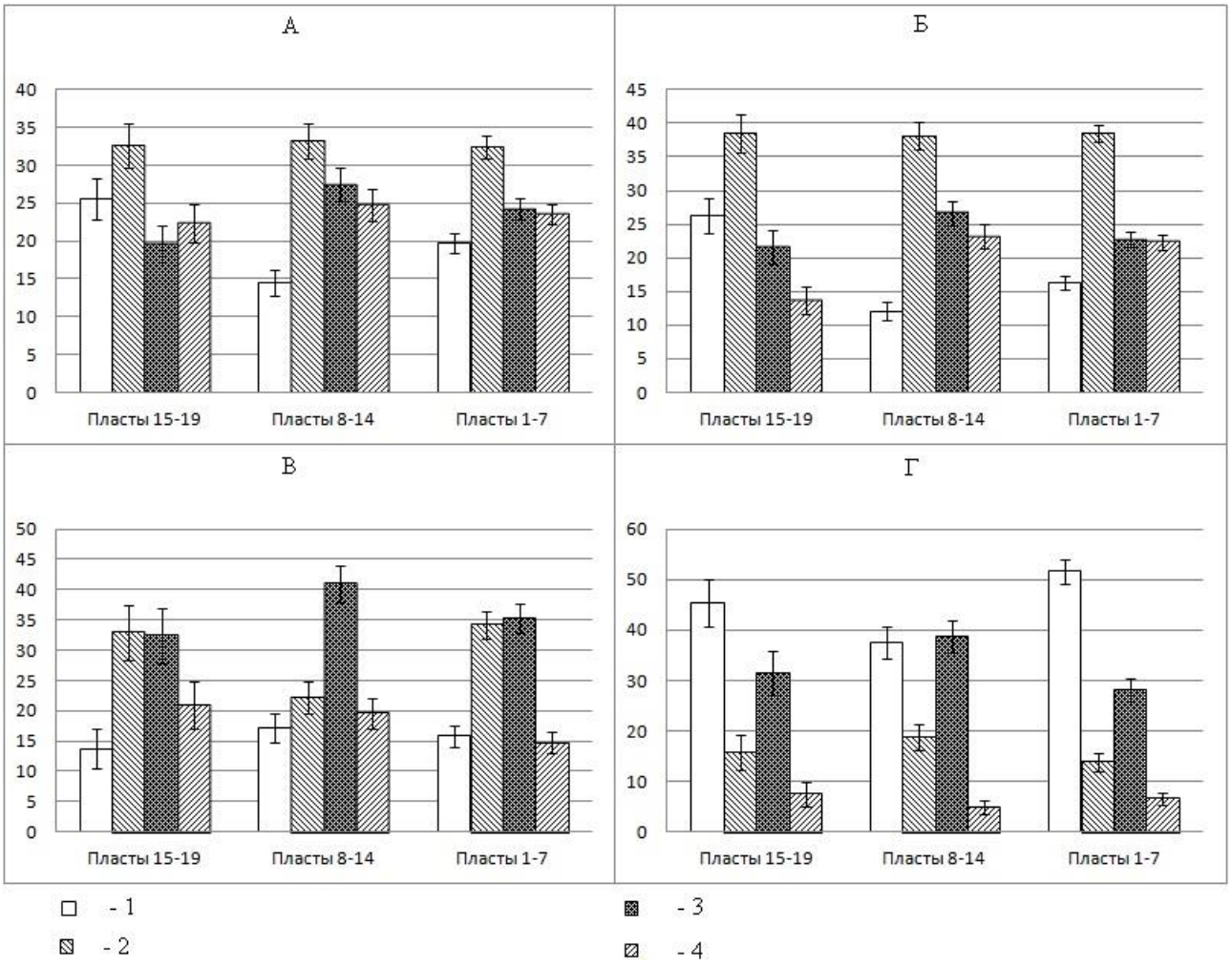

Рис. 4. Соотношение костей разных отделов скелета по пластам (*А* – крупный рогатый скот, *Б* – лошадь, *В* – мелкий рогатый скот, *Г* – свинья): *1* – кости головы, *2* – кости туловища, *3* – кости проксимальных отделов конечностей, *4* – кости дистальных отделов конечностей

Заключение

Полученные результаты позволяют говорить, что формирование культурных отложений городища происходило под преимущественным влиянием нескольких культурных общностей. Основным способом получения мяса для населения городища Уфа-II было разведение домашнего скота. Охота на дикие виды животных играла небольшую роль в жизнеобеспечении древнего населения. Вместе с тем спектр добываемых животных был достаточно широким.

Наблюдаемые изменения в составе и соотношении костей домашнего скота могут отражать трансформацию в хозяйстве населения, проживавшего на территории городища. Как видно на представленных диаграммах, существуют закономерности между динамикой видового состава домашних животных и изменением в керамическом комплексе, представленном на городище. Изменение состава стада и соотношения забиваемых животных может быть обусловлено постепенным замещением коренного бахмутинского населения пришлыми турбаслинскими племенами и носителями керамики романовского типа и далее приходом кочевого населения, генезис которого на современном этапе связывают с территорией Западной Сибири. Возрастной состав животных изучен недостаточно полно ввиду небольшого количества фрагментов нижних и верхних челюстей, однако, опираясь на большую долю взрослых и полувзрослых животных в исследованной коллекции, мы предполагаем, что хозяйственное использование домашнего скота не ограничивалось потребностью в мясной пище. Вероятно, мелкий рогатый скот активно разводился средневековым населением для получения шерсти, что косвенно подтверждается большим количеством выявленных в процессе раскопок пряслиц [6. С. 40; 11. С. 74]. Крупный рогатый скот, вероятно, содержали с целью получения мяса, молока и шкур, а лошадь – как для получения продуктов питания (мясо и молоко), так и как ездовых и вьючных животных.

Изменения, наблюдаемые в соотношении костей скелета лошади, крупного и мелкого скота, позволяют предположить, что в начальный период основания городища (пласты 15–19) эти виды или в большей степени содержались на самом городище, или приводились и забивались на его территории. С постепенным замещением бахмутинского керамического комплекса керамикой турбаслинского и романовского типов (пласты 8–14) доля костей головы и нижних челюстей для крупного рогатого скота и лошади значимо снижается при увеличении соотношения этих видов живот-

ных в остеологическом комплексе по отношению к мелкому рогатому скоту. Мелкий же рогатый скот демонстрирует резкое увеличение процента проксимальных отделов конечностей при общем уменьшении доли данных видов в спектре. Это позволяет сделать предположение, что увеличивается доля мяса, поступающего на территорию городища из близлежащих поселений в разделанном виде.

Список источников

1. Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Сокровища древней Уфы. Уфа : ГРИ Башкортостан, 2008. 112 с.
2. Мажитов Н.А. Средневековый Башкортостан – страна городов // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1 (1). С. 764–769.
3. Иванов В.А. Средневековые поселения Уфимского полуострова // От древности к Новому времени (проблемы истории и археологии) : сб. науч. ст. Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. Вып. X. С. 93–102.
4. Иванов В.А., Антонов И.В. «Город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южному Урале и сопредельных территориях / отв. ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа : Изд-во БГПУ, 2013. С. 64–79.
5. Иванов В.А. Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация : сб. ст. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2012. № 5. С. 404–414.
6. Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II : материалы раскопок 2015 г. / отв. ред. И.О. Гавритухин. Уфа : Древняя Уфа, 2016. 266 с.
7. Гарустович Г.Н., Овсянников В.В., Русланов Е.В. Городище Уфа-II в золотоордынский период // Oriental Studies. 2018. Vol. 38, is. 4. С. 32–42.
8. Белявская О.С., Проценко А.С. Керамический комплекс городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху средневековья // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур / отв. ред. А.И. Уразова. Уфа : Мир печати, 2018. С. 204–224.
9. Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В., Гимранов Д.О., Султанов Р.Р. Особенности природопользования средневекового населения Уфимского полуострова // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 5 (3). С. 101–105.
10. Романов А.А. Результаты изучения остатков животных из культурного слоя городища Уфа-II по материалам раскопок 2011–2012 гг. // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия : науч. публ., посвящ. 80-летнему юбилею Н.А. Мажитова / отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа : РИУ БашГУ, 2013. С. 55–61.
11. Шамсутдинов М.Р., Русланов Е.В., Романов А.А., Тагирова Р.Ш. Городище Уфа II. Материалы раскопок 2014 года. Уфа : ДизайнПресс, 2015. 320 с.
12. Гасилин В.В., Косинцев П.А. Вековая динамика фауны крупных млекопитающих Южного Урала // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 12. С. 90–94.
13. Дюрст У. Основы разведения крупного рогатого скота / под ред. С.Я. Калмансона. М. : Сельхозгиз, 1936. 445 с.
14. Silver I.A. The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology: a Survey of Progress and Research. New-York : Praeger, 1970. P. 283–302.
15. Антипина Е.Е. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS : междисциплинарные исследования в археологии : сб. ст. Москва : Параллель, 2008. Т. 6. С. 67–85.

References

1. Mazhitov, N.A., Sungatov, F.A. & Sultanova, A.N. (2008) *Sokrovishcha drevney Ufy* [Treasures of ancient Ufa]. Ufa: GRI Bashkortostan.
2. Mazhitov, N.A. (2012) Srednevekovyy Bashkortostan – strana gorodov [Medieval Bashkortostan – a country of cities]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 17(1). pp. 764–769.
3. Ivanov, V.A. (2007) Srednevekovye poseleniya Ufimskogo poluostrova [Medieval settlements of the Ufa Peninsula]. In: *Ot drevnosti k Novomu vremeni (problemy istorii i arkheologii)* [From antiquity to modern times (problems of history and archeology)]. Vol. 10. Ufa: BashSU. pp. 93–102.
4. Ivanov, V.A. & Antonov, I.V. (2013) “Gorod Bashkort” i drugie “goroda bashkir” na srednevekovykh i arkheologicheskikh kartakh [“The city of Bashkort” and other “Bashkir cities” on medieval and archaeological maps]. In: Obydennov, G.T. (ed.) *Problemy poiska i izucheniya drevnikh i srednevekovykh gorodov na Yuzhnomu Urale i sopredel'nykh territoriyakh* [The problems of search and study of ancient and medieval cities in the Southern Urals and adjacent territories]. Ufa: BSPU. pp. 64–79.
5. Ivanov, V.A. (2012) Chetyre monety kak ekvivalent nalichiya gorodov v Bashkirii v epokhu Zolotoy Ordy [Four coins as the equivalent of the presence of cities in Bashkiria during the era of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. 5. pp. 404–414.
6. Ruslanov, E.V., Shamsutdinov, M.R. & Romanov, A.A. (2016) *Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluostrova. Gorodishche Ufa-II: materialy raskopok 2015 g.* [Early medieval antiquities of the Ufa Peninsula. Settlement Ufa-II: materials of excavations 2015]. Ufa: Drevnyaya Ufa.
7. Garustovich, G.N., Ovsyannikov, V.V. & Ruslanov, E.V. (2018) Gorodishche Ufa-II v zolotoordynskiy period [The ancient settlement of Ufa-II during the Golden Horde period]. *Oriental Studies*. 38(4). pp. 32–42.
8. Belyavskaya, O.S. & Protsenko, A.S. (2018) Keramicheskiy kompleks gorodishcha Ufa-II kak otrazhenie etnokul'turnykh protsessov v epokhu srednevekov'ya [Ceramic complex of the Ufa-II settlement as a reflection of ethnocultural processes in the Middle Ages]. In: Urazova, A.I. (ed.) *Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur* [Ancient and medieval societies of Eurasia: A crossroads of cultures]. Ufa: Mir pechati. pp. 204–224.
9. Sataev, R.M., Sataeva, L.V., Kufterin, V.V., Gimranov, D.O. & Sultanov, R.R. (2011) Osobennosti prirodopol'zovaniya srednevekovogo naseleniya Ufimskogo poluostrova [Peculiarities of environmental management of the medieval population of the Ufa Peninsula]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 5(3). pp. 101–105.
10. Romanov, A.A. (2013) Rezul'taty izucheniya ostatkov zhivotnykh iz kul'turnogo sloya gorodishcha Ufa-II po materialam raskopok 2011–2012 gg. [Results of the study of animal remains from the cultural layer of the Ufa-II settlement based on materials from excavations in 2011–2012]. In: Sultanova, A.N. (ed.) *Ural i prostory Evrazii skvoz' veka i tysyacheletiya* [The Urals and the Expanses of Eurasia Through Centuries and Millennia]. Ufa: RIU BashSU. pp. 55–61.
11. Shamsutdinov, M.R., Ruslanov, E.V., Romanov, A.A. & Tagirova, R.Sh. (2015) *Gorodishche Ufa II. Materialy raskopok 2014 goda* [Settlement Ufa II. Materials from the 2014 excavations]. Ufa: DizaynPress.
12. Gasilin, V.V. & Kosintsev, P.A. (2008) Vekovaya dinamika fauny krupnykh mlekopitayushchikh Yuzhnogo Urala [Secular dynamics of the fauna of large mammals of the Southern Urals]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12. pp. 90–94.
13. Durst, U. (1936) *Osnovy razvedeniya krupnogo rogatogo skota* [Fundamentals of Cattle Breeding]. Translated from German. Moscow: Sel'khozgiz.
14. Silver, I.A. (1970) The Ageing of Domestic Animals. In: *Science in Archaeology: a Survey of Progress and Research*. New-York: Praeger. pp. 283–302.
15. Antipina, E.E. (20008) Sostav drevnego stada domashnikh zhivotnykh: logicheskie approksimatsii [Composition of an ancient herd of domestic animals: Logical approximations]. In: *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archeology]. Vol. 6. Moscow: Parallel'. pp. 67–85.

***Сведения об авторах*:**
Девяшин Михаил Михайлович – научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: devjashinm@yandex.ru
Пластеева Наталья Алексеевна – научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: natalya-plasteeva@yandex.ru
Белявская Ольга Сергеевна – младший научный сотрудник Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа»; аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: krapacheva.olya@mail.ru
Романов Алексей Александрович – аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация). E-mail: romanov-aleksey-88@ya.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Devyashin Mikhail M. – Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: devjashinm@yandex.ru
Plasteeva Natalya A. – Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: natalya-plasteeva@yandex.ru
Belyaevskaya Olga S. – Researcher, Republic Historical and Cultural Preserve Museum «Ancient Ufa» (Ufa, Russian Federation); Postgraduate, The Institution of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Science (Ufa, Russian Federation). E-mail: krapacheva.olya@mail.ru
Romanov Aleksey A. – Postgraduate, The Institution of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Science (Ufa, Russian Federation). E-mail: romanov-aleksey-88@ya.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2020; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 12.02.2020; accepted for publication 15.11.2023

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия
УДК 94(47)07.“18”
doi: 10.17223/19988613/86/25

Армия и военные в судьбах русской революции. Рец. на кн.: Гребенкин И.Н., Романика А.С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М.: АИРО–XXI, 2021. 288 с.

Олег Анатольевич Милевский

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия, olegmilevsky@mail.ru

Аннотация. Рецензируется научная монография рязанских историков И.Н. Гребенкина и А. С. Романики, рассматривающая значение военного вопроса в идеологии и революционной практике российского революционного движения второй половины XIX – начала XX в. Отмечается, что в монографии вполне научно и при соблюдении принципов историзма исследуются теоретические взгляды и политические практики представителей различных ветвей российского леворадикального движения – от А.И. Герцена и Н.П. Огарева до эсеров и социал-демократов – по военному вопросу.
Ключевые слова: революционное движение, военный вопрос, армия, политические партии, самодержавие

Для цитирования: Милевский О.А. Армия и военные в судьбах русской революции. Рец. на кн.: Гребенкин И.Н., Романика А.С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М.: АИРО–XXI, 2021. 288 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 205–208. doi: 10.17223/19988613/86/25

Review

The Army and militaries in fate of Russian revolution. Review on the book: Grebenkin I.N., Romanika A.S. Revolutionary Russia and the military question: from Sevastopol to Tsushima. M.: AIRO–XXI, 2021. 288 p.

Oleg A. Milevskiy

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, olegmilevsky@mail.ru

Abstract. The monograph of Ryazan historians I.N. Grebenkin and A. S. Romanika presents the results of a study of the military issue in the ideology and political practice of the revolutionary movement of the second half of the 19th – early 20th centuries. The purpose of this review is to evaluate the scientific research presented by I.N. Grebenkin and A.S. Romanika on the basis of an objective scientific analysis.

The reviewer notes that in Russian socio-political thought, from the time of the Decembrist revolt to the beginning of the 20th century, the problems of the place and role of the army in the life of the state and society attracted the attention of many scholars of various political trends and views. That is why the authors of the monograph turned to the study of the theoretical views and political practice of representatives of various branches of the liberation movement from A.I. Herzen and N.P. Ogarev to the "Social Revolutionaries" and "Social Democrats". The study of these views and political practices on the military issue is extremely important for a more complete and in-depth understanding of the entire logic of the revolutionary movement and the most important trends in the socio-political life of Russia at the turn of the 19th–20th centuries.

The work was conducted with the help of a wide range of literature and sources, as evidenced by a well-executed historical review of the topic. It is necessary to pay tribute to the authors. Considering and analyzing the concepts of working with the Russian army proposed by the revolutionaries of the 1850s - 1900s, in order to draw it into the revolution, the authors were able to avoid the excesses frequently occurring in modern studies concerning various problems of the Russian revolutionary process. Such excesses constitute disregard for the principles of historism for the sake of prevailing political expediency.

In conclusion, I would like to note that our historical community and all readers, interested in the history of Russia of the 19th – early 20th centuries, received a very interesting, informative, and most importantly, necessary book, which allows

© О.А. Милевский, 2023

us to understand many intricacies in the historical destiny of Russian statehood, especially during the years of revolutionary upheavals of 1904–1905, which became the prologue to the "Great Russian Revolution" of 1917–1922.
Keywords: revolutionary movement, military issue, army, political parties, autocracy

For citation: Milevskiy, O.A. (2023) The Army and militaries in fate of Russian revolution. Review on the book: Grebenkin I.N., Romanika A.S. Revolutionary Russia and the military question: from Sevastopol to Tsushima. M.: AIRO–XXI, 2021. 288 p.. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 205–208. doi: 10.17223/19988613/86/25

В российской общественно-политической мысли начиная со времени декабристов и до начала XX в. проблемы места и роли армии в жизни государства и общества привлекали внимание многих мыслителей различных политических направлений и взглядов. В свою очередь, с ростом трагического раскола между властью и оппозиционной частью общества у противников самодержавия появилась мысль использовать в своих интересах вооруженные силы Российской империи. Силы социального протеста в стране по мере роста постепенно втягивали в свою орбиту армию, которая со временем стала важным актором политического процесса.

Поэтому-то изучение теоретических взглядов и политической практики представителей различных ветвей освободительного движения – от А.И. Герцена и Н.П. Огарева до эсеров и социал-демократов – по военному вопросу необходимо для более цельного и глубокого понимания логики революционного движения и важнейших тенденций социально-политической жизни России на рубеже XIX–XX вв.

Этой проблематике и посвящена книга рязанских историков Игоря Гребенкина и Александра Романики [1]. Нельзя сказать, чтобы эта тема раньше не звучала в отечественных исторических исследованиях, и авторы дают нам исчерпывающую информацию об этом в весьма объемном и детализированном историографическом обзоре.

Они справедливо отмечают, что «в истории российской государственности военный фактор занимает ведущее место» (с. 7), ведь «вооруженные силы в России всегда оставались одним из наиболее важных государственных институтов, что было обусловлено не только задачами обороны страны, но и той ролью, которую армия и профессиональные военные играли в событиях внутренней политики». Отсюда и столь пристальное внимание к российской военной машине во все времена ее существования не только правящих сфер, но и разного рода оппозиционеров.

Гвардейские полки начиная с первой четверти XVIII в. фактически исполняли в Российской империи роль преторианской гвардии, напрямую вмешиваясь «в разборки» различных дворцовых группировок в борьбе за власть в империи. А через век – в первой четверти XIX в. – прогрессивно настроенные офицеры, позже названные декабристами, уже попытались использовать армию в целях изменения существующего политического строя. Именно события на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., а также выступления на Украине Черниговского полка в начале 1826 г. и стали точкой отсчета для идеи использования «мужиков, одетых в шинели», в качестве реальной силы, способной изменить существующие политические порядки в государстве российском.

И вот эту-то 50-летнюю историю, от Крымской (Восточной) войны до Цусимы, попыток превращения российской армии из оплота трона в сокрушительную революционную силу, и исследовали авторы. Сама по себе серьезность задумки, помноженная на удачные и не очень труды предшественников, продиктовала им и структуру монографии в виде очерков-глав, построенных в проблемно-хронологическом порядке. При этом каждая глава логически перетекает в следующую, что делает книгу, несмотря на охваченный в ней большой временной период, весьма компактной, понятной и удобной для восприятия.

Начинается все с очерка, посвященного рассмотрению взглядов «разбуженных» декабристами теоретиков «общинного социализма» А.И. Герцена и Н.П. Огарева на роль армии в будущей крестьянской революции. Затем все плавно перетекает к анализу военной проблематики в общественно-политическом наследии Н.Г. Чернышевского, далее приходит черед революционных народников и их идейных наследников эсеров. Наконец, следует анализ взглядов на военный вопрос и роль армии в будущей революции социал-демократов – от меньшевиков до большевиков. Венчает же работу весьма яркий и фактурный анализ роли армии и флота в пространстве социального протеста начала XX в.

В последней главе очень интересно и ярко описан фактор Русско-японской войны, ставший своеобразным триггером, ускорившим революционный взрыв. На основе приведенных данных вполне логичным видится вывод авторов о том, что одним из итогов этой военной кампании, завершившейся на фоне революционных событий в России, следует признать раскол армии, часть которой примкнула к массовым народным протестам, а часть, сохранившая подчинение властям, выступила на их подавление. Таким образом, в новых исторических условиях армия становилась ареной борьбы противоборствующих политических сил и тенденций, более того, сама выступала источником антиправительственного сопротивления.

Следует отдать должное авторам: они при рассмотрении и анализе предлагаемых революционерами 1850–1900-х гг. концепций работы с российской армией с целью втягивания ее в революцию смогли избежать часто встречающейся сегодня крайности в исследованиях, затрагивающих различные проблемы российского освободительного движения, – пренебрежения принципами историзма в угоду сложившейся политической конъюнктуре.

В ситуации, когда наша страна находится в жестком ценностном противостояния с коллективным Запа-

дом и интегрированной с ним российской несистемной оппозицией, российская политическая элита справедливо поднимает вопрос о необходимости защиты нашей государственности. И, конечно, этот тренд тут же взялись обслуживать некоторые недобросовестные историки и публицисты. В их работах, далеких от следования принципам историзма, революционеры, боровшиеся с царизмом более 100 лет назад, от декабристов до большевиков, оказались объектом идеологической проработки как носители только антигосударственных, деструктивных, разрушительных начал и сокрушители тысячелетней российской государственности. Здесь уместно привести точку зрения В.А. Твардовской, справедливо отмечавшей, что «оценивать идеи и действия революционеров вековой давности, исходя из нынешнего миропонимания, значит нарушать принцип историзма» [2. С. 9].

Отрадно, что в рассматриваемой работе авторы очень бережно подходят к интерпретации фактов и их анализу. В результате взгляды идеологов революционного процесса на армию подаются в монографии взвешенно и непредвзято. Они вполне вписаны в тот исторический контекст, в котором жили и действовали «пророки русской революции». Несомненно, большим плюсом исследования является то, что взгляды российских леворадикальных мыслителей на роль армии и военный вопрос в России даются авторами на фоне бурных международных событий, которые предоставляли отечественным «левым» мыслителям дополнительный материал для анализа – это и европейские революции 1848–1849 гг., и движение гарибальдийцев, и «польский вопрос», и гражданская война в США, и последствия франко-прусской войны и т.д. Нет сомнений, что все бурные революционные пертурбации «железного XIX в.», в которых были задействованы вооруженные силы, в той или иной форме нашли отражение в теоретических построениях российских революционных умов.

При этом к чести исследователей нужно отметить, что они на основе анализа взглядов, например, революционных демократов 1850–1860-х гг. смогли от локальной проблематики их теоретической деятельности – роли армии в будущей революции – перейти к более широким обобщениям, дающим читателям возможность судить о героях книги как о действительно крупных социальных мыслителях и политических деятелях.

Для аргументации этого тезиса приведу авторскую оценку взглядов Н.Г. Чернышевского на военный вопрос: «В его работах о современных войнах в Европе и Америке читатели видели повод для размышлений о состоянии отечественной обороны. Н.Г. Чернышевскому удалось связать военную проблематику с наиболее актуальными вопросами политического и социально-экономического развития. Рассуждая о преобразованиях в оборонной сфере, он предвосхитил многие направления и принципы военной реформы, которая в России начала 1860-х гг. только планировалась» (с. 87).

Следует также отметить, что, несмотря на всю кажущуюся удаленность книги от современности, она в некоторых моментах звучит на удивление актуально. Так, особого внимания заслуживают идеи ряда представителей народнического социализма – П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.Н. Ткачева – о том, что «важным шагом к достижению всеобщего мира» станет «искоренение в обществе националистических устремлений» (с. 129). А уж как точно подметил националистическую компоненту, уже тогда пробивавшуюся в действиях украинских революционеров, П.Н. Ткачев, отмечавший: «Или социализм должен быть принесен в жертву национализма, или национализм в жертву социализма» (с. 130).

Так что, несомненно, книга получилась. Причем читатель найдет в ней не только оценку теоретической позиции демократических мыслителей на роль армии в революционном процессе и практических предложений по этому поводу, но и анализ их взглядов на природу войн, состояние отечественной обороны, а также роль и место армии в системе отношений власти и общества.

При этом хотелось бы по некоторым моментам подискутировать с авторами. Так, вызывает вопрос тезис, выдвинутый ими главе, посвященной Н.Г. Чернышевскому, о том, что из-за ограниченности политической программы Дж. Гарибальди и его критики по этому поводу Н.Г. Чернышевским «образ Гарибальди и его сподвижников к середине 1860-х гг. в российской революционно-демократической среде уже не вызывал такого энтузиазма, как ранее» (с. 79). А как же тогда быть с замечательным очерком о Гарибальди революционера и писателя С.М. Степняка-Кравчинского (1882) и увлечением подвигами Дж. Гарибальди и гарибальдийцев многих будущих революционеров-народников – (М. Фроленко, В. Костюрина, П. Поливанова, В. Фигнер и др.)?

Представляется, что на выработку системы взглядов «людей 1870-х гг.» жизнь и деятельность Гарибальди имели весьма сильное влияние. Оно выражалось в первую очередь в том, что заражало это поколение энтузиазмом, убеждением в том, что волевым порывом можно смести на благородном пути к свободе народа и его благоденствию все преграды. Верно это значение Гарибальди для них подметил все тот же С. Степняк-Кравчинский: «Энтузиазм, которым он был переполнен, поднимал его над будничною прозой, придавая его отношениям к окружающему более горячий, возвышенный тон» [3. С. 446]. Естественно, что «семидесятникам», очарованным «легендой Гарибальди», хотелось подражать ему во всем.

Не соглашусь и с утверждением о том, что «в 1877 г. И.М. Ковальский создал в Одессе тайный кружок с целью организации восстания» (с. 145). И.М. Ковальский действительно слыл страстным пропагандистом идеи вооруженного сопротивления при арестах и в конце концов доказал это на деле (30 января 1878 г.), но эта его идея, тогда разделяемая и рядом других революционеров-народников, была в первую очередь направлена на ограждение прав личности от произвола властей и с пропагандой идеи восстания имела мало общего. Сам И.М. Ковальский являл собой как раз яркий тип народника-пропагандиста, некогда он активно работал в среде штундистов. Собственно, и члены «кружка

Ковальского» также являлись в то время преимущественно сторонниками мирной пропаганды.

Но, как говорится, в спорах рождается истина, а в такой острой и дискуссионной теме наличие различных точек зрения вполне оправдано. В целом же хочется отметить, что наше историческое сообщество и все интересующиеся историей России XIX – начала XX в. читатели получили очень интересную, содержательную, а главное – нужную книгу, знакомство с которой позволяет понять многие хитросплетения в исторических судьбах российской государственности, особенно в годы революционных потрясений 1904–1905 гг., ставших прологом к «Великой русской революции» 1917–1922 гг.

Список источников

1. Гребенкин И.Н., Романика А.С. Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М. : АИРО–XXI, 2021. 288 с.
2. Освободительное движение в России: современный взгляд на вещи или приверженность традициям? : круглый стол // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
3. Степняк-Кравчинский С.М. Джузеппе Гарибальди // Степняк-Кравчинский С.М. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 405–446.

References

1. Grebenkin, I.N. & Romanika, A.S. (2021) *Revolyutsionnaya Rossiya i voennyy vopros: ot Sevastopolya do Tsusimy* [Revolutionary Russia and the military question: from Sevastopol to Tsushima]. Moscow: AIRO–XXI.
2. Anon. (1999) Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: sovremennyy vzglyad na veshchi ili priverzhennost' traditsiyam?: kruglyy stol [Liberation movement in Russia: A modern view of things or adherence to traditions? The round table]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 3–18.
3. Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. (1987) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit. pp. 405–446.

***Сведения об авторе*:**
Милевский Олег Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Milevsky Oleg A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Fedeeration). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 15.06.2023; accepted for publication 15.11.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ACADEMIC LIFE

Сообщение
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/86/26

Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов»

Егор Андреевич Федосов

Томский государственный университет, Томск, Россия, E.A.Fedosov@yandex.ru

Аннотация. Подводятся итоги проведения в Томском государственном университете ежегодной научной конференции «Славянский мир в условиях современных вызовов», состоявшейся в октябре 2023 г. Рассказывается об общих принципах ее проведения, составе участников, тематических направлениях докладов. Показано разнообразие предметных областей, источникового материала и исследовательских оптик, которые объединяются для совместного обсуждения под эгидой мероприятия.
Ключевые слова: конференция, гуманитарные науки, славянские исследования, международные отношения, Томский государственный университет

Для цитирования: Федосов Е.А. Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов» // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 209–211. doi: 10.17223/19988613/86/26

Information

Scientific conference “The Slavic World: Responding to New Challenges”

Egor A. Fedosov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, E.A.Fedosov@yandex.ru

Abstract. The paper informs about the 7th All-Russian scientific conference with international participation «The Slavic World: Responding to New Challenges», which took place in Tomsk State University during October 5-6, 2023. The event has a traditional disposition and is organized by Faculty of Historical and Political Studies joint with International Historical Journal «Rusin». The conference’s main aim is to serve as the panel for discussion about the past and the present of Slavic peoples, their statehood, culture, languages in the context of global processes. Also, its constant concepts are interdisciplinarity, broad thematic patterns and flexibility of format (face-to-face or online). This year the final program included 27 reports, and, totally, more than 40 participants joined the event as speakers, discussants and attendees. They were the representatives of 9 educational and scientific institutions of Tomsk, Novosibirsk, Sankt-Petersburg, Moscow and Taraclia (Moldova). The sessions lasted two days. The topics of speeches presented on the first day chronologically matched to the pre-Revolutionary period of Russian history. There were reports, devoted to interethnic relations in some regions of Russian Empire; chronicle and historiographical traditions of various Slavic peoples; book collections of particular religious groups or personal libraries; socio-political views of the late-Imperial intelligentsia and polemics in the periodicals. The second-day sessions chronologically covered the problematic of contemporary history till nowadays. Among the topics were the Russian Civil War, including the emphasis on individual biographies; the practice of visualizing national images in the Belarusian SSR or modern Poland; value and personal foundations of Slavic peoples against the background of modern global processes and conflicts. All the reports were featured by specificity, informativity, originality of source base or research optics. The participants noticed such advantages of the conference as high scientific quality of the researchers’ discussion; not too crowded, but representative group of speakers; successful organizational and technical support of the sessions. The results of the conference will be published as the series of articles in journals «Rusin» and «Tomsk State University Journal of History».
Keywords: conference, humanities, Slavic studies, interethnic relations, Tomsk State University

For citation: Fedosov, E.A. (2023) Scientific conference “The Slavic World: Responding to New Challenges”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 86. pp. 209–211. doi: 10.17223/19988613/86/26

© Е.А. Федосов, 2023

5–6 октября 2023 г. Томский государственный университет принимал VII Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов», организованную факультетом исторических и политических наук совместно с редакцией международного исторического журнала «Русин». Данное мероприятие уже успело обрести значение традиционной площадки, на которой представители различных городов, вузов и научных школ собираются для обсуждения прошлого и настоящего славянских народов, их государственности, культуры, языка в контексте глобальных процессов. Междисциплинарность и широкие тематические рамки ежегодно объединяют научные интересы историков, филологов, культурологов, философов, международников и др. А с недавнего времени гибкостью отличается и формат работы, предусматривающий как очное, так и дистанционное участие, что позволяет эффективно обеспечивать исследовательскую коммуникацию, несмотря на географические расстояния.

Оргкомитет конференции возглавили ее давние идейные вдохновители и постоянные организаторы профессор В.П. Зиновьев (Томск, Россия) и профессор С.Г. Суляк (Тараклия, Молдавия). В нынешнем году в итоговую программу вошло 27 докладов, а всего в качестве докладчиков, участников дискуссий и слушателей к мероприятию присоединились свыше 40 человек. Они представляли 9 учебных и научных учреждений – Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Институт истории СО РАН (Новосибирск), Государственную публичную научно-техническую библиотеку СО РАН (Новосибирск), Новосибирский государственный педагогический университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Всероссийскую академию внешней торговли (Москва), Тараклийский государственный университет (Молдавия). В составе участников конференции – 10 докторов, 20 кандидатов наук, научные сотрудники, преподаватели, аспиранты и магистрант.

В рамках открытия с приветственными словами к участникам обратились декан факультета исторических и политических наук ТГУ Ж.А. Рожнева и председатель оргкомитета В.П. Зиновьев. Они подчеркнули особую важность регулярного проведения конференции для научного сообщества Томского госуниверситета и отечественных гуманитариев в целом, ее бесспорную актуальность в контексте политических и социокультурных процессов, с которыми ныне сталкиваются славянские народы и государства. Все выступления докладчиков первого дня заседаний по хронологическому признаку можно условно отнести к дооктябрьскому периоду истории, при этом в сюжетном плане они распадаются на несколько тематических направлений. Пленарный доклад профессора М.В. Шиловского (Институт истории СО РАН) раскрывал роль Сибири как региона, в течение веков остававшегося местом формирования единства представителей разных славянских народов. Проблеме борьбы с эпидемиями в период Гражданской войны было посвящено выступление профессора В.П. Зиновьева.

Летописные и историографические традиции Польши и Руси оказались в центре докладов, представленных доцентом В.А. Спесивцевой (НГПУ) и аспирантом Ю.А. Чупрыной (СПбГУ). Результаты изучения рукописей сибирского старообрядчества были отражены в выступлениях сотрудников Научной библиотеки ТГУ Е.А. Юдиной, профессора В.А. Есиповой и Д.Ю. Балагановой. От имени исследовательской группы сотрудников ГПНТБ СО РАН И.А. Шилова представила доклад, посвященный изданиям синодальных типографий, которые сохранились в собрании сибирской епархии. Частью славянского наследия являются экспонаты из личной библиотеки дореволюционного филолога П.А. Кулаковского, о которых рассказала сотрудник НБ ТГУ Е.В. Ивановская.

Общественные дискуссии вокруг межнациональных отношений, развернувшиеся накануне Русской революции, отражены в докладах старшего преподавателя А.О. Степнова и профессора С.А. Некрылова (ТГУ) о настроениях сибирской позднеимперской профессуры, профессора С.Г. Суляка о русинской проблематике в работах А.Ф. Гильфердинга, доцента А.Л. Афанасьева (ТУСУР) о первом всероссийском съезде по борьбе с пьянством. Сразу несколько выступлений объединяла тема украинского вопроса: лаборант-исследователь Е.О. Ковалева (СПбГУ) отразила его с позиции волынского архимандрита Виталия (Максименко); доцент Д.И. Стогов (СПбГЭТУ «ЛЭТИ») – глазами русской правой периодической печати периода Первой мировой войны; доцент Н.И. Наумова (ТГУ) – сквозь призму политики антибольшевистских сил Юга России.

Тематикой Гражданской войны открывался второй день конференции, в ходе которого участники осветили сюжеты, хронологически относящиеся уже к истории новейшего периода, вплоть до современности. Сопредседателем заседания выступил заведующий кафедрой ФИПН ТГУ Д.Н. Шевелев. Отдельно в своем выступлении он осветил этнополитические взгляды карпато-русского деятеля А.В. Копыстянского. Старший преподаватель А.А. Чемакин (СПбГУ) представил биографию Ф.Т. Бредихина (Грозного), бывшего черносотенца, после революции ставшего украинским атаманом.

Далее конференция обратилась к информационно-пропагандистским практикам визуализации национальных образов. В докладе старшего научного сотрудника Е.А. Федосова (ТГУ) данная проблематика раскрывалась на основе изучения агитационных плакатов Советской Белоруссии 1950–1980-х гг., а в центре внимания магистранта М.К. Карпачева (ТГУ) оказалось изображение России в современном польском анимированном видеоролике.

Наконец, существенный пласт выступлений касался функционирования ценностных и идентичностных категорий на фоне глобальных процессов и конфликтов наших дней. Так, профессор Л.В. Дериглазова и доцент А.М. Погорельская (ТГУ) определяли место русского литературного канона в системе ценностей России и зарубежья. Само по себе понятие «ценности»

в трактовке постсоветской и западной историографии стало предметом доклада, представленного старшим преподавателем И.А. Дунбинским (ТГУ). Выступления профессора Н.В. Трубниковой (ТГУ) и старшего преподавателя И.Е. Рогаевой (ТГУ) объединяет изучение закономерностей хождения смысловых категорий «война» и «мир» в российском сегменте Интернета, а также отражения в нем памяти о военных конфликтах. Результаты социологического исследования типов этнической идентичности в многонациональной среде студентов ТУСУРа, проведенного исследовательской группой данного вуза, представила доцент В.И. Зиновьева (ТУСУР). Завершал заседание доклад профессора Е.В. Хахалкиной (ТГУ), посвященный положению украинских беженцев в Великобритании.

Прозвучавшие доклады отличались конкретикой, информативностью, оригинальностью источникового материала и исследовательских оптик. Они вызывали живой отклик у слушателей, и, отвечая на вопросы аудитории, выступающие получали возможность еще шире раскрыть тему и уточнить свое проблемное поле. Большинство выступлений сопровождалось мультимедийными презентациями. По завершении заседаний были подведены итоги, состоялся обмен мнениями. Участники отметили такие сильные стороны конференции, как достаточно высокое качество научной дискуссии, небольшой, но представительный состав участников, успешное организационное и техническое сопровождение работы. Присутствующие высказались за продолжение проведения мероприятия в будущем, расширение его проблематики и популяризацию среди молодых исследователей. Результаты прошедшей конференции будут представлены исследовательскому сообществу в виде серии публикаций в журналах «Русин» и «Вестник Томского государственного университета. История».

***Сведения об авторе*:**
Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: E.A.fedosov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fedosov Egor A. – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher of the Laboratory for Social and Anthropological Research of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: E.A.fedosov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 31.10.2023; accepted for publication 15.11.2023

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2023 № 86

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 29.12.2023 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 26,5. Усл. печ. л. 24,6. Тираж 50 экз. Заказ № 5731. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12.01.2024 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университтета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru